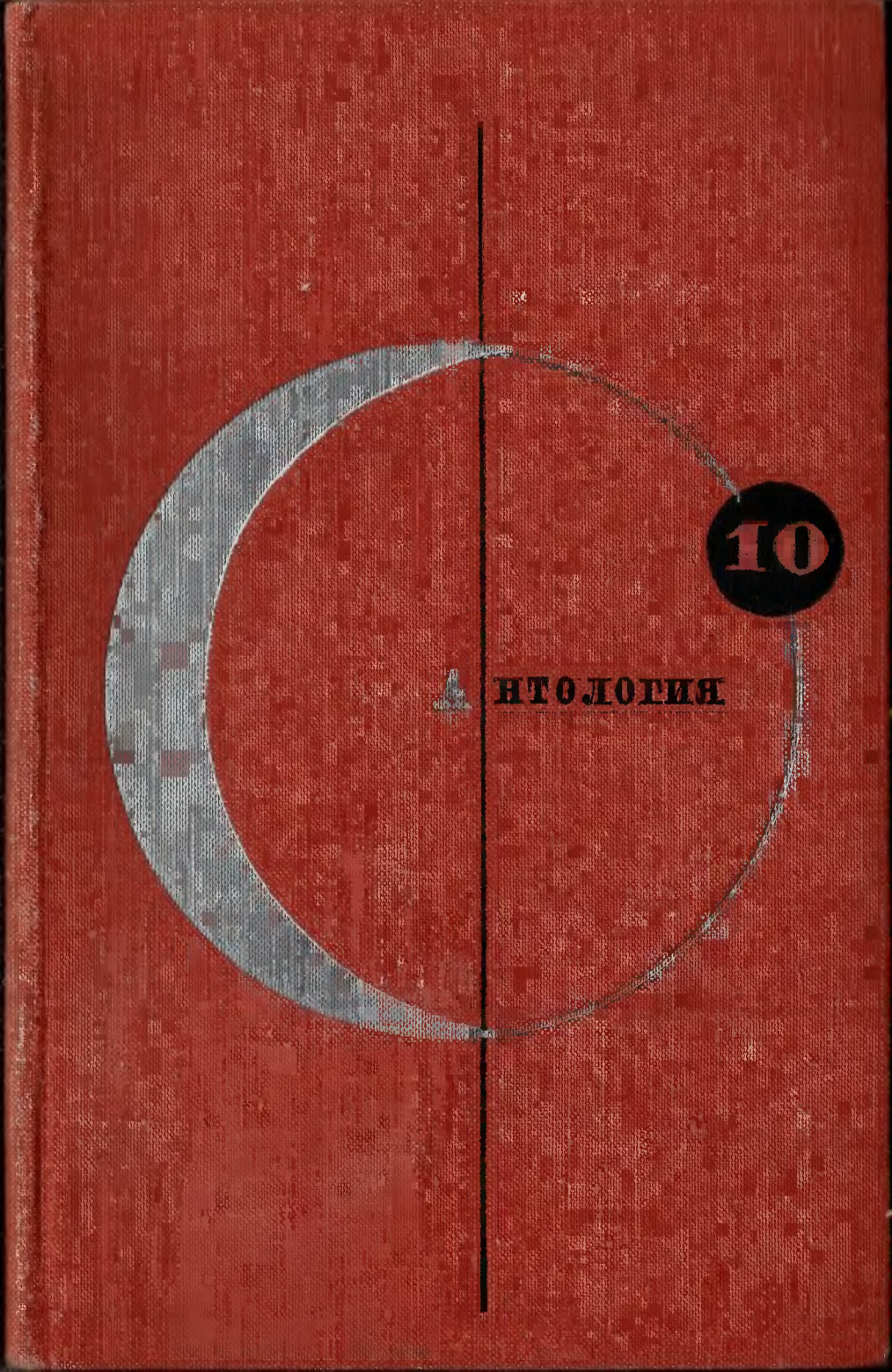

10
НТОЛОГИЯ

Библиотека современной фантастики в 15 томах

МОСКВА. 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

А. ЕРМОЛАЕВ

Антология фантастических рассказов

том 10

И
А 72

Фантастические рассказы писателей Англии и США

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

Составитель
Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Редколлегия
К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
Г. ГУСЕВ,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

Это не предсказания

Вместо предисловия

Человеку всегда хотелось заглянуть в будущее. Это, может быть, самая большая страсть человечества. Именитые лженауки — астрология и хиромантия — только отчаянные и безнадежные попытки удовлетворить эту страсть. Через тысячи лет дошли до нас из прошлого имена пророков и изречения оракулов. Мудрые древние греки твердо знали, кто именно свергнет Зевса с Олимпа. Воинственные норманнские скальды оставили детальное описание будущей гибели мира. И евангелие, священная книга христиан, сопровождается мрачными пророчествами апокалипсиса.

Сегодня в будущее заглядывают философы и социологи, инженеры и кибернетики, физики и астрономы. Марксизм, раскрыв законы истории, позволил предвидеть важнейшие черты будущего человечества. Социализм был предсказан за много лет до своего реального воплощения в нашей стране.

А кроме общих законов истории, людям и государствам нужно знать конкретный ход мировых событий, размах сдвигов в экономике, скачки в развитии отдельных стран, предвидеть политические решения...

Все это им помогает делать отнюдь не фантастика. Мы восхищаемся провидениями писателей. Но вперед ведь заглядывают не только они. Предсказания философов, политиков, ученых и техников на ближайшее будущее пока оказывались куда удачнее предсказаний фантастов. (Не надо к тому же забывать, что многие вещи о будущем фантасты сами говорят со слов инженеров и ученых.) Приход XX века Уэллс встретил книгой о его будущих достижениях. Книгой «Предвиде-

нья». «Предвиденья» куда точнее предсказывают ряд социальных и технических деталей будущего, чем любой из фантастических романов самого английского писателя.

В 1962 году в Англии вышла книга известного ученого С. Лилли под многообещающим заголовком: «Может ли предвидение стать наукой?» В частности, С. Лилли исследовал, насколько реальны оказались три прогноза научно-технических достижений XX века, сделанных один в 1906, другой в 1915, третий в 1920 году.

Примерно на 80 процентов оправдались или оправдываются эти предсказания, сделанные учеными.

У фантастов результаты в среднем много хуже. Но если это так, почему фантастические рассказы и романы того же Уэллса пользуются гораздо большим успехом, чем «Предвиденья»? Да потому, что никто (после того как детство окончено) в глубине души не ждет от фантастического произведения, в какой бы степени оно ни было научным, прямого предсказания грядущего. Угадывание отдельных технических деталей только подчеркивает часто, насколько не удается автору передать дух будущего. Блестящие романы Уэллса, где время действия близко к середине XX века, отнюдь не воспринимаются теперь как книги о нашем времени. «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого любимы по-прежнему, но кто теперь смотрит на них как на предвиденье? Кто увидит в них анализ будущего?

И когда писателя критикуют за то, что так, как у него, никогда не будет, эта критика не по адресу. Вспомните «Машину времени» Г. Дж. Уэллса, вспомните морлоков и элоев. Неужели даже сам автор хоть на секунду верил, что такое разделение человечества на два вида действительно возможно? Конечно, нет! Он просто взял одну из тенденций своего времени — рост пропасти между эксплуататорами и трудящимися — и мысленно развил эту тенденцию до предела, углубил эту пропасть «до центра Земли»...

Если настоящее сравнивать со зданием, то фантаст в своем воображении обычно не перестраивает его

целиком, а до предела надстраивает лишь одну из его сторон. Возникает сооружение, которое легко поддается критике даже современников, не говоря уже о суде следующего поколения.

Советские писатели, исходя из нашей действительности, опираясь на законы, открытые Марксом и Лениным, сумели сделать интересные попытки смоделировать коммунистическое будущее — И. Ефремов в «Туманности Андромеды», А. и Б. Стругацкие в «Возвращении». Но и в этих великолепных произведениях сквозь прозрачные одежды будущего явственно просвечивает настоящее, точнее, лучшая часть того, что составляет настоящее.

Тем меньше шансов сбыться у «пророчеств» современных западных фантастов. И даже от лучших из собранных здесь рассказов не стоит ждать правдивых сообщений о будущем. Зато стоит — о настоящем.

Совсем странно советским людям, вооруженным знанием общих законов развития человечества, читать рассказы об акционерных компаниях по эксплуатации чужих звезд и даже галактик. Разве не ясно, что, когда дело дойдет до этого, слова «акционерная компания» уже придется искать в словарях устаревших терминов. Странно и порою смешно, когда черты сегодняшнего капитализма, притом черты, пожалуй, самые преходящие, самые злободневные, переносятся на сотни и тысячи лет вперед. И было бы еще смешнее, если бы целью автора не оказывалась, в частности, критика этих уродств. Одну из стен здания капитализма надстраивают, чтобы показать нелепость и хрупкость всего этого здания.

Естественно, авторы таких произведений далеко не обязательно убежденные враги капитализма. Талант человека оказывается часто сильнее его взглядов. Классический пример — Бальзак, убежденный монархист и сторонник власти аристократии, разоблачивший и монархию и аристократию. Среди сегодняшних западных фантастов, по-видимому, нет такой крупной фигуры (впрочем, судить об этом всерьез можно будет лишь через некоторое число лет), но законы искусства верны и по отношению к титанам и по отношению к пи-

сателям среднего роста (но не карликам). Сегодняшняя англо-американская фантастика — живое свидетельство этого.

Литература в конечном счете отражает жизнь, передает ее в обобщающей форме, лишенной второстепенных, мешающих восприятию деталей. Понятно, что литература нефантастическая есть отражение (иногда искаженное) настоящего. А можно ли сказать, что фантастические романы, рассказы, пьесы отражают будущее? Нет. В них повторяется в особой форме то же самое настоящее. Грядущее — призма, через которую писатель-фантаст рассматривает свое время. Точка зрения часто позволяет ему яснее видеть черты будущего в настоящем. Однако — в лучшем случае — только отдельные черты.

Но если обычно значение фантастики как «литературы предсказаний», мягко говоря, преувеличивается, то какие же задачи действительно лежат на ней, что оправдывает ее существование в мире? Зачем она нужна? Может быть, для того, чтобы в удобной и увлекательной форме преподнести читателю последние научные данные? Что же, у такой точки зрения довольно сильные позиции... среди критиков.

Посмотрим.

Молодой писатель, обычно пробавляющийся куплетами для водевилей, пришел к известному издателю и предложил ему научно-популярную книгу о воздухоплавании. «Сделайте мне из нее роман», — таков был ответ.

Вы можете не знать, что все это — эпизод из истории первого романа Жюля Верна «Пять недель на воздушном шаре». Все равно нетрудно догадаться, что дело происходило в середине XIX, а не в середине XX века. Повторись такая история в наши дни, издательство просто опубликовало бы популярную книгу. И все. К популяризации науки, не обремененной сюжетными линиями, художественными образами и лирическими пейзажами, перестали относиться с подозрением. Ее больше не считают скучной. Кривая роста изданий популярных книг рвется вверх еще сильнее, чем кривая изданий фантастики. А как только научно-по-

пулярная литература стала цениться сама по себе, научная фантастика потеряла ту свою функцию, которая когда-то была главной. Говоря точнее, эта функция не исчезла вовсе, но из главной и основной стала вспомогательной.

Необходимость передачи новой информации не может сейчас претендовать на звание главной движущей силы фантастики.

Но зачем же тогда фантастика?

Можно с полным основанием ответить, что она помогает человеку осваиваться в меняющемся с чудовищной скоростью мире. Именно потому, что в последнее столетие скорость перемен невероятно возросла, эта задача и вышла на первый план. Рассказывая о возможных изменениях, фантастика готовит человека к изменениям действительным, помогает ему приспосабливаться к ним. Мы живем в мире, предсказанном (хотя бы частично) десятки и сотни лет назад. Смотрим по телевизору, предсказанному Жюлем Верном, полет в космос, предсказанный им же (хотя на звезды летали еще герои классика начала нашей эры Лукиана, а наливное яблочко в русской народной сказке давным-давно катится по блюдечку, показывая своему хозяину весь мир). Однако это содействие обживанию человеком нового мира только попутная «выгода» от фантастики. Все дело в том, что сам вопрос, на который здесь делается попытка ответить, не совсем законен. Надо прежде всего выяснить, не зачем нужна фантастика, а почему она нужна. Ведь этот жанр появился не по чьей-то единоличной воле: он вызван к жизни объективными причинами. У общества возникла потребность в научной фантастике. Почему? И здесь ответ получить проще, хотя сам он в определенном смысле сложнее. Фантастика — часть литературы; предмет ее тот же, что и у всей литературы, — человек и общество. Но по самой своей сути она получает особенно широкие возможности для исследования психологии человека и поведения слоев общества в новых, необычных ситуациях.

Литература, как и наука, является средством познания действительности. Фантастика позволяет вести

анализ таких сторон действительности, которые труднее поддаются исследованию с помощью средств литературы нефантастической. Фантасты могут ставить человека в своих произведениях в маловероятные, своего рода лабораторные условия. Они подвергают своих героев экспериментам, невозможным в обычной жизни.

Это придает фантастике мощную критическую силу. Недаром к ней обращались в своих памфлетах самые убежденные реалисты. Общество, кое-как существующее сегодня, не может выдержать испытаний завтрашнего дня — вот основная мысль множества зарубежных научно-фантастических произведений. В нашем сборнике она ясно проводится в рассказах Маргарет Сент-Клэр «Потребители», Роберта Крэйна «Пурпурные Поля», Уильяма Тэнна «Нулевой потенциал»...

Впрочем, любое число примеров подскажет любителю фантастики его память.

Совсем недавно в предисловии пришлось бы для убедительности пересказать еще сюжеты десятка не вошедших в сборник английских и американских рассказов и романов. Сейчас, пожалуй, необходимость в этом уже отпала. Если не с фантастикой Англии и США во всем ее объеме, то по крайней мере с хорошо представляющими ее образцами читатель уже знаком. И делать предисловие своего рода «путеводителем по непереведенному» уже не требуется. (Кстати, у зарубежных писателей есть то любопытное преимущество перед отечественными, что, как правило, у нас в первую очередь издаются лучшие их книги, худшие же вообще не переводятся; а у своих соотечественников читатель знает не только творческие удачи, но и поражения; впрочем, слова «как правило» сами по себе подразумевают наличие исключений.)

Итак, обратимся к составу этого тома «Библиотеки современной фантастики». Здесь вы встретитесь с двадцатью шестью рассказами двадцати трех английских и американских писателей.

С учетом литературного качества мы руководствовались двумя основными задачами: дать читателю представление о главных направлениях англо-амери-

канской фантастики и познакомить его с максимальным числом еще не переводившихся на русский язык фантастов. Первая задача казалась нам важнее; именно поэтому один автор представлен здесь двумя своими произведениями разного плана, а другой — тремя.

Стремлением как можно шире охватить в одном томе столь значительную часть англо-американской фантастики объясняется то, что ряд рассказов публикуется с сокращениями.

Такие фантасты, как Дэниел Киз, Боб Куросака, Ллойд Биггл-младший и некоторые другие, впервые выступают перед советским читателем. С другой стороны, в томе не оказалось произведений таких известных на Западе и у нас авторов, как Артур Порджес, Мюррей Лейнстер, Джемс Блиш. Но ведь нельзя объять необъятное.

Легче оправдать отсутствие произведений Рэя Брэдбери, Роберта Шекли, Артура Кларка, Джона Уиндэма, Айзека Азимова — их творчество вошло или войдет в другие тома Библиотеки.

Этот том разбит на пять разделов. В основу такого деления не легла тематика рассказов, оно не связано со сходством сюжетов или общим характером научных идей. За основу взято то, что, говоря языком Станиславского, можно назвать «сверхзадачей» рассказов.

Есть ли выход для человечества из той пропасти, к которой подвели его капитализм и гонка вооружений? Есть ли спасение для человека, потерявшего смысл жизни? Всегда ли человечество в будущем сумеет найти выход из неожиданного и крайне тяжелого положения?

Речь идет не только о поисках выхода из социального тупика, каким является для многих фантастов капитализм. В ряде рассказов сильно ощущение ужаса, надвигающегося из неправильно понятого будущего. В этом будущем под угрозой стандартизации и оглупления находится все — от моральных ценностей до системы образования, от культуры до науки.

И писатели думают: можно ли их спасти, а если можно, то как.

Рассказы, в которых в конечном счете ставится проблема спасения человека и человечества, рассказы, где делаются попытки разрешить сложнейшие и важнейшие моральные проблемы, вошли в первые два раздела сборника.

Один из них составляют произведения, герои которых смогли найти какой-то выход (или им этот выход показали со стороны). Мрачнее второй раздел — здесь авторы в своих произведениях не захотели справиться с несчастьями, постигшими их персонажей, не нашли для них выхода.

Очень неровный — и в художественном и в идейном отношении — Пол Андерсон в рассказах «Поворотный пункт» и «Зовите меня Джо» предстает перед нами в лучшем из своих обликов. Тепло любви к человеку, носителю разума, согревает оба эти рассказа. Сила разума возвращает полноту жизни жалкому калеке («Зовите меня Джо»), сила разума позволяет людям уйти и от преступления и от поражения в минуту, когда они столкнулись с носителями еще более могучего разума («Поворотный пункт»).

Но когда спасение может прийти лишь откуда-то издали, у писателя не всегда хватает воли на то, чтобы найти его для своих героев. Оптимизм, опирающийся на помощь случая, — оптимизм непрочный. А общество, которое не может найти выхода, вызывает у писателя жгучее отрезвление. И Уильям Тэнн пишет «Пулевой потенциал». Рассказ начинается как будто медленно, эпически, затем ход событий убыстряется, действие выходит за пределы крохотного и скучного городка, где оно начинается, охватывает Соединенные Штаты, потом мир; сперва речь идет о годах, потом десятилетиях, наконец, сотнях тысяч лет. И все больнее становятся удары, наносимые писателем американскому обществу, где и сейчас есть культ посредственности, где каждый хочет прежде всего иметь право зваться Простым Американским Парнем, где быть интеллигентом считается чем-то неприличным. Этому культу ложной простоты соответствует одновременное наступление искренней посредственности в культуре, искусстве, политике, науке. И по всему этому больнее и больнее

с каждой страницей бьет Уильям Тэнн. Под конец же показывает нам собачью (буквально) цивилизацию, в которой человек занимает место домашнего животного, потому что лучшего к тому времени он и не заслуживает.

Традиции Свифта просвечивают в этих страницах, полных неприкрытой ненависти к существующему строю. Любопытно, что в комментариях к одному из сборников фантастики на русском языке этот коротенький рассказ был назван романом. Ошибка, пожалуй, простительная. Потому что писателя обычно делает знаменитым большое произведение — роман, пьеса, повесть, на худой конец. А Уильяму Тэнну принес всемирную известность рассказ размерами чуть больше половины печатного листа.

Каждый из рассказов второго раздела надстраивает свою стену здания действительности, доводит до крайности, до абсурда одну из тенденций современного буржуазного общества. Все мы не раз читали в газетах, как трудно на Западе найти работу человеку старше пятидесяти, сорока пяти, сорока лет. Роберт Крэйн живет в США, он знает, как это выглядит в действительности, и в его «Пурпурных Полях» в старики записывают людей старше тридцати с небольшим лет, относятся к ним как к никому не нужному хламу. Этот рассказ о «будущем» очень больно бьет по самому что ни есть настоящему Запада.

А Маргарет Сент-Клэр говорит о том, как из людей делают потребителей — и только; как их заставляют любить только новое, чтобы они покупали, покупали и покупали. И она вопреки нашему названию второго раздела, все-таки видит где-то вдали некий выход. Общество людей без индивидуальности, без творчества обречено. Оно не может не развалиться. В глубине души на это надеются даже самые верные его граждане. Но что вместо такого общества? У писательницы нет ответа.

Не видит его и Альфред Бестер — во всяком случае, в рассказе «Феномен исчезновения» такого ответа не найдешь. Бестер возмущен тем, что военизация общества изгоняет из него культуру. Его персонажи «бо-

рются за поэзию» так «успешно», что в США не остается ни одного поэта.

Рассказы второго раздела — рассказы сражающиеся. В них сочетаются черты «старой доброй» научной фантастики и неистового памфлета. В них объявляется война буржуазному обществу — война до полного уничтожения, к которому это общество в некоторых рассказах и приходит.

Позвольте снова повторить: нам вовсе не хочется утверждать, что авторы этих рассказов — коммунисты. Вряд ли они даже глубоко знакомы с марксизмом. Но в них живет дух гуманизма. А в наше время быть подлинным гуманистом и считать мир наживы приемлемым для жизни нельзя.

В рассказах третьего раздела четко выражены принципы направления, известного под коротким названием «If». В дословном переводе — «если», в более точном — «если бы», в совсем точном — «Что было бы, если бы...».

Конечно, к этому же направлению можно отнести и ряд рассказов из первых разделов.

Но в раздел под названием «Может быть» вошли произведения, не ставящие «мировых проблем», рассказы, показывающие детали возможных вариантов будущего. Вы, конечно, заметите, что хотя речь-то идет о вариантах будущего, но рассказы часто откровенно трактуют насущнейшие проблемы современности Англии и США: расизм, засилье политиканов, ответственность человека перед обществом.

Несколько особняком стоят здесь рассказы Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» и Роберта Силверберга «Тихий вкрадчивый голос».

Первый из них, пожалуй, не столько мрачен, сколько грустен. Очень грустен. Его герой, умственно отсталый тридцатисемилетний мужчина, проходит на наших глазах путь к гениальности и затем возвращается к прежнему состоянию. Но его человеческая сущность, то, что мы обычно зовем душой, остается неизменной.

Спокойный, трудолюбивый, доброжелательный человек, которого нельзя не любить. И самый горький урок,

извлеченный им за краткое время его гениальности, то, что его жалели. И жалеют. А настоящий человек не хочет жалости.

А Роберт Силверберг показывает фатализм, веру в судьбу, с давних времен присущую буржуа. Только «помощь свыше» и «рука божия», о которых в XVI веке говорил Кальвин, приобретают в современном фантастическом рассказе более «научный» вид. Однако недолго звучит в ушах биржевика «тихий вкрадчивый голос», нелепо, чтобы предвидение будущего использовалось только для успешных сделок. Реальность вступает в свои права.

Гораздо больше внимания придется уделить в предисловии произведениям, собранным в четвертом разделе книги, названном «Нигде и никогда».

Три из них — типичные представители так называемых «фэнтэзи», а один — стоит на некоей переходной грани между научной фантастикой и «фэнтэзи». Под этим последним термином на Западе понимают фантастические рассказы, в которых совершенно невероятные события происходят просто так, без всяких попыток научного их объяснения.

Наша критика пока больше внимания уделяла порицанию рассказов этого типа, чем серьезному их разбору. В сборники фантастики, вышедшие на русском языке, до сих пор попали лишь один-два таких рассказа. И острую критику и пренебрежение можно объяснить без труда. Подавляющая часть «фэнтэзи» насыщена мистикой. Однако любопытная вещь: в антологии американских новелл на русском языке в отличие от сборников фантастики «фэнтэзи» попадают обязательно. Эдгар По, родоначальник детектива и один из претендентов на звание родоначальника научной фантастики, написал такие «фэнтэзи», как «Черный кот» и «Конец дома Эшер». «Человек, который мог творить чудеса» Уэллса тоже «фэнтэзи». Впрочем, за примерами незачем обращаться к англо-американской литературе. «Портрет» и «Нос» Николая Васильевича Гоголя по современной классификации следовало бы отнести именно к «фэнтэзи». Значит, необоснованная чудесность происходящего может быть порой полно-

правным приемом, позволяющим писателю полнее и ярче раскрыть идею произведения.

Двое из четырех авторов представленных здесь «фэнтэзи» знамениты прежде всего как мастера научной фантастики. Имена Джеймса Ганна и Генри Каттнера много говорят любителю научной фантастики, особенно если он следит за посвященными ей статьями.

Собственно, «Где бы ты ни был» Джеймса Ганна не совсем «фэнтэзи». Чудесам, совершаемым его героиней, автор находит вполне научные объяснения: сами эти чудеса ненамного перекрывают достижения героя рассказа Ф. Пола: «Я — это другое дело», который явно относится к научной фантастике. И все-таки... Ф. Пола интересует совсем не то, что его герой открыл секрет именно сказочного телекинеза — передвижения предметов «силой мысли». А Джеймс Ганн так радуется всему, что он выдумал, так подчеркивает неиссякаемые возможности «современной колдуньи», что научные объяснения кажутся скорее комичными и теряют свой смысл. В «Сплошных неприятностях» (автор Г. Каттнер) тоже есть научные объяснения. Его герои — существа типа леших и водяных оказываются мутантами, появившимися тысячи лет назад в результате преждевременного открытия атомной энергии. Они были знакомы в XIII веке с очень сочувствовавшим им великим ученым Роджером Бэконом, сегодня они умеют объяснять свои чудеса вполне «на уровне» современной науки. И все это подается на фоне американской тюремной жизни, американского продажного суда, на фоне склоки политиканов-взяточников. И снова автор в восторге от своих выдумок! По в конечном счете и эти выдумки бьют по порокам капиталистического строя.

Даже в самых грустных рассказах первых четырех разделов вам почти обязательно встретятся шутки и парадоксы. А пятый раздел отдан им целиком. Он потому и называется «Над собой и другими», что здесь фантасты смеются.

Смеются над теми, кто не любит фантастики, и над теми, кто любит ее чересчур. Над трафаретными литературными приемами и над обыденным отсутствием

воображения. И над тем, что зовется «американским образом жизни», — тоже. На страницах этих коротких рассказов разыгрывается настоящая война против пошлости.

Что же, говорят, расставаться надо, улыбаясь. И вы не раз улыбнетесь над последними рассказами этого тома.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

А. ЕРМОЛАЕВ

В поисках выхода

ПОЛ АНДЕРСОН

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ

— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего дроматерия?

Не совсем те слова, которые ожидаешь услышать в момент, когда история меняет свой курс и вселенная никогда уже не будет такой, как прежде.

Жребий брошен... Сим победиши... А все-таки она вертится... Дайте мне точку опоры — и я переверну Землю...

Когда человек, наделенный воображением, вспоминает подобные исторические фразы, у него мурашки бегут по коже. Но слова, с которыми впервые обратилась к нам маленькая Миерна на одиноком острове, в тысяче световых лет от дома...

* * *

По всем статьям планета казалась подходящей. И все-таки с самого начала были симптомы, внушавшие опасения. Даже принимая во внимание, что голосовой аппарат туземцев очень близок к человеческому, мы никак не ожидали, что они заговорят на безукоризненном английском языке уже через пару недель. Причем абсолютно все. По-видимому, они могли бы научиться еще быстрее, учи мы их по продуманной системе. Следуя обычной практике, мы окрестили планету «Джорил», от местного слова «земля», но потом оказалось, что это значит не просто «земля», а «Земля» с большой буквы, а ее население разработало блестящую гелиоцентрическую астрономию. Хотя они были слишком вежливы, чтобы докучать нам, туземцы не восприни-

мали нас как что-то непостижимое. Они буквально сгорали от любопытства и пользовались малейшим случаем, чтобы засыпать нас самыми что ни на есть сложными вопросами.

После того как горячка первых дней устройства на новом месте прошла и у нас появилось время подумать, стало ясно, что мы натолкнулись на что-то заслуживающее самого пристального изучения. Прежде всего мы решили проверить некоторые другие районы, чтобы убедиться, что местная Данникарская культура не просто игра природы. Ведь в конце концов и на Земле еще в неолите народ майя имел отличных астрономов, а в аграрной Греции раннего железного века была разработана первоклассная, утонченная философия. Просмотрев карты, составленные при облете планеты, капитан Бэрлоу выбрал одинокий остров в 700 километрах к востоку. Был оснащен гравитолет и назначен экипаж из пяти человек.

Пилот — Жак Лежен. Инженер — я. Военный эксперт — капитан космического флота Солнечной Системы Эрнест Балдингер. Представитель Федеральной администрации — Уолтер Воэн. Торговый агент — Дон Хараши. Последние два считались главными, но и все остальные представляли собой высококвалифицированных специалистов в целом ряде областей планетологии. Не захочешь, да станешь, если приходится постоянно работать в чужих мирах.

Лежен выбрал лесную поляну милях в двух от деревни, протянувшейся по берегу просторного залива, и лихо посадил корабль. Отчаянный пилот этот Лежен!

— Ну вот и приехали.

Хараши встал во весь свой двухметровый рост и потянулся, так что суставы хрустнули. Это был человек мощного сложения, и лицо его с крючковатым носом носило на себе следы давних боев. Большинство служащих Торговой миссии — жесткий народ с практическим складом ума, точно так же, как работа в Федеральной администрации требует психологической тонкости, большего внимания к внутренним импульсам человека. Иногда это порождает конфликты.

— Пошли прогуляемся.

— Не так быстро, — сказал Воэн, худощавый молодой человек с пронзительным взглядом. — Это племя и понятия о нас не имеет. Если они видели, как садился наш гравитолет, там сейчас может быть паника.

— Вот мы и рассеем их страхи, — пожал плечами Хараши.

— Так уж и все сразу? Вы это серьезно? — спросил капитан Балдингер.

Он немного помедлил.

— Да. Вижу, вы не шутите. Так вот — здесь я за все отвечаю. Лежен и Кэткарт, вы остаетесь. Остальные пойдут в деревню.

— Просто вот так возьмем и пойдем? — возмутился Воэн.

— Вы что, можете предложить что-нибудь получше? — ехидно отозвался Хараши.

— Строго говоря... — начал было Воэн, но его никто не слушал.

Федеральные чиновники привыкли следовать раз навсегда установленным инструкциям. К тому же Воэн был еще новичком в дозорной службе и не успел убедиться, как часто инструкциям приходится потесниться перед лицом действительности. Всем не терпелось выйти из корабля, и я жалел, что меня не берут с собой. Конечно, кому-то надо было остаться, чтобы в случае чего прийти на помощь товарищам.

Мы спустились по трапу и окунулись в заросли высоких трав, покачивавшихся от легкого ветерка и наполнявших воздух пряным ароматом корицы. Над головой шумели деревья; их пышные кроны четко вырисовывались на темно-синем фоне неба. Розоватый свет разливался по лиловым полевым цветам, над которыми порхали на легких, сверкающих бронзой крылышках причудливые насекомые. Все были по-летнему одеты и отправились налегке. Только Балдингер нес на плече импульсное ружье, да Хараши прихватил рацию, достаточно мощную, чтобы вызвать Данникар. Оба инструмента выглядели до смешного ни к месту.

— Завидую джорильцам, — сказал я.

— Кое в чем стоит, — отозвался Лежен. — Хотя,

может быть, их природа даже слишком хороша. Какие у них стимулы к дальнейшему развитию?

— А зачем им это?

— Дело тут не в сознательном стремлении, старина. Ведь все разумные существа произошли от животных, которым когда-то пришлось вести борьбу за существование, настолько ожесточенную, что они развили свой мозг, чтобы не погибнуть. В них заложен инстинкт к совершенствованию, даже в самых робких травоядных. И рано или поздно он должен найти выход...

— Боже милостивый!..

Крик Хараши заставил нас с Леженом обернуться. Какую-то секунду я думал, что сошел с ума. Только постепенно до меня дошло, что представившаяся моим глазам картина не так уж удивительна здесь.

Из лесу появилась девочка. По земным понятиям ей можно было дать лет пять. Меньше метра ростом (джорильцы несколько ниже и стройнее землян), она, как и все жители планеты, обладала большой головой, что только увеличивало ее сходство со сказочным эльфом. Длинные белокурые волосы, круглые ушки, тонкие черты лица, вполне человеческие за исключением слишком высокого лба да огромных фиолетовых глаз, только усиливали очарование. На загорелом тельце не было надето ничего, кроме белой набедренной повязки. Одной четырехпалой ручкой она весело махала нам. В другой был поводок, а на конце поводка был привязан кузнечик величиной с гиппопотама.

Нет, конечно, не кузнечик, как стало ясно, когда она подошла поближе. Голова действительно была как у кузнечика, но четыре лапы, на которых он двигался, были короче и толще, а еще несколько ложноножек висело по бокам в виде жалких бескостных придатков. Тело было покрыто ярко расцвеченной кожей, а не жестким панцирем, как у насекомых. Я заметил также, что эта тварь дышит легкими. Все равно это было жуткое чудовище, и оно беспрерывно жевало, пуская слюни.

— Местный островной вид, — сказал Воэн. — Несомненно, безобидный, а то бы она не стала... Но ребенок! Как весело и беззаботно идет к чужим!

Балдингер улыбнулся и опустил ружье.

— Ребенку все кажется чудесным, — сказал он. — Для нас это находка. Она поможет нам познакомиться со взрослыми.

Маленькая девочка (черт возьми, иначе ее и не назовешь!) подошла к Хараши на метр, подняла свои огромные глаза, пока они не остановились на его пиратском лице, и произнесла очаровательным голосом с неотразимой улыбкой:

— Будьте так добры, мистер, не могли бы вы угостить крекером моего дроматерия?

* * *

Я плохо помню последующие несколько минут. Они прошли во всеобщем замешательстве. В конце концов мы обнаружили, что идем, все пятеро, по пятнистой от солнца лесной тропинке. Девочка, приплясывая, семенила подле нас, беспрерывно тараторя. Чудовище неуклюже переваливалось сзади, пережевывая данное ему лакомство. Когда прямой луч солнца падал на его выпуклые фасеточные глаза, они переливались, точно пригоршня бриллиантов.

— Меня зовут Миерна, — сказала девочка, — а мой папа делает разные вещи из дерева. Не знаю, как это называется по-английски. Ах, плотник! Спасибо, вы очень добры. Мой отец много думает. А мама сочиняет песни. Это очень красивые песни. Она послала меня собрать мягкой травы, чтобы сделать подстилку для роженицы, потому что вторая жена папы, помощница мамы, должна скоро родить ребеночка. Но когда я увидела, что вы спускаетесь, точь-в-точь как рассказывал Пенгвил, я решила вместо этого встретить вас и отвести в Таори. Это наша деревня. В ней двадцать пять домов и сараи, а Зал для размышлений куда больше, чем в Риру. Пенгвил говорил, что крекеры страшно вкусные. Может быть, дадите и мне попробовать?

Хараши оторопело протянул ей крекер. Воэн стряхнул с себя оцепенение и без обиняков выпалил:

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Да у нас в Таори все знают. С тех пор, как приплыл Пенгвил и научил нас. Это было три дня назад. Мы так надеялись, что вы прилетите. В Риру все полопаются от зависти! Но мы разрешим им навестить нас, пока вы здесь, если они хорошенько попросят.

— Пенгвил... Типично данникарское имя, — пробормотал Балдингер. — Но они и не слышали об этом острове, пока я не показал им нашей карты! Не могли же они пересечь океан в своих жалких пирогах! Ведь здесь преобладают восточные ветры, а квадратные паруса...

— О, лодка Пенгвила может идти против ветра, — засмеялась Миерна. — Я сама видела. Он нас всех покатал на ней. И мой папа уже строит такую же, только лучше.

— Зачем Пенгвил приплыл к вам? — спросил Воэн.

— Посмотреть, как мы тут живем. Он из местечка Фолат. У них в Данникаре такие потешные названия, да и одежда, ведь правда?

— Фолат... Да, помню — поселок к северу от нашего лагеря, — сказал Балдингер.

— Но туземцы не бросаются очертя голову в неизвестный океан просто так, из любопытства, — выдавил я.

— Эти еще как, — ухмыльнулся Хараши. От умственного напряжения вены на его лбу набухли. Здесь таились огромные возможности для торговли, еда и текстиль и особенно блестящие поделки туземцев. В обмен же...

— Нет! — выкрикнул Воэн. — Я знаю, о чем вы думаете, торговец Хараши. И я не позволю привезти сюда машины.

Великан еле сдержал себя:

— Кто сказал, что нет?

— Я сказал. Как полномочный представитель Федеральных властей. И я уверен, что Совет подтвердит мое решение.

В душном влажном воздухе Воэн даже вспотел.

— Мы никогда не рискнем дать им машины!

— Что такое Совет? — спросила Миерна. Тень тре-

воги упала на ее лицо. Она придвинулась поближе к своему чудовищу.

Хотя я сам был озабочен, пришлось погладить ее по голове и прошептать:

— Тебе нечего об этом тревожиться, малышка!

Чтобы отвлечь ее мысли, да и свои собственные, я добавил:

— Почему ты зовешь этого красавца дроматерием? Ведь это не настоящее его имя?

— Конечно, нет, — она сразу позабыла свои заботы. — Это яо, а его настоящее имя... В общем я зову его «большеногий, пучеглазый, самый сильный из зверей». Это я сама придумала. Он мой, и я его очень люблю.

Она потянула за один из усиков, и животное довольно заурчало.

— Пенгвил рассказывал нам о дромадере, который живет на Земле. Он волосатый и робкий, на нем возят вещи, и он тоже пускает слюни, как яо. Поэтому я и решила, что это хорошее английское имя. А разве нет?

— Очень, — *сказал я слабым голосом.*

— Что вы там говорите о дромадерах? — спросил Воэн.

Хараши запустил пятерню себе в волосы.

— Да, — сказал он. — Вы знаете, как я люблю Киплинга. Так вот, как-то вечером я прочитал туземцам несколько его поэм. Кажется, одна из них была о дромадере, о верблюде. И Киплинг им явно пришелся по вкусу.

— Настолько, что, раз прослушав, они уже помнят поэму наизусть и разнесли ее в первозданном виде по всему побережью! А теперь она пересекла океан, и ее знает весь остров.

Воэн просто задохнулся от изумления.

— А кто объяснил ей, что названия крупных первобытных животных на языке землян часто кончаются на «терий», что значит «зверь»? — спросил я.

Никто не знал, но было ясно, что кто-то из натуралистов походя упомянул об этом. А пятилетняя Миерна подхватила термин у странствующего матроса

и применила его абсолютно правильно! Ведь несмотря на усики и фасеточные, как у насекомых, глаза, яо вызывал явно палеонтологические ассоциации.

Через несколько минут лес кончился, и мы вышли на широкий луг, сбегавший к морю. На его сверкающем фоне темным силуэтом рисовались очертания деревни — остроконечные крыши домов из дерева и тростника несколько другого типа, чем в Данникаре, но такие же изящные и приятные для глаза. Освобожденные от снастей лодки были вытащены на песок рядом с развешанными на просушку рыболовными сетями. Неподалеку от берега стояла на якоре еще одна лодка, почти корабль. Ярко выкрашенный корпус благородной формы, на корме — спаренные рулевые весла, тканые паруса — все было так необычно по сравнению с тем, к чему мы привыкли на нашей несчастной сверхмеханизированной Земле. Но лодка была оснащена по всем правилам корабельного искусства, а на берег ее, по-видимому, нельзя было вытащить из-за глубоко сидящего киля.

— Я так и думал, — проговорил Балдингер срывающимся голосом. — Пенгвил пораскинул мозгами и выдумал парусную оснастку. Очень практичная конструкция. На такой можно пересечь здешний океан за неделю или около того.

— Он разработал и правила навигации, — подметил Лежен.

Жители деревни, не заметившие, как садился наш гравитолет, побросали свою примитивную утварь — валки для стирки, горшки и миски, прялки, гончарные круги — и кинулись к нам. Все были одеты так же просто, как Миерна. Несмотря на крупные головы, не выглядевшие, однако, безобразно большими, непривычные для человеческого глаза кисти рук и уши да слегка отличающиеся пропорции тела, на женщин было приятно взглянуть. Даже слишком после года монашеской жизни. Безбородые длинноволосые мужчины оказались красивы под стать женщинам, и те и другие были грациозны, как кошки.

Они не шумели и не толпились без толку. Было тихо и торжественно, только на берегу кто-то заливи-

сто играл на рожке. Миерпа бросилась к седому мужчине, схватила его за руку и вытянула вперед.

— Это мой папа, — радостно залепетала она. — Сейчас его зовут Сарато. Его последнее имя нравилось мне больше.

— Надоедает, когда тебя все время зовут одинаково, — засмеялся Сарато. — Добро пожаловать, земляне. Вы оказываете нам большую... *лула*... Прошу прощения, мне не хватает слов. Ваше посещение — большое счастье для нас.

Его рукопожатие — наверное, Пенгвил рассказал им об этом обычае — было крепким, и он смотрел нам прямо в глаза с уважением, но без подобострастия.

Данникарские общины передали те немногие функции управления, в которых они нуждались, специалистам, избираемым на основе принципов, суть которых до нас так и не дошла. Здесь же, судя по всему, не делалось даже малейших сословных различий. Нам представляли всех по роду занятий: охотник, рыбак, музыкант, пророк (насколько я понял смысл слова «нонало») и т. п. Мы обнаружили то же отсутствие всяческих табу, что и в Данникаре. Зато в Таори действовали чрезвычайно изысканные правила этикета, соблюдения которых от нас, естественно, никто не ждал.

Пенгвил — мощного сложения юноша в тунике данникарского покроя — приветствовал нас. В том, что он прибыл именно в Таори, не было никакого совпадения: деревня расположена почти точно к востоку от его родного побережья и имеет лучшую якорную стоянку на всем острове. Ему отчаянно хотелось показать нам свою лодку. Я уступил его умоляющим взглядам, и мы сплавали к ней.

— Отличная работа, — сказал я совершенно искренне, взобравшись на палубу. — Есть только одно замечание. Для плавания вблизи берегов неподвижный киль не нужен.

Я описал устройство подъемного киля.

— Вот так, — закончил я. — Тогда она сможет подходить вплотную к берегу.

— Да, Сарато уже додумался до этого. Он даже

начал строить свою собственную лодку по этому принципу. Он еще хочет отказаться от рулевых весел и укрепить вместо них плоский кусок дерева посредине кормы. Это правильно?

— Да, — ответил я, с трудом скрывая изумление.

— Вот и я так подумал, — улыбнулся Пенгвил. — Поток воды так же легко делится на две струи, как и воздушный. Мистер Исихара объяснил мне законы сложения и разложения сил. Это-то и дало мне мысль построить такую лодку.

Мы вернулись на берег и снова оделись. Вся деревня жужжала, как потревоженный рой, готовясь к празднику. Пенгвил присоединился к ним. Я потихоньку выбрался из этой суеты и пошел бродить по пустому пляжу, слишком взволнованный, чтобы сидеть на месте. Вглядываясь в море и вдыхая по-земному соленый аромат океана, я погрузился в смутные размышления. Их прервала маленькая Миерна, которая подскочила ко мне, волоча за собой небольшую тележку.

— Хэлло, мистер Кэткарт! — закричала она. — Меня послали собрать ароматных водорослей. Хотите мне помочь?

— Конечно, — ответил я.

Она скорчила гримасу.

— Я рада, что убежала от всех. Папа, Куайя и другие расспрашивают мистера Лежена о земной ма-тема-ти-ке. А я еще слишком маленькая, чтобы интересоваться функциями. По мне, было бы куда лучше, если бы мистер Хараши рассказал о Земле, но он заперся в домике со своими друзьями. Расскажите мне о Земле! Я когда-нибудь полечу туда?

Я что-то пробормотал. Она начала собирать в пучки нежные гирлянды водорослей, выброшенные на берег прибоем.

— Раньше я не любила эту работу,— сказала она.— Приходилось ходить в деревню с каждой охапкой. А брать с собой дроматерия мне тоже не разрешают, потому что он болеет, когда промочит ноги. Я им говорила, что могу сделать ему ботиночки, но они все

равно не разрешили. Зато теперь совсем другое дело — с этим... этой... Как вы это называете?

— Тележка. У вас раньше не было таких штук?

— Нет, никогда. Только волокуши на полозьях. Это Пенгвил рассказал нам о колесе. Он видел, как земляне им пользуются. Плотник Хуана тут же начал прилаживать колеса к волокушам. Он уже сделал несколько таких тележек.

Я нагнулся и рассмотрел конструкцию колеса. Оно было собрано из частей, искусно вырезанных из дерева и кости, а сбоку по всей окружности шел орнамент и какие-то письмена. И колеса не были просто насажены на оси. Миерна позволила снять крышечку с одной из них, и я увидел кольцо из прочных круглых орехов. Насколько я знал, никто не рассказывал Пенгвилу о подшипниках.

— Я все думала и думала, — сказала Миерна. — А что, если сделать большую, огромную тележку, чтобы ее мог возить дроматерий? Только как получше его привязать, чтобы ему не было больно тащить и чтобы можно было управлять им? И мне кажется, я придумала...

Она замолчала и стала рисовать на песке схему сбруи. Судя по всему, упряжка была вполне подходящая.

Тяжело нагрузив тележку, мы покатили ее по деревне. Я был в совершенном восторге от искусной резьбы, покрывавшей балки и карнизы домов. Появился Сарато, наконец оставивший свою беседу с Леженом о теории групп (туземцы уже разработали ее сами, так что все сводилось к сравнению разных подходов). Он показал мне свои инструменты, изготовленные из острых кусков вулканического стекла. Сарато рассказал, что жители прибрежных деревень выменивают такое стекло у горцев, и спросил, нельзя ли достать у нас кусочек стали. И не будем ли мы настолько любезны, чтобы объяснить, как из земли получают железо?

Как мы и ожидали, угощение, музыка, танцы, пантомимы, беседы с туземцами — все было великолепно, чтобы не сказать больше. Надеюсь, что бодрящие пи-

люли, поданные к еде, помогли нам не выглядеть слишком мрачными.

Но нам все-таки пришлось огорчить наших хозяев, отказавшись остаться на ночь. Вся деревня провожала нас до самой ракеты при свете факелов. Дорогой они пели причудливые песни, построенные по какой-то сложной музыкальной системе, вроде нашей двенадцатитоновой, и полные таких дивных гармоничных созвучий, что я в жизни не слышал ничего прекраснее. Когда мы достигли ракеты, они тут же отправились назад. Миерна шла в самом конце процессии. Она поотстала и еще долго стояла в медном свете огромной одинокой луны, махая нам ручонкой.

* * *

Балдингер поставил на стол стаканы и бутылку ирландского виски.

— О'кэй, — сказал он. — Действие этих таблеток почти прошло, и нам нужно немного взбодриться.

— Да, пожалуй. — Хараши заграбастал бутылку.

— Интересно, каким будет их вино, когда они его изобретут, — задумчиво протянул Лежен.

— Замолчите, — сказал Воэн.—Им это не удастся.

Мы уставились на него. Он сидел, подрагивая от напряжения, в ярком люминесцентном свете, заливавшем унылую тесную кабину.

— Что вы, дьявол вас побери, имеете в виду?— наконец спросил Хараши. — Если они научатся делать вино хотя бы вполовину так же хорошо, как все остальное, оно пойдет на Земле по десять кредов за литр.

— Как вы не поймете? — закричал Воэн. — Нам нельзя иметь с ними дела. Надо скорее убираться прочь с этой планеты и... О боже, зачем нас только занесло сюда?

Он начал неуклюже шарить по столу в поисках стакана.

— Ну ладно, — сказал я. — Тем из нас, кто хоть раз удосужился поразмыслить об этом, давно было ясно, что когда-нибудь люди неминуемо встретят фор-

му жизни вроде этой. Человек... что он такое, чтобы делать из него пуп земли?

— Наверное, эта звезда старше Солнца, — кивнул Балдингер. — Она не так массивна, поэтому дольше находится в главной последовательности.

— Дело вовсе не в том, какая звезда старше, — сказал я. — Миллион лет, полмиллиона, сколько бы там ни было, — это же пустяки с точки зрения астрономии или геологии. Вот в развитии разумной жизни...

— Но они же дикари, — запротестовал Хараши.

— Как и большинство разумных существ, что мы встречали, — напомнил я. — Да и сам человек большую часть своей истории прожил дикарем. Цивилизация — каприз природы. Она не появляется сама по себе. Например, на Земле все получилось потому, что Средний Восток начал пересыхать, когда ледник отошел, дичи стало меньше, и пришлось что-то предпринимать. А машинная цивилизация, основанная на науке, — это еще бо́льшая случайность, результат совершенно исключительного стечения обстоятельств. Зачем жителям Джорил идти дальше техники неолита? Им это ни к чему.

— Зачем им тогда, если они еще в каменном веке, такие мозги? — возразил Хараши.

— А зачем они были нам в нашем каменном веке? — отпарировал я. — Чтобы просто выжить, они не были абсолютно необходимы. Питекантроп, синантроп — все эти узколобые ребята и так прекрасно обходились. Наверно, эволюция, внутривидовая борьба, половой отбор — все то, что развивает интеллект, продолжает подталкивать человека вперед, пока не вмешивается какой-нибудь новый фактор, вроде машин. Умный джорилец имеет больше веса, занимает высокое место в обществе, у него больше циновок и детей — так все и идет. Вот только условия жизни у них слишком просты, во всяком случае, в эту геологическую эпоху. Здесь, насколько я понял, не бывает даже войн, которые бы подтолкнули развитие техники. До сих пор у них просто не было случая заняться точными науками. Вот они и использовали свой изумительный разум в искусстве, философии и социальных экспериментах.

— Интересно, какой у них в среднем «индекс интеллекта», — прошептал Лежен.

— Бессмысленный вопрос, — ответил Воэн мрачно. — Разработанная шкала обрывается где-то около ста восьмидесяти. Как тут будешь мерить интеллект, который настолько выше твоего собственного?

Наступила тишина. Было слышно, как вокруг корабля шумит ночной лес.

— Да, — задумчиво сказал Балдингер. — Я всегда отдавал себе отчет, что где-то должны быть существа поумнее нас. Вот только не ожидал, что человечество встретится с ними на моем веку. Уж слишком микроскопический отрезок Галактики мы исследовали. И потом... Я всегда думал, что у них будут машины, наука, космический транспорт.

— Они у них и будут, — сказал я.

— Если мы теперь улетим... — начал Лежен.

— Поздно, — сказал я. — Мы уже дали им эту блестящую погремушку — науку. Если мы сбежим, они сами отыщут нас через пару веков. Самое большее.

Хараши ударил кулаком по столу.

— Но зачем нам улетать? — загрохотал он. — Чего вы, черт подери, боитесь? Сомневаюсь, чтобы все население этой планеты достигало десяти миллионов. А в Солнечной Системе плюс звездные владения — миллиардов пятнадцать! Ладно, пусть джорилец умнее. Ну и что? Разве до сих пор мало было парней умнее меня, а мне на это наплевать, если мы делаем с ними бизнес.

Балдингер покачал головой. Казалось, его лицо выковано из стали.

— Все не так просто, — сказал он. — Вопрос идет о том, кто будет господствовать в этой части Галактики.

— А чего плохого, если джорильцы? — мягко спросил Лежен.

— Возможно, и ничего. Они вроде бы вполне приличный народ. Но... — Балдингер выпрямился в своем кресле. — Я не собираюсь быть чьим-либо домашним животным. Я хочу, чтобы моя планета сама решала свою судьбу.

С этим не приходилось спорить. Мы долго-долго сидели молча, размышляя над случившимся.

В нашем представлении гипотетические сверхсущества всегда были где-то бесконечно далеко, а потому безопасны. Ни мы на них не наталкивались, ни они на нас. Поэтому люди привыкли думать, что поблизости их оказаться не может. А потому они-де никогда не будут вмешиваться в дела далекой галактической провинции, где мы живем. Но планета всего в месяцах полета от Земли! Народ, средний представитель которого — гений, а их гении — вещь и вовсе непостижимая для человека... Они без сожаления бросят свой мир и ринутся в космос, полные любопытства, энергичные, способные совершить за десять лет больше, чем мы за столетия. Они неминуемо разрушат нашу созданную ценой таких усилий цивилизацию! Мы сами сдадим ее на слом, как примитивные народы прошлого уничтожили свои богатейшие культуры перед лицом более высокой цивилизации Запада. Наши дети будут смеятся над ничтожными, обветшалыми триумфами своих отцов. Они бросят нас, чтобы последовать за джорильцами в их смелых начинаниях. И вернутся подавленными неудачей, чтобы провести остатки своих дней, создавая жалкое подобие чужого образа жизни и мучаясь от бессилия и безнадежности. И так будет со всеми остальными разумными формами жизни, если только у джорильцев не хватит сострадания оставить их в покое... Скорее всего у них его хватит. Но кому нужно *такое* сострадание?

Казалось, был только один ужасный выход, но лишь у Воэна хватило смелости прямо сказать о нем.

— Ведь есть же планеты, куда запрещено ввозить технику, — медленно заговорил он. — Культуры, слишком опасные, чтобы можно было предоставить им современное оружие, не говоря уже о космических кораблях. Джорил тоже можно поставить под запрет.

— Теперь, когда мы дали им представление о технике, они сами все это изобретут, — сказал Балдингер.

Лицо Воэна злобно передернулось.

— Они не смогут этого сделать, если единственные два района, где нас видели, будут уничтожены.

— Боже милостивый... — вскочил Хараши.

— Сядьте! — отрезал Балдингер.

Хараши грязно выругался. Его лицо горело. Остальные сидели, потупив головы.

— Вы как-то назвали *меня* неразборчивым в средствах, — прорычал торговец. — Возьмите это предложение назад, Воэн, и подавитесь им. Если не хотите, чтобы я раздавил ваш череп, как гнилой орех!

Я представил себе атомный гриб, взмывающий к небесам, легкое облачко пара, бывшее когда-то девочкой по имени Миерна, и сказал твердо:

— Я — против.

— Единственный другой выход, — сказал Воэн, не отрывая пронзительного взгляда от массивной головы своего противника, — это ничего не делать, пока не станет необходимой стерилизация всей планеты.

Лежен затряс головой, словно от боли.

— Все не так... Не так... Нельзя брать на себя смертный грех только ради того, чтобы выжить.

— Не о нас речь. А ради жизни детей? Их свободы?.. Их гордости?

— Да разве они смогут гордиться собой, узнав правду? — перебил Хараши. Он перегнулся через стол, схватил Воэна за шиворот и одной рукой поднял его в воздух. Покрытый шрамами лоб торговца пылал в каких-нибудь трех дюймах от побледневшего лица представителя Федеральной администрации.

— Я сейчас скажу, что нам делать, — процедил он. — Мы будем торговать, обмениваться знаниями, родниться, как со всеми народами, чью соль мы ели! И встретим судьбу, как положено людям!

— Отпусти его, — скомандовал Балдингер.

Хараши сжал свободную руку в кулак.

— Если ты ударишь его, я расправлюсь с тобой, пусть мне придется ответить за это дома. Отпусти его, я сказал!

Хараши разжал кисть. Воэн покачнулся и осел на пол. Торговец тяжело опустился в кресло и спрятал голову в ладонях, стараясь взять себя в руки.

Балдингер снова наполнил стаканы.

— Ну, джентльмены! — сказал он. — Мы вроде бы зашли в тупик. Куда ни кинь — все клин.

Он усмехнулся.

— Бьюсь об заклад, что у джорильцев даже нет пословицы на такой случай.

— Они могли бы столько нам дать! — горячо вступился Лежен.

— Именно *дать!* — Воэн с трудом поднялся и встал напротив нас, дрожа всем телом. — В этом все и дело! Они будут давать! Если захотят, конечно. Но это не будет *наше*. Вероятно, мы даже не сможем понять их творений, не сумеем использовать их или... В общем это будет не наше, говорю я вам!

Хараши вздрогнул. Целую минуту он сидел абсолютно неподвижно, вцепившись в ручки своего кресла, а потом медленно поднял большую голову и громко выпалил:

— Но почему *не наше?*

* * *

Мне все-таки удалось поспать несколько часов, пока не начало светать. Потом первые лучи, проникавшие сквозь иллюминатор, разбудили меня, и больше уснуть не удалось. Навалявшись вдоволь, я спустился на лифте и вышел на поляну.

Вокруг царила тишина. Звезды уже гасли, но заря на востоке еще только занималась. В прохладном воздухе из темного леса, обступившего поляну, доносились первые трели птиц. Я сбросил башмаки и прошелся босиком по мокрой траве.

Я почему-то не удивился, когда из леса появилась Миерна, волоча на поводке своего дроматерия. Она бросила поводок и кинулась ко мне:

— Эй, мистер Кэткарт! Я так надеялась, что кто-нибудь уже встал. Я еще не завтракала.

— Сейчас что-нибудь сообразим.

Я схватил ее и начал подбрасывать в воздух, пока она не завизжала.

— А потом, может быть, совершим небольшую прогулку на ракете. Как ты на это смотришь?

— О-о, — фиолетовые глаза округлились.

Я опустил крошку на землю. Она долго собиралась с духом, а потом спросила:

— До самой Земли?

— Нет, боюсь, что на этот раз капельку поближе. Земля ведь далеко.

— А когда-нибудь в другой раз? Ну, пожалуйста!

— Когда-нибудь? Наверняка, малышка. И ждать не так уж долго.

— Я полечу на Землю! Я полечу на Землю!

Она кренко обняла дроматерия за шею и прижалась к нему.

— Ты будешь обо мне скучать, Большеногий, пучеглазый, самый сильный из зверей? Не пускай так грустно слюни! Может быть, тебя тоже возьмут. Возьмем его, мистер Кэткарт? Это такой хороший дроматерий, честное слово, и он так любит крекеры.

— Ну... не знаю. Может, возьмем, а может, и нет, — сказал я. — Но ты полетишь, обещаю тебе. Любой житель планеты, если захочет, сможет посетить Землю.

«А захочет большинство. Я уверен, что Совет одобрит наш план. Ведь он единственно разумный. Если не можешь превзойти...»

Я погладил Миерну по головке.

«Строго говоря, дорогая ты моя малышка, ну и грязную же шутку мы с тобой сыграем! Подумать только — вырвать тебя из этой патриархальной дикости и швырнуть в горнило гигантской бурлящей цивилизации! Ошеломить нетронутый мозг всеми нашими техническими штуками и бредовыми идеями, до которых люди додумались не потому, что умнее, а потому, что занимались этим немного дольше вас. Распылить десять миллионов джорильцев среди наших пятнадцати миллиардов!

Конечно, вы клюнете на это. Вам с собой не совладать, да и соблазн велик. А когда вы, наконец, поймете, что происходит, будет поздно отступать, вы окажетесь на крючке. Но я не думаю, что вы сможете сердиться на нас за это.

Ты станешь земной девочкой. Конечно, когда ты вырастешь, тебя ждет место среди тех, кто правит ми-

ром. Ты сделаешь колоссально много для нашей цивилизации и будешь пользоваться заслуженным признанием. Все дело в том, что это будет наша цивилизация. Моя и... твоя.

Не знаю, будешь ли ты скучать по этим лесам, по маленьким домикам у залива, по лодкам, песням и старым сказкам и, конечно же, по своему дорогому дроматерию. Но в одном я уверен: родная планета будет очень скучать по тебе, Миерна. И я тоже».

— Пойдем, — сказал я. — Пора готовить завтрак.

ПОЛ АНДЕРСОН

ЗОВИТЕ МЕНЯ ДЖО

Ревущий ураган принесся из тьмы, сгущавшейся на востоке. Впереди себя он гнал колючее облако аммиачной пыли. Не прошло и минуты, как Эдвард Энглси был ослеплен.

Всеми четырьмя лапами он вцепился в жесткий щебень, устилавший все вокруг, вжался в него, пытаясь прикрыть телом свою жалкую плавильню. Череп раскалывался от адского завывания ветра. Что-то хлестнуло его по спине, так что брызнула кровь. Вырванное ураганом дерево взмыло корнями вверх и унеслось за сотню миль. Невероятно высоко, среди бурлящих ночных туч сверкнула молния.

Словно в ответ, в ледяных горах грянул гром. Гигантский язык пламени устремился к небу. Целый склон обрушился вниз, лавиной рассыпавшись по долине. Земля вздрогнула.

«Натриевый взрыв», — подумал Энглси сквозь барабанный гул. В неверном свете пожара и молний он отыскал свой аппарат. Его мускулистые руки собрали инструменты. Желоб для стока расплавленной воды он обхватил хвостом и начал пробиваться по туннелю к своей «землянке».

Стены и потолок убежища были сложены из воды. Невероятная удаленность Солнца обратила ее в лед, спрессованный многотонным давлением атмосферы. Воздух поступал через узкий дымоход. Коптилка с древесным маслом, горящим в водороде, тускло освещала единственную комнату.

Тяжело дыша, Энглси расстелил на полу свою синюю робу. Проклинать грозу было бессмысленно. Такие аммиачные бури часто налетали с закатом, и тогда ничего не оставалось, как только пережидать их. К тому же он устал.

Часов через пять настанет утро, а он надеялся выковать свой первый топор еще этим вечером. Впрочем, может быть, даже лучше сделать это при дневном свете. Он взял с полки десятиногую тушку и съел мясо сырым, останавливаясь только для того, чтобы сделать несколько больших глотков метана из кружки. Когда у него будут настоящие инструменты, все переменится. До сих пор ему приходилось делать всю работу — рыть, резать, обтачивать предметы — при помощи собственных зубов и когтей. Только изредка удавалось приспособить кусок льда поострее или отвратительно мягкие искореженные обломки звездолета.

Дайте мне только несколько лет, и я буду жить по-человечески, подумал Энглси. Он зевнул, потянулся и улегся спать.

За 112 тысяч миль от него Эдвард Энглси снял свой шлем.

* * *

Устало моргая, он огляделся. После Юпитера всегда казалось немного чудно́ снова очутиться здесь, среди чистого спокойного порядка пункта управления.

Мускулы ныли, хотя болеть им было не от чего. Ведь это не он в 140-градусном холоде, под утроенным атмосферным давлением сражался с бурей, несущейся со скоростью нескольких сотен миль в час. Он оставался здесь, на почти лишенном притяжения Юпитере-5, дыша азотно-кислородной смесью. Это Джо жил там, наполняя свои легкие водородом и гелием под давлением, которое можно было только примерно оценивать, так как от него лопались анероиды и расстраивались пьезоэлектрические датчики.

И все-таки он чувствовал себя изможденным и разбитым. Наверное, все дело в психо-соматическом напряжении. Ведь как-никак немало часов он сам, в известном смысле, был Джо. А Джо работал как вол.

Без шлема на голове Энглси почти утратил ощущение своей личности. Пси-лучевой передатчик еще оставался подключенным к мозгу Джо, но уже не был сфокусирован на его собственном. Где-то в глубине сознания гнездилось непередаваемое ощущение сна. Время от времени сквозь бархатный мрак проплывали какие-то смутные формы, цвета. Может быть, сны? Джо могло ведь примерещиться что-нибудь, когда им не руководило сознание Энглси.

Вдруг на панели пси-передатчика вспыхнула красная лампочка, потерянно завыла аварийная сирена. Энглси выругался. Тонкие пальцы нервно запрыгали по кнопкам электромеханического кресла. Он развернулся и одним махом пересек компату по направлению к контрольному щиту. Ну конечно, опять вибрация в К-трубке! Разрыв в цепи. Одной рукой он повернул рубильник, одновременно шаря другой в ящике на щите.

Он чувствовал, как связь с Джо затухает. Если бы он утратил ее до конца хоть раз, неизвестно, удалось ли бы снова восстановить ее. А ведь в Джо было вложено несколько миллионов долларов и бездна человеколет высококвалифицированного труда.

Энглси выдернул негодную лампу из гнезда и швырнул на пол. Стеклянный баллончик взорвался. Это его немного успокоило. Ровно настолько, чтобы найти запасную лампу, вставить ее на место и вновь подключить ток. По мере того как усилитель разогревался, связь с Джо в недрах его сознания снова укреплялась.

Потом человек в инвалидном кресле медленно выкатился из комнаты в коридор. Пусть кто-нибудь другой подметет осколки. Черт с ними! Всех к черту!

* * *

Ян Корнелиус никогда не улетал от Земли дальше, чем до комфортабельного лунного курорта. Он был немало смущен тем, что «Псионикс корпорейшн» обрекла его на тринадцатимесячное изгнание. То обстоятельство, что он знал больше любого другого смертного о пси-лучевых передатчиках и их капризах, не казалось ему

достаточным основанием для этого. Зачем вообще кого-то посылать? Кому это надо?

А понадобилось это, видимо, руководству научной федерации. Эти бородатые затворники могут позволить себе за счет налогоплательщиков любую прихоть.

Так Корнелиус брюзжал себе под нос весь долгий путь по гиперболической орбите до Юпитера. Затем бесконечное маневрирование при сближении с миниатюрным спутником Юпитера настолько изнурило его, что он забыл все свои жалобы. И когда перед самой высадкой он, наконец, поднялся в оранжерею, чтобы взглянуть на Юпитер, то потерял дар речи. Впрочем, так со всеми бывает в первый раз.

Эрн Викен терпеливо ждал, пока Корнелиус наглядится.

— *Это и на меня действует,* — признался Эрн себе. — *До сих пор. Даже дух захватывает. Иногда просто страшно взглянуть.*

Наконец Корнелиус оторвался от окна. Высокий рост и далеко выдающаяся грудная клетка придавали его внешности что-то юпитерианское.

— Я и не подозревал, — прошептал он. — Никогда бы не подумал. Я видел снимки, но...

Викен кивнул.

— Совершенно верно, доктор. Разве это передашь на снимке?

Со своего места они хорошо видели темную неровную глыбу спутника. Казалось, это небесное тело даже не может служить достаточной опорой. Холодные созвездия плыли мимо, окружая его со всех сторон. Юпитер, нежно-палевый, опоясанный цветными лентами, пятнистый от теней планет-спутников, ощетинившийся столбами гигантских смерчей, занимал чуть ли не пятую часть здешнего неба. Наверное, если бы в этом мире действовали нормальные законы земного тяготения, Корнелиусу невольно показалось бы, что великанская планета обрушивается на него. Но здесь царила почти полная невесомость, и Корнелиуса не оставляло ощущение, что Юпитер вот-вот оторвет его от спутника и засосет. Он так вцепился в поручни, что руки закостенели от боли.

— И вы здесь живете... одни... наедине с этим? — слабым голосом спросил он.

— Ну, нас здесь все-таки человек пятьдесят. Теплая компания, — ответил Викен. — Все не так страшно. Нанимаешься всего на четыре цикла, то есть пока не прибудет четвертый корабль. И хотите — верьте, хотите — нет, доктор, но я здесь уже в третий раз.

Вновь прибывший воздержался от дальнейших расспросов. В этих людях с Юпитера-5 было что-то непонятное. Большинство из них носило бороды, хотя в остальном они следили за своей внешностью. Из-за слабого притяжения их движения казались сонными. Они были скупы на разговоры, словно хотели растянуть удовольствие на все тринадцать месяцев между двумя посадками. Монашеское существование изменило их. А может быть, они сами наложили на себя обет сдержанности, целомудрия и покорности, потому что никогда не чувствовали себя дома на зеленой Земле?

Тринадцать месяцев! Корнелиуса передернуло. Впереди было долгое холодное ожидание. Высокая плата и премиальные, которые накапливались для него на Земле, казались теперь, за 480 миллионов миль от Солнца, весьма слабым утешением.

— Отличное место для исследовательской работы, — продолжал Викен. — Любое оборудование, отборные коллеги, ничто не отвлекает. И конечно, вот это...

Он ткнул пальцем в плапету и повернулся к выходу. Неуклюже переваливаясь, Корнелиус последовал за ним.

— Спору нет, все это очень интересно, — выдавил он из себя. — Просто поразительно. Но, право же, доктор, затаскивать меня сюда больше чем на целый год, пока не прилетит следующий корабль... И все ради работенки, на которую мне достаточно пары недель...

— А вы уверены, что это так просто? — мягко спросил Викен. Он повернулся к Корнелиусу, и что-то было в его глазах такое, что заставило того промолчать. — Я еще не сталкивался здесь с проблемой, какой бы сложной она ни была, чтобы при ближайшем рассмотрении она не оказалась еще сложнее, — сказал Викен.

* * *

Они прошли через воздушный шлюз корабля и сквозь герметический переход, соединявший его со станцией. Почти вся она находилась под землей. Комнаты, лаборатории, даже холлы в коридорах были обставлены с претензией на роскошь. Еще бы, в общей гостиной был даже настоящий камин с взаправдашним огнем! Один бог знает, сколько это стоило!

Думая о грандиозной ледяной пустоте, в которой царил его величество Юпитер, и о своем годичном заточении, Корнелиус постепенно пришел к выводу, что все эти роскошества были, строго говоря, биологической необходимостью.

Викен проводил его в приятно обставленную комнату, в которой ему предстояло жить.

— Немного погодя принесем багаж и начнем разгружать вашу псионную механику. Сейчас все наши заняты — болтают с экипажем или читают письма.

Корнелиус отсутствующе кивнул и сел. Кресло, как и вся мебель, приспособленное к условиям низкой гравитации, состояло из одного паутинообразного каркаса, но сидеть в нем было удобно. Он ощупал карманы своей туники, надеясь чем-нибудь соблазнить Викена, чтобы тот не уходил.

— Хотите сигару? Захватил из Амстердама.

— Спасибо.

Подчеркнуто вежливо Викен взял сигару, скрестил длинные худые ноги и начал пускать сизый дым.

— Гм... Вы здесь главный?

— Не совсем так. Здесь нет главных. Единственное административное лицо — это повар, на случай если понадобится что-нибудь организовать. Не забывайте — это исследовательская станция с начала и до конца.

— Ну и чем же вы конкретно занимаетесь?

Викен нахмурился.

— Никого не спрашивайте здесь так в лоб, доктор, — посоветовал он. — Они предпочитают играть в прятки с каждым новичком как можно дольше. Тут редко встретишь человека, который бы сколько-нибудь вразумительно... Нет, не надо извиняться передо мной.

Все олл райт. Я физик, специалист по твердым телам в условиях сверхвысоких давлений.

Он кивнул на стену:

— Здесь этого добра сколько хотите!

— Понимаю.

Некоторое время Корнелиус молча курил.

— Что касается меня, то я считаюсь специалистом по псионике. Но, ей-богу, пока я не имею ни малейшего представления, почему ваш прибор может шалить, как сообщалось.

— А что, на Земле эти лампы работают как надо?

— И на Луне, и на Марсе, и на Венере... Видимо, везде, кроме Юпитера.

Корнелиус пожал плечами.

— Конечно, пси-лучи всегда капризны. Порой возникают нежелательные обратные токи, если... Но нет. Не буду зря теоретизировать. Кто работает на передатчике?

— Да Энглси. Он и подготовки-то специальной не проходил. Взялся за это дело после того, как остался калекой, и обнаружил такой природный дар, что его отправили сюда. Так трудно подобрать кого-нибудь для Юпитера-5, что мы не смотрим на степени. К тому же Эд, по-моему, управляется с Джо не хуже доктора психологии.

— Да, да. Ваш искусственный юпитерианец — «Ю-сфинкс». О нем тоже надо как следует подумать, — сказал Корнелиус. Невольно он заинтересовывался все больше. — Может быть, все дело в его биохимии. Кто знает? Хочу открыть вам маленький, тщательно скрываемый секрет: псионика — вовсе не точная наука.

— Так же, как и физика, — ухмыльнулся Викен. И затем добавил более серьезно: — Во всяком случае, моя область физики. Но надеюсь сделать ее точной. Я, знаете ли, именно поэтому здесь. Мы все здесь за этим.

* * *

При первой встрече Эдвард Энглси производил ошеломляющее впечатление. Казалось, он состоит из головы, пары рук и пронзительного взгляда голубых глаз.

Остальная часть его тела, вправленная в инвалидное кресло, была просто дополнением.

— Бывший биофизик, — рассказывал о нем Викен. — Совсем молодым исследовал атмосферные споры на Земной Станции. Несчастный случай искалечил его. Нижняя половина навсегда парализована. Грубый тип, с ним надо поосторожнее.

Теперь, сидя в мягком кресле пункта управления, Корнелиус понял, что Викен еще приукрасил истину.

Разговаривая, Энглси одновременно ел, давясь и сыпля крошки. Механические руки кресла терпеливо подметали то, что он успевал насорить.

— Приходится есть прямо за работой, — пояснил он. — Эта дурацкая станция официально живет по земному времени, по Гринвичу. А Юпитер — нет. Я готов перехватить Джо, когда бы он ни проснулся.

— Что же, некому вам помочь? — спросил Корнелиус.

— Эх! — Энглси подцепил кусок хлеба и ткнул им в сторону Корнелиуса. Рабочий язык станции — английский — был его родным языком, поэтому он выплевывал фразы с неимоверным ожесточением. — Ну вот вы. Вы когда-нибудь занимались пси-лучевой терапией? Не чтением мыслей или просто связью на расстоянии, а настоящим воспитанием психических функций?

— Пожалуй, нет. Для этого нужен природный талант вроде вашего, — улыбнулся Корнелиус.

Изрезанное морщинами лицо напротив него проглотило любезное замечание, не заметив.

— Насколько я понял, вы имеете в виду случаи вроде восстановления нервных функций у парализованного ребенка?

— Да, да. Неплохой пример. Кто-нибудь хоть раз пробовал подавить психику ребенка? Буквально подчинить его себе?

— Боже мой, но зачем?

— Просто ради паучного эксперимента, — ухмыльнулся Энглси. — Хоть один специалист по пси-лучам пытался когда-нибудь подавить детский мозг своими мыслями? Ну же, Корнелиус, отвечайте! Я вас не укушу!

— Но... Видите ли, это не по моей специальности.

Психиник отвел взгляд, выбрал циферблат прибора покрасивее и начал упорно его разглядывать.

— Правда, кое-что я слышал... Ну, в отдельных патологических случаях пытались идти напролом, что ли... преодолеть заблуждения пациента грубой силой...

— И ничего не вышло, — сказал Энглси. Он засмеялся. — Из такой затеи и не могло ничего получиться, даже с ребенком, не говоря уже о взрослом человеке с полностью развитой индивидуальностью. Ведь понадобились десятилетия тончайшей работы, пока машину не довели до такого совершенства, что психиатр получил возможность «подслушивать». Я имею в виду — без того, чтобы нормальные несовпадения образа мыслей его и пациента... без того, чтобы эти различия не создавали таких помех, которые уничтожают то самое, что он хотел исследовать. Современная машина автоматически преодолевает такие индивидуальные различия. Правда, нам до сих пор не удается перекинуть мост между отдельными биологическими видами. Пока человек не противится, удается очень осторожно направлять его мысли. И на этом конец. Если же вы попытаетесь захватить контроль над чужим мозгом — мозгом, у которого есть свой образ мышления, свое «я», вы рискуете собственным рассудком. Чужой мозг будет инстинктивно сопротивляться. До конца развитая, зрелая, установившаяся человеческая личность просто слишком сложна, чтобы ею управлять извне. У нее слишком много резервов. Подсознательная сфера ее мозга может призвать на помощь адские силы, если что-то угрожает ее целостности. Да чего там — мы со своим-то разумом не можем справиться, не то что с чужим!

Прерывистый голос Энглси замолк. Задумавшись, он сидел перед пультом управления, постукивая по поручням своей электромеханической няньки.

* * *

— Ну... — начал Корнелиус после небольшой паузы. Наверное, было бы лучше, если бы он промолчал.

Но трудно было оставаться безмолвным: тишины и так слишком много — полмиллиарда миль тишины пролегло отсюда до Солнца. Стоило только помолчать пять минут, и тишина начинала просачиваться в комнату, как туман.

— Вот, — ухмыльнулся Энглси. — Так и наш юпитерианец Джо имеет физически взрослый мозг. Единственной причиной, почему я могу управлять им, является то, что у него не было возможности развить свое собственное «я». *Ведь я и есть Джо.* С того самого момента, как его сознание было «рождено», я всегда был при нем. Поток пси-лучей доставляет мне всю его чувственную информацию и посылает назад мои двигательные нервные импульсы. Но все равно у него изумительный мозг, нервные клетки которого точно так же регистрируют весь опыт, как ваши или мои. Его синапсы приобрели строение, которое и есть мой индивидуальный склад.

Перед любым, кому бы я его передал, встала бы задача вытеснить меня из моего собственного мозга. А этого сделать нельзя. Конечно, Джо располагает только зачатками моей памяти — например, управляя им, я не повторяю тригонометрических теорем, — но потенциально он вполне определенная личность.

Посудите сами, — продолжал он, — каждый раз, когда Джо просыпается, — обычно бывает разрыв в пару минут, пока я не уловлю это изменение благодаря моей собственной психической восприимчивости и не настрою шлем передатчика, — мне приходится изрядно побороться. Я чувствую настоящее... сопротивление... пока мне не удается привести поток его сознания в полное соответствие с моим. Даже сон оказывается для Джо достаточно индивидуальным опытом, чтобы...

Энглси остановился на полуслове.

— Понимаю, — задумчиво пробормотал Корнелиус. — Картина достаточно ясная. Право же, удивительно, что вам удается такой полный контакт с существом, обладающим настолько чуждым метаболизмом.

— Не знаю, надолго ли, — отозвался пси-оператор с сарказмом. — Если только вы не устраните причины,

из-за которой сгорают эти проклятые лампы. Мой запас тоже имеет предел.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказал Корнелиус. — Но о передачах с помощью пси-лучей так мало известно. Бесконечна ли их скорость или просто очень велика? Действительно ли мощность луча не зависит от расстояния? Как может повлиять на передачу... ну, скажем, необычность условий на Юпитере? Господи, планета, где вода — тяжелый минерал, а водород — металл! Что мы о ней знаем?

— Вот нам и предстоит разобраться, — отрезал Энглси. — Весь проект и задуман для этого. Ради знания. Черт!

Он чуть не плюнул на пол.

— Я вижу, даже то немногое, что нам удалось узнать, не доходит до людей. Там, где живет Джо, водород все-таки газ. Ему бы пришлось прорыть несколько миль вглубь, чтобы дойти до слоя твердого водорода. И от меня еще ждут, чтобы я провел научное исследование условий Юпитера!

Корнелиус не мешал Энглси бушевать, обдумывая возможные причины возмущений в К-трубке.

— Там, на Земле, они ничего не понимают. Иногда мне кажется, что они нарочно не хотят понимать. Ведь у Джо нет ничего, кроме голых рук. Он... я... мы начали без всяких знаний, кроме разве предположения, что он сможет питаться местной фауной. Ему приходится тратить почти все время на поиски пищи. Это чудо, что он сумел сделать так много за эти несколько недель — построил укрытие, познакомился с округой, занялся простейшей металлургией... или «водолургией», называйте как хотите. Чего еще они от меня хотят, в самом-то деле?

— Да... — начал было Корнелиус. — Я...

Энглси поднял свое бледное худое лицо. Что-то промелькнуло в его глазах.

«Что?..» — хотел было спросить Корнелиус.

— Заткнитесь!

Энглси развернул кресло, нащупал шлем и натянул его на голову.

— Джо просыпается... Уходите!

— Но если вы даете мне работать, только когда он спит, как же я смогу...

Энглси зарычал и швырнул в него гаечным ключом. Даже для условий невесомости бросок был слабым. Корнелиус попятился к двери. Энглси настраивал передатчик. Вдруг он вздрогнул.

— *Корнелиус!*

— В чем дело?

Психоник бросился к нему, но перестарался и с трудом затормозил свое тело, навалившись на щит.

— Снова эта проклятая лампа...

Энглси сорвал шлем. Наверное, это страшная боль, когда в твоем мозгу бесконтрольно возникает, нарастая лавиной, беззвучный душевный стон. Но он только сказал:

— Смените ее. Быстро. А потом уходите, оставьте меня. Джо не сам проснулся. В убежище кто-то прокрался... У меня беда там, на Юпитере!

* * *

Это был тяжелый день, и Джо спал крепко. Он так и не проснулся, пока чужие лапы не сомкнулись на его шее.

Какое-то мгновение единственное, что он ощущал, была душная волна безумного страха. Ему казалось, что он снова на Земной Станции. Вот он плавает в невесомости на конце длинного фала, а перед его глазами тысячи ледяных звезд несутся в бешеном хороводе вокруг планеты. Вот огромная балка вырвалась из своего гнезда и летит на него, медленно, но со всей своей многотонной инерцией, крутясь и поблескивая в земном свете, а единственный звук — это его собственный крик в шлеме. Вот он тщетно пытается оторваться от фала, балка мягко толкает его и, не останавливаясь, летит дальше, увлекая его с собой. Вот его ударяет о стену станции, вдавливает в нее. Изуродованный скафандр вспенивается, пытаясь залатать свои пробоины. Он наполняется кровью, смешанной с пеной, его кровью...

Джо закричал. Судорожным движением он оторвал от своего горла и швырнул извивающееся черное тело

через всю комнату. Оно гулко ударилось о стену. Лампа упала на пол и погасла.

Джо стоял в темноте, тяжело дыша, смутно осознавая, что, пока он спал, пронзительное завывание ветра за стеной утихло и превратилось в низкое ворчание. Существо, которое он сбросил с себя, приглушенно стонало от боли и ползало вдоль стены. В полной темноте Джо попытался нащупать свою дубинку.

Снова раздалось царапанье когтей. Туннель! Они лезут через туннель! Ничего не видя, Джо двинулся им навстречу. Его сердце лихорадочно стучало. В нос бил чужой смрадный запах. Схватив нового врага, Джо почувствовал, что тот раза в два меньше его. Зато у него были шесть ног со страшными когтями и пара трехпалых рук, которые потянулись к его глазам. Джо выругался, поднял корчащееся тело и грохнул об пол. Раздался стон и хруст костей.

— Ну давайте!

Джо изогнул спину и зашипел на своих врагов.

Они лезли через туннель в комнату. Пока Джо боролся с одним, который, извиваясь, впился всеми когтями в его затылок, целая дюжина этих тварей наполнила тесное помещение. Они цеплялись за ноги, стараясь вскарабкаться к нему на спину. Джо бил их лапами, хвостом. Он упал, и сразу же целая куча навалилась на него. Потом он снова встал, подняв на себе всю эту чудовищную груду.

Стена убежища не выдержала напора, вздрогнула, балка подалась, и крыша обвалилась.

Энглси оказался в яме, среди разбитых ледяных плит, под тусклым светом заходящего Ганимеда.

Теперь Джо мог разглядеть своих врагов. Они были черного цвета. Их головы были достаточно велики, чтобы вместить мозг, конечно, меньше человеческого, но, пожалуй, побольше обезьяньего. Их тут была целая стая. Они выбирались из-под обломков и снова с угрожающим видом бросались на него.

Но почему?

Обезьянья реакция, подумал Энглси. Видит чужого — боится чужого — ненавидит чужого — старается убить чужого.

Его грудь вздымалась, с шумом качая воздух сквозь больное горло. Джо схватил балку, переломил ее пополам и начал вращать твердой, как железо, палицей. Ближайшему от него врагу он снес череп, второму — перебил хребет. Третьего он ударил так, что тот с переломанными ребрами отлетел к четвертому, и они оба рухнули. Джо захохотал. Это становилось забавным.

— Прочь с дороги! Тигр идет! — заорал он и бросился по ледяной равнине, преследуя стаю.

Подвывая, враги кинулись врассыпную. Он гнал их до тех пор, пока последний не скрылся в лесу.

Тяжело дыша, Джо оглядел трупы. Его тело кровоточило и болело, а его убежище было разрушено. Но он им показал! Неожиданно ему страшно захотелось ударить себя в грудь и завыть. На мгновение он заколебался. А почему бы и нет? Энглси задрал голову к сумрачному диску Ганимеда и торжествующе залаял в честь своей победы.

Потом Джо принялся за работу. Прежде всего он разложил костер на груде ржавчины, бывшей когда-то остатками корабля. Где-то вдали, в темноте завывала стая. Они еще не оставили его в покое, они еще вернутся...

Джо оторвал кусок от одной из тушек и попробовал на вкус. Отлично! А если еще хорошенько приготовить... Они сделали непоправимую ошибку, обратив на себя его внимание! Он кончил свой завтрак, когда Ганимед уже опускался за ледяные горы на запад. Скоро настанет утро. Воздух был почти неподвижен. Стая плоских, как блины, птиц пронеслась над головой, отливая медью в первых лучах рассвета. Энглси окрестил их летающими сковородками.

Джо копался в обломках хижины, пока не отыскал своей плавильной установки. Она была цела. Теперь первым делом надо расплавить немного воды и залить ее в формы, которые он с таким трудом изготовил. Получится топор, нож, пила и молоток — все, что надо! В условиях Юпитера метан можно было пить, как воду, а вода была прочным твердым минералом. Из нее выйдут прекрасные инструменты. А позже он ис-

пробует различные сплавы воды с другими веществами.

Но это потом. К черту убежище! Можно снова поспать немного под открытым небом. Главное — сделать лук, расставить ловушки, приготовиться к расправе с черными бестиями, когда они снова нагрянут. Неподалеку есть расщелина, уходящая глубоко в почву, к самой зоне вечного холода, где водород — металл. Это настоящий природный холодильник. Здесь можно запасти мяса на несколько недель. Это обеспечит ему досуг — и еще какой! Джо радостно засмеялся и прилег полюбоваться восходом.

В который уже раз он поразился, до чего хорош этот мир. Какое это наслаждение смотреть, как небольшой ослепительный шар солнца выплывает из лиловых, с розовыми и золотистыми прожилками волн тумана на востоке! Как свет постепенно усиливается, пока весь гигантский купол неба не превратится в сплошное ликующее сияние! До чего прекрасна привольная щедрая равнина, пронизанная теплым и таким живым светом! А низкорослые шелестящие ветром леса, раскинувшиеся на миллионы квадратных миль, а слепящие озера, а похожие на перья диковинных птиц гейзеры, а сверкающие, как голубая сталь, ледяные горы на западе?!

Энглси втянул свежий утренний ветер глубоко в легкие и засмеялся радостно, как счастливый ребенок.

* * *

— Сам я не биолог, — осторожно сказал Викен, — но, может быть, именно поэтому я сумею лучше обрисовать вам положение. Потом Лопец или Матсумото могут ответить на ваши вопросы во всех деталях.

— Отлично, — кивнул Корнелиус. — Попрошу вас исходить из того, что я абсолютно ничего не знаю об этом проекте. Строго говоря, это так и есть.

— Ну что ж! Как хотите, — засмеялся Викен.

Они стояли у входа в ксено-биологическое отделение. Вокруг не было ни души, так как часы показывали 17.30 по Гринвичу, а отделение работало в одну смену. Пока деятельность Энглси еще не начала при-

носить достаточно данных, вводить новые смены не имело смысла.

Физик наклонился и взял со стола пресс-папье.

— В шутку один из ребят вылепил, — сказал он. — Но здорово похоже на Джо. Только на самом деле в нем с ног до головы около пяти футов.

Корнелиус повертел в руках пластмассовую фигурку. Она изображала что-то вроде человека-кошки с толстым цепким хвостом. Этакий юпитерианский сфинкс. Торс мощный, страшно мускулистый, с длинными руками. Безволосая круглая голова с широким носом, большими, глубоко посаженными глазами и тяжелой челюстью. Лицо, впрочем, вполне человеческое. Общая окраска — синевато-серая.

— Насколько я понимаю, самец, — заметил он.

— Конечно. Может быть, вы не до конца понимаете? Джо настоящий юпитерианец, хотя и создан не природой, а человеком. Пока что это последняя модель, разработанная до мелочей. Результат пятидесятилетнего труда.

Викен искоса посмотрел на Корнелиуса.

— Так вам ясно, насколько важна ваша работа?

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал психоник. — Но если... ну, вдруг какие-нибудь неполадки с этой трубкой или еще что-нибудь лишит вас Джо до того, как я разрешу проблему этих электронных вибраций? У вас ведь есть другие Ю-сфинксы про запас?

— Конечно, есть, — печально ответил Викен. — Но затраты... Мы ведь не на свободном бюджете. Денег на нас идет масса. Каждый наш чих — на таком-то расстоянии от Земли! — влетает в копеечку. Но именно поэтому наши аварийные резервы не велики.

Викен сунул руки в карманы и тяжело ступил сквозь внутреннюю дверь в коридор, который вел к лабораториям. Он шел, потупив голову, продолжая говорить тихим торопливым голосом:

— Вы, видимо, не понимаете, что за кошмар этот Юпитер. Дело не в поверхностном притяжении — оно только в три раза превосходит земное. Возьмите хотя бы гравитационный потенциал. Он уже в десять раз больше, чем на Земле. А температура? А давление?

Но самое главное — совершенно дикие атмосферные условия, бури и темнота. Звездолеты, посылаемые на Юпитер, имеют дистанционное управление. Чтобы внутреннее и внешнее давления постоянно уравнивались, корпус сконструирован свободно проницаемым, на манер сита. Это необходимо. Но в остальном это прочнейшая и самая мощная модель из когда-либо созданных. Она оснащена всеми приборами, всеми сервомеханизмами, всеми аварийными приспособлениями, какие только придумал человеческий мозг, чтобы обеспечить безопасность всей этой бездны точнейшего оборудования стоимостью в миллионы долларов. А что получается? — продолжал Викен. — Половина кораблей вообще не достигает поверхности. Бури подхватывают их и швыряют прочь, или же они врезаются в плавающие глыбы седьмого ледяного пояса, или что-то подобное стае чудовищных птиц налетает и сжигает их! А для тех кораблей, которые все-таки сели, возврата нет. Мы и не пытаемся снова поднять их в воздух. Даже если посадка обходится без поломок, они все равно обречены на гибель из-за мгновенной коррозии. При юпитерианском давлении водород выкидывает с металлами забавные штуки. Забросить туда Джо — одного Ю-сфинкса — стоит в итоге около пяти миллионов долларов. Каждый следующий, если повезет, обойдется еще в несколько миллионов.

Викен отворил дверь и первым шагнул в нее. За дверью оказался большой зал с низким потолком. В холодном свете мягко жужжали вентиляторы. Все это напоминало атомную лабораторию. Корнелиус не сразу понял, в чем же конкретно состоит сходство, пока не рассмотрел сложной аппаратуры дистанционного управления и наблюдения, не пощупал мощные стены.

— Такие стены приходится строить для защиты от давления, — сказал Викен, указывая на ряды переборок. — И от холода. И еще от водорода, хотя он не так страшен. За ними находятся камеры, где в точности воспроизведены условия атмосферы Юпитера. Здесь-то весь проект и начался.

— Я кое-что слышал об этом, — кивнул Корнелиус. — Вы не участвовали в ловле космических спор?

— Я лично — нет, — ухмыльнулся Викеп. — Это команда Тотти, лет пятьдесят назад. Доказали, что на Юпитере есть жизнь. Причем жизнь эта использует вместо воды жидкий метан, а как исходный материал для азотного синтеза — твердый аммиак. При помощи солнечной энергии растения вырабатывают неокисленные углеродные соединения, в результате чего выделяется свободный водород. Животные поедают растения и переводят эти соединения снова в окисленную форму. Там есть даже процесс, соответствующий земному горению. В реакциях участвуют сложные ферменты... Но все это не по моей части.

— Значит, биохимия Юпитера неплохо исследована?

— О да! Уже во времена Тотти умели синтезировать земные бактерии, знали большинство генетических кодов. Единственной причиной, почему так долго не удавалось научно познать процесс жизни на Юпитере, были технические трудности, давление и тому подобное.

— Когда же, наконец, удалось взглянуть на поверхность Юнитера?

— Лет тридцать назад. Это сделал Трэй. Он сумел посадить на Юпитер корабль с телевизионной установкой, которая продержалась достаточно долго, чтобы передать ему целую серию снимков. С тех пор техника далеко шагнула вперед. Нам известно, например, что Юпитер буквально кишит загадочными формами жизни, и она там, может быть, даже обильней, чем на Земле. Взяв за образцы атмосферные микроорганизмы, наша команда провела пробный синтез метазона и... — Викен вздохнул. — Черт, если бы только там была собственная разумная жизнь! Подумайте, Корнелиус, сколько бы они могли нам порассказать, сколько данных... Эх! Вспомните только, как далеко мы шагнули после Лавуазье в вопросах земной химии низких давлений. А ведь там по меньшей мере такие же богатые возможности изучить химию и физику высоких давлений!

— А вы уверены, что там нет юпитерианцев? — после небольшой паузы хитровато спросил Корнелиус.

— Там их могут быть миллиарды! — Викен пожал

плечами. — Города, империи, все, что хотите. Площадь Юпитера в сотни раз больше земной, а мы видели только с дюжину небольших районов. Но мы знаем, что там нет существ, которые бы использовали радио. Вряд ли они додумаются до него сами. Представляете, какую толщину должны иметь на Юпитере радиолампы, какие нужны насосы?.. Так что мы в конце концов решили создать своего юпитерианца.

Викен провел Корнелиуса через лабораторию в следующую комнату. Она была не так загромождена, выглядела более законченной. Творческий беспорядок экспериментатора уступил место уверенной точности инженера.

Викен подошел к одному из щитов, тянувшихся вдоль стен, и посмотрел на приборы.

— За ним лежит другой Ю-сфинкс, — сказал он, — на этот раз самка. Она находится под давлением в двести атмосфер, при температуре сто девяносто четыре градуса ниже нуля. Здесь применена установка — я бы назвал ее «маточная установка», — позволяющая хранить модели существ живыми. В этом... ну... эмбриональном состоянии наша самка развилась до степени взрослой особи. Мы создали нашего юпитерианца по подобию земных млекопитающих. Она никогда не имела сознания и не будет иметь, пока не окажется, так сказать, «рождена». У нас здесь запасено двадцать самцов и шестьдесят самок. Можно рассчитывать, что половина из них достигнет поверхности. Если понадобится, сделаем и больше.

Не так сами Ю-сфинксы дороги, — продолжал он, — как их доставка. Поэтому Джо будет оставаться один, пока мы не убедимся, что его вид жизнеспособен.

— Насколько я понял, вы сначала экспериментировали с низшими формами жизни? — сказал Корнелиус.

— Конечно. Несмотря на применение мощных катализаторов, понадобилось двадцать лет, чтобы совершить путь от искусственных космических спор до Джо. Мы отрабатывали пси-лучевую технику управления на всех формах жизни. Межвидовое управление вполне удается, если нервная система искусственной модели животного специально приспособлена для этого и не

имела случая создать собственной системы реакций, отличной от импульсов пси-оператора.

— И Джо — первый вид, с которым начались затруднения?

— Да.

— Придется зачеркнуть одну гипотезу.

Корнелиус присел на рабочий стол, болтая толстыми ногами и поглаживая ладонью свои жидкие, песочного цвета волосы.

— Я думал раньше, что это может быть связано с физическими условиями на Юпитере. Теперь же мне кажется, что причины надо искать в самом Джо.

— Сначала мы тоже подозревали что-то вроде этого, — сказал Викен. Он зажег сигарету, затянулся, так что его худые щеки глубоко запали, и мрачно посмотрел на Корнелиуса. — Однако трудно понять, как это могло получиться. Биоинженеры говорили мне, что Pseudocentaurus Sapiens сконструирован более тщательно, чем любой продукт естественной эволюции.

— Даже его мозг?

— Да. Он точно скопирован с человеческого, чтобы сделать возможным пси-лучевое управление. Однако введены и некоторые усовершенствования, например бо́льшая нервная устойчивость.

— Ну, тут есть еще и психологическая сторона, — сказал Корнелиус. — Несмотря на все наши усилители и прочие хитрые штуки, пси-лучевое управление до сих пор относится в первую очередь к области психологии. А может, дело и не в этом... Возьмите хотя бы травматические шоки. Наверное, взрослый юпитерианский зародыш пережил тяжелую посадку?

— Корабль — да, — сказал Викен, — но не сам Ю-сфинкс. Он спокойно плавал в жидкости вроде той, в которой все мы находились до момента рождения.

— И все-таки, — настаивал Корнелиус. — Ведь двести атмосфер, под которыми он хранился здесь, не могут абсолютно точно соответствовать давлению на Юпитер. Могла эта перемена подействовать пагубно?

Викен посмотрел па него с уважением.

— Вряд ли, — ответил он. — Я же вам говорил, что Ю-звездолеты сознательно сконструированы негер-

метичными. Внешнее давление передается на маточный механизм постепенно, через цепь фильтров. Вспомните, что посадка занимает несколько часов.

— Ну, а потом? — продолжал допытываться Корнелиус. — Корабль садится, маточный механизм открывается, «пуповина» отсоединяется, и Джо, так сказать, «рождается». Но ведь мозг у Джо взрослый! Он же не защищен, как полуразвитый детский мозг, от шока внезапно пробуждающегося сознания!

— Мы и об этом позаботились, — сказал Викен. — Энглси находился на пси-луче, заранее настроенном на Джо, с того момента, как корабль покинул спутник. Так что никакого неожиданного возникновения сознания не было. Джо с самого начала был только психологической копией Энглси. Он не мог пережить большего душевного потрясения, чем Эд. Ведь там, на Юпитере, по сути дела, Эд, а не Джо!

— Будь по-вашему, — упирался Корнелиус. — И все-таки не нацию же управляемых моделей вы хотите создать! Ведь нет?

— Боже избави, — сказал Викен. — Об этом и речи быть не может. Как только мы убедимся, что Джо хорошо освоился, мы затребуем с Земли еще парочку пси-операторов и отправим Джо подмогу в виде новых Ю-сфинксов. Следующее поколение возникнет, так сказать, естественным путем. Ведь конечная наша цель — это маленькая юпитерианская цивилизация. Там будут охотники, горняки, ремесленники, земледельцы, домашние хозяйки, промышленные рабочие. Они будут содержать несколько привилегированных лиц вроде местного духовенства. Именно эта элита и будет находиться под нашим управлением, как Джо. Они будут заняты только изготовлением инструментов, воспитанием населения, научными экспериментами. Они-то и сообщат нам все, что мы захотим узнать.

Корнелиус кивнул. Насколько он понял, именно в этом и состояла суть «проекта Юпитер». Теперь он мог оценить важность своего собственного назначения. Но у него так и не было ключа к разгадке этих постоянных вибраций в К-трубке.

Пока он был бессилен.

* * *

Руки Энглси все еще кровоточили.

Господи, — со стоном подумал он в сотый раз, — *неужели это так на меня действует? Пока Джо там сражался, неужели я действительно мог, оставаясь здесь, в кровь разбить кулаки о металлический пульт?!*

Его взгляд скользнул по комнате к столу, за которым работал Корнелиус. Он не любил этого толстого, сосущего сигары слюнтяя с его бесконечными разговорами. Он уже не заставлял себя быть вежливым с этим «земляным червем».

Псионик положил отвертку и потянулся, разминая усталые руки.

— Ух!.. Хочу немного передохнуть.

Наполовину собранный передатчик — легкое ажурное сооружение — выглядел не на месте рядом с его толстым пухлым телом. Да и сидел он на своей лавке как-то по-жабьи, неуклюже поджав ноги. Энглси тяжело переживал сам факт, что ему приходилось ежедневно с кем-то делить эту комнату, хотя бы на несколько часов. Последнее время он требовал, чтобы ему приносили еду прямо сюда. Он уже давно не выходил за порог пункта управления. *Да и зачем, собственно?*

— Что вы с ним возитесь столько времени? — проворчал Энглси.

Корнелиус покраснел.

— Если бы у вас был готовый запасной агрегат вместо этих частей... — начал он. Пожав плечами, он вынул окурок сигары и тщательно прикурил: запас надо было растянуть надолго.

Энглси размышлял, не назло ли ему Корнелиус выпускает изо рта эти вонючие клубы дыма. *Вы мне не нравитесь, господин землянин, и это, безусловно, взаимно.*

— Пока не прибудут другие пси-операторы, в новом передатчике нет особой надобности, — сказал Энглси угрюмо. — А мой, судя по контрольным приборам, в полном порядке.

— И тем не менее, — сказал Корнелиус, — через определенные промежутки времени в нем возникает

дикое возмущение, которое сжигает К-трубку. Вопрос в том, почему? Как только новый передатчик будет готов, вы его испробуете. Хотя, откровенно говоря, я вообще не думаю, что тут дело в электронике... или даже в каких-то неожиданных причинах физического порядка.

— В чем же тогда? — По мере того как разговор приобретал чисто технический характер, Энглси чувствовал себя все свободнее.

— Ну посудите сами. Что такое К-трубка? Это сердце передатчика. Она усиливает природные психические импульсы, преобразует их в модуляцию волны — носителя и выстреливает пучок пси-лучей туда, к Джо. Она также улавливает ответные импульсы Джо и усиливает их для вас. Все остальное только служебное дополнение.

— Обойдусь без ваших лекций, — проворчал Энглси.

— Я повторяю очевидные вещи только потому, — сказал Корнелиус, — что порой самый простой ответ труднее всего найти. Может, это не К-трубка шалит. Может, все дело в вас.

— Что?! — Побелевшее лицо калеки уставилось на него.

— Я не имею в виду ничего обидного, — торопливо проговорил Корнелиус. — Но вы же знаете, что за подлая бестия наше подсознание. Предположите в качестве рабочей гипотезы, что в глубине души вы не хотите быть на Юпитере. Насколько я представляю, обстановка там жуткая. Что, если сюда примешивается какой-нибудь затаенный страх? Может быть, например, ваше подсознание не в состоянии понять, что смерть Джо не означала бы вашей собственной смерти?

— Вы можете объяснить подробнее?

— Только в общих чертах, — ответил Корнелиус. — Ваше сознание посылает двигательный импульс по пси-лучу к Джо. Одновременно ваше подсознание, в котором гнездится страх, подает свои собственные тревожные импульсы — сосудистые, сердечные, всякие. Они действуют на Джо, а его напряженность передается назад по лучу. В свою очередь, вы воспринимаете симп-

томы страха Джо, и тревога в вашем подсознании растет, снова усиливая эти симптомы. Понятно? Точь-в-точь как обыкновенная неврастения, с одним только исключением: из-за участия мощного усилителя — К-трубки обратная связь может бесконтрольно нагнетать вибрацию за считанные секунды. Скажите еще спасибо, что сгорает лампа, а то бы это могло случиться с вашим мозгом!

Мгновение Энглси оставался спокойным. Потом он засмеялся. Это был грубый, варварский смех, больно ударивший Корнелиуса по барабанным перепонкам.

— Хорошенькая мысль, — сказал пси-оператор. — Боюсь только, что не все концы сходятся. Дело в том, что мне там нравится. *Мне нравится быть Джо.*

Он помедлил, а потом продолжал безразличным тоном:

— Не судите об обстановке по моим записям. Это просто идиотские цифры вроде скорости ветра, перепадов температур, свойств минералов. Все это чепуха. Разве можно по ним понять, как выглядит Юпитер в инфракрасном зрении Джо?

— Я думаю, совсем не так, как мы себе представляем, — отважился ответить Корнелиус после минуты неловкого молчания.

— И да и нет. Это трудно выразить словами. Некоторые вещи я просто не в состоянии передать, так как человеческий язык не имеет соответствующих обозначений. Но... Нет, не могу. Сам Шекспир не сумел бы. Запомните только, что холод, мрак, бури Юпитера, столь пагубные для нас, — это именно то, что нужно Джо.

Энглси перешел почти на шепот, словно говорил сам с собой:

— Представьте себе, что над вами сияющее фиолетовое небо, полное огромных блистающих облаков, тени которых несутся по планете вместе с благодатными потоками дождя. Или горы словно из отполированного металла, верхушки которых взрываются по ночам алым фейерверком в адском хохоте грома, раскатывающегося по всей долине. Представьте, что вы сидите на берегу прозрачного чистого ручья, окруженного низко-

рослыми деревьями, а их кроны буквально усыпаны благоухающими цветами, словно выкованными из темной меди. Или водопад — хотите, называйте его «метанопадом», — низвергающийся с огромной скалы. Свежий ветер ворошит его пенистую гриву, в которой запуталась радуга... А темные, полные незнакомой жизни юпитерианские леса... Когда продираешься через их чащу, вокруг тебя то тут, то там пульсируют во мраке красноватые блуждающие огни — жизненная радиация мелких проворных животных, населяющих лес. А...

Голос Энглси превратился в невнятное ворчание и, наконец, совсем умолк. Он уткнул голову в сжатые кулаки. Когда он, наконец, поднял ее, из-под плотно сжатых век текли слезы.

— Представьте себе, что вы *здоровый и сильный!*

Вдруг Энглси вздрогнул, нахлобучил шлем на голову и начал судорожно крутить рукоятки передатчика. Далеко в юпитерианской ночи Джо еще спал. Но он вот-вот проснется и, задрав голову к четырем огромным лунам, весело зарычит, так, чтобы весь лес замер в почтительном страхе...

Корнелиус неслышно выскользнул за дверь.

* * *

В отливающем медью свете юпитерианского заката под темными грядами облаков, в которых созревала новая буря, Джо бодро шагал по склону холма с чувством человека, хорошо прожившего трудовой день. За его спиной болтались две большие плетеные корзинки. Одна из них была нагружена черными колючими плодами местной разновидности терновника, другая — полна мотками толстых, как канаты, лиан, которые должны были заменить ему веревку. Лучи заходящего солнца тускло блестели на лезвии топора, который он нес на плече.

Работа не была трудной, но где-то в глубине его сознания залегла усталость, и Джо не хотелось думать о том, что надо еще приготовить пищу, прибраться и выполнить ряд других нудных хозяйственных дел. Почему они не торопятся прислать ему помощников?

С обидой, смешанной с надеждой, Джо посмотрел в грозовое небо. Станции Ю-5 не было видно. Отсюда, со дна воздушного океана, можно было увидеть только Солнце да четыре гигантских спутника Галилея. Он даже точно не знал, где сейчас находится Ю-5.

Минутку... здесь сейчас закат, а если я выйду на площадку обозрения, то увижу Юпитер в последней четверти или... Черт, мы ведь затрачиваем всего половину земного дня, чтобы совершить оборот вокруг планеты...

Джо затряс головой. Хотя прошло столько времени, ему все еще иногда бывает чертовски трудно сосредоточиться.

Это я главный! Я, летящий высоко в небесах между холодными звездами на Ю-5. Помни об этом! Открой глаза, если можешь, и ты увидишь призрачный пост управления, словно наложенный на реальный склон холма перед тобой.

Джо попробовал — и не сумел. Вместо поста управления он увидел серые валуны, разбросанные ветром по мшистому склону. Они не были похожи на земные глыбы, так же как почва под его ногами не имела ничего общего с сочным земным черноземом.

Какое-то мгновение Энглси размышлял над происхождением кремней, алюминатов и других горных пород Юпитера. Теоретически на этой высоте не должны были встречаться минералы. Им следовало бы быть замурованными в недрах планеты, на недоступной глубине, где давление способно вызывать деформации электронных оболочек атомов. Над твердым ядром должен был располагаться слой аморфного льда толщиной в несколько сот миль, а над ним — оболочка из металлического водорода. Но ничего подобного не было.

Может быть, Юпитер и на самом деле возник в соответствии с этой теорией, но затем ненасытная глотка его притяжения засосала достаточно космической пыли, метеоров, газов и паров, чтобы создать корку в несколько миль толщиной. А скорее всего сама теория была неверна. Что они знали, что они *могли* знать, эти мягкие бледные земляные черви?

Энглси сунул свои — Джо — пальцы в рот и свистнул. В кустах раздался лай, и три «полуночных гостя» (этот визит их собратьев когда-то чуть не кончился гибелью Джо) сломя голову бросились к нему. Он улыбнулся и погладил их по головам. Приручение «щенков» этих черных тварей, которых он подобрал на охоте, шло значительно быстрее, чем он ожидал. Они станут его сторожами, пастухами, слугами.

На вершине холма Джо решил построить себе дом. Он отмерил акр площади и воздвиг вокруг него частокол. На огороженной площадке уже стоял шалаш, где он спал сам и хранил свои запасы. Тут же журчал метановый ключ. В центре угадывался фундамент будущего дома, большого и удобного.

Но работы слишком много для одного. Несмотря на помощь полуразумных черных тварей и холодильника, где держат мясо, большая часть времени попрежнему будет уходить на охоту. К тому же запасы дичи в округе не безграничны. Примерно через год — юпитерианский, в котором двенадцать земных, подумал Энглси — ему придется заняться земледелием. А ведь еще надо закончить дом, установить на реке водяное — черт, метановое — колесо, чтобы приводить в движение десяток машин, которые он задумал. И со сплавами льда он хотел поэкспериментировать...

Ладно, оставим вопрос о помощниках. Но почему он вообще должен жить здесь один, без жены, без друзей, единственным разумным существом на всю планету? Это просто несправедливо!

Но я не один. Со мной на спутнике пятьдесят человек. Я могу поговорить с любым из них, если захочу. С тем же Корнелиусом. Плохо то, что последнее время мне этого редко хочется. Мне куда больше нравится быть Джо.

И все же... Я, калека, переживаю усталость, гнев, боль, отчаяние этой великолепной биологической машины. Этого никто не желает понимать. Когда аммиачная буря ранит Джо, ведь это у меня идет кровь.

Джо со стоном опустился на землю. Блеснув клыками, черные твари бросились к нему, пытаясь лизнуть в лицо. В животе урчало от голода. Он слишком

устал, чтобы встать и приготовить себе поесть. Вот когда он натаскает собак... Но насколько приятнее было бы обучать другого Ю-сфинкса.

В сгущавшейся тьме своего усталого сознания Джо до боли ясно увидел, как это будет. Там, внизу, в долине, — огонь и гром посадки. Стальное яйцо раскроется, металлические руки, уже рассыпающиеся в пыль,— ничтожное творение бледных червей — вынут тело и бережно положат на землю. Она начнет двигаться, впервые наполнит свои легкие воздухом, посмотрит вокруг мутными, бессмысленными глазами. Джо подойдет к ней, возьмет на руки и отнесет в дом. Он будет кормить ее, заботиться о ней, научит ходить... Это не займет много времени: взрослое тело быстро усваивает такие вещи. Через несколько недель она даже заговорит, в ней появится личность, душа.

Жалкий план людей — сплошное издевательство. Они заставят его ждать еще два земных года, а потом подсунут ему новую управляемую куклу вроде него самого, из глаз которой, по праву принадлежащих юпитерианцу, будет смотреть презренный человеческий разум. С этим нельзя мириться!

Если бы только он не так устал...

Джо вздрогнул и сел. Сон покидал его по мере того, как сознание возвращалось. О *его* усталости не стоило и говорить. Это Энглси сдал. Ведь он уже целый месяц спит урывками, к тому же в последнее время его отдых нарушен присутствием этого Корнелиуса. Устало земное человеческое тело. Оно-то и посылает мягкие обволакивающие волны сна по пси-лучу к Джо!

Энглси проснулся и выругался. Здесь, под колпаком шлема, четкая реальность Юпитера в его сознании поблекла, словно окуталась дымкой. Стальная тюрьма, служившая ему лабораторией, придвинулась и заслонила ее. Он терял контакт с Джо... Быстрыми, точными движениями Энглси снова настроился на биотоки другого мозга. Он внушал Джо сонливость, как иногда человек наводит сон на самого себя!

И, как у всякого раба бессонницы, у него ничего не вышло. Тело Джо слишком хотело есть. Оно

встало и двинулось к тому месту, где была спрятана пища.

К-трубка мелко задрожала и взорвалась.

* * *

В ночь перед отправкой кораблей Корнелиус и Викен засиделись.

Строго говоря, это трудно было назвать ночью. За двенадцать часов миниатюрная луна полностью обогнула Юпитер, проделав путь от темноты до темноты. Весьма возможно, что теперь над ее утесами вовсю светило маленькое бледное солнце, в то время как в Гринвиче наступил «час ведьм».

Викен покачал головой.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Слишком внезапное изменение планов. Слишком велика игра.

— Чем вы рискуете? Всего тремя самцами и дюжиной самок, — ответил Корнелиус.

— И пятнадцатью Ю-звездолетами. Всеми, что у нас есть. Если идея Энглси себя не оправдает, то пройдут месяцы, может быть, больше года, пока мы не построим новые корабли и не возобновим воздушное наблюдение.

— Но если она себя оправдает, — сказал Корнелиус, — то корабли понадобятся вам только для того, чтобы доставлять новых Ю-сфинксов. Вы будете слишком заняты обработкой данных, получаемых с самого Юпитера, чтобы заниматься пустяковыми исследованиями в атмосфере.

— Конечно. Просто мы не ждали этого так быстро. Мы хотели сначала завезти сюда еще пси-операторов для управления новыми Ю-сфинксами.

— Но они не нужны, — сказал Корнелиус. Он закурил сигарету и глубоко затянулся, подыскивая слова, чтобы тоже выразить свои мысли. — Во всяком случае, некоторое время. Джо достиг такой стадии, когда при соответствующей помощи он способен перескочить через несколько тысяч лет человеческой эволюции. Не за горами время, когда он сможет наладить что-нибудь вроде радиосвязи, которая сделает

ваше пси-лучевое управление и вовсе ненужным. Просто глупо заставлять высококвалифицированного пси-оператора делать черную работу, которую прекрасно могут выполнить другие Ю-сфинксы под командой Джо. Когда юпитерианская колония окончательно оформится, тогда, конечно, можно послать туда новых управляемых Ю-сфинксов.

— *Но вот вопрос,* — настаивал Викен, — сумеет ли Энглси один обучить их всех? Ведь много дней они будут беспомощны, как дети. Пройдут недели, пока они действительно начнут соображать и действовать. Сможет ли Джо позаботиться о них до тех пор?

— Он запасся пищей и топливом на месяцы вперед, — ответил Корнелиус, — Что же касается способностей Джо, то тут нам придется положиться на оценку Энглси.

— Но когда эти Ю-сфинксы оформятся как личности, — проговорил Викен озабоченно, — разве они обязательно будут слушаться Джо? Не забудьте, наши юпитерианцы делаются не под копирку. Принцип неопределенности обеспечивает каждому уникальную генетическую структуру. Если на всем Юпитере окажется только один человеческий разум среди всех этих враждебных...

— Вы сказали *человеческий?!*

Вопрос прозвучал еле слышно. Но Викен и сам разинул рот от удивления, поняв, что именно он сказал. Тогда Корнелиус быстро заговорил:

— О, я уверен, что Джо по-прежнему сможет господствовать над ними. Он представляет собой достаточно яркую индивидуальность.

Викен поглядел ошеломленно.

— Вы действительно так думаете?

Психоник кивнул.

— Да. За последние недели я узнал о нем больше, чем кто-либо другой. Моя профессия, естественно, заставляет меня больше внимания обращать на психологию человека, чем на его тело и лицо. Вы видите только угрюмого калеку. Я же вижу разум, который сумел противопоставить своей физической неполноценности такую адскую энергию, такую нечеловече-

скую способность концентрации, что она меня почти пугает. Дайте этому разуму здоровое тело — и для него не будет ничего невозможного.

— Может быть, тут вы правы, — пробормотал Викен после минуты размышления. — Но это уже неважно. Решение принято. Завтра ракеты приземлятся на Юпитере. Я надеюсь, все будет хорошо.

Он снова помедлил. В его маленькой комнате жужжание вентиляторов казалось нестерпимо громким, а краски висящего на стене женского портрета — до боли яркими. Потом Викен снова заговорил:

— Последнее время вы довольно неразговорчивы, Ян. Когда вы рассчитываете закончить свой собственный передатчик и приступить к опытам?

Корнелиус огляделся. Дверь в пустой коридор была распахнута. Он потянулся и прикрыл ее, прежде чем ответить с легкой усмешкой:

— Вот уже несколько дней, как он готов. Только, пожалуйста, никому не говорите.

— Как же так?

Викен вздрогнул. В условиях почти полной невесомости это движение едва не выбросило его из кресла на стол, стоявший между ними.

— Последнее время я просто бессмысленно, для отвода глаз позвякивал инструментами, — сказал Корнелиус. — Я жду минуты, когда буду уверен, что все внимание Энглси направлено на Джо. Завтрашняя операция — как раз то, что мне нужно.

— *Но зачем?*

— Видите ли, я уверен, что неполадки в передатчике не физического, а психологического свойства. Мне кажется, по каким-то причинам, запрятанным в его подсознании, Энглси не хочет находиться на Юпитере. Конфликт такого рода вполне может вызывать вибрацию в цепи пси-усилителя.

— Гм, — Викен потер подбородок. — Может быть. За последнее время Эд меняется все больше и больше. Когда он только прибыл, он уже был достаточно вспыльчив, но хоть соглашался иной раз перекинуться в покер. Теперь же он настолько забился в свой панцирь, что его совсем не видно. Я как-то не думал об

этом раньше... но теперь... Нет, ей-богу, это именно Юпитер так повлиял на него.

— Да... — протянул Корнелиус. Он не хотел вдаваться в подробности: например, он сознательно обошел тот абсолютно нетипичный эпизод, когда Энглси попытался описать ему, что значит быть юпитерианцем.

— Правда, — сказал Викен задумчиво, — на других пси-операторов это не очень-то действовало. Да и на Эда, пока он управлял искусственными организмами более низкого типа. Он изменился только с тех пор, как на Юпитер был высажен Джо.

— Да, да, — поспешно согласился Корнелиус, — знаю. Но хватит беспочвенной болтовни...

— Нет, подождите, — проговорил Викен тихим торопливым голосом, не глядя на Корнелиуса. — Впервые я начинаю что-то понимать... Никогда раньше не пытался этого анализировать, просто констатировал факт, что не все идет гладко. С Джо действительно связаны странные вещи. Вряд ли это может быть следствием его физического склада или обстановки, ведь при работе с низшими формами никаких затруднений не было. Может быть, дело в том, что Джо является первой в истории управляемой моделью с потенциально *человеческим разумом?*

— Мы строим догадки на пустом месте, — сказал Корнелиус. — Возможно, завтра я смогу вам все объяснить. Сейчас я ничего не знаю.

Викен выпрямился. Его взгляд буквально впился в Корнелиуса.

— Минуточку, — сказал он.

— Ну? — Корнелиус беспокойно заворочался, приподнявшись в кресле. — Побыстрее, пожалуйста. Мне уже давно пора спать.

— Вы знаете значительно больше, чем рассказали мне, — сказал Викен с горечью. — Ведь так?

— С чего вы это взяли?

— Вас нельзя назвать талантливым лгуном. И потом вы так настойчиво выступали за план Энглси, за эту посылку новых Ю-сфинксов. Настойчивее, чем пристало новичку.

— Я же вам сказал. Я хочу, чтобы его внимание было сосредоточено, когда я...

— Будто это вам так уж нужно? — выпалил Викен.

Корнелиус с минуту молчал. Потом он вздохнул и откинулся в кресле.

— Ну ладно, — сказал он устало. — Мне придется положиться на вашу скромность. Поймите, я совершенно не представляю, как вы, старожилы станции, воспримете это. Поэтому я не хотел болтать о своих умозаключениях, которые могут еще оказаться неверными. Если бы я имел подтвержденные факты, я бы рассказал о них. Но мне не хочется нападать на сложившееся убеждение, опираясь только на голую теорию.

Викен усмехнулся.

— Что вы, черт вас подери, имеете в виду?

Корнелиус яростно запыхтел своей сигарой. Огонек на ее конце то разгорался ярко, то почти потухал, словно таинственная алая звездочка.

— Ваш Ю-5 не просто исследовательская станция, — сказал он мягко. —Это образ жизни, ведь так? Никто бы сюда не поехал, даже на один рейс, если бы работа была ему безразлична. Те же, кто остается на второй срок, должны были найти в своем труде что-то такое, чего Земля со всеми ее богатствами не в состоянии им предложить. Так?

— Так,— ответил Викен почти шепотом. — Я не думал, что вы настолько быстро поймете. Но что из этого?

— Я не хотел говорить вам, пока у меня не будет доказательств, но... может быть, все было зря. Возможно, вы впустую растратили свои силы и массу денег, и вам не останется ничего другого, как сложить пожитки и отправиться домой.

Ни один мускул на худом длинном лице Викена не дрогнул. Казалось, оно застыло. Нарочито спокойным голосом он спросил:

— Почему?

— Вспомните Джо, — сказал Корнелиус. — Его мозг имеет те же способности, что у любого взрослого человека. Он регистрирует всю чувственную информацию, поступающую к нему со дня «рождения»,

регистрирует *у себя,* в своих собственных клетках, параллельно с тем, как она накапливается в «копилке памяти» Энглси здесь, на Ю-5. Мысль, знаете ли, тоже является чувственной информацией. И мысли невозможно разделить на маленькие аккуратненькие вагончики. Они образуют сплошное поле. Каждый раз, когда Энглси подключен к Джо, *все* его мысли проходят через синапсы Джо точно так же, как через его собственные, и каждая мысль порождает свои ассоциации, и все ассоциативные воспоминания регистрируются. Например, когда Джо строит хижину, стволы могут сложиться так, что они напомнят Энглси какую-нибудь геометрическую фигуру, что, в свою очередь, может вызвать в его памяти теорему Пифагора, а...

— Я понял, — сказал Викен озабоченно.—Пройдет время, и мозг Джо усвоит все, что накопил Эд.

— Верно. Дальше, нервная система с закодированным в ней опытом — в данном случае *нечеловеческая* нервная система — разве это не отличное определение понятия индивидуальности?

— Пожалуй, да... Господи! — Викен вскочил. — Вы хотите сказать, что Джо... берет верх?

— В известном смысле. Исподволь, автоматически, сам не сознавая этого.

Корнелиус глубоко вздохнул и бросился напролом:

— Ю-сфинкс — это почти совершенная форма жизни. Ваши биологи учли при ее конструировании все уроки, извлеченные из ошибок природы, когда она создавала нас. Сначала Джо был просто биологической машиной, управляемой на расстоянии. Затем — о, очень медленно — более здоровое тело... У его мыслей — больше веса... Понимаете? Джо становится доминирующей стороной. Например, в случае с этой посылкой новых Ю-сфинксов. Энглси только думает, что у него есть логические основания желать этого. На самом деле его «основания» — это только продукт осмысливания инстинктивных желаний Джо.

Подсознательно Энглси должен смутно, рефлекторно подозревать ситуацию. Он должен чувствовать, что его человеческое «я» постепенно растворяется под напором парового катка инстинктов *Джо* и желаний *Джо.*

Он пытается защитить свою собственную подлинность, но сминается превосходящей силой утверждающего себя подсознания Джо.

Жестокие слова, — закончил он извиняющимся тоном, — но я боюсь, что именно этим объясняются возмущения в К-трубке.

Медленно, словно старик, Викен кивнул.

— Да, понимаю, — проговорил он. — Враждебное окружение Юпитера... иная мозговая структура... Боже! Джо просто заглатывает Эда! Кукольник становится куклой.

Викен просто заболел от огорчения.

— Пока это только мои предположения, — сказал Корнелиус. Как-то сразу он тоже почувствовал неимоверную усталость. Ему было неприятно, что пришлось так поступить с Викеном, который ему нравился.

— Но вы понимаете дилемму? Если я прав, то любой пси-оператор превратится в юпитерианца — чудовище с двумя телами, из которых человеческое менее важно и служит простым дополнением. Это значит, что ни один пси-оператор не согласится управлять Ю-сфинксами. И тогда конец всему проекту.

Он встал.

— Мне жаль, Эрн. Вы заставили меня сказать, что я думаю, а теперь не сможете спать от тревоги. Право же, очень может статься, что я не прав и ваши тревоги окажутся напрасными.

— Чепуха, — пробормотал Викен. — К тому же, может быть, вы и не ошибаетесь.

— Не знаю.

Корнелиус направился к двери.

— Попытаюсь завтра найти ответ. Спокойной ночи, Эрн!

* * *

Ослепительные вспышки ракет, одна за другой взмывавших из своих гнезд, давно растворились в пространстве. Теперь вся армада, включив вспомогательные реактивные двигатели, планировала на легких металлических крыльях сквозь кромешный ад юпитерианского неба.

Открывая дверь пункта управления, Корнелиус бросил взгляд на переговорный пульт. Он был выключен. Когда Энглси работал в шлеме, он не допускал, чтобы хоть один посторонний звук мешал ему сосредоточиться. Вещавший на весь мир голос еле доносился откуда-то из-за стены:

— *Разбился один корабль... два корабля...*

Услужливый техник смонтировал над передатчиком Корнелиуса панель с пятнадцатью красными и пятнадцатью синими лампочками, чтобы он мог быть в курсе событий. Конечно, он сделал это скорее ради Эда, но тот сразу же решительно заявил, что и не взглянет на них.

Четыре красные лампочки не горели. Это означало, что четыре синие уже не подадут известия о благополучной посадке. Смерч, разряд молнии, парящий ледяной метеор, стая похожих на гигантских скатов птиц с телами, твердыми и плотными, как сталь, — сотни причин могли погубить эти четыре корабля, разбросав их обломки по жутким юпитерианским лесам.

Вот черт, уже четыре! А как же летевшие в них живые существа, каждое из которых обладает великолепным мозгом, не уступающим вашему собственному?! Подумать только, быть приговоренными к долгим годам кромешной тьмы, обрести сознание на какую-то непостижимую долю секунды — и все для того, чтобы тут же разбиться в кровавые клочья о ледяные уступы! Бессмысленная жестокость всего этого холодным комком подступила к горлу Корнелиуса. Правда, без этих жертв не обойтись, если мы хотим, чтобы на Юпитере появилась разумная жизнь. И уж лучше сделать это сразу, пожертвовав немногими, — подумал он, — по зато знать наверняка, что следующее поколение разумных юпитерианцев будет обязано своим рождением любви, а не машинам!

Он прикрыл за собой дверь и затаив дыхание стал ждать. Энглси сидел, повернувшись лицом к противоположной стене, так что можно было различить только инвалидное кресло да еле выглядывавшую из-за него верхушку шлема. Ни движения, ни хоть какого-нибудь признака жизни — ничего. Боже!

Будет страшно неудобно, более того — ужасно, если Энглси догадается об этом подслушивании. Впрочем, где ему заметить. Он оглох и ослеп от своей сосредоточенности.

Грузное тело псионика медленно двинулось к новому пси-передатчику. Корнелиусу совсем не нравилась роль соглядатая. Он бы ни за что не пошел на это, будь хоть малейшая надежда здесь, на месте, разобраться в том, что происходит. Но особой вины за собой он не чувствовал. Если его подозрения оправдаются, значит Энглси, сам того не ведая, оказался втянутым в нечеловеческую игру. Проследить за ним в этом случае — значит спасти.

Корнелиус осторожно включил приборы, и установка начала разогреваться. Осциллоскоп, встроенный в передатчик Энглси, сообщал ему точные данные об альфаритме мозга пси-оператора, служа своеобразными биологическими часами. Сначала надо было настроиться на их ход, а когда оба передатчика начнут работать точно в одной фазе, можно попробовать незаметно...

Разберись, в чем дело! Прочитай истерзанное подсознание Энглси и пойми, что там, на Юпитере, так притягивает и отпугивает его!

...пять кораблей разбились...

Ничего, уже скоро посадка. Может быть, в конечном счете только эти пять и погибнут, а остальные пробьются. Десять товарищей для... Джо?

Корнелиус тяжело вздохнул. Он посмотрел на калеку, слепого и глухого к внешнему миру, искалечившему его, и почувствовал жалость и злость. Во всем этом была какая-то несправедливость. Даже по отношению к самому Джо. Ведь он не был каким-то чудовищем, поедающим человеческие души. Он сам еще не понял, что он действительно Джо, а Энглси превратился в жалкий придаток. Он не просил, чтобы его создавали, и лишить его теперь второго человеческого «я» — значило бы погубить его. Так или иначе, когда человеческий разум переходит рамки «приличий», за это приходится расплачиваться всем, и дорогой ценой.

Корнелиус беззвучно выругался. Надо работать. Он сел и пристроил на голову шлем. Волна-носитель ти-

хо пульсировала, вызывая еле слышное дрожание нейронов в глубине его мозга. Это было непередаваемое ощущение.

Он потянулся к приборам и начал настраиваться на альфа-ритм мозга Энглси: импульсы его собственного мозга имели более низкую частоту. Сначала сигналы должны пройти через гетеродин... Так... Но почему же нет приема? Ах да, надо еще подобрать точную форму волны. Ведь тембр — такая же неотъемлемая часть мысли, как и музыка. Медленно, страшно осторожно Корнелиус поправил настройку.

Что-то промелькнуло в его сознании — видение облаков в лилово-красном небе, ощущение свежего ветра, мчавшегося в безграничном просторе, — и снова исчезло. Дрожащими руками он снова тронул рукоятку настройки...

Пси-луч между Энглси и Джо ширился, включая в себя сознание Корнелиуса. Он почувствовал, что видит Юпитер глазами Джо. Вот он стоит на холме и смотрит в небо над ледяными горами, ища жадным взором первую ракету. Но одновременно он оставался Корнелиусом, следящим за приборами, ищущим каких-то сигналов, символов — ключа к запертым в душе Энглси страхам.

И тут он почувствовал, что его самого охватывает нечеловеческий ужас.

* * *

Пси-лучевое слежение — это не просто пассивное подслушивание. Как любой радиоприемник является одновременно слабым передатчиком, так и воспринимающая нервная система сама посылает сигналы, откликаясь на источник пси-излучения. Конечно, при обычных условиях это излучение почти незаметно, но если ваши импульсы, в каком бы направлении они ни посылались, проходят через цепь мощных гетеродиновых и усилительных устройств с отрицательной обратной связью...

На заре психоники пси-лучевая терапия было зачахла. При тогдашней технике мысль одного человека,

пройдя через усилитель и поступая в мозг другого, складывалась с собственным нервным циклом последнего по простым векторным законам. В результате оба чувствовали возникавшие новые частоты как какое-то кошмарное трепыхание своих собственных мыслей. Пси-оператор, владевший приемами самоконтроля, еще мог их игнорировать, но пациент не мог, и вместо излечения человек получал травму.

Однако позже основные волновые тембры человеческого мозга были измерены, и опыты в области пси-лучевой терапии возобновились. Современный пси-передатчик анализирует входящий сигнал и переводит его данные на язык «слушателя». *Абсолютно* чуждые импульсы передающего мозга, которые невозможно перекодировать в соответствии с нейронной структурой принимающего мозга, задерживаются фильтрами.

Компенсированная таким образом чужая мысль может быть воспринята так же просто, как своя собственная. Когда пациент включен в пси-лучевую сеть, опытный пси-оператор способен подстроиться к ней без его ведома. При этом он может либо исследовать мысли пациента, либо внушать ему свои собственные.

План Корнелиуса, понятный любому специалисту-психонику, основывался именно на этом. Он хотел получить сигналы от ничего не подозревавшего Энглси-Джо. Если его гипотеза правильна и личность пси-оператора действительно исковеркана до неузнаваемости под стать чудовищной индивидуальности Джо, его мышление окажется слишком чуждым человеческому, чтобы пройти через фильтры. В этом случае до Корнелиуса дойдут одни обрывочные импульсы или вовсе ничего. Если же гипотеза неверна и Эпглси остается Энглси, то он воспримет только нормальный человеческий поток сознания и сможет перейти к исследованию других возможных причин нарушений в К-трубке.

...Страшный звон наполнил его мозг!

Что со мной?

На мгновение чуждое вмешательство, превратившее мысли в невнятное бормотание, потрясло его ужасом. Он судорожно глотнул свежего юпитерианского ветра. Чудовищные черные псы почуяли чужого и завыли.

Затем как-то сразу Джо понял все, и неудержимая волна гнева вытеснила из его мозга страх и все остальные ощущения. Он наполнил легкие и заорал во все горло, так что громовое эхо прокатилось по горам:

— Вон из моего мозга!

Он почувствовал, как Корнелиус сжался и юркнул куда-то в подсознание. Мощь удара его собственной воли и разума оказалась слишком сильной. Джо засмеялся — это было больше похоже на рычание — и внутренне расслабился. Над ним сквозь громовые тучи мелькнул свет первой снижающейся ракеты.

Корнелиусу захотелось назад, к уютному свету пульта управления. Его руки бессознательно потянулись к приборам, чтобы отключить передатчик и убежать.

— Не спеши ты так! — мрачно скомандовал Джо, и мускулы Корнелиуса застыли от ужаса. — Я хочу понять, что происходит. Замри и дай мне разобраться!

Джо испустил импульс, который должен был означать раскаленный добела вопросительный знак. В ответ на этот безмолвный вопрос, помимо воли Корнелиуса, воспоминания ярко вспыхнули в его мозгу.

— Так! Вот в чем дело! Вы думали, я боюсь быть на Юпитере, в теле Джо, и хотели узнать, почему? Но я же вам говорил, что не боюсь!

— *Я должен был вам поверить,* — прошептал Корнелиус.

— Ну тогда выключайтесь вон из цепи! — заорал во всю глотку Джо. — И никогда больше не появляйтесь в пункте управления! Поняли? К-трубки или что бы там ни было — я не хочу вас видеть! Пусть я калека, но я разнесу вас в клочки! А теперь отваливайте! Оставьте меня в покое. Первый корабль вот-вот сядет.

— *Вы... калека? Вы... Джо Энглси?*

— Что?!

Огромное серое существо на холме подняло свою варварскую голову, как по зову трубы.

— Что вы имеете в виду?

Неужели вы не понимаете? — слабо шевелились мысли в мозгу Корнелиуса. — *Ведь вам известно, как работает пси-лучевой передатчик... Вы же знаете, что я мог исследовать разум Энглси в его мозгу, оставаясь*

незамеченным. А полностью нечеловеческий мозг я вообще не смог бы исследовать, зато и он бы не уловил моего присутствия. Фильтры не пропустили бы такой сигнал. Но вы почувствовали меня в первую же долю секунды... Это может означать только одно — человеческий разум в нечеловеческом мозгу... Вы больше не обрубок человека на Ю-5. Вы Джо, Джо Энглси!

— Дьявол вас возьми, — сказал Джо, — вы правы!

Он отключил Энглси, одним жестоким, похожим на пинок импульсом выпихнул Корнелиуса из своего сознания и бросился вниз по холму встречать звездолет.

Корнелиус очнулся через несколько минут. Его череп раскалывался. Он нащупал основной рубильник, потянул его вниз, сорвал шлем с головы и со звоном бросил на пол. Но прошло немало времени, пока он собирался с силами, чтобы проделать то же с Энглси. Сам Эд уже ничем не мог себе помочь.

* * *

Они сидели в приемной станционного госпиталя и ждали. В резком свете помещение из металла и пластика казалось голым и холодным. В воздухе висел легкий запах антисептиков. Они находились в самом сердце спутника, отделенные от поверхности многокилометровой толщей скалы.

В маленькой жутковатой комнате не было никого, кроме Викена и Корнелиуса. Остальной экипаж станции механически занимался своими повседневными делами, чтобы убить время, пока не станет известно, что произошло. За закрытыми дверями три биотехника, выполнявших также роль медперсонала, боролись с ангелом смерти за бесчувственный обрубок, бывший когда-то Эдвардом Энглси.

— Девять кораблей благополучно сели, — сказал Викен мрачно. — Два самца и семь самок. Достаточно, чтобы основать колонию.

— С генетической точки зрения неплохо бы иметь побольше, — отозвался Корнелиус.

Он говорил приглушенным голосом, хотя весь был

переполнен радостью. Во всей этой истории было что-то внушавшее благоговение.

— Я все еще ничего не понимаю, — сказал Викен.

— О!.. Теперь все ясно. Я должен был догадаться раньше. Все факты были налицо, просто мы не сумели сделать из них простые, очевидные выводы. Прежде всего надо было перестать носиться с этой мыслью о чудовище, пожирающем людей.

— Да... — Голос Викена был похож на скрип. — А роль чудовища сыграли мы сами, не правда ли? И вот Эд умирает...

— Смотря что называть смертью.

Корнелиус глубоко затянулся сигарой, пытаясь обрести внутреннюю устойчивость. Его голос был намеренно бесстрастным.

— Подумайте. Проанализируйте факты. Кем был Джо? Существом с мозгом, подобным человеческому, но без собственного разума. Этакая tabula rasa — девственно чистая страница, — на которой пси-луч Энглси мог писать, что хотел. Мы пришли к совершенно правильному заключению — правда, с большим опозданием, — что, когда на этой странице будет записано достаточно много, возникнет личность. Весь вопрос — чья? Вполне понятный человеческий страх перед неизвестным внушил нам мысль, что в таком чуждом теле может возникнуть только личность чудовища, а не человека. Поэтому мы и решили, что она неизбежно должна оказаться враждебной Энглси, должна подавлять его...

Дверь открылась. Оба ученых вскочили, вопросительно глядя на хирурга. Тот только покачал головой.

— Все без толку. Типичный травматический шок, очень глубокий. Скоро все кончится. Если бы у нас было получше оборудование, тогда, может быть...

— Нет, — сказал Корнелиус. — Нельзя спасти человека, который сам решил умереть.

— Тут вы правы.

Доктор снял маску.

— Дайте мне кто-нибудь сигарету.

Когда он брал сигарету у Викена, его руки слегка дрожали.

— Но разве он мог что-то решать? — задохнулся физик. — Он же лежит без сознания с тех пор, как Ян вытащил его из этой... этой штуки.

— Это было решено куда раньше, — сказал Корнелиус. — Фактически эта развалина на операционном столе уже лишена разума. Я знаю, я сам был при этом.

Воспоминания были страшным мучением для Корнелиуса. Он чувствовал, что ему придется пройти курс внушения, чтобы освободиться от этих мыслей.

Доктор глубоко затянулся, подержал дым в легких и с силой выдохнул.

— Но-моему, теперь всему проекту конец, — сказал он. — Нам в жизни не заманить сюда другого пси-оператора.

— Уж это точно, — с горечью сказал Викен. — Я сам разобью эту дьявольскую машину.

— Постойте! — вскрикнул Корнелиус. — Как же вы не поймете? Это никакой не конец. Это начало!

— Я лучше пойду, — сказал врач. Он затушил сигарету и скрылся за дверью операционной, беззвучно закрывшейся за ним. На Корнелиуса и Викена пахнуло дыханием смерти.

— Что вы имеете в виду? — холодно спросил Викен, как бы воздвигая этим вопросом незримый барьер между собою и Корнелиусом.

— Неужели вам не ясно? — почти закричал псионик. — Ведь Джо перенял у Энглси все — мысли, память, привычки, страхи, интересы. Конечно, чужое тело и иная обстановка вызывают некоторые изменения, но не большие, чем могли бы произойти с человеком и на Земле. Если бы вы, скажем, избавились от изнурительной болезни, разве бы это не придало вам больше решительности, может быть, даже грубости? В этом не было бы ничего ненормального, так же как в том, что человеку хочется быть здоровым, ведь так? Понимаете меня?

Викен сел. Некоторое время он молчал. Потом страшно медленно, неуверенно он спросил:

— Вы имеете в виду, что Джо — это Эд?

— Или Эд — Джо. Как вам больше нравится. Сам себя он теперь зовет Джо. Для него это имя что-то

вроде символа свободы, обновления, но остается он самим собой. Что вообще есть «я», если не непрерывность существования? Он сам этого не понимал до конца. Он знал только — и я должен был ему поверить, — что на Юпитере он силен и счастлив. Ведь что вызывало возмущения в этих К-трубках? Простой истерический симптом! Подсознательно Энглси не боялся оставаться на Юпитере — он боялся возвращаться! И вот сегодня я подслушал его мысли, — взволнованно продолжал Корнелиус. — К этому моменту все его существо было сосредоточено на Джо, на здоровом юпитерианском теле, а не на больном обрубке человека на Ю-5. Это определило иную систему импульсов — не настолько чуждую, чтобы они не проходили через фильтры, но достаточно своеобразную, чтобы тут же обнаружить вмешательство. Потому он сразу и заметил мое присутствие. И тут ему открылась истина, так же как и мне... Знаете, что я почувствовал в тот последний момент, когда Джо вышвыривал меня из своего сознания? Нет, не ярость, она уже прошла. Он был груб, но его переполняло только одно чувство — радость. Я ведь *знал,* какой сильной личностью был Энглси! Как же я мог подумать, что мозг ребенка-переростка вроде Джо может пересилить его? А врачи-то! Стараются спасти безжизненный придаток, отброшенный за ненадобностью!

Корнелиус замолчал. Его горло совсем охрипло от этой тирады. Он прошелся по комнате, наполняя рот дымом, но не затягиваясь. Прошло несколько минут, и Викен задумчиво спросил:

— Ну хорошо. Вам лучше знать — как вы сказали, вы сами там были. Но что делать дальше? Как нам связаться с Эдом? Захочет ли он вступить с нами в контакт?

— Конечно, — сказал Корнелиус. — Не забывайте, что он остался самим собой. Теперь, когда на него не давит увечье, он должен стать более общительным. Подождите, вот пройдет новизна встречи с новыми друзьями, и ему обязательно захочется поговорить с кем-нибудь, как с равным.

— Ну, а кто же будет управлять новыми Ю-сфинк-

сами? — спросил Викен с сарказмом. — Например, я вполне счастлив в этом своем теле из мяса и костей. Так что спасибо!

— А разве Энглси был единственным безнадежным калекой на земле? — спокойно спросил Корнелиус.

Викен разинул рот.

— К тому же найдется немало и стариков... — продолжал псионик задумчиво, словно рассуждая сам с собой. — В один прекрасный день, мой друг, мы оба почувствуем, что наши годы подходят к концу. А ведь так много еще захочется увидеть... И тогда — кто знает? — может быть, и мы с вами захотим прожить еще одну жизнь в юпитерианском теле — трудную, бурную, полную страстей жизнь... Конечно, она окажется опасной, неспокойной, суровой. Но зато это будет жизнь, какой ни один человек не жил, может быть, со времен Елизаветы Первой. Нет, новых юпитерианцев найти будет совсем нетрудно!

Он повернулся к доктору, снова появившемуся на пороге операционной.

— Ну? — выдавил из себя Викен.

Врач подошел к ним и устало опустился в кресло.

— Кончено, — сказал он.

Все смущенно молчали.

— Странно, — снова заговорил доктор. Он рассеянно хлопал себя по карманам в поисках сигареты, которой у него не было. Викен протянул ему пачку.

— Очень странно, — продолжал врач задумчиво. — Я не раз сталкивался с подобными случаями. Когда люди просто не хотели больше жить... Но я никогда не видел, чтобы такой человек умирал с улыбкой. До самого конца — с улыбкой.

КЛИФФОРД
САЙМАК

КИМОН

Он был единственным пассажиром, направлявшимся на Кимон, и на борту космического корабля уже за одно это все носились с ним, как со знаменитостью.

Для того чтобы доставить его к месту назначения, кораблю пришлось сделать крюк в два световых года. Селдону Бишопу казалось, что деньги, которые он заплатил за проезд еще на Земле, не возмещали ущерба и вполовину.

Но капитан не роптал. Он сказал Бишопу, что считает делом чести доставить пассажира на Кимон.

Бизнесмены, летевшие на том же корабле, домогались его общества, платили за выпивку и доверительно рассказывали о перспективах торговли с новооткрытыми солнечными системами.

Но, несмотря на все эти доверительные разговоры, смотрели они на Бишопа с плохо скрываемой завистью и повторяли: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес».

То один, то другой бизнесмен толковал с Бишопом наедине и после первой же рюмки предлагал миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Миллиарды... а пока у него в кармане не было и двадцати кредиток, и он с ужасом думал о том, что ему тоже придется угощать других. Он не был уверен, что на свои кредитки сможет угостить всю компанию.

Представительные матроны брали его на свое попечение и осыпали материнскими ласками; женщины помоложе, завлекая его, осыпали ласками отнюдь не материнскими. И куда бы он ни направился, позади говорили вполголоса:

— На Кимон! Милочка, вы знаете, что значит отправиться на Кимон! Для этого нужна положительно

сказочная квалификация, надо готовиться годы и годы, а экзамен выдерживает один из тысячи.

И так было всю дорогу до самого Кимона.

* * *

Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, краем, где кончается радуга. Мало кто не мечтал о поездке туда, многие стремились осуществить свои мечты на деле, но среди тех, кто пытался добиться своего, преуспевали лишь очень немногие.

Немногим более ста лет назад до Кимона добрался (было бы неправильно говорить, что его открыли или что с ним вступили в контакт) неисправный космический корабль с Земли, который сел на планету и подняться с нее уже не мог.

До сих пор никто так и не узнал, что же там, в сущности, произошло, но в конце концов экипаж разломал свой корабль, поселился на Кимоне, а родные получили письма, в которых члены экипажа извещали их, что возвращаться не собираются.

Совершенно естественно, что между Кимоном и Землей никакого почтового сообщения быть не могло, но письма доставлялись самым фантастическим, хотя и, впрочем, самым логичным способом. И возможно, этот способ убедительнее всего показал земным властям, что Кимон именно таков, каким он изображался в письмах... Письма были свернуты в трубку и помещены в своеобразный футляр, напоминавший футляр пневматической почты. Он был доставлен прямо на стол руководителя мирового почтового ведомства. Не на стол какого-нибудь подчиненного, а на стол самого главного начальника. Футляр появился, пока начальник ходил обедать, и, как было установлено тщательным расследованием, на стол его никто не клал.

Тем временем чиновники почтового ведомства, по-прежнему убежденные, что стали жертвами какой-то мистификации, отправили письма к адресатам со специальными курьерами, которые обычно добывали себе хлеб насущный службой в Бюро Расследований.

Адресаты все, как один, утверждали, что письма

подлинные, так как в большинстве случаев узнавали знакомый почерк. И кроме того, в каждом письме содержались подробности, знакомые только адресатам, и это было еще одним доказательством, что письма настоящие.

Затем каждый адресат написал ответное письмо, их поместили в футляр, в котором прибыли письма с Кимона, а сам футляр положили на стол руководителя почтового ведомства, на то самое место, где его в свое время нашли.

С футляра не сводили глаз, и некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг он исчез, а как исчез, никто не заметил — футляра просто не стало, и все.

Через неделю-другую перед самым концом рабочего дня футляр появился снова. Руководитель почтового ведомства был увлечен работой и не обращал внимания на то, что происходит вокруг. И вдруг снова увидел футляр. И снова в нем были письма, но на сей раз конверты раздувались от сотенных кредиток, которые потерпевшие крушение космонавты посылали в подарок своим родственникам, хотя тут же следует отметить, что сами космонавты, по-видимому, не считали себя потерпевшими крушение.

В письмах они извещали о получении ответов, посланных с Земли, и сообщали некоторые сведения о планете Кимон и ее обитателях. Во всех письмах подробно объяснялось, как космонавты достали сотенные кредитки на чужой планете. Бумажные деньги, говорилось в письмах, были фальшивыми, сделанными по образцу тех, что были у космонавтов в карманах, но когда земные финансовые эксперты и служащие Бюро Расследований взглянули на банкноты, то отличить их от настоящих денег они не смогли. Но руководители Кимона, говорилось в письмах, не хотят, чтобы их считали фальшивомонетчиками. И чтобы валюта не обесценилась, кимонцы в самое ближайшее время сделают взнос в земной банк материалами, которые по своей ценности не только эквивалентны посланным деньгам, но и, если потребуется, покроют дальнейший выпуск денег.

В письмах пояснялось, что денег как таковых на Кимоне нет, но поскольку Кимон хочет дать работу людям с Земли, то пришлось изыскать способ оплаты их труда, и если земной банк и все организации, имеющие отношение к финансам, согласны...

Правление банка долго колебалось и толковало о всяких глубоких финансовых соображениях и экономических принципах, но все эти разговоры ни к чему не привели, потому что через несколько дней, во время перерыва, рядом со столом председателя правления банка появились несколько тонн тщательно упакованного урана и два мешка алмазов.

Теперь Земле ничего не оставалось делать, как принять существование Кимона за чистую монету и считать, что земляне, севшие на Кимон, возвращаться не собираются.

В письмах говорилось, что кимонцы — это гуманоиды, что они обладают парапсихическими способностями и создали культуру, которая намного обогнала культуру Земли и любой другой планеты Галактики, открытой к этому времени.

Земля подремонтировала один из космических кораблей, собрала корпус самых красноречивых дипломатов, надавала им кучу дорогих подарков и отправила все это на Кимон. Но уже через несколько минут после приземления дипломатов вышибли с планеты самым недипломатическим образом. По-видимому, Кимон не имел никакого желания связываться с второразрядной варварской планетой. Дипломатам дали понять, что когда Кимон пожелает установить дипломатические отношения с Землей, об этом будет объявлено особо. На Кимон же допускались люди, которые не только обладали определенной квалификацией, но и ярко проявили себя в научной деятельности.

С тех пор ничего не изменилось.

На Кимон нельзя было поехать просто по желанию. К этому надо было готовиться.

Прежде всего требовалось пройти специальное испытание умственных способностей, которое не выдерживали девяносто девять процентов. Выдержав испытание, надо было посвятить годы и годы изнурительному

учению, а потом опять держать письменный экзамен, и вновь происходил отсев. Едва ли один из тысячи выдерживал все экзамены.

Год за годом мужчины и женщины Земли пробивались на Кимон, селились там, процветали и писали письма домой. Ни один из уехавших не вернулся. Попавшему на Кимон, видимо, и в голову не приходило вернуться на Землю.

И все же за столько лет сведений о Кимоне, его обитателях и культуре стало ненамного больше. Эти сведения черпались только из писем, доставлявшихся со скрупулезной точностью каждую неделю на стол руководителя почтового ведомства. В них писали о таких заработках, которые на Земле и не снились, о великолепных возможностях разбогатеть, о кимонской культуре и о самих кимонцах, но все это так, вообще, — ни одной подробности о той же культуре, деловой жизни или о чем бы то ни было другом письма не сообщали.

И возможно, адресаты не слишком жалели об отсутствии конкретных сведений потому, что почти в каждом письме приходила пачка денег, новеньких и хрустящих, подкрепленных тоннами урана, мешками алмазов и штабелями слитков золота, которые время от времени появлялись у стола председателя правления банка.

Со временем у каждой семьи на Земле появилось честолюбивое желание послать хотя бы одного своего члена на Кимон, так как пребывание родственника там означало в конце концов, что здесь все его близкие будут иметь гарантированный и приличный доход на всю жизнь.

Естественно, о Кимоне рассказывали легенды. Конечно, в основном это были выдумки. В письмах опровергались слухи о том, что улицы там вымощены золотыми брусками, что кимонские девицы носят платья, усеянные бриллиантами.

Но те, чье воображение не ограничивалось золотыми улицами и бриллиантовыми платьями, прекрасно понимали, что по сравнению с возможностями, которые открываются на Кимоне, золото и бриллианты — это чепуха. Земной культуре до кимонской было далеко, лю-

ди там приобрели или развили в себе естественным путем парапсихические способности. На Кимоне можно было научиться тому, что произвело бы революцию в галактической промышленности и средствах сообщения, а кимонская философия направила бы человечество по новому и лучшему (и более прибыльному?) пути.

И рождались все новые и новые легенды, которые каждый толковал в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления.

Руководители Земли оказывали всяческую поддержку тем, кто хотел отправиться на Кимон, потому что руководители, как и все прочие, понимали, какие в этом таятся возможности для революции в промышленности и эволюции человеческой мысли. Но так как со стороны Кимона приглашения признать его дипломатически не следовало, они выжидали, строили планы и делали все, чтобы на Кимон поехало как можно больше людей. Но людей достойнейших, так как даже самый дремучий бюрократ понимал, что на Кимоне Земля должна быть представлена в лучшем виде.

Но почему кимонцы разрешали приезжать людям с Земли? Это было неразрешимой загадкой. По-видимому, Земля была единственной планетой Галактики, получившей разрешение присылать своих людей. Конечно, и земляне и кимонцы были гуманоидами, но это оставляло вопрос открытым, потому что они не были единственными гуманоидами в Галактике. Ради собственного утешения земляне считали, что исключительное гостеприимство кимонцев объясняется некоторым взаимопониманием, одинаковым мировоззрением, некоторым сходством эволюционного развития (конечно, при небольшом отставании Земли).

Как бы там ни было, Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, местом, куда надо стремиться и где надо жить, краем, где кончается радуга.

* * *

Селдон Бишоп оказался в местности, напоминавшей земной парк. Тут его высадила быстроходная космиче-

ская шлюпка, ибо космодромов на Кимоне не было, как не было многого другого.

Он стоял среди своих чемоданов и смотрел вслед шлюпке, направлявшейся в космос к орбите лайнера.

Когда шлюпка исчезла из виду, он сел на чемодан и стал ждать.

Местность чем-то напоминала земной парк, но на этом сходство ограничивалось. Деревья были слишком тонкими, цветы — чересчур яркими, трава — немного не такого цвета, как на Земле. Птицы, если это были птицы, напоминали ящериц, оперенье у них было непривычной расцветки и вообще не такое, как у земных птиц. Ветерок донес запахи, не похожие на запахи Земли. Чужие запахи, чужие цвета...

Сидя на чемодане посреди парка, Бишоп старался вызвать у себя ощущение радости оттого, что он, наконец, на Кимоне. Но он не чувствовал ничего, кроме удовлетворения, что ему удалось сохранить свои двадцать кредиток в целости и сохранности.

Ему потребуется немного наличных денег, чтобы продержаться, пока он найдет работу. Но и тянуть с этим нельзя. Конечно, брать первую попавшуюся работу тоже не стоит, надо поискать немного и найти наиболее подходящую. А для этого потребуется время.

Он пожалел, что не оставил побольше денег про запас. Но это значило бы, что он приехал бы сюда не с такими хорошими чемоданами, и костюмы пришлось бы шить не у портного, а покупать готовые...

Он говорил себе, что важно с самого начала произвести хорошее впечатление, и чем больше думал сейчас, тем меньше сожалел, что истратил почти все деньги, чтобы произвести хорошее впечатление.

Может быть, следовало взять у Морли взаймы. Морли ему ни в чем не отказал бы, а он потом расплатился бы, как только найдется работа. Но просить было противно, ибо, как он теперь понимал, это значило бы уронить достоинство, которое он чувствовал особенно сильно с тех пор, как его избрали для поездки на Кимон. Все, даже Морли, смотрели с почтением на человека, прорвавшегося на Кимон, и тут уж никак нельзя было просить о деньгах и прочих одолжениях.

Бишоп вспомнил свое последнее посещение Морли. Теперь он уже понимал, что, хотя Морли и его друг, в этом последнем визите был какой-то оттенок тех дипломатических обязанностей, которые Морли приходилось выполнять по долгу службы.

На дипломатическом поприще Морли пошел далеко и пойдет еще дальше. Руководители департамента говорили, что в Девятнадцатом секторе политики и экономики по манере говорить и вести себя, по умению ориентироваться он выделяется среди всех молодых людей. У него были подстриженные усы, и бросалось в глаза, что он тщательно ухаживает за ними. Волосы его всегда были в порядке, а ходил он пружинисто, как пантера.

Они сидели на квартире у Морли, на душе было приятно и легко. Вдруг Морли встал и начал ходить из угла в угол, как пантера.

— Мы дружим с незапамятных времен, — сказал Морли. — Мы побывали вместе не в одной переделке.

И оба улыбнулись, вспомнив переделки, в которых они побывали.

— Когда я услышал, что вы едете на Кимон, — продолжал Морли, — я, естественно, обрадовался. Я рад любому вашему успеху. Но я обрадовался еще и по другой причине. Я сказал себе: «Вот, наконец, человек, который может сделать то, что нам надо».

— А что вам надо? — произнес Бишоп таким тоном, будто спрашивал Морли, хочет ли тот выпить шотландского виски или чего-либо другого. Правда, такого вопроса он никогда бы не задал, так как было известно, что все молодые люди из ведомства иностранных дел — ревностные поклонники шотландского виски. Во всяком случае, задал он этот вопрос непринужденно, хотя чувствовал, что вся непринужденность разговора рассеивается как дым.

В воздухе стала витать тень плаща и кинжала. Бишоп вдруг ощутил бремя официальной ответственности, и на мгновение сердца его коснулся холодок страха.

— У этой планеты должен быть какой-нибудь секрет, — сказал Морли, — для кимонцев никто из нас,

ни одна из других планет не существует. Нет такой планеты, которая бы получила дипломатическое признание. На Кимоне нет ни одного представителя какого бы то ни было другого народа. По-видимому, они и не торгуют ни с кем, и все же они должны торговать, потому что ни одна планета, ни одна культура не может существовать совершенно самостоятельно. Наверно, с кем-то у них все-таки дипломатические отношения есть. Должны быть какие-нибудь причины... кроме того, что мы по сравнению с ними отсталый народ... почему они не хотят признавать Землю. Ведь даже во времена варварства многие правительства и народы признавали те страны, которые были гораздо ниже в культурном отношении.

— Вы хотите, чтобы я узнал все это?

— Нет, — сказал Морли. — Мы хотим подобрать ключ. И это все. Мы ищем ключ, какой-нибудь намек, который помог бы нам разобраться в обстановке. Хотя бы воткнуть клинышек, вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. А уж все остальное мы сделаем сами.

— А другие? — спросил его Бишоп. — Тысячи других поехали туда. Не один же я получил право поехать на Кимон?

— Вот уже более пятидесяти лет, — ответил Морли, — наш сектор дает такие же напутствия и всем другим.

— И вам ничего не сообщили?

— Ничего, — сказал Морли, — или почти ничего. Или ничего такого, что могло бы послужить нашим целям.

— Они не могли...

— Они не могли ничего поделать, потому что, прибыв на Кимон, они совершенно забывали о Земле... нет, не забывали, это не совсем так. Но они уже были неверны Земле. Кимон действовал на них ослепляюще.

— Вы так думаете?

— Не знаю, — сказал Морли. — Но у нас нет другого объяснения. Вся беда в том, что говорили мы с ними только раз. Ни один из них не вернулся. Ко-

нечно, мы можем писать им письма. Мы можем напоминать им... намеками. Но прямо спрашивать не можем.

— Цензура?

— Нет. Телепатия. Кимонцы узнали бы все, если бы мы попытались что-нибудь внушить своим. А мы не можем рисковать всей проделанной нами работой.

— Но я уеду с такими мыслями...

— Вы забудете их, — сказал Морли. — У вас впереди несколько недель, за которые вы можете забыть их... запрятать в глубины своего сознания. Но не совсем... не совсем.

— Понятно, — сказал Бишоп.

— Поймите меня правильно. В этом нет ничего зловещего. Вам не следует упорно доискиваться всего. Может быть, все обстоит очень просто. Может быть, просто мы не так причесываемся. Есть какая-то причина... наверно, очень маленькая.

Морли быстро переменил тему разговора, налил по бокалу виски, сел и стал вспоминать школьные годы, знакомых девочек и загородные поездки.

В общем это был приятный вечер.

Но прошло несколько недель, и Бишоп почти забыл обо всем. А теперь он сидел на своих чемоданах посередине парка и ждал, когда появится встречающий кимонец. Он знал, как будет выглядеть кимонец, и не собирался удивляться.

И все же он удивился.

Туземец был двухметрового роста. Сложенный, как античный бог, он был совсем-совсем человеком.

Только что Бишоп сидел один на поляне в парке, и вдруг рядом оказался туземец.

Бишоп вскочил.

— Мы рады вам, — сказал кимонец. — Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Голос и произношение туземца были такими же совершенными и красивыми, как и его скульптурное тело.

— Спасибо, — сказал Бишоп и тут же почувствовал, как неловко он это произнес, каким запинающимся и глуховатым был его голос по сравнению с го-

лосом туземца. Взглянув на кимонца, он невольно сравнил себя с ним. Какой у него, наверно, взъерошенный, мятый, нездоровый вид.

Бишоп полез в карман за бумагами. Негнущимися, неловкими пальцами он с трудом откопал их («откопал», иначе не скажешь).

Кимонец взял документы, скользнул по ним глазами (именно «скользнул») и сказал:

— Мистер Селдон Бишоп. Рад познакомиться с вами. У вас очень хорошая квалификация. Экзаменационные оценки, как я вижу, великолепные. Хорошие рекомендации. И, как я вижу, вы спешили к нам. Очень рад, что вы приехали.

— Но... — возразил было Бишоп. И тут же замолчал, крепко стиснув зубы. Не говорить же кимонцу, что тот только скользнул глазами по документам, а не прочел их. Содержание документов было, по-видимому, известно этому человеку.

— Как доехали, мистер Бишоп?

— Благодарю вас, путешествие было прекрасным, — сказал Бишоп и вдруг преисполнился гордости за то, что отвечает так легко и непринужденно.

— Ваш багаж, — сказал туземец, — говорит о вашем великолепном вкусе.

— Спасибо, я...

И тут Бишоп разозлился. Какое право имеет этот кимонец снисходительно отзываться о его чемоданах!

Но туземец сделал вид, что ничего не заметил.

— Не желаете ли вы отправиться в гостиницу?

— Как вам будет угодно, — очень сухо сказал насторожившийся Бишоп.

— Позвольте мне...

На мгновение сознание Бишопа затуманилось, все поплыло перед глазами, и вот он уже стоит не на полянке в парке, а в небольшой нише, выходящей в вестибюль гостиницы, а рядом аккуратно сложены чемоданы.

* * *

Он не успел насладиться своим триумфом там, на полянке, ожидая туземца, глядя вслед удалявшейся

шлюпке. И здесь все существо его охватила буйная, пьянящая радость. Комок подкатил к горлу. Бишопу стало трудно дышать.

Это Кимон! Наконец-то он на Кимоне! После стольких лет учения он здесь, в этом сказочном месте... Вот чему он отдал многие годы жизни!

«Высокая квалификация», — так говорили люди друг другу вполголоса... высокая квалификация, жестокие экзамены, которые сдает один из тысячи.

Он стоял в нише, и ему не хотелось выходить, пока не пройдет волнение. Он должен пережить свою радость, свой триумф наедине с собой. Надо ли давать волю этому чувству? Во всяком случае, показывать его не стоит. Все личное надо запрятывать поглубже.

На Земле он был единственным из тысячи, а здесь он ничем не отличается от тех, кто прибыл раньше его. Наверно, он не может быть с ними даже на равной ноге, потому что они уже в курсе дела, а ему еще предстоит учиться.

Вот они, в вестибюле... счастливчики, прибывшие в сказочную страну раньше его... «блестящее общество», о котором он мечтал все эти утомительные годы... *общество, к которому он теперь будет принадлежать...* люди Земли, признанные годными для поездки на Кимон.

Приехать сюда могли только лучшие... только лучшие, самые умные, самые сообразительные. Земле не хотелось ударить в грязь лицом, иначе как бы Земля могла убедить Кимон в том, что она родственная планета?

Сначала *люди в вестибюле* казались *всего лишь* толпой, неким блестящим, но безликим сборищем. Однако когда Бишоп стал присматриваться, толпа распалась на индивидуальности, на мужчин и женщин, которых ему вскоре предстояло узнать.

Бишоп заметил портье только тогда, когда тот оказался рядом. Портье (наверно, портье) был более высоким и красивым, чем туземец, встретивший его на поляне.

— Добрый вечер, сэр, — сказал портье. — Добро пожаловать в «Риц».

Бишоп вздрогнул.

— «Риц»? Ах да, я забыл... Это и есть отель «Риц».

— Мы рады, что вы остановились у нас, — сказал портье. — Мы надеемся, что вы у нас пробудете долго.

— Конечно, — сказал Бишоп. — Я тоже надеюсь.

— Нас известили, — сказал портье, — что вы прибываете, мистер Бишоп. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас номер. Хочется думать, что он вас устроит.

— Я уверен, что устроит, — сказал Бишоп.

Будто на Кимоне что-нибудь может не устроить!

— Может быть, вам захочется переодеться, — сказал портье. — До обеда еще есть время.

— О конечно, — сказал Бишоп. — Мне очень хочется...

И тут же пожалел, что сказал это.

— Вещи вам доставят в номер. Регистрироваться не надо. Это уже сделано. Позвольте проводить вас, сэр.

* * *

Номер ему понравился. Целых три комнаты. Сидя в кресле, Бишоп думал о том, что теперь ему и вовек не расплатиться.

Вспомнив о своих несчастных двадцати кредитках, Бишоп запаниковал. Придется подыскать работу раньше, чем он предполагал, потому что с двадцатью кредитками далеко не уедешь... хотя, наверно, в долг ему поверят.

Но он тотчас оставил мысль просить денег взаймы, так как это значило бы признаться, что у него нет с собой наличных. До сих пор все шло хорошо. Он прибыл сюда на лайнере, а не на борту потрепанного грузового судна; его багаж (что сказал этот туземец?) подобран со вкусом; его гардероб такой, что комар носа не подточит; не кинется же он занимать деньги только потому, что его смутила роскошь номера.

Он прохаживался по комнате. Ковра на полу не было, но сам пол был мягким и пружинистым. На нем

оставались следы, которые почти немедленно сглаживались.

Бишоп выглянул в окно. Наступил вечер, и все вокруг подернулось голубовато-серой дымкой. Вдаль уходила холмистая местность, и не было на ней ничего, абсолютно ничего. Ни дорог, ни огоньков, которые бы говорили о другом жилье.

Он подумал, что ничего не видно только с этой стороны дома. А на другой стороне, наверно, есть улицы, дороги, дома, магазины.

Бишоп обернулся и снова стал осматривать комнату. Мебель похожа на земную... Подчеркнуто спокойные и элегантные линии... Красивый мраморный камин, полки с книгами... Блеск старого полированного дерева... Бесподобные картины на стенах... Большой шкаф, почти целиком закрывающий одну из стен комнаты.

Бишоп старался определить, для чего же нужен этот шкаф. Красивая вещь, вид у нее древний, и полировка... Нет, это не лак, шкаф отполирован прикосновениями человеческих рук и временем.

Он направился к шкафу.

— Хотите выпить, сэр? — спросил шкаф.

— Не прочь, — ответил Бишоп и тотчас стал как вкопанный, сообразив, что шкаф заговорил с ним, а он ответил.

В шкафу откинулась дверца, а за ней стоял стакан.

— Музыку? — спросил шкаф.

— Если вас не затруднит, — сказал Бишоп.

— Какого типа?

— Типа? А, понимаю. Что-нибудь веселое, но и чуть-чуть грустное. Как синие сумерки, разливающиеся над Парижем, Кто это сказал? Один из древних писателей. Фицджералд. Вероятнее всего, Фицджералд.

Музыка говорила о том, как синие сумерки крались над городом на далекой Земле, и лил теплый апрельский дождь, и доносился издалека девичий смех, и блестела мостовая под косым дождем.

— Может быть, вам нужно что-нибудь еще, сэр? — спросил шкаф.

— Пока ничего.

— Хорошо, сэр. До обеда у вас остался час, вы успеете переодеться.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу пробуя напиток. У него был какой-то незнакомый привкус.

В спальне Бишоп пощупал постель, она была достаточно мягкой. Посмотрел на туалетный столик и большое зеркало, а потом заглянул в ванную, оборудованную автоматическими приборами для бритья и массажа, не говоря уже о ванне, душе, машине для физкультурных упражнений и ряде других устройств, назначения которых он не смог определить.

В третьей комнате было почти пусто. В центре ее стояло кресло с широкими плоскими подлокотниками, и на каждом из них виднелись ряды кнопок.

Бишоп осторожно приблизился к креслу. Что же это? Что за ловушка? Хотя это глупо. Никаких ловушек на Кимоне не может быть. Кимон — страна великих возможностей, здесь человек может разбогатеть и жить в роскоши, набраться ума и культуры, выше которой до сих пор в Галактике не найдено.

Он наклонился к широким подлокотникам кресла и увидел, что на каждой кнопке была надпись. Бишоп читал: «История», «Поэзия», «Драма», «Скульптура», «Астрономия», «Философия», «Физика», «Религии» и многое другое. Значения некоторых надписей он не понимал.

Бишоп оглядел пустую комнату и впервые заметил, что в ней нет окон. Видимо, это был своеобразный театр или учебная аудитория. Садишься в кресло, нажимаешь какую-нибудь кнопку и...

Но времени на это не было. Шкаф сказал, что до обеда оставался час. Сколько-то уже прошло, а он еще не переоделся.

Чемоданы были в спальне. Бишоп достал костюм. Пиджак оказался измятым.

Он держал пиджак и смотрел на него. Может, повесить, и пиджак отвисится. Может... Но Бишоп знал, что за это время пиджак не отвисится. Музыка прекратилась, и шкаф спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Можете ли вы погладить пиджак?

— Конечно, сэр, могу.

— За сколько?

— За пять минут, — сказал шкаф. — Дайте мне и брюки.

Зазвонил звонок, и Бишоп открыл дверь. За дверью стоял человек.

— Добрый вечер, — сказал человек и представился: — Монтэгю. Но все зовут меня Монти.

— Входите, пожалуйста, Монти.

Монти вошел и оглядел комнату.

— Хорошо у вас, — сказал он.

Бишоп кивнул.

— Я ни о чем и не заикался. Они сами мне все дали.

— Умницы эти кимонцы, — сказал Монти. — Большие умницы.

— Меня зовут Селдон Бишоп.

— Только что приехали? — спросил Монти.

— Примерно час назад.

— И полны благоговения перед этим замечательным Кимоном?

— Я ничего не знаю о нем, — сказал Бишоп. — Кроме того, конечно, что говорилось в учебном курсе.

— Я знаю, — косо взглянув на него, проговорил Монти. — Скажите по-дружески... вас тревожат какие-нибудь опасения?

Бишоп улыбнулся, он не знал, как ему быть.

— Чем вы собираетесь здесь заняться? — спросил Монти.

— Деловой администрацией.

— Ну, тогда на вас, наверно, нечего рассчитывать. Вы этим не заинтересуетесь.

— Чем?

— Футболом. Или бейсболом. Или крикетом. Или атлетикой.

— У меня никогда не было на это времени.

— Очень жаль, — сказал Монти. — Вы сложены, как спортсмен.

— Не хотят ли джентльмены выпить? — спросил шкаф.

— Будьте любезны, — сказал Бишоп.

— Идите переодевайтесь, — сказал Монти. — А я посижу и подожду.

— Пожалуйста, возьмите ваши пиджак и брюки, — сказал шкаф.

Дверца открылась, и за ней лежали вычищенные и выутюженные пиджак и брюки.

— Я не знал, — сказал Бишоп, — что вы здесь занимаетесь спортом.

— Нет, мы не занимаемся, — сказал Монти. — Это деловое предприятие.

— Деловое предприятие?

— Конечно. Мы хотим дать кимонцам возможность заключать пари. Может быть, они увлекутся этим. Хотя бы на время. Вообще-то они держать пари не могут...

— Я не понимаю, почему не могут...

— Сейчас объясню. У них совсем нет спортивных игр. Они не могли бы играть. Телепатия. Они знали бы на три хода вперед, что собираются делать их соперники. Телекинез. Они могли бы передвигать мяч или что бы там ни было, не притрагиваясь к нему пальцем. Они...

— Кажется, я понимаю, — сказал Бишоп.

— Но мы все-таки собираемся создать несколько команд и устроить показательные состязания. По возможности подогреть интерес к ним. Кимонцы повалят толпами. Будут платить за вход. Делать ставки. Мы, конечно, будем держать тотализатор и загребем комиссионные. Пока это будет продолжаться, мы неплохо заработаем.

— Конечно, но ведь это ненадолго.

Монти пристально посмотрел на Бишопа.

— Быстро вы все поняли, — сказал он. — Далеко пойдете.

— Джентльмены, напитки готовы, — сказал шкаф.

Бишоп взял стаканы и протянул один из них гостю.

— Пожалуй, я вас подключу, — сказал Монти. — Может быть, вы тоже подработаете. Тут больших знаний не требуется.

— Валяйте подключайте, — согласился Бишоп.

— Денег у вас немного, — сказал Монти.

— Как вы узнали об этом?

— Вы боитесь, что не сможете расплатиться за номер.

— Телепатия? — спросил Бишоп.

— Вы попали в самую точку, — сказал Монти. — Только я владею телепатией самую малость. С кимонцами нам нечего тягаться. Никогда мы не будем такими. Но время от времени что-то до тебя доходит... какое-то ощущение проникает в мозг. Если ты пробыл здесь достаточно долго....

— А я думал, что никто не заметит.

— Многие заметят, Бишоп. Но пусть это вас не беспокоит. Мы все друзья. Сплотились против общего врага, можно сказать. Если вам надо призанять денег...

— Пока нет, — сказал Бишоп. — Если понадобится, я вам скажу.

— Мне или кому-нибудь другому. Мы все друзья. Нам надо быть друзьями.

— Спасибо.

— Не стоит. А теперь одевайтесь. Я подожду. Мы пойдем вместе. Все хотят познакомиться с вами. Приезжает не так уж много людей. Все хотят знать, как там Земля.

— Как?..

— Земля, конечно, на месте. Как она поживает? Что там нового?

* * *

Бишоп только теперь рассмотрел гостиницу как следует. До этого он лишь мельком бросил взгляд на вестибюль, пока стоял со своими чемоданами в нише. Портье слишком быстро провел его в номер.

Но теперь он увидел эту овеществленную чудесным образом сказочную страну с ее фонтанами и неведомо откуда доносящейся музыкой, с тончайшей паутинкой радуг, выгнувшихся арками и крестовыми сводами, с мерцающими стеклянными колоннами, в которых отражался и множился весь вестибюль таким образом, что создавалось впечатление, будто помеще-

нию этому нет ни конца, ни края... и в то же время всегда можно было отыскать укромный уголок, чтобы посидеть с друзьями.

Иллюзия и вещественность, красота и ощущение домашнего покоя... Бишоп подумал, что здесь всякому придется по душе, что здесь всякий найдет все, что пожелает. Будто волшебством человек отгораживался от мира с его несовершенствами и проникался чувством довольства и собственного достоинства только от одного сознания, что он находится в таком месте.

На Земле такого места не было и быть не могло, и Бишоп подозревал, что в этом здании воплощена не только человеческая архитектурная сноровка...

— Впечатляет? — спросил Монти. — Я всегда наблюдаю за выражением лиц новичков, когда они входят сюда.

— А потом первое впечатление стирается?

Монти покачал головой.

— Друг мой, впечатление не тускнеет, хотя уже и не так ошеломляет, как в первый раз.

Бишоп пообедал в столовой, в которой все было старомодным и торжественным. Официанты-кимонцы были готовы услужить в любую минуту, рекомендовать блюдо или вино.

К столу подходили, здоровались, расспрашивали о Земле, и каждый старался делать это непринужденно, но по выражению глаз можно было судить, что скрывалось за этой непринужденностью.

— Они стараются, чтобы вы чувствовали себя как дома, — сказал Монти. — Они рады новичкам.

Бишоп чувствовал себя как дома... в жизни у него не было более приятного чувства. Он не ожидал, что освоится так быстро, и был немного удивлен этим.

Порадовался он и тому, что с него не потребовали денег за обед, а просто попросили подписать счет. Все казалось прекрасным, потому что такой обед унес бы большую часть двадцати кредиток, которые гнездились в его кармане.

После обеда Монти куда-то исчез, а Бишоп пошел в бар, взгромоздился на высокий стул и потягивал напиток, который рекомендовал ему буфетчик-кимонец.

Невесть откуда появилась девушка. Она взлетела на высокий табурет рядом с Бишопом и спросила:

— Что вы пьете, дружок?

— Не знаю, — ответил Бишоп и показал на буфетчика. — Попросите его приготовить вам такой же.

Буфетчик взялся за бутылки и шейкер.

— Вы, наверно, новенький, — сказала девушка.

— Вот именно, новенький.

— Здесь не так уж плохо... то есть неплохо, если не думаешь.

— Я не буду думать, — пообещал Бишоп. — Я не буду думать ни о чем.

— Вы привыкнете, — сказала девушка. — Немного погодя вы будете не прочь поразвлечь их. Вы подумаете: «Какого черта! Пусть смеются, если им хочется, а мне пока неплохо». Но придет день...

— О чем вы говорите? — спросил Бишоп. — Вот ваш стакан. Окунайте мордашку и...

— Придет день, когда мы устареем, когда мы больше не будем развлекать их. Мы больше не сможем выдумывать новые трюки. Возьмите, например, мои картины...

— Послушайте, — сказал Бишоп, — я ничего не могу понять.

— Навестите меня через неделю, — сказала девушка. — Меня зовут Максайн. Просто спросите, где Максайн. Через неделю мы поговорим. Пока!

Она соскочила со стула и вдруг исчезла.

К своему стакану она не притронулась.

* * *

Он пошел наверх, в свой номер, и долго стоял у окна, глядя на невыразительный пейзаж, пока не услышал голос шкафа:

— Почему бы, сэр, вам не попробовать окунуться в другую жизнь?

Бишоп тотчас обернулся.

— Вы хотите сказать...

— Пройдите в третью комнату, — сказал шкаф. — Это вас развлечет.

— Окунуться в другую жизнь?

— Совершенно верно. Выбирайте и переноситесь, куда хотите.

Это было похоже на приключения Алисы в стране чудес.

— Не беспокойтесь, — добавил шкаф. — Это безопасно. Вы можете вернуться в любое время.

— Спасибо, — сказал Бишоп.

Он пошел в третью комнату, сел в кресло и стал изучать кнопки. История? Можно и историю. Бишоп немного знал ее. Он интересовался историей, прослушал несколько курсов и прочел много литературы.

Он нажал кнопку с надписью «История». Стена перед креслом осветилась, и на ней появилось лицо — красивое бронзовое лицо кимонца.

А бывают ли среди них некрасивые? Бишоп ни разу не видел ни уродов, ни калек.

— Вам какую историю, сэр? — спросил кимонец с экрана.

— Какую?

— Галактическую, кимонскую, земную? Почти любое место.

— Земную, пожалуйста, — сказал Бишоп.

— Подробности?

— Англия, 14 октября 1066 года. Сенлак *.

Он уже не сидел в кресле в четырех голых стенах комнаты, а стоял на склоне холма в солнечный осенний день, и кругом в голубоватой дымке высились деревья с золотой и красной листвой, и кричали люди.

Бишоп стоял как вкопанный на траве, покрывавшей склон. Трава уже перезрела и увяла на солнце... а дальше, внизу, на равнине, он увидел неровную линию всадников. Солнце играло на их шлемах и щитах, трепетали на ветру знамена с изображениями леопардов.

Это было 14 октября, в субботу. На холме стояло, укрывшись за стеной сомкнутых щитов, Гарольдово

---

* 14 октября 1066 года на реке Сенлак близ Гастингса произошло сражение между войсками англосаксонского короля Гарольда и нормандского герцога Вильгельма.

воинство, и, прежде чем солнце село, в бой были введены новые силы, решившие, каким курсом пойдет история страны.

Тэйллефер, подумал Бишоп. Тэйллефер помчится впереди войска Вильгельма, распевая «Песнь о Роланде» и крутя мечом так, что будет виден только огненный круг.

Нормандцы пошли в атаку, но впереди не было никакого Тэйллефера. Никто не крутил мечом, никто не распевал. Слышались только хриплые вопли людей, мчавшихся навстречу смерти.

Всадники мчались прямо на Бишопа. Он повернулся и бросился бежать. Но не успел, и они наскакали на него. Он увидел, как блестят отшлифованные копыта лошадей и жестокая сталь подков, он увидел мерцающие острия копий, болтающиеся ножны, красные, зеленые и желтые пятна плащей, тусклые доспехи, разинутые рты людей и... вот они уже над ним. И промчались они сквозь него и над ним, словно его здесь и не было.

А выше на склоне холма раздавались хриплые крики: «Ут! Ут!» — и слышался пронзительный лязг стали. Вокруг поднялись тучи пыли, а где-то слева кричала издыхающая лошадь. Из пыли показался человек и побежал вниз по склону. Он спотыкался, падал, поднимался, снова бежал, и Бишоп видел, как лила кровь сквозь искореженные доспехи, струилась по металлу и окропляла мертвую сухую траву.

Снова появились лошади. На некоторых уже не было всадников. Они мчались, вытянув шеи, с пеной на губах. Поводья развевались на ветру. Один из всадников обмяк и свалился с седла, но нога его запуталась в стремени, и лошадь поволокла его по земле.

«Выпустите меня отсюда! — беззвучно кричал Бишоп. — Как мне отсюда выбраться! Выпустите...»

Его выпустили. Он был снова в комнате с четырьмя голыми стенами и единственным креслом.

Он сидел, не шевелясь, и думал: «Не было никакого Тэйллефера. Никто не ехал, не пел, не крутил мечом. Сказание о Тэйллефере — всего лишь выдумка

какого-нибудь переписчика, который додумал историю по прошествии времени».

Но люди умирали. Израненные, они бежали, шатаясь, вниз по склону и умирали. Они падали с лошадей. Их затаптывали насмерть.

Бишоп встал, руки его дрожали. Он нетвердо зашагал в другую комнату.

— Вы будете спать, сэр? — спросил шкаф.

— Наверно, — сказал Бишоп.

— Прекрасно, сэр. Я запру дверь и погашу свет.

— Вы очень любезны.

— Обычное дело, сэр, — сказал шкаф. — Не угодно ли вам чего?

— Совершенно ничего, — сказал Бишоп. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал шкаф.

* * *

Утром Бишоп пошел в агентство по найму, которое оказалось в одном из углов вестибюля.

Там была только высокая, белокурая, сложенная, как статуэтка, девушка-кимонка, грациозности движений которой позавидовала бы любая земная красавица. Женщина, подумал Бишоп, явившаяся из какого-то классического греческого мифа, белокурая богиня во плоти. На ней не было ниспадающих свободными складками греческих одежд, но они пошли бы ей. По правде сказать, одежды на ней почти не было, и красота ее от этого только выигрывала.

— Вы новичок, — сказала она.

Бишоп кивнул.

— Я знаю о вас, — сказала она, бросив на него всего один взгляд. — Селдон Бишоп, двадцать девять земных лет.

— Да, мадам.

Она внушала раболепные чувства.

— Ваша специальность — деловая администрация.

Он уныло кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бишоп, и мы обо всем поговорим с вами.

Он сидел и думал: «Хорошо ли для красивой девушки быть такой рослой и крепкой? Или такой компетентной?»

— Вы хотели бы взяться за какую-нибудь работу, — сказала девушка.

— Была у меня такая мысль.

— Вы специализировались на бизнесе. Боюсь, что в этой области у нас не слишком много вакантных мест.

— Для начала я не рассчитываю на многое, — сказал ей Бишоп с приличествующей, как ему казалось, скромностью и реальной оценкой обстановки. — Я готов заняться любым делом, пока не докажу, на что способен.

— Вам придется начать с самых низов. И целые годы набираться опыта. Дело не только в навыках, но в мировоззрении, в философии.

— Мне все...

Он заколебался. Он хотел сказать, что ему все равно. Но ему не все равно. Ему совсем не все равно.

— Я потратил на учебу многие годы, — сказал он. — Я знаю...

— Кимонский бизнес?

— Разве здесь все по-иному?

— Наверно, вы в совершенстве изучили систему заключения контрактов.

— Конечно.

— На всем Кимоне не заключается ни одного контракта.

— Но...

— В контрактах нет необходимости.

— Здесь все держится на честности?

— На честности и кое на чем еще.

— На чем же?

— Вы не поймете.

— Попробуйте объяснить мне.

— Бесполезно, мистер Бишоп. Для вас это были бы понятия совершенно новые. Они связаны с поведением. С мотивами действий. На Земле побудительная причина деятельности — выгода...

— А разве здесь это роли не играет?

— Очень маленькую роль.

— Каковы же другие побудительные причины?

— Например, культурное самоусовершенствование. Можете вы представить себе, что стремление к самоусовершенствованию является таким же мощным стимулом, как и выгода?

Бишоп ответил откровенно.

— Нет, не могу, — сказал он.

— А это стимул более мощный, чем выгода. Но это еще не все. Вот деньги... Денег у нас нет. Они по рукам не ходят.

— Но деньги есть. Кредитки.

— Это сделано только для того, чтобы было удобно людям с Земли, — сказала она. — Деньги, как свидетельство богатства, понадобились нам, чтобы привлекать на работу ваших людей и оплачивать их труд... и я бы сказала, что мы оплачиваем его очень хорошо. Для этого мы сделали все, что полагается у вас. Деньги, которые мы создали, имеют силу во всей Галактике. Они обеспечены вкладами в земные банки и являются для вас законным платежным средством. Но на самом Кимоне денег в обращении нет.

— Ничего не могу понять, — выдавил из себя Бишоп.

— Конечно, не можете, — сказала девушка. — Для вас это нечто совершенно новое. Ваша культура зиждется на том, что полезность и богатство каждой личности должны иметь как бы свое физическое воплощение. Здесь мы в этом не нуждаемся. Здесь у каждой личности своя простая бухгалтерия — это он способен сделать, а это он должен делать. Он сам обо всем знает. И это всегда известно его друзьям — или партнерам по бизнесу, если хотите.

— Тогда это не бизнес, — сказал Бишоп. — Не бизнес, как я понимаю его.

— Вы совершенно правы.

— Но меня готовили для бизнеса. Я потратил...

— Годы и годы на учение. Но на земные методы ведения дел, а не на кимонские.

— Но здесь есть бизнесмены. Сотни.

— Есть ли? — спросила она с улыбкой. Она улы-

балась не с превосходством, не насмешливо... просто улыбалась.

— В первую очередь, — продолжала она, — вам необходимо общение с кимонцами. Осмотритесь. Вам надо дать возможность оценить наш взгляд на вещи и узнать, как и что мы делаем.

— Вот это по мне, — сказал Бишоп. — Что же мне делать?

— Иногда люди с Земли нанимаются компаньонами.

— Не думаю, чтобы это мне подошло. Наверно, надо будет сидеть с детишками, или читать старушкам книги, или...

— Вы умеете играть на каком-нибудь инструменте или петь?

Бишоп покачал головой.

— Писать маслом? Рисовать? Танцевать?

Ни того, ни другого, ни третьего делать он не мог.

— Может быть, вы занимаетесь боксом? — спрашивала девушка. — Иногда он вызывает интерес, если не слишком жесток.

— Вы говорите о призовой борьбе?

— Думаю, вы можете это называть и так.

— Нет, боксом я не занимаюсь.

— Тогда у вас остается не слишком большой выбор, — сказала девушка, беря со стола какие-то бумаги.

— Может быть, я могу работать на транспорте? — спросил он.

— Транспортировка — личное дело каждого.

Конечно, она права, подумал он. Телекинез дает возможность транспортировать себя или что бы то ни было... без помощи механических средств.

— Связь, — сказал он слабым голосом. — Наверно, и с ней дело обстоит так же?

Она кивнула.

Телепатия, подумал он.

— Вы знакомы с транспортом и связью?

— С их земными разновидностями, — ответил Бишоп. — Думаю, здесь мои знания не пригодятся.

— Нет, — согласилась она. — Хотя мы могли бы

устроить вам лекционное турне. Наши помогли бы вам подготовить материал.

Бишоп покачал головой:

— Я не умею выступать перед публикой.

Девушка встала.

— Я наведу справки, — сказала она. — Заходите. Мы найдем что-нибудь подходящее для вас.

Бишоп поблагодарил ее и вышел в вестибюль.

* * *

Он пошел гулять.

Гостиница стояла на равнине, а вокруг было пусто. Ни других зданий. Ни дорог. Ничего.

Здание гостиницы было громадное, богато украшенное и одинокое, словно перенесенное сюда невесть откуда. Оно застыло на фоне неба, и кругом не было никаких зданий, с которыми оно гармонировало бы и которые скрадывали бы его. У него был такой вид, будто кто-то в спешке свалил его здесь и так оставил.

Бишоп направился через поле к каким-то деревьям, которые, по-видимому, росли на берегу речки, и все удивлялся, почему нет ни тропинок, ни дорог... но вдруг сообразил, почему их нет.

Он подумал о годах, которые убил на зубрежку способов ведения бизнеса, и вспомнил о толстенной книге выдержек из писем, которые писались домой с Кимона и содержали намеки на успешный бизнес, на ответственные должности.

И ему пришло в голову, что во всех выдержках из писем было нечто общее — на все сделки и должности только намекали, но никто и никогда не писал определенно, чем занимается.

«Зачем они это делали? — спрашивал себя Бишоп. — Почему они дурачили нас?»

Хотя, конечно, он еще многого не знает. Он не пробыл на Кимоне и целого дня. «Я наведу справки, — сказала белокурая гречанка, — мы найдем что-нибудь подходящее для вас».

Он пересек поле и там, где выстроились деревья, нашел речку. Это была равнинная речка — широкий поток прозрачной воды медленно струился меж по-

росших травой берегов. Он лег на живот и глядел на речку. Где-то в глубине ее блеснула рыба.

Бишоп снял ботинки и стал болтать ногами в воде. Они знают о нас все, думал он. Они знают все о нашей культуре и жизни. Они знают о знаменах с изображениями леопардов и о том, как выглядел Сенлак в субботу 14 октября 1066 года, о войске Гарольда, стоявшем на вершине холма, и о войске Вильгельма, сосредоточившемся в долине. Они знают, что движет нами, и они разрешают нам приезжать сюда, потому что им это для чего-то нужно.

Что сказала девушка, которая появилась невесть откуда на стуле, а потом исчезла, так и не притронувшись к своему стакану? «Вы будете служить развлечением, — сказала она. — Но вы привыкнете к этому. Если вы не будете думать обо всем слишком много, вы привыкнете».

«Навестите меня через неделю, — сказала она еще. — Через неделю мы поговорим».

Они знают нас, но с какой стороны?

Возможно, Сенлак — это инсценировка, но во всем, что он увидел, была какая-то странная тусклая реальность, и он всеми фибрами души своей чувствовал, что зрелище это подлинное, что все так и было. Что не было никакого Тэйллефера, что, когда человек умирал, его кишки волочились по траве, что англичане кричали: «Ут! Ут!»

Озябший Бишоп сидел в одиночестве и думал, как кимонцы делают это. Как они дают возможность человеку нажать кнопку и оказаться вместе с давно умершими, увидеть смерть людей, прах которых давно смешался с землей?

Способа узнать, как они это делают, конечно, не было. И догадки бесполезны.

Морли Рид сказал, что техническая информация революционизирует весь облик земной экономики.

Он вспомнил, как Морли ходил из угла в угол и повторял: «Мы должны узнать. Мы должны узнать».

И способ узнать... есть. Великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды и осушил их пучками травы. Он надел ботинки и пошел к гостинице.

Белокурая богиня все еще сидела за своим столом в бюро по найму.

— Я согласен приглядывать за детишками, — сказал Бишоп.

Она была очень, почти по-детски удивлена, но в следующее же мгновение лицо ее снова стало бесстрастным, как у богини.

— Да, мистер Бишоп.

— Я все обдумал, — сказал он. — Я согласен на любую работу.

* * *

В ту ночь Бишоп долго лежал в постели и не мог уснуть. Он думал о себе, о своем положении и пришел к заключению, что все обстоит не так уж плохо. Работа, по-видимому, найдется. Сами кимонцы этого хотят. И даже если это не та работа, которую хочется получить, начало по крайней мере будет положено. С этого опорного пункта человек может подняться выше... умный человек, конечно. А все мужчины и женщины, все земляне на Кимоне, безусловно, умны. Если бы они не были умны, они не попали бы сюда, чтобы начать новую жизнь. Все они, по-видимому, преуспевают.

В тот вечер он не видел ни Монти, ни Максайн, но поговорил с другими, и все они казались довольными своей долей... или по крайней мере делали вид, что довольны. Бишоп говорил себе, что если бы все были разочарованы, то довольного вида у них не было бы, потому что земляне больше всего любят тихо плакаться друг другу в жилетку. Ничего подобного он не заметил. Никто не жаловался.

Ему говорили о том, что организуются спортивные команды, и некоторые собеседники возлагали на это очень большие надежды, как на источник дохода.

Он разговаривал с человеком по имени Томас, который был специалистом-садоводом и работал в крупных кимонских поместьях. Тот больше часа рассказывал о выращивании экзотических цветов. Коротышка Вильямс, сидевший рядом с Бишопом в баре, с восторгом говорил о том, что ему поручено написать кни-

гу баллад на основе кимонской истории. Некий Джексон работал над статуей по заказу одной местной семьи.

Бишоп подумал, что если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь на Кимоне становится приятной.

Взять хотя бы номер, который он получил. Красивая обстановка — дома на такую он рассчитывать бы не мог. Послушный шкаф-робот делает коктейли и бутерброды, гладит одежду, выключает свет и запирает дверь, предупреждает любое, даже невысказанное желание. А комната — комната с четырьмя голыми стенами и единственным креслом, снабженным кнопками? Там, в этой комнате, можно получить знания, найти забаву и приключения. Он сделал дурной выбор, попросив показать для начала битву при Гастингсе. Но есть другие места, другие времена, другие, более приятные и менее кровавые, события, при которых он может присутствовать.

Он присутствовал... не только смотрел. Он действительно шел вверх по склону холма. Он пытался выскочить из-под копыт мчащихся лошадей, хотя в этом не было необходимости. Ты вроде бы был и там и не там, находился в самой гуще и вместе с тем с интересом наблюдал из безопасного места.

А есть немало событий, которые стоило бы увидеть. Можно пережить всю историю человечества, с времен доисторических до позавчерашнего дня... и не только историю человечества, а еще и кимонскую и галактическую... Прогуляться с Шекспиром... Плыть с Колумбом...

Когда-нибудь, подумал Бишоп, я прогуляюсь с Шекспиром. Когда-нибудь я поплыву с Колумбом.

Он видел подлинные события. Правда, она чувствуется.

Все размышления Бишопа свелись к тому, что какими бы странными ни были условия, жить в них все-таки можно.

А условия были странными потому, что это чужая сторона, культура и технология которой неизмеримо выше земных достижений. Здесь не было необходимос-

ти в искусственной связи и механических средствах транспортировки. Здесь не было необходимости в контрактах, потому что это исключено телепатией.

Надо только приспособиться. Надо научиться жить по-кимонски и не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Он добровольно приехал на чужую планету. Ему позволили остаться, и поэтому он должен приспособиться.

— Вам неспокойно, сэр, — сказал из другой комнаты шкаф.

— Нет. Я просто думаю.

— Я могу вам дать снотворное. Очень мягкое и приятное снотворное.

— Только не снотворное, — сказал Бишоп.

— Тогда, быть может, — предложил шкаф, — вы позволите мне спеть вам колыбельную.

— Будьте любезны, — согласился Бишоп. — Мне нужна именно колыбельная.

Шкаф запел колыбельную, и вскоре Бишоп уснул.

* * *

Кимонская богиня в агентстве по найму сказала ему на следующее утро, что работа для него найдена.

— Новая семья, — сказала она.

Бишоп не знал, радоваться ли ему, что семья новая. Возможно, было бы лучше, если бы он попал в старую семью.

— У них никогда не было человека с Земли, — пояснила девушка. — Вы будете получать сто кредиток в день.

— Сто...

— Вы будете работать только в дневное время, — продолжала она. — Я буду телепортировать вас каждое утро туда, а по вечерам они будут телепортировать вас обратно.

— Сто кредиток! — запинаясь, сказал Бишоп. — Что я должен делать?

— Будете компаньоном, — ответила богиня. — Но не надо беспокоиться. Мы проследим, чтобы с вами обращались хорошо...

— Хорошо обращались?

— Не заставляли вас слишком много работать или...

— Мисс, — сказал Бишоп, — да за сотню бумажек в день я...

Она не дала ему договорить.

— Вы согласны на эту работу?

— С радостью, — сказал Бишоп.

— Позвольте мне...

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

...Бишон стоял в нише, а перед ним было узкое, заросшее лесом ущелье с водопадом, и со своего места он ощущал, как тянет прохладой от падающей воды. Кругом росли папоротники и деревья, громадные деревья, похожие на узловатые дубы, которые обычно встречаются на иллюстрациях к историям о короле Артуре и Робин Гуде.

По берегу речки и вверх по склону бежала тропинка. Ветерок доносил музыку и запах духов.

По тропинке шла девушка. Это была кимонка, но не такая высокая, как другие, которых он уже видел, и у нее был не такой величественный, олимпийский вид.

Затаив дыхание он следил за ее приближением, и на мгновение забыл, что она кимонка, и думал о ней только, как о хорошенькой девушке, которая идет по лесной тропинке. Она была красива, она была прелестна.

Девушка увидела его и захлопала в ладоши.

— Вы, наверно, он, — сказала она.

Бишоп вышел из ниши.

— Мы вас ждали, — продолжала она. — Мы надеялись, что вас не задержат и пошлют тотчас же.

— Меня зовут Селдон Бишоп, и мне сказали...

— Конечно, это вы и есть, — сказала девушка. — Вам даже не надо представляться. Это у вас на уме.

Она обвела рукой вокруг головы.

— Как вам понравился наш дом? — спросила она.

— Дом?

— Я, конечно, говорю глупости. Это всего лишь жилая комната. Спальни наши наверху, в горах. Но мы переменили здесь все только вчера. Все так много поработали. Я очень надеюсь, что вам понравится.

Смотрите, здесь все, как на вашей планете. Мы хотели, чтобы вы чувствовали себя дома.

— Это дом? — снова спросил он.

Она взяла его за руку.

— Вы какой-то расстроенный, — сказала она. — Вы еще не начали понимать.

Бишоп покачал головой.

— Я прибыл только вчера.

— Но вам здесь нравится?

— Конечно, нравится, — сказал Бишоп. — Здесь все словно из какой-нибудь старой легенды о короле Артуре. Так и ждешь, что из лесу выедет верхом Ланселот или выйдет королева Джиневра...

— Вы знаете эти легенды?

— Конечно, знаю. Я то и дело перечитываю Теннисона.

— И вы их нам расскажете.

Он в замешательстве посмотрел на нее.

— Вы хотите послушать их?

— Конечно, хотим. А для чего же вы здесь?

«Вот оно. А для чего же я здесь?!»

— Вы хотите, чтобы я начал сейчас же?

— Не сейчас, — сказала она. — Вы еще должны познакомиться с другими. Меня зовут Элейн. Конечно, это не точно. Меня зовут по-другому, но Элейн ближе к тому, что вы привыкли произносить.

— Я могу попробовать произнести ваше настоящее имя. Я способен к языкам.

— Элейн — вполне сносное имя, — беспечно сказала девушка. — Пойдемте.

Он пошел следом за ней по тропинке.

И тут он увидел, что это действительно дом — деревья были колоннами, поддерживавшими искусственное небо, которое все же не казалось слишком искусственным, а проходы между деревьями оканчивались большими окнами, смотревшими на пустошь.

Но трава и цветы, мох и папоротники были настоящими, и Бишоп не удивился бы, если бы и деревья оказались настоящими.

— Не все ли равно, настоящие они или нет, — сказала Элейн. — Их не отличишь.

Они поднялись вверх по склону и оказались в парке, где трава была подстрижена так коротко и казалась такой бархатистой, что Бишоп на мгновение подумал, что это не настоящая трава.

— Настоящая, — сказала ему Элейн.

— Вы узнаёте все, что я ни подумаю.

— Все.

— Значит, я не должен думать.

— О, мы хотим, чтобы вы думали, — сказала Элейн. — Это входит в ваши обязанности.

— Вы меня наняли и ради этого?

— Совершенно верно, — подтвердила девушка.

Посреди парка стояло что-то вроде пагоды — ажурное здание, созданное, казалось, из света и тени, а не из грубой материи. Возле него Бишоп увидел шесть человек. Они смеялись и болтали. Голоса их были похожи на музыку — радостную и в то же время серьезную музыку.

— Вот они! — воскликнула Элейн. — Пойдемте.

Она побежала, и бег ее был похож на полет. У Бишопа перехватило дыхание при виде изящества и грациозности ее движений.

Он побежал следом, но совсем не грациозно. Он чувствовал, что бежит тяжело. Это был какой-то галоп, неуклюжий бег вприпрыжку по сравнению с бегом Элейн.

Он подумал, что бежит, как собака. Как щенок-переросток, который пытается не отстать и бежит, переваливаясь с ноги на ногу, свесивши язык и тяжело дыша.

Он попытался бежать более грациозно и ничего не думать.

«Я не должен думать. Я не должен думать совсем. Они все узнают. Они будут смеяться надо мной».

Они смеялись именно над ним. Он чувствовал их смех — молчаливое снисходительное веселье.

Она подбежала к группе и подождала его.

— Быстрей! — крикнула она, и, хотя голос у нее был добрый, Бишоп чувствовал, что она забавляется.

Он спешил. Он тяжело скакал. Он почти задохнулся. Его взмокшее тело было очень неуклюжим.

— Вот кого нам прислали, — сказала Элейн. — Он знает легенды, связанные с такими местами, как это.

Она представила Бишопу присутствующих.

— Это Пол. Там Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мэри.

— Вы понимаете, — сказал Джим, — что это не наши имена...

— Лучшее, что я могла придумать, чтобы было похоже, — добавила Элейн.

— И чтобы вы могли произнести их, — сказала Джейн.

— Если бы вы только знали... — сказал Бишоп и вдруг замолчал.

Вот чего они хотят. Они хотят, чтобы он протестовал и проявлял неудовольствие. Они хотят, чтобы ему было неловко.

«Не думать. Стараться не думать. Они узнают все».

— Сядем, — сказала Бетти. — Бишоп будет рассказывать нам легенды.

— Быть может, — обратился к нему Джим, — вы опишете нам жизнь на Земле? Мне было бы очень интересно послушать.

— Я знаю, что у вас есть игра, называющаяся шахматами, — сказал Джордж. — Мы, конечно, играть не можем. Вы знаете почему. Но мне было бы интересно поговорить с вами о технике и философии игры в шахматы.

— Не все сразу, — сказала Элейн. — Сначала он будет рассказывать нам легенды.

Все уселись на траву в кружок и взглянули на Бишопа.

— Я не совсем понимаю, с чего я должен начать, — сказал он.

— Но это же ясно, — откликнулась Бетти. — Начните с самого начала.

— Хорошо, — сказал Бишоп.

Он глубоко вздохнул.

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали...

— Именуемый... — сказал Джим.

— Вы читали эти легенды?

— Это слово у вас на уме.

— Это древнее слово, архаичное. В некоторых вариантах легенд...

— Когда-нибудь мне будет очень интересно обсудить с вами происхождение этого слова, — сказал Джим.

— Продолжайте рассказывать, — добавила Элейн.

Бишоп снова глубоко вздохнул.

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали Артур. Женой его была королева Джиневра, а Ланселот был его самым верным рыцарем...

* * *

Пишущую машинку Бишоп нашел в письменном столе, стоявшем в гостиной. Он сел за стол, чтобы написать письмо.

«Дорогой Морли», — начал он.

А что писать? Что он благополучно прибыл и получил работу? Что за работу платят сто кредиток в день — в десять раз больше того, что человек его положения может заработать на любой земной работе?

Бишоп снова склонился над машинкой.

«Прежде всего хочу сообщить, что я благополучно доехал и уже устроился на работу. Работа, может быть, не слишком хорошая, но я получаю сотню в день. На Земле я столько не зарабатывал бы».

Он встал и начал ходить. Следует сказать гораздо больше. Нельзя ограничиваться одним абзацем. Бишоп даже вспотел. Ну что он напишет?

Он снова сел за машинку.

«Для того чтобы скорее познакомиться с местными условиями и обычаями, я поступил на работу, которая даст мне возможность тесно общаться с кимонцами. Я нахожу, что это прекрасные люди, но иногда не совсем понимаю их. Я не сомневаюсь, что вскоре буду понимать их и по-настоящему полюблю».

Он отодвинулся вместе со стулом назад и стал читать то, что написал.

Да, это похоже на любое из тысячи писем, которые он читал.

Бишоп представил себе тысячи других людей, которые садились писать свое первое письмо с Кимона и судорожно придумывали сказочки, безобидную полуправду, бальзам, способный принести облегчение уязвленной гордости.

«Работа моя состоит в том, что я развлекаю и веселю одну семью. Я рассказываю им легенды и позволяю смеяться надо мной. Я делаю это, так как не хочу признаться себе в том, что сказка о Кимоне — это ловушка для дураков и что я попал в нее...»

Нет, так писать не годится. И так тоже:

«Но, несмотря ни на что, я держусь. Пока я получаю сотню в день, пусть их смеются, сколько им угодно. Я остаюсь здесь и сорву большой куш, что бы...»

Дома он был единственным из тысячи. Дома о нем говорили вполголоса, потому что он добился своего.

Бизнесмены на борту корабля говорили ему: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес», — и предлагали миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Бишоп вспомнил, как Морли ходил из угла в угол. Он сказал, что надо вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. Найти способ разобраться в кимонцах. Найти способ понимать их. Узнать самую малость... тут уж не до большого. Узнать самую малость. Пусть это окажется чем угодно, но только бы увидеть что-нибудь еще, кроме бесстрастного лика Кимона, обращенного к землянам.

Письмо надо как-нибудь кончить. Нельзя оставлять его так. Он снова сел за машинку.

«Позже я напишу тебе более подробно. Сейчас я очень тороплюсь».

Бишоп нахмурился. Но что бы он ни написал, все будет вранье. Это не хуже десятка других отговорок:

«Спешу на заседание... У меня свидание с клиентом... Надо срочно просмотреть бумаги...» Все это вранье.

Бишоп написал: *«Часто думаю о тебе. Напиши мне, когда сможешь».*

Морли напишет ему. Восторженное письмо, письмо, слегка окрашенное завистью, письмо человека, который хотел бы поехать на Кимон, но не может.

Нельзя говорить правду, когда всякий отдал бы правую руку, чтобы поехать на Кимон.

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим из негодяев Галактики.

А письма из дому? И гордые, и завистливые, и дышащие счастьем оттого, что тебе живется хорошо, — все это только дополнительные цепи, которые приковывают к Кимону и кимонской лжи.

— Нельзя ли чего-нибудь выпить? — спросил у шкафа Бишоп.

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Сейчас будет, сэр.

— Налейте побольше и покрепче.

— Да, сэр. Побольше и покрепче...

* * *

Бишоп встретил ее в баре.

— Это опять вы, — сказала она таким тоном, будто они встречались очень часто.

Он сел на табурет рядом с ней.

— Неделя почти кончилась, — напомнил Бишоп.

Максайн кивнула.

— Мы наблюдали за вами. Вы держитесь хорошо.

— Вы обещали что-то сказать мне.

— Забудьте это, — сказала девушка. — Что говорить... Вы мне показались умным, но не совсем зрелым человеком. Мне стало жаль вас.

— Скажите, — спросил Бишоп, — почему на Земле ничего не известно? Я, конечно, тоже писал письма. Но не признался в том, что происходит со мной. И вы не писали о своем состоянии. Никто из окружающих не писал. Но кто-то же из людей за все эти годы...

— Все мы одинаковы, — сказала Максайн. — Как горошины в стручке. Мы все тут, как на подбор, упрямы, тщеславны, трусливы. Мы прошли огонь, воду и медные трубы, чтобы попасть сюда. Мы оттерли

других. И они уже никогда не оправятся от этого. Неужели вы не понимаете? У них тоже есть гордость, и она попрана. Но с чем можно было бы сравнить их радость, если бы они узнали всю правду! Именно об этом и думаем все мы, когда садимся писать письма. Мы думаем, как будут надрываться от смеха тысячи наших конкурентов. Мы прячемся за чужие спины, стараемся сжаться, чтобы никто не заметил нас...

Она сжала кулачок и постучала себя по груди.

— Вот вам и ответ, — продолжала она. — Вот почему мы никогда не пишем правду. Вот почему мы не возвращаемся.

— Но это продолжается многие годы. Почти сотню лет. За это время кто-нибудь да должен был проговориться...

— И потерять все это? — спросила Максайн. — Потерять легкий заработок? Быть исключенным из братства пропащих душ? Потерять надежду? Не забывайте этого. Мы всегда надеемся, что Кимон раскроет свои секреты.

— А он их раскроет?

— Не знаю. Но на вашем месте я бы на это не надеялась.

— Но ведь такая жизнь не для достойных...

— Не говорите этого. Какие же мы достойные люди! Мы трусливы и слабы, все мы!

— Но жизнь, которую...

— Вы хотите сказать, что здесь нам хорошо живется? У нас нет прочного положения. А дети? Немногие из нас имеют детей. Детям не так плохо, как нам, потому что они ничего иного и не знают. Ребенок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным.

— Мы не рабы, — сказал Бишоп.

— Конечно, нет, — согласилась Максайн. — Мы можем уехать отсюда, когда захотим. Нам достаточно подойти к местному жителю и сказать: «Я хочу обратно на Землю». Вот и все. Любой из них может отослать вас обратно... точно так, как они отправляют письма, точно так, как они доставляют вас к месту работы или в вашу комнату.

— Но никто еще не возвратился.

— Конечно, никто, — подтвердила Максайн. — Запомните, что я вам сказала. Не думайте. Только так можно жить. Никогда не думайте. И вам будет хорошо. Вы будете жить спокойно, легко.

— Верно, — сказал Бишоп, — только так можно жить.

Она искоса посмотрела на него.

— Вы начинаете понимать, в чем тут дело.

Они заказали еще по одному коктейлю.

В углу какая-то компания пела хором. Неподалеку ссорилась парочка.

— Тут слишком шумно, — сказала Максайн. — Не хотите ли посмотреть мои картины?

— Ваши картины?

— То, чем я зарабатываю себе на жизнь. Они довольно плохи, но в этом никто не разбирается.

— Я бы посмотрел.

— Тогда хватайтесь за меня и держитесь.

— Хватайтесь...

— Мысленно. Не руками, конечно. К чему пользоваться лифтом?

Бишоп удивленно смотрел на нее.

— Учитесь, — сказала Максайн. — В совершенстве вы этим не овладеете никогда, но двум-трем трюкам научитесь.

— А что мне делать?

— Просто расслабьтесь, — сказала Максайн. — Умственно, конечно. Постарайтесь быть поближе ко мне. Не пытайтесь помогать. Вы не сможете.

Он расслабился и постарался быть поближе к ней, сомневаясь, правильно ли он все делает.

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

Они стояли в другой комнате.

— Я сделала глупость, — сказала Максайн. — Когда-нибудь я ошибусь и засяду в стене или где-нибудь еще.

Бишоп вздохнул, огляделся и присвистнул.

— Как здесь хорошо, — сказал он.

Вдалеке едва виднелись стены. На западе возвышались снежные горы, на востоке текла река, берега

которой поросли густым лесом. Прямо из пола росли цветы и кусты. В комнате были синеватые сумерки, а где-то вдалеке играл оркестр.

Послышался голос шкафа:

— Что угодно, мадам?

— Коктейли, — сказала Максайн. — Не слишком крепкие. Мы уже раздавили бутылочку.

— Не слишком крепкие, — повторил шкаф. — Сию минуту, мадам.

— Иллюзия, — сказала Максайн. — Все тут иллюзия. Но прекрасная иллюзия. Хотите попасть на пляж? Он ждет вас. Стоит только подумать о нем. Или на Северный полюс. Или в пустыню. Или в старый замок. Все это будет как по мановению волшебного жезла.

— За ваши картины, должно быть, хорошо платят, — предположил Бишоп.

— Не за картины. За мою раздражительность. Начинайте с этого. Впадите в черную меланхолию. Начните подумывать о самоубийстве. Тогда все у вас будет наверняка. Вас быстренько вознесут в номер получше. Сделают все, лишь бы вы были довольны.

— Вы хотите сказать, что кимонцы сами переместили вас сюда.

— Конечно. Вы еще новичок, и потому у вас не такой номер.

— Мне мой номер нравится, — сказал Бишоп.

Коктейли были готовы.

— Садитесь, — сказала Максайн. — Хотите луну?

Появилась луна.

— Хотите две или три? — продолжала она. — Но это уже будет слишком. С одной луной совсем как на Земле. Так вроде бы уютней.

— Но ведь должен быть предел, — сказал Бишоп. — Не могут же они улучшать наше положение до бесконечности. Должно прийти время, когда даже кимонцам нельзя уже будет придумать ничего нового и неизведанного.

— На вашу жизнь хватит. Все вы, новички, одинаковы. Вы недооцениваете кимонцев. В вашем представлении они люди, земные люди, которые знают чуточку больше нас. Но они совсем другие. Ни в чем

не похожие на нас. Только вид у них человеческий. Они снисходят до общения с нами.

— Но для чего им нужно общаться с нами?

— Вот об этом, — сказала Максайн, — мы никогда не спрашиваем. От этого можно с ума сойти.

* * *

Бишоп рассказал своим кимонцам об обычае людей устраивать пикники. Эта мысль им никогда не приходила в голову, и они ухватились за нее с детской радостью.

Они выбрали для пикника уголок в горах, прорезанных глубокими ущельями, поросшими деревьями и цветами. Тут же была горная речка с водой, прозрачной, как стекло, и холодной, как лед.

Они устраивали различные игры и боролись. Они плавали, загорали и слушали рассказы Бишопа, усаживаясь в кружок, отпуская язвительные замечания, перебивая, споря.

Но Бишоп посмеивался над ними, не открыто, конечно, так как он знал, что они не хотят оскорбить его, а просто забавляются.

Еще несколько недель назад он обижался, сердился и чувствовал себя униженным, но постепенно привык... заставил себя привыкнуть. Если им нужен клоун, пожалуйста, он будет клоуном. Если уж ему суждено быть придворным шутом, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, то он должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело.

Временами в их поведении была какая-то злобность, какая-то жестокость, но долго это не продолжалось. С ними можно было ладить, если только знать, как это делать.

К вечеру они разложили костер и, усевшись вокруг него, разговаривали, шутили, смеялись, оставив, наконец, Бишопа в покое. Элейн и Бетти были чем-то встревожены. Джим посмеивался над их тревогой.

— Ни один зверь к костру не подойдет, — сказал он.

— А тут есть звери? — спросил Бишоп.

— Немного есть, — ответил Джим. — Кое-какие еще остались.

Бишоп лежал, глядя на огонь, прислушиваясь к разговору, радуясь, что его оставили в покое. Наверно, такое же ощущение бывает у собаки, подумал он. У щенка, который прячется в угол от детишек, которые не дают ему покоя.

Он смотрел на огонь и вспоминал, как когда-то с друзьями совершал вылазки за город, как они раскладывали костер и лежали вокруг него, глядя на небо, на старое знакомое небо Земли.

А здесь другой костер. И пикник. Но костер и пикник — земные, потому что люди Кимона не имели представления о пикниках. Они не знают и о многом другом. Народные обычаи Земли им незнакомы.

В тот вечер Морли советовал ему присматриваться к мелочам. Может быть, они дадут ответ...

Кимонцам нравятся картины Максайн, потому что они примитивны. Это примитив, но не лучшего сорта. А может быть, до знакомства с людьми Земли кимонцы тоже не знали, что могут быть такие картины?

В конце концов есть ли в броне, покрывающей кимонцев, какие-нибудь щели? Пикники, картины и многое другое, за что они ценят пришельцев с Земли... Может быть, это щели?

Наверно, это зацепка, которую ищет Морли.

Бишоп лежал и думал, забыв, что думать не следует, так как кимонцы читают мысли.

Голоса их затихли, и наступила торжественная ночная тишина. Скоро, подумал Бишоп, мы вернемся — они домой, а я в гостиницу. Далеко ли она? Может быть, до нее полмира. И все же я окажусь там в одно мгновение. Надо бы подложить в костер дров.

Он встал и вдруг заметил, что остался один.

Бишопа охватил страх. Они ушли и оставили его одного. Они забыли о нем. Но этого не может быть. Они просто тихонько скрылись в темноте. Наверно, шутят. Хотят напугать его. Завели разговор о зверях, а потом спрятались, пока он лежа дремал у костра.

Теперь наблюдают из темноты, наслаждаясь его мыслями, которые говорят им, что он испугался.

Он нашел ветки и подбросил их в костер. Они загорелись и вспыхнули. Бишопа охватило безразличие, но он почувствовал, что инстинктивно ежится.

Сейчас он впервые понял, насколько чужд ему Кимон. Планета не казалась чужой прежде, за исключением тех нескольких минут, когда он ждал в парке после того, как его высадила шлюпка. Но даже тогда она не была очень чужой, ибо он знал, что его встретят, что кто-то непременно позаботится о нем.

В том-то все и дело, подумал он. Кто-то должен позаботиться обо мне. О нас заботятся... хорошо. Прямо-таки окружают заботой. Нас приютили, нас опекают, нас балуют... да, да, именно балуют. А почему? Сейчас им надоест эта игра, и они вернутся в круг света. Наверно, я должен полностью отработать получаемые деньги. Наверно, я должен изображать испуганного человека и звать их. Наверно, я должен вглядываться в темноту и делать вид, что боюсь зверей, о которых они говорили. Они говорили об этом, конечно, не слишком много. Они очень умны для этого, слишком умны. Упомянули вскользь, что есть звери, и переменили тему разговора. Не подчеркивали, не пугали. Ничего лишнего не было сказано. Просто высказали предположение, что есть звери, которых надо бояться.

Бишоп сидел и ждал. Теперь он уже меньше боялся, так как осмыслил причину страха. «Я сижу у костра на Земле», — твердил он себе. Только то была не Земля. Только то была чужая планета.

Зашелестели кусты.

Они идут, подумал Бишоп. Они сообразили, что ничего у них не вышло. Они возвращаются.

Снова зашелестели кусты, покатился задетый кем-то камешек.

Бишоп не шевелился.

Им не запугать меня. Им не запугать...

Почувствовав чье-то дыханье на своей шее, он судорожно вскочил и отпрыгнул. Потом он споткнулся и упал, чуть было не попав в костер. Снова вскочив,

он обежал костер, чтобы спрятаться за ним от существа, дышавшего ему в шею.

Бишоп припал к земле и увидел, как в раскрытой пасти блеснули зубы. Зверь поднял голову и закрыл пасть. Бишоп услышал лязг зубов и что-то вроде короткого хриплого стона, вырвавшегося из могучей глотки.

В голову ему пришла дикая мысль. Это совсем не зверь. Над ним просто продолжают шутить. Если они могут построить дом, напоминающий английский лес, всего на день-два, а потом заставить его исчезнуть, когда в нем уже нет необходимости, то для них, безусловно, секундное дело придумать и создать зверя.

Зверь бесшумно шел к Бишопу, а тот думал: животные боятся огня. Все животные боятся огня. Он не подойдет ко мне, если я стану поближе к огню.

Он наклонился и поднял сук.

Животные боятся огня. Но этот зверь не боялся. Он бесшумно огибал костер. Он вытянул шею и понюхал воздух. Зверь совсем не спешил, так как был уверен, что человек никуда не денется. Бишопа прошиб пот.

Зверь, огибая костер, стремительно приближался. Бишоп снова отпрыгнул за костер. Зверь остановился, посмотрел на него, затем прижался мордой к земле и выгнул спину. Хищник бил хвостом и рычал.

Теперь уже Бишоп похолодел от страха. Может быть, это зверь. Может быть, это не шутка, а настоящий зверь.

Бишоп подбежал к костру вплотную. Он весь напрягся, готовый бежать, отскочить, драться, если придется. Но он знал, что со зверем ему не сладить. И все же, если дело дойдет до схватки, он будет биться.

Зверь прыгнул.

Бишоп побежал. Но тут же поскользнулся, упал и покатился в костер.

Протянулась чья-то рука, выхватила Бишопа из огня и положила на землю. Послышался сердитый крик.

Вселенная раскололась и вновь соединилась. Бишоп лежал на полу. С трудом он поднялся на ноги. Рука

была обожжена и болела. Одежда тлела, и он стал гасить ее здоровой рукой.

Послышался голос:

— Простите, сэр. Этого нельзя было допускать.

Человек, сказавший это, был высок, гораздо выше всех кимонцев, которых Бишоп видел прежде. Он был трехметрового роста, наверное. Нет, не трехметрового... Совсем не трехметрового... Он был, по-видимому, не выше высокого человека с Земли. Но он стоял так, что казался очень высоким. И осанка его и голос — все вместе создавало впечатление, что человек очень высок...

Бишоп подумал, что впервые видит кимонца не первой молодости. У него были седые виски и лицо в морщинах, похожих на морщины старых охотников и моряков, которым приходится щуриться, всматриваясь в даль.

Когда Бишоп осмотрелся, то при виде комнаты, в которой они с кимонцем стояли, у него перехватило дыхание. Описать ее словами было бы невозможно... он не только видел ее, он ощущал ее всеми чувствами, которыми был наделен. В ней был целый мир, вся вселенная, все, что он когда-либо видел, все его мечты... Казалось, она бесконечно продолжается во времени и пространстве, но вместе с тем это была жилая комната, не лишенная комфорта и уюта.

И все же, когда Бишоп снова поглядел вокруг, он почувствовал простоту, которую не заметил сразу. Жизни претит вычурность. Казалось, что комната и люди, которые жили в ее стенах, — это единое целое. Казалось, что комната изо всех сил старается быть не комнатой, а частью жизни, и настолько в этом преуспевает, что становится незаметной.

— Я был против с самого начала, — сказал кимонец. — Теперь я убедился, что был прав. Но дети хотели, чтобы вы...

— Дети?

— Конечно. Я отец Элейн.

Однако он не произнес слова «Элейн». Он назвал другое имя, имя, которое, как говорила Элейн, не мог бы произнести ни один человек с Земли.

— Как ваша рука? — спросил кимонец.

— Ничего, — ответил Бишоп. — Небольшой ожог.

У него было такое ощущение, словно произносил эти слова не он, а кто-то другой, стоявший рядом.

Он не мог бы шевельнуться, даже если бы ему заплатили миллион.

— Надо будет вам помочь, — сказал кимонец. — Побеседуем позже...

— Прошу вас, сэр, об одном, — сказал человек, говоривший за Бишопа. — Отправьте меня в гостиницу.

Он почувствовал, как сразу понял его собеседник, испытывавший к нему сострадание и жалость.

— Конечно, — сказал высокий кимонец. — С вашего позволения, сэр...

* * *

Однажды дети захотели иметь собачку — маленького игривого щенка. Их отец сказал, что собачки он им не приобретет, так как с собаками они обращаться не умеют. Но они так просили его, что он, наконец, притащил домой собаку, прелестного щенка, маленький пушистый шарик с четырьмя нетвердо ступающими лапками.

Дети обращались с ним не так уж плохо. Они были жестоки, как все дети. Они тискали и трепали его; они дергали его за уши и за хвост; они дразнили его. Но щенок не терял жизнерадостности. Он любил играть и, что бы с ним ни делали, льнул к детям. Ему, несомненно, очень льстило общение с умным человеческим родом, родом, который настолько опередил собак по культуре и уму, что сравнивать даже смешно.

Но однажды дети отправились на пикник и к вечеру так устали, что, уходя, забыли щенка.

В этом не было ничего плохого. Дети ведь забывчивы, что с ними ни делай, а щенок — это всего-навсего собака...

— Вы сегодня вернулись очень поздно, сэр, — сказал шкаф.

— Да, — угрюмо откликнулся Бишоп.

— Вы поранились, сэр. Я чувствую.

— Мне обожгло руку.

Одна из дверец шкафа открылась.

— Положите руку сюда, — сказал шкаф. — Я залечу ее в один миг.

Бишоп сунул руку в отделение шкафа. Он почувствовал какие-то осторожные прикосновения.

— Ожог несерьезный, сэр, — сказал шкаф, — но, я думаю, болезненный.

Мы игрушки, подумал Бишоп. Гостиница — это домик для кукол... или собачья конура. Это нескладная хижина, подобная тем, какие сооружаются на Земле ребятишками из старых ящиков, дощечек. По сравнению с комнатой кимонца это просто лачуга, хотя, впрочем, лачуга роскошная. Для людей с Земли она годится, вполне годится, но это все же лачуга. *А кто же мы? Кто мы?* Баловни детишек. Кимонские щенята. Импортные щенята.

— Простите, сэр, — сказал шкаф. — Вы не щенята.

— Что?

— Еще раз прошу прощенья, сэр. Мне не следовало этого говорить... но мне не хотелось бы, чтобы вы думали...

— Если мы не комнатные собачки, то кто же мы?

— Извините, сэр. Я сказал это невольно, уверяю вас. Мне не следовало бы...

— Вы ничего не делаете без расчета, — с горечью сказал Бишоп. — Вы и все они. Потому что вы один из них. Вы сказали это только потому, что так хотели они.

— Я уверяю вас, что вы ошибаетесь.

— Естественно, вы все будете отрицать, — сказал Бишоп. — Продолжайте выполнять свои обязанности. Вы еще не сказали всего, что вам велено сообщить мне. Продолжайте.

— Для меня неважно, что вы думаете, — сказал шкаф. — Но если бы вы думали о себе, как о товарищах по детским играм...

— Час от часу не легче, — сказал Бишоп.

— То это было бы бесконечно лучше, — продолжал шкаф, — чем думать о себе, как о щенках.

— И на какую же мысль они хотят меня натолкнуть?

— Им все равно, — сказал шкаф. — Все зависит от вас самих. Я высказываю только предположение, сэр.

Хорошо, значит это только предположение. Хорошо, значит они товарищи по детским играм, а не домашние собачки.

Дети Кимона приглашают поиграть грязных, оборванных, сопливых пострелов с улицы. Наверно, это лучше, чем быть импортной собачкой.

Но даже в таком случае все придумали дети Кимона. Это они создали правила для тех, кто хотел поехать на Кимон, это они построили гостиницу, обслуживали ее, давали людям с Земли роскошные номера, это они придумали так называемые должности, это они организовали печатание кредиток.

И если это так, то, значит, не только люди Земли, но и ее правители вели переговоры или пытались вести переговоры всего лишь с детьми народа другой планеты. Вот в чем существенная разница между людьми с Земли и кимонцами.

А может быть, он не прав?

Может быть, вообразив себя комнатной собачкой и ожесточившись, он в своих размышлениях пошел не по тому пути? Может быть, он и в самом деле был товарищем по детским играм, взрослым человеком с Земли, низведенным до уровня ребенка... и притом глупого ребенка? Может быть, не стоило думать о себе, как о комнатной собачке, а следовательно, и приходить к мысли, что это дети Кимона организовали иммиграцию людей с Земли?

А если не дети приглашают в дом уличных мальчишек, а если инициатива проявлена взрослыми Кимона, то что это? Школьная программа? Какая-то фаза постепенного обучения? Или своего рода летний лагерь, куда приглашают способных, но живущих в плохих условиях землян? Или просто это безопасный способ занять и развлечь кимонских ребятишек?

«Мы должны были догадаться об этом давным-давно, — сказал себе Бишоп. — Но даже если бы кому-

нибудь из нас и пришла в голову мысль, что мы комнатные собачки или товарищи по детским играм, то мы прогнали бы ее, потому что слишком самолюбивы».

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Рука почти как новенькая. Завтра вы сможете сами одеться.

Бишоп молча стоял перед шкафом. Рука его безвольно повисла.

Не спрашивая его, шкаф приготовил коктейль.

— Я сделал порцию побольше и покрепче, — сказал шкаф. — Думаю, вам это необходимо.

— Спасибо, — поблагодарил Бишоп.

Он взял стакан, но не стал пить, а продолжал думать: что-то тут не так. Мы слишком самолюбивы.

— Что-нибудь не так, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бишоп.

— Но вы пейте.

— Потом выпью.

Нормандцы сели на коней в субботний полдень. Кони гарцевали, знамена с изображениями леопардов развевались на ветру, флажки на копьях трепетали, постукивали ножны мечей. Нормандцы бросились в атаку, но, как говорит история, были отбиты. Все это совершенно правильно, потому что только вечером стена саксов была прорвана, и последнее сражение вокруг знамени с дракопом разыгралось уже почти в темноте.

Но не было никакого Тэйллефера, который ехал впереди, крутил мечом и пел.

Тут история ошиблась.

Века два спустя какой-нибудь писец позабавился тем, что вставил в прозаическую историю романтический рассказ о Тэйллефере. Он написал это, протестуя против заточения в четырех голых стенах, против спартанской пищи, против нудной работы, так как на дворе была весна, и ему хотелось отправиться погулять в поле или в лес, а не сидеть взаперти, сгорбившись над чернильницей.

Вот так же и мы, подумал Бишоп. В наших письмах домой мы скрываем правду. И мы делаем это ради себя. Мы щадим свою гордость.

— Вот, — сказал Бишоп шкафу, — выпейте это за меня.

Он поставил стакан, к которому так и не притронулся, на шкаф.

Шкаф от удивления булькнул.

— Я не пью, — сказал он.

— Тогда слейте в бутылку.

— Я не могу этого сделать, — в ужасе сказал шкаф. — Это же смесь.

— Тогда разделите ее на составные части.

— Не могу, — взмолился шкаф. — Не хотите же вы...

Раздался шелест, и посередине комнаты появилась Максайн. Она улыбнулась Бишопу.

— Что происходит? — спросила она.

Шкаф обратился к ней:

— Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составные части. Он же знает, что я не могу этого сделать.

— Ну и ну, — сказала Максайн. — А я думала, что вы умеете все.

— Этого сделать я не могу, — сухо сказал шкаф. — Почему бы вам не взять коктейль?

— Хорошая мысль, — согласилась девушка. Она подошла к шкафу и взяла стакан. — Что с вами? — спросила она Бишопа.

— Я просто не хочу пить. Разве человек не имеет права...

— Имеет, — сказала Максайн. — Конечно, имеет. А что у вас с рукой?

— Ожог.

— Вы уже достаточно взрослый, чтобы не баловаться с огнем.

— А вы достаточно взрослая, чтобы не врываться в комнату таким образом. Когда-нибудь вы соберете себя точно в том месте, где будет стоять другой человек.

Максайн захихикала.

— Вот это будет смешно, — сказала она. — Представьте себе, вы и я...

— Это была бы каша.

— Предложите мне сесть, — сказала Максайн. — Давайте будем общительными и вежливыми.

— Конечно, садитесь.

Она села на кушетку.

— Меня интересует самотелепортация, — сказал Бишоп. — Я спрашивал вас, как это делается, но вы мне не ответили.

— Это просто само пришло ко мне.

— Не может быть, чтобы телепортировали вы сами. Люди не обладают парапсихическими...

— Когда-нибудь вы взорветесь. Слишком уж кипите.

Бишоп сел рядом с Максайн.

— Да, я киплю, — сказал он. — Но...

— Что еще?

— А вы когда-нибудь задумывались над тем, как это у вас получается? Пытались ли вы перемещать что-нибудь еще... не только себя?

— Нет.

— Почему?

— Послушайте. Я заскочила, чтобы выпить с вами и немного забыться, а не заниматься техническими разговорами. Я ничего не знаю и не понимаю. Мы многого не понимаем.

Максайн взглянула на Бишопа, и в ее глазах мелькнул испуг.

— Вы притворяетесь, что вам не страшно? — продолжала она. — Давайте перестанем притворяться. Давайте признаемся, что...

Она поднесла стакан к губам, и вдруг он выскользнул из руки.

— Ах!

Стакан повис в воздухе над самым полом. Затем он поднялся. Максайн протянула руку и схватила его. Но тут он снова выскользнул из ее дрожавшей руки. На этот раз упал на пол и разбился.

— Повторите все снова, — сказал Бишоп.

— Это со мной впервые. Я не знаю, как это случилось. Я просто не хотела, чтобы он разбился, и...

— А во второй раз?

— Вы дурак, — возмутилась Максайн. — Я говорю вам, что я ничего не делала. Я не разыгрывала вас. Я не знаю, как это получилось.

— Но получилось же. Это начало.

— Начало?

— Вы не дали стакану упасть на пол. Вы телепортировали его обратно в руку.

— Послушайте, — мрачно сказала она, — перестаньте обманывать себя. За нами все время следят. Кимонцы иногда устраивают такие трюки. Ради шутки.

Она рассмеялась и встала, но смех ее был неестественный.

— Вы не пользуетесь случаем, — сказал Бишоп. — Вы ужасно боитесь, что над вами будут смеяться. Надо быть мудрой.

— Спасибо за коктейль, — сказала она.

— Но, Максайн...

— Навестите меня как-нибудь.

— Максайн! Погодите!

Но она уже исчезла.

* * *

...Надо забыть о самолюбии. Надо проанализировать факты, думал Бишоп. У кимонцев более высокая культура, чем у нас. Другими словами, они ушли дальше по дороге эволюции, чем мы, ушли дальше от обезьяны. А как людям Земли достичь этого?

Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия — она подсказывает, как лучше использовать ум, который уже есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со вселенной.

И если кимонцы все понимают, если они добились своего, разобравшись во всем, то нельзя представить себе, чтобы они брали к себе на службу других разумных существ в качестве щенков. Или даже в качестве товарищей по детским играм. Но это могло бы быть в том случае, если бы игра приносила пользу не их детям, а детям Земли. Они осознавали бы, какой ущерб наносит подобная практика, и пошли бы на нее только в том случае, если бы в конце концов из всего этого вышел толк.

Бишоп сидел, думал, и собственные мысли казались

ему логичными, потому что даже в истории его родной планеты бывали периоды, когда переход на новую, высшую ступень развития требовал издержек.

И еще.

В своем развитии люди не скоро обретут парапсихические способности, так как они могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и интеллектуально не подготовлено к обращению с ними. Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому что это не игра для подростков. В сравнении с кимонцами люди могут считать себя лишь детьми.

С этим было трудно согласиться. Это не укладывалось в голове. Но согласиться было необходимо. Необходимо.

— Уже поздно, сэр, — сказал шкаф. — Вы, по-видимому, устали.

— Вы хотите, чтобы я лег спать.

— Я только предположил, что вы устали, сэр.

— Ладно, — сказал Бишоп.

Он встал и пошел в спальню, улыбаясь про себя. Послали спать... как ребенка. И он пошел.

Не сказал: «Я лягу, когда мне будет надо». Не цеплялся за свое достоинство взрослого. Не капризничал, не стучал ногами, не вопил.

Пошел спать... как ребенок, которому велено идти в постель.

Может быть, так и надо делать. Может быть, это ответ на все вопросы. Может быть, это единственный ответ.

Бишоп обернулся.

— Шкаф!

— Что вам угодно, сэр?

— Ничего. То есть от вас мне ничего не надо. Спасибо за то, что подлечили руку.

— Ну и хорошо, — сказал шкаф. — Спокойной ночи!

Может быть, это и есть ответ. Вести себя, как ребенок. А как поступает ребенок? Он идет спать, когда ему велят. Он слушается взрослых. Он ходит в школу. Он... Погодите!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж. Он понимает, что ему надо многому научиться, прежде чем он займет свое место в мире взрослых.

Но я ходил в школу, подумал Бишоп. Я ходил в школу долгие годы. Я усердно учился и выдержал экзамен, на котором провалились тысячи других. Я был подготовлен к поездке на Кимон.

Однако будь ты на Земле хоть доктором, по прибытии на Кимон ты становишься всего лишь «выпускником» детского сада.

Монти немного овладел телепатией. И другие тоже. Максайн может телепортировать себя, и она не дала стакану разбиться об пол. Наверно, и другие на это способны.

А они только еще постигают азы.

Телепатия и умение не дать стакану разбиться — это еще далеко не все. Парапсихическое могущество — это далеко не единственное достижение культуры Кимона.

Может быть, мы готовы, думал Бишоп. Может быть, мы уже почти вышли из подросткового возраста. Может быть, мы уже почти готовы к восприятию культуры взрослых. А иначе почему бы кимонцы пустили к себе из всей Галактики только нас?

У Бишопа голова шла кругом.

На Земле один из тысячи выдерживает экзамен, дающий право поехать на Кимон. Может быть, на Кимоне одного из тысячи находят достойным приобщения к культуре Кимона.

Но прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты еще ребенок. С капризами тебя никуда не пустят. Надо отбросить ложное самолюбие, которым ты, как щитом, закрываешься от культуры, требующей твоего понимания.

Эх, Морли, наверно, я получил ответ, — сказал про себя Бишоп, — ответ, которого ты ждешь на Земле.

Но я не могу сообщить тебе его. Его нельзя передать другому. Его должен найти каждый сам для себя.

Жаль, что Земля не подготовлена к тому, чтобы найти этот ответ. Такого не проходят в школах Земли.

Армии и пушки не смогут взять штурмом цитадель кимонской культуры, потому что воевать с народом, обладающим парапсихическими способностями, просто невозможно.

Только мудрое терпение поможет разгадать тайны планеты. А земляне люди нетерпеливые, не мирные. Здесь все по-другому. Здесь надо стать другим.

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать. И дать обещание, что буду усердно учиться. Может быть, нас для того и привозят сюда, чтобы один из тысячи имел возможность сообразить это. Может быть, кимонцы наблюдают за нами, надеясь, что сообразит не только один из тысячи. Может быть, им больше хочется передать свои знания, чем нам учиться. Потому что они одиноки в Галактике, в которой нет существ, подобных им.

Неужели все живущие в гостинице потерпели неудачу? Неужели они никогда не пытались догадаться, в чем дело, или пытались, но безуспешно?

А другие... по одному из каждой тысячи... где они?

Бишоп терялся в догадках.

Но, может быть, все это предположения? Мечты? Завтра утром он проснется и узнает, что ошибался. Он спустится в бар, выпьет с Максайн или Монти и будет смеяться над тем, о чем мечтает сейчас.

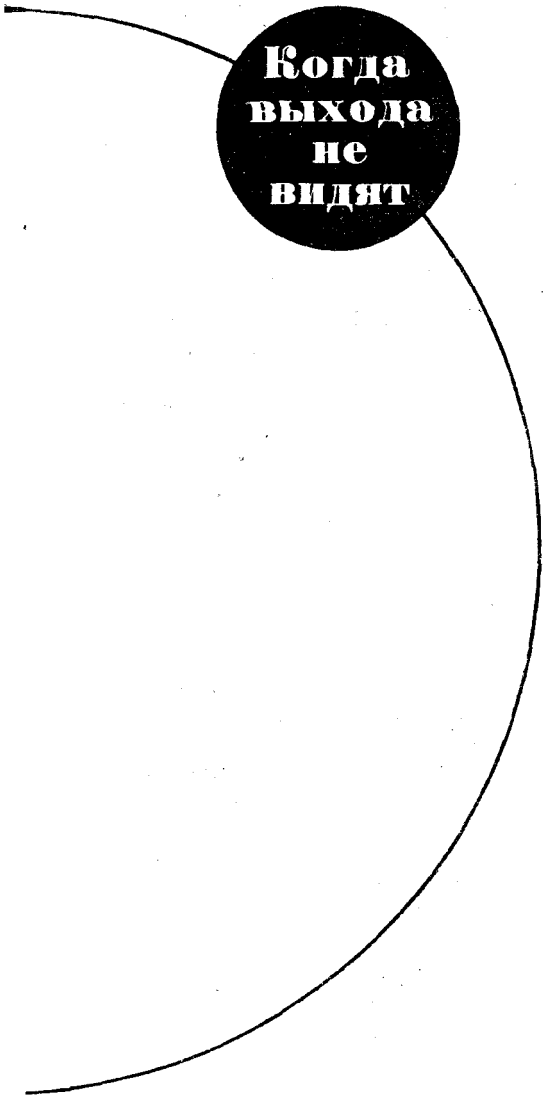
Школа. Но это была бы не школа... по крайней мере она была бы совсем не похожа на те школы, в которых он когда-то учился.

Хорошо бы...

— Ложитесь-ка спать, сэр, — сказал шкаф.

— Наверно, надо ложиться, — согласился Бишоп. — День был тяжелый и долгий.

— Вы захотите встать пораньше, — заметил шкаф, — чтобы не опоздать в школу.

Когда
выхода
не
видят

РОБЕРТ КРЭЙН

ПУРПУРНЫЕ ПОЛЯ

— Выглядишь ты просто отлично, — сказала Роз, провожая его к двери. — Такой молодой, красивый... Я страшно горжусь тобой.

Он ласково взял ее за подбородок и поцеловал.

— Скотт, — прошептала она и отстранилась, чтобы лучше видеть его лицо. — Желаю, чтобы тебе повезло у мистера Пэйнтера.

— Не беспокойся, — ответил он. — Все уладится как нельзя лучше. — И, уловив в ее глазах тревогу, добавил: — Пэйнтер славный малый. Пользуется огромным влиянием.

Она легонько хлопнула его по плечу.

— Беги же, не то опоздаешь на поезд.

Он улыбнулся. Она по-прежнему называет это поездами.

— Моновагон, — поправил он.

— Поезд, моновагон — какая разница? Это ведь одно и то же, не так ли? — Она чуть-чуть надула губы: ей не по душе были все эти новомодные выдумки.— Возвращайся пораньше, к обеду.

— Постараюсь.

— Желаю удачи! — пылко сказала она. — Желаю удачи, мой родной!

Ведь я всего-навсего ищу работу, подумал он. Так ли уж трудно найти работу?

Он вошел в гараж, залез в маленький гиромобиль и съехал под уклон, чтобы завелся мотор. Аккумуляторы садились, он хотел их поберечь. С аккумуляторами теперь творится что-то неладное: их хватает всего на ме-

сяц-другой. Было время, когда один аккумулятор служил два или три года, но это еще до войны, двадцать лет назад. До Программы.

Он оставил гиромобиль на привокзальной стоянке и вышел на платформу — высокий, порывистый, безупречно сложенный, покрытый бронзовым загаром. Моновагон запаздывал на девять минут, и Скотту стало смешно. Он вспомнил французскую пословицу насчет того, что все меняется, но чем больше перемен, тем больше все остается по-старому; правда, это не совсем верно, — вот, например, Францию последняя война почти стерла с лица земли, да и здесь Программа многое изменила, в том числе Конституцию. А вот железнодорожная компания «Лонг-Айленд», как упорно величает ее Роз, по-прежнему не соблюдает графиков, хоть и называется теперь корпорацией «Юниверсал Монорелс».

Когда прибыл маленький моновагон, Скотт прошел в головное купе, чтобы покурить, и задымил сигаретой, как только застегнул предохранительный пояс. Не так давно на линии произошло несколько крушений, и по указу Программы были введены предохранительные пояса. Скотт вспомнил, как молодой диктор телерамы комментировал этот указ: спокойно и доходчиво объяснил, что такое предохранительные ремни, как они защищают тело пассажира от ушибов при внезапных остановках, и так далее, и тому подобное. А затем молодой диктор стал распространяться о том, как плохо жилось до войны, когда всем заправляли старикашки, когда за общественный транспорт отвечали пятидесятилетние и даже шестидесятилетние. Программа все это изменила, гордо заявил молодой диктор. Все моноинженеры моложе тридцати, у всех у них великолепное здоровье и высоченные коэффициенты сообразительности.

Вот потому-то, думал Скотт, и нужны предохранительные пояса.

Роз быстро убрала в доме, приняла ванну и очень старательно оделась. Долго водила щеткой по волосам, пока они не заблестели, потом наложила на щеки слой румян и хорошенько втерла их в кожу. Сегодня надо

выглядеть как можно лучше, быть молодой и полной жизни. Она не сказала Скотту, куда идет. Не хотела его тревожить. Бедный Скотт, подумала она. Бедняжка мой родной! У него и так забот хватает.

Откинувшийся на спинку кресла Скотт ощущал прилив самонадеянности. Сегодняшний день будет для него счастливым. Нет никого, кто сказал бы дурное слово о Пэйнтере,—такой это чуткий и отзывчивый человек. Пэйнтер работает помощником директора корпорации «Консолидейтед Комьюникейшенз» — ведает там штатами; а ведь на службе у этой корпорации семьдесят тысяч человек. Пэйнтер всегда найдет место для надежного и опытного работника. Пэйнтер все устроит, думал Скотт.

Скотт окинул взглядом открытый моновагон с низенькими стенками, увидел головы и плечи юнцов, едущих на работу, и невольно подивился новому миру, новому поколению. Казалось, все эти молодые люди вылупились из яиц в один и тот же летний день. Все они были мускулисты, у всех на толстых шеях сидели несуразно маленькие головки, у всех одинаково неулыбчивые глаза, одинаково прямые носы, одинаково сжатые чувственные губы. Роз вечно восхищалась этими юнцами — они словно сошли с давнишних рекламных картинок, которые призывали курить только сигареты «Зани» или мыться только Охотничьим Мылом. Но вот теперь они стали типичны для всей страны. Чиновники Программы. Все в чистеньких синих костюмах с черными галстуками и в черных полуботинках; все выдающиеся, фантастически выдающиеся, энергия в них бьет через край. Теперь они правят страной — это власть, на которой зиждется Программа. Скотт вспомнил Тридцать Девятую Поправку к конституции:

«Лица, достигшие тридцати пяти лет, не подлежат принятию на правительственную службу...»

Роз перешла через дорогу — навестить Энн Питерс. Дверь открыла сама Энн, прехорошенькая, точно кар-

тинка. Двадцатипятилетняя Энн была замужем за чиновником Программы.

Роз весело сказала:

— Здравствуй, милочка Энн. Опять хочу попросить у тебя гиромобиль.

Питерсы жили припеваючи. На жалованье Программы они позволяли себе держать два гиромобиля, и им хоть сейчас разрешили бы двоих, даже троих детей.

Энн широко раскрыла глаза.

— В клинику?

— Да,— с улыбкой подтвердила Роз.

— Ты ведь туда второй раз,— сказала Энн. Она в ужасе посмотрела на старшую приятельницу.

— Не бойся, милочка. Все будет очень хорошо.

— Господи, — пробормотала Энн. — Господи!

— Не будь такой глупышкой.

— Схожу за ключами, — сказала Энн. Вернулась она смертельно бледная, словно ее только что рвало.

— Спасибо, — поблагодарила Роз. — Ты ужасно добрая.

Энн залилась слезами.

Строят тот еще мир, думал Скотт, подходя к зданию «Консолидейтед Комьюникейшенз». Программа. Молодые люди вытеснили старикашек и принялись за всеобщую реорганизацию в свете собственных представлений. Безжалостные, неумолимые, неутомимые молодые люди, чей взор устремлен к звездам.

В необъятном холле Скотту улыбнулась красивая молоденькая блондинка, дежурная по приему:

— Чем могу служить?

Скотт радостно сказал:

— Здравствуйте. Я записан на прием к помощнику директора по кадрам, мистеру Пэйнтеру.

С точеным лицом девушки произошло что-то странное: оно окаменело. Миндалевидные голубые глаза стали холодными и неприветливыми. Девушка ответила:

— Очень жаль, но мистер Пэйнтер здесь больше не работает.

— Нет! — воскликнул Скотт. — Не может быть!

Она отвернулась.

Скотт быстро проговорил:

— Я записан на девять тридцать. Мне кажется, новый помощник директора примет меня.

— Подождите, пожалуйста. — Она вышла с безучастным видом и почти мгновенно вернулась.— Можете подняться. Лифтом на шестьдесят восьмой этаж, по коридору направо. — Девушка отошла, словно ее раздражало присутствие Скотта.

В приемной помощника по штатам уже было человек пять-шесть. Скотт не мог заставить себя взглянуть на них. Блондинка, восседающая в отгороженном углу, томно произнесла:

— Да?

— Мне назначен прием на девять тридцать.

— Разрешите ваше свидетельство о годности Программе.

Скотт вручил ей маленький пластмассовый прямоугольник.

Она бросила беглый взгляд и сказала:

— Присядьте, пожалуйста.

Он сел спиной к остальным. И так он уже знал о них слишком многое. Все они — его двойники, люди лет под сорок; наверное, все они пришли к Пэйнтеру, полные надежд, и всем им теперь одинаково страшно.

Регистраторша в клинике — прелесть, подумала Роз, тоненькая фигурка, белокурые жесткие волосы, огромные голубые глаза. Одно у нее плохо, она, как видно, разучилась улыбаться. Отчего это современные девушки такие серьезные? Что с ними стряслось?

Роз весело сказала:

— Добрый день, сестра.

— Добрый день.

— Знаете, мне назначен прием у того симпатичного молодого доктора.

— Разрешите ваше брачное свидетельство, — ответила сестра.

Роз протянула ей документ.

— Доктор сейчас освободится, миссис Дьюар, — сказала сестра. — Присядьте, пожалуйста.

Роз быстро проговорила:

— Скажите, сестра, вы не знаете...

— Очень жаль, но у нас не принято отвечать на вопросы, касающиеся обследования.

Роз со вздохом села.

Новый помощник по штатам был типичным чиновником Программы — смуглый, с фигурой футболиста, с маленькой красивой головкой на неимоверно мощной шее. Его огромный письменный стол был совершенно пуст, если не считать свидетельства о годности Скотта — оно лежало как раз в центре белоснежного листа промокашки. Кабинет был просторен, гигиеничен, удобен: механизм, созданный для того, чтобы в нем работали.

Новый помощник вежливо спросил:

— Есть у вас копии для сводки, сэр?

— Я выслал мистеру Пэйнтеру восемнадцать копий, как полагается.

— Мистер Пэйнтер здесь больше не работает.

К а к о г о ч е р т а, ч т о т а м с л у ч и л о с ь с П э й н т е р о м? — мысленно рассвирепел Скотт. На лбу у него проступила испарина.

Молодой человек вышел из кабинета и вернулся с розовой папкой в руках. Он сел и углубился в чтение бумаг, подшитых в папку; при этом лицо его оставалось непроницаемым. Наконец он бесстрастно произнес:

— Понятно. Так чем я могу быть вам полезен, сэр?

Р а з в е э т о н е я с н о л ю б о м у д у р а к у? — злобно подумал Скотт. Вслух он сказал:

— Я ищу работы. Как видите, я специалист по микротранзисторам...

— У нас уже укомплектована научно-исследовательская группа по микротранзисторам, — прервал его помощник по штатам. — Там нет вакансий.

— По сигмоклистронам... — начал было Скотт.

— Сигмоклистроны сняты с производства.

Помощник по кадрам в упор посмотрел на Скотта. Несколько мгновений оба молчали.

— У меня хороший послужной список, — заговорил Скотт. — Не может быть, чтобы я нигде не пригодился.

Голос молодого чиновника зазвучал сухо и официально:

— Скажите, вам приходилось иметь дело со спектром Голсмена?

— Нет, — ответил Скотт. Он даже не знал, что такое спектр Голсмена. Программа не очень-то поощряла публикацию научных работ в печати.

— Есть у вас допуск к П-электронике?

— Нет, — ответил Скотт. — Я был на год-другой старше, чем нужно, чтобы принять участие в создании П-электроники...

Молодой человек не дослушал.

— Судя по вашему свидетельству, вам сорок один год.

— Да, — подтвердил Скотт и осекся. — Да.

— Очень жаль, но мы связаны возрастным лимитом. — Взгляд помощника по штатам помрачнел, стал враждебным, будто помощник отстаивал жизненно важное дело. Новый мир, мир Программы, мир, где старикашки не нужны. Но сюда примешивалось кое-что еще: гнев, озлобленность, охватывающие всех чиновников Программы, когда они видят людей старшего поколения. «Старикашки едва не погубили весь мир, — поучала Программа. — На них лежит ответственность за все войны в истории человечества, они преграждали путь прогрессу. Мы никогда не допустим, чтобы старикашки вновь пришли к власти».

Скотт сказал:

— Я думал, мой послужной список...

— У вас прекрасный послужной список, сэр. Просто в настоящее время у нас нет вакансий для специалистов вашего профиля.

— Вот что, — гневно сказал Скотт. Он отвернул лацкан пиджака и показал маленький золотой значок с изображением поднятой руки. — Сто первый ракетный полк. Слыхали о Сто первом ракетном?

Это был последний козырь. Во время третьей мировой войны Сто первый ракетный полк спас Нью-Йорк. В его честь в Центральном Парке воздвигли обелиск высотою в сто один фут.

— Конечно, мистер Дьюар, — подхватил молодой человек. — Сто первому ракетному полку мы обязаны решительно всем.

— В таком случае...

Молодой человек улыбнулся.

— Страна не забыла вас, сэр. Вам совершенно не о чем тревожиться, право же. Не сомневайтесь, о вас позаботится Программа.

В виски Скотту ударила кровь. Он взял с незапятнанной белой промокашки свидетельство о годности и поспешно вышел.

Какой красивый доктор! — думала Роз. До чего обаятелен, и внешность у него романтическая. Они с сестрой были бы чудесной парочкой... если бы только хоть изредка улыбались. Улыбались и смеялись.

— А, это вы, миссис Дьюар. Обследование закончено. — Он порылся в стопке бумажек.

— Вот как? — прошептала Роз.

Он подал ей красную карточку.

— Смотрите не потеряйте.

На карточке стоял типографский штамп: Программа, обследование способности к материнству. Пониже были выведены имя и фамилия Роз, дата, а в самом низу — размашистым почерком одно слово: Отрицательная.

— Нет, — простонала Роз. — Нет, умоляю вас...

— Обследование окончательное, — непреклонно ответил доктор.

— Но ведь у меня уже есть двое детей, доктор. Они на Юноне, изумительные, умные, на редкость удачные дети. Прошу вас, выслушайте меня. Я уже родила двоих, я еще молода...

— Тридцать семь лет, — напомнил ей доктор. Он делал над собой усилие, чтобы оставаться в рамках вежливости. — Вы исполнили свой долг, миссис Дьюар.

Страна благодарна вам. И ни о чем не надо беспокоиться: о вас позаботится Программа.

Он перехватил ее взгляд — взгляд загнанного зверя — и отвернулся с профессиональной безапелляционностью:

— Сестра! Дайте миссис Дьюар успокоительного.

— Нет, — твердила Роз. — Нет. Нет.

Не отступлюсь, думал Скотт. Моя возьмет, я еще покажу этим молокососам, что меня не так легко одолеть.

Только нельзя терять время, думал он. Они-то времени не теряют.

Выйдя из «Консолидейтед Комьюникейшенз», он подозвал тримобиль. Сказал водителю: «Вспомогательная Служба Программы. Да поживее». Тот ответил: «Есть, сэр», странно улыбнулся и странно вздохнул. Они покатили солнечными улицами, миновали несколько кварталов, и лишь тогда водитель спросил:

— Работу ищете?

Скотт подавил ярость.

— Ну да.

— Мне и самому через неделю на покой, — сказал шеф.— На днях срезали потолок для шоферов. Тридцать четыре. А мне тридцать шесть.

— Скверно, — отозвался Скотт.

— Говорят, власти позаботятся, — продолжал водитель. — Не дадут помереть с голоду, как бывало в старое время.

— Ну конечно, конечно, — буркнул Скотт.

Доехав до Вспомогательной Службы, он проворно вбежал в отдел найма государственных служащих — и тотчас же пал духом. Огромную комнату перегораживал барьер из нержавеющей стали, и в каждом конце его дежурили молодые охранники. За барьером стояли письменные столы дежурных по приему. Перед барьером — четыре ряда скамей, сплошь занятых людьми. В очереди было человек семьдесят-восемьдесят, не меньше.

Один из охранников вразвалочку подошел к Скотту, записал его фамилию и адрес.

— Ладно, — сказал охранник. — Присаживайтесь... Вас вызовут.

Скотт примостился на краешке последней скамьи. Немного погодя он успокоился и стал смиренно разглядывать дежурных и посетителей — молодых людей и своих ровесников. Он заметил, что деятели Программы необычайно вежливы. Они внимательно выслушивают, задают учтивые вопросы, заглядывают в личные дела и в справочники, часто хватаются за видеофон. Но никогда не улыбаются. Холодное выражение их красивых лиц неизменно. Словно гарнизон крепости: вооруженные, обученные, самоуверенные.

Не уйду в отставку, подумал Скотт. Богом клянусь, не уйду.

Вдруг он узнал одного из тех, кто уже побывал на приеме, — высокого, плотного человека, начинающего лысеть. Он встал и окликнул знакомого:

— Клем!

— Эй, там, — буркнул охранник. — Потише!

Скотт продолжал стоять. Знакомый улыбнулся ему, закивал и ткнул рукой в сторону выхода. Скотт пожертвовал местом на скамье и направился к двери.

В коридоре Клем сказал:

— И ты тут, Скотт. Здравствуй.

— Здравствуй, Клем.

— Зря теряешь время, дружище.

— Да, — согласился Скотт. — Я и сам так думаю.

— Я-то хотел еще попытать счастья в Общественном Водопроводе, — сказал Клем, — но теперь придумал кое-что получше. Пойдем выпьем.

— Отчего бы и нет? — ответил Скотт. Ждать здесь было бессмысленно.

Они вышли на солнечный свет, и тримобиль подвез их к какому-то дому в районе Семидесятой стрит. На третьем этаже, в уютно обставленной комнате, человек десять тихо сидели над рюмками.

— Мое прибежище, — пояснил Клем. — Здесь я забываю о Программе.

Из-за стойки маленького бара однорукий бармен улыбнулся сначала Клему, потом Скотту.

Клем сказал:

— Джо, познакомься со Скоттом Дьюаром.

— Здравствуй, Скотт. — Джо с улыбкой стиснул его руку.

— Джо служил на «Наутилусе-12», — продолжал Клем. — Помнишь, старый добрый «Наутилус-12», Скотт?

— Еще бы, — ответил Скотт. — Заслуженная посудина. Вся изрешеченная осколками.

Джо гордо посмеивался.

Клем отвернул лацкан на пиджаке Скотта, и блеснул золотой значок с изображением поднятой руки — символ мощи и вызова на бой.

— Сто первый! — оживился Джо.

— Этот малый командовал нашим отделением, — сказал ему Клем. — Двадцать лет назад.

Джо покачал головой в восхищении.

— Ну и дела! Мы вам обязаны решительно всем.— Так по традиции приветствовали оставшихся в живых воинов Сто первого ракетного — спасителей Нью-Йорка.

— Расскажи это своей Программе, — мрачно пошутил Клем. — Но прежде всего, Джо, приготовь два мартини. Они нам необходимы как никогда.

В ожидании коктейля Клем спросил:

— У тебя есть что-нибудь новое, Скотт?

— Нет.

— У меня тоже ничего хорошего. Ты, кажется, собирался на прием в «Консолидейтед Комьюникейшенз»?

— Точно, — ответил Скотт. — Сегодня утром меня должен был принять Пэйнтер, но он там уже не работает. Я говорил с его преемником. Ничего не вышло.

— До меня дошли слухи о Пэйнтере, — мягко сказал Клем. — Это очень любопытно.

— Что именно?

— Пэйнтер был хороший человек. Помогал людям. Для нашей возрастной группы делал все, что мог. Ему самому было тридцать пять.

— И что же?

— Отправили его на отдых, — докончил Клем. — Сейчас тридцатипятилетних уже не считают надежны-

ми. Судя по всем признакам, надо ждать нового возрастного лимита.

— Боже правый! — вскричал Скотт. — Чем же это кончится? Не могут же младенцы править миром. У них нет опыта.

— Потребность в рабочей силе все уменьшается, — пояснил Клем. — Автоматов и вычислительных машин становится все больше, а людей все меньше.

— Значит, будет все больше и больше крушений на монорельсовых дорогах, — загремел Скотт, — все больше и больше ракет будет взрываться при старте, все больше и больше жизней...

— Спокойно, — предостерег его Клем.

Джо осторожно пододвинул им мартини через стойку.

— По крайней мере, — улыбнулся Клем, — о насто Программа позаботится. Заслуженные ветераны, и так далее, и тому подобное. Нам совершенно не о чем тревожиться. — Он поднял бокал. — Предлагаю тост, командир, за Пурпурные Поля.

Дрожащим голосом Скотт повторил:

— За Пурпурные Поля.

— Вот ключи, милочка, — сказала Роз своей приятельнице Энн Питерс. — Большое тебе спасибо за гиромобиль.

— Как... как сошло?

— Как сошло что, Энн?

— Ну, в... в клинике.

— Ах, там все было очаровательно, милочка, совершенно очаровательно. Такая приятная молодежь. Милее не бывает. Право же, они так внима...

Она была не в силах продолжать, хотя ей очень не хотелось пугать приятельницу. С годами Энн не становится моложе, и в свое время с нею случится то же самое; но пока незачем ей об этом знать, как незачем сообщать кое-какие факты ребенку. Роз повернулась и нетвердой походкой перешла улицу, направляясь к своему дому.

Энн все смотрела ей вслед — смотрела даже после того, как Роз захлопнула за собой дверь.

Скотт успел на обратный моновагон в 5.30, но на этот раз он был пьян и не стал застегивать предохранительный пояс. Какой-то юнец — деятель Программы — вежливо подсказал ему: «Ваш пояс, сэр», а Скотт повторил: «Мой пояс», и юнец отпрянул, словно ужаленный скорпионом.

Но, как ни странно, будущее рисовалось Скотту в розовом свете. Завтра, думал он, завтра возьмусь за дело по-настоящему. Он стал прикидывать, надо зайти: в Общественный Водопровод, Электро-Вычислители, Ай-Эм-Эк, Грейторекс, быть может, даже в Монорелс. И есть десяток других вариантов. Конечно, думал он. Что-нибудь да найду. При такой биографии, как моя, что-нибудь непременно отыщется. Найду! В нем бил ключом новый источник мужества и оптимизма.

Когда он пришел домой, Роз смотрела телераму; она приветствовала мужа веселым голосом, как обычно:

— Милый! Здравствуй, милый! Здравствуй, мой родной!

Он склонился над нею, поцеловал, а она втянула носом воздух и сказала:

— Гм-м... Где ты был, дружок?

— Я встретил Клема.

— Клем славный. Что же ты не пригласил его к обеду, глупыш? — Она заглянула ему в глаза. — Как провел день, Скотт?

— Хвастать нечем, — ответил он. — Но завтра... ты знаешь, у меня предчувствие, что завтра все переменится. — Он сел рядом с нею и обнял ее за плечи. Хмель еще не прошел, и Скотт все больше воодушевлялся. — У меня сотня идей. Завтра расскажу...

Она потерлась щекой о его ладонь.

— Я в этом уверена, милый. Просто убеждена.

Он хотел было поцеловать ее еще раз, но тут экраны телерамы погасли, и трижды громко прозвучал гудок — сигнал местного вещания.

— Выключи, — грубовато сказал Скотт.

— Нет! — испугалась Роз. — Скотт! Ты ведь знаешь, за это штрафуют! — Она удержала его за руку.

Экраны снова осветились, и появился деятель Программы. Он был очень красив и разговаривал мягким, бархатистым голосом.

— Добрый вечер, — произнес он. — На мою долю выпала честь передать особое сообщение Пятого отделения Программы на имя мистера и миссис Скотт Дьюар. Вы меня слышите?

— Да, — прошептала Роз.

— За особые заслуги, — без запинки продолжал молодой человек, — вы сегодня были избраны на Пурпурные Поля...

— Вот как... — прошептала Роз. — Вот как.

Скотт стиснул ее пальцы.

Голос продолжал, тепло, ласково:

— Прекрасная местность... вечное лето... все удобства. Крайне желательно, чтобы ваша жизнь вступила в эту завидную новую фазу без промедления. Транспорт будет вам подан сегодня в двадцать три тридцать, и каждый из вас должен взять с собой смену белья. Власти позаботятся о вашем имуществе, и, разумеется, мы распорядимся им со всей возможной заботой. Будете ли вы готовы в указанный срок, мистер и миссис Дьюар?

— Да, — ответил Скотт.

— Прекрасно. Разрешите вас поздравить. Счастливого, счастливого пути!

Скотт выключил телераму.

— Что ж, пора обедать, — сказала Роз. — Поможешь мне накрыть на стол, милый?

Скотт пошел на кухню вместе с Роз, и она сказала:

— Знаешь, милый, у нас еще осталась бутылка старого бургундского из Калифорнии. Сейчас откупорим или возьмем с собой?

— Давай сейчас, — ответил Скотт.

Роз радостно защебетала:

— Как интересно! Разве это не увлекательно? Избраны на Пурпурные Поля!.. А где они, Пурпурные Поля, милый?

Он тяжело посмотрел на нее, она заколебалась, а потом подбежала к мужу и обняла его крепко-крепко.

УИЛЬЯМ ТЭНН

НУЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ

Спустя несколько месяцев после Второй атомной войны, когда треть планеты все еще оставалась радиоактивной пустыней, доктор Дэниел Глэрт из Филлмора, штат Висконсин, наткнулся на открытие, которому суждено было вызвать последний рывок в социальном развитии человечества.

Подобно Колумбу, хваставшему тем, что добрался до Индии, подобно Нобелю, гордившемуся изобретением динамита, который, по его словам, сделает войны невозможными, — подобно им, доктор Глэрт не сумел правильно оценить свое открытие. Несколько лет спустя он говорил заезжему историку:

— Не думал, что из этого такое выйдет, никак не думал. Помните, война только что кончилась; мы были здорово потрясены тем, как испарились практически оба побережья Соединенных Штатов. Так вот, из Топики — новой столицы в Канзасе — нам, докторам, пришло распоряжение подвергнуть пациентов полному обследованию. В общем смотреть в оба, чтобы не проглядеть радиоактивных ожогов и этих самых новых болезней, которыми швырялись друг в друга воюющие армии. Понимаете, сэр, я больше ничего и не предполагал делать. А Джорджа Абнего я знал тридцать лет — я его вылечил от ветрянки, от воспаления легких и от отравления. Никогда бы не подумал!..

В соответствии с распоряжением, которое прокричал на всех углах секретарь окружного совета, Джордж Абнего сразу после работы явился к доктору Глэрту. Терпеливо прождав полтора часа в очереди, он, наконец, вошел в маленький кабинет. Здесь его

тщательно выстукали, просветили рентгеном, взяли анализ крови и мочи, внимательно исследовали его кожу, а потом ему пришлось ответить на пятьсот вопросов анкеты, разосланной департаментом здравоохранения в отчаянной попытке охватить симптомы новых заболеваний.

Потом Джордж Абнего оделся и пошел домой, где его ждал скудный ужин, ограниченный жесткими нормами. Доктор Глэрт положил его папку в ящик и вызвал следующего. Он пока еще ничего не заметил; но хотел он или не хотел — начало абнегистской революции уже было положено.

Четыре дня спустя, когда обзор состояния здоровья жителей Филлмора, штат Висконсин, был готов, доктор переслал материалы в Топику. Прежде чем подписать карточку Джорджа Абнего, он пробежал ее глазами, поднял брови и записал на ней следующее: «Если не считать склонности к кариесу зубов и плоскостопию, я считаю, что состояние здоровья этого человека среднее. В физическом отношении он соответствует норме для города Филлмора».

Именно эта последняя фраза заставила правительственного инспектора здравоохранения усмехнуться и еще раз взглянуть на карточку. Потом к усмешке прибавилось изумление; оно стало еще сильнее, когда инспектор сравнил цифры и данные на карточке с медицинскими справочниками.

Надписав что-то красными чернилами в правом верхнем углу карточки, инспектор послал ее в Исследовательский отдел.

В Исследовательском отделе удивились, зачем им переслали карточку Джорджа Абнего — у него не было отмечено никаких необычных симптомов, предвещавших экзотические новинки вроде мозговой кори или артериального трилхиноза. Потом они обратили внимание на надпись, сделанную красными чернилами, и на пометку доктора Глэрта. Пожав плечами, исследователи поручили группе статистиков заняться этим вплотную.

Спустя неделю, когда статистическое изучение вопроса было завершено, в Филлмор прибыло девять спе-

циалистов-медиков. Они тщательнейшим образом обследовали Джорджа Абнего, а потом ненадолго заглянули к доктору Глэрту, которому по его просьбе оставили копию протокола своего обследования.

Обстоятельства сложились так, что первый экземпляр этого протокола был уничтожен в Топике месяц спустя, во время мятежа Твердокаменных Баптистов — того самого мятежа, который побудил доктора Глэрта начать абнегистскую революцию. После того как население в результате атомной и бактериологической войны сильно сократилось в числе, эта баптистская секта оказалась самой крупной религиозной организацией страны. Возглавлявшая ее группировка устремилась установить в остатках Соединенных Штатов теократию Твердокаменных Баптистов. После кровопролитных боев и больших разрушений мятежники были усмирены. Их вождь, преподобный Хемингуэй Т. Гонт, поклявшийся, что не выпустит из левой руки револьвера, а из правой — библии, пока не воцарится власть Господня и не будет возведен Третий Храм, был приговорен к смертной казни судом своих же суровых единоверцев.

Сообщая о мятеже, филлморская газета «Бьюгл геральд» проводила печальную параллель между уличными боями в Топике и мировой катастрофой, вызванной атомным конфликтом. Передовая статья уныло констатировала: «Теперь, когда международная связь и транспорт разрушены, мы почти ничего не знаем о превращенном в руины мире. Мы знаем, что физический облик нашей планеты за последние десять лет изменился настолько же, насколько рождающиеся повсюду в результате радиоактивности дети-уроды отличаются от своих родителей. Воистину в эти дни катастроф и перемен наш изнемогающий дух обращается к небу с мольбой о символе, о знамении, гласящем, что все снова будет хорошо, что прошлое еще вернется к нам, что потоп несчастий пойдет на убыль и мы снова почувствуем под ногами твердую почву нормы».

Именно это последнее слово привлекло внимание доктора Глэрта. В тот же вечер он опустил протокол обследования, проведенного правительственными спе-

циалистами, в редакционный почтовый ящик. На полях первой страницы он написал карандашом короткую фразу: «Вижу, что Вы интересуетесь этим вопросом».

Во всю первую страницу следующего номера филлморской «Бьюгл геральд», вышедшего неделю спустя, красовались заголовки:

ГРАЖДАНИН ФИЛЛМОРА — ЗНАМЕНИЕ?
НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ФИЛЛМОРА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ОТВЕТОМ СВЫШЕ!
МЕСТНЫЙ ВРАЧ РАСКРЫВАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ СЕКРЕТ

Дальнейший текст был густо уснащен цитатами из протокола, а также из Псалмов Давида. Потрясенные жители Филлмора узнали, что некий Джордж Абнего, который почти сорок лет прожил среди них незамеченным, представляет собой живую абстракцию. Благодаря стечению обстоятельств, ничуть не более замечательному, чем появление у вас на руках четырех тузов в покере, физическое развитие, душа и прочие разнообразные атрибуты Абнего, вместе взятые, образовали мифическое существо — статистическое среднее.

Судя по последней предвоенной переписи, рост и вес Джорджа Абнего совпадали со средней цифрой для взрослого американца мужского пола. Он женился именно в таком возрасте (с точностью до года, месяца и дня), когда, по расчетам статистиков, в среднем женились все мужчины; его жена была моложе его именно на столько лет, чтобы разница в их возрасте соответствовала средней; его заработок, по данным последней налоговой анкеты, равнялся среднему заработку за этот год. Даже количество и состояние зубов у него во рту соответствовало предсказаниям Американской ассоциации зубных врачей. Его обмен веществ и кровяное давление, пропорции тела и неврозы — все в Абнего представляло собой обобщение последних статистических данных. Когда его подвергли всем возможным психологическим проверкам, оконча-

тельный результат показал, что это средний нормальный человек.

Наконец, миссис Абнего недавно разрешилась от бремени третьим ребенком — мальчиком. Это не только произошло точно в момент, соответствующий статистическим данным о движении населения, но и привело к появлению на свет абсолютно нормального представителя человечества в отличие от большинства детей, рождавшихся по всей стране.

Рядом со славословиями в честь новой знаменитости в газете была напечатана плохая любительская фотография, с которой на читателя застывшим взглядом смотрело семейство Абнего в полном составе. Выглядело оно при этом, как отмечали многие, «средне — чертовски средне!».

Газетам других штатов было предложено перепечатать материал. Так они и сделали — сначала не спеша, а потом со все распространявшимся, заразительным энтузиазмом. Когда живой интерес публики к этому символу стабильности, счастливо избежавшему всех крайностей, стал очевиден, на страницах газет забили фонтаны громких слов, посвященных «Нормальному Человеку из Филлмора».

Профессор Родрик Клингмейстер из университета штата Небраска заметил, что многие его студенты-биологи носят огромные пуговицы, украшенные портретами Джорджа Абнего. «Прежде чем начать лекцию, — усмехнулся он, — я бы хотел сказать, что этот ваш «нормальный человек» не мессия. Боюсь, что он всего-навсего наделенная честолюбием вероятностная кривая, всего лишь воплощенная посредственность...»

Договорить он не успел. Ему раскроили череп его собственным микроскопом.

Даже на той ранней стадии событий некоторые наблюдательные политики заметили, что за это поспешное действие никто не понес наказания.

Этот инцидент можно связать с многими другими, последовавшими за ним. Например, один злополучный житель Далата, оставшийся неизвестным, в разгар происходившей в этом городе манифестации под лозунгом «Добро пожаловать, приятель — средний Абнего», до-

бродушно удивившись, вслух заметил: «Смотрите, он же просто обыкновенный парень, вроде нас с вами». Он был немедленно разорван разъяренной толпой на клочки не крупнее праздничного конфетти.

За подобными случаями внимательно следили люди, находившиеся у кормила правления (постольку, поскольку те, кем правили, против этого не возражали). Эти люди решили, что Джордж Абнего представляет собой воплощение великого национального мифа, в течение столетия скрыто лежавшего в основе культуры и с таким шумом распространившегося благодаря массовым средствам общения.

Начало этому мифу положило когда-то детское движение, призывавшее «Стать Нормальным Полнокровным Американским Парнем»; свое высшее проявление он нашел в политических кругах, где претенденты на официальные посты, красуясь без пиджаков и в подтяжках, хвастали: «Бросьте, все знают, кто я такой. Я простой человек, не больше, всего-навсего простой человек».

Этот миф послужил источником таких внешне несопоставимых обычаев, как ритуал политического целования младенцев, культ жизни «не хуже других» или недолговечные, пустые и глупые массовые увлечения, охватывавшие население с монотонной регулярностью, подобно взмахам механического дворника по стеклу автомобиля. Этот миф диктовал законы моды и определял дух студенческих землячеств. Это был миф о «правильном парне».

Год открытия Абнего был годом президентских выборов. Так как от Соединенных Штатов остался только Средний Запад, демократическая партия исчезла. Ее остатки поглотила группа, называвшая себя Старой Республиканской Гвардией — самая левая в Америке. Правящая партия — Консервативные Республиканцы, настолько правые, что они стояли на грани монархизма, — была спокойна за исход выборов: достаточное для этого количество голосов было обещано ей духовенством.

Старая Республиканская Гвардия лихорадочно искала подходящего кандидата. С сожалением отказав-

шись от подростка-эпилептика, недавно избранного вопреки конституции штата губернатором Южной Дакоты, и высказавшись против распевавшей псалмы бабки из Оклахомы, которая сопровождала свои выступления в сенате религиозной музыкой на банджо, стратеги партии в один из летних дней прибыли в Филлмор, штат Висконсин.

С того момента, как Абнего убедили дать согласие баллотироваться, как было преодолено его последнее, искреннее, но не признанное серьезным возражение (состоявшее в том, что он был членом соперничающей партии), стало очевидно, что в предвыборной борьбе произошел перелом и что сыр-бор загорелся.

Абнего стал кандидатом в президенты под лозунгом: «Назад, к Норме, с Нормальным Человеком!»

К тому времени, когда собралась конференция Консервативных Республиканцев, угроза поражения была для них уже очевидной. Они изменили свою тактику, пытаясь встретить удар лицом к лицу.

Республиканцы выдвинули своим кандидатом горбуна. Кроме физического уродства, он отличался и другими ненормальными особенностями: например, был профессором права в ведущем университете. Он был женат и с большим шумом развелся; наконец однажды он признался комиссии по расследованию, что когда-то писал и публиковал сюрреалистические стихи. Плакаты, изображавшие его с жутковатой ухмылкой и горбом вдвое больше натуральной величины, были расклеены по всей стране с лозунгом: «Ненормальный Человек для Ненормального Мира!»

Несмотря на этот блестящий политический ход, результат кампании не вызывал сомнений. В день голосования три четверти избирателей поддержали кандидата, зовущего к прошлому. Четыре года спустя, когда на выборах снова выступили те же соперники, соотношение увеличилось до пяти с половиной против одного. А когда Абнего выставил свою кандидатуру на третий срок, он не встретил организованного сопротивления.

Не то чтобы он сокрушил оппозицию. В период президентства Абнего допускалась бо́льшая свобода поли-

тической мысли, чем при многих его предшественниках. Просто люди стали меньше думать о политике.

Абнего избегал каких бы то ни было решений, пока это было возможно. Когда же уйти от решения было нельзя, он принимал его исключительно на основе прецедентов. Он редко высказывался на актуальные темы и никогда не брал на себя никаких обязательств. Разговаривать он любил лишь о своей семье.

«Как напишешь памфлет против пустого места?» — жаловались многие оппозиционные публицисты и карикатуристы в первые годы абнегистской революции, когда во время предвыборных кампаний кое-кто все еще пытался выступать против Абнего. Снова и снова Абнего пытались спровоцировать на какое-нибудь нелепое заявление или признание, но без всякого успеха. Абнего был просто не способен сказать что-нибудь такое, что большинство населения сочло бы нелепым.

Кризисы? Но каждому школьнику было известно, что Абнего однажды сказал: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

Он привел людей в мир пониженного кровяного давления. И после многих лет созидания и разрушения, лихорадки и конфликтов, нараставших забот и душевных мук они свободно вздохнули и преисполнились тихой благодарности.

С того дня, когда Абнего принес присягу, многим казалось, что хаос дрогнул и повсюду расцвела благословенная, долгожданная стабильность. Многие из происходивших процессов на самом деле не имели никакого отношения к Нормальному Человеку из Филлмора — например, уменьшение числа детских уродств; но во многих случаях выравнивающее, смягчающее действие абнегизма было очевидным. Так, лексикологи, к своему изумлению, обнаружили, что жаргонные словечки, свойственные молодым людям во времена первого президентства Абнего, употреблялись их детьми и восемнадцать лет спустя, когда Абнего был избран на очередной срок.

Словесные проявления этого великого успокоения получили название абнегизмов. Первое в истории упо-

минание об этих искусно замаскированных глупостях относится к тому периоду, когда Абнего, убедившись, наконец, что это возможно, назначил министров, совершенно не посчитавшись с желаниями своей партийной верхушки. Один журналист, пытаясь обратить его внимание на абсолютное отсутствие в новом кабинете ярких индивидуальностей, задал ему вопрос: приходилось ли кому-нибудь из членов кабинета, от государственного секретаря до генерал-почтмейстера, когда-нибудь публично высказать о чем-нибудь свое мнение или принять хоть какие-нибудь конструктивные меры в каком бы то ни было направлении? На это президент якобы ответил не колеблясь и с мягкой улыбкой:

— Я всегда говорил, что если нет побежденных, то никто не остается в обиде. Так вот, сэр, в таком состязании, где судья не может определить победителя, побежденных не бывает.

Может быть, эта легенда и недостоверна, но она прекрасно выражает настроение абнегистской Америки. Повсеместно распространилась поговорка: «Приятно, как ничья».

Самый яркий абнегизм (и, безусловно, столь же апокрифический, как история про Джорджа Вашингтона и вишневое дерево) был приписан президенту после посещения им спектакля «Ромео и Джульетта». Трагический финал пьесы якобы вызвал у него следующее замечание:

— Уж лучше не любить вообще, чем пережить несчастную любовь!

В начале шестого президентства Абнего, когда вице-президентом впервые стал его старший сын, в Соединенных Штатах появилась группа европейцев. Они прибыли на грузовом судне, собранном из поднятых со дна частей трех потопленных миноносцев и одного перевернувшегося авианосца.

Встретив повсюду дружеский, но не слишком горячий прием, они объехали страну и были поражены всеобщей безмятежностью, почти полным отсутствием политической и военной активности, с одной стороны, и быстрым технологическим регрессом — с другой.

Один из приезжих, прощаясь, настолько пренебрег дипломатической осторожностью, что заявил:

— Мы прибыли в Америку, в этот храм индустриализации, в надежде найти решение многих острых проблем прикладных наук. Эти проблемы — например, использование атомной энергии на предприятиях или применение ядерного распада в стрелковом оружии — стоят на пути послевоенной реконструкции. Но здесь, в остатках Соединенных Штатов Америки, вы даже не способны понять нас, когда мы говорим о том, что считаем таким сложным и важным. Извините меня, но у вас царит какой-то национальный транс!

Его американские собеседники не обиделись: пожимая плечами, они отвечали вежливыми улыбками. Вернувшись, делегат сообщил своим соотечественникам, что американцы, всегда пользовавшиеся славой ненормальных, в конце концов специализировались на кретинизме.

Но был среди европейцев другой делегат, который многое увидел и о многом расспрашивал. Это был Мишель Гастон Фуффник — некогда профессор истории в Сорбонне. Вернувшись в родную Тулузу (французская культура вновь сконцентрировалась в Провансе), он занялся исследованием философских основ абнегистской революции.

В своей книге, которую с огромным интересом прочел весь мир, Фуффник указывал, что хотя человек XX века в достаточной степени преодолел узкие рамки древнегреческих понятий, создав неаристотелеву логику и неевклидову геометрию, но он до сих пор не находил в себе интеллектуального мужества, чтобы создать неплатонову политическую систему. Так было до того, как появился Абнего.

«Со времен Сократа, — писал мосье Фуффник, — политические взгляды человека определялись идеей о том, что править должны достойнейшие. Как определить этих достойнейших, какой шкалой ценностей пользоваться, чтобы правили самые достойные, а не просто те, кто получше, — таковы были основные проблемы, вокруг которых уже три тысячелетия бушевали политические страсти. Вопрос о том, что выше —

родовая аристократия или аристократия разума, — это вопрос об основе подобной шкалы ценностей; вопрос о том, как должны избираться правители: согласно воле божьей, прочтенной по свиным внутренностям, или в результате всенародного голосования, — это вопрос метода. Но до сих пор ни одна политическая система не посягала на основной, не подлежавший обсуждению постулат, впервые изложенный еще в «Республике» Платона. И вот Америка поставила под сомнение практическую пригодность и этой аксиомы. Молодая западная демократия, которая ввела когда-то в юриспруденцию понятие о правах человека, теперь подарила лихорадящему человечеству доктрину наименьшего общего знаменателя в управлении. Согласно этой доктрине, насколько я ее понимаю, править должны не самые худшие, как заявляют многие из моих предубежденных спутников, а средние: те, кого можно назвать «недостойнейшими» или «неэлитой».

Народы Европы, жившие среди радиоактивных развалин, оставленных современной войной, с благоговением внимали проповеди Фуффника. Их зачаровывала картина мирной монотонности, существовавшей в Соединенных Штатах, и не интересовал академический анализ ее сущности. Сущность же эта состояла в том, что правящая группа, сознавая свою «неисключительность», избегала бесконечных конфликтов и трений, вызываемых необходимостью доказывать собственное превосходство, и волей-неволей стремилась как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

Кое-где все еще оставались олигархии и правящие классы; в одной стране еще пользовалась влиянием древняя религия, в другой — народ продолжали вести за собой талантливые, мыслящие люди. Но проповедь уже звучала в мире. Среди населения появились шаманы — заурядные на вид люди, которых называли абнегами. Тираны убедились в том, что истребить этих шаманов невозможно: они избирались не за какие-нибудь особые способности, а просто потому, что они пред-

ставляли средний уровень любого данного слоя людей; оказалось, что пока существует сам этот слой, у него остается и середина. Поэтому философия абнегов, несмотря на кровопролития, распространялась и крепла.

Оливер Абнего, который стал первым президентом мира, был до этого президентом Абнего VI Соединенных Штатов Америки. Его сын в качестве вице-президента председательствовал в сенате, состоявшем в основном из его дядей, двоюродных братьев и теток. Они и их многочисленные потомки жили в простоте, лишь немногим отличавшейся от условий жизни основателя их династии.

В качестве президента мира Оливер Абнего одобрил только одно мероприятие — закон о преимущественном предоставлении стипендий в университетах тем студентам, чьи отметки были ближе всего к средним по всей планете для их возрастной группы. Однако президента вряд ли можно было упрекнуть в оригинальности или новаторстве, не подобающих его высокому положению: к тому времени вся система поощрений — в учебе, спорте и даже на производстве — была уже приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших.

Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь. Последние турбины в еще годном для работы состоянии были помещены в музеи: люди, которым они служили, сочли, что, пользуясь электричеством, они слишком выделяются среди добропорядочных абнегов.

Выдающимся явлением культуры этого периода были точно зарифмованные и безукоризненно ритмичные стихи, посвященные довольно абстрактным красавицам и неопределенным прелестям супруг или возлюбленных. Если бы давным-давно не исчезла антропология, то можно было бы установить, что появилась удивительная тенденция ко всеобщему единообразию в строении скелета, чертах лица и пигментации кожи, не говоря уже об умственном и физическом развитии и индивидуальности. Человечество быстро и бессознательно сводилось к среднеарифметическому уровню.

Правда, незадолго до того, как были исчерпаны запасы угля, в одном из поселений к северо-западу от Каира произошла кратковременная вспышка возмущения. Там жили преимущественно неисправимые инакомыслящие, изгнанные из своих общин, да небольшое количество душевнобольных и калек. В пору расцвета они пользовались массой технических устройств и пожелтевшими книгами, собранными в разрушающихся музеях и библиотеках мира.

Окруженные всеобщим презрением, эти люди возделывали свои илистые поля лишь настолько, чтобы не умереть с голоду, а остальное время посвящали бесконечным ожесточенным спорам. Они пришли к выводу, что представляют собой единственных потомков «гомо сапиенс», а остальное человечество состоит из «гомо абнегус». По их мнению, своей успешной эволюцией человек был обязан в основном отсутствию узкой специализации. Если остальные живые существа были вынуждены приспосабливаться к частным, ограниченным условиям, то человечество оставалось не связанным этой необходимостью, что и позволило ему совершить огромный прыжок вперед; но в конце концов обстоятельства вынудили и его заплатить ту же цену, какую рано или поздно приходилось платить всем жизнеспособным формам, то есть специализироваться.

Дойдя до этого этапа дискуссии, они решили воспользоваться оставшимся у них старинным оружием, чтобы спасти «гомо абнегус» от самого себя. Однако ожесточенные разногласия относительно предполагаемых способов перевоспитания привели к кровопролитному междоусобному конфликту с тем же оружием в руках; в результате вся колония была уничтожена, а место, где она находилась, стало непригодным для жизни.

Примерно в это же время человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса.

Царство «гомо абнегус» длилось четверть миллиона лет. В конце концов оно пало, покоренное собаками ньюфаундлендами. Эти животные уцелели на одном из

островов Гудзонова залива после того, как еще в XX веке затонуло везшее их грузовое судно.

Эти крепкие и умные собаки, силой обстоятельств вынужденные в течение нескольких сотен тысячелетий довольствоваться обществом друг друга, научились говорить примерно таким же образом, как научились ходить обезьяны — предки человека, когда внезапное изменение климата истребило деревья, служившие им исконным обиталищем, то есть просто от скуки. Наделенные разумом, обостренным трудностями жизни на суровом острове, обладающие фантазией, побуждаемые к действию холодом, эти овладевшие членораздельной речью собаки построили в Арктике замечательную собачью цивилизацию, а потом устремились на юг, чтобы поработить, а затем и приручить человечество.

Приручение состояло в том, что собаки разводили людей ради их умения бросать палки и другие предметы: приносить их стало видом спорта, все еще популярным среди новых властелинов планеты, хотя часть наиболее эрудированных индивидуумов была склонна к сидячему образу жизни.

Особенно высоко ценилась порода людей с невероятно тонкими и длинными руками; однако часть собак предпочитала более коренастую породу, у которой руки были короткие, но крайне мускулистые. Время от времени благодаря рахиту выводились любопытные особи с настолько гибкими руками, что они казались почти лишенными костей. Разведение этой разновидности, любопытной как с научной, так и с эстетической точек зрения, обычно осуждалось как признак упадочнических склонностей хозяина и порча животных.

Со временем собачья цивилизация, конечно, создала машины, способные бросать палки дальше, быстрее и чаще, чем люди. После чего, если не считать самых отсталых собачьих общин, человек исчез с лица Земли.

МАРГАРЕТ
СЕНТ-КЛЭР

ПОТРЕБИТЕЛИ

Групповой папа спросил:

— Ну, что у нас будет сегодня на ужин, дети?

Он благожелательно улыбался, глядя на их растерянные лица.

— Хотите китайские, японские, мексиканские блюда? Французские, яванские, шведские? Ваша мама умеет готовить их все. Или швейцарские? Ваша мама только недавно научилась готовить швейцарские блюда.

— Швейцарские! — сказал Томми.

Групповая мама улыбнулась. Томми был самым очаровательным, самым любимым, самым развитым ребенком в группе. Он всегда хотел только самое лучшее и самое новое. Томми вырастет настоящим рекламщиком. Она в этом не сомневалась. Она обсуждала его будущее со всеми папами, которые попадали в ее группу, и все они с ней соглашались.

Лица других детей разгорелись, как неоновые вывески.

— Швейцарские! — кричали они. — Швейцарские! У нас будут на ужин швейцарские блюда!

— А что думает об этом наша новенькая? — игриво спросил групповой папа.

— Наверное, она тоже за швейцарские блюда, но нам об этом еще не сказала.

Дети повернулись к Мариан. Она была непохожа на них. Она была новенькая. Может быть, она даже лучше их?

Мариан сплела пальцы.

— Я не знаю, что такое швейцарские блюда, — ответила она. — Но я люблю то же, что любила в старой группе, когда групповой мамой у нас была Гильда.

Нам давали мясо с картошкой и зеленым салатом. И яблочный пирог. А иногда даже шоколадный торт. Но чаще все-таки пирог.

Рот групповой мамы раскрылся от изумления. Групповой папа жестом приказал ей молчать. Жест говорил: подожди, пусть скажет Томми.

— Это американская еда, — сказал Томми презрительно. — Она от-отжившая. Никто не ест ее теперь.

— А мне все равно, — ответила Мариан. Ее лицо потемнело. — Мы все время ее ели, и я ее любила, она вкусная. Я любила ее, потому что она была всегда.

Два ребенка смотрели друг на друга.

Что же будет? — думала групповая мама. Она с самого начала опасалась, что ей придется поволноваться из-за Мариан, и оказалась права. Должно быть, Гильда очень странная групповая мама, если она так воспитала ребенка.

Вслух она сказала:

— Миленькая, ты должна делать то, что делают другие. Если все хотят швейцарской еды, придется подчиниться.

— Это ему я должна подчиниться, — сказала Мариан, указывая на Томми, — остальные любят то, что вы им велите любить. Им все равно, швейцарское это или... или греческое. Они бы грязь любили, если бы это вы им посоветовали.

На лицах остальных детей появилось выражение, которого групповая мама да и все групповые родители опасались как огня. Лица стали одновременно равнодушными и смущенными. Если немедленно не принять мер, они станут совсем пустыми. И тут уже вам не помогут никакие игрушки, ничто их не расшевелит. Дети просидят весь день, вытянув ноги и глядя в пустоту. Надо что-то сделать. Немедленно!

— На ужин у нас будут американские блюда, — весело сказала групповая мама. — Мы так давно их не ели, они покажутся нам совсем новыми. Томми, хочешь американскую еду?

— Швейцарскую, — повторил Томми, хотя уже не так уверенно. — А ладно, если она хочет американскую, пусть будет американская.

Лица других детей, узнавших, наконец, чего они хотят, просветлели.

— Американские блюда, — говорили они, — мы хотим их, мы хотим на ужин американские блюда.

Групповой маме пришлось заглянуть не в одну поваренную книгу, но она приготовила очень вкусный ужин. Оказалось, что кое-кто из самых маленьких никогда не пробовал яблочного пирога. Малыши были в полном восторге.

После ужина они играли в новинку. Эта игра именовалась в руководстве для групповых мам «Разумным ограничением в выборе», но все дети сходились на том, что она никак не хуже других игр. Сегодня они играли в завтрак.

— Новинка, — сказал групповой папа, указывая пальцем на Томми.

— Воздушная кукуруза, — ответил мальчик немедленно. Воздушная кукуруза появилась в продаже совсем недавно, и не все дети знали даже, что это такое.

Групповой папа улыбнулся.

— Почему ты хочешь воздушную кукурузу? — спросил он.

— Легкая, воздушная, она дает нам необходимые витамины.

Как хорошо он все знает! Групповая мама громко засмеялась, и все дети захихикали.

Указующий перст группового папы следовал по кругу. Почти все называли то же, что и Томми, хотя один или двое упомянули более старые новинки. Все они правильно объяснили причину выбора.

Палец группового папы остановился на Мариан, которая была третьей с конца.

— Новинка? — сказал он.

Групповая мама уловила нотки опаски в его голосе.

— Хрустящие хлебцы.

Это была совсем не новинка. Хрустящих хлебцев уже несколько месяцев не продавали, и незачем было их пропагандировать.

Групповой папа поморщился.

— Почему? — спросил он.

— Я люблю, как они хрустят во рту.

Это было неправильное объяснение. Да и вообще не объяснение. Детские лица в круге начали принимать то тупое выражение, которого так боялась групповая мама. Томми, глаза которого горели радостью созидания, спас положение.

— Я понимаю, что она хотела сказать! — крикнул он. — Я знаю! Она хочет сказать, что хрустящие хлебцы дают оригинальное осязательное ощущение!

Групповая мама глубоко и облегченно вздохнула. Он станет рекламщиком, теперь она в этом не сомневалась. Когда мальчик в возрасте Томми начинает творчески мыслить... Ей трудно было дождаться ночи, чтобы побеседовать о нем с групповым папой.

Мариан с минуту сидела спокойно. Потом отодвинула стул от стола и поднялась.

— Никакое это не осязательное ощущение, — сказала она. — Мне просто нравится, как они хрустят на зубах.

Она отошла от стола, и все услышали, как хлопнула дверь в ее комнате.

— Пусть уходит, — сказал Томми, не оборачиваясь. Он пожал плечами. — Давайте дальше! Начнем следующую часть игры. Какой призыв начинается со слов «Крепче, резче...»? Думайте, думайте. Вы знаете! Ну!

Крепче, резче и ясней,
Лучше пахнет по весне! —

заверещали детские голоса. Детские лица засияли от удовольствия. Они отгадали правильно.

Томми уже руководит ими, думала групповая мама.

Она была в восторге. Игра в новинки продолжалась. Дети расшумелись. Групповой дом — ввиду резкого увеличения числа потребителей за последнее время все новые групповые дома строились на море, — групповой дом начал мягко раскачиваться на приливной волне.

На следующий день занимались Прикладным Выбором Товаров, в группе это звали магазинным днем. Темой сегодня были моющие и чистящие средства.

Групповой папа повел всех в универмаг. Они позавтракали у фонтанчика с газированной водой, они играли среди пластиковых скал Детского Мира Чудес. В два часа дети, смеясь, начали засовывать свои детские карточки в отверстия торговых автоматов. Выбор товаров проходил быстро, потому что они знали, чего хотят. К четырем они вернулись в групповой дом.

— Что же ты принесла, Мариан? — спросила групповая мама, когда все показали свои приобретения и объяснили, почему они взяли именно эти товары. — Покажи нам, дорогая.

Мариан смотрела в землю. Она заложила руки за спину.

— Я ничего не принесла.

Наступила тишина. Тогда Томми сказал:

— Она принесла. Она подобрала что-то на детском коралловом острове. Это у нее в руке.

Групповой папа нежно разгибал пальцы Мариан.

— Дорогая, у тебя не должно быть секретов, — сказала групповая мама, — остальные показали все, что у них было.

Рука открылась.

Это был неправильной формы полупрозрачный камешек, в глубине которого поблескивали серебряные нити. Он был не очень красив — куда хуже, чем синтетические драгоценности.

— Это же просто камень, — сказал громко Томми, но групповой папа был осторожнее.

— Можешь оставить его себе, — сказал он Мариан, — мы достанем тебе маленькую коробочку, чтобы

ты складывала в нее подобные вещи. Это будет называться: «память о моих посещениях универмага».

— Как хорошо придумано, — сказала групповая мама, стараясь побороть зябкое чувство в груди. — Мы сделаем такие коробочки для всех детей. Правда, нам рано еще заниматься коллекционированием, но ничего страшного не случится, если мы начнем готовиться к этим занятиям сейчас.

Мариан раскрыла руку, камешек покатился по столу и упал на пол.

— Я его не хочу, — сказала она, часто мигая. — Если у всех будут такие, то я не хочу.

Слезы катились по ее щекам, но она ушла, высоко подняв голову.

Ночью групповые родители долго беседовали о ней. Они были взволнованы. Не стоило бранить Гильду за качество воспитательной работы. Они хотели одного: спасти в лице Мариан будущего потребителя. В конце концов лучшее — это постоянно и мягко воздействовать на нее хорошими примерами. И тут им должен был помочь Томми.

Кризис наступил через двое суток, в день Доставки кукол и игрушек. Мариан пришла в группу вечером того дня, когда играли в Выбор кукол и игрушек по Каталогу. И групповая мама выбрала ей подарок, как она всегда делала для детей, которые не умели сделать выбора сами. Групповая мама увлеклась сперва куклами-тройняшками, изумительным пособием для воспитания из маленьких девочек потребительниц, но в конце концов остановилась на голыше в натуральную величину, с мягкой пластиковой кожей: голыш ходил, говорил и пачкал пеленки.

Игрушки и куклы были распределены. Мариан в тишине распаковала свою новую собственность, посмотрела на нее, не изменившись в лице. Потом взяла куклу к себе в комнату, хотя другие дети остались с игрушками в общем зале.

Через час групповую маму вызвал из кухни Томми.

— Посмотрите, — сказал он таинственно. Глаза его горели. — Только тихо!

Он провел ее по коридору к комнате Мариан и чуточку приоткрыл дверь.

Сначала групповая мама не поверила своим глазам. Пластик очень трудно разорвать, и Мариан, наверно, пришлось потратить много сил и сообразительности, чтобы это сделать. Впоследствии групповая мама пришла к заключению, что Мариан положила голову куклы под ножку стола, а сама взобралась наверх и прыгала на столе до тех пор, пока голова куклы не треснула. Как бы то ни было, куски куклы валялись на полу, а Мариан кромсала ее лицо тупыми ножницами.

Групповая мама поддалась вспышке ярости. Она ворвалась в комнату, схватила Мариан за плечи и начала ее трясти.

— Ты испорченная, дрянная девочка, — говорила она с чувством. — Как ты смеешь, как ты смеешь! Ты сломала куклу! Ты дрянная девочка! Такую прекрасную куклу!

Она отпустила Мариан так неожиданно, что та не удержалась и ударилась о стену. Несколько секунд групповая мама боролась с собой. Наконец спросила:

— Почему ты это сделала?

Мариан смотрела на нее светлыми отчаянными глазами.

— Я ее ненавижу, — сказала она. — Я ее ненавижу. Я хочу ту куклу, что была у меня раньше. Я хочу ту куклу, которую я любила.

Она громко всхлипывала.

— Я не хочу любить только новые вещи!

Перед лицом такого провала в воспитании потребителя групповой маме ничего не оставалось, как позвонить в Управление Воспитания детей. Через полчаса они, очень вежливые и любезные, приехали и взяли с собой все еще плачущую Мариан.

Ночью, лежа в постели с групповым папой, групповая мама постаралась оптимистически взглянуть на вещи.

— Они ее переубедят, не так ли? — спрашивала она. — В клинике перевоспитания ей докажут, что она была не права. Правда, они ее переубедят?

— Хм, — промычал групповой папа. Потом неожиданно коротко засмеялся. — Я думал... — сказал он, — предположим, что клиника ей не поможет. Тогда ее переведут в другую. А если и это не поможет? Они ведь не сдадутся, они примутся за глубокий анализ.

— Ну и что? — спросила групповая мама довольно резко, потому что ей не понравились перспективы, нарисованные групповым папой.

— Я просто думаю. В конце концов из нее сделают потребителя. Она многое усвоит. А когда дело дойдет до психотерапии...

Мариан станет в конце концов потребителем, несмотря ни на что! Групповая мама хихикнула. Теперь она почувствовала себя лучше. Групповой папа все так хорошо понимает!

Она положила голову ему на плечо и мягко обняла его.

— Ты самый лучший групповой папа, какой когда-нибудь у меня был, — сказала она нежно. — Самый лучший. Да, да.

— Самый новый — всегда самый лучший, — ответил групповой папа. Голос его звучал довольно печально.

Теперь, когда Мариан больше не было, жизнь в группе снова стала увлекательной. Часть детей перешла в другие группы. Вместо них пришли новые. У групповой мамы появился новый групповой папа. Группа прошла Выбор увлечений и справилась с этим наилучшим образом. Теперь, когда Мариан...

И все-таки групповая мама иногда чувствовала парадоксальную жалость к Мариан. Она вспоминала ее злое лицо, ее отчаянные глаза, честные и чистые. Остальные были послушными, нежными, сознательными, но лица их чем-то напоминали овечьи морды. Кроме Томми. Групповая мама была очень довольна, что Томми все еще оставался в группе.

Мальчик изумительно развивался. Объявления и рекламы сыпались из него, как искры бенгальского огня, и он замечательно руководил остальными детьми. Будущее его было ясным. И если иногда групповая мама чувствовала некоторую неуверенность, то она объясняла ее боязнью спугнуть собственное везенье.

Прошло лето, и наступил Книжный день. Книжный день проводился всего два раза в году, и был не самым интересным из Дней. Дети любили его меньше, чем другие Дни, хотя все, кому было больше десяти, уже умели читать. Только Томми любил этот День больше всех.

Открыли пакет, групповая мама передала Томми заказанные им книги.

«Рекламщик. Современные волшебники». «Держе, удивительный рассказ о рекламной кампании», «Романтика объявлений для молодых людей» и, наконец, «Создатели привычек». Томми взял книги под мышку и ушел к себе в комнату.

Не прошло и двух часов, как групповые папа и мама постучали к нему в дверь. Они собирались идти купаться, у них были изумительно новые плавающие игрушки, и все это называлось в Руководстве Тренировкой Уверенности.

Когда Томми не ответил на стук, групповая мама постучала снова. Когда он и на этот раз не ответил, папа и мама встревожились. Они открыли дверь и вошли.

Томми сидел на полу с пустым невыразительным лицом, вытянув ноги. Книги, которые он только что получил, валялись вокруг. Рядом лежали сделанные из вырванных страниц бумажные кораблики и шляпы.

Групповой маме пришлось облизать губы и проглотить слюну, прежде чем она смогла выговорить:

— Томми, Томми, что случилось? Мы идем купаться. С замечательными плавающими игрушками. Разве ты не хочешь купаться?

Он не ответил. Групповая мама снова облизала губы. Она пыталась придумать что-нибудь, но слова не

шли на язык. Такого с Томми еще никогда не случалось.

Групповой папа сказал авторитетно:

— Томми, немедленно прекрати. Мы идем купаться. Купаться — приятно. Ты должен хотеть купаться. Ты должен!

Бесстрастное лицо мальчика стало на секунду раздраженным.

— Я не хочу ничего хотеть, — сказал он.

— Но, Томми, — сказала групповая мама. Она готова была расплакаться, — Томми, ты не можешь не хотеть! Ты всегда был таким хорошим рекламщиком. Ты же собираешься всю свою жизнь рассказывать людям изумительные вещи об изумительных товарах.

Томми взмахнул рукой, как человек, отмахивающийся от комаров.

— Не хочу, — сказал он. Голос его звучал устало. Глаза были закрыты. Групповой дом покачнулся на волне.

Групповая мама вздохнула. Она знала, что в конце концов ей удастся расшевелить Томми. Такое время от времени случалось со всеми детьми в группе. Это ничего не значило. Ровным счетом ничего.

И все-таки ее глаза лихорадочно искали взгляд группового папы. Она дрожала. Услышал ли он в словах Томми то, что услышала в них она? Прозвучали ли они для него, какой бы бессмыслицей это ни казалось, смертным приговором их культуре? Увидел ли групповой папа то, что увидела она? Трещину в плотине, через которую врывается вода? И почувствовал ли он при этой мысли то же, что и она, — невыразимое облегчение?

ДЖОРДЖ САМНЕР ЭЛБИ

ВЕРШИНА

«9 ч. 07 мин. утра. Джонатану Джерберу от Л. Лестера Лиса, — гласил лежавший на письменном столе бледно-зеленый листок служебной записки. — Будьте добры, резервируйте для меня Ваш день. При сем прилагается пропуск для лифта, поступающий в Ваше постоянное пользование. Советую Вам посетить сегодня утром 13-й этаж, но не выше. Л. Л. Л.».

— Итак... после всех этих лет, — сказал себе Джонатан, вынимая из гласситового конверта пропуск — первый, к которому он когда-либо прикасался. Это была, конечно, миниатюрная пирамида. С одной стороны на металлической поверхности стояло название фирмы — «Объединение», с другой — была отпечатана его, Джонатана, фотогравюра по пояс. Он понятия не имел, где и когда его сфотографировали; но, должно быть, это произошло совсем недавно, потому что он был снят в галстуке, который только что купил; видимо, полицейский агент компании сделал моментальный снимок, когда он входил в здание или покидал его.

— Мисс Кайндхендс, — обратился он по интеркому к своей секретарше, — отмените все мои встречи. Я нужен мистеру Лису.

С золотой пирамидой в руке он уверенно зашагал по сверкающему коридору к лифту.

— Тринадцатый, — произнес он.

Несмотря на то, что лифтеру с незапамятных времен было знакомо его лицо и пушистый твидовый костюм от Харриса, он в испуге замялся.

— Все в порядке, — успокоил его Джонатан и, повернув руку ладонью кверху, показал пропуск.

— Слушаюсь, сэр, — выдохнул лифтер. Эти два

слова прозвучали подобно двум низким нежным нотам, которые мог бы выдохнуть из флейты музыкант.

Однако он тут же спохватился, закрыл бронзовую дверь и нажал кнопку.

— Четырнадцать лет или же их было шестнадцать? — пробормотал про себя Джонатан, и, хотя лифт уносил его вверх к власти и престижу, сам он стал спускаться по ярусам воспоминаний к своим первым дням в этом здании.

Он с улыбкой вспомнил, какие сомнения вызывали в нем лифты. Когда утро за утром они поднимали его на восьмой этаж в отдел рекламы, вопреки всякому здравому смыслу ему чудился в этом какой-то обман, ему казалось, что его везут не вверх, а вниз, вниз, в катакомбы, раскинувшиеся под гигантской ступенчатой пирамидой «Объединения». Вспышки маленьких электрических лампочек, отмечавших первый, второй и третий этажи, не могли убедить его в том, что он едет вверх; кабина двигалась настолько плавно, что терялось всякое ощущение направления, и, когда бесшумно открывалась дверь, никто не мог бы сказать, где он находится. В бесконечную даль уходили длинные пустые коридоры, узкие, как шахтные галереи; в пластиковых панелях отражался струившийся из вделанных в потолок квадратов матового стекла свет. В здании нигде не было окон, и сияние, проникавшее сквозь стеклянные кирпичи, вполне могло исходить от искусно скрытых электрических ламп: ничем нельзя было доказать, что это дневной свет.

— Игра воображения, — одергивал себя Джонатан. — Мне повезло, мне невероятно повезло. Ведь мне только двадцать семь лет, а я уже здесь, в «Объединении». За то, чтобы очутиться на моем месте, любой другой дал бы отсечь себе правую руку.

В настоящее время такие образные выражения он употреблял в своих рекламных статьях для привлечения большего числа читателей, но в прошлом он совершенно невинно пользовался ими для собственного удовольствия.

Он работал составителем объявлений в одном нью-йоркском рекламном агентстве, как вдруг однажды под

вечер его вызвали к себе старшие компаньоны фирмы и сообщили, что его приглашает на работу почти легендарная компания в Миннесоте. Джонатану недвусмысленно дали понять, что, если он откажется предоставить свою ничтожную персону в распоряжение той фирмы, агентство может в дальнейшем счесть для себя затруднительным держать его на службе. Так же, как и прочие аналогичные учреждения. Итак, польщенный, но снедаемый сомнениями, словно юноша-ацтек, которого избрали для заклания на каменном алтаре, он сел в поезд, направлявшийся в Миннесоту, и, войдя в свое купе, нашел там шоколад и алые розы. О, в каком он был тогда смятении!

Да и первое впечатление от Л. Лестера Лиса отнюдь не подействовало на него успокаивающе. Звуконепроницаемый кабинет Лиса с окрашенными в светло-серый цвет стенами, со светло-серой мебелью, со стеклянным плафоном, испускавшим тусклое сияние, которое в равной степени могло быть, а могло и не быть солнечным светом, — этот кабинет чем-то смахивал на клубы густого тумана. И было трудно определить, где кончался туман и начинался сам Лис. У него был дымчатый цвет лица, волосы его можно было принять за алюминий, на котором сконденсировалась влага, его белые пальцы двигались по поверхности стола подобно маленьким призракам, а в голосе звучали ласковые печальные ноты низкого пароходного гудка, на много миль разносящегося над окутанным пеленой морем.

Прошло некоторое время, пока Джонатан привык к голосу Лиса и его удивительной способности к туманным иносказаниям.

— В чем будут заключаться мои служебные обязанности? — спросил он.

И Лис ответил, что служебные обязанности — это удел низших слоев общества, а слова существуют не для того, чтобы их употребляли неточно.

— Я хотел спросить, в чем будет заключаться мой труд? — поправился Джонатан.

И в ответ Лис сказал следующее:

— Труд! Ах, труд! Это труд сделал отцов нашей нации гигантами. Это труд сделал Америку тем, чем

она является ныне, — светочем и маяком обуреваемого тревогами мира. Люди слабеют, им нужна защита. Ах, лучшая защита, единственная защита — это труд.

Джонатан сделал третью попытку. И на этот раз Лис ответил так:

— Какую вы будете рекламировать продукцию? Мой мальчик, «Объединение» не выпускает никакой продукции. Вернее сказать, «Объединение» создает и совершенствует полуфабрикаты, которые в условиях свободы инициативы дают возможность мелким предпринимателям в одном случае украсить, в другом — улучшить некоторые виды продукции во имя максимальной выгоды потребителя — Мистера и Миссис Америки. Вашей темой будет само «Объединение». Я вызвал вас потому, что у вас тонкое чутье к словам. На меня произвел глубочайшее впечатление ваш заголовок к рекламе дробовика — «Юноша и его собака». И та маленькая заметка, которую вы написали для фабриканта пеленок. Как вы ее озаглавили? «Младенцы — это упавшие звезды». Вы должны дать мне для «Объединения» именно такие слова. Дайте мне патриотизм, дружбу, благородство, любовь...

Так четырнадцать лет назад — а может, быть шестнадцать, а может, и все семнадцать? — Джонатан начал писать для миллионов читателей короткие бессодержательные очерки. Когда его первая казенная стряпня появилась в печати, он со страхом ждал, что над ним будут смеяться. Но никто не смеялся. Наоборот, со всех концов страны посыпались хвалебные письма. Его заметка, в которой перечислялись добродетели Джорджа Вашингтона, а «Объединение» именовалось их современным наследником, была удостоена платиново-рубиновой медали национального Совета по делам рекламы. А его статейка, утверждавшая, что в своей деятельности «Объединение» свято следует наставлениям, которые Честный Эби Линкольн получил из натруженных морщинистых уст своей матушки, была занесена Младшей Торговой Палатой в особый список. С тех пор, создавая подобные произведения, он все глубже проникался сознанием их ценности, выразительности и достоинства. И все это время Л. Ле-

стер Лис только восхищался им и был к нему неизменно добр, а «Объединение» повысило ему жалованье с десяти тысяч долларов в год до семнадцати с половиной, а потом с семнадцати с половиной до двадцати трех тысяч двухсот. Кроме того, ежегодно он получал в качестве премии привилегированные акции Класса С, на которые он терял право только в том случае, если покинет компанию, не достигнув пенсионного возраста.

На тринадцатом этаже его ждали. Его приветствовал атлетически сложенный молодой охранник в серой форме, по всей видимости завербованный из футбольной команды какого-нибудь колледжа.

— Мистер Джербер? Я покажу вам все, что вам будет угодно осмотреть, — почтительно сказал он.

— Боюсь, я сам точно не знаю, что именно мне хотелось бы увидеть, — улыбаясь, произнес Джонатан. — Ведь я здесь впервые.

— Мистер Лис сказал, сэр, что, может быть, вы пожелаете, чтобы я представил вас заведующим отделами.

— Тогда мы этим и займемся, — спокойно произнес Джонатан. — Немедленно.

Охранник строевым шагом направился вперед, открывая по дороге бронзовые двери. В пятнадцати отделах Джонатан обменялся рукопожатиями с восемью лысыми, тощими и семью лысыми, толстыми мужчинами. Это были не директора. Это были всего навсего принимающие-решение-и-несущие-бремя-ответственности преданные отцы семейств, которые получали сто тысяч в год и преждевременно умирали от сердечных приступов. Джонатан осмотрел их машинописное бюро, их пункт управления сложной системой связи, их ресторан и маленький, на три койки, госпиталь.

— Я вижу, что у госпиталя свой отдельный лифт,— обращаясь к охраннику, произнес Джонатан. — Если человек умирает за письменным столом, вы можете убрать его из здания таким образом, что никто этого даже не заметит.

— Мало что ускользает от внимания Правления, сэр, — отозвался тот.

На четвертом или пятом году службы в компании Джонатан стал непосредственным свидетелем того, с какой точностью действовал при подобных роковых обстоятельствах механизм «Объединения». Однажды в лифте инженер по имени Джекс побледнел, стал задыхаться и рухнул на пол. Джонатан опустился около него на колени, а лифтер тем временем остановил кабину между этажами и, спокойно связавшись по телефону с находившимся в вестибюле диспетчером, получил соответствующие указания; после этого кабина быстро понеслась вниз, в глубину подземных помещений. Ее уже ждали охранники с носилками.

— Боюсь, что он умер, — сказал Джонатан.

— О нет, сэр, — возразил старший охранник. — Он только потерял сознание, а может, ему просто нездоровится.

— Вы доставите его немедленно к врачу?

— Вернитесь в кабину, сэр, — произнес старший охранник.

И на этом дело кончилось. Позже Джонатану так и не удалось получить сколько-нибудь вразумительного ответа ни от лифтера, ни от охранников, ни от кого бы то ни было. На третий день в газете, на странице, отведенной для некрологов, появилось краткое сообщение о том, что скончался некий Д. М. Джекс, инженер, «проживавший в этом городе», но ни одним словом не упоминалось о том, что этот человек работал в «Объединении». Джекс просто-напросто исчез. Компания не отвергала смерть, она обходила ее стороной. Когда кто-нибудь умирал, на его место садился его заместитель. В корпорации, состоявшей из десятков тысяч служащих, ежедневно кто-нибудь мог отправиться на тот свет, но нельзя же из-за этого то и дело прерывать работу.

Вернувшись на свой этаж, Джонатан просунул голову в элегантно обставленную приемную Лиса.

— Если он хочет меня видеть, — сказал он, — то имейте в виду, что я уже вернулся.

— У него сейчас врач, — сообщила мисс Теблейн, доверенная секретарша Лиса. — Будьте добры, будьте у себя и не отходите от телефона.

Усевшись за свой письменный стол, Джонатан, которому за неимением других дел оставалось только ждать да разглядывать висевшие на стене графики читательских отзывов, спросил себя, что же все-таки происходит. Лиса можно было заподозрить в чем угодно, кроме действий под влиянием импульса. Постоянный пропуск, визит на Тринадцатый — все это само по себе свидетельствовало о повышении. Над Тринадцатым этажом был только Четырнадцатый, ибо ни одной живой душе не разрешалось подниматься на Пятнадцатый, где в самой верхней части пирамиды помещались апартаменты Президента. Неужели мне действительно предстоит стать членом Правления? — подумал Джонатан. В отделе рекламы он не мог подняться выше, не заняв место самого Лиса.

«Каков бы ни был ответ, я его очень скоро узнаю», — сказал себе Джонатан. Пожав плечами, он вытащил из кармана пропуск, внимательно изучил свое сходство с изображением и рассмеялся. Канули, канули в вечность золотые кудри юности! Расчувствовавшись от воспоминаний, он попытался представить себе, как он выглядел в двадцать семь лет. Но у него ничего не получилось.

Однако же я хорошо помню, с улыбкой подумал он, что я был настроен скептически. О, каким же я был тогда скептиком!

Он вспомнил, как, не доверяя лифтам, он измерял шагами коридоры, желая убедиться в том, что нижние этажи пирамиды больше, чем верхние. И он сделал еще кое-что похуже. Покинув в рабочее время свой письменный стол, он отправился исследовать подвалы, не обнаружив там, конечно, ничего зловещего, ничего вообще.

Затем, изучив по возможности само здание (с улыбкой вспомнил Джонатан), он попытался выяснить, какого рода продукцию выпускало «Объединение». И ему удалось кое-что узнать. Так, например, ему стало известно, что каждому из четырех тысяч видов выпускаемой компанией продукции соответствовало определенное буквосочетание, от «Ааб», которое обозначало примесь к молочному коктейлю, до «Яюя», за которым

стояли роторы для тракторных индукторов. Но эта коллекция «Аабов» и «Яюяев» вскоре ему наскучила.

На столе раздался резкий телефонный звонок, настроенный на максимальную громкость. С ловкостью, развившейся в результате длительной практики, Джонатан снял трубку и, как попугая, водрузил ее себе на плечо.

— Джербер у телефона, — произнес он.

Звонила секретарша Лиса.

— Врач еще не ушел, — сказала она. — Должно быть, сегодня утром его особенно беспокоит язва, а может, ему опять послышалось это тиканье. Но у меня есть для вас кое-какие инструкции. Будьте добры, позавтракайте, в час дня ознакомьтесь с Четырнадцатым этажом, а в два зайдите сюда.

— Чем там пахнет, мисс Теблейн? — спросил Джонатан.

Секретарши считали жаргонные выражения доказательством демократичности, и, если вы употребляли их, они пускали слух, что вы очаровательны. Не жалея ни сил, ни молодости, девушка расшибалась в лепешку, работая для босса, который был признан достаточно очаровательным.

— Не знаю, — ответила мисс Теблейн. — Но, несомненно, происходит что-то важное. Главный Проект.

— Как вам известно, я завтракаю в двенадцать с Группой Младших Сотрудников. Директора же отправляются завтракать не раньше четверти второго. Если я поднимусь на Четырнадцатый, когда они уйдут, я никого не застану. Вы случайно не знаете, что, по его мнению, я должен там делать?

— Думаю, что вам нужно только осмотреть помещение, — сказала мисс Теблейн. — Как бы я хотела пойти с вами! Мистер Джербер, обещайте мне одну вещь. Обещайте, что, вернувшись, вы скажете мне, действительно ли в туалете мистера Уоффена позолоченное сиденье.

— Хорошо, — пообещал Джонатан, отлично зная, что никогда этого не сделает.

Он позавтракал со своими двумя помощниками, более молодыми, чем он, еще не закончившими стажиров-

ку. Он обнаружил, что весть о получении им золотого пропуска уже успела разнестись, и это открытие позабавило его. Перед ним сияли чисто вымытые восторженные лица юношей; как только он открывал рот, они из уважения к нему тут же судорожно вытягивались.

Вскоре после часа Джонатан поднялся в лифте на Четырнадцатый этаж. Он был заметно меньше Тринадцатого; видимо, разница между размерами ступеней была больше, чем это казалось с улицы.

Другой охранник, отдав честь, сообщил, что на этаже помещается восемь директорских кабинетов и зал для совещаний и Джонатан может свободно осмотреть все, что захочет.

— Здесь есть на что взглянуть, сэр, — добавил охранник.

И он был прав. В нескольких кабинетах стояли парикмахерские кресла, гигантские телевизоры и бары, заполненные специальными смесями по вкусу хозяина. В одном находилась камера для хранения сигар размером с банковский сейф, в другом — мишень для стрельбы из духовых пистолетов, при третьем была оборудована финская баня «сауна». Самой интересной оказалась комната, представлявшая собой точную копию палубы прогулочной яхты, со складным стулом и стойкой для удочек и спиннингов. Нигде и в помине не было ни одного чиновника, ни одной секретарши. Ни один документ не осквернял сверкающее полированное дерево громадных письменных столов.

— Скажите, — обратился Джонатан к охраннику, — как часто заходят сюда члены Правления?

— Они собираются здесь на ежегодные совещания, сэр, — ответил тот. — А в другое время, мне кажется, они приезжают сюда только тогда, когда их вызывает мистер Седеруэйт.

Хенском Людлоу Седеруэйт II был тем самым Президентом «Объединения», чьи апартаменты занимали самый верх пирамиды и чье, судя по снимкам, нестареющее с годами лицо фотографировали, но которого никто никогда не видел.

— А кто-нибудь из них живет в Миннесоте? Простите мое любопытство. Ведь я здесь впервые.

Охранник хихикнул.

— Что вы, сэр, вы забываете, что у них у всех теперь свои самолеты и свои летчики. Взять, к примеру, мистера Иппингера — у него четыреста тысяч акров в Луизиане, которые ему нужны для ловли креветок; там он и живет. Мистеру Летчуэллу принадлежит маленький остров у берегов Мексики; у него собственный замок и своя маленькая армия — поэтому-то он и носит красно-синюю форму и кожаные сапоги со звездами.

— Я наверняка встречал мистера Летчуэлла в лифте.

Джонатану удалось в разное время мельком повидать почти всех осанистых, импозантных директоров. Один из них, бесспорно рыбак, носил белые парусиновые брюки и белую фуражку с зеленым целлулоидным козырьком. Другой по соображениям здоровья ходил в сандалиях из сыромятной кожи, из которых торчали голые пальцы. За всеми этими маленькими чудачествами крылся, конечно, определенный расчет; как неоднократно и терпеливо объяснял ему мудрый старый Лис, они прибегали к ним, чтобы продемонстрировать свою демократичность.

Поблагодарив охранника, он снова спустился вниз.

— Без пяти два, — объявил он, просунув свою лысую голову в приемную Лиса.

— Заходите и подождите здесь, — сказала мисс Теблейн, глядя на него поверх очков. — Ну, говорите же! О, вы должны мне сказать! Оно на самом деле...

— Наши директора слишком много работают, чтобы заниматься подобными глупостями, — неодобрительным тоном прервал ее Джонатан. — Но я понимаю, конечно, что вы просто пошутили.

— А мне так хотелось узнать!

Достаточно ли безупречна лояльность мисс Теблейн? Не исключено, что она может оказаться опасной сотрудницей, подумал Джонатан. Он погрузился в чтение «Дорогих сограждан» — органа, который «Объединение» выпускало для своих сотрудников, и читал до тех пор, пока не вспыхнула сигнальная лампочка и мисс Теблейн объявила, что он может войти. Хорошие

новости или плохие — а, по его мнению, они едва ли могли быть плохими — он их сейчас узнает.

— Добрый день, сын мой, — сказал Л. Лестер Лис.

Лицо его было белым, как лист «Гга» — полуфабриката, который компания производила для предприятий зубной пасты, и на этом белом лице пятнами залегли глубокие тени. Один угол рта у него отвис. Левый глаз с огромным свирепым зрачком был широко, по-совиному открыт.

— Да вы больны, Лестер! — вскричал потрясенный Джонатан.

— Я не болен, я умираю, — невозмутимо ответил заведующий отделом рекламы. — Я умру сегодня днем за моим письменным столом, по-видимому, не позже, чем через пять-десять минут.

— Позвольте мне отвезти вас домой!

— Нет, я хочу, чтобы это произошло именно так, — произнес Лис голосом, подобным обрывку тумана. — Я хочу, чтобы моя смерть, как и вся моя жизнь, стала демонстрацией верной службы «Объединению» и тем идеям, которые оно олицетворяет. Но время не ждет, сын мой. Завтра утром во внутриведомственном бюллетене — Голубая форма 114В — будет объявлено, что вы становитесь моим преемником на посту главы отдела рекламы. Для начала вы будете получать пятьдесят тысяч. Соответственно увеличится число акций вашей премии.

— Благодарю вас, Лестер.

— Я надеюсь, первое, что вы сделаете, вступив в должность, найдете себе помощника, в котором, как в нас с вами, будет гореть священный огонь. Советую вам последовать моему примеру — прочешите агентства, найдите молодого Джонатана Джербера и воспитайте его, как в течение двадцати одного года воспитывал вас я.

День был пасмурный. Через стеклянный плафон не просачивалось ни лучика солнечного света. Джонатану показалось, что комната заполнена столбами тумана, сложенными штабелями, точно бревна на лесном складе. В полумраке, в мерцании теней то появлялось, то исчезало лицо Л. Лестера Лиса, свободно парившее

в пространстве видение, лениво покачивавшееся, словно бочка на волнах покрытого туманом моря.

— Служить «Объединению» было таким счастьем, что я не считал годы, — сказал Джонатан. Он хорошо усвоил науку. Подобные заявления давались ему теперь без труда. Но тем не менее он был несколько ошарашен. — Неужели прошло столько лет? — спросил он.

— Да, сын мой, — ответил Лис. — И я уверен, что оставляю отдел в надежных руках. Вы поднимались на Тринадцатый?

— Да, сэр.

— А на Четырнадцатый?

— Конечно. Ведь вы так приказали.

Лис покачнулся. С огромным трудом он собрал остатки изменявших ему сил.

— Прежде чем вы примете от меня должность, — замирающим голосом произнес он, — выполните еще одно дело, еще один последний ритуал. Вы должны познакомиться с нашим Президентом. Поднимитесь на Пятнадцатый.

И он поник на своем начальственном кресле.

— Лестер! — рванулся к нему Джонатан.

Очень медленно Лис воздел к потолку белый указательный палец.

— Пятнадцатый, — прошептал он и скончался.

Джонатан с нежностью закрыл за собой звуконепроницаемую дверь, которая отныне была его собственной.

— Мисс Теблейн, — сказал он, — вызовите, пожалуйста, управляющего. Мистер Лис навсегда покинул «Объединение».

Кабина появилась у двери лифта в то же мгновение, как он нажал кнопку, как будто известие о его возвышении пропикло в темные глубины шахты по проводу звонка.

— На самый верх, — резко бросил он лифтеру, едва показав свой пропуск.

Замелькали маленькие лампочки: открылась дверь.

— Но ведь я же сказал, что мне нужно на самый верх! — с возмущением воскликнул Джонатан. Он был заведующим отделом рекламы; он получал в год пятьдесят тысяч; его время стоило «Объединению» слиш-

ком дорого, и он не мог допустить, чтобы его понапрасну тратил какой-то лифтер. — Ведь это — Четырнадцатый, а не Пятнадцатый.

— Простите, сэр, но выше мы не поднимаемся, — сказал лифтер. — Обратитесь к охраннику.

— И обращусь! — рявкнул Джонатан.

Охранник уже стоял рядом: тот самый парень, который сопровождал его по директорским кабинетам.

— Что это значит? — набросился на него Джонатан. — Мне, черт возьми, нужно на Пятнадцатый!

— Все в порядке, сэр. Пройдите сюда, сэр, — сказал охранник.

Он подвел его к гладкой бронзовой двери без ручки и без замочной скважины.

— Опустите ваш пропуск в эту прорезь. Он замкнет электрическую сеть, и дверь откроется. То же самое вы проделаете с другой стороны, когда будете возвращаться.

— Не хотите ли вы сказать, что, поднявшись сюда, мистер Седеруэйт дальше идет по лестнице пешком? — недоверчиво спросил Джонатан.

— Я никогда его не видел, сэр, но, должно быть, он так и делает.

От побережья до побережья гудели заводы «Объединения». Сто девяносто три тысячи рабочих создавали четыре тысячи видов различной продукции. А здесь, в самом центре страны, возвышалась эта колоссальная пирамида — сердце всего гигантского механизма; здесь, на самом верхнем этаже, четко работал тот мозг, который в своей гениальности понимал все его тонкости и управлял им. И здесь, именно здесь, стоял он, Джонатан Джербер, человек, которому предстояло пожать руку этого высшего существа! Сверкая глазами, Джонатан расправил плечи, опустил в узкую прорезь свой пропуск, вошел и закрыл за собой дверь.

Перед ним была обыкновенная крашеная железная лестница с перилами. Взбираясь по ней вдоль шершавых неоштукатуренных стен из оранжевого пустотелого кирпича, он не переставал восхищаться. Как это пристойно, что мистер Седеруэйт, обладая столь неограниченной властью, пренебрегает ее внешним оформле-

нием!Множество раз Джонатан писал в своих статьях, что Президент «Объединения» скромный человек, и, как это всегда бывает, вымысел обернулся действительностью — Седеруэйт был таким на самом деле. Преодолев последние ступени, Джонатан вступил на голый цементный пол, усеянный обрывками обоев, дохлыми мухами и заставленный банками с высохшей краской, В воздухе пахло чем-то вроде стильтонского сыра. Он приоткрыл дверь налево и заглянул в мрачную пещеру, где на огромные колеса со спицами наматывались покрытые смазкой тросы лифтов. Он приоткрыл дверь направо и увидел точно такую же пещеру.

Пять, десять минут стоял он в затхлой духоте, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, отыскивая глазами сам не зная что: потайную дверь, тайник, грифельную доску, на которой его предшественники могли по крайней мере оставить хотя бы свои подписи. Но он видел лишь банки с краской, мух и четыре крохотных, похожих на глаза круглых окошка, по одному в каждой наклонной стене. Окна были затянуты паутиной и покрыты толстым слоем грязи, но он заметил, что в нескольких местах на стекле пыли не было, будто ее кто-то стер рукавом пиджака. Шагнув к ближайшему окну, он сделал просвет пошире и выглянул наружу.

Он увидел часть города, который отсюда мог сойти за хаотичное нагромождение источенных временем кусков дерева, а дальше простирались бескрайние равнины Миннесоты. И он увидел то, о чем совершенно забыл. Он увидел, что в прериях стояла зима. Над фермерскими постройками и изгородями в порывах ветра кружился сухой снег. До самого горизонта насколько хватал глаз, лежала посиневшая от холода земля. И надвигались еще бо́льшие снегопады, еще более суровые холода. Потому что лето — это всего лишь каникулы, антракт; реальностью, постоянным спутником была зима; зима всегда царила в нескольких милях к северу, ожидая своего часа, чтобы вернуть себе то, что принадлежит ей по праву. Словно глубокое море синела оплетенная белыми жилами земля, и жилами ее был лед.

— Как холодно, как же холодно, — поежившись, пробормотал Джонатан.

И, стряхнув пыль со своего теплого твидового костюма, он придал выражению лица подобающую степень благоговения и преданности и стал тяжело спускаться по лестнице; каблуки его со звоном ударялись о крашеное железо, а под подошвами скрипели, как песок, куски штукатурки.

«Было бы совсем некстати поскользнуться и упасть, — предупредил он себя. — Нет, нет, теперь мне никак нельзя поскользнуться».

АЛЬФРЕД
БЕСТЕР

ФЕНОМЕН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Это была не последняя война. И не война, которая покончит с войнами вообще. Ее звали Войной за Американскую Мечту. На эту идею как-то наткнулся сам генерал Карпентер и с тех пор только о ней и трубил.

Генералы делятся на вояк (такие нужны в армии), политиков (они правят) и специалистов по общественному мнению (без них нельзя вести войну). Генерал Карпентер был гениальным руководителем общественного мнения. Сама Прямота и само Простодушие, он руководствовался идеалами столь же высокими и общепонятными, как девиз на монете. Именно он представлялся Америке армией и правительством, щитом и мечом нации. Его идеалом была Американская Мечта.

— Мы сражаемся не ради денег, не ради могущества, не ради господства над миром, — заявил генерал Карпентер на обеде в Объединении Печати.

— Мы сражаемся лишь ради воплощения Американской Мечты, — провозгласил он на заседании конгресса 162-го созыва.

— Мы стремимся не к агрессии и не к порабощению народов, — изрек он на ежегодном обеде в честь выпускников военной академии.

— Мы сражаемся за дух цивилизации, — сообщил он сан-францисскому Клубу Пионеров.

— Мы воюем за идеалы цивилизации, за культуру, за поэзию, за Непреходящие Ценности, — сказал он на празднике чикагских биржевиков-хлеботорговцев. — Мы сражаемся не за себя, а за наши мечты,

за Лучшее в Жизни, что не должно исчезнуть с лица земли.

Итак, Америка воевала. Генерал Карпентер потребовал сто миллионов человек. И сто миллионов человек были призваны в армию. Генерал потребовал десять тысяч водородных бомб. И десять тысяч водородных бомб были сброшены на голову противника. Противник тоже сбросил на Америку десять тысяч водородных бомб и уничтожил почти все ее города.

— Что ж, уйдем от этих варваров под землю! — заявил генерал Карпентер. — Дайте мне тысячу специалистов по саперному делу!

И под грудами щебня появились подземные города.

— Мы должны стать нацией специалистов, — заявил генерал Карпентер перед Национальной Ассоциацией Американских Университетов. — Каждый мужчина и каждая женщина, каждый из нас должен стать прежде всего закаленным и отточенным орудием для своего дела.

Дайте мне пятьсот медицинских экспертов, триста регулировщиков уличного движения, двести специалистов по кондиционированию воздуха, сто — по управлению городским хозяйством, тысячу начальников отделений связи, семьсот специалистов по кадрам...

— Наша мечта, — сказал генерал Карпентер на завтраке, данном Держателями Контрольных Пакетов на Уолл-стрите, — не уступает мечте прославленных афинских греков и благородных римских... э-э... римлян. Это мечта об Истинных Ценностях в Жизни. Музыка. Искусство. Поэзия. Культура. Деньги лишь средство в борьбе за нашу мечту.

Уолл-стрит аплодировал. Генерал Карпентер запросил сто пятьдесят миллиардов долларов, полторы тысячи честолюбивых людей, три тысячи специалистов по минералогии, петрографии, поточному производству, химической войне и научной организации воздушного транспорта. Страна дала ему все это. Генералу Карпентеру стоило только нажать кнопку, и любой специалист был к его услугам.

В марте 2112 года война достигла своей кульминационной точки, и именно в это время решилась судьба

Американской Мечты. Это произошло не на одном из семи фронтов, не в штабах и не в столицах, а в палате-Т армейского госпиталя, находившегося на глубине трехсот футов под тем, что когда-то называлось городом Сент-Олбанс в штате Нью-Йорк.

Палата-Т была загадкой Сент-Олбанса. Как и во многих других армейских госпиталях, в Сент-Олбансе имелись особые палаты для однотипных больных. В одной находились все раненые, у которых была ампутирована правая рука, в другой — все, у которых была ампутирована левая.

Повреждение черепа и ранения брюшной полости, ожоги просто и ожоги радиоактивные — для всего было свое место. Военно-медицинская служба разработала девятнадцать классов ранений, которые включали все возможные разновидности повреждений и заболеваний, как душевных, так и телесных. Они обозначались буквами от A до S. Но каково же было назначение палаты-Т?

Этого не знал никто. Туда не допускали посетителей, оттуда не выпускали больных. Входили и выходили только врачи. Растерянный вид их заставлял строить самые дикие предположения, но выведать у них что бы то ни было не удавалось никому.

Уборщица утверждала, что она как-то наводила там чистоту, но в палате никого не было. Ни души. Только две дюжины коек, и больше ничего. А на койках хоть кто-нибудь спит? Да. Некоторые постели смяты. А есть еще какие-нибудь признаки, что палатой кто-то пользуется? Ну, как же! Личные вещи на столиках и все такое. Только пыли на них порядком — как будто их давно уж никто и в руки не брал.

Общественное мнение склонилось к тому, что это палата для призраков.

Но один санитар сообщил, что ночью из закрытой палаты доносилось пение. Какое пение? Похоже, что на иностранном языке. На каком? Этого санитар сказать не мог. Некоторые слова звучали вроде... ну, вот так: «Гады в ямы с их гитар...»

Общественное мнение склонилось к выводу, что это палата для иностранцев. Для шпионов.

Сент-Олбанс включил в дело кухонную службу и установил наблюдение за подносами с едой. Двадцать четыре подноса следовали в палату-Т три раза в день. Двадцать четыре возвращались оттуда. Иногда пустые. Чаще всего нетронутые.

Общественное мнение поднатужилось и пришло к решению, что палата-Т — сплошная липа. Что это просто неофициальный клуб для пройдох и комбинаторов, которые устраивают там попойки. Вот тебе и «гады в ямы с их гитар...»!

По части сплетен госпиталь не уступит дамскому рукодельному кружку в маленьком городе, а больные легко раздражаются из-за любой мелочи. Потребовалось всего три месяца, чтобы праздные догадки сменились возмущением. Еще в январе 2112 года Сент-Олбанс был вполне благополучным госпиталем. А в марте психиатры уже забили тревогу. Снизился процент выздоровлений. Появились случаи симуляции. Участились мелкие нарушения распорядка.

Перетрясли персонал. Не помогло. Волнение из-за палаты-Т грозило перейти в мятеж. Еще одна чистка, еще одна, но волнения не прекращались.

Наконец по официальным каналам слухи дошли до генерала Карпентера.

— В нашей битве за Американскую Мечту, — сказал он, — мы не имеем права забывать тех, кто проливал за нас кровь. Подать сюда эксперта по госпитальному делу.

Эксперт не смог исправить положение в Сент-Олбансе. Генерал Карпентер прочитал рапорт и разжаловал его автора.

— Сострадание, — сказал генерал Карпентер, — первая заповедь цивилизации. Подать мне Главного медика.

Но и Главный медик не смог потушить гнев Сент-Олбанса, а посему генерал Карпентер разжаловал и его. Но на этот раз в рапорте была упомянута палата-Т.

— Подать мне специалиста по той области, которая касается палаты-Т, — приказал генерал Карпентер.

Сент-Олбанс прислал врача — это был капитан Эд-

сель Диммок, коренастый молодой человек, почти лысый, окончивший медицинский факультет всего лишь три года назад, но зарекомендовавший себя отличным специалистом по психотерапии. Генерал Карпентер питал слабость к экспертам. Диммок ему понравился. Диммок обожал генерала как защитника культуры, которой сам он, будучи чересчур узким специалистом, не мог вкусить сейчас, но собирался насладиться ею, как только война будет выиграна.

— Так вот, Диммок, — начал генерал, — каждый из нас ныне прежде всего закаленный и отточенный инструмент. Вы знаете наш девиз: «Свое дело для каждого, и каждый для своего дела». Кто-то там не при своем деле в палате-Т, и мы его оттуда выкинем. А теперь скажите-ка, что же это такое палата-Т?

Диммок, заикаясь и мямля, кое-как объяснил, что это палата для особых заболеваний, вызванных шоком.

— Значит, там у вас содержатся пациенты?

— Да, сэр. Десять женщин и четырнадцать мужчин.

Карпентер помахал пачкой рапортов.

— А вот здесь заявление пациентов Сент-Олбанса о том, что в палате-Т никого нет.

Диммок был ошарашен.

— Это ложь! — заверил он генерала.

— Ладно, Диммок. Значит, у вас там двадцать четыре человека. Их дело — поправляться. Ваше дело — лечить. Какого же черта весь госпиталь ходит ходуном?

— В-видите ли, сэр... Очевидно, потому, что мы держим палату-Т под замком.

— Почему?

— Чтобы удержать там пациентов, генерал.

— Удержать? Как это понять? Они что, пытаются сбежать? Буйные, что ли?

— Никак нет, сэр. Не буйные.

— Диммок, мне не нравится ваше поведение. Вы все хитрите и ловчите. И вот что мне еще не нравится. Эта самая классификация. При чем тут Т? Я справился в медицинском управлении — в их классификации никакого Т не существует. Что это еще за петрушка?

— Д-да, сэр... Мы сами ввели этот индекс. Они... Тут... особый случай, сэр. Мы не знаем, что делать с этими больными. Мы не хотели огласки, пока не найдем способа лечения. Но тут совсем новая область, генерал. Новая! — Здесь специалист взял в Диммоке верх над дисциплинированным служакой. — Это сенсационно! Это войдет в историю медицины! Этого еще никто, черт возьми, не видел!

— Чего этого, Диммок? Точнее!

— Слушаюсь, сэр. Это бывает после шока. Полнейшее безразличие к раздражителям. Дыхание чуть заметно. Пульс слабый.

— Подумаешь! Я видел такое тысячи раз, — проворчал генерал Карпентер. — Что тут необычного?

— Да, сэр, пока все подходит под разряд Q или R. Но тут одна особенность. Они не едят и не спят.

— Совсем?

— Некоторые совсем.

— Почему же они не умирают?

— Вот этого мы и не знаем. Метаболический цикл нарушен, но отсутствует только его анаболический план. Катаболический продолжается. Иными словами, сэр, они выделяют отходы пищеварения, но не принимают ничего внутрь. Они изгоняют из организма токсины и восстанавливают изношенные ткани, но все это без еды и сна. Как — один бог знает!

— Значит, потому вы и запираете их? Значит... Вы полагаете, что они таскают еду и ухитряются вздремнуть где-то на стороне?

— Н-нет, сэр. — Диммок был явно смущен. — Я не знаю, как объяснить вам это. Я... Мы запираем их, потому что тут какая-то тайна. Они... Ну, в общем они исчезают.

— Чего-чего?..

— Исчезают, сэр. Пропадают. Прямо на глазах.

— Что за бред!

— Но это так, сэр. Смотришь, сидят на койках или стоят поблизости. Проходит какая-то минута — и их уже нет. Иногда в палате-Т их две дюжины. Иногда — ни одного. То исчезают, то появляются — ни с того ни с сего. Поэтому-то мы и держим палату под замком,

генерал. За всю историю военной медицины такого еще не бывало. Мы не знаем, как быть.

— А ну, подать мне троих таких пациентов, — приказал генерал Карпентер.

Натан Райли съел хлеб, поджаренный на французский манер, с парой яиц по-бенедектински, запил все это двумя квартами коричневого пива, закурил сигару «Джон Дрю», благопристойно рыгнул и встал из-за стола. Он дружески кивнул Джиму Корбетту Джентльмену, который прервал беседу с Джимом Брэди Алмазом, чтобы перехватить его на полпути.

— Кто, по-твоему, возьмет в этом году приз, Нат? — спросил Джим Джентльмен.

— Доджерсы, — ответил Натан Райли.

— А что они могут выставить?

— У них есть «Подделка», «Фурилло» и «Кампанелла». Вот они и возьмут приз в этом году, Джим. Тринадцатого сентября. Запиши. Увидишь, ошибся ли я.

— Ну, ты никогда не ошибаешься, Нат, — сказал Корбетт.

Райли улыбнулся, расплатился, фланирующей походкой вышел на улицу и взял экипаж возле Мэдисон-сквер гарден. На углу 50-й улицы и 8-й авеню он поднялся в маклерскую контору, находящуюся над мастерской радиоприемников. Букмекер взглянул на него, достал конверт и отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

— Рокки Марчиано техническим нокаутом положил Роланда Ла Старца в одиннадцатом раунде. И как это вы угадываете, Нат?

— Тем и живу, — улыбнулся Райли. — На результаты выборов ставки принимаете?

— Эйзенхауэр — двенадцать к пяти. Стивенсон...

— Ну, Эдлай не в счет, — и Райли положил на стойку двенадцать тысяч долларов. — Ставлю на Айка.

Он покинул маклеровскую контору и направился в свои апартаменты в отеле «Уолдорф», где его уже нетерпеливо поджидал высокий и стройный молодой человек.

— Ах да! Вы ведь Форд? Гарольд Форд?

— Генри Форд, мистер Райли.

— И вы хотели бы, чтобы я финансировал производство машины в вашей велосипедной мастерской. Как, бишь, она называется?

— Я назвал ее имсомобиль, мистер Райли.

— Хм-м... Не сказал бы, что название мне очень нравится. А почему бы не назвать ее «автомобиль»?

— Чудесное предложение, мистер Райли. Я так и сделаю.

— Вы мне нравитесь, Генри. Вы молоды, энергичны, сообразительны. Я верю в ваше будущее и в ваш автомобиль. Вкладываю двести тысяч долларов.

Райли выписал чек и проводил Генри Форда к выходу. Потом посмотрел на часы и неожиданно почувствовал, что его потянуло обратно, захотелось взглянуть, как там и что. Он прошел в спальню, разделся, потом натянул серую рубашку и серые широкие брюки. На кармане рубашки виднелись большие синие буквы: «Госп. США».

Он закрыл дверь спальни и исчез.

Объявился он уже в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя. И не успел перевести дух, как его схватили три пары рук. Шприц ввел ему в кровь полтора кубика тиоморфата натрия.

— Один есть, — сказал кто-то.

— Не уходи, — откликнулся другой. — Генерал Карпентер сказал, что ему нужны трое.

После того как Марк Юний Брут покинул ее ложе, Лела Мэчен хлопнула в ладоши. В покой вошли рабыни. Она приняла ванну, оделась, надушилась и позавтракала смирненскими фигами, розовыми апельсинами и графином «Лакрима Кристи». Потом закурила сигарету и приказала подать носилки.

У ворот дома, как обычно, толпились полчища обожателей из Двадцатого легиона. Два центуриона оттолкнули носильщиков от ручек носилок и понесли ее на своих широких плечах. Лела Мэчен улыбалась. Какой-то юноша в синем, как сапфир, плаще пробился

сквозь толпу и подбежал к ней. В руке его сверкнул нож. Лела собралась с духом, чтобы мужественно встретить смерть.

— Лела! — воскликнул он. — Повелительница!

И полоснул по своей левой руке ножом так, что алая кровь обагрила одежды Лелы.

— Кровь моя — вот все, что я могу тебе отдать! — воскликнул он.

Лела мягко коснулась его лба.

— Глупый мальчик, — проворковала она. — Ну, зачем же так?

— Из любви к тебе, моя госпожа!

— Тебя пустят сегодня ко мне, — прошептала Лела. Он смотрел на нее так, что она засмеялась. — Я обещаю. Как тебя зовут, красавчик?

— Бен Гур.

— Сегодня в девять, Бен Гур.

Носилки двинулись дальше. Мимо форума как раз проходил Юлий Цезарь, занятый жарким спором с Марком Антонием. Увидев ее носилки, он сделал резкий знак центурионам, которые немедленно остановились. Цезарь откинул занавески и взглянул на Лелу. Лицо Цезаря передернулось.

— Ну почему? — хрипло спросил он. — Я просил, умолял, подкупал, плакал — и никакого снисхождения. Почему, Лела? Ну почему?

— Помнишь ли ты Боадицею? — промурлыкала Лела.

— Боадицею? Королеву бриттов? Боже милостивый, Лела, какое она имеет отношение к нашей любви? Я не любил ее. Я только разбил ее в сражении.

— И убил ее, Цезарь.

— Она же отравилась, Лела.

— Это была моя мать, Цезарь! Убийца! Ты будешь наказан. Берегись мартовских ид, Цезарь!

Цезарь в ужасе отпрянул. Толпа поклонников, окружавшая Лелу, одобрительно загудела. Осыпаемая дождем розовых лепестков и фиалок на всем пути, она проследовала от форума к храму Весты.

Перед алтарем она преклонила колени, вознесла молитву, бросила крупинку ладана в пламя на алтаре

и скинула одежды. Она оглядела свое прекрасное тело, отражающееся в серебряном зеркале, и вдруг почувствовала мимолетный приступ ностальгии. Лела надела серую блузу и серые брюки. На кармане блузы виднелись буквы: «Госп. США».

Она еще раз улыбнулась алтарю и исчезла.

Появилась она в палате-Т армейского госпиталя, где ей тут же вкатили полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и вторая, — сказал кто-то.

— Надо еще одного.

Джордж Хэнмер сделал драматическую паузу и скользнул взглядом по скамьям оппозиции, по спикеру, по серебряному молотку на бархатной подушке перед спикером. Весь парламент, загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаив дыхание ожидал его дальнейших слов.

— Мне больше нечего добавить, — произнес, наконец, Хэнмер. Голос его дрогнул. Лицо было бледным и суровым. — Я буду сражаться за этот билль в городах, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль до смерти, а если бог попустит, то и после смерти. Вызов это или мольба, пусть решает совесть благородных джентльменов, но в одном я решителен и непреклонен: Суэцкий канал должен принадлежать Англии.

Хэнмер уселся. Овация! Под гул одобрения он протиснулся в кулуары, где Гладстон, Каннинг и Пит останавливали его, чтобы пожать ему руку. Лорд Пальмерстон холодно взглянул на Хэнмера, но Пэма оттолкнул подковылявший Дизраэли — этот был сплошной энтузиазм, сплошной восторг.

— Мы завтракаем в Тэттерсоле,—сказал Диззи. — Машина ждет внизу.

Леди Биконсфильд сидела в своем «роллс-ройсе» возле парламента. Она приколола к лацкану Дизраэли первоцвет и одобрительно потрепала Хэнмера по щеке.

— Вы, Джорджи, проделали большой путь с тех пор, как были школяром, которому нравилось задирать Диззи.

Хэнмер рассмеялся. Диззи запел «Гаудеамус игитур», и Хэнмер подхватил этот древний гимн школяров. Распевая его, они подъехали к Тэттерсолу. Здесь Диззи заказал пиво и жареные ребрышки, тогда как Хэнмер поднялся в клуб переодеться.

Почему-то вдруг он почувствовал тягу вернуться, взглянуть на все в последний раз. Возможно, потому, что ему не хотелось окончательно порывать с прошлым. Он снял сюртук, нанковый жилет, крапчатые брюки, лоснящиеся ботфорты и шелковое белье. Затем надел серую рубашку, серые брюки и исчез.

Объявился он в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, где тут же получил свои полтора кубика тиоморфата натрия.

— Вот и третий, — сказал кто-то.

— Давай их к Карпентеру.

И вот они в штабе генерала Карпентера — рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер. Все трое в серой госпитальной одежде, оглушенные изрядной дозой усыпляющего.

В помещении не было посторонних. Здесь находились эксперты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и центрального разведывательного управления. Увидев безжалостно-стальные лица этой братии, поджидавшей пациентов и его самого, капитан Эдсель Диммок вздрогнул. Генерал Карпентер мрачно усмехнулся.

— А вы что думали, так мы и клюнем на эту сказочку об исчезновениях, а, Диммок?

— В-виноват, сэр?

— Я ведь тоже специалист своего дела, Диммок. И раскусил вас. Война идет плохо. Очень плохо. Где-то к противнику просачивается информация. И вся эта Сент-Олбанская история говорит не в вашу пользу.

— Но они действительно исчезают, сэр. Я...

— Вот мои специалисты и хотят поговорить с вами и вашими пациентами насчет этих исчезновений. И начнут они с вас, Диммок.

Специалисты взялись за Диммока, пустив в ход эффективные средства ослабления психического сопротивления и устройства, выключающие волю. Были испробованы все известные в литературе реакции на искренность и все виды физического и психического давления. Отчаянно вопящий Диммок был трижды сломлен, хотя и ломать-то, собственно, было нечего.

— Пусть отдышится, — сказал Карпентер. — Переходите к пациентам.

Специалисты замялись: ведь эти клиенты были больны.

— О господи, давайте не миндальничать! — вскипел Карпентер. — Мы ведем войну за цивилизацию и защищаем наши идеалы. За дело!

Специалисты из общевойсковой разведки, контрразведки, службы безопасности и центрального разведывательного управления взялись за дело. И в ту же минуту рядовой первого класса Натан Райли, мастер-сержант Лела Мэчен и капрал второго класса Джордж Хэнмер исчезли. Вот только-только они сидели на стульях, отданные во власть насилия. А в следующее мгновение их уже не стало.

Специалисты ахнули. Генерал Карпентер подошел к Диммоку.

— Капитан Диммок, приношу свои извинения. Полковник Диммок, вы повышены в чине за открытие чрезвычайной важности!.. Только какого черта все это значит? Нет, сначала нам надо проверить самих себя!

И Карпентер щелкнул переключателем селектора.

— Подать мне эксперта по шокам и психиатра.

Экспертов вкратце познакомили с сутью дела. Обследовав свидетелей, они вынесли заключение.

— Вы все перенесли шок средней степени, — сказал специалист по шокам. — Нервное расстройство, вызванное военной обстановкой.

— Так вы считаете, что на самом деле они не исчезли? Что мы этого не видели?

Специалист по шокам покачал головой и взглянул на психиатра, который тоже покачал головой.

— Массовая галлюцинация, — сказал психиатр.

В этот момент рядовой первого класса Райли, мастер-сержант Мэчен и капрал второго класса Хэнмер появились вновь. Только что они были массовой галлюцинацией, и вот, пожалуйста, — сидят себе на своих стульях.

— Усыпите их снова, Диммок! — закричал Карпентер. — Впрысните им целый галлон, — он щелкнул переключателем селектора. — Подать мне всех специалистов, какие только у нас имеются.

Тридцать семь экспертов, каждый — закаленное и отточенное орудие, изучили пребывающие в бессознательном состоянии «случаи исчезновения» и три часа обсуждали этот феномен. Факты гласили только одно. Это новый фантастический синдром, возникший на основе нового фантастического страха, вызванного войной. Каждому действию соответствует равное, противоположно направленное противодействие. Так и подписали. На том и сошлись.

Видимо, пациенты вынуждены время от времени возвращаться в то место, откуда исчезают, иначе они не стали бы объявляться в палате-Т или здесь, в штабе генерала Карпентера.

Видимо, пациенты принимают пищу и спят там, где они бывают, поскольку в палате-Т ни того ни другого не делают.

— Одна небольшая деталь, — заметил полковник Диммок. — В палату-Т они возвращаются все реже. Раньше они исчезали и появлялись каждый день. Теперь многие отсутствуют неделями или не возвращаются вовсе.

— Это не важно, — сказал Карпентер. — Важно другое: куда они исчезают?

— И не попадают ли за вражеские линии? — спросил кто-то. — Вот по каким каналам может утекать информация!

— Я хочу, чтобы разведка установила, — щелкнул переключателем Карпентер, — столкнулся ли противник с подобными случаями исчезновения и появления людей в своих лагерях для военнопленных. Ведь там могут быть и наши больные из палаты-Т.

— Они просто отправляются к себе домой, — высказался полковник Диммок.

— Я хочу, чтобы служба безопасности проверила это, — приказал Карпентер. — Выяснить обстоятельства домашней жизни и все связи каждого из этих двадцати четырех исчезающих больных. А теперь... относительно наших дальнейших действий в палате-Т. У полковника Диммока имеется план.

— Мы ставим в палате-Т шесть дополнительных коек, — изложил свой план Эдсель Диммок. — И помещаем туда шесть наших специалистов, чтобы они вели наблюдение.

— Вот что, господа, — резюмировал Карпентер. — Это величайшее потенциальное оружие в истории войн. Представьте-ка себе телепортацию армии за вражеские линии! Мы можем выиграть войну за Американскую Мечту в один день, если овладеем секретом этих помраченных умов. И мы должны им овладеть!

Специалисты лезли из кожи, разведка добывала сведения, служба безопасности вела тщательную проверку. Шесть закаленных и отточенных орудий, разместившись в палате-Т Сент-Олбанского госпиталя, все ближе и ближе знакомились с исчезающими пациентами, которые все реже и реже появлялись там. Напряжение возрастало.

Служба безопасности сообщила, что ни одного случая необычного появления людей на территории Америки за последний год не наблюдалось. Разведка сообщила, что не замечено, чтобы противник сталкивался с аналогичными осложнениями у своих больных.

Карпентер кинел.

— Совсем новая область. И у нас нет в этой области специалистов. Нам нужны новые орудия. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне университет!

Ему дали Иельский университет.

— Мне нужны специалисты по парапсихологии. Подготовьте их, — приказал Карпентер.

И в университете тут же ввели три обязательных

курса — по Чудотворству, Сверхчувственному восприятию и Телекинезу.

Первый просвет забрезжил, когда одному эксперту из палаты-Т потребовалась помощь другого эксперта. И не кого-нибудь, а гранильщика.

— За каким чертом? — поинтересовался Карпентер.

— Он поймал обрывок разговора о драгоценном камне, — пояснил полковник Диммок. — И не может сам разобраться. Он же специалист по кадрам.

— А иначе и быть не может, — одобрительно заметил Карпентер. — Свое дело для каждого, и каждый для своего дела. — Он щелкнул переключателем. — Подать мне гранильщика.

Специалист по гранильному делу получил увольнительную из арсенала и явился к генералу, где его попросили уточнить, что это за алмаз «Джим Брэди». Сделать этого он не смог.

— Попробуем с другого бока, — сказал Карпентер и щелкнул переключателем. — Подать мне семантика.

Семантик покинул свой стол в департаменте Военной пропаганды, но так и не понял, что стоит за словами «Джим Брэди». Для него это было просто имя. Не больше. И он предложил обратиться к специалисту по генеалогии.

Специалист по генеалогии получил на один день освобождение от службы в Комитете по неамериканским предкам, но ничего не смог сказать о Джиме Брэди, кроме того, что это имя было распространено широко в Америке лет пятьсот назад, и, в свою очередь, предложил обратиться к археологу.

Археолог был извлечен из Картографической службы Частей вторжения и тут же установил, что это за Джим Брэди Алмаз. Им оказалось историческое лицо, известное в городе Малый-Старый-Нью-Йорк в период между губернатором Питером Стивесантом и губернатором Фьорелло Ла Гардиа.

— Господи! — изумился Карпентер. — Столько веков назад! Откуда этот Натан Райли такое выкопал? Вот что, подключитесь-ка к экспертам в палате-Т.

Археолог довел дело до конца, проверил свои дан-

ные и представил отчет. Карпентер прочитал его и тут же устроил экстренное совещание всех своих специалистов.

— Господа, — объявил он, — палата-Т — это нечто большее, нежели телепортация. Шоковые больные проделывают нечто более невероятное... более внушительное. Они перемещаются во времени.

Все растерянно зашушукались. Карпентер энергично кивнул.

— Да, да, господа. Это путешествие во времени. И прежде чем я буду продолжать, просмотрите вот эти отчеты.

Все участники совещания уткнулись в размноженные для них материалы. Рядовой первого класса Натан Райли... исчезает в Нью-Йорк начала XX века; мастер-сержант Лела Мэчен... отправляется в Рим первого века нашей эры; капрал второго класса Джордж Хэнмер... путешествует в Англию XIX века. И остальные из двадцати четырех пациентов, спасаясь от безумия и ужасов современной войны, скрываются из XXII века в Венецию дожей, на Ямайку времен пиратов, в Китай династии Ханей, в Норвегию Эрика Рыжеволосого, в самые разые места земного шара и самые разные века.

— Мне нет нужды указывать на колоссальное значение этого открытия, — продолжал генерал Карпентер. — Представьте, как это скажется на ходе войны, если мы сможем посылать армию на неделю или год назад. Мы сможем выиграть войну до ее начала. Мы сможем защитить от варварства нашу Мечту... поэзию и красоту и замечательную культуру Америки... даже не подвергая их опасности.

Присутствующие попытались представить себе победоносное сражение, выигранное еще до его начала.

— Положение осложняется тем, что эти люди из палаты-Т невменяемы. Они могут знать, но могут и не знать, как они все это проделывают, беда только в том, что они не в состоянии войти в общение с экспертами, которые могли бы овладеть методом этого чуда. Придется искать ключ самим. Эти люди не могут нам помочь.

Закаленные и отточенные орудия беспомощно переглянулись.

— Нам нужны эксперты, — сказал генерал Карпентер.

Присутствующие облегченно вздохнули, обретя под ногами привычную почву.

— Нам нужен специалист по церебральной механике, кибернетик, психоневропатолог, анатом, археолог и перворазрядный историк. Они отправятся в эту палату и не выйдут оттуда, пока не сделают свое дело: пока не разберутся в технике путешествия во времени.

Первую пятерку экспертов легко удалось раздобыть в разных военных департаментах. Вся Америка была сплошным набором закаленных и отточенных специалистов. Труднее оказалось найти перворазрядного историка. Наконец федеральная каторжная тюрьма, также работающая для нужд армии, выявила доктора Брэдли Скрима, приговоренного к двадцати годам каторжных работ. Доктор Скрим, довольно язвительный и колючий субъект, руководил кафедрой истории философии в Западном университете, пока не выложил все, что он думает о войне за Американскую Мечту. За это он и получил свои двадцать лет.

Скрим был настроен все так же вызывающе, но его удалось втянуть в игру, заинтриговав проблемой палаты-Т.

— Но я же не эксперт, — огрызнулся он. — В этой невежественной стране сплошных экспертов я последняя стрекоза среди полчищ муравьев...

Карпентер щелкнул переключателем.

— Энтомолога!

— Ни к чему. Я объясню. Вы — гнездо муравьев — работаете, трудитесь и специализируетесь. А для чего?

— Чтобы сохранить Американскую Мечту, — с жаром ответил Карпентер. — Мы воюем за поэзию, культуру, образование и Непреходящие Ценности.

— Словом, за то, чтобы сохранить меня, — сказал Скрим. — Ведь этому я посвятил всю свою жизнь. А что вы сделали со мной? Бросили в тюрьму.

— Вас обвинили в симпатиях к противнику, в антивоенных настроениях.

— Меня обвинили в том, что я верю в Американскую Мечту. Говоря иными словами, в том, что у меня своя голова на плечах.

Таким же неуживчивым Скрим оставался и в палате-Т. Он провел там ночь, насладился трехразовым хорошим питанием, прочитал все отчеты, затем отшвырнул их и начал кричать, чтобы его выпустили.

— Свое дело для каждого, и каждый для своего дела, — сказал ему полковник Диммок. — Вы не выйдете, пока не докопаетесь до секрета путешествия во времени.

— Никакого здесь секрета для меня нет.

— Они путешествуют во времени?

— И да, и нет.

— Ответ должен быть только однозначным. Вы уклоняетесь от...

— Вот что, — устало прервал его Скрим, — вы специалист в какой области?

— Психотерапия.

— Тогда вы ни черта не поймете в том, что я скажу. Это же философская проблема. Я заявляю, что здесь нет секрета, которым могла бы воспользоваться армия. И вообще им не может воспользоваться какая-либо группа. Этим секретом может овладеть только личность.

— Я вас не понимаю.

— А я и не надеялся, что поймете. Отведите меня к Карпентеру.

Скрима отвели к генералу, и он злорадно усмехнулся в лицо Карпентеру — рыжий дьявол, тощий от недоедания.

— Мне нужно десять минут, — сказал Скрим. — Можете вы на это время оторваться от вашего ящика с инструментами?

Карпентер кивнул.

— Так вот, слушайте внимательно. Сейчас я дам вам ключи от чего-то столь грандиозного, необычайного и нового, что вам понадобится вся ваша смекалка!

Карпентер выжидающе взглянул на него.

— Натан Райли уходил в начало двадцатого века. Там он жил своей излюбленной мечтой. Он игрок высокого полета. Он зашибает деньги, делая ставки на то, что ему известно заранее. Он ставит на то, что на выборах пройдет Эйзенхауэр. Он ставит на то, что профессиональный боксер по имени Марчиано побьет Ла Старца. Он вкладывает деньги в автомобильную компанию Генри Форда. Вот они, ключи. Вам это что-нибудь говорит?

— Без социолога-аналитика — ничего, — ответил Карпентер и потянулся к переключателю.

— Не беспокойтесь, я объясню. Только вот вам еще несколько ключей. Лела Мэчен, например, скрывается в римскую империю, где живет как роковая женщина. Каждый мужчина влюблен в нее. Юлий Цезарь, Брут, весь Двадцатый легион, человек по имени Бен Гур. Улавливаете нелепицу?

— Нет.

— Да она еще ко всему курит сигареты.

— Ну и что? — спросил Карпентер, помолчав.

— Продолжаю. Джордж Хэнмер убегает в Англию девятнадцатого века, где он член парламента, друг Гладстона, Каннинга и Дизраэли. Последний везет его в своем «роллс-ройсе». Вы знаете, что такое «роллс-ройс»?

— Нет.

— Это марка автомобиля.

— Да?

— Вам все еще непонятно?

— Нет.

Скрим в возбуждении заметался по комнате.

— Карпентер, это открытие куда грандиознее телепортации или путешествия во времени. Это может спасти человечество.

— Что же может быть грандиознее путешествия во времени, Скрим?

— Так вот, Карпентер, слушайте. Эйзенхауэр баллотировался в президенты не ранее середины двадцатого века. Натан Райли не мог одновременно быть другом Джима Брэди Алмаза и в то же время ставить на Эйзенхауэра... Брэди умер за четверть века до того,

как Айк стал президентом. Марчиано побил Ла Старца через пятьдесят лет после того, как Генри Форд основал свою автомобильную компанию. Путешествие во времени Натана Райли полно подобных анахронизмов.

Карпентер ошеломленно хлопал глазами.

— Лела Мэчен не могла взять Бен Гура в любовники. Бен Гур никогда не бывал в Риме. Его вообще не было. Это персонаж романа и кинофильма. Она не могла курить. Тогда не было табака. Понятно? Опять анахронизмы. Дизраэли не мог усадить Джорджа Хэнмера в свой «роллс-ройс», потому что автомобилей при жизни Дизраэли не было.

— Черт знает, что вы говорите! — воскликнул Карпентер. — Выходит, все они врали?

— Нет. Не забывайте, что они не нуждаются во сне. Им не нужна пища. Они не лгут. Они возвращаются вспять во времени по-настоящему. И там едят и спят.

— Но вы же только что сказали, что их истории несостоятельны. Что они полны анахронизмов.

— Потому что они отправляются в Придуманное ими время. Натан Райли имеет свое собственное представление о том, как выглядела Америка начала двадцатого века. Эта картина ошибочна и полна анахронизмов, потому что он не ученый. Но для него она реальна. Он может жить там. Точно так же и с остальными.

Карпентер выпучил глаза.

— Эту концепцию почти невозможно осознать. Эти люди открыли, как превращать мечту в реальность. Они знают, как проникнуть в мир воплотившейся мечты. Они могут жить там. Господи, вот она ваша Американская Мечта, Карпентер. Это чудо, бессмертие, почти божественный акт творения... Этим непременно нужно овладеть. Это необходимо изучить. Об этом надо сказать всему миру.

— И вы можете это сделать, Скрим?

— Нет, не могу. Я историк. Я не творческая натура. И мне это не под силу. Вам нужен поэт... От воплощения мечты на бумаге или холсте, должно быть, не

так уж трудно шагнуть к воплощению в действительность.

— Поэт?! Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно. А вы знаете, что такое поэт? Вы пять лет вдалбливали нам, что эта война ведется ради спасения поэтов.

— Перестаньте паясничать, Скрим. Я...

— Пошлите в палату-Т поэта. Он изучит, как они это делают. Только поэту это под силу. Поэт уже наполовину живет в мечте. А уж от него научатся и ваши психологи и анатомы. Они смогут научить нас. Поэт — необходимое звено между больными и вашими специалистами.

— Мне кажется, вы правы, Скрим.

— Тогда не теряйте времени, Карпентер. Пациенты из палаты-Т все реже и реже возвращаются в этот мир. Мы должны овладеть секретом, пока они не исчезли навсегда. Пошлите в палату-Т поэта.

Карпентер щелкнул переключателем.

— Найдите мне поэта.

И он все сидел и ждал, ждал, ждал... А Америка лихорадочно перебирала свои двести девяносто миллионов закаленных и отточенных инструментов, эти орудия для защиты Американской Мечты о красоте, поэзии и Истинных Ценностях в Жизни. Сидел и ждал, пока среди них найдут поэта. Ждал, не понимая, почему так затянулось ожидание, не понимая, почему Брэдли Скрим покатывается от хохота над этим последним, воистину роковым исчезновением.

Может
быть...

ЭРИК ФРЭНК
РАССЕЛ

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Сверкающий голубовато-зеленый шар с Землю величиной да и по массе примерно равный Земле — новая планета точь-в-точь соответствовала описанию. Четвертая планета звезды класса С-7; бесспорно, та, которую они ищут. Ничего не скажешь, безвестному, давным-давно умершему косморазведчику повезло: случайно он открыл мир, похожий на их родной.

Пилот Гарри Бентон направил сверхскоростной астрокрейсер по орбите большого радиуса, а тем временем два его товарища обозревали планету перед посадкой. Заметили огромный город в северном полушарии, градусах в семи от экватора, на берегу моря. Город остался на том же месте, другие города не затмили его своим величием, а ведь триста лет прошло с тех пор, как был составлен отчет.

— Шаксембендер, — объявил навигатор Стив Рэндл. — Ну и имечко же выбрали планете! — Он изучал официальный отчет косморазведчика давних времен, по следам которого они сюда прибыли. — Хуже того, солнце они называют Гвилп.

— А я слыхал, что в секторе Боттса есть планета Плаб, — подхватил бортинженер Джо Гибберт. — Более того, произносить это надо, как будто сморкаешься. Нет уж, пусть лучше будет Шаксембендер — это хоть выговорить можно.

— Попробуй-ка выговорить название столицы, — предложил Рэндл и медленно произнес: — Щфлодриташаксембендер.

Он прыснул при виде растерянного лица Гибберта.

— В буквальном переводе — «самый большой город планеты». Но успокойся, в отчете сказано, что туземцы не ломают себе язык, а называют столицу сокращенно: Тафло.

— Держитесь, — вмешался Бентон. — Идем на посадку.

Он яростно налег на рычаги управления, пытаясь в то же время следить за показаниями шести приборов сразу. Крейсер сорвался с орбиты, пошел по спирали на восток, врезался в атмосферу и прошил ее насквозь. Чуть погодя он с ревом описал последний круг совсем низко над столицей, а за ним на четыре мили тянулся шлейф пламени и сверхраскаленного воздуха. Посадка была затяжной и мучительной: крейсер, подпрыгивая, долго катился по лугам. Извиваясь в своем кресле, Бентон заявил с наглым самодовольством:

— Вот видите, трупов нет. Разве я не молодец?

— Идут, — перебил его Рэндл, приникший к боковому иллюминатору. — Человек десять, если не больше, и все бегом.

К нему подошел Гибберт и тоже всмотрелся сквозь бронированное стекло.

— Как славно, когда тебя приветствуют дружественные гуманоиды. Особенно после всех подозрительных или враждебных существ, что нам попадались: они были похожи на плод воображения, распаленного венерианским ужином из десяти блюд.

— Стоят у люка, — продолжал Рэндл. Он пересчитал туземцев. — Всего их двадцать. — И нажал на кнопку автоматического затвора. — Впустим?

Он сделал это не колеблясь, вопреки опыту, накопленному во многих чужих мирах. После вековых поисков были открыты лишь три планеты с гуманоидным населением, и эта планета — одна из трех; а когда насмотришься на чудовищ, то при виде знакомых, человеческих очертаний на душе теплеет. Появляется уверенность в себе. Встретить гуманоидов в дальнем космосе — все равно что попасть в колонию соотечественников за границей.

Туземцы хлынули внутрь; поместилось человек двенадцать, а остальным пришлось ожидать снаружи.

Приятно было на них смотреть: одна голова, два глаза, один нос, две руки, две ноги, десять пальцев — старый добрый комплект. От команды крейсера туземцы почти ничем не отличались, разве только были пониже ростом, пожже в кости, да кожа у них была яркого, насыщенного цвета меди.

Предводитель заговорил на древнем языке космолингва, старательно произнося слова, будто с трудом вызубрил их у учителей, передававших эти слова из поколения в поколение.

— Вы земляне?

— Ты прав, как никогда, — радостно ответил Бентон. — Я пилот Бентон. На этих двух кретинов можешь не обращать внимания — просто бесполезный груз.

Гость выслушал его тираду неуверенно и чуть смущенно. Он с сомнением оглядел «кретинов» и снова перенес свое внимание на Бентона.

— Я филолог Дорка, один из тех, кому доверено было сохранять ваш язык до сего дня. Мы вас ждали. Фрэйзер заверил нас, что рано или поздно вы явитесь. Мы думали, что вы пожалуете к нам гораздо раньше. — Он не сводил черных глаз с Бентона — наблюдал за ним, рассматривал его, силился проникнуть в душу. В его глазах не светилась радость встречи; скорее в них отражалось странное, тоскливое смятение, смесь надежды и страха, которые каким-то образом передавались остальным туземцам и постепенно усиливались. — Да, мы вас ждали много раньше.

— Возможно, нам и следовало прибыть сюда гораздо раньше, — допустил Бентон, отрезвев от неожиданной холодности приема. Как бы случайно он нажал на кнопку в стене, прислушался к почти неразличимым сигналам скрытой аппаратуры. — Но мы, военные астролетчики, летим куда прикажут и когда прикажут, а до недавнего времени нам не было команды насчет Шаксембендера. Кто такой Фрэйзер? Тот самый разведчик, что обнаружил вашу планету?

— Конечно.

— Гм! Наверное, его отчет затерялся в бюрократических архивах, где, возможно, до сих пор пылится

масса других бесценных отчетов. Эти сорвиголовы старых времен, такие следопыты космоса, как Фрэйзер, попадали далеко за официально разрешенные границы, рисковали головами и шкурами, привозили пятиметровые списки погибших и пропавших без вести. Пожалуй, единственная форма жизни, которой они боялись, — это престарелый бюрократ в очках. Вот лучший способ охладить пыл каждого, кто страдает избытком энтузиазма: подшить его отчет в папку и тут же забыть обо всем.

— Быть может, все к лучшему, — осмелился подать голос Дорка. Он бросил взгляд на кнопку в стене, но удержался от вопроса о ее назначении.

— Фрэйзер говорил, что, чем больше пройдет времени, тем больше надежды.

— Вот как? — Озадаченный Бентон попытался прочитать что-нибудь на меднокожем лице туземца, но оно было непроницаемо. — А что он имел в виду?

Дорка заерзал, облизнул губы и вообще всем своим видом дал понять, что сказать больше — значит, сказать слишком многое. Наконец, он ответил:

— Кто из нас может знать, что имел в виду землянин? Земляне сходны с нами и все же отличны от нас, ибо процессы нашего мышления не всегда одинаковы.

Слишком уклончивый ответ никого не удовлетворил бы. Чтобы добиться взаимопонимания — а это единственно надежная основа, на которой можно строить союзничество, — необходимо докопаться до горькой сути дела. Но Бентон не стал себя затруднять. На это у него была особая причина.

Ласковым голосом, с обезоруживающей улыбкой Бентон сказал Дорке:

— Надо полагать, ваш Фрэйзер, рассчитывая на более близкие сроки, исходил из того, что появятся более крупные и быстроходные звездолеты, чем известные ему. Тут он чуть-чуть просчитался. Звездолеты действительно стали крупнее, но их скорость почти не изменилась.

— Неужели? — Весь вид Дорки показывал, что скорость космических кораблей не имеет никакого отношения к тому, что его угнетает. В его вежливом

«Неужели?» отсутствовало удивление, отсутствовала заинтересованность.

— Они могли бы двигаться гораздо быстрее, — продолжал Бентон, — если бы мы удовольствовались чрезвычайно низкими запасами прочности, принятыми во времена Фрэйзера. Но эпоха лозунга «Смерть или слава» давно миновала. В наши дни уже не строят гробов для самоубийц. От светила к светилу мы добираемся в целом виде и в чистом белье.

Всем троим было ясно, что Дорке до этого нет дела. Он был поглощен чем-то совершенно другим. И его спутники тоже. Приязнь, скованная смутным страхом. Предчувствие дружбы, скрытое под черной пеленой сомнений. Туземцы напоминали детей, которым до смерти хочется погладить неведомого зверя, но страшно: вдруг укусит!

До того очевидно было общее отношение к пришельцам и до того оно противоречило ожидаемому, что Бентон невольно попытался найти логическое объяснение. Он ломал себе голову так и этак, пока его внезапно не осенила мысль: может быть, Фрэйзер — до сих пор единственный землянин, известный туземцам, — рассорился с хозяевами планеты, после того как переслал свой отчет? Наверное, были разногласия, резкие слова, угрозы и в конце концов вооруженный конфликт между этими меднокожими и видавшим виды землянином. Наверняка Фрэйзер отчаянно сопротивлялся и на целых триста лет поразил их удачной конструкцией и смертоносной силой земного оружия.

По тому же или подобному пути шли, должно быть, мысли Стива Рэндла, потому что он вдруг выпалил, обращаясь к Дорке:

— Как умер Фрэйзер?

— Когда Сэмюэл Фрэйзер нашел нас, он был не молод. Он сказал, что мы будем его последним приключением, так как пора уже пускать корни. И вот он остался с нами и жил среди нас до старости, а потом стал немощен и в нем угасла последняя искра жизни. Мы сожгли его тело, как он просил.

— Ага! — сказал Рэндл обескураженно. Ему в го-

лову не пришло спросить, отчего Фрэйзер не искал прибежища на своей родной планете — Земле. Всем известно, что давно распущенный Корпус Астроразведчиков состоял исключительно из убежденных одиночек.

— Еще до смерти Фрэйзера мы расплавили и использовали металл корабля, — продолжал Дорка. — Когда он умер, мы перенесли все, что было в корабле, в храм; там же находится посмертная маска Фрэйзера, его бюст работы лучшего нашего скульптора и портрет в натуральную величину, написанный самым талантливым художником. Все эти реликвии целы, в Тафло их берегут и почитают. — Он обвел взглядом всех троих астронавтов и спокойно прибавил: — Не хотите ли пойти посмотреть?

Нельзя было придумать более невинный вопрос и задать его более кротким тоном; тем не менее у Бентона появилось странное чувство, словно где-то под ногами разверзлась вырытая для него яма. Это чувство усиливалось из-за того, что меднокожие ждали ответа с плохо скрытым нетерпением.

— Не хотите ли пойти посмотреть?

«Заходи, красотка, в гости», — мухе говорил паук.

Инстинкт, чувство самосохранения, интуиция — как ни называй — нечто заставило Бентона зевнуть, потянуться и ответить усталым голосом:

— С огромным удовольствием, но мы проделали долгий-предолгий путь и здорово измотались. Ночь спокойного сна — и мы переродимся. Что, если завтра с утра?

Дорка поспешил рассыпаться в извинениях.

— Простите меня. Мы навязали вам свое общество, не успели вы появиться. Пожалуйста, извините нас. Мы так давно ждали, только поэтому и не подумали...

— Совершенно не в чем извиняться,— заверил его Бентон, тщетно пытаясь примирить свою инстинктивную настороженность с искренним, трогательным огорчением Дорки. — Все равно мы бы не легли, пока не установили с вами контакт. Не могли бы глаз сомк-

нуть. Как видите, ваш приход избавил нас от многих хлопот.

Чуть успокоенный, но все еще пристыженный тем, что он считал недостатком такта, Дорка вышел в шлюзовую камеру и увел за собою спутников.

— Мы оставим вас, чтобы вы отдохнули и выспались, и я сам позабочусь, чтобы вам никто не досаждал. Утром мы вернемся и отведем вас в город. — Он опять обвел всех троих испытующим взглядом. — И покажем Храм Фрэйзера.

Он удалился. Закрылась шлюзовая камера. А в голове у Бентона звенели колокола тревоги.

Присев на краю пульта управления, Джо Гибберт растирал себе уши и разглагольствовал:

— Чего я терпеть не могу, так это торжественных приемов: громогласные приветствия и трубный рев массовых оркестров меня просто оглушают. Почему бы не вести себя сдержанно, не разговаривать тихим голосом и не пригласить нас в мавзолей или куда-нибудь в этом роде?

Стив Рэндл нахмурился и серьезно ответил:

— Тут что-то нечисто. У них был такой вид, точно они с надеждой приветствуют богатого дядюшку, больного оспой. Хотят, чтобы их упомянули в завещании, но не хотят остаться рябыми. — Он посмотрел на Бентона. — А ты как думаешь, грязнуля небритый?

— Я побреюсь, когда нахальный ворюга вернет мне бритву. И я не собираюсь думать, пока не соберу нужных данных. — Открыв замаскированную нишу чуть пониже кнопки, Бентон вынул оттуда шлем из платиновой сетки, от которого отходил тонкий кабель. — Эти-то данные я сейчас и усвою.

Он закрепил на себе шлем, тщательно поправил его, включил какие-то приборы в нише, откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в транс. Остальные заинтересованно наблюдали. Бентон сидел молча, прикрыв глаза, и на его худощавом лице попеременно отражались самые разнообразные чувства. Наконец, он снял шлем, уложил на место, в тайник.

— Ну? — нетерпеливо сказал Рэндл.

— Полоса частот его мозга совпадает с нашими, и

приемник без труда уловил волны мыслей, — провозгласил Бентон. — Все воспроизведено в точности, но... прямо не знаю.

— Вот это осведомленность, — съязвил Гибберт. — Он не знает!

Не обратив внимания, Бентон продолжал:

— Все сводится к тому, что туземцы еще не решили, любить ли нас или убить.

— Что? — Стив Рэндл встал в воинственную позу. — А с какой стати им убивать нас? Мы ведь не сделали им ничего плохого.

— Мысли Дорки рассказали нам многое, но не все. В частности, рассказали, что с годами Фрэйзера почитали все больше и больше, и в конце концов это почитание переросло чуть ли не в религию. Чуть ли, но не совсем. Как единственный пришелец из другого мира, он стал самой выдающейся личностью в их истории, понимаете?

— Это можно понять, — согласился Рэндл. — Но что с того?

— Триста лет создали ореол святости вокруг всего, что говорил и делал Фрэйзер. Вся полученная от него информация сохраняется дословно, его советы лелеются в памяти, его предостережениями никто не смеет пренебречь.— На какой-то миг Бентон задумался. — А Фрэйзер предостерегал их: велел опасаться Земли, какой она была в его время.

— Велел он им при первом же случае снять с нас живых кожу? — осведомился Гибберт.

— Нет, этого он как раз не говорил. Он предупредил их, что земляне, те, которых он знал, — сделают выводы не в их пользу, это принесет им страдания и горе, и может случиться так, что они будут вечно сожалеть о контакте между этими двумя планетами, если у них не хватит ума и воли насильно прервать его.

— Фрэйзер был стар, находился в последнем путешествии и собирался пустить корни, — заметил Рэндл. — Знаю я таких. Еле на ногах держатся, ходят вооруженные до зубов и считают себя молодцами, а на самом деле весь заряд давно вышел. Этот тип слишком много времени провел в космосе и свихнулся. Пари

держу, что ему нигде не было так хорошо, как в летящем звездолете.

— Все может быть, — с сомнением в голосе допустил Бентон. — Но навряд ли. Жаль, что мы ничего не знаем об этом Фрэйзере. Для нас он только забытое имя, извлеченное на свет божий из письменного стола какого-то бюрократа.

— В свое время и я стану тем же, — меланхолически вставил Гибберт.

— Так или иначе, одним предупреждением он не ограничился: последовало второе — чтобы они не слишком-то спешили нас отвадить, ибо не исключено, что тогда они потеряют лучших своих друзей. Характеры людей меняются, поучал Фрэйзер туземцев. Любое изменение может послужить к лучшему, и настанет день, когда Шаксембендеру нечего будет бояться. Чем позднее мы установим с ними контакт, утверждал он, тем дальше продвинемся на пути к будущему, тем выше вероятность перемен. — Бентон принял озабоченный вид. — Учтите, что, как я уже говорил, эти взгляды стали равносильны священным заповедям.

— Приятно слышать, — заворчал Гибберт. — Судя по тому, что Дорка наивно считает своими затаенными мыслями — а может, то же самое думают и все его соотечественники, — нас либо вознесут, либо перебьют, в зависимости от того, усовершенствовались ли мы по их разумению и соответствуем ли критерию, завещанному чокнутым покойником. Кто он, собственно, такой, чтобы судить, дозрели мы до общения с туземцами или нет? По какому признаку намерены определить это сами туземцы? Откуда им знать, изменились ли мы и как изменились за последние триста лет? Не понимаю...

Бентон перебил его:

— Ты попал своим грязным пальцем как раз на больное место. Они считают, что могут судить. Даже уверены в этом.

— Каким образом?

— Если мы произнесем два определенных слова при определенных обстоятельствах, то мы пропали. Если не произнесем, все в порядке.

Гибберт в облегчении рассмеялся.

— Во времена Фрэйзера на звездолетах не устанавливались мыслефоны. Их тогда еще не изобрели. Он не мог их предвидеть, правда?

— Безусловно.

— Значит, — продолжал Гибберт, которого забавляла простота ситуации, — ты нам только скажи, какие обстоятельства представлял себе Дорка и что это за роковые слова, а мы уже придержим языки и докажем, что мы славные ребята.

— Все, что зарегистрировано насчет обстоятельств — это туманный мысленный образ, указывающий, что они имеют какое-то отношение к этому самому храму, — объявил Бентон. — Храм определенно будет испытательным участком.

— А два слова?

— Не зарегистрированы.

— Отчего? Разве он их не знает? — чуть побледнев, спросил Гибберт.

— Понятия не имею. — Бентон не скрывал своего уныния. — Разум оперирует образами, значением слов, а не их написанием. Значения облекаются звуками, когда человек разговаривает. Поэтому не исключено, что он вообще не знает этих слов, а может быть, его мысли о них не регистрируются, потому что ему неизвестно их значение.

— Да это ведь могут быть любые слова! Слов миллионы!

— В таком случае вероятность играет на нас, — мрачно указал Бентон. — Есть, правда, одна оговорка.

— Какая?

— Фрэйзер родился на Земле, он хорошо изучил землян. Естественно, в качестве контрольных он выбрал слова, которые, как он считал, землянин произнесет скорее всего, — а потом уж надеялся, что ошибется.

В отчаянии Гибберт хлопнул себя по лбу.

— Значит, с утра пораньше мы двинемся в этот музей, как быки на бойню. Там я разину пасть и не успею опомниться, как обрасту крылышками и в руках у меня будет арфа. Все потому, что эти медноли-

цые свято верят в западню, поставленную каким-то космическим психом. — Он раздраженно уставился на Бентона. — Так как, удерем отсюда, пока не поздно, и доложим обстановку на Базе? Или рискнем остаться?

— Когда это флот отступал? — вопросом же ответил Бентон.

— Я знал, что ты так ответишь.

Гибберт покорился тому неизбежному, что готовил им завтрашний день.

Утро выдалось безоблачное и прохладное. Все трое были готовы, когда появился Дорка в сопровождении десятка туземцев — может быть, вчерашних, а может быть, и нет. Судить было трудно: казалось, все туземцы на одно лицо.

Поднявшись на борт звездолета, Дорка спросил со сдержанной сердечностью:

— Надеюсь, вы отдохнули? Мы вас не потревожим?

— Не в том смысле, как ты считаешь, — вполголоса пробормотал Гибберт. Он не сводил глаз с туземцев, а обе руки его как бы случайно лежали у рукоятий двух тяжелых пистолетов.

— Мы спали как убитые. — Ответ Бентона против его воли прозвучал зловеще. — Теперь мы готовы на все.

— Это хорошо. Я рад за вас. — Взгляд темных глаз Дорки упал на пистолеты. — Оружие? — Он удивленно моргнул, но выражение его лица не изменилось. — Да ведь оно здесь не понадобится! Разве ваш Фрэйзер не уживался с нами в мире и согласии? Кроме того, мы, как видите, безоружны. Ни у кого из нас нет даже удочки.

— Тут дело не в недоверии, — провозгласил Бентон. — В военно-космическом флоте мы всего лишь жалкие рабы многочисленных предписаний. Одно из требований устава — носить оружие во время установления всех первых официальных контактов. Вот мы и носим. — Он послал очаровательную улыбку. — Если бы устав требовал, чтобы мы носили травяные юбки, соломенные шляпы и картонные носы, вы увидели бы забавное зрелище.

Если Дорка и не поверил несообразной басне о том,

как люди рабски повинуются уставу даже на таком расстоянии от Базы, он этого ничем не выказал. Примирился с тем, что земляне вооружены и останутся при оружии независимо от того, какое впечатление произведет это обстоятельство на коренных жителей планеты.

В этом отношении у него было преимущество: он находился на своей земле, на своей территории. Личное оружие, даже если его применяют умелые руки, ничего не даст при неоспоримом численном превосходстве противника. В лучшем случае можно дорого продать свои жизни. Но бывают случаи, когда за ценой не стоят.

— Вас там ждет Лиман — Хранитель храма, — сообщил Дорка. — Он тоже хорошо владеет космолингвой. Весьма ученый человек. Давайте сначала навестим его, а потом осмотрим город. Или у вас есть другие пожелания?

Бентон колебался. Жаль, что этого Лимана вчера не было среди гостей. Более чем вероятно, что он-то знает два заветных слова. Мыслефон извлек бы их из головы Лимана и подал бы их на тарелочке после его ухода, а тогда ловушка стала бы безвредной. В храме нельзя будет покопаться в мозгу Лимана, так как карманных моделей мыслефона не существует и ни хозяева планеты, ни гости не наделены телепатическими способностями.

В храме вокруг них будут толпиться туземцы — бесчисленное множество туземцев, одержимых страхом неведомых последствий, следящих за каждым движением пришельцев, впитывающих каждое слово, выжидающих, выжидающих... и так до тех пор, пока кто-то из космонавтов сам не подаст сигнала к бойне.

Два слова — нечаянно произнесенных слова, удары, борьба, потные тела, проклятия, тяжелое дыхание, быть может, даже выстрел-другой.

Два слова.

И смерть!

А потом примирение с совестью — заупокойная служба над трупами. Медные лица исполнены печали, но светятся верой, и по храму разносится молитва:

— Их испытали согласно твоему завету, и с ними поступили согласно твоей мудрости. Их бросили на весы праведности, и их чаша не перетянула меру. Хвала тебе, Фрэйзер, за избавление от тех, кто нам не друг.

Такая же участь постигнет команду следующего звездолета, и того, что придет за ним, и так до тех пор, пока Земля либо не отгородит этот мир от главного русла межгалактической цивилизации, либо жестоко не усмирит его.

— Итак, чего вы желаете? — настаивал Дорка, с любопытством глядя ему в лицо.

Вздрогнув, Бентон отвлекся от своих бессвязных мыслей; он сознавал, что на него устремлены все глаза. Гибберт и Рэндл нервничали. Лицо Дорки выражало лишь вежливую заботу, ни в коей мере не кровожадность и не воинственность. Конечно, это ничего не значило.

Откуда-то донесся голос — Бентон не сразу понял, что это его собственный голос: «Когда это флот отступал?»

Громко и твердо Бентон сказал:

— Сначала пойдемте в храм.

Ничем — ни внешностью, ни осанкой — Лиман не напоминал первосвященника чужой, инопланетной религии. Ростом выше среднего (по местным понятиям), спокойный, важный и очень старый, он был похож на дряхлого и безобидного библиотекаря, давно укрывшегося от обыденной жизни в мире пыльных книг.

— Вот это, — сказал он Бентону, — фотографии земной семьи, которую Фрэйзер знал только в детстве. Вот его мать, вот его отец, а вот это диковинное волосатое существо он называл собакой.

Бентон посмотрел, кивнул, ничего не ответил. Все это было очень заурядно, очень банально. У каждого бывает семья. У каждого есть отец и мать, а у многих — своя собака. Он изобразил горячий интерес, которого не испытывал, и попробовал прикинуть на глаз, сколько в комнате туземцев. От шестидесяти до семидесяти, да и на улице толпа. Слишком много.

С любопытством педанта Лиман продолжал:

— У нас таких тварей нет, а в записках Фрэйзера они не упомянуты. Что такое собака?

Вопрос! На него надо отвечать. Придется открыть рот и заговорить. Шестьдесят пар глаз, если не больше, прикованы к его губам. Шестьдесят пар ушей, если не больше, прислушиваются и выжидают. Неужто настала роковая минута?

Мышцы Бентона непроизвольно напряглись в предвкушении удара ножом в спину, и он ответил с деланной беспечностью:

— Мелкое животное, ручное, смышленое.

Ничего не случилось.

Ослабло ли чуть-чуть напряжение, или с самого начала существовало лишь в обостренном воображении Бентона? Теперь не угадаешь.

Лиман показал какой-то предмет и, держа его как драгоценнейшую реликвию, сказал:

— Эту вещь Фрэйзер называл своим неразлучным другом. Она приносила ему великое утешение, хотя нам непонятно, каким образом.

Это была старая, немало послужившая, покрытая трещинами трубка. Она наводила только на одну мысль: как жалки личные сокровища, когда их владелец мертв. Бентон понимал, что надо что-нибудь сказать, но не знал, что именно. Гибберт и Рэндл упорно притворялись немыми.

К их облегчению, Лиман отложил трубку, не задавая уточняющих вопросов. Следующим экспонатом был лучевой передатчик покойного разведчика; его корпус был с любовным тщанием начищен до блеска. Именно этот устаревший передатчик послал отчет Фрэйзера в ближайший населенный сектор, откуда, переходя с планеты на планету, он попал на Земную базу.

Затем последовали пружинный нож, хронометр в родиевом корпусе, бумажник, автоматическая зажигалка — уйма мелкого старья. Четырнадцать раз Бентон холодел, вынужденный отвечать на вопросы или реагировать на замечания. Четырнадцать раз общее напряжение — действительное или воображаемое — достигало вершины, а затем постепенно спадало.

— Что это такое? — осведомился Лиман и подал Бентону сложенный лист бумаги.

Бентон осторожно развернул лист. Оказалось, что это официально изданный типографский бланк завещания. На нем торопливым, но четким и решительным почерком были набросаны несколько слов:

«Сэмюэлу Фрэйзеру, номеру 727 земного корпуса космических разведчиков, нечего оставить после себя, кроме доброго имени».

Бентон вновь сложил документ, вернул его Лиману и перевел слова Фрэйзера на космолингву.

— Он был прав, — заметил Лиман. — Но что в мире ценнее?

Он обернулся к Дорке и коротко проговорил что-то на местном языке — земляне ничего не поняли. Потом сказал Бентону:

— Мы покажем вам облик Фрэйзера. Сейчас вы увидите его таким, каким мы его знали.

Гибберт подтолкнул Бентона локтем.

— С чего это он перешел на чужую речь? — спросил он на английском языке, следуя дурному примеру туземцев. — А я знаю: он не хотел, чтобы мы поняли, о чем они толкуют. Держись, друг, сейчас начнется. Я это нутром чую.

Бентон пожал плечами, оглянулся: на него наседали туземцы, они окружали его со всех сторон и сжимали в слишком тесном кольце; с минуты на минуту им придется действовать молниеносно, а ведь в такой толчее это невозможно. Все присутствующие смотрели на дальнюю стену, и все лица приняли благоговейно-восторженное выражение, словно вот-вот их жизнь озарится неслыханным счастьем.

Из всех уст вырвался единодушный вздох: престарелый Лиман раздвинул занавеси и открыл изображение Человека Извне. Бюст в натуральную величину на сверкающем постаменте, и портрет, написанный масляными красками, высотою метра в два. Судя по всему, оба шедевра отлично передавали сходство.

Долгое молчание. Все, казалось, ждали, что скажут земляне. Так ждут оглашения приговора в суде. Но сейчас, в этой нелепо запутанной и грозной ситуации,

бремя вынесения собственного приговора было возложено на самих подсудимых. Те, кого здесь негласно судят, должны сами признать себя виновными или невиновными в неведомом преступлении, совершенном неведомо когда и как.

У всех троих не было никаких иллюзий: они знали, что наступил кризис. Чувствовали это интуитивно, читали по медным лицам окружающих. Бентон оставался серьезным. Рэндл ерзал, будто не мог решить, в какую сторону кинуться, когда придет время. Воинственный фаталист Гибберт стоял, широко расставив ноги, держа руки у пистолетов, и всем своим видом показывал, что просто так жизнь не отдаст.

— Итак, — внезапно посуровевшим голосом нарушил молчание Лиман, — что вы о нем думаете?

Никакого ответа. Земляне сбились в кучку, настороженные, готовые к худшему, и разглядывали портрет разведчика, умершего триста лет назад. Никто не произнёс ни слова.

Лиман нахмурился. Голос его прозвучал резко:

— Вы, надеюсь, не разучились говорить?

Он форсировал решение вопроса, торопил с окончательным ответом. Для вспыльчивого Гибберта этого было больше чем достаточно. Он выхватил из-за пояса пистолеты и заговорил — неистово, с обидой:

— Не знаю, что вы хотите услышать, да и нет мне до этого дела. Но вот что я скажу, нравится вам это или не нравится: Фрэйзер — никакой не бог. Всякому видно. Обыкновенный, простой косморазведчик эпохи первооткрывателей, а ближе человеку и не дано подойти к божескому званию.

Если он ожидал взрыва ярости, его постигло разочарование. Все ловили каждое слово, но никто не считал, что он богохульствует.

Напротив, два-три слушателя мирно закивали в знак одобрения.

— Космос порождает особые характеры, — вставил Бентон для ясности. — Это относится к землянам, марсианам и любым другим разумным существам, освоившим космос. При некотором навыке космонавтов можно распознать с первого взгляда. — Он облизнул

пересохшие губы и докончил: — Поэтому Фрэйзер, типичный космопроходец, нам представляется заурядным человеком. Не так уж много можно о нем сказать.

— Сегодня в космическом флоте таких, как он, дают десяток за пенни, — прибавил Гибберт. — И так всегда будет. Это всего лишь люди с неизлечимым зудом. Иной раз они вершат потрясающие дела, а иной раз нет. У всех у них храбрости хоть отбавляй, но не всем улыбается удача. Фрэйзеру просто неслыханно повезло. Он ведь мог разыскать полсотни бесплодных планет, а вот наткнулся на ту, где живут гуманоиды. Такие события делают историю.

Гибберт замолчал. Он открыто наслаждался своим триумфом. Приятно, если высказывание в сложных обстоятельствах, когда собственный язык может навлечь на тебя внезапную насильственную смерть, сходит с рук. Два слова. Два привычных, часто употребляемых слова, а он каким-то чудом избежал их, не зная, что это за слова.

— Больше вам нечего сказать? — спросил внимательно наблюдающий за ними Лиман.

Бентон мирно ответил:

— Да нет. Пожалуй, можно добавить, что нам было приятно увидеть изображения Фрэйзера. Жаль, что его нет в живых. Он бы обрадовался, что Земля наконец-то откликнулась на его зов.

На мрачном лице Лимана медленно проступила улыбка. Он подал туземцам какой-то неуловимый знак и задернул картину занавесями.

— Теперь, когда вы тут все осмотрели, Дорка проведет вас в городской центр. Высокопоставленные особы из нашего правительства горят желанием побеседовать с вами. Разрешите сказать, как я рад нашему знакомству. Надеюсь, в скором времени к нам пожалуют и другие ваши соотечественники...

— У нас есть еще одно дело, — поспешно прервал его Бентон. — Нам бы хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз.

Слегка удивленный Лиман указал на одну из дверей:

— Хорошо. Пройдите сюда, пожалуйста.

Бентон потянул Дорку за рукав.

— И ты тоже. Это и тебя касается.

В уединенной комнате Лиман усадил землян в кресла, сел сам.

— Итак, друзья мои, в чем дело?

— Среди новейшей аппаратуры на нашем звездолете, — возбужденно начал Бентон, — есть такой робот-хранитель: он читает мысли любых разумных существ, у которых процессы мышления подобны нашим. Возможно, пользоваться таким аппаратом неэтично, зато это необходимая и весьма действенная мера предосторожности. Предупрежден — значит, вооружен, понимаете? — Он лукаво улыбнулся. — Мы прочитали мысли Дорки.

— Что? — воскликнул Дорка, вскочив на ноги.

— Из них мы узнали, что нам грозит туманная, но несомненная опасность, — продолжал Бентон. — По ним выходило, что вы нам друзья, что вы хотите и надеетесь стать нашими друзьями... Но какие-то два слова откроют вам нашу враждебную сущность и покажут, что нас надо встретить как врагов. Если мы произнесем эти слова, нам конец! Теперь мы, конечно, знаем, что не произнесли этих слов, иначе мы бы сейчас не беседовали так мирно. Мы выдержали испытание. Но все равно, я хочу спросить. — Он подался вперед, проникновенно глядя на Лимана. — Какие это слова?

Задумчиво потирая подбородок, пичуть не огорченный услышанным, Лиман ответил:

— Совет Фрэйзера был основан на знании, которого у нас не было и не могло быть. Мы приняли этот совет, не задавая вопросов, не ведая, из чего исходил Фрэйзер и каков был ход его рассуждений, ибо мы сознавали, что он черпает из кладезя звездной мудрости, недоступной нашему разумению. Он просил, чтобы мы вам показали его храм, его вещи, его портрет. И если вы скажете два слова...

— Какие два слова? — настаивал Бентон.

Закрыв глаза, Лиман внятно и старательно произнес эти слова, будто совершил старинный обряд.

Бентон снова откинулся на спинку кресла. Он оше-

ломленно уставился на Рэндла и Гибберта, а те ответили таким же взглядом. Все трое были озадачены и разочарованы.

Наконец, Бентон спросил:

— Это на каком языке?

— На одном из языков Земли, — заверил его Лиман. — На родном языке Фрэйзера.

— А что это значит?

— Вот уж не знаю. — Лиман был озадачен не меньше землян. — Понятия не имею, что это значит. Фрэйзер никому не объяснил смысла, и никто не просил у него объяснений. Мы заучили эти слова и упражнялись в их произношении, ибо это были завещанные нам слова предостережения, вот и все.

— Ума не приложу, — сознался Бентон и почесал в затылке. — За всю свою многогрешную жизнь не слышал ничего похожего.

— Если это земные слова, они, наверное, слишком устарели, и сейчас их помнит, в лучшем случае, какой-нибудь заумный профессор, специалист по мертвым языкам, — предположил Рэндл. На мгновение он задумался, потом прибавил: — Я где-то слыхал, что во времена Фрэйзера о космосе говорили «вакуум», хотя там полно различных форм материи и он похож на что угодно, только не на вакуум.

— А может быть, это даже и не древний язык Земли, — вступил в дискуссию Гибберт. — Может быть, это слова старинного языка космонавтов или архаичной космолингвы...

— Повтори их, — попросил Бентон.

Лиман любезно повторил эти слова. Два простых слова — и никто их никогда не слыхал.

Бентон покачал головой.

— Триста лет — немыслимо долгий срок. Несомненно, во времена Фрэйзера эти слова были распространены. Но теперь они отмерли, похоронены, забыты — забыты так давно и так прочно, что я даже и гадать не берусь об их значении.

— Я тоже, — поддержал его Гибберт. — Хорошо, что никого из нас не переутомляли образованием. Страшно подумать: ведь астролетчик может безвре-

менно сойти в могилу только из-за того, что помнит три-четыре устаревших звука.

Бентон встал.

— Ладно, нечего думать о том, что навсегда исчезло. Пошли, сравним местных бюрократов с нашими. — Он посмотрел на Дорку.

— Ты готов вести нас в город?

После недолгого колебания Дорка смущенно спросил:

— А приспособление, читающее мысли, у вас с собой?

— Оно намертво закреплено в звездолете, — рассмеялся Бентон и ободряюще хлопнул Дорку по плечу. — Слишком громоздко, чтобы таскать за собой. Думай о чем угодно и веселись, потому что твои мысли останутся для нас тайной.

Выходя, трое землян бросили взгляд на занавеси, скрывающие портрет седого чернокожего человека, косморазведчика Сэмюэла Фрэйзера.

— Поганый ниггер! — повторил Бентон запретные слова. — Непонятно. Какая-то чепуха!

— Просто бессмысленный набор звуков, — согласился Гибберт.

— Набор звуков, — эхом откликнулся Рэндл. — Кстати, в старину это называли смешным словом. Я его вычитал в какой-то книге. Сейчас вспомню. — Задумался, проснял: — Есть! Это называлось «абракадабра».

УИЛЬЯМ МОРРИСОН

МЕШОК

Сначала они даже и не подозревали о существовании Мешка. Если они и заметили его, когда опустились на астероид, то, вероятно, подумали, что это просто скалистый выступ на голой кремнистой поверхности эллипсоидальной планетки, наибольший диаметр которой, по определению капитана Ганко, составлял около трех миль, а наименьший — около двух. Никому бы не пришло в голову, что скромный предмет, так неожиданно попавший в их руки, вскоре будет признан самой драгоценной находкой в солнечной системе.

Остановка была случайной. Правительственный патрульный корабль потерпел аварию и был вынужден искать места для ремонта, на который требовалось по крайней мере семьдесят часов. К счастью, они располагали запасом воздуха, и рециркуляционная система на корабле работала безукоризненно. Запасы пищи были ограничены, но это мало беспокоило экипаж, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней прожить на урезанном пайке. Гораздо хуже обстояло дело с водой: большая часть ее пропала из-за течи в цистернах. В течение последующих пятидесяти часов вода была главной темой их разговоров.

Наконец капитан Ганко сказал:

— Что там говорить, воды не хватит. И нигде поблизости нет ни одной станции снабжения. Остается только радировать и надеяться, что нам навстречу вышлют спасательный корабль с аварийным запасом.

Шлемофон его помощника отозвался уныло:

— Будет очень скверно, если мы не найдем друг друга в пространстве, капитан.

Капитан Ганко невесело рассмеялся.

— Конечно, скверно. Нам тогда представится слу-

чай выяснить, долго ли мы сможем выдержать без воды.

Некоторое время все молчали. Затем второй помощник сказал:

— Возможно, вода есть где-нибудь здесь, на астероиде, сэр.

— Здесь? Да как она может удержаться здесь при силе тяжести, которой едва хватает, чтобы не улетели скалы? И где она, черт подери?

— Отвечаю на первый вопрос, — отозвался мягкий жидкий голос, казалось, проникавший сквозь ткань скафандров откуда-то сзади. — Она может сохраниться в кристаллическом состоянии. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на глубине шести футов, и добыть ее нетрудно.

При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Капитан Ганко нахмурился, глаза его угрожающе сузились.

— Полагаю, среди нас нет неумных шутников, — кротко проговорил он.

— Нет, — ответил голос.

— Кто это говорит?

— Я, Изрл.

Тут один из членов экипажа заметил какое-то движение на поверхности огромной скалы. Когда голос смолк, движение прекратилось, но люди уже не спускали глаз с этого места. Так они узнали об Изрле, или Мешке Мудрости, как его чаще называли.

Если бы экипаж не состоял на государственной службе и если бы корабль не принадлежал правительству, капитан Ганко мог бы объявить Мешок своей собственностью или собственностью своих хозяев и вышел бы в отставку сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Мешок перешел в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и Джейк Зиблинг имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон были отклонены, и Стражем Мешка назначили его. Зиблинг был коротеньким, плотным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью

к самокритике. Он выполнил несколько трудных заданий и позволил другим людям присвоить лавры своих успехов. Должность Стража была не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На сей раз они игнорировали официальные чины и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого полностью полагались. И это была величайшая дань из когда-либо приносившихся на алтарь честности и способностей.

Мешок, как выяснил Зиблинг, наблюдая его ежедневно, редко изменял форму, в которой люди увидели его впервые — твердый сероватый ком, напоминающий мешок с картошкой. Таким он оставался всегда, и, пока ему не задавали вопросов, в нем не было заметно никаких признаков жизни. Питался он редко: по его словам — раз в тысячелетие, если оставался в покое, и раз в неделю — в периоды напряженной деятельности. Он ел и двигался, вытягивая ложноножку, после чего ложноножка убиралась обратно, и Мешок вновь становился мешком с картошкой.

Вскоре оказалось, что имя «Мешок» было удачным и с другой точки зрения. Ибо Мешок был набит сведениями и — еще больше — мудростью. Вначале многие сомневались в этом: кое-кто так и не уверовал до самого конца, точно так же, как некоторые люди уже через столетия после Колумба продолжали считать, что Земля плоская. Но у тех, кто видел и слышал Мешок, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны полагать, будто Мешок знает все. Это, конечно, было не так.

Официально функция Мешка, узаконенная Сенатской комиссией по Межпланетным сообщениям, состояла в том, что он отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно капитаном Ганко. Позже вопросы задавались намеренно, но цели их были сами по себе беспорядочны и случайны, и кое-кому из политиков удалось основательно обогатиться, прежде чем правительство положило конец утечке информации и упорядочило процесс задавания вопросов и получения ответов.

Время бесед с Мешком распределили на месяцы

вперед и распродали неслыханно дешево, если принять во внимание прибыльность дел, ради которых эти беседы велись — всего по сто тысяч за минуту. Именно эта торговля временем привела к первой крупной склоке в правительстве.

Внезапно Мешок оказался не в состоянии ответить на вопрос, который для мозга его мощности должен был бы казаться весьма простым, и это вызвало второй взрыв такой силы, что его можно было бы назвать кризисом. Сто двадцать вопрошающих, каждый из которых уже уплатил свои сто тысяч, подняли вой, слышный на всех планетах. Началось официальное расследование, на котором Зиблинга подвергли допросу и которое обнажило перед публикой все склоки и противоречия внутри правительства.

Зиблинг оставил Мешок на попечение своего помощника, и теперь на заседании Сенатской комиссии он неловко поеживался перед наведенными на него кинокамерами. Допрос вел сенатор Хорриган — грубый, напыщенный, крикливый политикан.

— Вашей обязанностью является поддержание Мешка в состоянии, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли, мистер Зиблинг? — осведомился сенатор Хорриган.

— Да, сэр.

— Тогда почему Мешок оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему клиентами? Эти джентльмены честно заплатили свои деньги — по сто тысяч каждый. Насколько я понимаю, пришлось возместить им эту сумму. Это означает, что правительство потеряло... э, одну минуту... сто двадцать на сто тысяч... Сто двадцать миллионов! — раскатисто провозгласил он.

— Двенадцать миллионов, сенатор, — торопливо прошептал секретарь. Поправка принята не была, и число сто двадцать миллионов в должное время украсило газетные заголовки.

Зиблинг сказал:

— Как мы установили, сенатор, Мешок оказался неспособным отвечать на вопросы потому, что он не

машина, а живое существо. Он выдохся. Ведь ему задавали вопросы двадцать четыре часа в сутки.

— Кто дал разрешение на такой идиотский порядок?! — загремел сенатор Хорриган.

— Вы сами, сенатор, — быстро сказал Зиблинг. — Порядок был установлен законом, внесенным вами и одобренным вашим комитетом.

Поскольку сенатор Хорриган не имел ни малейшего представления об этом законе, хотя и подписался под ним, его нельзя было, конечно, считать ответственным за те или иные положения указанного документа. Но в глазах общественного мнения такая ситуация подрывала его реноме. С этого момента он стал заклятым врагом Зиблинга.

— Следовательно, Мешок не отвечал на вопросы в течение целых двух часов?

— Да, сэр. Он возобновил ответы только после отдыха.

— И отвечал уже без каких-либо затруднений?

— Нет, сэр. Его ответы замедлились. Последующие клиенты жаловались, что у них мошеннически вымогают деньги. Но, поскольку ответы все же давались, мы не считались с этими жалобами, и финансовое управление отказало клиентам в возмещении убытков.

— Считаете ли вы, что обман клиентов, уплативших за свое время, честное дело?

— Это меня не касается, сенатор, — ответил Зиблинг, справившийся к этому моменту со своими нервами. — Я просто слежу за выполнением законов. Вопрос о честности я предоставляю разрешать вам. Полагаю, что в этом отношении вы безукоризненны.

Присутствующие рассмеялись, а сенатор Хорриган вспыхнул. Он был непопулярен настолько, насколько может быть непопулярен политик, пока он еще остается политиком. Его не любили даже члены его партии, и среди смеявшихся были некоторые из его лучших политических друзей. Он решил изменить ход допроса.

— Правда ли, мистер Зиблинг, что вы часто не допускали клиентов, предъявлявших вам расписки в уплате необходимой суммы?

— Это так, сэр. Но...

— Вы признаете это?

— Дело здесь вовсе не в том, признаю я это или нет, сенатор. Я только хочу сказать...

— Не важно, что вы хотите сказать. Важно то, что вы уже сказали. Вы обманывали людей, уплативших деньги!

— Это неправда, сэр. Им давалось время позже. Причиной моего отказа дать им разрешение на немедленную консультацию с Мешком было то, что это время уже заранее было зарезервировано Управлением вооруженных сил. У них ведутся важные исследования и возникли кое-какие вопросы. Вы же знаете, что относительно порядка очередности в этом случае мнения разделились. Поэтому, когда возникает вопрос о том, кому идти первым, частному клиенту или представителю правительства, я никогда не беру ответственности на себя. Я всегда консультируюсь с правительственным советником.

— Таким образом, вы отказываетесь выносить собственное решение?

— Моя обязанность, сенатор, состоит в том, чтобы следить за самочувствием Мешка. Я не касаюсь политических вопросов. За три дня до того, как я покинул астероид, у нас было немного свободного времени — один из клиентов, уже уплативший деньги, задержался из-за аварии, — и тогда я задал Мешку вопрос...

— И вы, конечно, использовали это время в своих собственных интересах?

— Нет, сэр. Я спросил Мешок о наиболее эффектном режиме его работы. Из осторожности — я знал, что моему слову могут и не поверить, — я произвел звукозапись. Если желаете, сенатор, я могу продемонстрировать здесь эту звукозапись.

Сенатор Хорриган хрюкнул и махнул рукой.

— Продолжайте.

— Мешок ответил, что ему требуется два часа полного отдыха из каждых двадцати плюс добавочный час на то, что он называет развлечением. Под этим он подразумевает беседу с кем-нибудь, кто будет задавать, как он выражается, разумные вопросы и не станет торопить с ответами.

— И вы предлагаете, чтобы правительство тратило три часа из каждых двадцати — сто восемьдесят миллионов наличными?!

— Восемнадцать миллионов, — прошептал секретарь.

— Это время тратится не зря. Если Мешок переутомится, он преждевременно погибнет.

— Это вы так полагаете?

— Нет, сэр, это сказал Мешок.

Тут сенатор Хорриган пустился в разговоры о необходимости разоблачения преступных планов, и Зиблинга освободили от дальнейшего допроса. Были вызваны другие свидетели, но в конце концов Сенатская комиссия так и не смогла прийти к сколько-нибудь определенному решению, и было внесено предложение привлечь к расследованию сам Мешок.

Поскольку, однако, Мешок не мог явиться в Сенат, Сенату пришлось явиться к Мешку. Комитет семи не мог скрыть некоторого беспокойства, когда корабль затормозил и протянул причальные крючья к поверхности астероида. Каждому из членов Комитета уже приходилось путешествовать в пространстве, но раньше пунктами назначения были цивилизованные центры, и сенаторам, по-видимому, не улыбалась перспектива высадки на этой лишенной воздуха и света скалистой глыбе.

Представители телевизионных компаний были тут как тут. Они высадились и установили свои аппараты еще до того, как сенаторы сделали первые робкие шаги из безопасных кабин корабля.

Зиблинг отметил с усмешкой, что в этой несколько пугающей обстановке, вдали от родины, сенаторы были гораздо менее самоуверенны. Ему предстояло играть роль доброжелательного экскурсовода, и он с удовольствием принялся за это дело.

— Видите ли, джентльмены, — сказал он почтительно, — по совету Мешка было решено обезопасить его от возможной угрозы со стороны метеоритов. Именно метеоры уничтожили целиком эту странную расу, и только по счастливой случайности последний ее представитель избег этой участи. Поэтому мы построи-

ли непробиваемый купол-укрытие, и теперь Мешок живет под его защитой. Клиенты консультируются с ним, используя телевизионную и телефонную связь, что почти так же удобно, как и личная беседа.

Сенатор Хорриган поспешил вцепиться в самый существенный пункт этого сообщения.

— Вы имеете в виду, что Мешок находится в безопасности, а мы подставлены под удары метеоритов?

— Разумеется, сенатор. Мешок — единственный в своем роде. Людей, даже сенаторов, много. Их всегда можно заменить путем выборов.

Сенатор позеленел от страха.

— Я думаю, это оскорбление — считать, что правительство не заботится о безопасности и здоровье своих служащих.

— Я тоже так думаю. Я живу здесь круглый год.— И Зиблинг добавил мягко: — Не желаете ли вы, джентльмены, взглянуть на Мешок?

Джентльмены уставились на телевизионный экран и увидели Мешок, который покоился на своем сиденье, похожий на дерюжный мешок с картофелем, сунутый на трон и забытый там. Он выглядел до такой степени неживым, что всем казалось странным, почему он остается в вертикальном положении и не валится набок. Тем не менее некоторое время сенаторы не могли сдержать чувства благоговейного ужаса, охватившего их. Даже сенатор Хорриган молчал.

Впрочем, это скоро прошло, и он заявил:

— Сэр, мы официальная следственная комиссия межпланетного Сената, и мы прибыли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

Мешок не обнаружил никаких признаков желания ответить, и сенатор Хорриган, откашлявшись, продолжал:

— Правда ли, сэр, что вы требуете два часа полного отдыха из каждых двадцати часов и один час на развлечения, или — я, пожалуй, выражусь более точно — на успокоение?

— Это правда.

Хорриган ждал продолжения, но Мешок не в при-

мер сенаторам не стал вдаваться в подробности. Один из членов Комитета спросил:

— Где же вы найдете индивидуума, способного вести разумную беседу со столь мудрым существом, как вы?

— Здесь, — ответил Мешок.

— Необходимо задавать конкретные вопросы, сенатор, — заметил Зиблинг. — Мешок обычно не говорит о том, о чем его не спрашивают специально.

Сенатор Хорриган поспешно сказал:

— Я полагаю, сэр, что когда вы говорите о подыскании интеллекта, достойного беседы с вами, вы имеете в виду одного из членов нашего Комитета, и я уверен, что из всех моих коллег нет ни одного, кто бы не был годен для этой цели. Но все мы не можем растрачивать наше время, необходимое для выполнения множества других обязанностей, и я хотел бы спросить вас, сэр, кто из нас, по вашему мнению, в особенности располагает мудростью, требуемой для этой огромной задачи?

— Никто, — сказал Мешок.

Сенатор Хорриган был смущен. Другой сенатор покраснел и спросил:

— Тогда кто же?

— Зиблинг.

Хорриган забыл о своем благоговении перед Мешком и вскричал:

— Это подстроено заранее!

Второй сенатор осведомился:

— А почему здесь нет других клиентов? Разве время Мешка не продано далеко вперед?

Зиблинг кивнул.

— Мне приказали аннулировать все ранее заказанные консультации, сэр.

— Какой болван это приказал?

— Сенатор Хорриган, сэр.

На том расследование, собственно, и закончилось. Прежде чем комиссия повернулась к выходу, сенатор Хорриган успел задать Мешку отчаянный вопрос:

— Сэр, буду ли я переизбран?

Крики возмущения, вырвавшиеся у его коллег,

заглушили ответ Мешка, и только вопрос был услышан отчетливо и разнесен радиостанциями по межпланетному пространству.

Эффект этого происшествия был таков, что сам по себе явился ответом на вопрос сенатора Хорригана. Он не был переизбран. Но еще перед выборами он успел проголосовать против назначения Зиблинга на пост собеседника Мешка. Зиблинг все-таки был назначен четырьмя голосами против трех, и решение комиссии утвердил Сенат. А сенатор Хорриган исчез на время как из жизни Мешка, так и из жизни Зиблинга.

* * *

Зиблинг ожидал своего первого часового интервью с Мешком не без некоторого трепета. До сих пор его обязанности были ограничены несложными задачами, установленными в инструкции: присмотр за противометеоритным куполом-укрытием, обеспечение необходимых запасов пищи, а также забота о воинском подразделении и гвардейцах межпланетного флота. Ибо к тому времени огромная ценность Мешка уже была признана во всей солнечной системе, и каждому было ясно, что тысячи преступников попытаются выкрасть это беззащитное сокровище.

А теперь, думал Зиблинг, я должен буду разговаривать с ним. Он боялся потерять то доброе мнение, которое Мешок почему-то составил о нем. Он находился в положении, до странности напоминающем положение молоденькой девицы, которой хотелось бы больше всего болтать о нарядах и мальчиках с кем-нибудь, кто находится на ее уровне, и которая вынуждена вести блестящую и глубокомысленную беседу с человеком втрое старше ее.

Но при виде Мешка его благоговейный страх до некоторой степени испарился. Было бы абсурдом утверждать, что его успокоили манеры этого странного существа. Оно было лишено каких-либо манер, и даже когда часть его приходила в движение — обычно во время разговора, — это движение казалось совершенно

безличным. И тем не менее что-то в Мешке смягчило страхи Зиблинга.

Некоторое время он стоял перед Мешком молча. Потом, к его изумлению, Мешок заговорил — впервые заговорил сам, не ожидая вопроса.

— Вы не разочаруете меня,— сказал он,— я ничего не жду.

Зиблинг улыбнулся. Мешок никогда еще не говорил так. Впервые он показался Зиблингу не столько механическим мозгом, сколько живым существом. Зиблинг спросил:

— Кто-нибудь спрашивал раньше о вас самих?

— Один человек. Это было еще до того, как мое время распределили по минутам. И даже этот человек прекратил свои расспросы, когда сообразил, что ему лучше попросить совета, как стать богатым. Он почти не обратил внимания на мой ответ.

— Сколько вам лет?

— Четыреста тысяч. Я могу указать свой возраст с точностью до долей секунды, но полагаю, что точные цифры интересуют вас меньше, чем моих обычных собеседников.

Мешок по-своему не лишен чувства юмора, подумал Зиблинг и спросил:

— И сколько лет вы провели в одиночестве?

— Более десяти тысяч лет.

— Однажды вы сказали кому-то, что ваши товарищи были убиты метеорами. Вы не могли оградить себя от этой опасности?

Мешок проговорил медленно, почти устало:

— Это случилось уже после того, как мы потеряли интерес к жизни. Первый из нас умер триста тысяч лет назад.

— И с тех пор вы жили без желания жить?

— У меня нет и желания умереть. Жизнь стала привычкой.

— Почему вы потеряли интерес к жизни?

— Потому что мы потеряли будущее. Мы просчитались.

— Вы способны делать ошибки?

— Мы не утратили эту способность. Мы просчита-

лись, и хотя те из нас, кто жил тогда, избежали гибели, нашему следующему поколению не повезло. После этого нам стало не для чего жить.

Зиблинг кивнул. Эту потерю интереса к жизни человек способен понять. Он спросил:

— Разве вы с вашими знаниями не могли устранить последствий своего просчета?

Мешок ответил:

— Чем больше вещей становятся для вас возможными, тем отчетливее вы осознаете, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. Мы не всесильны. Иногда кто-нибудь из особо глупых клиентов задает мне вопросы, на которые я не могу ответить, а потом сердится, потому что чувствует, что заплатил деньги напрасно. Другие просят меня предсказать будущее. Я могу предсказать только то, что могу рассчитать, но способность моя к расчетам тоже ограничена, и хотя мои возможности по сравнению с вашими огромны, они не позволяют предусмотреть всего.

— Как это случилось, что вы знаете так много? Знание рождается в вас?

— Рождается только возможность познания. Чтобы знать, мы должны учиться. Это мое несчастье, что я так мало забыл.

— Какие способности вашего организма или какие органы мышления позволяют вам так много знать?

Мешок заговорил, но слова его были непонятны Зиблингу, и тот признался в этом.

— Я мог бы сказать вам сразу, что вы не поймете, — промолвил Мешок, — но хотел, чтобы вы осознали это сами. Чтобы разъяснить все это, мне пришлось бы продиктовать вам с десяток томов, и тома эти вряд ли были бы поняты даже вашими специалистами по биологии, физике и тем наукам, которые вы еще только начинаете изучать.

Зиблинг не отвечал, и Мешок проговорил словно в раздумье:

— Ваша раса все еще не разумна. Уже много месяцев я в ваших руках, но ни один из вас еще не задавал мне важных вопросов. Те, кто желает разбогатеть, расспрашивают о минералах и о концессиях на участ-

ки, спрашивают, какой из их планов сколотить состояние будет наилучшим. Некоторые врачи спрашивали меня, как лечить смертельно больных богатых пациентов. Ваши ученые просят меня разрешить проблемы, на которые они без моей помощи затратили бы годы. А когда задают вопросы ваши правители, они оказываются самыми глупыми из всех, ибо хотят знать только одно: как удержаться у власти. Никто не спрашивает того, что надо.

— О судьбе человечества?

— Это предсказание отдаленного будущего. Это вне моих возможностей.

— Что же мы д о л ж н ы спрашивать?

— Вот вопрос, которого я ожидал. Вам трудно понять его важность, потому что каждый из вас занят только самим собой.

Мешок замолк, затем пробормотал:

— Я болтаю непозволительный вздор, когда разговариваю с этими тупицами. Но даже вздор может считаться информацией. Другие не понимают, что в больших делах прямота опасна. Они задают мне вопросы, требующие специальных ответов, а им следовало бы спросить о чем-нибудь общем.

— Вы не ответили мне.

— Это часть ответа — сказать, что вопрос важен. Ваши правители видят во мне ценную собственность. Им следовало бы спросить, так ли велика моя ценность, как это кажется. Им следовало бы спросить, что приносят мои ответы — пользу или вред.

— А что они приносят?

— Вред, огромный вред.

Зиблинг был поражен. Он сказал:

— Но если ваши ответы правдивы...

— Процесс достижения истины так же драгоценен, как и сама истина. Я лишил вас этого. Я даю вашим ученым истину, но не всю, ибо они не знают, как достигнуть ее без моей помощи. Было бы лучше, если б они познавали ее ценой многих ошибок.

— Я не согласен с вами.

— Ученый спрашивает меня, что происходит в живой клетке, и я говорю ему. Но если бы он исследовал

клетку самостоятельно — пусть ценою затраты многих лет, он пришел бы к финишу не только с этим знанием, но и множеством других, со знанием вещей, о которых он сейчас даже не подозревает, а они тесно связаны с его наукой. Он получил бы много новых методов исследования.

— Но ведь в некоторых случаях знание полезно само по себе. Например, я слышал, что уже используется предложенный вами дешевый процесс производства урана на Марсе. Что в этом вредного?

— А вам известно, сколько имеется необходимого сырья? Ваши ученые не продумали этого вопроса, они растранжирят все сырье и слишком поздно поймут, что они наделали. У вас ведь уже было так на Земле. Вы узнали, каким образом можно дешево перерабатывать воду; вы тратили воду безрассудно, и вскоре вам перестало ее хватать.

— Что плохого в том, чтобы спасти жизнь умирающего пациента, как это делали некоторые врачи?

— Первый вопрос, который следовало бы задать, это — стоит ли спасать жизнь такого пациента.

— Но именно этого доктор не должен спрашивать. Он должен стараться спасти всех умирающих. Совершенно так же, как вы никогда не спрашиваете, в добро или зло обратят люди ваши знания. Вы просто отвечаете на их вопросы.

— Я отвечаю только потому, что мне все равно, меня не интересует, как они используют то, что я скажу. Разве докторам тоже все равно?

Зиблинг сказал:

— Подразумевается, что вы отвечаете на вопросы, а не задаете их. Кстати, почему вы вообще отвечаете?

— Некоторые представители человечества любят хвастаться, другие — делать так называемое добро, третьи — добывать деньги. То небольшое удовольствие, какое я могу еще получать от жизни, состоит в том, чтобы давать информацию.

— А вы не могли бы находить удовольствие во лжи?

— Я так же не способен лгать, как ваши птицы не способны покинуть Землю на собственных крыльях.

— Еще один вопрос. Почему вы потребовали, чтобы во время отдыха разговаривал с вами именно я? У нас есть блестящие ученые, великие люди всех сортов, из которых вы могли бы выбирать.

— Меня не интересуют великие представители вашей расы. Я избрал вас, потому что вы честны.

— Спасибо, но на Земле много других честных людей. И на Марсе и на других планетах. Почему я, а не они?

Мешок, казалось, колебался:

— Это доставило мне маленькое удовольствие. Возможно, потому, что я знал: мой выбор будет неприятен тем... семерым...

Зиблинг улыбнулся.

— Вы не так уж равнодушны, как вам кажется. Полагаю, очень трудно быть равнодушным к сенатору Хорригану.

Это был только первый из многих разговоров с Мешком. Сначала Зиблинга весьма обеспокоило предупреждение Мешка относительно опасности, грозящей человечеству, если его (Мешка) советами будут и впредь столь безрассудно пользоваться. Но было бы нелепостью стараться убедить правительственные органы, что Мешок, приносящий ежедневно многие миллионы, является бедствием, а не благословлением человеческого рода, и Зиблинг даже не пытался этого сделать. Через некоторое время он постарался загнать все эти неприятные мысли как можно глубже.

Поскольку разговоры велись через каждые двадцать часов, Зиблингу пришлось реорганизовать свое расписание, что было не так уж просто для человека, привыкшего к суткам межпланетным, тридцатичасовым. Но он чувствовал себя с лихвой вознагражденным за это беспокойство регулярными беседами с Мешком. Он узнал множество нового о планетах, солнечной системе, галактиках, но все эти сведения получал случайно, не задавая специальных вопросов. Поскольку его познания в астрономии ограничивались школьным курсом, ему никогда и в голову не приходило, что существует целый ряд вопросов, которые следовало бы

задать — главным образом относительно других галактик.

Впрочем, вероятно, ничего бы не изменилось, если бы он и задал эти вопросы, ибо некоторые ответы понять было слишком трудно. Он потратил три беседы подряд, стараясь уяснить, каким образом Мешок смог без всякого предварительного контакта с людьми понять земной язык капитана Ганко в тот исторический час, когда этот сверхразум впервые открыл себя людям, и как он смог ответить словами, практически лишенными всякого акцента. Но даже после трех бесед у Зиблинга осталось лишь весьма смутное представление о том, как это делалось.

Это не было телепатией, как он думал вначале. Это был чрезвычайно запутанный аналитический процесс, учитывающий не только слова, которые произносились, но и природу межпланетного корабля, скафандров, которые носили люди, манеру их разговора и множество других факторов, характеризующих как психологию говорящего, так и его язык. Это было похоже на рассуждения математика, старающегося объяснить человеку, не знающему даже арифметики, как он определяет уравнение сложной кривой по ее короткой дуге. Только Мешок не в пример математику мог проделать все это в собственной, так сказать, голове без помощи бумаги и карандаша.

Через год Зиблинг уже затруднился бы сказать, что более занимало его: эти часовые беседы с Мешком или хитроумно-дурацкие требования некоторых мужчин и женщин, заплативших свои сотни тысяч за драгоценные шестьдесят секунд. Кроме сравнительно простых вопросов, задаваемых учеными и искателями счастья, желавшими знать, где можно найти драгоценные металлы, попадались и сложные проблемы, занимавшие по нескольку минут.

Например, одна женщина спросила, где найти ее пропавшего сына. Без необходимых данных, с которых можно было бы начать, даже Мешок не мог сказать ей ничего определенного. Она улетела обратно и вернулась через месяц с огромным количеством информации, тщательно подобранной в порядке уменьшения

важности сведений. Мешку потребовалось меньше трех минут, чтобы ответить, что сын ее, по-видимому, жив и находится в малоисследованной области Ганимеда.

Все беседы с Мешком, в том числе и беседы Зиблинга, записывались на пленку, а записи хранились в центральном архиве на Земле. Многие из записей Зиблинг не понимал — некоторые потому, что они были сугубо техническими, другие — потому что они были на незнакомом ему языке. Мешок, конечно, немедленно выучивал все языки при помощи процесса, суть которого он так и не смог объяснить Зиблингу, а в центральном архиве технические эксперты и эксперты-лингвисты тщательно изучали каждую фразу каждого вопроса и ответа, чтобы, во-первых, убедиться, что клиент не являлся преступником, и, во-вторых, чтобы иметь данные для сбора подоходного налога, когда клиент с помощью Мешка добудет состояние.

К концу года Зиблинг убедился в правильности предсказаний Мешка относительно бедствий, грозящих человечеству. Впервые за столетие число ученых-исследователей не увеличилось, а уменьшилось. Знания Мешка сделали целый ряд исследований ненужными и уничтожили закономерную последовательность открытий. Мешок прокомментировал этот факт Зиблингу.

Зиблинг кивнул:

— Я вижу. Человечество теряет независимость.

— Да, и я из верного его раба превращаюсь в его же хозяина. А я ведь хочу быть хозяином не больше, чем рабом.

— Вы можете уйти, как только захотите.

Человек в ответ на это вздохнул бы — Мешок сказал просто:

—У меня нет силы чего-либо желать. К счастью, эта проблема скоро будет решена без меня.

— Вы имеете в виду политические склоки?

Ценность Мешка невероятно увеличилась, и одновременно с этим усилилась жестокая борьба за право пользоваться его услугами. Финансовая политика приобретала странное направление. Президенты, владель-

цы и директора стали почти марионетками, ибо все главные вопросы политики теперь решались не на основе изучения фактов, а путем обращения к Мешку. Мешок зачастую давал советы ожесточенным противникам, и это походило на игру в космические шахматы, где гигантские корпорации и правительственные агентства были пешками, а Мешок — игроком, делающим попеременно ходы то за одну, то за другую сторону. Назревали кризисы — и экономические и политические.

Мешок сказал:

— Я имею в виду и политические склоки и многое другое. Борьба за мои услуги стала слишком жестокой. Она может иметь только один конец.

— Вы имеете в виду, что будет сделана попытка вас украсть?

— Да.

— Вряд ли это возможно. Ваша охрана все время усиливается.

— Вы недооцениваете силу жадности.

Он был прав — Зиблингу пришлось убедиться в этом довольно скоро.

В конце четырнадцатого месяца его службы, спустя полгода после провала Хорригана на перевыборах, появился клиент, заговоривший с Мешком на марсианском диалекте Прдл — экзотическом языке, известном весьма немногим. Он обратил на себя внимание Зиблинга еще и потому, что заранее уплатил миллион за беспрецедентную привилегию говорить с Мешком десять минут подряд. Разговор был записан, но, естественно, остался непонятным ни Зиблингу, ни кому-либо другому из служащих станции. Замечательно было еще и то, что незнакомец покинул астероид через семь минут, так и не использовав оставшиеся три минуты, которых было бы достаточно для получения сведений, как сколотить несколько небольших состояний. Эти три минуты не могли быть использованы другими частными клиентами. Но никому бы и в голову не пришло запретить использовать их правительственному служащему, и Зиблинг сейчас же заговорил с Мешком:

— Что спрашивал этот человек?

— Совета, как украсть меня.

Зиблинг был ошарашен.

— Что?

Мешок всегда воспринимал такие восклицания, выражающие изумление, буквально.

— Совета, как украсть меня, — повторил он.

— Тогда... позвольте... он отбыл тремя минутами раньше. Это должно означать, что он торопится начать. Он хочет начать проводить свой план немедленно!

— Он уже проводит его, — ответил Мешок. — Организация преступников отлично, если не досконально, осведомлена о диснозиции войск охраны. Вероятно, кто-то в правительстве оказался предателем. Меня спросили, какой из нескольких планов наилучший, и предложили рассмотреть их с точки зрения слабых мест. Так я и сделал.

— Хорошо, но как мы можем воспрепятствовать выполнению этого замысла?

— Воспрепятствовать ему нельзя.

— Не понимаю почему. Пусть мы не можем помешать им высадиться, но мы можем помешать им удрать отсюда с вами.

— Есть только один путь. Вы должны уничтожить меня.

— Я не могу сделать этого! У меня нет на это права, а если бы и было — я все равно не смог бы!

— Моя гибель была бы благословением для человечества.

— И все же я не могу, — горестно проговорил Зиблинг.

— Тогда — если это исключается — выхода нет. Они попросили меня проанализировать возможные шаги, которые будут предприняты для преследования, но они не спросили совета, как бежать, ибо это было бы тратой времени. Они успеют спросить, когда я буду у них в руках.

— Значит, — с трудом сказал Зиблинг, — я ничего не могу сделать, чтобы спасти вас. Как мне спасти своих людей?

— Вы можете спасти и их и себя, погрузившись в аварийный корабль и вылетев к Солнцу. Тогда вы

избежите контакта с преступниками. Но меня с собой не берите, иначе за вами будет погоня.

Крики охраны привлекли внимание Зиблинга.

— Радио сообщает о нападении бандитов, мистер Зиблинг! Сигнализация тревоги не действует!

— Да, я знаю. Готовьте корабль, — Зиблинг снова повернулся к Мешку. — Мы можем бежать, но они захватят вас. И с вашей помощью будут управлять всей системой.

— Не в этом дело, — сказал Мешок.

— Они захватят вас. Можно сделать еще что-нибудь?

— Уничтожьте меня.

— Не могу, — сказал Зиблинг, чуть не плача.

К нему нетерпеливо подбежали его люди, и он понял, что времени больше не осталось. Он пробормотал простую и глупую фразу: «До свидания!», словно Мешок был человеком и мог переживать, как человек, и бросился к кораблю.

Они стартовали вовремя. Полдюжины кораблей неслись к астероиду с нескольких сторон, и корабль Зиблинга успел проскочить как раз за секунду до того, как они оцепили астероид, на котором находился Мешок.

Зиблинг понял, что он и его люди спасены. Дело переходило отныне в руки командования Вооруженными силами, но Зиблинг представил себе, как они выступят против совершенного мозга Мешка, и сердце его сжалось. Но затем произошло нечто совершенно неожиданное. Впервые Зиблинг полностью уразумел, что хотя Мешок и позволил использовать себя, как простую машину, как раба, отвечающего на вопросы, однако это случилось вовсе не потому, что его возможности были ограничены лишь способностью анализировать. Экран телевизора вдруг осветился.

Связист подбежал к Зиблингу.

— Что-то случилось, мистер Зиблинг, — сказал он, — ведь телевизор не включен!

Телевизор не был включен. И тем не менее они увидели камеру, в которой Мешок провел четырнадцать месяцев — краткое мгновение своей жизни.

В камеру вошли двое — незнакомец, говоривший на Прдл, и сенатор Хорриган.

К изумлению обоих, первым заговорил Мешок. Он сказал:

— «До свидания» — не вопрос и не ответ. Это сообщение не содержит почти никаких сведений.

Хорриган явно благоговел перед Мешком, но был не из тех, кто отступает перед непонятным. Он почтительно произнес:

— Нет, сэр. Разумеется, не содержит. Это просто выражение...

Незнакомец прервал его на превосходном английском языке:

— Заткнитесь, вы, болтун! Нечего терять время. Надо взять его и бежать. Мы поговорим с ним там.

Зиблинг успел обрушить не одно проклятие на голову Хорригана и пожалеть людей, которых бывший сенатор предал за то, что они не переизбрали его, когда на экране снова возникло изображение. Это была комната внутри пиратского корабля, покидающего астероид. Его никто не преследовал. По-видимому, планы похитителей плюс информация Мешка составили действенную комбинацию.

Сначала единственными людьми возле Мешка были Хорриган и незнакомец, говорящий на Прдл, но это продолжалось недолго. В помещение ввалилось еще человек десять. Лица их казались угрюмыми и выражали недоверие. Один из них объявил:

— Не смейте разговаривать с Мешком, пока мы все не соберемся около него. Мы все имеем на него право.

— Не нервничайте, Меррилл. Не думаете ли вы, что я собираюсь надуть вас?

— Да, я так думаю, — ответил Меррилл. — Что вы скажете, Мешок? Есть у меня основания не доверять ему?

Мешок ответил коротко:

— Да.

Незнакомец, говорящий на Прдл, побледнел. Меррилл холодно рассмеялся.

— Будьте осторожны, когда задаете вопросы возле этой штуки.

Хорриган прокашлялся.

— У меня нет намерения, как вы говорите, надувать кого бы то ни было. Не такой я человек. Поэтому я буду говорить с ним, — он повернулся к Мешку. — Сэр, грозит ли нам опасность?

— Да.

— С какой стороны?

— Ни с какой. Изнутри корабля.

— Опасность немедленная?

— Да.

Тут выяснилось, что Меррилл обладает самой быстрой реакцией: именно он первый начал действовать в соответствии с намеками, содержавшимися в ответе. Он застрелил человека, говорившего на Прдл, прежде чем тот успел схватиться за оружие, а когда Хорриган бросился в ужасе к дверям, хладнокровно уложил и его.

— Вот так, — сказал он. — Есть ли еще опасность внутри корабля?

— Есть.

— Кто? — зловеще спросил Меррилл.

— Опасность не исчезнет до тех пор, пока я буду с вами и на корабле останется больше одного человека. Я слишком большое сокровище для таких, как вы.

Зиблинг и его экипаж как завороженные глядели на экран, ожидая, что бойня начнется снова. Но Меррилл овладел собой.

Он сказал:

— Погодите, ребята. Я признаю, что мы — каждый из нас — хотели бы иметь эту штуку только для себя. Но это неосуществимо. Мы все вместе в этом деле, и будь я проклят, если очень скоро нам не придется отбиваться от военных кораблей. Эй, Прадер! Почему ты здесь, а не у перископов?!

— Я слушаю, — сказал Прадер. — Если кто-нибудь вздумает разговаривать с этой штукой, то я хочу быть здесь и слышать ответы. А если есть еще новые способы ударить из-за угла, то я хочу узнать и про них.

Меррилл выругался. В тот же момент корабль качнуло, и он заорал:

— Мы сошли с курса! По местам, идиоты! Живее!

Все кинулись вон, но Зиблинг заметил, что Меррилл был не настолько озабочен общей опасностью, чтобы не выстрелить Прадеру в спину, прежде чем несчастный успел выскочить.

— Теперь им конец, — сказал Зиблинг. — Они перебьют друг друга, а оставшиеся двое или трое погибнут потому, что их будет слишком мало, чтобы управлять таким кораблем. Должно быть, Мешок предвидел и это. Странно только, почему он не предупредил меня.

Мешок заговорил, хотя в помещении никого не было.

— Меня никто не спрашивал, — сказал он.

Зиблинг взволнованно закричал:

— Вы слышите меня! Но что будет с вами?! Вы тоже погибнете?

— Нет еще. Мне захотелось пожить дольше, — он помолчал и затем чуть тише добавил: — Я не люблю выражений, не содержащих сведений, но я должен сказать. Прощайте.

Послышались крики, стрельба. Затем экран внезапно потускнел и погас.

Мешок, существо, на вид столь чуждое человеческим эмоциям, навсегда ушло за пределы знания Зиблинга. Вместе с Мешком — как он сам и предсказывал — исчезла ужасная угроза всему человечеству.

Как странно, думал Зиблинг, я чувствую себя таким несчастным при таком счастливом конце.

ДЭНИЕЛ КИЗ

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА

1. атчет о праисходящем — 5 марта 1956

Доктор Штраусс говорит что с севодняшниво дня я должен записывать все что я думаю и что со мною случаица. Я незнаю зачем это нужно но он говорит это очинь важно для таво чтобы посмотреть использывать меня или нет. Я надеюсь они меня используют. Мисс Кинниен говорит может они сделают меня умным. Я хочу быть умным. Меня зовут Чарли Гордон. Мне 37 лет и две недели назад был мой день раждения. Сейчас мне больше писать нечево и на севодня я кончаю.

2. атчет о праисходящем — 6 марта

Севодня у меня было испытание. Я думаю что я несправился и мне кажеца может теперь они небудут меня использывать. А было так в комнате сидел какой-то добрый молодой человек и у нево было немножко белых карточек и все они залиты чирнилами. Он сказал Чарли что ты видиш на этой карточке.

Я сказал что вижу чирнильную кляксу. Он сказал правильно. Я подумал это все но когда я встал чтобы уйти он остановил меня. Он сказал садись Чарли мы еще не кончили. Я не так хорошо помню что было потом он вроде захотел чтобы я сказал что я вижу в чирнильной кляксе. Я ничево в ней неувидел но он

сказал что там картинки что другие люди видят какието картинки. А я несмог увидеть никаких картинок. Я паправде старался увидеть. Я держал карточку близко от глаз а потом далеко. Я сказал еслибы у меня были очки я бы видел получше я одеваю очки только в кино или когда смотрю телевизор но я сказал что они в шкафу в передней. Я их принес. Потом я сказал дайте мне еще посмотреть на эту карточку я обязательно теперь найду картинку.

Я очинь старался но всетаки никак немог найти картинки Я видел только чирнильную кляксу. Я сказал ему может мне нужны новые очки. Он чтото написал на бумаге я испугался что невыдиржал испытание. Я сказал ему это очинь красивая клякса с малинькими точками вокруг. Он стал очинь пичальным значит я ошибся.

3. атчет о праисходящем — 7 марта

Доктор Штраусс и доктор Немюр говорят что чирнильные кляксы это ничево незначит. Я сказал им я непраливал чирнило на карточки и я ничево немог разглядеть в кляксах. Они сказали что может быть они всетаки меня используют. Я сказал мисс Киннион никогда неделала мне такие испытания только праверяла письмо и чтение. Они сказали мисс Киннион говорит что я ее самый лучший учиник в вечерней шкле для взрослых потомучто я стараюсь больше всех и паправде хочу учитца. Они спрасили как это палучилось Чарли что ты сам пришел в вечернюю школу для взрослых. Как ты ее нашел. Я ответил что я спрашивал у людей и ктото мне сказал куда мне пойти чтобы научитца хорошо читать и писать. Они спрасили почему это тебе захотелось. Я сказал я всю жизнь хотел быть умным а не тупицей. Но умным быть очинь трудно. Они спрасили а ты знаш что это может быть времено. Я сказал да. Мисс Киннион мне говорила. Мне всеравно если это больно.

Севодня попозже у меня были еще какието психованые испытания. Это испытание показалось мне легким потомучто я мог разглядеть картинки. Только

в этот раз добрая леди которая со мной занималась нехотела чтобы я расказал ей про картинки. Это меня запутало. Я сказал что вчерашний мущина прасил чтобы я расказал что я видел в кляксе она сказала что это ничево незначит. Она сказала придумай расказы про людей которые на картинках. Я сказал как можно расказывать про людей которых никогда невидел. Почему я должн придумывать неправду. Я теперь больше неговорю неправду потомучто я всегда пападаюсь.

Потом люди в белых пальто повели меня в другую часть бальницы и дали мне игру. Это вроде состязания с белой мышкой. Они называли мышку Элджерноном. Элджернон сидел в коробке в которой было очинь много заваротов вроде всяких стенок и они дали мне карандаш и бмагу с полосками и квадратиками. С одной стороны было написано СТАРТ а с другой стороны написано ФИНИШ. Они сказали что это л а б е р и н т и что мы с Элджерноном должны сделать один и тотже л а б е р и н т. Я непонял как мы можем делать один и тотже л а б е р и н т если у меня была бумага и у Элджернона коробка но я ничево не сказал. Да и времени небыло потомучто начались состязания.

У одного мущины были часы которые он хотел от меня спрятать поэтому я старался несмотреть туда и начал изза этаво валнаватца.

От этаво испытания мне было хуже чем от всех других потомучто они повторяли его 10 раз с разными л а б е р и н т а м и и Элджернон всегда выигрывал. Я незнал что мыши такие умные. Может это потому что Элджернон белый. Может белые мыши умнее чем другие.

4. атчет о праисходящем — 8 мар

Они будут меня использывать! Я так влнуюсь что почти немогу писать. Сперва доктор Немюр и доктор Штраусс паспорили об этом. Доктор Немюр был в кабинете когда меня туда привел доктор Штраусс. Доктор Немюр незнал использывать меня или нет но док-

тор Штраусс сказал ему что мисс Киннион рикамендавала меня самым лучшим из всех каво она учит. Мне нравица мисс Киннион потомуто она очинь умная учительница. И она сказала Чарли у тебя будет еще один шанс. Если ты дабровольно согласишся на этот экспирамент может ты станеш умным. Они незнают это будет навсегда или нет но есть шанс. Поэтому я сказал ладно хотя и очень боялся потомучто она сказала что мне будут делать апирацию. Она сказала небойся Чарли ты сделал такие большие успехи с такими малинькими спасобнастями что я думаю ты заслужил это больше всех.

Поэтому я испугался кгда доктор Немюр и доктор Штраусс об этом паспорили. Доктор Штраусс сказал что у меня есть чтото очинь хорошее.

Он сказал доктор Немюр Чарли не такой каким вы представляете себе перваво из ваших новых интелек... (немог разабрать слово) сюперменов. Но большинство людей таковаже низкаво уровня интелек... вражд... и необщит... они обычно тупы апатич... и с ними трудно иметь дело. У нево хороший характир он заинтирисован и сготовностью идет навстречу.

Доктор Немюр сказал незабывайте что он будет первым человечиским сущиством интилект котораво устроитца врезультате хирургичискаво вмишательства.

Доктор Штраусс сказал правильно. Поглядите как он хорошо научился читать и писать для своево низкаво умствинаво уровня это такоеже великое достиж... как еслибы мы с вами без всякой помощи изучили тиорию... ности эйнштина.

Я понял не все слова они говорили слишком быстро но похоже доктор Штраусс был за меня а другой нет.

Потом доктор Немюр кивнул он сказал ладно можетбыть вы правы. Мы используем Чарли. Кгда он так сказал я очинь развалнавался я вскачил и пжал ему руку за то что он такой добрый ко мне. Я сказал ему спасибо док вы не можалеите что дали мне еще один шанс. И я это сказал чесно. После апирации я обязатильно пастараюсь стать умным. Я буду ужас как старатца.

5. атчет о праисходящ — 10 мар

Мне страшно. Многие люди которые здесь работают и сестры и те которые делали мне испытания принесли мне конфеты и пажелали мне удачи. Я надеюсь что мне повезет.

Я спрасил доктора Штраусса смогу я после апирации победить Элджернона и он сказал может быть. Если апирация получица я докажу этой мышке что я могу быть такимже умным. А может даже умнее. Я смогу лучше читать и правильно писать слова буду знать много разных вещей и буду как другие люди. Я хочу быть умным как другие. Если это останеца навсегда они сделают умными всех на свете.

6. отчет о происходящем — 15 мар

От апирации мне было больно. Он ее сделал когда я спал. Они севодня сняли у меня с головы и глаз бинт и я могу писать о т ч е т о п р о и с х о д я щ е м. Доктор Немюр который видел мои другие отчеты говорит что я пишу слово о т ч е т неправильно и он показал как ево нужно писать и слово п р о и с х о д я щ е м т о ж е. Я должен постаратца это запомнить.

Я очинь плохо запоминаю как нужно правильно писать. Доктор Штраусс говорит мне нужно писать всѐ что со мной случаица но он говорит я должен рассказывать больше что я думаю и чуствую. Когда я сказал ему я неумею думать он сказал папробуй. Пока у меня па глазах был бинт я все время старался думать. Ничево неполучилось. Я незнаю о чем думать. Можетбыть если я спрашу ево он мне скажет как я должен это делать ведь теперь мне полагаеца стать умным. О чем думают умные люди. Наверно чтонибудь придумывают. Я бы хотел уже уметь придумывать.

7. отчет о происходящем — 19 мар

Все тоже самое. Мне делали много испытаний и разные состязания с Элджерноном. Я ненавижу эту

мыш. Она мня всегда обыгрывает. Доктор Штраусс сказал что я должен играть в эти игры. И еще он сказал что мне скоро опять придеца пройти эти испытания. Эти кляксы психованые. И те картинки тоже психованые. Мне нравица рисовать мущину и женщину но я нестану врать о людях.

Я так сильно страюсь думать что у меня заболела голова. Я думал доктор Штраусс мой друг а он мне непомогает. Он мне неговорит о чем думать или когда я стану умным.

8. отчет о происходящем — 23 мар

Я иду обратно работать на фабрику. Они сказали это лучше чтобы я снова начал работать но мне нельзя никому говорить для чево мне делали апирацию и я должен каждый вечер после работы на час приходить в бальницу. Они собираюца мне платить деньги каждый месяц чтобы я учился быть умным.

Я рад что я возвращаюсь на фабрику потомучто я скучаю по моей работе и по всем моим друзьям и по нашим развличениям.

Доктор Штраусс говорит что я должен продолжать записывать разные вещи но мне ненужно это делать каждый день а только когда я о чемнибудь думаю или когда случаица чтонибудь особеное. Он говорит непадай духом потомучто на это нужно время и это идет медлено. Он сказал что прошло много времени пока Элджернон стал в 3 раза умнее чем раньше. Значит Элджернон меня всегда обыгрывает потому что у нево тоже была такая апирация. Мне от этаво легче. Можетбыть я смогу делать этот л а б е р и н т быстрее чем простая мыш. Может когданибудь я обыграю Элджернона. Вот будет здорово. Пока похоже что Элджернон останеца умным навсегда.

25 мар. (мне больше ненужно писать наверху ОТЧЕТ О ПРОИСХОДЯЩЕМ только когда я отдаю это раз в неделю доктору Немюру чтобы он прочел. Мне нужно только ставить число. Это сохраняет время).

У нас на фабрике было севодня очинь весело. Джо Керп сказал а нука посмотрим где у Чарли была апирация что они сделали как они добавили Чарли мозгов. Я захотел расказать ему но вспомнил что доктор Штраусс сказал нельзя. Потом Френк Рейлли сказал что ты делал Чарли давай поднатужся и выкладывай. От этаво мне стало смешно. Они мои настоящие друзья и они меня любят.

Ингда ктонибудь скажет эй посмотрите на Джо или Френка или Джорджа какова он свалял Чарли Гордона. Я незнаю почему они так говорят но они всегда смеюца. Севодня утром Эмос Борг который у Доннегана 4 человек называл мое имя когда кричал на рассыльного Эрни. Эрни патерял пакет. Он сказал черт возьми Эрни ты что строиш из себя Чарли Гордона. Я непонимаю почему он так сказал. Я никогда нетерял никаких пакетов.

28 мар. Севодня вечером ко мне домой пришел доктор Штраусс чтобы узнать почему я не зашел туда как мне положено. Я сказал ему что мне больше ненравица играть с Элджерноном. Он сказал что пока мне это ненужно делать но я должен приходить. Он принес мне подарок только это не подарок а взаймы. Я подумал что это малинький телевизор но это нетак. Он сказал я должен его включать когда ложусь спать. Я сказал вы шутите почему я должен его включать когда я иду спать. Где это слыхано. Но он сказал что если я хочу стать умным я должен его слушатца. Я сказал ему я недумаю что становлюсь умным а он положил мне руку на плечо и сказал Чарли ты еще этаво незнаеш но ты все время становишся умнее. Ты пока этаво небудеш замичать. Мне кажеца что он просто был добрым чтобы меня успокоить потомучто я совсем невыгляжу умнее.

Ах да чуть не забыл. Я спрасил когда я смогу вернутца в школу в клас к мисс Киннием. Он ответил что я туда больше непойду. Он сказал что мисс Киннием скоро будет приходить в бальницу чтобы учить меня отдельно. Я очинь на нее сердился что она непришла навестить меня когда мне сделали апирацию но я ее люблю и можетбыть мы опять подружимся.

29 мар. Я всю ночь не спал изза этаво психованава телевизора. Как я могу заснуть когда всю ночь мне в уши орут какието психованые слова. И эти дурацкие картинки. Жуть. Я непонимаю что там говорят когда я несплю как же я пойму это во сне.

Доктор Штраусс говорит все в порядке. Он говорит что мои мозги учаца когда я сплю и это мне поможет когда мисс Киннион начнет со мной уроки в бальнице (только я теперь знаю что это не бальница а лабатория). Я думаю это все чепуха. Если можно поумнеть во сне зачем люди ходят в школу. Я не думаю что чтонибудь из этаво получица. Я всегда смотрю позднюю и препоздную програму по телевизору и это совсем несделало меня умнее. Может нужно спать когда ее смотриш.

9. отчет о происходящем — 3 апреля

Доктор Штраусс показал мне как сделать у телевизора звук потише и теперь я могу спать. Я ничево не слышу. И я до сих пор непонимаю что он там говорит. Иногда утром я снова включаю ево чтобы посмотреть что я выучил когда спал и я думаю что ничево. Мисс Киннион говорит может это на другом языке или еще что. Но почти всегда он похож на американский. Телевизор говорит так быстро даже быстрее чем мисс Голд которая была моей учительницей в 6 класе а я помню она говорила так быстро что я немог ничево понять.

Я сказал доктору Штрауссу что хорошево стать умным во сне. Я хочу быть умным когда я несплю. Он говорит это одно и тоже.

Но голова у меня болит от вечиринки. Мои друзья с фабрики Джо Керп и Френк Рейлли пригласили меня пойти с ними в салун Маггси чтонибудь выпить. Я нелюблю выпивать но они сказали что нам будет очинь весело. Я хорошо провел время.

Джо Керп сказал что я должен показать девушкам как я на фабрике мою пол в уборной и он принес мне тряпку. Я показал и все засмиялись когда я сказал что мистер Доннеган говорит что я самый лучший

уборщик из всех каво он имел за все время потомучто я люблю свою работу и хорошо с ней справляюсь никогда не опаздываю и непрогулял ни одново дня только когда мне делали апирацию.

Я сказал что мисс Кипниен всегда говорила Чарли гордись своей работой потомучто ты с ней хорошо справляешся.

Все смиялись нам было весело и они дали мне много выпить а Джо сказал ну и тип этот Чарли когда наклюкаетца. Я незнаю что это значит но все меня любят и нам весело. Я немогу дождатца пока стану таким умным как мои лучшие друзья Джо Керп и Френк Рейлли.

Я непомню как кончилась вечиринка но мне кажеца я вышел купить газету и кофе для Джо и Френка и когда я вернулся там никаво их небыло. Я искал их везде допоздна. Что потом я помню не так хорошо но мне кажеца я захотел спать или заболел. Какойто добрый полицейский привел меня домой. Так говорит моя квартирная хозяйка миссис Флинн.

Но у меня болит голова и на ней большая шишка и кругом синяки. Я думаю может я упал но Джо Керп говорит это работа полицейскаво они иногда бьют пьяных. Я так недумаю. Мисс Кинниен говорит что полицейские должны помогать людям. А все таки у меня очинь болит голова меня тошнит и все у меня болит. Я думаю, что я больше никогда небуду пить.

6 апреля. Я победил Элджернона! Я даже незнал что я победил ево пока мне несказал лабарант Берт. А во второй раз я проиграл потомучто я так валнавался что упал со стула когда еще не кончил. Но потом я победил ево еще 8 раз. Должно быть я становлюсь умным если победил такую умную мыш как Элджернон. Но я не ч у с т в у ю себя умнее.

Я хотел еще соревноватца с Элджерноном но Берт сказал на один день хватит. Мне разрешили его минутку подержать. Он не такой уж плохой. Он мягкий как ватный шарик. Он моргает и когда открывает глаза они черные а покраям розовые.

Я сказал что могу покормить ево потомучто мне

было неприятно что я победил ево а я хочу быть добрым и со всеми дружить. Но Берт сказал нельзя Элджернон совсем особиная мыш с такой же апирацией как у меня и он первый из всех животных так долго остался умным. Он сказал Элджернон такой умный что каждый день должен решать задачу чтобы получить еду. Это вроде замка на двери который меняют когда он заходит внутрь чтобы поесть поэтому он каждый раз должен выучить чтонибудь новое чтобы получить свою еду. Мне стало ево жалко потомучто если он несможет учитца он будет голодным.

Я думаю это неправильно заставлять кавонибудь проходить испытание за еду. Как бы это понравилось доктору Немюру еслибы он должен был проходить испытание каждый раз когда ему захочеца кушать. Я думаю что мы с Элджерноном будем друзьями.

9 апреля. Севодня после работы в лабаратории была мисс Киннием. Она вроде была рада меня видеть но какбудто чевото боялась. Я сказал ей мисс Киннием невалнуйтесь я еще не умный и она расмиялась. Она сказала я верю в тебя Чарли как ты изо всех сил старался читать и писать лучше всех других. Сперва ты будешь занимаца понемножку и ты сделаешь коечто для науки.

Мы читаем очинь трудную книжку. Я никогда раньше нечитал такой трудной книжки. Она называеца Робинзон Крузо об одном человеке который пападает на необитаемый Остров. Он умный и придумывает разные штуки чтобы иметь дом и еду и он хорошо плавает. Только мпе ево жалко потомучто он совсем один и у нево нет друзей. Но мне кажеца на острове есть ктото еще потомучто там есть картинка как он со своим смешным зонтиком смотрит на следы ног. Я надеюсь у нево будет друг и он небудет одиноким.

10 апреля. Мисс Киннием учит меня писать лучше. Она говорит посмотри на слово закрой глаза и повторяй его много много раз пока не запомниш. Мне очень трудно со словом кажется которое говорят кажеца и со словом сегодня которое говорят севодня.

14 апреля. Я кончил Робинзона Крузо. Мне хочется узнать что с ним еще случится но мисс Киннион говорит это все. Почему.

15 апреля. Мисс Киннион говорит что я учусь быстро. Она прочла некоторые из моих сообщений и както страно посмотрела на меня. Она говорит что я хороший человек и я им всем докажу. Я спросил ее почему. Она сказала неважно но мне не нужно огорчатся если я пойму что все не такие хорошие как я думаю. Она сказала такой человек как ты которому бог дал так мало сделал больше чем многие умные люди которые никогда даже не используют свои мозги. Я сказал что все мои друзья умные люди но они хорошие. Они меня любят и никогда ничего плохого не сделали. Тут ей что-то попало в глаз и она побежала в туалет.

16 апр. Сегодня, я выучил запятую, вот она какая (,) точка с хвостиком, мисс Киннион, говорит что это важно, потому что, запятая, делает, написанное, лучше.

17 апр. Я ставил запятые неправильно. Это знак препинания. Мисс Киннион велела мне смотреть в словаре длиные слова чтобы я научился их писать. Я спросил зачем если их можно читать. Она сказала это входит в твое обучение поэтому теперь я буду смотреть все слова когда я неуверен как их нужно писать. Из за этого приходится писать долго но мне кажется что я запоминаю. Мне нужно посмотреть только один раз и я уже знаю как писать. Поэтому я правильно написал слово препинание. (Оно так написано в словаре.) Мисс Киннион говорит что точка тоже знак препинания и что есть еще много других знаков которые нужно выучить.

Нужно все знаки употреблять вместе, она показала? Мне «как, это делать, и теперь; я могу! употреблять вместе все» знаки препинания, когда! пишу? Есть множество! правил? которые нужно? выучить; но я их дер'жу в голове.

Мне нравится, в Дорогой мисс Киннион (так нужно писать в деловом письме если я когда нибудь стану деловым человеком) что она, всегда мне все

об'ясняет» когда — я спрашиваю. Она ге'ний! я бы хотел! быть таким, умным» как она;

(Знаки, препинания; смешные!)

18 апр. Какой же я болван! Ведь я даже не понял, о чем она говорила. Вчера вечером я прочел учебник грамматики, и там все об'ясняется. Потом до меня дошло, что мисс Киннион пыталась мне об'яснить то же самое, но я тогда не понял. Я встал посреди ночи, и у меня в голове все прояснилось.

Мисс Киннион сказала, что мне помог телевизор, который работает, когда я сплю.

20 апр. Я себя очень плохо чувствую. Не так, что мне нужен доктор, а в груди у меня как-то пусто, будто у меня вышибли внутренности, и к тому же еще у меня изжога.

Я не собирался об этом писать, но мне кажется, это все-таки следует сделать, потому что это важно. Сегодня в первый раз я не вышел на работу и остался дома.

Вчера вечером Джо Керп и Френк Рейлли пригласили меня на вечеринку. Там было много девушек и несколько ребят с фабрики. Я вспомнил, как мне было плохо прошлый раз, когда я слишком много выпил, и поэтому я сказал Джо, что не хочу ничего пить. Вместо спиртного он дал мне чистую кока-колу. У нее был странный вкус, но я подумал, что это у меня просто неприятный привкус во рту.

Вначале нам было очень весело. Джо сказал, что я должен танцевать с Эллин, и она поучит меня разным па. Я несколько раз упал и никак не мог понять почему, ведь кроме меня и Эллин никто больше не танцевал. И я то и дело спотыкался, потому что все время кто-нибудь вытягивал ногу.

Поднявшись, я увидел на лице Джо такое выражение, что почувствовал что-то странное в животе.

— Да от него просто сдохнуть можно, — сказала одна из девушек.

Все расхохотались.

— Я так здорово не смеялся с того вечера у Маггси, когда мы послали его за газетой и смылись, — сказал Френк.

— Нет, вы только на него посмотрите. Какая у него красная рожа.

— Он краснеет. Чарли краснеет.

— Эй, Эллин, что ты сделала с Чарли? Я никогда его таким не видел.

Я не знал, что мне делать, куда себя девать. Все смотрели на меня и смеялись, и я почувствовал себя так, будто стою нагишом. Мне захотелось куда-нибудь спрятаться. Я выбежал на улицу, и меня вырвало. Потом я пошел домой. Странно, как я никогда не замечал, что Джо, Френку и другим нравилось все время таскать меня за собой для того, чтобы надо мной смеяться. Теперь я понимаю, что это значит, когда они говорят «свалять Чарли Гордона»!

Мне стыдно.

10. отчет о происходящем

21 апреля. Я все еще не вышел на работу. Я попросил миссис Флинн, мою хозяйку, позвонить на фабрику и сказать мистеру Доннегану, что я заболел. Последнее время миссис Флинн очень странно посматривает на меня, будто она меня боится.

Мне кажется, это хорошо, что я понял, как все надо мной смеются. Я много думал об этом. Это из-за того, что я такой недотепа и даже не замечаю, когда делаю глупости. Люди считают, что это смешно, когда глупый человек не может все делать так, как они.

Во всяком случае теперь я уже понимаю, что с каждым днем становлюсь умнее. Я знаю знаки препинания и могу правильно писать. Мне нравится отыскивать в словаре трудные слова, и я их запоминаю. Теперь я много читаю, и мисс Киннион говорит, что я читаю очень быстро. Иногда я даже понимаю то, о чем читаю, и это остается в памяти.

Мисс Киннион сказала, что кроме истории, географии и арифметики я буду учить иностранные языки. Доктор Штраусс дал мне несколько новых лент, чтобы я ставил их перед тем, как ложусь спать.

Сегодня мне значительно лучше, но кажется, я все

еще немного сержусь на людей за то, что они всегда надо мной издевались и делали из меня посмешище, потому что я был глуп. Когда я, как говорит доктор Штраусс, поумнею и мой К. И.* 68 утроится, быть может, я стану таким, как все, и люди будут любить меня и относиться ко мне по-дружески.

Мне не совсем ясно, что такое К. И. Доктор Немюр говорит, что К. И. измеряет степень умственных способностей человека — как весы в аптеке, на которых взвешивают фунты. Но доктор Штраусс не согласился с ним и сказал, что К. И. вовсе не взвешивает интеллект. Он сказал, что К. И. показывает, насколько можно повысить интеллект, что это вроде цифр на мензурке. По ним видно, сколько еще нужно жидкости, чтобы ее наполнить.

А когда я спросил об этом Берта, который проверяет мой интеллект и наблюдает за Элджерноном, он сказал, что они оба неправы (только я должен был пообещать, что не передам им его слова). Берт говорит, что К. И. измеряет множество различных вещей, в том числе и кое-что из того, что человек успел изучить, и что, честно говоря, этот К. И. никуда не годится.

Так я до сих пор толком и не знаю, что такое К. И., за исключением того, что мой вскоре превысит 200. Я промолчал, но мне все-таки непонятно, каким образом они узнают, сколько его у вас, если они не знают, ч т о это такое или г д е это находится.

Доктор Немюр говорит, что мне нужно будет завтра пройти испытание Роршаха. Интересно, что э т о такое.

22 апреля. Я узнал, что такое Р о р ш а х. Это испытание, которое я проходил перед операцией, — то самое, с кляксами на кусках картона. И проводил его тот же человек.

Эти кляксы перепугали меня до смерти. Я знал, что он попросит меня найти картинки, и был уверен, что не смогу этого сделать. Я подумал про себя, что было бы неплохо как-нибудь узнать, какие же там

* К. И. — коэффициент интеллекта. *(Прим. перев.)*

скрыты картинки. А может, там вовсе не было никаких картинок. Вдруг это просто хитрость, чтобы выяснить, настолько ли я глуп, чтобы искать то, чего нет совсем. Стоило мне только об этом подумать, и я тут же обиделся на того человека.

— Так вот, Чарли, — сказал он, — ты уже видел однажды эти карточки, помнишь?

— Конечно, помню.

По моему тону он понял, что я рассердился, и это его явно удивило.

— Да, правда. А теперь я хочу, чтобы ты взглянул вот на эту карточку. Что это может быть? Что ты на ней видишь? Люди видят в этих кляксах самые разнообразные вещи. Скажи, что это тебе напоминает — о чем это заставляет тебя думать?

Я был потрясен. Его слова были для меня полной неожиданностью.

— Вы хотите сказать, что в этих кляксах нет никаких картинок?

Он нахмурился и снял очки.

— Что такое?

— Картинок. Скрытых в кляксах. Прошлый раз вы сказали мне, что все их видят и вы хотели, чтобы я их тоже нашел.

Он об'яснил мне, что прошлый раз он говорил почти те же слова, что и теперь. Я не поверил ему и все еще подозреваю, что он нарочно тогда сбил меня с толку, чтобы позабавиться. Или... я уже ни в чем не уверен... Неужели я мог быть таким слабоумным?

Мы медленно просмотрели карточки. На одной из них клякса была похожа на пару летучих мышей, которые что-то тащат. На другой она напоминала двух сражающихся на шпагах мужчин. Я придумывал всевозможные вещи. Кажется, я увлекся. Но я больше не доверял ему и все время то так, то сяк вертел карточки и даже рассматривал их с обратной стороны, чтобы проверить, не было ли там чего-нибудь такого, что мне полагалось заметить.

Я до сих пор еще не вижу смысла в этом испытании. Мне кажется, что любой человек может сол-

гать, выдумав то, чего он в действительности не видит. Откуда он мог знать, что я не вожу его за нос и не рассказываю о вещах, которые на самом деле вовсе не возникают в моем воображении? Быть может, я пойму это, когда доктор Штраусс разрешит мне читать про психологию.

25 апреля. Я придумал, как по-новому расположить на фабрике станки, и мистер Доннеган говорит, что это сэкономит ему в год десять тысяч долларов на рабочей силе и увеличении количества выпускаемой продукции. Он выдал мне 25 долларов премии.

Чтобы отпраздновать это событие, я пригасил Джо Керпа и Френка Рейлли позавтракать со мной, но Джо сказал, что ему нужно кое-что купить для жены, а Френк сказал, что завтракает со своей двоюродной сестрой. Мне думается, должно пройти какое-то время, пока они привыкнут к происшедшей во мне перемене. Все словно боятся меня. Когда я подошел к Эмосу Боргу и похлопал его по плечу, он прямо-таки подпрыгнул до потолка.

Люди со мной теперь мало разговаривают и не шутят, как прежде. Поэтому на работе как-то одиноко.

27 апреля. Сегодня, набравшись храбрости, я пригласил мисс Киннион пообедать со мной завтра вечером и отпраздновать мою премию.

Сперва она было усомнилась, удобно ли это, но я спросил доктора Штраусса, и он сказал, что все нормально. Доктор Штраусс и доктор Немюр, видимо, не очень-то между собой ладят. Они без конца спорят. Сегодня вечером, когда я зашел туда, чтобы выяснить у доктора Штраусса насчет обеда с мисс Киннион, я слышал, как они друг на друга кричали. Доктор Немюр утверждал, что это *его* эксперимент и *его* исследования, а доктор Штраусс кричал в ответ, что он вложил в это дело не меньше, чем доктор Немюр, так как это он нашел меня через мисс Киннион и это он сделал мне операцию. Наступит день, заявил он, когда во всем мире тысячи нейро-хирургов будут применять на практике разработанную им технику.

Доктор Немюр хочет в конце этого месяца опубликовать результаты эксперимента. Доктор Штраусс считает, что для большей уверенности следует еще немного подождать. Он заявил, что доктора Немюра больше интересует кафедра психологии в Принстоне, чем сам эксперимент. Доктор Немюр сказал, что доктор Штраусс не что иное, как оппортунист, который в погоне за славой пытается прокатиться на его, доктора Немюра, плечах.

Когда я потом ушел, я почувствовал, что меня бьет озноб. Я точно не знаю почему, но получилось так, словно я их обоих впервые увидел по-настоящему. Я вспоминаю, Берт говорил, что у доктора Немюра жена — сущая ведьма, которая все время подгоняет его. Берт сказал, что мечта всей ее жизни — иметь знаменитого мужа.

Неужели доктор Штраусс на самом деле пытается прокатиться на его плечах?

28 апреля. Не понимаю, почему я никогда не замечал, какая мисс Киннион красивая. Ей только тридцать четыре года! У нее карие глаза и пушистые каштановые волосы, собранные на затылке. Я думаю, это потому, что с самого начала она казалась мне недостижимо гениальной — и очень, очень старой. А теперь с каждой нашей встречей она молодеет и становится все более привлекательной.

Мы пообедали и долго разговаривали. Когда она сказала, что я быстро иду вперед и скоро оставлю ее позади, я рассмеялся.

— Это правда, Чарли. Ты уже читаешь лучше меня. Ты одним взглядом можешь прочесть целую страницу, а я за то же время схватываю только несколько строк. И читая, ты запоминаешь каждую мельчайшую деталь. Я же, в лучшем случае, могу вспомнить только основные мысли и общий смысл прочитанного.

— Я не чувствую себя умным. Есть так много вещей, которые я не понимаю.

Она взяла сигарету, и я поднес ей горящую спичку.

— Тебе следует быть чуточку терпеливее. На то, что ты совершаешь за какие-нибудь дни и недели,

у нормальных людей уходит полжизни. Именно это и поразительно. Ты впитываешь знания, словно огромная губка. Факты, цифры, общие сведения. И вскоре ты начнешь все это сопоставлять. Ты поймешь соотношение между различными отраслями знаний. Существует множество уровней, Чарли, это ступени гигантской лестницы, которая ведет тебя все выше и выше, и ты все лучше и лучше познаешь окружающий тебя мир.

Она нахмурилась.

— Я только надеюсь...

— А что такое?

— Неважно, Чарли. Я просто надеюсь, что, посоветовав тебе пойти на это, я не совершила ошибки.

Я расхохотался.

— Да как вы можете так говорить? Ведь все идет как надо. Даже Элджернон все еще умен.

Какое-то время мы сидели молча, и я знал, о чем она думает. Мне хотелось думать об этой возможности не больше, чем старикам хочется думать о смерти. Я з н а л, что это только начало. Я понимал, что она подразумевала под ступенями, потому что некоторые из них я уже прошел. При мысли о том, что я оставлю ее позади, мне стало грустно.

Я влюблен в мисс Кинниен.

11. отчет о происходящем

30 апреля. Я больше не работаю в «Компании по производству пластмассовых коробок» Доннегана. Мистер Доннеган твердо заявил, что всем будет лучше, если я уйду. За что они меня так возненавидели?

Я узнал об этом впервые, когда мистер Доннеган показал мне петицию. Восемьсот сорок подписей, все, кто имеет отношение к фабрике...

Снова я горю от стыда. Этот мой новый интеллект воздвиг стену между мной и всеми теми, кого я раньше знал и любил. Прежде они смеялись надо мной и презирали меня за мое невежество и тупость; теперь они ненавидят меня за мои знания и сообразительность. Господи, что же им от меня наконец нужно?

Они вышвырнули меня с фабрики. Теперь я еще более одинок, чем когда-либо...

15 мая. Доктор Штраусс очень зол на меня за то, что я две недели не писал своих отчетов. Он по-своему прав, ведь лаборатория теперь регулярно платит мне жалованье. Я сказал ему, что был слишком занят — много читал и думал. Когда я упомянул, что медлительность процесса письма выводит меня из терпения, он посоветовал научиться печатать на машинке. Теперь писать значительно легче, потому что я за минуту могу напечатать около семидесяти пяти слов. Доктор Штраусс постоянно напоминает мне о необходимости писать и говорить попроще, чтобы меня могли понять другие.

В прошлый вторник нас с Элджерноном продемонстрировали на заседании съезда Американской Ассоциации Психологов. Мы произвели крупную сенсацию. Доктор Немюр и доктор Штраусс очень нами гордились.

Я подозреваю, что доктор Немюр, которому шестьдесят (он на десять лет старше доктора Штраусса), считает нужным уже теперь пожать плоды своих трудов. Это, несомненно, результат давления со стороны миссис Немюр.

Вопреки впечатлению, которое сложилось у меня о нем раньше, теперь я понимаю, что доктор Немюр отнюдь не гений. У него большие способности, но ему мешает его неверие в себя. Он хочет, чтобы люди считали его гением. Поэтому для него важно знать, что его работа находит признание. По-моему, доктор Немюр боялся дальнейшей отсрочки именно потому, что кто-то другой мог бы сделать аналогичное открытие и лишить его этой чести.

Зато доктора Штраусса гением назвать можно, хотя я чувствую, что его знания слишком ограничены. Его обучали в традициях слишком узкой специализации.

Я был потрясен, узнав, что из всех древних языков он умеет читать только по-латыни, по-гречески и по-древнееврейски и что он почти не знает высшей математики за пределами элементарных вариацион-

ных исчислений. Когда он мне в этом признался, я почувствовал некоторое раздражение. Я воспринял это так, словно, чтобы ввести меня в заблуждение, он до сих пор скрывал эту сторону своей личности, стараясь казаться (что, как я обнаружил, свойственно многим людям) не таким, каков он в действительности.

Доктор Немюр явно испытывает по отношению ко мне какую-то неловкость. Иногда, когда я пытаюсь заговорить с ним, он только странно смотрит на меня и отворачивается. Вначале я даже рассердился, когда доктор Штраусс объяснил мне, что из-за меня у доктора Немюра возникает чувство неполноценности. Я подумал, что он надо мной издевается, а я очень остро реагирую, когда из меня делают посмешище.

Откуда я мог знать, что такой высокоуважаемый психолог-экспериментатор, как Немюр, незнаком ни с языком хинди, ни с китайским? Ведь это нелепо, если принять во внимание те исследования, которые ведутся сейчас в Индии и Китае как раз в его области.

Я спросил доктора Штраусса, каким образом Немюр сумеет опровергнуть Рахаджамати, который раскритиковал его метод и результаты исследований, если он вообще не может прочесть его труды. Странное выражение, появившееся при этом на лице доктора Штраусса, могло означать только одно из двух. Или он не хочет говорить Немюру, что пишут в Индии, или же — и это меня очень беспокоит — доктор Штраусс не знает этого сам.

18 мая. Я очень взволнован. Вчера вечером я встретился с мисс Киннион — до этого я не видел ее больше недели. Я старался не касаться высокоинтеллектуальных вопросов и вести беседу на простые каждодневные темы, но она растерянно посмотрела на меня и спросила, что я подразумеваю под изменением математического эквивалента в «Пятом концерте» Доберманна.

Когда я попытался объяснить это, она остановила меня и рассмеялась. Подозреваю, что разговариваю с ней не на том уровне. Какую бы я ни затронул те-

му, я не могу найти с ней общего языка. Я вижу, что уже почти не могу общаться с людьми. Хорошо, что есть на свете книги, музыка и проблемы, о которых я могу думать.

20 мая. Если бы не случай с разбитыми тарелками, я так и не заметил бы в закусочной, где я ужинаю, парнишку лет шестнадцати — нового мойщика посуды.

Тарелки с грохотом посыпались на пол, разбились вдребезги, и во все стороны под столы полетели осколки белого фарфора. Ошеломленный и испуганный, паренек замер на месте, не выпуская из рук пустого подноса. Свист и улюлюканье посетителей (крики: «Ого, вот так убыток!..», «Поздравляю!..» и «Не долго же он тут проработал...», которые, по-видимому, неизменно раздаются в ресторанах, когда бьют посуду), казалось, еще больше смутили его.

Когда на шум явился хозяин, паренек сжался от страха, словно ожидая, что его будут бить, и, как бы стремясь отразить удар, выбросил вперед руки.

— Ладно! Ладно, дурак, — заорал хозяин, — не стой столбом! Возьми щетку и вымети этот мусор. Щетку... щетку, ты, идиот! Она на кухне. Чтоб тут не осталось ни одного осколка.

Паренек понял, что его не собираются наказывать. С его лица исчезло испуганное выражение, и, вернувшись со щеткой, чтобы подмести пол, он уже улыбался и что-то мурлыкал под нос. Кое-кто из наиболее задиристых посетителей, развлекаясь, продолжал отпускать на его счет замечания.

— А ну-ка, сынок, вон там позади лежит славный осколок...

— Давай-ка еще раз...

— Не так уж он глуп. Разбить-то их легче, чем вымыть...

По мере того как его пустой взгляд переходил с одного веселящегося зрителя на другого, на его лице постепенно отражались их улыбки, и наконец он неуверенно ухмыльнулся на шутку, которой скорее всего даже не понял.

При виде этой тупой невыразительной улыбки,

широко открытых детских глаз, в которых неуверенность сочеталась с горячим желанием угодить, мое сердце пронзила острая боль. Они смеялись над ним, потому что он был умственно отсталым.

И я тоже над ним смеялся.

Внезапно во мне вспыхнула ярость. Я вскочил и крикнул:

— Заткнитесь! Оставьте его в покое! Не его вина, что он ничего не понимает! Он не в силах быть другим! Ради бога... ведь это все-таки человек!

В помещении наступила тишина. Я проклял себя за то, что сорвался и устроил сцену. Стараясь не глядеть на парнишку, я заплатил по счету и вышел из закусочной, не притронувшись к еде. Мне было стыдно за нас обоих.

Как странно, что людям с нормальными чувствами, которые никогда не заденут калеку, родившегося без рук, без ног или глаз, что этим людям ничего не стоит оскорбить человека с врожденной умственной недостаточностью. Меня приводила в бешенство мысль, что не так давно я, совсем как этот мальчик, по глупости изображал из себя клоуна. А я почти об этом забыл.

Я спрятал от самого себя прежнего Чарли Гордона. Но сегодня, взглянув на этого мальчика, я впервые увидел, каким я был раньше. Я был точно таким же!

Я часто перечитываю мои отчеты и вижу безграмотность, детскую наивность, ничтожный, словно запертый в темную комнату интеллект, который жадно всматривается сквозь замочную скважину в сияющий снаружи ослепительный свет. Я вижу, что при всей своей тупости я понимал собственную неполноценность, понимал, что другие люди обладали чем-то, чего у меня не было, чем меня обделила судьба. В своей умственной слепоте я считал, что это было каким-то образом связано с умением читать и писать, и я был уверен, что, постигнув это искусство, я автоматически обрету разум.

Даже слабоумный хочет быть похожим на всех остальных людей.

му, я не могу найти с ней общего языка. Я вижу, что уже почти не могу общаться с людьми. Хорошо, что есть на свете книги, музыка и проблемы, о которых я могу думать.

20 мая. Если бы не случай с разбитыми тарелками, я так и не заметил бы в закусочной, где я ужинаю, парнишку лет шестнадцати — нового мойщика посуды.

Тарелки с грохотом посыпались на пол, разбились вдребезги, и во все стороны под столы полетели осколки белого фарфора. Ошеломленный и испуганный, паренек замер на месте, не выпуская из рук пустого подноса. Свист и улюлюканье посетителей (крики: «Ого, вот так убыток!..», «Поздравляю!..» и «Не долго же он тут проработал...», которые, по-видимому, неизменно раздаются в ресторанах, когда бьют посуду), казалось, еще больше смутили его.

Когда на шум явился хозяин, паренек сжался от страха, словно ожидая, что его будут бить, и, как бы стремясь отразить удар, выбросил вперед руки.

— Ладно! Ладно, дурак, — заорал хозяин, — не стой столбом! Возьми щетку и вымети этот мусор. Щетку... щетку, ты, идиот! Она на кухне. Чтоб тут не осталось ни одного осколка.

Паренек понял, что его не собираются наказывать. С его лица исчезло испуганное выражение, и, вернувшись со щеткой, чтобы подмести пол, он уже улыбался и что-то мурлыкал под нос. Кое-кто из наиболее задиристых посетителей, развлекаясь, продолжал отпускать на его счет замечания.

— А ну-ка, сынок, вон там позади лежит славный осколок...

— Давай-ка еще раз...

— Не так уж он глуп. Разбить-то их легче, чем вымыть...

По мере того как его пустой взгляд переходил с одного веселящегося зрителя на другого, на его лице постепенно отражались их улыбки, и наконец он неуверенно ухмыльнулся на шутку, которой скорее всего даже не понял.

При виде этой тупой невыразительной улыбки,

широко открытых детских глаз, в которых неуверенность сочеталась с горячим желанием угодить, мое сердце пронзила острая боль. Они смеялись над ним, потому что он был умственно отсталым.

И я тоже над ним смеялся.

Внезапно во мне вспыхнула ярость. Я вскочил и крикнул:

— Заткнитесь! Оставьте его в покое! Не его вина, что он ничего не понимает! Он не в силах быть другим! Ради бога... ведь это все-таки человек!

В помещении наступила тишина. Я проклял себя за то, что сорвался и устроил сцену. Стараясь не глядеть на парнишку, я заплатил по счету и вышел из закусочной, не притронувшись к еде. Мне было стыдно за нас обоих.

Как странно, что людям с нормальными чувствами, которые никогда не заденут калеку, родившегося без рук, без ног или глаз, что этим людям ничего не стоит оскорбить человека с врожденной умственной недостаточностью. Меня приводила в бешенство мысль, что не так давно я, совсем как этот мальчик, по глупости изображал из себя клоуна. А я почти об этом забыл.

Я спрятал от самого себя прежнего Чарли Гордона. Но сегодня, взглянув на этого мальчика, я впервые увидел, каким я был раньше. Я был точно таким же!

Я часто перечитываю мои отчеты и вижу безграмотность, детскую наивность, ничтожный, словно запертый в темную комнату интеллект, который жадно всматривается сквозь замочную скважину в сияющий снаружи ослепительный свет. Я вижу, что при всей своей тупости я понимал собственную неполноценность, понимал, что другие люди обладали чем-то, чего у меня не было, чем меня обделила судьба. В своей умственной слепоте я считал, что это было каким-то образом связано с умением читать и писать, и я был уверен, что, постигнув это искусство, я автоматически обрету разум.

Даже слабоумный хочет быть похожим на всех остальных людей.

Ребенок может не знать, как или чем накормить себя, но ему знакомо чувство голода.

Этот день пошел мне на пользу. Яснее увидев прошлое, я решил посвятить мои знания и способности исследованиям в области повышения интеллектуального уровня человека. Кто лучше всех подготовлен для этой работы? Кто еще жил в обоих мирах? Дайте мне возможность применить свое дарование и что-нибудь сделать для своих братьев.

Завтра я обсужу с доктором Штраусом вопрос о методе моей работы. Быть может, мне удастся помочь ему решить проблему широкого применения тех операций, первую из которых испробовали на мне. У меня есть по этому поводу кое-какие идеи.

Как много можно было бы сделать! Если меня сделали гением, то ведь таких тысячи! А какого фантастического уровня интеллекта можно было бы достигнуть у нормальных людей? А у гениев?

Сколько же открывается возможностей! Я сгораю от нетерпения.

12. отчет о происходящем

23 мая. Это произошло сегодня. Элджернон укусил меня. Я, как повелось, зашел в лабораторию навестить его, и, когда я достал его из клетки, он впился зубами мне в руку. Я посадил его обратно и некоторое время наблюдал за ним. Он был необычно беспокоен и озлоблен.

24 мая. Берт, в ведении которого находятся экспериментальные животные, сообщил, что Элджернон меняется. Он становится менее общительным; он отказывается бегать по лабиринту. И он не ест. Все недоумевают, что это может значить.

25 мая. Они сами кормят Элджернона, который теперь отказывается решать задачу с меняющимся замком. Все отождествляют меня с Элджерноном. В некотором смысле мы оба — первые. Все они делают вид, что поведение Элджернона не обязательно должно что-то означать в отношении меня. Но трудно скрыть тот факт, что некоторые из животных, кото-

рых подвергли тому же эксперименту, ведут себя странно.

Доктор Штраусс и доктор Немюр попросили меня больше не приходить в лабораторию. Я знаю, о чем они думают, но не могу с этим согласиться. Я не оставил своего намерения продвинуть вперед их исследования. При всем уважении к этим двум достойным ученым я прекрасно сознаю пределы их возможностей. Если существует какое-то решение, я должен буду найти его сам. Совершенно неожиданно фактор времени приобретает для меня огромную важность.

29 мая. В мое полное распоряжение отвели лабораторию и разрешили продолжать исследования. Что-то уже проясняется. Работаю круглые сутки. Мне поставили в лаборатории койку. Большая часть времени, отведенного мною для записей, уходит на заметки, которые я держу в отдельной папке, но иногда я по привычке ощущаю необходимость передать на бумаге свое настроение и мысли.

Я нахожу, что исчисление интеллекта является захватывающе-интересной областью исследований. Вот где можно применить все приобретенные мною знания. В каком-то смысле это проблема, к которой я имел отношение всю свою жизнь.

31 мая. Доктор Штраусс считает, что я работаю слишком интенсивно. Доктор Немюр говорит, что я пытаюсь втиснуть в несколько недель исследования и мысли, на которые уходит целая жизнь. Я знаю, что мне нужно отдохнуть, но меня подгоняет какой-то внутренний импульс, который не дает остановиться. Я должен найти причину быстрого регресса Элджернона. Я должен знать, произойдет ли это со мной. И если да, то когда.

4 июня.

ПИСЬМО ДОКТОРУ ШТРАУССУ (копия)

Дорогой доктор Штраусс!

Посылаю Вам в отдельном конверте рукопись этого моего доклада, названного мною «Эффект Элджернона — Гордона: исследование структуры и функции

искусственно повышенного интеллекта»; я хотел бы, чтобы Вы его прочли и опубликовали.

Как видите, мои эксперименты закончены. Я включил в доклад все мои формулы, а в приложение к нему — математический анализ. Все это, конечно, должно быть проверено.

Исходя из того, насколько это важно для Вас и доктора Немюра (нужно ли говорить, что и для меня тоже?), я сам десятки раз проверял и перепроверял результаты моих исследований в надежде найти ошибку. С сожалением констатирую, что эти результаты остаются в силе. Однако с точки зрения интересов науки я рад, что вношу малую толику в совокупность сведений о функциях человеческого мозга и о законах, которым подчиняется искусственное повышение человеческого интеллекта.

Я помню, как Вы мне однажды сказали, что неудача эксперимента или опровержение теории имеют такое же важное значение для прогресса науки, как и успех. Теперь я понимаю, насколько это справедливо. Но все-таки мне жаль, что мой собственный вклад в эту область знаний полностью перечеркивает труды двух человек, которых я так высоко ценю.

Искренне Ваш *Чарльз Гордон.*

Докл. прилагается.

5 июня. Я должен держать себя в руках. Фактический материал и результаты проведенных мною экспериментов не оставляют сомнений, и наиболее сенсационные аспекты моего собственного быстрого подъема не могут затемнить то, что утроение интеллекта путем хирургического вмешательства по методу доктора Штраусса и доктора Немюра нужно рассматривать как открытие, в настоящее время практически малоприменимое или даже неприменимое вообще.

Просматривая записи и прочие материалы, относящиеся к эксперименту с Элджерноном, я вижу, что, хотя физически он еще находится на ранней стадии развития, умственно он регрессирует. Двигательная

активность ослаблена; наблюдается общее понижение деятельности желез внутренней секреции; налицо ускоренная потеря координации.

Имеются серьезные показатели прогрессирующей амнезии.

Как указано в моем докладе, эти, а также и другие симптомы ухудшения физического и умственного состояния могут быть предсказаны с помощью выведенной мною формулы со значительной статистической точностью.

Стимулирующее хирургическое вмешательство, которому мы оба подверглись, привело к интенсификации и ускорению всех умственных процессов. Непредвиденные явления, которые я взял на себя смелость назвать «Эффектом Элджернона — Гордона», являются логическим следствием общего ускорения процессов мышления. Доказанную здесь гипотезу можно коротко сформулировать следующим образом: интеллект, повышенный искусственно, понижается затем со скоростью, прямо пропорциональной степени его повышения.

Мне кажется, что это уже само по себе является важным открытием. По всем данным моя собственная умственная деградация будет очень быстрой.

Я уже начал замечать в себе признаки эмоциональной неустойчивости и забывчивости — первые симптомы конца.

10 июня. Ухудшение прогрессирует. Я становлюсь рассеянным. Два дня назад скончался Элджернон. Вскрытие доказывает правильность моих предсказаний. Вес его мозга уменьшился, обнаружено общее сглаживание мозговых извилин, а также углубление и расширение борозд.

Полагаю, что со мной происходит или вскоре будет происходить то же самое.

Я положил труп Элджернона в коробку из-под сыра и похоронил его на заднем дворе. Я плакал.

15 июня. Ко мне снова приходил доктор Штраусс. Я не пожелал открыть дверь и попросил его уйти. Я хочу, чтобы меня оставили в одиночестве. Я становлюсь обидчивым и раздражительным. Чувствую, как

сгущается тьма. Очень трудно выбросить из головы мысль о самоубийстве. Я все время напоминаю себе, какую важность приобретет впоследствии этот интроспективный дневник.

До чего же это странное ощущение, когда берешь книгу, которую с наслаждением читал всего лишь месяц назад, и обнаруживаешь, что совсем ее забыл. Я вспомнил, каким великим человеком казался мне Джон Мильтон, но, когда я сегодня попробовал почитать «Потерянный рай», я абсолютно ничего не понял. Я так рассвирепел, что швырнул книгу в другой конец комнаты.

Я должен попытаться сохранить хоть что-нибудь. Что-нибудь из того, что я за это время познал. О господи, не отнимай у меня всего...

19 июня. Иногда по вечерам я выхожу гулять. Прошлой ночью я не мог вспомнить, где я живу. Домой меня привел полицейский. У меня такое чувство, будто бы это уже произошло со мной однажды, очень давно. Я продолжаю убеждать себя в том, что я единственный в мире человек, который может описать, что со мною происходит.

21 июня. Почему я теряю память? Я должен бороться. Целыми днями я лежу в постели, не зная, кто я и где я нахожусь. Потом все это вдруг возвращается. Причуды амнезии. Симптом старости — впадаю в детство. Как это беспощадно логично! Я познал так много и так быстро. А теперь мой интеллект понижается с огромной скоростью. Я не допущу этого. Я буду с этим бороться. Я не в состоянии отогнать от себя воспоминание о мальчике из ресторана, о тупом выражении его лица, глупой улыбке, о людях, которые над ним смеялись. Нет... умоляю... только не это... снова...

22 июня. Я забываю то, что выучил недавно. Похоже, все идет по классическим законам — в первую очередь забывается то, что было усвоено последним. Впрочем, закон ли это? Пожалуй, я лучше прочту еще раз...

Я перечитал свой доклад об «Эффекте Элджернона — Гордона», и мне показалось, будто его на-

писал кто-то другой. Некоторые разделы я даже не понимаю.

Я все время спотыкаюсь о разные предметы, и мне становится все труднее печатать на машинке.

23 июня. Я полностью отказался от машинки. У меня плохая координация движений. Я чувствую, что двигаюсь все медленнее и медленнее. Сегодня у меня было ужасное потрясение. Я взял статью Крюгера «Über psichische Ganzheit»* — я пользовался ею для моих исследований, чтобы посмотреть, не поможет ли она мне разобраться в сущности проделанной мною работы. Сперва мне показалось, что у меня что-то не в порядке со зрением. Потом я понял, что больше не могу читать по-немецки. Я попробовал другие языки. Все исчезло.

30 июня. Прошла неделя, пока я решился снова писать. Все постепенно утекает, как песок сквозь пальцы. Большинство моих книг теперь слишком для меня трудно. Они бесят меня, ведь я знаю, что каких-нибудь несколько недель назад я их читал и понимал.

Я снова и снова внушаю себе, что должен продолжать писать эти отчеты, чтобы происходящее со мной стало известно другим. Но все труднее подыскивать слова и вспоминать, как они пишутся. Мне приходится теперь смотреть в словаре даже простые слова, и из-за этого я злюсь на самого себя.

Доктор Штраус приходит почти каждый день, но я сказал ему, что не хочу никого видеть и ни с кем разговаривать. Он чувствует себя виноватым. Все остальные тоже. Но я никого не виню. Я знал, что может из этого выйти. Но как же все-таки больно...

7 июля. Не знаю, куда ушла неделя. Я только знаю, что сегодня воскресенье потому что вижу в окно как люди идут в церковь. Кажется всю неделю я пролежал в кровати но я вспоминаю, что миссис Флинн несколько раз приносила мне поесть. Я все время повторяю себе что мне нужно чтото сделать

---

* «О психическом совершенстве» (*нем.*) (Прим. ред.)

но потом я забываю, а может это просто легче не делать того, что я говорю мне нужно сделать.

Эти дни я много думаю о моем отце и матери. Я нашел фотографию на которой мы все трое сняты на пляже. У отца подмышкой большой мяч а мать держит меня за руку. Я непомню их такими какие они на фото. Я только помню моего отца почти всегда пьяным и как он ругался с мамой из-за денег.

Он редко брился и всегда царапал мне лицо когда обнимал меня. Мать говорила что он умер но мой двоюродный брат Милти сказал, что слышал от своих родителей что мой отец убежал с другой женщиной. Когда я спросил об этом мать она залепила мне пощещину и сказала, что мой отец умер.

Мне кажется я так никогда и не узнаю правду да мне в общем то наплевать. (Один раз он сказал что возьмет меня на ферму посмотреть коров но так этого и не сделал. Он никогда не выполнял своих обещаний...)

10 июля. Моя хозяйка миссис Флинн очинь за меня беспокоица. Она говорит что когда я вот так валяюсь целый день и ничево не делаю я ей напоминаю ее сына перед тем как она его выгнала из дому. Она сказала что не любит бездельников. Если я болен это одно а если я бездельник это уже другое дело и она этого непотерпит.

Я сказал я думаю что я заболел.

Я стараюсь читать понемножку каждый день восновном расказы но иногда мне приходица много раз перечитывать одно и тоже место потомучто я не понимаю что это значит. И мне трудно писать. Я знаю что мне нужно смотреть все слова в словаре но это очинь трудно а я все время такой усталый.

Потом я решил что вместо длиных трудных слов буду писать только легкие. Это сохраняет время. Примерно раз в неделю я кладу цветы на могилу Элджернона. Миссис Флинн думает я рехнулся что кладу цветы на мышиную могилу но я сказал ей что Элджернон был особиной мышью.

14 июля. Снова воскресенье. Мне теперь нечем себя занять потомучто мой телевизор сломался и у меня

нет днег на починку. (Я вроде потерял чек из лабаратории за этот месяц. Не помню.)

У меня ужасно болит голова и асперин почти непомогает. Миссис Флинн знает что я паправде заболел и жалеет меня. Она очинь хорошая женщина стоит только кому-нибудь заболеть.

22 июля. Миссис Флинн позвала ко мне каковато чужова доктора. Она испугалась что я умираю. Я сказал доктору что я не очинь болен только иногда все забываю. Он спросил есть ли у меня друзья или родственики и я ответил нет у меня никаво нет. Я сказал ему что когдато у меня был друг котораво звали Элджернон но это была мыш и мы часто соревновались. Он както страно посмотрел на меня будто подумал что я псих.

А когда я сказал ему что я был гением он улыбнулся. Он так разговаривал со мной будто я малинький ребенок и подмигнул миссис Флинн. Я расердился и выгнал ево потомучто он надо мною издевался как все они раньше.

24 июля. У меня больше нет денег и миссис Флин говорит что мне нужно гденибудь работать чтобы платить ей за комнату ведь я не заплатил больше чем за два месяца.

Я неумею ничево делать кроме работы которую я делал в «Компании по производству пластмасовых коробок» Доннегана. Я нехочу туда возвращатца потомучто они там знали меня когда я был умным и может будут теперь надо мною смеятца. Но я незнаю что еще делать чтобы достать деньги.

25 июля. Я смотрел некаторые из моих старых отчетов и это очинь страно но я немогу прочесть что я написал. Я разбираю некаторые слова но непонимаю их.

Мисс Киннион приходила и стояла удвери но я сказал ей уходите я нехочу вас видеть. Она заплакала и я тоже заплакал но невпустил ее потомучто я нехотел чтобы она надо мною смеялась. Я сказал ей что она мне больше не нравица. Я сказал что я больше нехочу быть умным. Это неправда. Я попрежнему люблю ее и попрежнему хочу быть умным

но я должен был так сказать чтобы она ушла. Она заплатила миссис Флинн за мою комнату. Я это нехочу. Я должен найти работу.

Пожалуста... сделайте так чтобы я неразучился читать и писать.

27 июля. Мистер Доннеган был очинь добрым когда я пришел на фабрику и попросил ево снова взять меня уборщиком. Сперва он смотрел на меня снедоверием но я расказал что со мной случилось и он очинь огорчился положил мне на плечо руку и сказал Чарли Гордон ты мужиственый человек.

Все на меня смотрели когда я спустился вниз и начал как раньше мыть уборную. Я сказал себе Чарли если они будут над тобой смеятца не обижайся ты же помниш что они нетакие умные как тебе когдато казалось. А потом они ведь были раньше твоими друзьями и если они смеялись над тобой это ничево потомучто они тебя и любили тоже.

Один из рабочих котораво взяли после моево ухода гадко пошутил он сказал эй Чарли я слышал ты очинь башковитый парень прямо настоящий прафессор. А нука скжи чтонибудь умное.

Мне стало плохо но тут подошел Джо Керп схватил ево за рубашку и сказал оставь его в покое ты паршивый шутник а то я тебе сверну шею. Я неожидал что Джо станет на мою сторону и я думаю что он мой настоящий друг.

Попозже ко мне подошел Френк Рейлли и сказал Чарли: если кто-нибудь будет к тебе приставать или захочет тебя обмануть позови меня или Джо и мы сму дадим прикурить.

Я сказал спасибо Френк и задохнулся и мне пришлось уйти на склад чтобы он неувидел как я плачу. Хорошо иметь друзей.

28 июля. Севодня я сделал глупость я забыл что уже не хожу как раньше в клас к мисс Киннием в школу для взрослых. Я зашел в клас и сел на мое старое место вконце комнаты а она страно посмотрела на мня и сказала Чарлз.

Я непомню чтобы она меня когданибудь так называла она говорила просто Чарли и я сказал привет

мисс Киннион я приготовил мой севодняшний урок только я потерял книжку для чтения по которой мы учимся. Она заплакала и убежала из комнаты и все на меня посмотрели тут я увидел что это совсем другие люди а не те которые раньше со мною учились в одном класе.

Потом я вдруг вспомнл чтото про апирацию и как я стал умным я сказал боже мой я направде свалял Чарли Гордона. Я ушел до того как она вернулась в клас.

Поэтому я навсегда уезжаю из Нью-Йорка. Я нехочу еще раз сделать чтонибудь вроде этаво. Я нехочу чтобы мисс Киннион меня жалела. На фабрике все меня жалеют и этаво я тоже нехочу поэтому я уеду в какоенибудь место где никто не знает что Чарли Гордон раньше был гением а теперь даже неможет читать книги и хорошо писать.

Я беру ссобой пару книг и даже если я несмогу их читать я буду много упражнятца и может я забуду не все что я выучл. Если я очинь постараюсь может я буду немножко умнее чем до апирации. У меня есть кроличья лапка и счасливое пенни и можетбыть они мне помогут.

Мисс Киннион если вы когданибудь прочтете это не жалейте меня я очинь рад что я использывал еще один шанс стать умным потомучто я узнал много разных вещей а раньше я никогда даже незнал что они есть на свете и я благодарн за то что я хоть наминутку это увидел.

Я незнаю почему я опять стал глупым и что я сделал петак может это потому что я не очинь сильно старался. Но может если я постараюсь и буду много упражняца я стану немножко умнее и буду знать что значат все слова. Я немножко помню как мне было приятно когда я читал синюю книжку с порваной обложкой. Поэтому я обязательно буду все время старатца стать умным чтобы мне опять было так хорошо. Это очинь приятно знать разные вещи и быть умным. Я бы хотел быть таким прямо сейчас еслибы так я сел бы и все время читал. А всетаки я наверняка первый во всем мире глупый человек который

открыл чтото важное для науки. Я помню что я чтото сделал но только непомню что. Кажеца я вроде сделал чтото для всех таких глупых людей как я.

Прощайте мисс Киннион и доктор Штраусс и все и P. S. пожалуста скажите доктору Немюру чтобы он так неворчал когда над ним смеюца и у нево будет больше друзей. Совсем нетрудно иметь друзей если разрешаеш людям над собой смеятца. Там куда я еду у меня будет много друзей.

P.P.S. Если у вас будет возможность положите пожалуста немножко цветов на могилу Элджернона которая на заднем дворе...

ЛЛОЙД
БИГГЛ-МЛАДШИЙ

«КАКАЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ШКОЛА!..»

Мисс Милдред Болц всплеснула руками и воскликнула: «Какая прелестная школа!»

Школа восхитительно поблескивала под ярким утренним солнцем — голубовато-белый оазис пастельных цветных пятен, жемчужина среди стандартных башен, куполов и шпилей буйно разросшейся метрополии.

Но, даже произнося эти слова, мисс Болц сделала мысленную оговорку. Форма у здания была неудачная, утилитарная — просто коробка. Лишь окраска придавала ему прелесть.

Водитель аэротакси чертыхался себе под нос, оттого что залетел не па ту линию и теперь не мог развернуться. Он виновато взглянул на пассажирку и переспросил:

— Вы что-то сказали?

— Да, я о школе, — повторила мисс Болц. — Прелестный цвет.

Машина пробралась к следующему развороту, описала полукруг и вылетела на нужную линию. Тогда водитель снова обернулся к пассажирке.

— Про школы я слыхал. Они когда-то были на западе. Но это не школа.

Мисс Болц растерянно заглянула в его серьезные глаза, надеясь, что она не слишком краснеет. Женщине в ее возрасте неудобно краснеть. Она сказала:

— Должно быть, я вас не так поняла. Мне надо было в...

— Да, мэм. Это тот адрес, что вы назвали.

— В таком случае... конечно же, это школа! Я учительница. Буду здесь преподавать.

Он покачал головой.

— Нет, мэм. У нас нет никаких школ.

Посадка была такой неумолимо внезапной, что мисс Болц проглотила свои возражения и вцепилась в предохранительный пояс. Но вот машина села на стоянке, и водитель открыл дверцу. Мисс Болц расплатилась и вышла из такси с достоинством, подобающим учительнице средних лет. Ей хотелось докопаться до сути странного представления о школах, но не стоило опаздывать на прием. Да и вообще... какая чепуха. Что же это, если не школа?

В лабиринте коридоров, помеченных двумя, а то и тремя буквами, каждый поворот, казалось, вел не туда, и мисс Болц уже с трудом дышала и боролась с легким приступом страха, когда, наконец, прибыла по назначению. Секретарша спросила у нее фамилию и строго сказала:

— Мистер Уилбинс вас ждет. Входите же.

На двери висела замораживающая табличка: «РОДЖЕР УИЛБИНС, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО УЧЕБНОЙ ЧАСТЬЮ (СРЕДНЯЯ ШКОЛА), СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ОКРУГ США, БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ». Мисс Болц замешкалась, и секретарша повторила:

— Входите же.

— Благодарю вас,— отозвалась мисс Болц и открыла дверь.

В центре огромной комнаты за письменным столом сидел человек со свирепо-бессмысленным выражением лица. Внимание мистера Уилбинса было поглощено бумагами, разбросанными по всему столу, и он молча указал ей на кресло, не давая себе труда поднять глаза. Она прошла через комнату напряженно, как по натянутому канату, и села.

— Вам придется чуть-чуть подождать,— сказал мистер Уилбинс.

Мисс Болц приказала себе успокоиться. Она же не вчера со студенческой скамьи, не девчонка, что с замиранием сердца ищет первой работы. У нее за плечами двадцатипятилетний стаж, и она всего лишь явилась по новому месту назначения.

Однако нервы не повиновались приказу.

Мистер Уилбинс собрал бумаги в стопку, постучал ими о стол и вложил в папку.

— Мисс... э... э... Болц, — сказал он.

Она, как зачарованная, глаз с него не сводила — такая у него была причудливая, претенциозная внешность. Он носил очки (приспособление, которого она не встречала много лет), а над верхней губой у него чернела аккуратная полоска волос, какую она видела только в фильмах и на сцене.

— Я ознакомился с вашим личным делом, мисс... э... э... Болц.—Он нетерпеливо отодвинул от себя папку.— Мой вам совет — выходите в отставку. Секретарша даст вам бланки, которые надо заполнить. Всего хорошего!

Неожиданность нападения вернула ей спокойствие. Мисс Болц невозмутимо ответила:

— Ценю ваше внимание, мистер Уилбинс, но в отставку не собираюсь. Так вот, о моем назначении.

— Дорогая мисс Болц! — Он решил быть обходительным. Выражение его лица заметно изменилось и теперь колебалось между улыбкой и ехидной усмешкой.— Меня ведь заботит только ваше благополучие. Насколько я понимаю, отставка связана для вас с финансовыми лишениями, и при данных обстоятельствах я считаю себя обязанным добиться соответствующего увеличения вашей пенсии. Вы будете обеспечены, получите возможность заниматься чем хотите, и поверьте, вы не...— Он выждал, постучал пальцем по столу.— ...Не пригодны к работе учителя. Как вам ни неприятны мои слова, это чистая правда, и чем скорее вы поймете...

Какое-то злосчастное мгновение она была не в силах сдержать смех. Мистер Уилбинс осекся и сердито воззрился на нее.

— Извините,— сказала она, отирая глаза.— Я пре-

подаю вот уже двадцать пять лет — и хорошо преподаю, как вам известно, если вы прочитали мои характеристики. Работа учителя — вся моя жизнь, я люблю это дело, и сейчас уже поздновато говорить мне, что я не гожусь в учителя.

— Преподавание — профессия молодых, а вам под пятьдесят. Да, кроме того, мы должны считаться с вашим здоровьем.

— Которое не оставляет желать лучшего,— вставила она.— Правда, я перенесла рак легких. На Марсе это не редкость. Он легко излечивается.

— Если верить вашим бумагам, вы перенесли это заболевание четырежды.

— Четырежды перенесла и четырежды вылечилась. Я вернулась на Землю только потому, что врачи считали, будто у меня особое предрасположение к марсианскому раку.

— Преподавание на Марсе...— Он пренебрежительно махнул рукой.— Вы нигде больше не преподавали, а когда вы были студенткой, ваш колледж готовил учителей специально для Марса. В преподавании произошла революция, мисс Болц, но вы об этом даже не подозреваете.— Он опять строго постучал по столу.— Вы не пригодны к преподавательской работе. По крайней мере в нашем округе.

Она упрямо ответила:

— Будете вы соблюдать условия контракта или мне придется действовать через суд?

Он пожал плечами, взял в руки папку.

— Английский письменный и устный. Десятый класс. Надо полагать, вы думаете, что справитесь.

— Справлюсь.

— Ваш урок — ежедневно с четверти одиннадцатого до четверти двенадцатого, кроме субботы и воскресенья.

— Меня не интересует частичная загрузка.

— Это полная загрузка.

— Пять часов в неделю?

— Считается, что сорок часов в неделю у вас будут уходить на подготовку к урокам. Скорее всего вам понадобится еще больше времени.

— Понятно,— сказала она. Ни разу в жизни она не чувствовала такого замешательства.

— Занятия начнутся со следующего понедельника. Я выделю вам студию и сейчас же созову техническое совещание.

— Студию?

— Студию.— В его голосе прозвучала нотка злорадного удовольствия.— У вас будет примерно сорок тысяч учеников.

Он вынул из ящика письменного стола две книги. Одна из них, чрезвычайно увесистая, называлась «Техника и приемы телеобучения», а другая, отпечатанная на ротаторе и переплетенная в пластик,— программа по английскому языку для десятого класса северо-восточного школьного округа США.

— Здесь все нужные вам сведения,— сказал он.

Мисс Болц с запинкой произнесла:

— Телеобучение? Значит... мои ученики будут слушать меня по телевизору?

— Безусловно.

— Значит, я их никогда не увижу?

— Зато они вас увидят, мисс Болц. Этого вполне достаточно.

— Наверное, экзамены будут принимать машины, но как быть с сочинениями? Я ведь за целый семестр не успею проверить даже одно задание.

Он нахмурился.

— Никаких заданий нет. Экзаменов тоже нет. По-видимому, на Марсе все еще прибегают к экзаменам и заданиям, чтобы заставить учеников заниматься, но мы шагнули далеко вперед по сравнению с таким средневековьем в образовании. Если вы собираетесь вколачивать материал при помощи экзаменов, сочинений и тому подобного, выбросьте это из головы. Все эти приемчики характерны для бездарного учителя, и мы бы их не допустили, даже если бы существовала практическая возможность допустить, а ее-то и не существует.

— Если не будет ни экзаменов, ни сочинений и если я никогда не увижу учеников, то как же мне оценивать свою работу?

— Для этого у нас есть свои методы. Будете каждые две недели узнавать показатель Тендэкз. У вас все?

— Еще один вопрос.— Она слабо улыбнулась.— Не объясните ли вы, почему так явно настроены против моего сотрудничества?

— Объясню,— равнодушно ответил он.— У вас на руках устаревший контракт, который мы обязаны соблюдать, но мы-то знаем, что вам не выдержать договорного срока. Когда вы уйдете, придется среди учебного года искать вам замену, а до тех пор несколько недель сорок тысяч учеников будут учиться плохо. Если вы до понедельника передумаете, я гарантирую, что пенсия вам будет выплачиваться полностью. Если нет, учтите: суды признают за нами право увольнения учителя по непригодности независимо от его должности и стажа.

Секретарша мистера Уилбинса назвала номер комнаты.

— Это будет ваш кабинет,— сказала она.— Подождите там, я кого-нибудь пришлю.

Кабинет был маленький, в нем стояли книжные шкафы, письменный стол, картотека и проекционный аппарат. Узкое оконце позволяло увидеть длинные ряды таких же узких окошек. В стену против письменного стола был вмонтирован телевизионный экран размером метр двадцать на метр двадцать. У мисс Болц это был первый в жизни кабинет, и она уселась за письменным столом, чувствуя, как неодобрительно хмурятся унылые серовато-коричневые стены, ощущая одиночество, смирение и немалый страх.

Зазвонил телефон. Она стала отчаянно разыскивать его, обнаружила на пульте в углублении письменного стола, но к этому времени звонки прекратились. Она осмотрела весь письменный стол и нашла другой пульт с дисками настройки телевизора. Всего было четыре диска, и на каждом — цифры от нуля до девяти. Она подсчитала, что число возможных каналов составляет 9999. Она испробовала несколько номеров, но экран оставался пустым, и только канал 0001 откликнулся объявлением: «ЗАНЯТИЯ НАЧИНАЮТСЯ В ПОНЕ-

ДЕЛЬНИК, 9 СЕНТЯБРЯ, СЕЙЧАС ПРОВОДИТСЯ РЕГИСТРАЦИЯ. ЕСЛИ ХОТИТЕ БЫТЬ ДОПУЩЕННЫМ К ЗАНЯТИЯМ И ПОЛУЧИТЬ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОКОНЧАНИИ КУРСА, ЗАРЕГИСТРИРУЙТЕСЬ».

В дверь постучали. Вошел добродушный с виду, седеющий человек лет за пятьдесят; он представился: «Джим Паргрин, главный инженер». Паргрин присел на краешек письменного стола и широко улыбнулся.

— Я уж боялся, что вы заблудились. Я звонил, а мне никто не ответил.

— Пока я нашла телефон, вы повесили трубку,— объяснила мисс Болц.

Он усмехнулся, потом стал серьезен.

— Значит, вы с Марса. А знаете ли вы, на что напросились?

— Вас прислали запугивать меня?

— Меня никто никогда не пугается, если не считать молоденьких инженеров. Просто я подумал... ладно, неважно. Пойдемте в вашу студию, я вам объясню что к чему.

Ряды кабинетов быстро остались позади, и в каждом кабинете было широкое застекленное окно, выходящее в коридор. Мисс Болц все это напомнило марсианский аквариум, куда она порой водила учеников, чтобы показать им диковинную морскую жизнь Земли.

Паргрин отпер дверь и вручил мисс Болц ключ.

— Шесть — четыре — три — девять. От кабинета далековато, но хоть на одном этаже.

Перед узкой доской раскорячился уродливый черный письменный стол на толстых металлических ножках. С противоположной стены глазела вниз камера, а рядом с нею был контрольный экран. Паргрин открыл пульт управления, и внезапно вспыхнувший свет ослепил мисс Болц.

— Вы преподаете английский, поэтому они считают, что специальное оборудование вам не нужно,— сказал Паргрин.— Видите эти кнопки? Первая дает обзор стола, доски и пола вон до той линии. Вторая — крупный план стола. Третья — крупный план доски.

— Не понимаю.

Он коснулся другого выключателя.

— Смотрите.

Контрольный экран осветился, как бы ожил. Мисс Болц оказалась к нему лицом — лицом к коренастой женщине средних лет — и подумала, что экран безжалостно стирает ее. Платье, купленное накануне после долгих колебаний и за слишком большую цену, стало непривлекательным цветным пятном.

— Попробуйте вторую,— посоветовал Паргрин.

Она села за стол и нажала вторую кнопку. Камера дернулась, мисс Болц увидела себя крупным планом и содрогнулась. Третий кадр — мисс Болц у доски — был не лучше.

Паргрин выключил камеру и закрыл пульт управления.

— Вот здесь, у двери, табельная кнопка,— сказал он.— Если вы не нажали ее до четверти одиннадцатого, ваш урок автоматически отменяется. И еще: как только кончится ваш урок, в четверть двенадцатого, надо сразу уйти, чтобы очередной учитель приготовился к следующему уроку — он начинается в одиннадцать тридцать. Правда, считается хорошим тоном стереть с доски и прибрать на столе. Мел в ящике стола. Все ясно?

— По-моему, да,— ответила мисс Болц.— Неясно только, как я должна преподавать английский письменный и устный, не слыша, как ученики говорят, и не видя, что они пишут.

Пока они шли из студии, он молчал.

— Я понимаю ваше недоумение,— сказал он, когда они вернулись в ее кабинет.— Когда я был ребенком, все было иначе. Телевизор я смотрел, когда мне разрешали родители, а в школу ходил вместе с другими ребятишками. Но теперь все изменилось и, видимо, к лучшему. По крайней мере важные чины говорят, что нынешняя система целесообразнее. Как бы там ни было, желаю больших удач.

Она снова уселась за письменным столом и задумчиво раскрыла «Технику и приемы телеобучения».

В понедельник утром, в пять минут одиннадцатого, мисс Болц нажимала на табельную кнопку в своей студии. За это она была вознаграждена светом белой лам-

почки над контрольным экраном. Мисс Болц села за письменный стол, нажала на кнопку номер два и сложила руки в ожидании.

Ровно в четверть одиннадцатого белый огонек сменился красным, и с контрольного экрана неодобрительно глянуло ее лицо.

— Доброе утро,— сказала она.— Начинаем урок английского языка для десятого класса. Я мисс Болц.

Она решила посвятить первый урок знакомству с учениками. Пусть ей не суждено познакомиться с тысячами учеников, зато они узнают о ней хоть что-нибудь. Уж этого-то она у них не отнимет.

Она рассказала о годах работы на Марсе, о том, как ученики приходили в школу гурьбой, объяснила, что в одном классе занималось человек двадцать — двадцать пять, не так, как здесь,— сорок тысяч человек сидят перед сорока тысячами телевизоров. Описала перемены, упомянув, что школьники, выходя поиграть за пределы защитного купола, всегда надевают респираторы. Рассказала об экскурсиях, во время которых класс, а иногда и вся школа, изучал растительность Марса, его минералы, его почву. Она привела несколько вопросов о Земле, чаще всего задаваемых марсианскими школьниками.

Невыносимо медленно ползли минуты. Мисс Болц казалось, будто она пленница немигающего глаза камеры, ее изображение на контрольном экране приняло измученный и перепуганный вид. Она не подозревала, что урок может стать таким непосильным трудом.

Конец часа пришел как смертная агония. Мисс Болц слабо улыбнулась, и с контрольного экрана ее изображение выдавило отвратительную пародию на улыбку.

— До завтра,— сказала мисс Болц.— Всего хорошего.

Красный свет сменился белым. Мисс Болц с содроганием бросила последний взгляд на камеру и обратилась в бегство.

Она потерянно сидела за письменным столом у себя в кабинете и пыталась сдержать слезы, когда к ней заглянул Джим Паргрин.

— Что случилось? — спросил он.

— Просто я жалею, что не осталась на Марсе.

— С чего это вы? Начало превосходное.

— Не думаю.

— А я думаю. — Он улыбнулся. — Сегодня на последних десяти минутах мы замерили пробный Тендэкз. Иногда это делается для новых учителей. Большинство учащихся начинает занятия по своей программе, но если учитель слаб, ученики быстро переключаются на что-нибудь другое. Вот мы и устраиваем проверку в конце первого урока — смотрим, как дела у нового учителя. Уилбинс попросил замерить вам Тендэкз и сам проследил за этой процедурой. По-моему, он был раздосадован.— Паргрин лукаво усмехнулся.— Показатель чуть-чуть ниже ста, то есть практически идеален.

Он вышел, прежде чем мисс Болц успела поблагодарить, а когда она снова склонила голову над письменным столом, уныние рассеялось как по волшебству. Мисс Болц с воодушевлением окунулась в переработку программы английского языка для десятых классов.

«Рекомендуемые пьесы,— стояло в плане.— «Нельзя жениться на слонихе» Г. Н. Варга. Восхитительный фарс...»

Решительной рукой мисс Болц перечеркнула этот абзац и записала на полях: «В. Шекспир. Венецианский купец». Увлекательный роман Персивала Оливера о Старом Западе «Одеяла в седле и шестиствольные пистолеты» она заменила «Повестью о двух городах» Диккенса. Раздела, посвященного поэзии, мисс Болц вообще не нашла, и пришлось создавать его самостоятельно. Ее перо безжалостно искромсало план, но мисс Болц не чувствовала угрызений совести. Разве в справочнике не было указано, что самостоятельность учителя достойна похвалы?

На другое утро, направляясь по коридору в студию, она больше не волновалась.

Недружелюбные просторы здания и унылое одиночество кабинета так подавляли, что мисс Болц стала готовиться к урокам у себя дома. К середине третьей недели она отыскала путь на десятый этаж, где, как

было указано в справочнике, находился кафетерий. В очереди у раздаточного автомата, в молчаливом окружении молодых учителей и учительниц мисс Болц чувствовала себя прямо-таки доисторической древностью.

Когда она направилась к столику, кто-то замахал ей рукой. Джим Паргрин встал, взял у нее из рук поднос. Незнакомый человек помоложе выдвинул ей стул. После долгих часов одиночества мисс Болц просто задыхалась от неожиданного внимания к себе.

— Это мой племянник,— сказал Паргрин.— Лайл Стюарт. Он преподает физику. Мисс Болц — учительница с Марса.

Молодой человек был смугл, красив, охотно улыбался. Мисс Болц сказала, что рада познакомиться с ним, и нисколько не покривила душой.

— Да ведь вы первый учитель, с которым я хоть словом перемолвилась! — воскликнула она.

— Как правило, мы избегаем друг друга, — согласился Лайл Стюарт.— В нашей профессии, сами понимаете, выживают наиболее приспособленные.

— Но, казалось бы, лучше объединиться...

Стюарт покачал головой.

— Предположим, вы придумали что-то сильнодействующее. У вас высокий Тендэкз, это известно другим учителям. Вот они и смотрят ваши уроки и, если могут, крадут у вас находки. Вы, в свою очередь, смотрите их уроки, чтобы воспользоваться их находками, и замечаете, что они применяют вашу технику. Вам, естественно, это не нравится. Среди наших учителей дело доходит до драк, судебных процессов и злостных интриг. В лучшем случае, мы друг с другом не разговариваем.

— Как вам здесь нравится? — спросил Паргрин у мисс Болц.

— Скучаю по ученикам,— ответила она.— Меня тревожит, что я с ними не знакома и не могу следить за их успехами.

— Не пытайтесь примешивать сюда абстрактные понятия вроде успехов,— с горечью сказал Стюарт.— Теория нового обучения смотрит на дело так: мы подвергаем ученика воздействию какого-то материала по

нужному предмету. Воздействие имеет место у ученика на дому, то есть в самой естественной для него среде. Ученик усвоит столько, сколько позволят его индивидуальные способности, а большего мы не вправе ожидать.

— Ребенок лишен чувства свершения — у него нет стимула к учебе,— возразила мисс Болц.

— При новом обучении то и другое неважно. Мы всячески прививаем навыки, которые сделали рекламу столь важным фактором нашей экономики. Привлечь внимание человека, заставить его покупать против своей воли. Или привлечь внимание ученика, заставить его учиться, хочет он того или нет.

— Но ведь ученики не получают общественных навыков!

Стюарт пожал плечами.

— Зато в нашей школе не возникает проблема дисциплины. Не надо следить за внешкольной деятельностью учеников. Я вас не переубедил?

— Конечно, нет!

— Пусть это останется вашей тайной. И, между нами, скажу вам, какой фактор самый решающий в философии нового обучения. Деньги. Вместо того чтобы вкладывать целые состояния в земли и здания, вместо того чтобы содержать тысячи школ, мы строим одну телестудию. Еще одно состояние экономится за счет заработной платы учителя: один учитель приходится не на двадцать-тридцать учеников, а на много тысяч. Одаренные ребятишки будут учиться, как ни скверно обучение, а это все, что нужно нашей цивилизации: горстка одаренных людей, которые создадут уйму одаренных машин.— Он отодвинул свой стул.— Приятно было познакомиться с вами, мисс Болц. Может быть, мы станем друзьями. Вы преподаете английский, я — физику, навряд ли мы будем обворовывать друг друга. А теперь мне надо идти выдумывать новые трюки. Мой Тендэкз скакнул вниз.

Мисс Болц задумчиво смотрела ему вслед.

— У него слишком утомленный вид.

— У учителей по большей части не такие контракты, как у вас, — пояснил Паргрин. — Их можно уво-

лить в любую минуту. После этого учебного года Лайл хочет перейти в промышленность, а если его уволят, ему нелегко будет найти работу.

— Он отказывается от профессии учителя? Какой позор!

— Это бесперспективная профессия.

— У хорошего учителя всегда есть перспективы.

Паргрин покачал головой.

— Центральный округ уже дает экспериментальные уроки, записанные на кинопленку. Наймите хорошего учителя, отснимите год его работы — и больше не надо никаких учителей. Нет, преподавание лишено будущего. Вам сообщили ваш показатель Тендэкз?

— Да нет. А должны были?

— Сведения поступают раз в две недели. Вчера рассылали очередные.

— Я ничего не получила.

Он тихонько выругался и примирительно посмотрел на мисс Болц.

— Мистер Уилбинс бывает коварен, если ему нужно. Вероятно, хочет застать вас врасплох.

— Боюсь, что я ничего не смыслю в этих показателях.

— В них нет ничего сложного. Раз в две недели мы делаем для каждого учителя выборку тысячи его учеников. Если все смотрят положенный урок, Тендэкз учителя равен ста. Если смотрит только половина, Тендэкз — пятьдесят. У хорошего учителя Тендэкз как раз и составляет пятьдесят. Если Тендекз падает ниже двадцати, учителя увольняют. За непригодностью.

— Значит, дети могут не смотреть урок, если не хотят?

— Родители обязаны приобрести телевизор,— ответил Паргрин.— Они должны следить, чтобы ребенок проводил классные часы перед телевизором — это называется «следить за посещаемостью»; но они не отвечают за то, что именно смотрит ребенок. Иначе пришлось бы следить за ребенком поминутно, а суды считают, что это бессмысленно. Так вот, ученики сидят у телевизоров, и телевизоры включены, но если им не нравится ваш урок, они могут переключиться на что-

нибудь другое. Теперь вы видите, как важно для учителя, чтобы его уроки были занимательными.

— Понимаю. А какой у меня Тендэкз?

Он отвернулся.

— Нуль.

— Вы хотите сказать... никто не смотрит? А я-то думала, что все делаю правильно.

— Должно быть, в первый день вы сделали что-то такое, чем они увлеклись. Может, это им с тех пор приелось. Такое бывает. А вы смотрели уроки других учителей?

— Да нет же! Я так занята, что мне это и в голову не приходило.

— Возможно, Лайл что-нибудь придумает. Я просил его зайти к вам в кабинет перед двухчасовым уроком. А потом... что ж, посмотрим.

Лайл Стюарт разложил на письменном столе какие-то бумаги, и мисс Болц склонилась над ними.

— Вот показатели Тендэкз, — сказал он. — Вам тоже полагался экземпляр.

Мисс Болц пробежала глазами список фамилий и нашла свою. Болц Милдред. Английский, десятый класс. Время — 10.15. Канал 6439. Нуль. Средний годовой показатель — нуль.

— Речь идет о том, что вам надо решиться на какие-то трюки, — продолжал Стюарт. — В два часа начнется урок Марджори Мак-Миллан. Она преподает английский для одиннадцатого класса, у нее Тендэкз шестьдесят четыре. Это очень много. Посмотрим, как она этого добивается.

Он установил диски в нужном положении.

Ровно в два часа появилась Марджори Мак-Миллан, и поначалу мисс Болц с ужасом заподозрила, что та раздевается. Туфли и чулки Марджори Мак-Миллан были аккуратно сброшены на пол. Она как раз расстегивала блузку. Марджори Мак-Миллан глянула прямо в объектив.

— Что вы здесь делаете, кошечки и котики? — проворковала она. — А мне-то казалось, что я одна.

Это была нарядная блондинка, красивая вызывающей, вульгарной красотой. Ее одежда выставляла напоказ умопомрачительные формы. Марджори Мак-Миллан улыбнулась, тряхнула головой и на цыпочках попятилась.

— Ну да ладно, раз уж я среди друзей...

Блузки не стало. За нею пришел черед юбки. Марджори Мак-Миллан предстала в соблазнительно легком костюме, состоящем только из трусиков и лифчика. Камера превосходно передавала его золотисто-алую гамму. Марджори Мак-Миллан прошлась в танце и мимоходом нажала кнопку крупного плана доски.

— Пора приниматься за работу, дорогие кошечки и котики, — сказала она. — Вот это называется «предложение». — Она произносила фразу вслух, пока выписывала ее на доске. — Человек... шел... по улице. «Шел по улице» — это то, что делал человек. Это называется «сказуемое». Смешное слово, верно? Вы все поняли?

Пораженная мисс Болц негодующе воскликнула:

— Английский для о д и н н а д ц а т о г о класса?

— Вчера мы с вами проходили глагол, — говорила Марджори Мак-Миллан. — Помните? Держу пари, что вы невнимательно слушали. Держу пари, что вы и сейчас слушаете невнимательно.

Мисс Болц ахнула. Лифчик на Марджори вдруг расстегнулся. Его концы свободно затрепыхались, и мисс Мак-Миллан подхватила его уже на лету.

— На этот раз чуть не свалился, — заметила она. — Может быть, на днях свалится. Вы ведь не хотите это пропустить, правда? Следите же внимательно. А теперь займемся этим гадким сказуемым.

Мисс Болц тихо произнесла:

— Вы не находите, что для меня все это исключается?

Стюарт выключил изображение.

— У нее высокий показатель недолго продержится, — сказал он. — Как только ее ученики поймут, что эта штука никогда не свалится... Давайте-ка лучше посмотрим вот это. Английский для десятого класса. Мужчина. Тендэкз сорок пять.

Учитель был молод, сравнительно красив и, бесспорно, умел. Он балансировал мелом на носу. Он жонглировал ластиками. Он пародировал знаменитостей. Он читал вслух современную классику — «Одеяла в седле и шестиствольные пистолеты», и не просто читал, а воспроизводил действие, уползал за письменный стол и тыкал оттуда в камеру воображаемым шестиствольным пистолетом. Зрелище было весьма внушительное.

— Ребята будут его любить, — заметил Стюарт. — Этот учитель продержится. Посмотрим, нет ли чего-нибудь еще.

Была учительница истории — степенная женщина, одаренная незаурядным талантом художника. Она с поразительной легкостью рисовала шаржи и карикатуры, веселой беседой увязывая их воедино.

Был учитель экономики — он показывал фокусы с картами и монетами.

Были две молодые женщины, которые явно подражали Марджори Мак-Миллан, но проделывали все не так откровенно. Их показатели были поэтому гораздо ниже.

— Хватит, теперь вы получили представление о том, какая перед вами задача, — сказал Стюарт.

— Если учитель умеет только обучать, он оказывается в страшно невыгодном положении,— задумчиво подытожила мисс Болц. — Эти учителя просто актеры. Они не обучают, а только потешают.

— Они обязаны освещать свой предмет в рамках программы. Если ученики смотрят телевизор, они не могут не усвоить хоть ч т о - н и б у д ь

На бесплодном, негостеприимном Марсе мисс Болц двадцать пять лет мечтала о Земле. Мечтала пройтись босиком по зеленой траве, и чтобы вокруг были зеленые деревья и кустарник, а над головой вместо неразличимой прозрачности атмосферного купола — бездонное голубое небо. В унылой марсианской пустыне мисс Болц мечтала о бурных волнах океана, вздымающихся до самого горизонта.

И вот она снова на Земле, живет в бескрайнем городском комплексе Восточных США. На крохотные парки покушаются улицы и дома. Голубое небо почти не видно из-за воздушного движения. Океан она видела мельком раза два, из окна аэротакси.

Но где-то ведь остались зеленеющие поля, озера, реки и океан — только поезжай туда! А мисс Болц все работала. Корпела над материалами, готовясь к урокам. Часами записывала и переписывала примеры, часами детальнейшим образом репетировала, снова и снова повторяла часовой урок, прежде чем отдать его на съедение жадному глазу камеры.

И никто на нее не смотрел. В течение первых же двух недель она теряла учеников десятками, сотнями, тысячами, и, наконец, не осталось ни единого.

Мисс Болц пожала плечами, изгнала мысли о своем унижении и взялась за «Венецианского купца». Джим Паргрин помог ей, дав возможность продемонстрировать великолепные фильмы о Венеции и разные экранизации пьесы.

Мисс Болц грустно сказала:

— Ну не обидно ли показывать такие прекрасные ленты, когда их никто не смотрит?

— Я смотрю,— возразил Паргрин.— С удовольствием.

Его добрые глаза опечалили мисс Болц, напомнив давнее — красивого юношу, который провожал ее на Марс, смотрел на нее таким же взглядом и обещал приехать, как только окончит политехнический колледж. Он поцеловал ее на прощанье, а потом она узнала, что он погиб в нелепой катастрофе. Долгие годы пролегли между двумя нежными взглядами, но мисс Милдред Болц не находила, что эти годы прошли впустую. Она никогда не считала труд учителя неблагодарным, пока не оказалась в тесной комнате под окном камеры.

Когда рассылались очередные показатели Тендэкз, ей позвонил Паргрин.

— Вы получили экземпляр?

— Нет.

— Я раздобуду и пришлю вам.

Так он и сделал, но мисс Болц и без того знала, что показатель у Болц Милдред английский, десятый и так далее — нуль.

Она перерыла библиотеки в поисках книг по технике телеобучения. Книги пестрели примерами тем, выгодных для наглядного изложения, но почти не помогали преподавать английский десятому классу.

Мисс Болц обратилась к педагогическим журналам и исследовала тайны нового обучения. Она прочитала о том, что личность священна, и о праве ученика получать образование на дому, не отвлекаясь на общественные обязанности. Прочитала о психологической опасности конкуренции среди учителей и о пагубе искусственных критериев; о вреде устаревшего группового метода обучения и его зловещей роли в росте детской преступности.

Паргрин принес новые показатели Тендэкз. Мисс Болц вымученно улыбнулась.

— Опять нуль?

— Ну, не совсем.

Она уставилась на бумагу, мигнула, опять уставилась. Показатель был 0,1 — одна десятая процента. Затаив дыхание мисс Болц произвела в уме кое-какие арифметические действия. У нее есть один ученик! В тот миг она бы отказалась от будущей пенсии, лишь бы познакомиться с этим верным подростком.

— Как по-вашему, что теперь будет? — спросила она.

— С вашим контрактом шутить не приходится. Уилбинс ни шага не предпримет, пока не будет уверен, что дело бесспорное.

— Так или иначе, приятно сознавать, что у меня есть ученик. Как вы думаете, может быть, он не один?

— А почему вы не предложите им написать? Письма учеников пригодятся вам на суде как доказательства.

— Меня не интересуют доказательства,— ответила она,— но я попрошу, чтобы мне написали. Спасибо.

— Мисс... э-э... Милдред...

— Да?

— Нет, ничего. То есть я хотел... Вы бы не согласились завтра пообедать со мной?

— Охотно.

Целую неделю мисс Болц не решалась попросить своих учеников, чтобы они ей написали. Причину своих колебаний мисс Болц понимала слишком хорошо. Она боялась не получить ответа.

Но вот настало утро, когда она кончила излагать урок за минуту до звонка, сложила руки и натянуто улыбнулась камере.

— Я хочу попросить вас об одной услуге. Пусть каждый напишет мне письмо. Расскажите о себе. Расскажите, нравятся ли вам произведения, которые мы проходим. Вы обо мне все знаете, а я ничего о вас не знаю. Пожалуйста, напишите мне.

Мисс Болц получила одиннадцать писем. Благоговейно вскрыла их, любовно перечитала и с возрожденной верой в себя стала объяснять «Повесть о двух городах».

Она показала письма Джиму Паргрину и, когда он кончил читать, заметила:

— Таких ведь тысячи — способные, пылкие детишки, которые были бы рады учиться, если бы все это развлекательство не одурманило их до пассивного безразличия.

— Уилбинс не подавал голоса?

— Ничуть.

— Он распорядился, чтобы следующий ваш Тендэкз я составлял не по тысячной, а по двухтысячной выборке. Я сказал, что для этого нужно особое распоряжение дирекции. Навряд ли он станет возиться.

— Очевидно, он готовится что-то предпринять.

— Боюсь, что так,— сказал Паргрин.— По-настоящему пора выработать свою линию защиты. Вам нужен будет адвокат.

— Не знаю, стану ли я защищаться. Я вот думаю, что надо попытаться найти частные уроки.

— Учтите, что есть частные школы. Тот, у кого есть деньги, посылает туда своих детишек. Тот, у кого нет денег, не может платить и вам.

— Все равно, как только у меня появится свободное время, я навещу тех ребят, которые мне написали.

— В понедельник будет очередной Тендэкз,— сообщил Паргрин.— Тогда-то, наверное, Уилбинс подаст голос.

В понедельник утром ее вызвал Уилбинс. Она не видела его со дня первого разговора, но в ее памяти крепко запечатлелись сварливые манеры и нелепая внешность заместителя заведующего.

— Вы знаете, что такое показатель Тендэкз? — спросил Уилбинс.

Мисс Болц знала, что он нарочно оставлял ее в неведении, и простодушно покачала головой. Она не испытывала при этом угрызений совести.

Уилбинс терпеливо объяснил принцип и цель подсчета.

— Если Тендэкз так важен, как вы рассказываете,— спросила мисс Болц,— то почему учителям не сообщают, какой у них показатель?

— А им сообщают. Они получают экземпляр каждой сводки.

— Я ничего не получала.

— Это, вероятно, случайное упущение — ведь вы здесь только первый семестр. Но вот у меня они все здесь, кроме сегодняшней, которую принесут, как только она будет готова. Прошу вас, можете ознакомиться.

Он перебрал все сводки, педантично отыскивая ее нули. Дойдя до показателя 0,1, он помедлил.

— Вот видите, мисс Болц, из каждой тысячи ваш урок смотрит лишь один ученик. С таким скверным показателем мы еще не сталкивались. Я вынужден просить вас уйти добровольно, а в случае вашего отказа у меня не останется выбора...

Он умолк на полуслове, так как тут на цыпочках вошла секретарша с новой сводкой Тендэкзов.

— Ага. Спасибо. Так вот. Болц Милдред...

Его палец потешно дрогнул. Уилбинс, казалось, онемел. Мисс Болц отыскала свое имя и повела пальцем вниз по столбцу, к показателю.

Там стояло двадцать семь.

— Как видно, я исправилась,— услышала она собственный голос.— У вас есть еще что-нибудь?

Уилбинс не сразу оправился от потрясения, а когда заговорил, его голос стал заметно тоньше.

— Нет. Больше ничего.

Выходя из приемной, мисс Болц невольно подслушала, как Уилбинс сердито простонал в переговорный рупор:

— Паргрина. Немедленно позвать ко мне Паргрина.

Паргрин поджидал ее в кафетерии.

— Надеюсь, все кончилось благополучно,— сказал он с напускной небрежностью.

— Слишком благополучно.

Он откусил чуть ли не половину бутерброда и стал сосредоточенно жевать.

— Зачем ты это сделал, Джим?

— Что именно?

— Подтасовал мой Тендэкз.

— Тендэкз никто не подтасовывает. Это невозможно. Спроси Уилбинса, если не веришь,— ответил он и мягко прибавил: — Как ты узнала?

— Это единственно возможное объяснение, и напрасно ты так сделал. У тебя могут быть неприятности, а ведь ты только оттягиваешь неизбежное. В следующей сводке я опять окажусь на нуле.

— Неважно. Рано или поздно Уилбинс что-нибудь предпримет, но теперь он не будет действовать сгоряча.

Они ели в молчании, пока не появился заведующий кафетерием и не сообщил о срочном вызове к мистеру Уилбинсу. Паргрин подмигнул мисс Болц:

— По-моему, я сейчас получу большое удовольствие. Ты будешь днем в кабинете?

Она покачала головой:

— Пойду навещать учеников.

— Значит, увидимся завтра.

Мисс Болц задумчиво посмотрела ему вслед. Она искренне надеялась, что не навлекла на него беду.

На крыше, на посадочной площадке, мисс Болц попросила, чтобы ей вызвали аэротакси. Ожидая, она вынула из сумки и перечитала письмо.

«Меня зовут Дэррел Уилсон. Мне шестнадцать лет, почти все свое время я провожу дома, потому что я перенес полиомиелит и теперь частично парализован. Я люблю ваши уроки. Нельзя ли нам пройти еще какие-нибудь пьесы Шекспира?»

— Ваша машина, мэм.

— Спасибо.— Мисс Болц положила письмо в сумочку и проворно поднялась по лесенке в такси.

* * *

Джим Паргрин взъерошил себе волосы и уставился на мисс Болц.

— Постой, постой. Как ты говоришь? К л а с с н а я к о м н а т а?

— У меня есть девять учеников, которые будут приходить сюда каждый день, как в школу. Надо же их где-то посадить?

Паргрин тихонько прищелкнул языком.

— У Уилбинса откроется кровотечение!

— Занятия по телевидению отнимают у меня пять часов в неделю, и работа спланирована на весь год. Кто станет возражать, если в свободное время я буду вести группу избранных учеников? Им это н у ж н о,— пояснила мисс Болц.

Дети были чудесные, талантливые, но они хотели задавать вопросы, учиться, выражать свои мысли и чувства, видеть сочувственное отношение к своим трудностям. Они отчаянно нуждались друг в друге.

Десятки, сотни тысяч одаренных детей задыхались интеллектуально и морально в бесплодном уединении телевизионных уроков.

— Чего Уилбинс не знает, о том не страдает,— ответил Паргрин.— Во всяком случае, я на это надеюсь. Но... классная комната? Во всем здании нет ничего похожего. Тебе бы не подошла большая студия? Стекло можно завесить портьерой, чтобы никто тебя не беспокоил. А в какое время у твоего класса будут занятия?

— Целый день. С девяти до трех. Они будут приносить с собой завтрак.

— Постой-ка! Не забывай, что у тебя есть и телевизионные уроки. Даже если их никто не смотрит...

— Я не забываю. В течение этого часа мои ученики будут готовить задания. Вот если бы можно было устроить, чтобы я давала телевизионный урок из большой студии...

— Это можно. Я устрою.

— Чудесно! Не знаю, как тебя благодарить.

Он пожал плечами и лукаво отвел глаза.

Трое учеников приехали в инвалидных креслах.

Элла — хорошенькая восприимчивая девочка — родилась безногой и, хотя наука снабдила ее протезами, предпочитала обходиться без них.

Дэррел и Чарлз были жертвами полиомиелита.

Шарон была слепа. Телевизионные фокусники не могли ее потешить, зато она с восторженным выражением лица ловила каждое слово мисс Болц.

По уровню развития эти ученики намного превосходили все классы, какие когда-либо вела мисс Болц. Она почувствовала смирение и немалую тревогу; но тревога рассеялась в первое же утро, едва мисс Болц увидела сияющие лица и поздравила своих учеников с возвратом к старому обучению.

У нее были два сообщника. Джим Паргрин лично занимался технической стороной телевизионного часа и с радостью показывал в кадре весь класс. Лайл Стюарт, не устоявший перед искушением поработать с живыми учениками, ежедневно уделял им два часа, преподавая физику и математику. Мисс Болц твердо установила программу собственных уроков. История, английский, литература и общественные науки. В дальнейшем, если класс не распадется, она введет урок иностранного языка. Эта среда была у нее самым счастливым днем с тех пор, как она вернулась на Землю.

В четверг курьер принес ей казенного вида конверт. Внутри оказалось предупреждение об увольнении.

— Я уже слышал, — отозвался Джим Паргрин, которому она позвонила. — Когда будет разбор дела?

— В ближайший вторник.

— Все сходится. Уилбинс добился разрешения дирекции на внеочередной Тендэкз. Даже пригласил постороннего инженера проследить за этим делом, а для пущей уверенности сделал выборку из двух тысяч учеников. Тебе нужен адвокат. Есть у тебя свой?

— Нет. На Земле я почти никого не знаю.— Мисс Болц вздохнула. Она так воодушевлена была первым днем настоящего преподавания, что грубое столкновение с действительностью ее пришибло.— Боюсь, что адвокат стоит немалых денег, а деньги мне самой понадобятся.

— Такая мелочь, как разбор увольнения в дирекции, стоит недорого. Предоставь это мне — я найду адвоката.

Она хотела возразить, но у нее не было времени. Ученики ждали.

В субботу она обедала с Бернардом Уоллесом — адвокатом, которого порекомендовал Джим Паргрин. Это был маленький пожилой человек с проницательными серыми глазами, колюче поблескивающими из-под прикрытых век. За обедом он без нажима расспрашивал ее о всякой всячине, а когда они отодвинули тарелки со сладким, откинулся на спинку стула, повертел связку ключей на пальце и улыбнулся.

— Среди моих знакомых самые славные люди были учителями,— сказал он.— Я думал, таких больше нет. Навряд ли вы понимаете, что ваше племя угасает.

— На Марсе много прекрасных учителей,— возразила мисс Болц.

— Естественно. Колонисты относятся к образованию совершенно иначе. Брать с нас пример — все равно что покончить с собой. Иной раз я думаю, что, быть может, мы тут, на Земле, совершаем самоубийство. Это новое обучение дает результаты, которые вам, наверное, неизвестны. Худший из них — то, что дети не получают образования. В учреждениях приходится обучать новых служащих с самых азов. Это сказалось

и на правительстве. Чего можно ждать от избирательной кампании, если подавляющее большинство избирателей приучилось усваивать информацию в минимальных дозах и в виде подслащенных пилюль? Поэтому я рад, что буду работать над таким делом. О гонораре не беспокойтесь. Я ничего не возьму.

— Вы очень добры,— прошептала мисс Болц.— Но помощь одной-единственной задерганной учительнице мало что изменит.

— Я не обещаю выиграть ваше дело,— трезво заметил Уоллес.— У Уилбинса на руках все козыри. Он сразу же выложит их на стол, а вы должны прятать свои карты, потому что для вас наилучшая линия защиты — показать, какая отпетая бессмыслица это новое обучение, а этого-то и нельзя делать. Мы не смеем бороться с новым обучением. Им дорожит дирекция, она не раз успешно защищала его в суде. Если нам суждено выиграть дело, мы выиграем на условиях противника.

— Выходит, дело безнадежное?

— Откровенно говоря, оно трудное.— Уоллес вынул из кармана старинные золотые часы и засек время.— Откровенно говоря, я еще не знаю, как за него приняться. Я ведь сказал, что все старшие карты у Уилбинса, и с чего бы я ни пошел, он бьет козырем. Но я пораскину умом и, возможно, изобрету сюрприз-другой. Вы занимайтесь уроками, а волноваться предоставьте мне.

Когда мисс Болц ушла, он заказал еще чашку кофе, стал медленно потягивать душистый напиток и волноваться.

В понедельник утром мисс Болц был преподнесен сюрприз совсем с другой стороны: в кабинете ее ожидали три мальчика и четыре девочки, которые попросили разрешения поступить к ней в класс. Они видели урок по телевизору, и им показалось, что в классе интересно. Мисс Болц была польщена, но полна сомнений. Лишь один мальчик официально числился ее учеником. Она записала фамилии остальных и отправила их по домам. Своему же ученику позволила остаться.

Это был неуклюжий пятнадцатилетний подросток, на вид смекалистый, но от его отрешенной замкнутости мисс Болц стало не по себе. Звали его Рэнди Дуб. («Дурацкое имя, но я притерпелся»,— пробормотал он.) Мисс Болц привела цитату из Шекспира насчет имен, и Рэнди в изумлении разинул рот.

Первым побуждением мисс Болц было отослать его домой вместе с остальными. Один такой никудышник способен разложить весь класс. Остановила ее мысль о том, что именно так и поступила бы та, другая учительница английского языка — вкрадчивая кошечка, блестящий образчик нового обучения. Отослала бы его домой. Велела бы смотреть уроки по телевизору в священном уединении естественной среды, где он не напроказит и где, между прочим, никогда не научится уживаться с людьми.

Она сказала себе: «Я не учительница, а самозванка, если не могу установить в классе дисциплину».

Мальчик беспокойно переминался с ноги на ногу под изучающим взглядом мисс Болц. Он был выше ее на целый фут, но покорно смотрел мимо и, казалось, считал, что голая стена — необычайно интересное зрелище.

Сутулясь, он поплелся за мисс Болц в классную комнату, где сел за самую дальнюю парту и мгновенно застыл в молчаливой неподвижности, граничащей с трансом. Прочие пытались втянуть его в разговор, но он не поддавался.

Когда бы ни взглянула на него мисс Болц, его глаза были прикованы к ней. В конце концов она поняла: он ходит в школу, но все еще смотрит урок будто по по телевизору.

Телевизионный час прошел хорошо. Всей группой обсуждали «Повесть о двух городах», и мисс Болц только диву давалась, до чего смышлены эти юнцы. В одиннадцать пятнадцать погас красный свет. Джим Паргрин помахал на прощанье рукой, мисс Болц тоже помахала в ответ и перешла к уроку истории. Она порылась в памяти, пытаясь отыскать способ извлечь Рэнди Дуба из телевизионного панциря.

Когда мисс Болц подняла голову, ученики приталь-

но смотрели на дверь, которая бесшумно открылась. Кто-то сухо спросил:

— Что здесь происходит?

Это был Роджер Уилбинс.

Он снял очки, снова надел.

— Ну-ну! — сказал он, нервно дергая усами.— Прошу объяснить, что все это значит.

Никто не отвечал. Мисс Болц тщательно подготовила объяснение на случай, если придется оправдывать свои незаконные уроки, но Уилбинс появился так неожиданно, что она лишилась дара речи.

— Мисс Болц! — Несколько раз он беззвучно открывал и закрывал рот, подыскивая нужные слова.— Я насмотрелся на учителей, вытворявших идиотские номера, но подобного идиотизма ни разу в жизни не видел. Рад получить еще одно подтверждение вашей безнадежной некомпетентности. Мало того, что вы вопиюще бездарная учительница, вы еще и страдаете умственным расстройством. Ни один взрослый человек, будучи в здравом уме, не собрал бы такой... такой...

Он замялся. Внезапно Рэнди Дуб вышел из своего транса. Одним прыжком он очутился перед Уилбинсом и прорычал:

— Возьмите назад свои слова!

Уилбинс смерил его холодным взглядом.

— По домам! Немедленно! — Он обвел взглядом весь класс. — Все вы! По домам! Немедленно!

— Вы нас не заставите,— сказал Рэнди.

Уилбинс ответил с недосягаемой высоты своего должностного положения:

— А всякие юные уголовники...

Рэнди яростно тряхнул его за плечи. Очки Уилбинса описали в воздухе длинную дугу и разбились вдребезги. Он вырвался, дал сдачи. Ответный удар Рэнди был сокрушителен. Заведующий учебной частью отлетел к портьере и мягко соскользнул на пол, а разбитое стекло высыпалось в коридор.

Над Уилбинсом склонилась мисс Болц. Рэнди околачивался поблизости, полный испуга и раскаяния.

— Очень сожалею, мисс Болц,— пролепетал он.

— Не сомневаюсь,— ответила она.— Но пока что... мне кажется, тебе лучше пойти домой.

В конце концов Уилбинса увели. К немалому удивлению мисс Болц, он больше ничего не сказал; но, выходя из класса, метнул в нее такой взгляд, что дальнейшие переговоры были излишни.

Джим Паргрин привел рабочего — вставить новое стекло.

— Очень жаль, — заметил он. — Хуже Уилбинс к тебе не станет относиться, потому что хуже некуда, но теперь на разборе он будет упирать на твой класс.

— Не отправить ли их по домам? — озабоченно спросила она.

— Полно! Ведь это значит сдаться, не так ли? Продолжай урок, мы тебе не помешаем.

Мисс Болц вернулась к письменному столу и раскрыла свой блокнот.

— Вчера мы с вами говорили об Александре Великом...

По одну сторону длинного узкого стола сидели пятнадцать членов школьной дирекции. Это были бизнесмены и специалисты, в большинстве пожилые, все важные, кое-кто из них явно торопился.

По другую сторону этого стола с одного края сидела мисс Болц с Бернардом Уоллесом. Другой край занимали Роджер Уилбинс и скучающий инженер, которому предстояло записать все происходящее на магнитофон.

В комнату впорхнул суетливый человек (Уоллес узнал в нем директора), перебросился несколькими словами с Уилбинсом и упорхнул.

— Большинство из них — честные люди,— прошептал Уоллес. — Они справедливы, и у них самые добрые намерения. Это нам на руку. Беда в том, что они ничего не смыслят в образовании и давно уже забыли свое детство.

Председатель, сидящий в середине, призвал всех к порядку. Он строго посмотрел на Уоллеса.

— Здесь у нас не суд,— заявил он.— Это всего лишь разбор дела с целью получить информацию, необходимую дирекции, чтобы вынести правильное решение. Мы не собираемся затрагивать правовые вопросы.

— Он сам адвокат,— шепнул Уоллес,— и притом хороший.

— Начинайте, Уилбинс,— распорядился председатель.

Уилбинс встал. Под глазом у него был великолепный синяк, и он с трудом улыбнулся.

— Мы здесь собрались по поводу того обстоятельства, что у Милдред Болц есть контракт типа 79Б, выданный ей в 2022 году. Как вы помните, наш школьный округ первоначально ввел такие контракты в период нехватки учителей на Марсе, когда...

Председатель постучал по столу.

— Это все понятно, Уилбинс. Вы хотите уволить Милдред Болц по непригодности. Представьте доказательства ее непригодности, послушаем, что скажет о них мисс Болц, и покончим с этим делом. Мы не собираемся заседать здесь целый день.

Уилбинс вежливо поклонился.

— Сейчас я раздам присутствующим сведения о четырех регулярных показателях Тендэкза у Милдред Болц и одном внеочередном, на который недавно было получено разрешение дирекции.

Кругом зашелестели бумагами. Мисс Болц взглянула лишь на внеочередной Тендэкз, которого еще не видела. Показатель был 0,2 — две десятых процента.

— Четыре из этих показателей либо нулевые, либо до того малы, что практически можно считать их нулевыми,— сказал Уилбинс.— Показатель же, равный двадцати семи процентам,— это особый случай.

Председатель подался вперед.

— Разве не странно, что показатель так резко отклонился от средней величины?

— У меня есть основания полагать, что этот показатель обусловлен одним из двух: либо подделкой, либо ошибкой. Я вынужден признаться, что не могу представить весомые доказательства.

Члены дирекции взволнованно зашептались. Председатель медленно проговорил:

— Меня по меньшей мере тысячу раз заверяли, что Тендэкз непогрешим. Соблаговолите объяснить, откуда у вас такое особое мнение?

— Я предпочел бы не объяснять.

— В таком случае мы пренебрежем вашим частным мнением.

— По-настоящему оно даже не относится к делу. Даже с учетом показателя двадцать семь за девять недель средний показатель мисс Болц чуть выше пяти.

Бернард Уоллес сидел, откинувшись на спинку стула, одна рука у него была в кармане, другая позвякивала ключами.

— Мы не согласны, что показатель двадцать семь не относится к делу,— заявил он.

Председатель нахмурился.

— Может быть, вы дадите Уилбинсу кончить свое сообщение...

— Охотно. Чего он ждет?

Уилбинс покраснел.

— Невозможно себе представить, чтобы у учителя, хоть сколько-нибудь пригодного к работе, показатель упал до нуля или до долей процента. Приведу другое свидетельство непригодности мисс Болц: да будет известно дирекции, что, не имея на то разрешения, мисс Болц собрала в этом здании десятерых учеников и в одной из студий пыталась обучать их совместно в течение целого утра и целого дня.

Прекратилось шарканье подошв, попыхивание сигаретами, небрежный шепоток. Все, как один человек, изумленно взглянули на мисс Болц. Уилбинс, насладившись тишиной, продолжал:

— Не буду объяснять, как гибельны последствия столь устаревшего подхода к обучению. Всем вам они известны. Если определенные факты нуждаются в подтверждении, я готов представить справку о материальном ущербе, причиненном зданию во время одного из таких уроков, а также свидетельство о телесных повреждениях, нанесенных мне лично неким юным хулиганом — подопечным мисс Болц. К счастью, я раскрыл

этот злодейский заговор против молодежи нашего округа прежде, чем результаты незаконного обучения стали неисправимыми. Разумеется, немедленное увольнение мисс Болц положит делу конец. У меня все, джентльмены.

Председатель сказал:

— Мне просто не верится, мисс Болц. Не объясните ли вы дирекции, почему...

— Сейчас наша очередь? — прервал его Бернард Уоллес.

Председатель заколебался, окинул взглядом всех сидящих за столом, ожидая каких-нибудь предложений, и, не услышав их, ответил:

— Давайте.

— Вопрос к вам, джентльмены: кто из вас получил начальное или среднее образование в смертоносных условиях, только что описанных Уилбинсом? Поднимите, пожалуйста, руки, только честно. Восемь, десять, одиннадцать. Одиннадцать из пятнадцати. Благодарю вас. Приписывают ли эти одиннадцать джентльменов свой нынешний жалкий образ жизни порочной методике полученного ими образования?

Члены дирекции заулыбались.

— Теперь вы, Уилбинс, — продолжал Уоллес. — Вы рассуждаете так, словно каждому известны или должны быть известны пагубные последствия группового обучения. Сами-то вы — авторитет в этой области?

— Я, естественно, знаком со всеми образцовыми трудами и исследованиями,— сдержанно ответил Уилбинс.

— Сами-то вы испытали на себе такое обучение? Или преподавали по такому методу?

— Безусловно, нет!

— В таком случае сами вы не авторитет. Обо всех так называемых пагубных последствиях вам известно лишь то, что написал какой-нибудь другой пустомеля.

— Мистер Уоллес!

— Ладно, оставим. Верно ли мое утверждение по существу? Все, что вы знаете...

— Я всегда готов прислушаться к мнениям признанного авторитета в данной области.

— А у кого-нибудь из признанных авторитетов есть опыт группового обучения?

— Если это выдающиеся авторитеты...

Уоллес грохнул кулаком по столу.

— Я не о том спрашиваю,— бросил он.— Выдающиеся среди кого? Я спрашиваю, действительно ли они знают, о чем пишут. Ну-с?

— Боюсь, что не могу сказать, на какой базе основаны их изыскания.

— Скорее всего не на единственно достойной базе — знании предмета. Если бы я нашел специалиста с многолетним опытом группового преподавания, поверили бы вы этому специалисту на слово относительно последствий — пагубны они или наоборот?

— Я всегда рад ознакомиться с работой надежного авторитета,— сказал Уилбинс.

— А вы, джентльмены?

— Мы не специалисты в вопросах обучения,— за всех ответил председатель.— Мы волей-неволей полагаемся на авторитеты.

— Превосходно. Так вот перед вами мисс Милдред Болц, которая двадцать пять лет вела групповое обучение на Марсе и стала, вероятно, крупнейшим авторитетом западного полушария в этом вопросе. Мисс Болц, приносит ли групповое обучение вред ученикам?

— Конечно, нет,— ответила мисс Болц.— За двадцать пять лет я не помню ни единого случая, когда групповые занятия не влияли бы на учеников благотворно. С другой стороны, телеобучение...

Она умолкла, так как Уоллес невежливо ткнул ее локтем в бок.

— Такова цена последней части выступления Уилбинса,— сказал Уоллес.— Мисс Болц — специалист в области группового обучения. Никто из вас не располагает достаточными знаниями, чтобы оспаривать ее суждение в этой области. Если она собрала десятерых учеников, значит, она отвечает за свой поступок. Больше того, лично я считаю, что школьному округу полезно держать в штате учителей специалиста по группо-

вому обучению. Уилбинс, по-видимому, со мной не согласен, но вы, господа члены дирекции, возможно, захотите обдумать этот вопрос. А теперь об этих нелепых показателях.

— Показатели Тендэкза вовсе не нелепы, — холодно возразил Уилбинс.

— Я бы, наверное, мог вам доказать, что вы заблуждаетесь, но не стоит тратить время. Вы утверждаете, будто показатель двадцать семь объясняется подделкой или ошибкой. Откуда вы знаете, что другие показатели не объясняются ни подделкой, ни ошибкой? Возьмем хоть последний, внеочередной. Откуда вы знаете?

— Если вам непременно хочется поспорить по этому вопросу,— заявил Уилбинс,— то я отвечу, что мисс Болц дружна с сотрудником технического отдела, имеющим возможность произвольно изменять показатели. Этот друг знал, что мисс Болц вот-вот будет уволена. Внезапно, и только однажды, ее показатель взлетел до удовлетворительного уровня. Обстоятельства говорят сами за себя.

— Почему вы так уверены, что последний показатель не вызван ни подделкой, ни ошибкой?

— Потому что я пригласил инженера со стороны, человека, которому можно доверять. Он лично замерил последний показатель мисс Болц.

— Вот вам, пожалуйста,— с презрением заключил Уоллес.— Уилбинс хочет уволить мисс Болц. Он не слишком верит в то, что показатель, замеряемый инженерами школьного округа, послужит его целям. Поэтому он приводит какого-то приятеля со стороны, которому доверяет получить нужный результат. Если уж т у т не благодатная почва для подделки и ошибки...

От взрыва хохота задрожали оконные стекла. Уилбинс вскочил на ноги и что-то прокричал. Председатель молотил по столу, призывая к порядку. Члены дирекции с жаром препирались между собой.

— Джентльмены,— сказал Уоллес, когда ему удалось перекрыть гул голосов,— я не специалист по Тендэкзу, но могу вас уверить, что эти пять показателей и обстоятельства, при которых они были замерены,

в сумме не дают ничего, кроме неразберихи. Я с радостью соглашусь на передачу дела в суд, где вас высмеют и откажут в иске, если вам так хочется, но есть более легкий путь. На сегодняшний день никто из нас не знает, пригодна ли Милдред Болц к учительской работе. Давайте выясним. Давайте подсчитаем ее показатель Тендэкза, но без этой путаницы с выборками, давайте выведем Тендэкз по всем ученикам мисс Болц. Я ничего не обещаю, но если в результате показатель окажется аналогичен приведенным здесь средним цифрам, я сам буду склонен рекомендовать мисс Болц уволиться, не передавая дела в суд.

— Логично,— согласился председатель.— И разумно. Приведите сюда Паргрина, Уилбинс, и посоветуемся, можно ли это сделать.

Мисс Болц упала на стул и хмуро уставилась на полированную крышку стола. У нее было такое чувство, будто ее предали. Было совершенно ясно, что единственная ее надежда — опровергнуть истинность показателей Тендэкза. Замер, предложенный Уоллесом, подтвердит эти показатели так неопровержимо, что вдребезги разобьет любую линию защиты. Джим Паргрин должен это понять.

Вошедший Джим Паргрин упорно избегал ее взгляда.

— Это можно,— сказал он, когда председатель объяснил, что от него требуется.— Мы выбьемся из графика и запоздаем с очередным Тендэкзом, но, если надо, мы это сделаем. Завтрашний день подходит?

— Подходит вам завтрашний день, Уилбинс? — спросил председатель.

— Там, где замешана мисс Болц, я не верю ни в какие показатели, если их замеряют наши сотрудники.

Паргрин приподнял брови.

— Не знаю, к чему вы клоните, но если у вас есть какие-то сомнения, присылайте своего инженера, пусть помогает. При таком объеме лишней работы наши сотрудники, наверное, будут ему признательны.

— Это вас устраивает, Уилбинс? — спросил председатель.

— Вполне,— кивнул Уилбинс.

— Очень хорошо. Урок мисс Болц заканчивается в одиннадцать пятнадцать. Можем мы получить результаты к половине двенадцатого? Чудесно. Завтра дирекция соберется в половине двенадцатого и вынесет окончательное решение по делу.

Заседание окончилось. Бернард Уоллес погладил руку мисс Болц и шепнул на ухо:

— Ну-ну, ни о чем не беспокойтесь. Держитесь как ни в чем не бывало и покажите нам лучший телевизионный класс, на какой вы способны. Все равно дела так плохи, что перемены возможны только к лучшему.

Она вернулась в класс, где ее заменял Лайл Стюарт.

— Ну как, доказали? — спросил Стюарт.

— Вопрос еще не решен, — ответила она. — Но боюсь, что особенно решать его не придется. Завтра, возможно, будет у нас последним днем, так что постараемся сегодня успеть побольше.

В среду телевизионный урок прошел, как никогда. Ученики отвечали блестяще. Глядя на них, мисс Болц с болью в сердце думала о тысячах потерянных для нее учеников, которые пристрастились к созерцанию жонглеров, фокусников и молоденьких учительниц в обтягивающих брючках.

Красный свет погас. Вошел Лайл Стюарт.

— Очень мило, — сказал он.

— Какие вы молодцы! — похвалила мисс Болц свой класс.

Слепая девочка Шарон со слезами в голосе спросила:

— Вы нам скажете, чем все кончилось, ладно? Сразу?

— Скажу, как только узнаю, — пообещала мисс Болц. Она вымученно улыбнулась и быстро вышла из студии.

Когда она торопливо шагала по коридору, ей наперерез выступила долговязая фигура; это был бледный юноша, его безумный вид внушал страх.

— Рэнди! — воскликнула мисс Болц. — Что ты здесь делаешь?

— Простите меня, мисс Болд. Я, право же, сожалею и больше никогда так не сделаю. Можно мне вернуться?

—Я бы с радостью взяла тебя снова, Рэнди, но, видимо, у нас больше не будет класса.

Рэнди стоял как громом пораженный.

— Не будет класса?

Она покачала головой.

— Я очень боюсь, что меня уволят. Или, как говорится, выгонят.

Он стиснул кулаки. По его лицу заструились слезы, он горько расплакался. Мисс Болд пыталась его утешить, она не сразу поняла причину этих слез.

— Рэнди! — воскликнула она. — Ты ведь не виноват в том, что меня увольняют. Твой проступок здесь вовсе ни при чем.

— Мы не позволим вас выгнать, — всхлипывал он. — Мы все... мы, ученики... не дадим.

— Надо подчиняться правилам, Рэнди.

— Но вас не выгонят. — Его лицо прояснилось, он возбужденно затряс головой. — Вы лучшая в моей жизни учительница. Я уверен, что вас не уволят. Можно мне будет вернуться?

— Если завтра будут занятия, Рэнди, ты можешь вернуться. А теперь мне надо спешить Я опаздываю.

На первый этаж она попала уже с опозданием. Запыхавшись, она добралась по коридору до комнаты дирекции и остановилась перед закрытой дверью. Часы показывали без четверти двенадцать.

Она робко постучала в дверь. Никто не ответил.

Она постучала громче, потом чуть-чуть приоткрыла дверь.

Помещение было пусто. Ни членов дирекции, ни инженеров, ни Уилбинса, ни адвоката Уоллеса. Все решено и подписано, и никто не потрудился даже сообщить ей, каков исход.

Знали, что она сама догадается. Мисс Болд вытерла рукавом глаза.

— Крепись, — шепнула она себе и пошла прочь.

В коридоре ее кто-то догнал. Это был Бернард Уоллес, он ухмылялся.

— Я удивился, отчего вы так задержались, — сказал он. — Ходил выяснять. Вы уже слыхали?

Мисс Болц покачала головой.

— Ничего не слыхала.

— Ваш Тендэкз 99,2. Уилбинс посмотрел и взвился под самый потолок. Он хотел завопить «Подделка!», но не посмел — ведь в подсчете участвовал и его инженер. А дирекция посмотрела и прекратила дело. По-моему, у них руки чесались уволить Уилбинса, но все слишком торопились.

Мисс Болц перевела дыхание и прислонилась к стенке.

— Не может быть!

— Все точно. Это, собственно, было запланировано. Мы с Джимом засекли фамилии всех ваших учеников и разослали им письма. В среду — особое классное занятие. Не прогадаете. Спешите видеть. Почти никто не пропустил. Уилбинс сыграл нам на руку, и мы его умыли.

— Нет, — сказала мисс Болц. Она со вздохом покачала головой. — Не стоит обманывать. Я, конечно, благодарна, но это лишь уловка, и когда раздадут следующую сводку, мистер Уилбинс начнет все сначала.

— Это уловка, — согласился Уоллес, — но она продержится. Дело вот в чем. Младшее поколение никогда не видело ничего похожего на ваш настоящий живой класс. В первый день вы рассказывали о марсианской школе и покорили своих телеучеников. Приковали их внимание. Это я узнал от Джима. Мы рассчитали, что ваш класс тоже их покорит. Уилбинс замерил внеочередной Тендэкз до того, как вы наладили занятия с классом, но с тех пор Джим исподтишка замеряет каждый день, и ваш показатель все растет. Вчера он был выше десяти, а теперь, когда все ребята знают, чем вы занимаетесь, он подпрыгнет вверх и таким останется. Итак, больше не о чем тревожиться. Рады?

— Очень рада. И очень благодарна.

— Еще одно. Председатель дирекции хочет побеседовать с вами о вашем классе. Я с ним вчера обедал

и кое о чем его проинформировал. Он заинтересовался. Как я подозреваю, у него есть некоторые сомнения относительно нового обучения. Конечно, за сутки с телеобучением не удастся покончить, но мы хорошо начинаем. А теперь мне надо работать. Мы с вами еще увидимся.

Он ушел шаркающей походкой, позвякивая ключами.

Мисс Болц обернулась и увидела, что к ней подходит Джим Паргрин. Она схватила его за руку и сказала:

— Всем этим я обязана тебе.

— Никому ты не обязана, кроме себя. Я был наверху, сообщил твоему классу. Там дикое торжество.

— Господи... надеюсь, они там ничего не разобьют!

— Я рад за тебя. Но немного жалею... — Опять он смотрел на нее таким взглядом, от которого она чувствовала себя помолодевшей, почти юной. — Я подумывал, что, если ты останешься без работы, мне удастся уговорить тебя выйти за меня замуж. — Он застенчиво поглядел в сторону. — Конечно, ты бы скучала без детей, но, может быть, у нас бы появились свои...

Она густо покраснела.

— Джим Паргрин! В нашем возрасте?

— Я хочу сказать — приемные.

— Право же... я никогда не задумывалась над тем, чего лишаюсь, не имея своих детей. Всю жизнь у меня была семья, с тех пор как я стала преподавать, и, хотя дети каждый год менялись, я их всегда любила. И теперь меня тоже ждет семья, а я утром так волновалась, что забыла в кабинете конспект по истории. Мне надо бежать. — Она отошла на несколько шагов и оглянулась. — Почему ты решил, что я за тебя не выйду, если буду преподавать?

Его изумленное восклицание она не разобрала, но, даже свернув за угол, слышала, как он насвистывает.

На шестом этаже она торопливо направилась к себе в кабинет — ученики справляли торжество, и ей

хотелось присутствовать при этом. Но тут она заметила, что дверь кабинета медленно приоткрывается. Чья-то голова обернулась в ее сторону, дверь распахнулась, и долговязая фигура умчалась прочь. Это был Рэнди Дуб.

Мисс Болц замерла на месте.

— Рэнди! — прошептала она.

Что ему понадобилось у нее в кабинете? Там ничего нет, кроме конспектов, блокнотов и... кошелька! Она оставила кошелек на письменном столе.

— Рэнди! — опять прошептала мисс Болц. Она заглянула в кабинет. И вдруг рассмеялась — рассмеялась и заплакала, прислонясь к дверному косяку, и воскликнула:

— И как это ему только в голову пришло?

На столе, нетронутый, лежал кошелек. Рядом при свете лампы ярко поблескивало неправдоподобно большое глянцевое яблоко.

РЭЙМОНД
Ф. ДЖОУНС

УРОВЕНЬ ШУМА

I

Доктор Мартин Нэгл рассматривал потолок приемной Управления национальных исследований. Через десять минут он с уверенностью мог сказать, какой угол был прокрашен первым, откуда начинали красить потолок и сколько примерно времени ушло на работу.

Это было новое здание. Но видно было, что красили его небрежно. В общем качество работы в какой-то мере соответствовало общему положению вещей, подумал он с оттенком грусти.

Он посмотрел на ковер. Владелец ковровой фабрики, несомненно, руководствовался принципом: «Не выбрасывай второсортные вещи, их всегда можно продать правительству».

На изучение приемной ушло уже двадцать пять минут. Хватит. Жалко времени. Нэгл поднял портфель, взял плащ и направился к выходу. В дверях он почти столкнулся с человеком в сером костюме.

— Бэрк!

Лицо доктора Кеннета Бэрка озарилось улыбкой. Он хлопнул Мартина Нэгла по плечу.

— Что вы здесь делаете, Март?

— Я приглашен на какое-то совещание, но ребята в синей форме не пропускают меня. Я уже собрался возвращаться к себе в Калифорнию. Никак не ожидал, что встречу вас здесь. А вы здесь зачем?

— Я работаю в Управлении национальных исследований и тоже приглашен на совещание. Меня послали разыскать вас. Все остальные уже собрались.

— Я видел весь парад отсюда. Дикстра из Массачусетского инженерно-технического, Коллинз из Гарварда и Мэллон из Калифорнийского технологического. Могучий отряд.

— Да. И все они ждут вас! Пойдем. Поговорим попозже.

— Ребята из бюро пропусков, кажется, сомневаются, можно ли мне доверять. Чтобы оформить допуск, потребуется, наверное, недель шесть. Я думал, что обо всем этом позаботятся... Передайте всем привет и скажите Кейзу, что, к сожалению, я не имею допуска к закрытой работе. Видимо, он этого не знал.

— Нет, постойте, это же в высшей степени глупо, — сказал Бэрк. — Вы должны быть на совещании. Присядьте, мы все уладим в пять минут!

Март снова опустился на стул. Он никогда не участвовал в работе над закрытыми проектами. Снятие отпечатков пальцев и копание в прошлом — это всегда вызывало у него отвращение. Пусть у других снимают отпечатки пальцев и копаются в прошлом. Он знал, что Бэрк взялся за безнадежное дело. Сколько людей томилось от безделья по полугоду, а то и по году, пока изучалась их биография.

Из комнаты агента ФБР доносились возбужденные голоса. Март уловил обрывки фраз, произнесенных громким баритоном Бэрка: «Абсолютно смехотворно... первоклассный физик... электрические поля... нам нужен этот человек».

А кроме агента ФБР, имелись еще представители армейской и военно-морской разведок. Вокруг совещания был воздвигнут прямо-таки фантастический тройной барьер. Еще одно доказательство стремления ревностных бюрократов скрыть тайны природы, которые лежат на виду у всего мира.

Через минуту из комнаты вышел Бэрк, раскрасневшийся и возмущенный.

— Оставайся на месте, Март, — сказал он с яростью в голосе. — Я пойду приведу Кейза, и мы выясним, кто, кроме охранников, имеет право сюда войти.

Бэрк вернулся через несколько минут. С ним были двое в военной форме — бригадный генерал и капитан

военно-морского флота — и доктор Кейз, директор Управления национальных исследований. Март не был с ним лично знаком, но знал его как одного из талантливейших ученых. Кейз подошел с открытой, дружелюбной улыбкой и протянул руку.

— Прошу извинить, доктор Нэгл, за эту задержку. Я никак не думал, что вас остановят представители службы безопасности. Указания об оформлении допуска были даны задолго до совещания. Мы уладим все за несколько минут. Подождите, пожалуйста, здесь, пока я переговорю со всеми этими джентльменами...

Они закрыли дверь, ведущую в бюро пропусков, но Март не мог удержаться от того, чтобы не вслушиваться в долетавшие до него голоса. Он услышал, как один из офицеров службы безопасности произнес: «Вы сами требовали тройной проверки...», потом слова Кейза: «....тот человек, который, возможно, сумеет решить эту задачу...»

Март ехал на совещание неохотно. Жена возражала, а дети подняли грандиозный рев, так как его отъезд означал, что у него не будет отпуска летом. Надо было слушаться домашних. Когда человек оказывается втянутым в работу столь секретную, что она требует тройной охраны — армии, военно-морского флота и ФБР, — он прощается со свободой. Интересно, подумал Март, каким образом Кейз, автор фундаментальных работ по электромагнитным излучениям, позволил затянуть себя сюда. Неясно также, что делает здесь Кеннет Бэрк — один из виднейших психологов, специалист по методам обучения.

Наконец дверь открылась. Март встал. Выходившую из комнаты процессию возглавлял доктор Кейз. Лица у всех были еще более напряженные, чем раньше. Кейз взял Марта за руку:

— Все в порядке. Пропуск вам подготовят к концу рабочего дня. Пойдемте на совещание. Нас уже ждут.

Когда Март вошел в зал, у него невольно захватило дух. В зале была прямо-таки выставка разззолоченных мундиров всех родов войск. Он заметил несколько генерал-лейтенантов, вице-адмиралов и по меньшей

мере одного представителя Объединенного комитета начальников штабов. И здесь же сидели виднейшие математики и физики.

Одну стену занимал киноэкран. В глубине зала был установлен шестнадцатимиллиметровый кинопроектор. На столе в дальнем углу зала, под брезентом, лежал какой-то предмет неправильной формы.

Кейз вышел вперед и откашлялся.

— Мы не будем представлять вас друг другу, джентльмены. Многие из вас уже знакомы по научным трудам и лично. Прошу иметь в виду: предмет этого совещания вы должны рассматривать как секрет, который необходимо охранять, не щадя жизни, если это понадобится.

Генералы сидели неподвижно, но ученые беспокойно заерзали на своих местах. Чисто военный подход! Но сам Кейз не был ведь военным.

— Десять дней назад, — медленно начал Кейз, — к нам пришел молодой человек, изобретатель, который утверждал, что он совершил революцию в технике. Звали его Леон Даннинг. Он был чрезвычайно высокого мнения о своих способностях и полагал, что все должны немедленно проникнуться уважением к его особе. Он самоуверенно заявил, что будет говорить только с директором Управления, и надоел всем в такой степени, что встал вопрос: принять его или вызвать полицию? Мне передали его просьбу, и в конце концов я принял его. Так вот. Он утверждал, что разрешил проблему создания антигравитационной машины.

Нэглу хотелось громко рассмеяться. И ради этой чепухи он отказался от летнего отпуска! Может быть, он вовремя успеет домой...

Он бросил взгляд на своих коллег. Дикстра наклонился вперед и потирал лоб, чтобы скрыть усмешку. Ли и Норкросс обменялись снисходительными улыбками. Бэрк, заметил Март, был единственным ученым, который не шелохнулся и не улыбнулся. Но ведь Бэрк был только психологом.

— Я вижу, что некоторым джентльменам смешно, — продолжал Кейз. — Мне тоже было смешно. Но

сумасшедшего надо было выслушать до конца или приказать вышвырнуть его. Я решил выслушать. Я попытался навести его на разговор о теории, на которой основывалось действие его аппарата, но он отказался говорить на эту тему. Он заявил, что разговор об этом может состояться лишь после демонстрации изобретения. Вторая половина дня в субботу была у меня свободной, и я согласился посмотреть его аппарат в действии. Даннинг потребовал пригласить военных представителей и подготовить киноаппараты и магнитофон. Дав уже одно обещание, я пошел и на это, и пригласил на демонстрацию изобретения кое-кого из тех, кто находится сейчас здесь. Он не хотел огласки, и мы договорились встретиться на небольшом аэродроме Дуврского клуба. Это было ровно неделю назад. Он продемонстрировал свой аппарат.

Я сам помог ему надеть на плечи небольшой ранец. Он весил килограммов шестнадцать-восемнадцать. На нем не было ни пропеллеров, ни сопел, и он не был соединен ни с какими внешними источниками энергии. Я почувствовал, что попал в исключительно глупое положение, пригласив военных на это пустое представление.

Мы стояли вокруг него кольцом. Изобретатель снисходительно улыбнулся нам и что-то повернул у себя на поясе.

В то же мгновение он начал подниматься в воздух, плавно ускоряя подъем. Мы разбежались в стороны, чтобы следить за ним. На высоте примерно в сто пятьдесят метров он остановился и несколько мгновений неподвижно висел в воздухе. Затем опустился на землю.

Кейз сделал паузу.

— Наверное, некоторые считают нас, видевших это своими глазами, жертвами галлюцинации или отпетыми лгунами. К счастью, Даннинг настоял на том, чтобы демонстрация аппарата была снята на кинопленку.

Он сделал знак своим ассистентам. Зал затемнили, зажужжал проектор. Март наклонился вперед, стиснув ручки кресла.

На экране появилась группа людей, стоявших вокруг изобретателя. Даннингу было лет двадцать восемь — тридцать. Март с первого взгляда узнал его по описанию Кейза — развязный молодой человек, знающий, что он наделен способностями, и считающий, что все должны усвоить это как можно быстрее. Марту был знаком этот сорт людей. Они встречаются на последних курсах любого технического колледжа США.

Он видел, как люди попятились назад от Даннинга. На экране появилось четкое изображение изобретателя со странным ранцем на спине. Мгновение — и он устремился вверх.

Март смотрел не отрываясь. Он попытался было уловить какие-нибудь признаки излучения, идущего из ранца. Ему пришлось напомнить себе, что искать их глупо. Никакой реактивный двигатель не мог, конечно, так работать.

Но антигравитация!.. Март почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Подъем прекратился. Затем Даннинг медленно опустился в середину круга.

Экран потух. В комнате зажегся свет. Март вздрогнул, как бы стряхивая с себя оцепенение.

— В этот момент мы прекратили съемку, — сказал Кейз. — Даннинг стал разговорчивее и в какой-то степени коснулся теоретических основ своего аппарата. Мы записали его сообщение на магнитофон, который был доставлен по его настоянию. К сожалению, запись настолько плоха из-за сильных шумовых помех и искажений, что ее почти невозможно разобрать. Вы прослушаете ее несколько позже. После обсуждения Даннинг согласился продемонстрировать еще одно качество своего изобретения, показать управляемый горизонтальный полет. Фильм об этом мы сейчас покажем.

Кейз выключил свет. На экране вновь появилась та же группа людей. Даннинг поднялся в воздух по довольно крутой траектории, а полетел горизонтально. Он, казалось, находился примерно на высоте крыши ангара, который был виден в глубине кадра. Примерно метров тридцать Даннинг летел медленно, за-

тем увеличил скорость. Это было похоже на полет ведьмы верхом на помеле.

Внезапно экран озарился светом. Из ранца на спине Даннинга вырвался клуб огня. На какой-то жуткий момент он, казалось, застыл в воздухе, а затем камнем рухнул вниз. Кинокамера потеряла его на мгновение, но полностью запечатлела момент удара тела о летное поле. Во время падения Даннинг перевернулся, и ранец оказался под ним, когда он врезался в землю. Его тело подскочило несколько раз, перевернулось и замерло. Кейз подошел к выключателю и дал знак поднять шторы. Кто-то встал, чтобы выполнить его просьбу. Остальные сидели неподвижно. Казалось, время прекратило свое течение.

— Таково положение дел, джентльмены, — тихо сказал Кейз. — Теперь вы понимаете, почему вы сегодня здесь. Даннинг открыл антигравитацию. В этом мы абсолютно уверены. И Даннинг мертв.

Он поднял угол брезента, которым был накрыт стол, стоявший у стены.

— То, что осталось от аппарата, находится тут. Для нас это всего лишь обгоревшие и окровавленные обломки. Под вашим наблюдением они будут тщательно сфотографированы и разобраны.

Кейз опустил брезент и вернулся на прежнее место.

— Мы немедленно отправились в дом Даннинга с группой исследователей из Управления национальных исследований и представителями служб безопасности. Совершенно очевидная психическая болезнь Даннинга проявилась в полном отсутствии каких-либо записей. Он, видимо, жил в постоянном страхе, что его изобретение могут похитить. Он располагал превосходной лабораторией. Откуда он брал деньги, мы пока не знаем. У Даннинга была собрана также удивительная библиотека — удивительная в том смысле, что она включала в себя не только научную литературу, но также книги почти по всем оккультным наукам. Это тоже остается загадкой.

Мы навели справки о его прошлом. Похоже, что ему было трудно остановить свой выбор на каком-то

одном учебном заведении, и он учился по меньшей мере в четырех колледжах. Его учебная программа была такой же разнообразной, как и его библиотека. Он изучал электротехнику, историю религии и современную астрономию, латынь, теорию групп, общую семантику и сравнительную анатомию.

Нам удалось разыскать около двадцати знавших его преподавателей и студентов. Все они считают его параноиком. У него совершенно не было друзей. Если он и изложил кому-нибудь свою теорию, то мы об этом не знаем.

Словом, высказывания изобретателя антигравитационного двигателя сохранила для нас только эта скверная магнитофонная лента.

Комната немедленно наполнилась какофонией звуков — ревом двигателей взлетающих самолетов, повседневным шумом аэродрома. Сквозь этот шум с трудом пробивался голос погибшего — тонкий, довольно пронзительный, снисходительный и деланно-терпеливый.

Март напряженно вслушивался в этот свист и рев, чтобы понять смысл долетавших до него обрывков фраз. Он встретился взглядом с Бэрком и увидел, что тот отчаялся уловить хоть что-нибудь в этом шуме. Кейз дал знак ассистенту.

— Я вижу, вы теряете терпение. Пожалуй, нет смысла прослушивать эту запись на нашем совещании. Каждый из вас получит копию. Запись заслуживает того, чтобы ее изучить. Насколько нам известно, это единственный имеющийся в нашем распоряжении ключ к открытию Даннинга.

Март нетерпеливо поднял руку.

— Доктор Кейз, вы и другие, те, кто присутствовал на демонстрации, сами принимали участие в беседе. Не можете ли вы рассказать нам больше, чем записано на ленте?

Кейз улыбнулся с оттенком горечи.

— Если бы, доктор Нэгл... К несчастью, в то время нам казалось, что смысловые помехи в объяснении Даннинга были столь же велики, как и технический шум в магнитофонной записи. Однако все, что нам уда-

лось запомнить, мы внесли в протокол. Его копии вам также будут розданы. Есть еще какие-нибудь вопросы?

Вопросы, наверно, были, но сообщение Кейза, казалось, лишило присутствующих дара речи.

Кейз сделал шаг вперед.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас недооценивал теперь серьезность этой проблемы. Нам теперь ясно, что преодолеть притяжение можно — можно оторваться от Земли и полететь к звездам. Мы знаем, что если молодой американец это сумел сделать, то какой-нибудь молодой русский тоже сможет раскрыть тайну антигравитации. Мы должны воссоздать машину Даннинга. В вашем распоряжении все наличные средства и возможности Управления национальных исследований. Вам, разумеется, будет предоставлен доступ к лаборатории и библиотеке Даннинга и к обломкам его аппарата. Вас пригласили сюда потому, что вы больше других подходите для этой работы. Вы справитесь с ней.

II

Мартин Нэгл и Кеннет Бэрк вышли вместе. Они задержались в зале для того, чтобы обменяться короткими вежливыми приветствиями с коллегами-физиками, которых не видели довольно длительное время. Но Нэгл спешил уйти. Надо было избавиться от странного оцепенения, от ощущения, будто тебя долго били по голове подушкой.

Выйдя из здания, он остановился и, засунув руки в карманы, уставился вдаль. Ему все еще мерещился человек, подымающийся вертикально вверх — парящий в небе, падающий камнем вниз.

Он резко повернулся к Бэрку.

— Психологический аспект изобретения... вы поэтому участвуете в проекте, Бэрк?

Его попутчик кивнул головой.

— Кейз пригласил меня, когда захотел расследовать прошлое Даннинга.

— Вы же знаете, что эта машина не может существовать! — сказал Март. — В нашей науке нет теории, которая позволила бы объяснить это, не говоря уже о том, чтобы воспроизвести ее.

— Не может? Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что мне придется... всем нам придется вернуться вспять, бог знает как далеко — на двадцать лет учения, на пятьсот лет развития науки... Где мы сбились с дороги? Почему на правильный путь вышел полусумасшедший?

— Он был странным человеком, — задумчиво сказал Бэрк. — Астрология, мистика, левитация. В его рассуждениях, записанных на аэродроме, немало говорится о левитации. Это ведь не так уж далеко от антигравитации, а?

Март сердито хмыкнул.

— Я не удивлюсь, если услышу, что первый успешный полет он совершил верхом на помеле.

— Ну, есть немало сказок о помеле, коврах-самолетах и тому подобных вещах. Поневоле задумаешься, откуда все это пошло.

* * *

После вечернего совещания, которое в основном было посвящено изучению остатков аппарата, Мартин вернулся в отель. Он все еще не мог оправиться от потрясения.

Разобраться в сплющенных и скомканных деталях было невозможно. Но при взгляде на обломки того, что недавно было воплощением несбыточной мечты, возникало какое-то необъяснимое чувство. Март чувствовал страстное желание потрогать эту нелепую груду, превратить ее усилием мысли в аппарат, которым она когда-то была. Словно веры в возможность этого было достаточно для осуществления его желания.

А нет ли тут доли истины? — подумал он. Даннинг верил, что это можно сделать и сделал.

И все-таки надо помнить, что есть вещи неосуществимые.

Вечный двигатель.

Философский камень.

Антигравитация.

Весь опыт борьбы человечества за власть над природой говорил, что все это неосуществимо. Надо устанавливать себе какие-то пределы. Нужно признать, что у твоих возможностей есть граница, иначе можно потратить всю жизнь, пытаясь открыть секрет, как стать невидимкой или беспрепятственно пройти через кирпичную стену.

Или создать ковер-самолет.

Он встал и подошел к окну. Им владело все нарастающее чувство растерянности. И сейчас он понял, что скрывалось за этим чувством. Где же граница? Ее надо очертить. Он был уверен в этом.

Однажды эту границу уже очертили, и довольно определенно. В 90-х годах XIX века ученые закрыли книги. Великие умы верили, что наука познала вселенную. Неизвестное считалось невозможным.

Затем открыли радий, рентгеновы лучи, космические лучи, создали теорию относительности.

Граница исчезла. Где она проходит сейчас? Еще несколько часов назад он сказал бы, что может достаточно точно ответить на такой вопрос. Сейчас он уже не был в этом уверен.

Нэгл лег в постель. Через час он встал и позвонил Кеннету Бэрку.

— Бэрк, — сказал он в трубку, — это Март. Мне только что пришла в голову одна мысль. Осматривать лабораторию и библиотеку Даннинга будет вся группа. У вас есть возможность привезти меня туда рано утром? Только вы и я. Я хотел бы опередить остальных.

— Я думаю, что смогу это устроить, — сказал Бэрк. — Кейз хочет, чтобы каждый из вас работал так, как сам считает нужным.

Ночью шел дождь и, когда Бэрк заехал за Мартом, окутанный туманом город казался сумрачным. Это еще более усиливало ощущение нереальности недавних событий.

— Кейзу наша затея не очень понравилась, — сказал Бэрк, когда они отъехали от отеля. — Другие могут рассердиться. Но, откровенно говоря, мне ду-

мается, что Кейз считает вас человеком, который скорее всех добьется успеха.

Март хмыкнул.

— Я еще не убежден, что Даннинг не одурачил нас каким-то грандиозным образом.

— Вы убедитесь в обратном. Постепенно, конечно. Вы здесь моложе всех. Кейз думает, что некоторые из тех, кто постарше, возможно, посвятят все свое время только доказательствам, что Даннинг не мог этого сделать. А вы как настроены? Вы тоже будете думать только об опровержениях или попытаетесь открыть то, что сделал Даннинг?

— Все, что мог сделать такой сопляк, как Даннинг, Нэгл сделает вдвое лучше. Но только если Нэгл убедится, что Даннинг действительно сделал это.

— Вы понравитесь Кейзу, старина. Он боялся, что не найдет ни одного видного ученого во всей стране, который захотел бы по-настоящему взяться за это дело.

У входа в дом Даннинга стоял часовой. Он молча кивнул, когда Бэрк и Март показали свои пропуска.

— Лаборатории и мастерские Даннинга находятся на первом этаже дома, — сказал Бэрк, — наверху его библиотека. Он спал в одной из комнат на третьем этаже, остальные комнаты пустуют. Пищу Даннинг, видимо, готовил себе на кухне. После него остались солидные запасы продовольствия. Откуда вы хотите начать?

— Взглянем на лаборатории, для начала я хочу получить общее представление о них.

С правой стороны от входа размещалась небольшая, но исключительно хорошо оснащенная химическая лаборатория. Было похоже, что лабораторией пользовались часто, но она была безукоризненно чистой. На столе стояла сложная установка для фракционной перегонки.

— Единственные записи найдены здесь, — сказал Бэрк. — Какие-то черновые подсчеты без формул и реакций.

Март хмыкнул и перешел в соседнюю комнату. Тут он увидел более знакомое ему нагромождение при-

боров и аппаратуры, необходимых для экспериментов в области электроники. Однако даже в этом нагромождении явственно чувствовалась рука аккуратного и умелого специалиста. Приборные щитки были собраны с исключительной тщательностью.

С лабораторией стоило познакомиться подробнее, но Март прошел в следующую комнату, механическую мастерскую. Она была оснащена не хуже, чем лаборатория.

Март тихо присвистнул...

— Когда я был студентом колледжа, — сказал он, — я считал, что рай должен выглядеть именно так.

— И все это принадлежало такому человеку, как Даннинг! Что вы на это скажете? — заметил с улыбкой Бэрк.

Март резко повернулся. Его голос был тих и серьезен.

— Бэрк, Даннинг был кем угодно, но не дураком. Шизофреник, может быть, но не дурак. Он умел делать вещи.

Бэрк пересек мастерскую и открыл еще одну дверь. За нею панели вычислительных машин — цифровой и аналоговой.

— Но вы еще не видели главного, — сказал Бэрк. — Самый большой сюрприз ждет вас наверху.

Гравитация — это сила, думал Март, поднимаясь по лестнице. Силу можно победить только силой — по меньшей мере так обстоит дело в физике. В политике, в отношениях между людьми сила может уступать воздействию более тонкого начала, но если Даннинг победил притяжение, то он сделал это с помощью какой-то другой силы. Физике известны все существующие силы. Аппарат Даннинга был хитроумным изобретением. Но в своей основе это исключительно умное использование хорошо изученных законов, и только. Это не чудо и не волшебство. Придя к такому выводу, Март почувствовал себя уверенней. Он прошел за Бэрком в библиотеку. Она размещалась не в одной, а в нескольких смежных специально переоборудованных комнатах, заставленных книжными полками. В ней было, безусловно, несколько тысяч томов.

— Вот что, пожалуй, вас заинтересует больше всего.

Бэрк вошел в первую комнату налево.

— А — Астрология, — сказал он и показал рукой на целую секцию полок.

Март скользнул взглядом по заглавиям: «Астрология для начинающего», «Астрология и судьба», «Путь Вавилона», «Движение звезд».

Он вынул с полки последнюю книгу в надежде, что она окажется сочинением по астрономии. Но надежды не оправдались. Он быстро поставил ее обратно.

— Они внимательно прочитаны, — заметил Бэрк.— Мы просмотрели целую кучу книг и нашли множество примечаний, сделанных рукой Даннинга. Может быть, тут нам удастся найти ключ к его мышлению — в этих пометках на полях.

Март махнул рукой, решительно отказываясь от знакомства с угрюмыми томами, и глубоко засунул руки в карманы.

— Чепуха, — пробормотал он. — Это не имеет никакого отношения к проблеме. Но вам, психологу, это, безусловно, должно быть интересно. Чтобы работать в этой библиотеке и в тех лабораториях, человеку нужны две головы.

— Но у Даннинга голова была всего лишь одна,— возразил спокойно Бэрк. — Может быть, все это часть одного целого, которого мы не видим и которое видел Даннинг.

Март поджал губы и взглянул на психолога.

— Я говорю серьезно, — сказал Бэрк. — Я бы сказал, что гений Даннинга, очевидно, заключался в его способности извлекать нужные сведения из огромной массы материала, не отвергая категорически целые области человеческого мышления.

Март снисходительно улыбнулся и отошел в сторону. Он оказался перед полками, уставленными сочинениями по индусской философии. Почти два метра пространства занимали книги, посвященные левитации.

Март показал пальцем на корешки.

— Все, что они делают благодаря ловкости рук,

Нэгл может сделать вдвое быстрее с помощью иксов, игреков и дрессированных электронов.

— Это все, чего хочет Кейз. Когда вы сможете представить результаты?

III

После ленча они вернулись в Управление национальных исследований. Марту отвели кабинет и дали копию магнитофонной ленты. Он устроился поудобнее перед самым динамиком и начал напряженно вслушиваться, пытаясь различить сквозь шум едва слышный голос Даннинга.

В самом начале он уловил повторенное несколько раз слово «левитация» и даже целую фразу «левитация, которая впервые была успешно продемонстрирована западному миру английским медиумом...». Шум самолета заглушил остальное.

Март перемотал ленту и прослушал эту часть вновь. При каждом упоминании левитации в его мозгу возникал образ грязного, костлявого индусского факира в засаленном тюрбане, с мотком веревки в одной руке и корзинкой со змеей в другой.

Но Даннинг ведь открыл антигравитацию!

Март раздраженно выругался и пустил ленту дальше. Он навострил уши, поймав слова «влияние земного магнетизма», затем все заглушил шум, и снова удалось разобрать обрывок фразы: «...активность солнечных пятен, до сих пор не объясненная астрономами и вежливо игнорируемая всеми специалистами...»

Эти слова вызвали какое-то смутное воспоминание. Март сделал пометку на блокноте, чтобы позднее вернуться к мелькнувшей мысли.

Голос вновь растворился в шипении и реве. Он разобрал лишь, что разговор шел о «расположении планет» — астрологии. Он громко застонал и закрыл глаза, вслушиваясь; запись снова стала разборчивой: «...магнитные бури на земле, которые можно предсказать на основе движения планет...» «Галилей и Ньютон оказали большее влияние на человеческое мышление,

чем они думали сами. Они отняли у религии ее чудеса и лишили физику воображения... Индусы достигли большего успеха в раскрытии тайн вселенной, чем американские научно-исследовательские лаборатории».

Это были последние слова, которые еще удавалось разобрать. Рев авиационных моторов, свист и шипение, вызванное неполадками в микрофоне... Март выключил магнитофон.

Чувствуя почти физическую усталость, он перешел к протоколу и быстро пролистал его. Воспоминания тех, кто присутствовал на демонстрации, удивительно мало прибавляли к тому, что удалось извлечь из записи. Все это было слишком неожиданно для свидетелей чуда. Он откинулся в кресле, подводя итог всему услышанному. В общем Даннинг считал, что рутинеры ученые исключили из общепринятых теорий массу полезных сведений. Покойный верил, что значительную часть этой информации можно найти в астрологии, индусском мистицизме, левитации и других сомнительных областях.

В дверь постучали, послышался голос:

— К вам можно, доктор Нэгл?

Это был Кейз. Март встал и предложил кресло.

— Я только что кончил заниматься записью и протоколом. Очень мало отправных данных.

— Да, маловато, — сказал Кейз. — В юности вы, наверное, испытывали чувство, которое охватывает человека, впервые участвующего в соревнованиях. Вы знаете, что я имею в виду. Вы каждой клеточкой тела чувствуете, что у вас нет никаких шансов одержать победу. Или что вы сделаете все возможное для успеха. Вы понимаете меня?

Март кивнул.

— А какое чувство владеет вами теперь, доктор Нэгл?

Март откинулся на спинку кресла и полузакрыл глаза. Он понял Кейза. Со вчерашнего вечера он уже прошел сквозь целую гамму всевозможных настроений. Какое из них одержало верх?

— Я могу это сделать, — тихо сказал он Кейзу.— Мне хотелось бы, конечно, иметь больше сведений, и

мне не очень нравятся методы Даннинга. Но я могу изучить то, что знал он, и заново осмыслить то, что знаю сам.

— Хорошо! — Кейз встал. — Именно это я и хотел узнать. Вы не обманули моих ожиданий.

* * *

Доктор Кеннет Бэрк никогда не переставал удивляться тому, как устроен человек. Еще в ранней молодости он задумывался над тем, почему одни из его друзей верили в привидения, а другие — нет.

Он начал всерьез интересоваться тем, как человек узнает новое, и это в конце концов сделало его профессором психологии в Управлении национальных исследований.

Он был рад, что работой над этим проектом руководит доктор Кейз. Кейз больше, чем другие знакомые ему физики, понимал важность того факта, что каждый исследователь прежде всего человек и лишь затем ученый. Каждая научная теория, каждый закон, как бы добросовестно они ни были изложены и объективно доказаны, всегда несут на себе отпечаток личности наблюдателя.

Бэрк с интересом изучал реакцию физиков на ситуацию, которая возникла в результате открытия Даннинга и его смерти.

Мартин Нэгл вел себя приблизительно так, как и предполагал Бэрк. В годы учебы они хорошо знали друг друга.

Весь день Бэрк сопровождал остальных ученых, осматривавших дом Даннинга. Некоторые, так же как и Март, предпочли посетить дом поодиночке. Другие ездили группами по три-четыре человека. Но к концу дня там побывали все, кроме профессора Вильсона Дикстры.

В первый день Дикстра, уединившись в кабинете, занимался изучением магнитофонной записи и протокола. Посетить дом Даннинга он собрался лишь на следующий день.

Бэрк приехал за ним в отель на автомашине и ждал пятнадцать минут. Наконец из вращающихся дверей отеля вышел небольшой круглый человек. Дикстре было около шестидесяти лет. Большие, в тяжелой оправе очки делали его похожим на сову.

Небо хмурилось, и, направляясь к машине, Дикстра прижимал к груди черный зонтик. Бэрк ждал, открыв дверцу.

— Доброе утро. Похоже, что сегодня утром мы будем одни. Все остальные побывали в доме Данпинга вчера.

Дикстра хмыкнул и забрался на сиденье.

— Именно это мне и нужно. Я провел вчера целый день за изучением этой смехотворной магнитофонной записи.

Бэрк вырулил на улицу. С самого начала его не покидало чувство, что проект вполне мог бы обойтись без участия Дикстры.

— Смогли вы хоть что-нибудь узнать из нее?

— Я еще не пришел к определенному выводу, доктор Бэрк. Но вряд ли приду к выводу, что молодой Даннинг был гением, как считают некоторые из ваших сотрудников.

Они подъехали к старому дому, в котором жил Даннинг. Дикстра оглядел его из автомашины.

— То, чего следовало ожидать, — фыркнул он.

В первой комнате Дикстра быстро осмотрел полки с реактивами. Он снял несколько пузырьков и внимательно изучил наклейки. Некоторые он откупорил и осторожно понюхал, а затем с презрительным видом поставил обратно на полку.

Физик довольно долго рассматривал перегонную установку. Заметив лежавший на столе блокнот с вычислениями, физик вынул из кармана старый конверт и сделал какие-то пометки.

В комнате с электронной аппаратурой он повернулся, чтобы взглянуть сквозь открытую дверь на химическую лабораторию.

— Зачем человеку вообще могут быть нужны сразу две такие лаборатории?

Он обшарил механическую мастерскую.

— Хорошо оснащена, — пробормотал он, — то, что нужно человеку, который любит мастерить.

Но комната с электронно-вычислительными машинами произвела на него несравненно большее впечатление. Он внимательно осмотрел машины и схемы, открыл все ящики столов и перебрал все валявшиеся в них бумаги.

С побагровевшим лицом он повернулся к Бэрку.

— Это ерунда! Безусловно, здесь должны были быть графики, записи или хоть какие-нибудь следы расчетов, которые делал этот человек. Машины стоят здесь не напоказ, видно, что ими пользовались. Кто-то изъял материалы с подсчетами из этой комнаты!

— Именно в таком виде мы ее нашли, — сказал Бэрк. — Нам это непонятно так же, как и вам.

— Не верю, — отрезал Дикстра.

С особым интересом Бэрк ожидал, какое впечатление произведет на ученого библиотека.

Вначале Дикстра вел себя, как зверь, внезапно попавший в клетку. Он отскочил от полок с мифологической литературой, бросил взгляд на раздел астрологии, оттуда быстро перешел к книгам по религии и описал зигзаг, который привел его к полкам, отданным индусской философии.

— Что это, — проревел он хрипло, — шутка?

Его пухлая фигура, казалось, еще более раздулась от негодования.

— Следующая комната, пожалуй, заинтересует вас еще больше, — сказал Бэрк.

Дикстра чуть не бегом бросился в соседнюю комнату. Увидев названия находившихся здесь книг, он облегченно вздохнул и заметно успокоился. Он был среди друзей.

Он благоговейно снял с полки потрепанный экземпляр книги Вейла «Пространство. Время. Материя»..

— Не может быть, — пробормотал он, — чтобы Даннинг был владельцем обеих библиотек и понимал книги обоих сортов.

— Он понял и победил земное притяжение, — ответил Бэрк. — И сделал это здесь, в этом доме. Вот последний из ключей к его тайне, которым мы располагаем.

— Тут что-то не так, — прошептал Дикстра. — Антигравитация! Слышал ли кто-нибудь о ней? И как ее могли открыть в подобном месте?

IV

После обеда ученые вновь собрались на совещание. Они согласились взяться за эту проблему.

Как подступиться к решению проблемы, никто не знал. На совещании было решено работать и поодиночке и сообща — в зависимости от обстоятельств, а пока проводить ежедневные семинары, с тем чтобы попытаться натолкнуть друг друга на дельные мысли.

Председателем семинара избрали Марта. Он был моложе своих коллег как по возрасту, так и по стажу и чувствовал себя в этой роли довольно неловко.

Март выбрал несколько книг из библиотеки Даннинга и взял их с собой в кабинет. Он уселся за стол, обложившись фолиантами по астрологии, спиритуализму, мистике, религии, левитации, данными о солнечной активности. Конкретной цели у него не было, он просто хотел окунуться в атмосферу, в которой работал Даннинг. Даннинг достиг цели. Необходимо найти путь, по которому он шел, где бы этот путь ни пролегал.

Некоторые из книг были скучны, большинство оказалось чистейшим вздором. Однако кое-какие факты заинтересовали его.

Религии знали чудеса. Чудо ли антигравитация, или это проявление законов природы? Был Даннинг ученым или чудотворцем, искусству которого нельзя научиться?

Март захлопнул книги и отодвинул их на край стола. Вынув из ящика блокнот, он начал лихорадочно выписывать основные уравнения Эйнштейна.

* * *

К концу первой недели докладывать практически было не о чем.

Председательствовать на семинаре оказалось нелегко. В таком собрании ученых непременно появляется самозваный инструктор, пытающийся заново обучить своих коллег всем основам науки. В данном случае положение осложнялось тем, что таким инструктором был прославленный профессор Дикстра.

В конце первой недели он поднялся с места и, подойдя к доске, начал мелом набрасывать уравнения.

— Я достиг цели, к которой стремился, джентльмены, — сказал он. — Я могу доказать, что аппарат, с которым якобы летал Даннинг, невозможен без нарушения принципа эквивалентности, открытого Эйнштейном. Если мы признаём правильность этого принципа, из первого уравнения легко увидеть...

Март рассеянно смотрел на уравнения. Они были выведены правильно. И все же Дикстра был не прав. Дикстра полагал, что они делают глупость, занимаясь проектом, и участвовал в работе лишь потому, что считал своим священным долгом доказать им это.

Март чувствовал, что Дикстра тормозит работу всей группы. Но остальные все-таки признали достоверность достижений Даннинга. А это в конце концов само по себе уже некоторый успех, решил он.

Марту померещилось, что вокруг формул на доске пляшут туманные астрологические знаки. Дикстра умолк, и Март встал.

— Поскольку вы столь убедительно изложили свои тезисы, доктор, — сказал он, — и поскольку мы все убеждены в подлинности достижений Даннинга, то единственный вывод, который можно сделать, состоит в том, что неверна основная предпосылка. Я бы сказал, что вы выдвинули блестящие доводы, которые заставляют усомниться в правильности принципа эквивалентности!

Дикстра на мгновение застыл, словно не веря своим ушам.

— Мой дорогой доктор Нэгл, если в этой комнате есть человек, который не понимает, что принцип экви-

валентности неопровержим, я предложил бы ему немедленно отказаться от работы над проектом!

Март сдержал улыбку, но почувствовал желание продолжить спор. Ему хотелось подразнить Дикстру.

— Нет, серьезно, доктор, и я спрашиваю всех: что случилось бы, если бы принцип эквивалентности оказался неверным? Почему в восточной литературе так много писали о левитации? Я думаю, Даннинг задал себе этот вопрос и нашел какой-то разумный ответ. Если принцип эквивалентности несовместим с этим ответом, то нам, пожалуй, стоит пересмотреть данный принцип. Если мы действительно хотим повторить достижение Даннинга, нам придется внимательно присмотреться ко всем общепризнанным постулатам, которые имеют какое-то отношение к тяготению.

Неожиданно слова попросил Дженнингс, сухонарый физик из Калифорнийского технологического института.

— Я полностью согласен с доктором Нэглом, — сказал он. — Что-то случилось со мной за эту неделю. Я вижу, что то же самое произошло с большинством из вас. К сорока годам средний физик, видимо, приобретает способность инстинктивно отклонять все, что не соответствует известным ему законам естествознания. Затем мы становимся руководителями факультетов, а те, кто моложе нас, продолжают исследования и используют информацию, на которую наше поколение не обращало внимания, и делают открытия, мимо которых мы прошли. Мы как бы воздвигаем плотины в своих умах, или, если угодно, строим там шлюзы, через которые течет вся масса сведений о физической вселенной. По мере того как мы стараемся и становимся все более умудренными, мы закрываем ворота шлюзов настолько, что уже ничто новое не может попасть в наш мозг. События прошлой недели до самого основания потрясли меня. Я вновь оказался в состоянии усваивать и накапливать данные, с которыми не сталкивался раньше. Мне кажется, доктор Нэгл прав. Мы должны пересмотреть все, что мы знали до сих пор относительно силы тяготения.

Семинар прошел бурно.

После семинара Март зашел в кабинет Бэрка.

— Привет, Бэрк, — сказал он.

— Привет. Как ваши дела? Я уже дня два собирался заглянуть к вам. Пока не видно, чтобы кто-нибудь из вас перебрался в мастерские. По-видимому, вы еще находитесь на стадии теоретических изысканий.

— Мы не дошли даже до этого, — буркнул Март. — Но есть вопрос поважнее, чем антигравитация. Как вы относитесь к поездке на рыбную ловлю?

— Что ж, пожалуй. Я понимаю вас: одна работа, и никакого отдыха, и все такое прочее... Но вы-то понимаете, как важен проект?

— Я еду ловить рыбу, — сказал Март. — Вы поедете со мной или нет?

— Еду. Я могу снять бревенчатый дом рядом с горной речкой, где форели больше, чем на рыбном рынке.

* * *

В домике, арендованном Бэрком, их уже ждал сторож, приготовивший все необходимое.

В лесу было сыро от росы, в лощинах, которыми они спускались к реке, еще прятался предрассветный холодок.

Март подтянул сапоги повыше и попробовал гибкость купленного им нового удилища из фибергласа.

— Наверно, я старомоден, — сказал он. — Прежние удилища мне нравятся больше.

Они вошли в речку чуть повыше тихого омута. Клев был хорошим. К полудню Март поймал шесть, а Бэрк семь крупных форелей.

После обеда они уселись на берегу и бездумно смотрели на текущий мимо поток.

— Приступили ли вы к работе? — прервал молчание Бэрк.

Март рассказал ему о последнем семинаре.

— Может быть, Дикстра совершенно прав. Его математические выкладки выглядят убедительно. Но я был вполне серьезен, когда предложил пересмотреть принцип эквивалентности — но крайней мере его современную формулировку.

— Вы знаете об этом больше, чем я, — сказал Бэрк. — В чем суть принцина эквивалентности?

— Его выдвинул Эйнштейн в одной из своих первых работ, кажется, в 1907 году. Он утверждал, что сила инерции эквивалентна силе тяжести. То есть в системе, которая движется с ускорением, человек будет испытывать действие силы, ничем не отличающееся от действия силы тяжести.

С другой стороны, человек внутри свободно падающего лифта не замечает воздействия земного притяжения. Если бы он встал на весы, то увидел бы, что ничего не весит. Жидкость не выливалась бы из стакана. Согласно принципу эквивалентности никакой физический эксперимент не может обнаружить земное притяжение внутри любой системы, свободно движущейся в гравитационном поле. Дикстра был совершенно прав, сказав в ходе своих строго научных рассуждений, что такой механизм, как аппарат Даннинга, потребовал бы отказа от принципа эквивалентности. Но, может быть, принцип эквивалентности и вправду недостаточно точно отражает действительность. Если это так, у нас есть хороший исходный пункт. Каким будет следующий шаг, я пока не знаю.

Вода крутилась и пенилась вокруг торчавшего у берега камня. Бэрк швырнул в реку пригоршню палочек. Они устремились к центру водоворота.

— Можно было бы сказать, — произнес он, — что эти палочки сблизились друг с другом под воздействием взаимного притяжения.

— Здесь дело не в притяжении между ними, — сказал задумчиво Март. — Это было вызвано силами, тянущими и толкающими их. Гравитация — подталкивание и тяга, может быть. Но что подталкивает, что тянет? Чертов Даннинг! Он знал!

* * *

Сидя на крыльце в темноте после ужина, Март чувствовал себя удовлетворенным. Его не покидало смутное ощущение, что он чего-то достиг за этот день. Чего именно — он не знал, но это не имело значения.

— Знаете, — заговорил он внезапно, — вы, психологи, должны объяснить нам, откуда берутся идеи. Откуда приходят идеи — изнутри человека или снаружи?

Он умолк и занялся истреблением москитов.

— Продолжайте, — сказал Бэрк.

— Мне нечего больше сказать. Я думаю сейчас снова о гравитации.

— А что вы думаете?

— Как найти новую идею о гравитации? Что происходит в человеке, когда он придумывает новую теорию? Я чувствую себя так, словно меня непрерывно засасывает в эту проблему вместо той, которую я должен решать. Сейчас я думаю о нашем послеобеденном разговоре. Должен сказать, что мне никогда не нравился принцип эквивалентности. Это чувство гнездилось где-то в уголках мозга. Принцип неверен. Я пытаюсь представить себе нечто текущее сквозь пространство. Но это не может быть трехмерным течением, подобным реке.

Он выпрямился и медленно вынул сигару изо рта.

— ...Но это может быть течением...— Он внезапно встал и повернулся к дому. — Послушай, Бэрк, надеюсь, ты простишь меня. Мне нужно кое-что посчитать.

Кончик сигары Бэрка засиял красным огоньком.

— Не обращай на меня внимания, — ответил он.

V

Бэрк не знал, когда Март лег спать. Утром он застал его за работой.

— Рыба ждет, — сказал Бэрк.

Март взглянул на него.

— Послушай, рыба может подождать. Мне необходимо вернуться в Управление как можно быстрее. Здесь я кое-что начал и не хочу отрываться.

Бэрк улыбнулся.

— Делай свое дело, дружище, я сложу все в автомашину. Ты скажешь, когда будешь готов. И поехали.

Около трех часов дня в дверь кабинета Марта кто-то постучал. Он с раздражением поднял голову и увидел входящего Дикстру.

— Доктор Нэгл, рад, что застал вас.

— Чем могу быть полезен?

— Я должен обсудить с вами нечто исключительно важное, связанное с проектом, — начал Дикстра. Он доверительно наклонился вперед, щуря глаза за тяжелыми совиными очками.

— *Знаете ли вы,* — *сказал* он, — что весь этот проект — мошенничество?

— Мошенничество? Что вы хотите сказать?

— Я самым тщательным образом осмотрел так называемый дом Даннинга. Могу заверить вас, что никакого Даннинга вообще не было! Мы жертвы подлого обмана!

Он хлопнул ладонями по краю письменного стола и с победоносным видом откинулся назад в кресле.

— Не понимаю, — пробормотал Март.

— Сейчас поймете. Осмотрите лабораторию в том доме. Изучите полки с реактивами. Спросите себя, какие химические эксперименты можно провести с таким пестрым набором материалов. В секции электроники такая же мешанина, как в телевизионной лавочке на углу улицы. Счетно-вычислительные машины никогда не использовались там, где они сейчас находятся. А библиотека! Совершенно очевидно, что из себя представляет это гнездо для интеллектуальных крыс! Доктор Нэгл, по каким-то непонятным причинам мы стали жертвами подлого обмана. Антигравитация! Я хочу знать, почему нам дали это дурацкое задание, когда стране так нужны способности каждого из нас?

Март почувствовал легкий приступ тошноты.

— Я допускаю, что кое-какие странности тут есть. Но если то, что вы говорите, — правда, то как объяснить рассказы очевидцев?

— Ложь! — отрезал Дикстра.

— Я не представляю себе, чтобы сотрудник Управления национальных исследований мог участвовать в таком деле. К тому же мне удалось уже многое сделать *для достижения нашей цели.* И я готов со всей

определенностью заявить, что принцип эквивалентности будет опровергнут.

Дикстра побагровел и встал.

— Мне очень жаль, что вы придерживаетесь подобных взглядов, доктор Нэгл. Я всегда считал вас молодым человеком, подающим большие надежды. Может быть, вы еще станете им, когда прояснится недостойный обман. До свидания!

Март даже не привстал, когда Дикстра вылетел из кабинета. Этот визит его обеспокоил. Обвинения были абсурдны, но тем не менее они ставили под угрозу основы его работы. Разуверься он в том, что аппарат Даннинга действовал, это могло бы заставить его снова признать антигравитацию ерундой.

Он с лихорадочной энергией вновь взялся за свои листки с вычислениями. К концу рабочего дня, когда большинство его коллег обычно уже уходили из Управления, он позвонил математику Дженнингсу. Март не продвинулся еще так далеко, как хотелось бы, но ему надо было знать, действительно ли он нашел выход из тупика.

— Не могли бы вы зайти на минутку ко мне? — сказал он. — Я хочу кое-что вам показать.

Дженнингс появился через несколько минут.

— Вы видели сегодня Дикстру? Он носится с небылицей, будто проект — мошенничество! — выпалил он, прежде чем Март успел заговорить.

Март молча кивнул головой.

— Зачем Кейз вообще пустил сюда этого старого дурака?! Дик был хорошим ученым, но он выдохся... Однако что вы хотели мне показать? Что-нибудь похожее на ответ?

Март пододвинул к нему лежавшие на столе листки с вычислениями.

— Принципа эквивалентности больше нет. Я в этом уверен. Я вычислял возможное поле движения в искривленном пространстве. Получается нечто восьмимерное, но смысл в этом есть. Хотел бы, чтобы вы посмотрели мои вычисления.

Брови Дженнингса поползли вверх.

— Хорошо. Вы понимаете, конечно, что мне нелег-

ко примириться с опровержением принципа эквивалентности. Он существует уже сорок пять лет.

— Мы найдем что-нибудь другое вместо него.

— У вас нет другого экземпляра этих расчетов?

Март пожал плечами.

— Я могу сделать их заново.

— Я их буду беречь. — Дженнингс положил листки с вычислениями во внутренний карман. — Но что это нам дает? У вас есть какая-нибудь идея?

— Да, — сказал Март. — Вчера я наблюдал за водоворотом. Вы видели когда-нибудь, что происходит со щепками, когда их бросают в водоворот? Они сближаются друг с другом. Это тяготение.

Дженнингс нахмурился.

— Подождите-ка, Март...

Март засмеялся.

— Поймите меня правильно. Подумайте об этом как о течении. Я не знаю его свойства. Оно, видимо, двигается сквозь четырехмерное пространство. Но когда мы доведем расчеты до конца, мы выработаем формулу вихря такого потока, протекающего через материальную субстанцию. Допустим, что такие вихри существуют. Возникают водовороты. Это грубая аналогия. Нужна математическая модель. Пожалуй, можно показать, что вихрь сближает массы, вызывающие его образование. В этом, пожалуй, может быть смысл, как по-вашему?

Дженнингс сидел неподвижно. Затем он улыбнулся и положил руки на стол.

— Может. Вихрь восьмимерного потока довольно сложная штука. Но если все правильно, что тогда?

— Тогда мы построим аппарат, направляющий материю вдоль силовых линий тока этого течения так, чтобы вихри не возникали.

Дженнингс откинулся в кресле.

— Боже праведный, да вы уже все обдумали! Постойте, но это просто нейтрализует силу тяготения. А как с антигравитацией?

Март пожал плечами.

— Мы найдем способ введения вихря с противоположным вектором.

— Совершенно верно, старик, совершенно верно.

Март засмеялся и проводил его до двери.

— Да, я знаю, как это все звучит, но поверьте, я действительно не шучу. Если мы получим формулу гравитационного потока, остальное уже несложно.

* * *

Через день Март рассказал о своих расчетах на семинаре. Тем ученым, которые в какой-то степени склонялись к точке зрения Дикстры, было нелегко принять идею Марта, но математическое обоснование выглядело достаточно убедительным. Единодушно решили попытаться воплотить идею Марта в металл и электромагнитные поля.

Решающую роль в завершении теоретических обоснований идеи Марта сыграл Дженнингс. Через три дня он, не постучавшись, ворвался в кабинет Марта и бросил на стол несколько листов бумаги.

— Вы правы, Март. В вашем поле действительно возникает вихрь в присутствии материальной субстанции. Мы создадим аппарат Даннинга!

Но Марту суждено было пережить тяжелый удар. Вся группа лихорадочно трудилась шесть часов подряд, чтобы довести теоретическую разработку проекта до конца. В результате выяснилось, что антигравитационную машину построить можно. Но она будет со стотонный циклотрон размером.

Март сообщил об этом Кейзу.

— Это мало похоже на ранец, с которым летал Даннинг. Если хотите, мы поищем пути к уменьшению размеров, но можем представить и конкретный проект машины в нынешнем виде.

Кейз взглянул на расчеты, подготовленные Мартом.

— Не совсем то, на что мы рассчитывали, но я думаю, ее надо строить. Мастерские в вашем распоряжении. Сколько времени вам понадобится?

— Это зависит от того, сколько людей и станков вы нам дадите. При круглосуточной работе, я думаю, образец можно сделать примерно через три недели.

— Согласен, — сказал Кейз. — Приступайте.

* * *

Прошло, однако, больше месяца, прежде чем состоялась демонстрация антигравитационной машины.

Март подошел к щиту управления, который казался крошечным в просторном цехе, включил рубильники и медленно повернул несколько рукояток.

Огромный диск, лежавший на полу, медленно поднялся вверх и повис в воздухе без всякой видимой опоры. Диск был диаметром в девять метров и толщиной в девяносто сантиметров.

Доктор Кейз потрогал поверхность массивного диска, затем изо всех сил надавил на него.

Март улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Вы стронете его с места, только если будете давить на него достаточно долго и с достаточной силой. У него такая же инерция, как у небольшого линейного корабля. Как я уже говорил, эта машина мало чем напоминает аппарат Даннинга. Но мы продолжим наши усилия.

— Это грандиозное достижение, — сказал Кейз. — Я поздравляю всех вас.

Март вновь подошел к щиту управления и медленно опустил массивный диск на опорные балки.

— Я хотел бы, чтобы все вы сейчас собрались в зале совещаний, — сказал Кейз. — Там мы сообщим вам некоторые дополнительные данные.

По дороге из мастерской Март нагнал Бэрка и пошел рядом с ним.

— Что там такое? — спросил он. — Уж не собираются ли они выдать нам по оловянной медали?

— Даже лучше, — сказал Бэрк. — Узнаешь сам.

Снова они оказались в зале и заняли почти те же места, на которых сидели несколько недель назад. Кейз прошел на свое обычное место впереди.

— Незачем говорить вам, джентльмены, что означает это достижение для нашей страны и всего человечества. Антигравитация революционизирует военный и гражданский транспорт всего мира, а в будущем понесет человека к звездам. А сейчас я хотел бы представить вам одного джентльмена.

Он сделал знак рукой, и в зал вошел человек.

Общий вздох изумления. Перед учеными стоял Леон Даннинг.

Он посмотрел на аудиторию со слегка лукавой улыбкой.

— Я вижу, вы узнали меня, джентльмены. Надеюсь, никто не будет сердиться на меня или считать меня человеком со скверным характером, каким меня изобразили. Это было нужно по сценарию. Неприятный молодой нахал, так, кажется, меня называли.

Дженнингс вскочил с места.

— Что это означает, доктор Кейз? Я думаю, мы вправе рассчитывать на объяснение.

— Совершенно верно, доктор Дженнингс. И вы его получите. Наш друг, доктор Дикстра, был во многом прав. Информация, которую мы представили вам перед началом работы над проектом, была вымышленной.

Волна возгласов изумления и протеста прокатилась по аудитории. Кейз поднял руку.

— Минутку. Выслушайте меня до конца. Я сказал, что первоначальная информация была ложной. Леон Даннинг, изобретатель антигравитационного аппарата, в действительности не существовал. Мы разыграли спектакль и сняли фильм. Антигравитации не было. Зато сегодня антигравитационная машина есть. Так в чем же здесь обман? Наш главный психолог, доктор Кеннет Бэркли, расскажет вам остальное.

Бэрк встал и подошел к Кейзу с видом человека, который неохотно подчиняется необходимости.

— Если кто из вас рассердился, — сказал он, — то сердиться нужно на меня. Проект «Левитация» возник по моему предложению. Не думайте, однако, что я извиняюсь перед вами. Я возражаю против таких названий, как обман или мошенничество, которые употреблял профессор Дикстра. Как можно говорить об обмане, если проект привел к открытию, потенциальных возможностей которого мы в данный момент даже не можем осознать?

— Но зачем, доктор, зачем? — взорвался Дженнингс. — Зачем эти фокусы, вымыслы, зачем астрология, левитация и мистицизм? Мы же не школьники!

— Тогда ответьте на один вопрос, — сказал Бэрк.— Как бы вы реагировали на письмо доктора Кейза с приглашением принять участие в создании антигравитационной машины? Сколько из вас осталось бы в своих убежищах здравого смысла, в университетах, где фантазерам не позволяют тратить народные деньги так, как это делается в правительственных учреждениях? Мы рады, что в проекте принял участие всего один такой человек, как профессор Дикстра. Он отказался поверить в представленные нами данные и задался целью доказать, что антигравитация невозможна. Многие из вас приехали бы с той же целью, если бы наш маленький спектакль не подтолкнул вас на поиски разгадки.

По существу, это проект психологический, а не физический. Мы могли бы избрать какую-нибудь другую проблему, не обязательно антигравитацию. И могу сказать наперед, что результат был бы тот же. Я наблюдал за многими учеными, работающими в лабораториях и библиотеках. Я изучал психологию их подхода к работе. Внутреннее решение относительно того, можно ли найти ответ на проблему, принимается обычно еще до начала поисков ответа. Во многих случаях, как видно на примере профессора Дикстры, все сводится к тому, чтобы доказать правильность этого внутреннего решения.

Прошу простить, что мы использовали вас в качестве подопытных кроликов. Но смею утверждать, что я дал вам гораздо более эффективную методику научных исследований, чем та, которой вы располагали до сих пор. Методику убеждения в том, что можно найти ответ на любой вопрос. И в этом смысле вообще никакого обмана не было. Вам был показан новый эффективный метод научной работы.

Если вы смогли за считанные недели решить проблему, которая казалась неразрешимой, то сколько же других научных проблем ждут этого нового подхода?!

Понадобится немало времени, чтобы полностью осознать сказанное Бэрком, подумал Март. Внутри него все еще тлели искорки гнева, и погасить их было труд-

но. Но ему стало смешно: все-таки Бэрк очень ловко спланировал этот эксперимент. Март готов был держать пари, что Дикстра заставил психиатра пережить немало неприятных минут.

Как только они смогли остаться вдвоем, Бэрк взял Марта за руку.

— Я чуть не забыл сказать тебе, что ты приглашен сегодня ко мне на обед.

— Надеюсь, что на этот раз меня не обманут, — ответил Март.

* * *

После обеда оба они вышли во внутренний дворик, с помощью которого Бэрк пытался придать своему городскому жилью вид загородной усадьбы. Усевшись на садовую скамейку, они созерцали луну, поднимавшуюся за телевизионной антенной соседнего дома.

— Я хочу знать остальное, — сказал Март.

— Ты о чем?

— Не лукавь. То, что остальные собираются выжать из тебя завтра утром. Хочу узнать первым.

Несколько минут Бэрк хранил молчание. Он зажег трубку, хорошенько раскурил ее и лишь затем заговорил:

— Дженнингс почти что сказал об этом, когда говорил об умственных шлюзах. Все сводится к вопросу, который ты задал мне в горах: в чем суть процесса мышления? Откуда приходят оригинальные мысли? Возьми, например, сложные уравнения гравитационного потока в искривленном пространстве, которые вы вывели за несколько дней. Почему ты не сделал этого десять лет назад? Почему никто другой не сделал этого давным-давно? Почему это сделал ты, а не кто-нибудь другой? Тебе известна теория передачи информации. Ты знаешь, что любую информацию можно записать кодом, состоящим из импульсов. Например, сложную фотографию можно закодировать в виде точек. Можно использовать код из точек и тире, можно использовать промежутки времени между импульсами, можно использовать амплитуду импульсов — словом, тысячи различных факторов и их комбинаций.

Но любую информацию можно выразить как определенную последовательность импульсов.

Одна из таких последовательностей импульсов будет гласить: «Любое тело во вселенной притягивает другое тело во вселенной», другая — «Секрет бессмертия состоит...», а третья — «Гравитация сама по себе является результатом воздействия... И она может быть нейтрализована посредством...»

Любой ответ на любой вопрос может быть выражен в виде определенной последовательности импульсов, в котором взаимосвязь между импульсами представляет собой закодированное изложение информации.

Но согласно определению чистый шум является беспорядочным чередованием импульсов, он содержит импульсы во всех возможных сочетаниях и связях.

Следовательно, любое несущее информацию сообщение относится к особому подклассу класса «шум». Чистый шум, следовательно, включает в себя все возможные сообщения, всю возможную информацию. Отсюда следует вывод: в чистом шуме или, что то же самое, в чистой вероятности заключено все знание!

Но это не просто упражнение в схоластической логике. Это признание того положения, что все можно узнать, можно постичь.

— Постой! — воскликнул Март. — Должны же быть какие-то пределы действия этой теории.

— Почему? Разве логика моих рассуждений о шуме и информации не верна?

— Черт возьми, я не знаю. Звучит неплохо. Она верна, конечно, но, собственно говоря, какое отношение она имеет к умственной деятельности человека и проекту «Левитация»?

— Точно я не могу ответить на этот вопрос пока. Мне кажется, что в мозгу человека должен быть механизм, который является не чем иным, как генератором чистого шума, источником беспорядочных импульсов, чистого шума, в котором кроется все знание.

Где-то рядом должен быть другой механизм, который фильтрует этот беспорядочный шум или управляет его генерированием таким образом, что через этот фильтр могут проходить лишь сообщения, имеющие смысловое

значение. Очевидно, этот фильтр можно регулировать так, чтобы он отсеивал все то, что мы определяем как шум.

Мы постепенно взрослеем, и, по мере того как мы учимся в школе и получаем образование, в наших фильтрах шума появляются ограничительные уровни, которые пропускают лишь ничтожную часть сведений, приходящих из внешнего мира и из нашего воображения.

Факты окружающего мира отвергаются, если они не подходят к установленным уровням. Творческое воображение суживается. Фильтр работает слишком хорошо!

— И ваш проект,— сказал Март,— эти материалы о вавилонской мистике, астрологии и прочая чепуха...

— Вся схема была рассчитана на то, чтобы вызвать как можно больше шума, — ответил Бэрк. — Мы не знали, как построить антигравитационную машину, и поэтому мы нарисовали вам образ человека, который построил ее, и сделали этот образ по возможности более хаотичным, чтобы расшатать ваши шумовые фильтры. Я ввел в ваши умы дозу универсального шума по проблеме антигравитации и конечный вывод о том, что она была решена. Каждый из вас заранее настроил свои фильтры на отклонение идеи антигравитации. Дескать, это чепуха! Ее бесполезно искать. Надо работать над чем-нибудь полезным.

Поэтому я предложил Кейзу собрать группу виднейших ученых и поставить их перед фактом, что это не бессмысленная затея, что это можно сделать. Мы расшатали ваши умственные фильтры, и в результате появился ответ. Метод сработал, он будет действенным всегда. Все, что необходимо сделать, это избавиться от лишнего груза предрассудков, от окаменевшего мусора в голове, изменить произвольную настройку ваших умственных фильтров в отношении других вещей, которые вам всегда хотелось сделать, и тогда удастся найти нужный ответ на любую проблему, какую вы только пожелаете исследовать.

Март взглянул на небо.

— Да, вот они, звезды,— сказал он.— Я всегда хо-

тел добраться до звезд. Теперь, когда у нас есть антигравитация...

— Вы можете полететь к звездам — если захотите.

Март покачал головой.

— Вы и Даннинг. Вы заставили нас создать антигравитацию. И это становится совсем простым делом! Конечно, мы смогли бы побывать на планетах, может быть, даже слетать за пределы солнечной системы еще до нашей смерти. Но я думаю, что останусь здесь и буду работать с вами. Одна или две жалкие планеты — чего это стоит в конце концов. Но если мы научимся использовать максимальный уровень шума человеческого ума, мы сможем покорить всю вселенную!

РОБЕРТ
СИЛВЕРБЕРГ

ТИХИЙ ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС

Впервые Брюс Робертсон увидел шкатулку в куче всевозможного хлама на прилавке; дело было в Лондоне, на улице Петтикот Лэйн. Это была маленькая шкатулка — дюйма три в длину, два — в ширину, а в высоту не больше трех восьмых дюйма. Сделана она была из какого-то металла (возможно, из алюминия), без всяких украшений, если не считать причудливой монограммы на крышке.

Казалось, чей-то спокойный голос шепнул Робертсону: «С твоей стороны будет совсем не глупо, если ты купишь эту шкатулку».

Робертсон взял шкатулку в руки. Торговец, небольшой человечек с ястребиным профилем и остроконечной рыжей бородкой, подозрительно косился на него черными блестящими глазками. Робертсон задумчиво прикинул на руку вес коробки, удивляясь своей заинтересованности. Вещица странная, ничего не скажешь. Тонюсенькая линия — не толще волоска — делит ее надвое, но, по-видимому, открыть шкатулку никак невозможно. На ощупь же холодна и поразительно легка.

«Ну же,—торопил голос,—купи. Не мешкай».

Губы Робертсона оттопырились в гримасе раздражения. Хозяин ларька выжидал, готовый к внезапному прыжку, если Робертсон попытается незаметно опустить шкатулку в свой карман. Но мысли Робертсона были весьма далеки от этого.

Он огляделся. Вокруг ларька кишели и толкались лондонцы, одержимые страстью к выгодным покупкам, стремящиеся приобрести шестипенсовую сковородку или ремень крокодиловой кожи всего за два с половиной пенса, и все это продавалось по воскресным утрам на своеобразном базарчике Ист-энда. В то утро Робертсон пошел на Петтикот Лэйн только смеху ради. У него кончался двухмесячный отпуск, проведенный в Европе. Вечером он должен был лететь на родину, в США, новым реактивным лайнером.

«Два-три шиллинга не деньги», — не унимался голос.

Робертсон нахмурился. Действительно ли это голос? Или просто внутреннее озарение? Он привык к тому, что у него бывают наития, и притом удачные. Он протянул шкатулку хозяину и спросил:

— Сколько?

— Три шиллинга шесть пенсов.

— А сколько бы она стоила, если бы вы не знали, что я американец?

Человечек напустил на себя оскорбленный вид.

— Я не запрашиваю, приятель. Три шиллинга шесть пенсов — и шкатулка твоя.

— Два шиллинга,— сказал Робертсон.— Кстати, для чего она служит?

— Это уж твое дело, приятель. Ты ведь покупаешь, не я. Полкроны, и ни фартингом меньше.

Полкроны — это тридцать пять центов, подумал Робертсон. Бутылка пива в Штатах столько стоит. Усмехаясь, он вынул мелочь, старательно отсчитал два шиллинга шесть пенсов и сунул металлическую шкатулку в карман твидового спортивного пиджака стоимостью в сорок гиней.

«Лучше переложи шкатулку из кармана пиджака в брючный карман. На Петтикот Лэйн орудуют ловкие пальцы».

Робертсон всерьез задумался, откуда же исходят все эти советы. Он так явственно слышал мягкий спокойный голос, словно тот раздавался в нескольких сантиметрах от его уха. Ощущение было неприятное и смущало. Робертсон начинал верить, что реклама не

преувеличила и абсент, который он пил недавно, в самом деле стоит своих денег.

Так или иначе, совет был дельный. Робертсон надежно упрятал шкатулку в левый карман брюк, поближе к бумажнику. Мигом позже чья-то неумелая рука уже шарила в опустевшем кармане пиджака.

Робертсон ухватил воришку за руку и хладнокровно вонзил ногти в чужую ладонь. Подняв глаза, он увидел перед собой бледного, потного юношу — обладателя косматой гривы неимоверно густых черных волос.

— Неуклюже сработано,— бросил Робертсон.— Да и карман все равно пуст. Убирайся-ка отсюда, пока не попал за решетку.

— Да я ничего такого не хотел, начальник! Слово даю, я...

— Пшел вон! — рявкнул Робертсон и выпустил руку воришки. Тот, довольный, юркнул в толпу.

Робертсон решил, что достаточно насмотрелся на Петтикот Лэйн. В бумажнике у него лежали пятьдесят несмятых пятифунтовых бумажек, и следующий карманник мог оказаться квалифицированнее.

Усиленно работая плечами, он пробрался сквозь толпу, подозвал такси и вернулся в отель «Мэйфэр». Было без чего-то двенадцать дня. В девять часов вечера из лондонского аэропорта отправлялся в трансатлантический рейс его самолет.

Под дверью номера скопились воскресные газеты. Робертсон сгреб их в охапку, вошел в номер, вызвал коридорного и велел принести ленч через полчаса.

Он вынул из кармана шкатулку и стал разглядывать ее, в недоумении покачивая головой. Через минуту он положил ее на каминную полку. Решил, что слышанный им голос был плодом воображения. А сама шкатулка просто брусок металла. Разве только...

Впрочем, ладно. Выброшенные полкроны меня не разорят, рассудил Робертсон. Он растянулся в непривычно мягком кресле — о благословенные старомодные отели Лондона! — и принялся праздно листать газеты. Он заранее решил, что проведет весь день в отеле. Бог свидетель, Робертсон и так уже по горло сыт достопримечательностями: он обошел весь Лондон,

осмотрел и Вестминстерское аббатство, и Тауэр, и Британский музей, и все прочее с характерной для него напористостью и неутолимой любознательностью. Сегодня, в последний день отпуска, не грех и отдохнуть. Робертсон считал, что в Западной Европе повидал все стоящее. Завтра в это же время он будет в Нью-Йорке, вернется к увлекательному занятию — превращать деньги в еще бо́льшие деньги.

Брюс Робертсон был высок и плотно сбит, отличался легким изяществом движений и бойкой, уверенной речью. Пять лет назад, в тридцать один год, он стоил три четверти миллиона долларов. Теперь его состояние стало меньше на добрую треть: не так давно его постигли кое-какие превратности судьбы. Но в общем он явно преуспел, особенно если вспомнить более чем скромное начало. Первые свои биржевые операции, в 1952 году, он проводил с мелкими партиями по десять акций. За десять лет благодаря острому уму, цепкой памяти и гибкой совести Робертсон заметно выдвинулся. Он остался холост, но это не значило, что в его жизни не было места женщинам.

«Взгляни на шестую полосу «Таймса», — предложил голос, так загадочно сопутствующий Робертсону от самой Петтикот Лэйн.

В первую секунду Робертсон не испытал ничего, кроме гнева. Очевидно, это галлюцинация, твердил он себе. А галлюцинаций он не терпел. Долгие годы он работал по шестнадцати часов в сутки, чтобы стать хозяином своей судьбы; и будь он проклят, если подчинится приказам бестелесного голоса.

Тем не менее он просмотрел шестую полосу.

Фельетон о жизни колонистов в Танганьике, статья об итальянской оперной труппе, выступающей в Эдинбурге, сообщение о том, что в Йоркшире родился двухголовый теленок... Робертсон пробежал глазами остальное — главным образом объявления. Его внимание привлекла крохотная заметочка в самом низу страницы.

Там значилось, что профессор Огюст Сен-Лоран из Брюсселя прибудет во вторник в Лондон для переговоров с руководителями английской горной промышленности. «Доктор Сен-Лоран,— говорилось в заметке,—

разрабатывает технологию добычи золота из морской воды; в настоящее время его исследования находятся в экспериментальной стадии».

Робертсон в задумчивости покусывал ноготь. Вот уже три года, как он следил за Сен-Лораном. Более ста тысяч долларов вложил Робертсон в акции южноафриканских золотодобывающих компаний. Он неуклонно увеличивал свои вложения, но готов был избавиться от них при первом же намеке на то, что возможен дешевый способ получения золота из морской воды. До сих пор у профессора Сен-Лорана было больше шансов извлечь солнечные лучи из огурцов, чем золото из моря.

«Но во вторник Сен-Лоран объявит о своем успехе, — мягко заметил голос. — Завтра — самое время продать золотые акции. Право же! Самое подходящее время».

— Черт возьми, не указывай мне, что делать! — взорвался Робертсон. Но тут же покраснел. Когда у человека галлюцинации — это само по себе скверно; когда он препирается с ними — это еще хуже.

В дверь постучали.

— Войдите,— раздраженно бросил Робертсон.

Появился столик на колесах, а за ним бой — человек лет шестидесяти, с пергаментным лицом.

— Ваш ленч, сэр. Или надо было подать на двоих?

— Конечно, нет. Разве вы не видите, что я один?

— Ваша правда, сэр. Мне показалось, будто я слышал, как вы с кем-то разговариваете. Но я, должно быть, ошибся. Прошу прощения, сэр.

Дверь закрылась. Робертсон злобно посмотрел на столик с едой, на газету, на загадочную шкатулочку. Слишком долгий отпуск, вот в чем вся беда. Надо поскорее возвращаться — и за работу.

«Продай золотые акции, пока не уехал из Лондона».

Робертсон упал в кресло и вцепился руками в густые спутанные волосы. Закусил губу, но не слишком сильно, чтобы не выступила кровь.

И понемногу успокоился.

«Голос или не голос,— думал он,— а сплавить ак-

ции — неплохая идея. Пролежали они достаточно долго. Кто знает, вдруг на сей раз Сен-Лоран действительно набрел на что-то стоящее. Самое разумное — немедля убраться с рынка. Вот именно».

Он снял телефонную трубку и назвал телефонистке гостиничного коммутатора номер своего маклера. На лондонской бирже южноафриканские золотые акции тоже в ходу. В воскресенье, естественно, Берримэн не сидит в конторе, но, может быть, удастся дозвониться в его загородный дом, в Сэррей.

Трубку сняли после пяти гудков.

— К сожалению, мистер Берримэн с семьей уехали на целый день, сэр. Они в Кентербери.

— Послушайте, мне необходимо с ним связаться. Моя фамилия Робертсон. Робертсон.

— Да, конечно, сэр. Я передам мистеру Берримэну, что вы звонили.

— Не то. Сегодня вечером я уезжаю — лечу в Америку, и мне необходимо переговорить с ним до отъезда. Как вы думаете, когда он вернется?

— Довольно поздно, сэр. Надо полагать, часов в десять-одиннадцать.

Робертсон тревожно заерзал. В это время он будет пролетать над Атлантическим океаном. Отношения Робертсона с Берримэном не допускали, чтобы директивы о покупке или продаже акций передавались через третье лицо — или прямое указание Робертсона, или маклер палец о палец не ударит.

— Ладно,— сказал, наконец, Робертсон.— Если он случайно вернется до восьми часов, пусть позвонит мистеру Робертсону. Телефон он знает. После восьми — не трудитесь.— Он повесил трубку.

В крайнем случае сошло бы и письмо с рассыльным, но на Британских островах не принято слать письма с рассыльными. А жаль, к открытию биржи Берримэн бы знал, что должен продавать. Впрочем, Робертсон предпочитал поговорить с маклером лично. За дело надо браться очень тонко, иначе курс резко упадет, прежде чем будут реализованы все акции Робертсона. Берримэн достоин всяческого доверия, но это мероприятие требует особой личной заботы.

Робертсон нисколько не удивился, услышав вкрадчивый совет невидимого наставника: «В таком случае отложи отъезд. Задержись в Лондоне до завтра. Один день роли не играет».

— Ты, собственно, кто такой?

Ответа не последовало. Робертсон уставился на шкатулку, мирно стоявшую на каминной полке, и нервно сплел пальцы. Голос. И золотой кризис накануне возвращения в Америку. Что ж, никто не скажет, что Брюс Робертсон проявил недостаточную гибкость.

Он позвонил в билетную кассу и отменил заказ на девятичасовой рейс. После долгих пререканий ему забронировали место на самолете, который должен был лететь в полдень на другой день. Робертсон успеет связаться с Берримэном и проследить за сбытом золотых акций. А больше ничего и не нужно.

Теперь, когда у Робертсона появилось лишнее время, он наскоро проглотил ленч и отправился побродить напоследок по Пиккадилли Сэркус. Он прослонялся по Лондону почти весь день, пообедал в индийском ресторане на Риджент-стрит и в отель вернулся поздно. Наутро он проснулся в десятом часу.

Проснувшись, он тотчас же позвонил Берримэну в контору и двадцать минут кряду давал ему подробнейшие инструкции. Покончив с этим делом, Робертсон позвонил в бюро обслуживания при отеле и попросил заказать ему такси с таким расчетом, чтобы успеть в лондонский аэропорт к двенадцатичасовому рейсу.

Чемодан он уложил еще накануне, так что теперь делать было нечего — только позавтракать и дождаться полудня. За дверью, как обычно, лежали утренние газеты. Робертсон отнес их в комнату и положил на кровать, собираясь просмотреть, когда вернется из ресторана.

В глаза ему бросился набранный самым крупным шрифтом заголовок на первой полосе «Дейли телеграф»:

110 ЧЕЛОВЕК — ЖЕРТВЫ АВИАКАТАСТРОФЫ

Лондон, 19 августа. Вчера вечером погибли девяносто девять пассажиров

и одиннадцать членов экипажа трансатлантического реактивного лайнера: он взорвался и упал в океан через час после вылета из лондонского аэропорта. С самолета, направлявшегося в Нью-Йорк, сообщили о неисправности мотора, когда самолет находился над океаном, в 10.08 по лондонскому времени, и почти сразу же после этого радиосвязь прекратилась...

Брюс Робертсон бессильно опустился в кресло и добрых двадцать минут тупо разглядывал свои холеные ногти. Потом собрался с мыслями ровно настолько, чтобы перечитать сообщение. Да, это его самолет. И ему бы тоже лететь этим рейсом, если бы не решение задержаться в Лондоне еще на день — распродать золотые акции. А кто посоветовал?..

Шкатулка.

Робертсон схватил шкатулку и впился в нее глазами. Обыкновенная металлическая коробка, плоская, с причудливой монограммой... но с тех пор, как ему подвернулась шкатулка, он слышит голоса, и эти голоса спасли ему жизнь.

Он тряхнул головой. Да это просто все та же система наитий, которая принесла ему богатство и славу! Озарение — продать акции. Озарение — задержаться в Лондоне на ночь. Голоса тут ни при чем, вяло твердил он себе. Но, так или иначе, часом позже, когда настало время освободить номер, он положил диковинную шкатулочку в карман.

В лондонском аэропорту, когда Робертсон приехал туда к половине двенадцатого, стоял оглушительный гомон. Все говорили только о вчерашней катастрофе.

Не разжимая губ, Робертсон проследил за тем, как сдают его вещи в багажное бюро. Он предъявил документы, внес десять шиллингов пошлины за выезд из страны и сел в самолет.

Как Робертсон и ожидал, рейс прошел без особых потрясений. Полет длился восемь часов; Робертсона, пассажира первого класса, щедро ублажали шампанским, черной икрой и прочими деликатесами.

В аэропорт назначения прибыли в три часа дня по нью-йоркскому времени. Робертсон без труда прошел таможенный досмотр (вся его контрабанда следовала менее явными каналами) и к половине четвертого удобно расположился на Манхэттене в своей богато обставленной шестикомнатной квартире с окнами на Ист-ривер.

Он не был суеверен. Но последние часы жизни в Лондоне маленькая плоская шкатулочка служила ему счастливым амулетом, и — по причинам, в которых он не сознавался даже самому себе,— несколько дней подряд он клал шкатулку в карман, выходя из дому.

На другой день после возвращения пришло известие из Лондона: профессор Лоран действительно сделал сенсационное открытие, позволяющее дешево извлекать золото из воды. На лондонской бирже золотые акции стремительно падали в цене. Робертсон продал свои как раз вовремя.

Назавтра какое-то предчувствие и знакомый шепот велели Робертсону держаться подальше от «Жиакомо» — первоклассного ресторана в центре города, куда он хотел было зайти. Робертсон уже прошел в зал. Но он научился уважать предчувствия. Он примирительно улыбнулся метру, попятился к выходу и пообедал во французском ресторане напротив. Впоследствии он узнал, что в тот вечер восемьдесят посетителей «Жиакомо» отравились рыбным ядом, съев какой-то недоброкачественный соус.

В четверг у Робертсона внезапно появился импульс купить ртутные акции «Амалгамэйтед Текнолоджикал» — захудалой компании, далекой от благополучия. Он рискнул двадцатью тысячами долларов и приобрел эти акции по $8^3/_4$. В пятницу компания «Амалгамэйтед» объявила о получении крупного правительственного заказа и о том, что акционеров ждут немалые дивиденды. Новость опеломила Уолл-стрит; три дня спустя Робертсон продал эти акции по $19^3/_4$, нажив на операции кругленькую сумму.

Так оно и повелось. Тихая подсказка, решение — и результат.

Робертсон не был суеверен. Но от двухнедельной

полосы везения нельзя отпучиваться. Время от времени он вынимал плоскую металлическую коробочку из кармана, рассматривал ее, встряхивал, пытался открыть. При простукивании она издавала глухой звук, но открыть ее не было никакой возможности, да Робертсон и не слишком старался. Он знал, как обращаться с курицей, которая несет золотые яйца.

К этому времени у него в душе не осталось и тени сомнения. Шкатулочка приносит удачу. Голоса, которые ему порой слышатся, предчувствия, которые у него появляются,— все это исходит, как ни невероятно, из плоской металлической коробочки, за которую он заплатил полкроны лондонскому лоточнику. Робертсон не искал объяснений. Он был доволен тем, что есть, и то и дело пожинал плоды награды за свою веру в пророческие таланты шкатулочки.

По вечерам любимым пристанищем Брюса Робертсона был Муз-клуб: это роскошное великосветское заведение за бешеные деньги предоставляло ему блестящее общество, по которому он столь безнадежно томился в молодости. Когда человек потягивает дорогие ликеры, утопая в плюшевом кресле, на фоне книжных полок с собраниями сочинений классиков в раззолоченных кожаных переплетах, он забывает о своем низком происхождении.

Робертсон осушил рюмку двадцатилетнего арманьяка и сердечно улыбнулся стюарду, который вновь налил ему коньяку. Затем обернулся к Перри Меррику:

— Да, Перри, по-моему, у меня сейчас прямо полоса удач.

Меррик — коротышка с одутловатым лицом, имеющий чересчур много денег и чересчур много разведенных жен,— выпил шартрез залпом, как дрянное виски.

— Я ведь за тобой слежу, Брюс. Сперва эта история с заменой рейса...

— Ну, это слепой случай,— сказал Робертсон с пренебрежительным легкомыслием.

— Потом продажа золотых акций перед самым началом паники. И авантюра с ртутными акциями. А на прошлой неделе — акции обанкротившихся железнодорожных компаний.

— Ерунда, Меррик,— зарокотал из дальнего угла комнаты старый сварливый Ллойд Декстер. Он опустил газету, которая загораживала его лицо.— Неужто вы не понимаете, что вся эта болтовня о слепой удаче и магических действиях просто нелепа? Очевидно, Робертсон внимательно изучает тенденции рынка, и это единственное разумное объяснение его финансовых успехов.

— Но это не объясняет, почему он отказался лететь самолетом, который тут же разбился, так ведь? — возразил Меррик.— Биржевые спекуляции — согласен, но чем вы объясните...

— Я готов согласиться, что замена рейса — чистая удача,— допустил Декстер.— Но все остальное, все финансовые маневры — это просто следствие ума и хитрости, ничего более таинственного тут нет!

Робертсон скромно улыбнулся.

— Ценю ваше высокое мнение о моей изворотливости, Ллойд, но только вы не правы.

— Что такое?

Робертсон вынул из кармана металлическую коробочку и положил ее к себе на ладонь. До сих пор он не рассказывал о шкатулке ни одной живой душе, но теперь вдруг захотел поставить вздорного осла Декстера на место, да и сама шкатулка, казалось, молчаливо подтверждала, что сейчас самое подходящее время открыть тайну успеха.

— Видите вот эту шкатулку, Ллойд?

Декстер кивнул. Меррик вытянул шею, выпучил налитые кровью глаза.

— Я купил ее в Лондоне в тот самый день, когда должен был лететь в Америку. Заплатил полкроны какому-то лоточнику на Петтикот Лэйн. Шкатулка разговаривает со мной, джентльмены. Дает советы.

— Не валяйте дурака, Робертсон! — загремел Декстер в бешенстве.— Вы что, хотите нас уверить...

— Да, шкатулка говорящая. Она велела мне лететь другим самолетом, велела продать золотые акции, велела купить ртутные. Пока что она ни разу не ошиблась.

Ллойд Декстер сердито сверкнул глазами.

— Робертсон, я никогда не подозревал вас в склонности к мистике, да и сейчас не подозреваю. Очевидно, басней о шкатулке вы хотите заморочить нам голову.

Робертсон беспечно усмехнулся.

— Я говорю совершенно серьезно. Шкатулка дает мне советы. Например,— добавил он, уловив знакомый шепот,— она говорит, что если я сейчас с вами распрощаюсь и перейду в красный зал, то встречу там Фреда Райнера...

— Не может этого быть! Райнер в Чикаго! — взорвался Декстер.

— Встречу там Фреда Райнера,— продолжал Робертсон как ни в чем не бывало,— и еще до полуночи мы с ним заключим сделку — закупим зерно на корню, и я заработаю больше ста тысяч. Желаю вам всего наилучшего, джентльмены.

Прошло несколько дней. Поздним вечером Робертсон сидел дома и смотрел по стереовизору какой-то старый фильм, как вдруг услышал звонок в дверь. На пороге стоял Перри Меррик.

— Перри! Какими судьбами в такой час?

— Мне надо с тобой потолковать, Брюс. Ты один?

Робертсон кивнул.

— Входи. Выпить хочешь?

— Нет, нет, спасибо.— Меррик был бледен, взвинчен, обеспокоен. Он достал сигарету, зажал ее в пухлых трясущихся пальцах и чересчур долго не мог зажечь.

Наконец он сказал:

— Прослышал о твоей сделке с Райнером, Брюс. Все получилось так, как ты и ожидал.

— Конечно. А Фред все говорил, что я совершаю безумство. Пари держу, теперь он раскаивается.

Меррик провел языком по губам.

— Ты сказал, что Фред в красном зале, и он *действительно* был в красном зале, но ведь никто не знал, что он вернулся в Нью-Йорк. Ты-то сам знал? Слушай, вы с Фредом не подстроили все заранее?

— Конечно, нет, Перри. Разве это на меня похоже?

— Надеюсь, что нет,— ответил Меррик. У него дрожали руки.— Так вот, ты рассказал о шкатулке, что

дает тебе верные советы, и доказал свои слова. Во всяком случае, так я считаю. Мне надо знать точно, Брюс.

Робертсон подался к собеседнику, проницательно заглянул ему в глаза.

— Что у тебя стряслось, Перри?

— У меня одно за другим было несколько... э-э... неудачных мероприятий. Твое везение, только наоборот.

— Ясно.

— У меня почти ничего не осталось, Брюс.

— Даже последнего миллиона?

Меррик не улыбнулся.

— Все гораздо хуже, чем ты полагаешь. Хуже, чем можно представить.

— Вот как! Мне очень жаль это слышать,— сказал Робертсон с долей искренности. В клубе будет скучно без Меррика.

— Ты можешь мне помочь, Брюс. Но я хочу просить многого, и ты, пожалуй, не...

— Никогда не думал, что мне придется одалживать деньги Перри Меррику,— перебил Робертсон.— Но если речь идет о какой-нибудь малости, чтобы перебиться, то это наверняка можно будет устроить. Не волнуйся.

— Нет. Я не прошу взаймы,— ответил Меррик.

— Но...

— Ты правду рассказывал про свою шкатулочку, Брюс? Чистую правду?

— Могу поклясться на кредитных билетах, — заверил его Робертсон.— Что греха таить, я иной раз привираю, но это не тот случай. Шкатулка себя оказывает.

— Можно на нее посмотреть?

Робертсон вынул ее из кармана и вручил Меррику. Тот внимательно осмотрел ее, исследовал все грани, потрогал тоненькую разделительную линию.

— Она открывается?

— По-моему, должна открываться, но я так и не понял, каким образом. Сейчас я меньше всего думаю о том, что́ у нее внутри. Не хотел бы я ее сломать.

Меррик поднес шкатулку к самому уху, словно надеялся услышать шепот мудрого советчика или хотя бы тиканье какого-то механизма. Затем вернул шкатулку Робертсону.

— Говоришь, оказывает?

— Два раза не повторяю, Перри.

Меррик кивнул. Долгое время он не произносил ни слова, затем сказал:

— Мне ужасно не повезло. За что бы я ни взялся, все получается из рук вон плохо. Куда бы ни вложил деньги — всюду теряю.

— Со мной тоже так бывало,— елейно посочувствовал Робертсон.

— Сейчас я готов на все,— тихо продолжал Меррик.— У меня отчаянное положение. Брюс, я дам тебе пятьдесят тысяч долларов за твою шкатулку. Наличными. У меня останется только-только, чтобы начать карабкаться сначала.

Неожиданное предложение ошеломило Робертсона. Шкатулка его ни о чем не предупреждала, да и сам он не ожидал такого поворота.

— Нет,— ответил он, не задумываясь.— Категорически нет. Шкатулка не продается.

— Шестьдесят тысяч,— прохрипел Меррик. — Или просто дай мне ее на время. Пока счастье не переменится. Она мне позарез нужна, Брюс.

— Нет. Никогда. Ты ведь не просишь, чтобы тебе кто-нибудь продал свое сердце или печень? Вот то же самое для меня эта шкатулка. Она уже не раз спасала мне жизнь. Да я бы и на час не расстался с ней даже за...

«Сейчас же избавься от шкатулки,— услышал он. — Согласись на предложение Меррика. Сегодняшний вечер — лучшее время, чтобы сбыть шкатулку с рук. Владеть ею дальше опасно и неразумно».

Робертсон потерял горделивую осанку лишь на какую-то микросекунду, но тут же поборол рефлекс, заставивший его разинуть рот от удивления. Избавиться от шкатулки? Он восстановил душевное равновесие.

Если так велит голос, надо ему подчиниться. Робертсон привык во всем полагаться на суждение шкатулки, и, если вдруг владеть ею стало небезопасно, он с удовольствием переиграет. Секрет успеха — вовремя перестать ставить на фаворита, вовремя бросить карты.

Вот только... Меррик тоже слышал предостережение?

Очевидно, нет. Меррик в это время говорил:

— Заклинаю тебя, Брюс, не будь так жесток! Поверь, сегодня вечером я дважды был близок к тому, чтобы пустить себе пулю в лоб. А потом решил: пойду-ка к тебе и попытаюсь купить шкатулку.

Робертсон всмотрелся в серое, измученное лицо Меррика.

— Не многим бы я уступил шкатулку, Перри.

— Неужели... ты, значит...

— Пятьдесят тысяч — и шкатулка твоя. Только давай договоримся: за мной остается право выкупить ее у тебя за те же деньги, скажем, через месяц. Этого времени тебе вполне хватит, чтобы стать на ноги.

— Конечно, Брюс! Так будет справедливо! Не знаю, как тебя благодарить. Ты не представляешь, чем я тебе...

— Уже поздно, Перри. Не будем терять время на речи и изъявления чувств. Шкатулка твоя. Давай деньги — и забирай ее.

Робертсон мысленно улыбнулся. По-видимому, шкатулка протянула дольше, чем ее полезность, иначе не подала бы такого совета. Быть может, она вот-вот сгорит. Быть может, она уже не способна к точным предсказаниям. Так или иначе, Робертсон сам берется предсказать: счастье бедного Меррика не изменится. Чудесная шкатулочка не окупит его денег.

Поздней ночью в его спальне зазвонил телефон. Брюс Робертсон повернулся на другой бок и притворился, что не слышит настойчивого дзиньканья. Он дорожил своим сном. Но телефон не унимался; он прозвенел седьмой раз, восьмой, девятый.

Не размыкая слипшихся век, Робертсон наугад протянул руку к телефону, пошарил в темноте, снял трубку, подтащил к уху.

— Робертсон слушает.

— Брюс, это Перри Меррик говорит.— Голос у Меррика был чрезвычайно взволнованный. Усилием воли Робертсон стряхнул с себя остатки сна.

— Ну что еще, Перри?

— Шкатулка, Брюс. Эта шкатулка вышла мне боком!

— То есть как?

— Я знаю, что звонить в четыре часа ночи не принято, но мне страшно, Брюс.

— Да перейдешь ты, наконец, к делу? — вскипел Робертсон.

— Я только что принял первое сообщение шкатулки, — нерешительно сказал Меррик. — Она меня за... запугивала. Если я, мол, немедленно не избавлюсь от шкатулки, у меня будут неприятности. Мне это непонятно, Брюс.

— Мне тоже. Какие именно неприятности?

— Во-первых, у меня отнимут шкатулку. Сейчас она заперта в моем сейфе.

— Почему ты звонишь мне, а не в полицию?

— Мне кажется, голос имел в виду не простую кражу,— пояснил Меррик.— Он как будто намекал на что-то еще, на что-то совершенно непостижимое. Я так перепугался. Лучше бы я не связывался с этой шкатулкой.

— Не будь идиотом,— сказал Робертсон.— Ты уверен, что ничего не напутал в сообщении, а?

— Слушай-ка, Брюс, давай лучше все отменим. С таким чудом, как эта шкатулка, шутки плохи. Что, если я сяду в такси, отвезу тебе шкатулку прямо сейчас (или, если хочешь, рано утром), и мы расторгнем сделку, ладно?

— Нет.— Робертсону вовсе не улыбалось потерять пятьдесят тысяч долларов, а еще меньше — очутиться сейчас рядом со шкатулкой. Жаль, конечно, беднягу Меррика. — Извини, Перри, но у тебя скорее всего кошмары. Постарайся снова заснуть, а завтра в клу-

бе за ленчем мы с тобой увидимся и все обсудим. Спокойной ночи, Перри.

Он потянулся было положить трубку. Голос Меррика донесся едва слышно:

— Брюс, постой! Не вешай трубку! Брюс!

Трубка замерла на весу.

— Брюс, тут кто-то есть! Брюс! Б р ю с!

Робертсон услышал внезапный вопль, приглушенный и далекий. Он нахмурился, помедлил, снова поднес трубку к уху.

— Перри? Перри, что там происходит?

В трубке гудели сигналы отбоя.

Робертсон приподнялся, сел, протер глаза и зевнул, окончательно разогнав сон. Дело, по-видимому, весьма серьезное. С Перри Мерриком что-то случилось — неизвестно, что именно. Робертсон повесил трубку, зажег ночник у изголовья и набрал номер Меррика. Никто не ответил.

Вызвать полицию? — размышлял Робертсон. Это самый логичный шаг. Налаженный мишурный мирок волшебных шкатулок и пророческих предчувствий внезапно повернулся к нему чужой и пугающей стороной.

Он подержал трубку еще секунду-две, потом повесил. Набрал номер из одной цифры. Заспанная дежурная ответила:

— Справочная.

— Дайте мне, пожалуйста...

— Это лишнее,— заметил чей-то иронический, до странности легкий голос.— Будьте добры положить устройство связи на место. Поговорим.

Ошеломленный Робертсон повесил трубку. В ногах его постели кто-то стоял. Человек (ч е л о в е к л и?) не выше полутора метров росту, с круглым лысым черепом, большими круглыми глазами, не обрамленными ни бровями, ни ресницами, плоским носом и широким неулыбчивым ртом.

Ушей у него не было. Кожа красивого голубоватого цвета светилась в полумраке комнаты.

— Как вы сюда попали? Кто вы такой? Что...

— Вы именуете себя Брюс Робертсон?

— Да, но... послушайте, у меня здесь повсюду сигнализация от воров! Ночью сюда абсолютно невозможно забраться! Невозможно!

Незнакомец не обращал внимания на гнев Робертсона.

— Можно здесь присесть? — вежливо спросил он, указав на кресло у постели. Он сел, не дожидаясь ответа. — Прошу снисходительно отнестись к тому, что я прервал ваше ночное отдохновение, добрый сэр. Но допущены ошибки, и их необходимо исправить.

— Ошибки? Исправить? Вот что, приятель, я трезв как стеклышко, и всего этого в действительности нет. Вы галлюцинация. У меня кошмар. Не стоило на ночь есть омара, да еще две пор...

— Милости прошу убедиться в реальности моего существования,— пригласил незнакомец.

— О реальности не может быть и речи. Сигнализация от воров...

— Уверяю вас, что я вполне реален. Можете называть меня звукосочетанием Морверад. Я из Бюро Переделок.

— Стойте! — прервал его Робертсон.— Я не знаю, кто вы такой и что делаете в моей квартире, но лучше убирайтесь отсюда той же дорогой, какой вошли, иначе...

Он не договорил. Незнакомец извлек из туники маленькую вещицу и стиснул ее в ладонях.

Робертсон прищурился, чтобы лучше разглядеть вещицу в голубоватом отблеске кожи незнакомца.

— Минуточку,— хрипло прошептал Робертсон. — Вон та штука, что вы держите...

— Да, да! Эта, — Морверад протянул предмет, который мог быть или шкатулкой, накануне проданной Меррику, или ее двойником.

— Да. Эта. Где вы ее взяли?

— Я обнаружил этот вариостат во владении некоего Перри Меррика, — объяснил Морверад. — Чтобы разыскать его, пришлось потратить несколько недель.

— Что вы сделали с Мерриком?

— Ничего такого, что возымело бы длительный эффект,— учтиво ответил незнакомец. — Я обязан был проследить путь вариостата по всем завихрениям. Мне стало ясно, что Меррик владеет им недавно. Пришлось применить к Меррику квадратуру Вайна, после чего он открыл мне, что получил вариостат от вас. Я пришел к вам без промедления.

Квадратура Вайна. И мерцающие голубоватые человечки без ушей. У Робертсона все поплыло перед глазами.

— Нет оснований для страха,— продолжал Морверад.— Надо только ликвидировать последствия того, что вы случайно нашли вариостат.

— Не подходите,— предостерег Робертсон, так как человечек встал с кресла и двинулся к постели.— Я позвоню в полицию. Я буду звать на помощь. Я...

— Прошу вас,— успокоительным тоном прошелестел Морверад. — Квадратура отнимет какую-то секунду. Это ведь несложный вопрос тригеминального внушения. Давно уже обходятся без трепанации и... нет, не сопротивляйтесь. Однако погодите, добрый сэр.

Робертсон поднял глаза, отчасти рассерженный, отчасти перепуганный до одури, но тут две холодные руки коснулись его плеч. Незнакомец мягко заставил Робертсона снова лечь на подушку. Робертсон сознавал, что над ним, как две виноградины во тьме, светятся глаза Морверада; чуть погодя у потолка будто взорвалась бомба, и Робертсон лишился чувств.

Он очнулся. Будильник на ночном столике показывал 4.23. Перед самым обмороком было 4.20. Значит, миновали две-три минуты, но казалось, что на самом деле прошло неизмеримо больше времени. От боли у Робертсона раскалывалась голова.

— Вот так,— говорил между тем Морверад.— Простейшая взаимосвязь причин и следствий. Распутать будет нетрудно.

— Рад слышать,— ответил Робертсон.— Вы кончили свою квадратуру?

— Безусловно, я собрал все нужные сведения. Восстановил недостающее звено цепи.

— Великолепно,— сказал Робертсон.— А теперь проваливай, чертова иллюзия, и дай человеку...

— Вы приобрели вариостат восемнадцатого августа текущего года, по местному исчислению времени, в Лондоне. Расстались с ним пять часов назад (значение приближенное). Сейчас вариостат конфискован, но необходимо переделать временную ткань от сегодняшнего дня и вплоть до восемнадцатого августа.

Морверад говорил со спокойной убежденностью, от которой волосы поднимались дыбом. Робертсон сел в постели, обхватил колени руками и стал вслушиваться, чувствуя, как у него кровь стынет в жилах.

— Вариостат миновал один дехроникспый интервал и был утерян в Ригфорре в 7—68/8 абсолютного времени. Он описал внепространственную кривую, которая вернула его в континуум, в девятое августа по местному исчислению. Он попал в ту часть Англии, что именуется Корнуолл, где был обнаружен лицом, незнакомым с его назначением. Нашедший отказался следовать советам вариостата и выбросил его в груду металлолома. По пути в переплавку вариостат затерялся и был найден другим лицом, тоже не осведомленным о его назначении; переменив нескольких владельцев, шестнадцатого августа был привезен в Лондон, где попал во владение Элфреда Сайкса — торговца металлическими изделиями. Утром восемнадцатого августа Сайкс выставил его на продажу. В самом непродолжительном времени вы приобрели вариостат по его же совету. В цепи событий вы были первым, кто послушался совета вариостата, а потому все ваши поступки с того момента до настоящего времени образуют несомненный и все расширяющийся противотемпор, который следует отрегулировать. Вы улавливаете мою мысль?

— Не совсем,— одурманенно сказал Робертсон.— Но я рад, что все будет улажено. Мне бы не хотелось, чтобы расширяющийся противотемпор остался неотрегулированным.

— Ага! В этическом отношении вы согласны! Значит, не будет трудностей и в моральном!

— Чего? — переспросил Робертсон, мрачно ломая

себе голову, что такое противотемпор. Или, если на то пошло, дехроникспый интервал.

Морверад сказал:

— Я в восторге от вашей доброй воли к сотрудничеству. Она так *понятна! Если* у человека хватило ума воспользоваться функциями интуитивного накапливателя данных (а это и есть назначение вариостата), то он, конечно, оценит серьезные последствия, связанные с дальнейшим расширением противотемпора. Поздравляю вас с подобной проницательностью и с высоким сознанием долга, мистер Робертсон.

— Спасибо.

— Зачинить щель будет просто. Я создам дехроникспый интервал — у п р а в л я е м ы й, учтите, совсем не похожий на тот, куда провалился вариостат. Отведу сначала вариостат, а затем и вас, по вселенской трубе к моменту приобретения и помогу вам вернуться в положенную фазу. Этим делом лучше заняться безотлагательно, иначе противотемпор будет расширяться.

Окончательно сбитый с толку Робертсон отважился заметить:

— По-моему, это превосходная мысль.

Внезапно вокруг постели вспыхнул пурпурно-фиолетовый свет. Морверад отошел за пределы силового поля.

— Запомните, мистер Робертсон, противотемпор вы должны переделать сами, но я не разрешу вам миновать эту точку вселенской линии, пока ошибка не будет исправлена. Вам все ясно?

— Полагаю, вы хотите...

Без предупреждения пурпурно-фиолетовый свет сместился к противоположному, красному, концу спектра. Затем комната исчезла.

— Стойте! — заорал Робертсон.— Вы же не объяснили...

Ярко-красный свет мигнул и погас.

Робертсон опять очутился в Лондоне.

Было воскресное утро, конец августа, он стоял на Петтикот Лэйн. Впереди на три или четыре квартала тянулись ларьки уличных торговцев. Жители Лондо-

на, обожающие покупать ненужные мелочи, битком забили узенький проход. На Робертсоне был твидовый пиджак — тот самый, за сорок гиней. Утренний воздух дышал прохладой. Морверада не было видно.

Робертсона поразило одно обстоятельство. Никто и ничто не двигалось. Гирлянда разноцветных флажков, вывешенная над ближайшей к нему палаткой, странно застыла в невероятной позиции; как вкопанные замерли теснящиеся лондонцы, не шевелились продавцы в ларьках и палатках. Остановилось время.

У Робертсона голова пошла кругом. Он перебрал в памяти все, что с ним случилось.

Была эта хитрая штуковина — как, бишь, она называется? — вариостат. Она миновала де... дехроникс-ный интервал, надо понимать, в прошлом, то есть сейчас. Очевидно, вариостат — это автоматический предсказатель. Только Робертсону не положено им пользоваться, потому что по всем правилам вариостату нечего делать в том времени, где живет Робертсон, и из-за этого получился тот самый противотемпор.

Робертсон приложил ладони к вискам, потер их. Головная боль не утихла. Вокруг него все еще никто не двигался.

Маленький человечек — Морверад, что ли? — каким-то образом перебросил Робертсона во времени на несколько недель назад, в то утро, когда он купил вариостат. Робертсон думал: «Весь смысл в том, чтобы опять подойти к ларьку того же самого торговца, но только на этот раз не покупать вариостат. Тогда Морверад тихо и спокойно отправит эту вещицу на место и избежит противотемпора».

Очень жаль, что приходится терять такую удобную шкатулочку, думал Робертсон. Но ничего не попишешь, стоически утешал он себя. Выбора нет. Если он не послушается и снова купит вариостат, Морверад рано или поздно настигнет его и отшвырнет обратно в Лондон, в восемнадцатое августа; так он и будет крутиться, как белка в колесе, пока добровольно не откажется от вариостата.

Итак, приходится быть покладистым. Но что потом?

Потом, без сомнения, он заново проживет эти недели, но на этот раз без шкатулки. Робертсон пожал плечами. Обойдется. Он помнит все советы вариостата, все до единого: поменять билет на самолет, продать золотые акции, купить ртутные и так далее. Всего и дела-то — с самого начала повторить ту же самую цепь решений. Да ему вообще не нужен вариостат. Он сам умеет принимать решения, и чаще всего — удачные.

Робертсон окончательно убедил себя. Так и быть, он отречется от вариостата.

В тот миг, как он принял это решение, неподвижность кругом дрогнула. Открылся дехроникснный интервал, целиком пропустив его в восемнадцатое августа. Флажки затрепетали на ветру, «кокни» стали яростно торговаться за полупенсовые сокровища, торговцы принялись скрипучими голосами зазывать толстых туристов.

Робертсон зашагал по узкой улочке. Где же торговец с бородкой? Ага, вон там.

Робертсон перешел на другую сторону улочки. Сухопарый торговец улыбался покупателям, обнажая скверные зубы, а на прилавке в куче всевозможного хлама маняще возлежала металлическая шкатулка. Робертсон остановился у ларька. Вариостат снова шепнул: «С твоей стороны будет совсем не глупо, если ты купишь эту шкатулку».

Робертсон взял вариостат в руки.

— Сколько стоит?

— Три шиллинга шесть пенсов.

Робертсон положил вариостат на место.

— К сожалению, мне это не подходит.

— Два и шесть пенсов, — молящим тоном предложил торговец.

— Да я ее и за фартинг не возьму,— сказал Робертсон. — Это мое последнее слово. «Слышите меня, Морверад? Я отказался от вариостата». — Он быстро отошел.

В тот же миг противотемпор пришел к концу. Временной континуум, до неузнаваемости искаженный тем, что вариостат находился у Робертсона, мгновенно при-

нял подобающий вид. Ни с того ни сего Брюс Робертсон остановился метрах в шести от злополучного ларька, потер лоб, оглянулся. Шкатулки уже не было. Он пожал плечами. Никчемный кусок металла, не более того. Робертсон не представлял себе, с чего это вдруг ему взбрело в голову прицениться. Он пробрался сквозь толпу, подозвал такси и вернулся в отель.

В отеле он небрежно перелистал газеты, съел легкий ленч и прилег вздремнуть. Когда он проснулся, у него чуть побаливала голова. Он расплатился за номер, взял такси до лондонского аэропорта и сел в самолет, отправляющийся девятичасовым рейсом.

БЕРТРАН
ЧАНДЛЕР

ПОЛОВИНА ПАРЫ

— Ничто,— сказал он,— не может быть хуже, чем половина пары.

— Я ведь уже сказала, что признаю свою вину,— ответила она тоном, утверждающим обратное,— но ты поднимаешь такой шум из-за пустяка! Кто тебе подарил их? Какая-нибудь блондинка?

— Я сам себе их подарил,— мрачно ответил он.— Так случилось, что необходимость в приобретении приличных запонок совпала с достаточным для их покупки количеством денег в моем кармане. Я носил их много лет...

— И ты был так к ним привязан,— посочувствовала она.— Не плачь, мама купит тебе новую пару, когда мы вернемся в цивилизованный мир.

— Мне нужны запонки сейчас,— сказал он, надув губы.

— Зачем они тебе? — спросила она с неподдельным удивлением. — Ведь мы совсем одни в этом корыте, на полпути между Поясом Астероидов и Марсом, и вдруг тебе приходит в голову дурацкое желание иметь пару запонок...

— Мы договорились,— сказал он, с осуждением посмотрев на жену,— что не позволим себе опуститься и стать неряхами, как это происходит с некоторыми семейными парами, занимающимися разведкой планет. Ты, наверно, помнишь ту ужасную пару, которую мы встретили на РХ173А — ну, помнишь, жену и мужа, пригласивших нас пообедать у них на корабле. Он был

одет в замасленный грязный комбинезон, а она — во что-то вроде вывернутого мешка из-под муки. Они пили из горлышка и ели из консервных банок...

— Это,— ответила она,— крайний случай.

— Возможно. Но если я начну ходить с закатанными рукавами или рукавами, болтающимися без запонок, это будет началом падения.— Он задумался, нахмурив лоб.— Я никак не могу избавиться от мысли о несуразности всего случившегося. Я иду в ванную постирать рубашку. Кладу запонки на полку над раковиной умывальника и начинаю вешать выстиранную рубашку на вешалку для просушки. Затем беру запонки, начинаю вставлять их в рукава чистой рубашки и роняю одну из запонок в раковину. Злосчастная запонка немедленно проскальзывает вниз по трубе. Я отправляюсь в машинное отделение за гаечным ключом, чтобы вскрыть трубу на изгибе. Возвратившись в ванную, вижу, что ты только что наполнила водой раковину, чтобы постирать трусики. Рассказываю тебе о случившемся — и ты тут же открываешь пробку и смываешь запонку вместе с водой за пределы изгиба, откуда ее можно было достать.

— Просто я хотела посмотреть,— сказала она.

— «Я хотела посмотреть»,— передразнил он. Затем он снова задумался.— Все было бы не так страшно, будь это один из старомодных кораблей, работающих на закрытом цикле. Все, что тогда пришлось бы мне сделать, это разбирать всю трубу метр за метром до тех пор, пока не нашлась бы запонка. Но теперь, когда генератор Хальворсена производит больше воды, чем нам нужно, и все отбросы автоматически выбрасываются в пространство...

— Можно подумать,— сказала она,— что ты потерял драгоценности короны.

— Мои запонки,— сказал он с достоинством,— значат для меня не меньше, чем драгоценности короны для королевы.

— Я же сказала,— вспылила она,— что куплю тебе другую пару!

— Но она будет уже другая,— проворчал он.

— Что ты собираешься делать?

— Иду в контрольную рубку,— ответил он коротко.
— Чтобы дуться и там?
— Нет,— ответил он.— Нет, дорогая, совсем нет.

Она окончательно вышла из себя, когда тангенциальные ракеты включились на несколько секунд, чтобы остановить вращение космического корабля вокруг продольной оси. В этот момент она была на кухне, готовя на обед спагетти. Спагетти и невесомость никак не соответствуют друг другу, или, лучше сказать, соответствуют слишком тесно. Она даже не пыталась очистить лицо и волосы от вязких, липких волокон, а отправилась вместо этого прямо в контрольную рубку, цепляясь за поручни с ловкостью, которой за собой раньше не знала.

— Ты... Ты шимпанзе с мозгом бабочки! — крикнула она.— Как это, по-твоему, я смогу управляться в кухне без силы тяжести, даже если это всего лишь центробежная сила? Ты лишил нас обеда!

— Мне,— заявил он гордо,— удалось найти пропавшую запонку. Ты ведь знаешь, как работает приспособление для выброса отходов из канализационной системы корабля, — все отходы выбрасываются по касательной с помощью центробежной силы перпендикулярно к линии полета. И я подумал, что есть, может быть, маленький шанс увидеть металлическую запонку на экране, особенно если остановить вращение корабля. Кроме того, я увеличил до предела разрешающую способность и чувствительность видеоэкрана.

— Ну? — потребовала она.— Ну и что?

— Вот она, — сказал он с блаженной улыбкой на лице, указывая на флуоресцирующий экран, опоясывающий контрольную рубку. — Ты видишь — вон там — маленький всплеск, как будто от крошечного спутника. Это и есть, по сути дела, крошечный спутник...

— Итак, теперь ты знаешь, где твоя запонка,— сказала она.— В трехстах метров от корабля, и все время удаляется по спирали. И ради вот этих совершенно бесполезных сведений ты оставил нас без обеда.

— Это не бесполезные сведения. Как ты думаешь, зачем у нас на борту космические костюмы?

— Ты не посмеешь выйти наружу,— сказала она.— Не посмеешь. Даже ты не можешь оказаться таким дураком.

— Только потому,— сказал он,— что ты испытываешь смертельный страх перед космическими костюмами.

— А чья вина в том, что баллон с воздухом оказался на три четверти пустым? — спросила она.

— Конечно, твоя,— сказал он.— Каждому известно, что перед выходом в космос необходимо лично проверить каждую деталь снаряжения.

— Некоторые женщины,— заметила она, — бывают настолько глупы, что доверяют эту проверку своим мужьям. Это те женщины, которые еще не страдали из-за своей глупости, как я.

— Некоторые мужья,— парировал он,— бывают настолько глупы, что воображают, будто их жены владеют самыми элементарными познаниями в области канализации.— Он махнул рукой по направлению к экрану.— Там моя запонка, и я отправляюсь за ней.

— Ты не сможешь найти ее,— сказала она.

— Конечно, смогу. Я возьму с собой реактивный пистолет и привяжусь к кораблю спасательным тросом. Я выйду через люк и оттолкнусь прямо от борта корабля. Затем ты сядешь у экрана и будешь руководить мною, чтобы я смог добраться до орбиты запонки.

— Ты ведь не собираешься действительно проделать это, а? — сказала она. — Нужно быть сумасшедшим.

— Я не более сумасшедший сейчас, чем была ты, когда выдернула пробку из раковины.

— Но... Но ведь может случиться непредвиденное. И ты знаешь, что я не смогу надеть космический костюм, не смогу выйти тебе на помощь, пока не пройду новый курс подготовки...

— Ничего не случится,— уверил он жену.— Твоя задача — просто сидеть, смотреть на экран и направлять меня к запонке. Проще некуда.

Он извлек из шкафа свой космический костюм и начал натягивать неуклюжее одеяние.

Ему не следовало делать этого. Ему следовало бы помнить, что правила, разработанные Межпланетной Транспортной Комиссией, — мудрые правила и что параграф № 11а не является исключением.

«Никто,— гласил параграф,— не должен покидать космический корабль и выходить в пространство иначе, как в сопровождении товарища». Эти правила, несомненно, очень хороши для крупных космических кораблей, переполненных личным составом. Однако владельцы маленьких кораблей — Разведчиков Астероидов, игнорирующие эти правила, редко доживают до преклонного возраста.

В отличие от жены у него никогда не было неприятностей с космическими костюмами, и возможно, именно это сделало его беспечным. Он висел неподвижно на конце спасательного троса, ожидая первых инструкций по радио. Наконец, словно нехотя, жена скомандовала:

— Два метра по направлению к корме... Стоп! Вперед на один метр!

Его реактивный пистолет выплюнул пламя.

Он увидел, как запонка плывет к нему — крошечная золотая искорка, блестящая в солнечных лучах. Он засмеялся и протянул вперед обе руки, чтобы схватить ее, и внезапно понял, что одна из них держит пистолет, его правая рука, которой ему придется схватить маленькую безделушку, когда та приблизится. Он попытался переложить пистолет в левую руку и в спешке промахнулся. Пистолет, освободившись, уплыл в пространство.

«Какое это имеет значение? — подумал он. — Пистолет застрахован, а мои запонки — нет...»

— Поймал! — крикнул он в шлемофон.

Возвращение обратно будет простым — ему придется только подтянуть себя к кораблю с помощью спасательного троса. Именно в этот момент он сделал открытие, которое покончило с радостью по случаю воз-

вращения запонки. Каким-то образом — это случилось, наверное, когда он выронил пистолет, — спасательный трос разъединился: компания Разведчиков Астероидов приобрела печальную известность своим дешевым, второсортным снаряжением. Его медленно уносило прочь от корабля. Он мог бы остановить дрейф, бросив что-нибудь против направления движения, но в руках у него была только крошечная запонка, масса которой слишком мала, чтобы сколько-нибудь заметно замедлить движение.

— Что случилось? — резко спросила жена.

— Ничего,— соврал он.

Она не в состоянии воспользоваться космическим костюмом, по крайней мере сейчас, с ее болезненным страхом, подумал он. Даже если она и сумеет надеть костюм, это слишком рискованно. Нет смысла пропадать обоим. До свидания, дорогая, подумал он. До свидания. Мы были счастливы вместе. Продай корабль и отправляйся обратно на Землю.

— Что с тобой происходит? — снова спросила жена.

— Ничего, — сказал он и задохнулся — и только тут догадался, что хотя манометр на воздушном баллоне показывал давление шестьсот атмосфер, оно совсем не соответствовало действительному.

— С тобой что-то случилось! — крикнула жена.

— Да,— признался он.— Обещай мне, что после возвращения на Марс ты потребуешь проверки всего оборудования, проданного торговцем Соренсеном. И... и... — Он пытался вздохнуть, боролся против охватывавшего его черного мрака.— Это все моя вина. И береги себя. Береги себя — не меня...

Он потерял сознание.

Он был очень удивлен, когда очнулся на своей койке. Еще больше его удивило то, что он вообще очнулся. Первое, что он увидел, было ее лицо — все в слезах, грязное и — счастливое. Затем он увидел, что она держит в руках чистую, белую, сверкающую рубашку, в каждый рукав которой вдето по блестящей запонке.

— Ты вышла наружу,— прошептал он.— Ты принесла меня обратно... Но твой страх... Твой страх перед космическим костюмом...

— Я обнаружила, — сказала она, — что мной владеет еще более сильная неприязнь. Та же, что и у тебя. — Она наклонилась и поцеловала его. — Ничто не может быть хуже, чем половина пары, — и я имею в виду не только запонки.

ГАРРИ
ГАРРИСОН

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Поскольку в толпе почти не было взрослых, а рост полковника Биффа Хаутона превышал шесть футов, он отчетливо видел каждую деталь демонстрируемой игрушки. Ребятишки — и большинство родителей — смотрели на прилавок, широко открыв рты. И только Бифф Хаутон был слишком искушенным человеком, чтобы испытывать благоговейный восторг. Единственно, почему он остался в магазине, было желание узнать, как устроена игрушка и что заставляет ее взлетать.

— Все это подробно разъясняется в инструкции, — сказал продавец, высоко поднимая ярко раскрашенную брошюру, раскрытую на четырехцветной диаграмме.— Вы все знаете, что магнит может притягивать разные предметы, и я уверен, вам известно также, что сама Земля — это огромный-преогромный магнит — именно поэтому стрелка компаса всегда показывает на север. Ну вот... Удивительный Атомный Космический Волнолет опирается на эти космические волны. Магнитные волны Земли для нас совершенно невидимы, и они пронизывают все, даже нас самих. Удивительный Атомный Волнолет плывет по этим волнам, как корабль плывет по волнам океана. А теперь смотрите...

Глаза всех присутствующих были прикованы к продавцу, когда он поставил ярко раскрашенную модель ракетного корабля на прилавок и сделал шаг назад. Модель была сделана из штампованного металла и казалась приспособленной для полета ничуть не больше, чем банка тушенки, которую она очень напоминала с виду. На разноцветной поверхности модели не было

ни пропеллеров, ни ракетных сопел. Она покоилась на трех резиновых колесах, и из задней части ракеты выходил двойной изолированный провод. Этот белый провод был протянут через всю черную поверхность прилавка и заканчивался в маленьком пульте управления, который продавец держал в руке. Сигнальная лампочка, регулятор напряжения и кнопка включения — вот и все, что находилось на контрольной панели пульта.

— Я нажимаю кнопку, и ток устремляется к Волновым Приемникам, — сказал продавец.

Раздался легкий щелчок, и сигнальная лампочка начала посылать равномерные вспышки света: вспыхнула — погасла — вспыхнула — погасла. Затем продавец стал медленно поворачивать регулятор напряжения.

— С Волновым Генератором необходимо обращаться очень осторожно, поскольку здесь мы имеем дело с космическими силами...

Дружное «Ах!» вырвалось у зрителей, когда Космический Волнолет начал вибрировать, а затем медленно поднялся в воздух. Продавец отступил назад, в глубь магазина, и игрушка начала подниматься выше и выше, мягко покачиваясь на невидимых волнах магнитных сил, поддерживающих ее. Затем напряжение было снято, и модель медленно опустилась на прилавок.

— Всего семнадцать долларов девяносто пять центов! — объявил молодой человек и поставил ценник с крупными цифрами на прилавок. — Всего 17.95 за полный комплект Атомного Чуда, включая пульт управления Волнолетом, батарею и брошюру с инструкцией и описанием...

Как только указатель цены появился на прилавке, зрители сразу начали расходиться, и ребятишки, толкая друг друга, кинулись к действующим моделям электропоездов. Последние слова продавца были заглушены говором расходящихся зрителей, и он погрузился в угрюмое молчание. Он поставил пульт управления на прилавок, зевнул и сел на край стола. Полковник Хаутон один остался стоять у прилавка, после того как толпа зрителей разошлась.

— Не могли бы вы объяснить мне, как действует эта штука? — спросил полковник, наклонившись вперед.

Продавец просиял и взял одну из игрушек.

— Вот посмотрите сюда, сэр... — Он снял верхнюю часть модели. — Вот видите, на каждом ее конце расположены Космические Волновые Витки. — Он указал карандашом на необычной формы пластиковые стержни диаметром около дюйма, на которые было намотано — очевидно, как попало — несколько витков медной проволоки. Если не считать этих стержней с обмоткой, модель внутри оказалась совершенно пустой. Обмотки были соединены между собой, провода тянулись к пульту управления и исчезали в его днище.

Бифф Хаутон иронически посмотрел на модель и перевел затем взгляд на лицо продавца, который, очевидно, совершенно игнорировал этот знак недоверия.

— Внутри пульта управления находится батарея, — продолжал молодой человек, снимая крышку с пульта и показывая обычную батарейку от карманного фонаря. — Ток идет от батареи через включающее устройство и сигнальную лампочку к Волновому Генератору.

— Вы хотите сказать, — прервал его Бифф, — что ток от этой копеечной батарейки проходит через вот этот дешевый реостат и попадает в бессмысленную обмотку внутри модели и что это не может дать абсолютно никакого эффекта. А теперь честно скажите мне, что на самом деле заставляет ее подниматься в воздух? Если уж я плачу восемнадцать зелененьких за эту жестянку, я хочу точно знать, что покупаю.

Продавец покраснел.

— Извините, сэр, — пробормотал он, заикаясь от смущения. — Я совсем не пытался что-то скрыть от вас, сэр. Как и всякая волшебная игрушка, Волнолет имеет секрет, и этот секрет не может быть раскрыт, пока она не куплена. — Тут он наклонился вперед с заговорщицким видом. — Но я открою вам одну тайну. Цена этой модели непомерно высока, и никто ее не покупает. Директор сказал, что если найдутся желающие, можно продавать модели по три доллара штука. Если вы хотите приобрести модель за эту цену...

— Идет, мой мальчик! — не дал ему закончить полковник и бросил на прилавок три долларовые бумажки. — Эту цену я готов заплатить за игрушку, как бы она ни действовала. Ребята в лаборатории будут от нее в восторге, — прибавил он, постукивая по груди крылатой ракетой. — Ну, а теперь — как же она летает?

Продавец с таинственным видом оглянулся вокруг, придвинулся поближе к полковнику и прошептал:

— Бечевка! Или, вернее сказать, черная нитка. Она идет от носа корабля вверх через маленький блок в потолке и обратно к моей руке — привязана вот к этому кольцу, видите? Когда я отступаю, ракета поднимается. Вот и все.

— Все хорошие иллюзионные трюки очень просты, — проворчал полковник, проводив взглядом уходящую вверх нить. — Особенно когда внимание зрителей отвлекается разными уловками.

— Если у вас нет под рукой черного стола, его отлично заменит черная ткань, — заметил молодой человек. — Кроме того, этот фокус очень хорошо получается на фоне дверного проема, если только в задней комнате выключен свет, конечно.

— Заверни-ка ее, мальчуган. Сам не вчера родился. Умею в таких вещах разбираться.

Бифф Хаутон продемонстрировал свою покупку во время игры в покер в следующий четверг. Все его гости были специалистами по ракетной технике, и хохот во время чтения инструкции не прекращался ни на минуту.

— Эй, Бифф, дай-ка я срисую диаграмму. Пожалуй, можно будет использовать эти самые магнитные волны в моей новой птичке!

— Эти батарейки дешевле воды. Вот источник энергии будущего!

Один только Тедди Кэйпер заподозрил неладное, когда начался полет ракеты. Он сам был фокусником-любителем и сразу разгадал трюк. Однако он молчал из чувства профессиональной солидарности и только

иронически улыбался, когда присутствующие замолкали один за другим. Полковник умел показывать фокусы, и он превосходно подавал полет. Ему почти удалось убедить зрителей в действительном существовании Космического Волнолета еще до окончания демонстрации. Когда модель приземлилась и он выключил ток, зрители сгрудились вокруг стола.

— Нитка! — воскликнул один из инженеров с явным чувством облегчения, и все рассмеялись.

— А жаль! — сказал Главный Физик проекта. — Я надеялся, что некоторое количество Космических Волн поможет нам. Ну-ка, дайте мне попробовать!

— Первым — Тедди Кэйпер! — объявил Бифф. — Он понял, в чем дело, еще когда все вы следили за сигнальной лампочкой, только не подал виду.

Кэйпер надел кольцо с черной ниткой на указательный палец и начал медленно отходить назад.

— Сначала нужно включить питание, — напомнил Бифф.

— Я знаю, — улыбнулся Кэйпер. — Но это входит в иллюзионный трюк — все эти уловки и игра. Сначала я попробую этот фокус просто так, посмотрю, как нужно поднимать и опускать модель, а затем проделаю фокус со всеми атрибутами.

Он начал отводить руку назад, мягким и гибким профессиональным движением, почти незаметным для окружающих. Модель поднялась на несколько дюймов от стола, затем рухнула вниз.

— Нитка лопнула, — сказал Кэйпер.

— Ты, наверно, дернул ее, вместо того чтобы тянуть плавно, — сказал Бифф, связывая оборванные концы нитки. — Вот смотри, я покажу тебе, как это делается.

Но когда Бифф попробовал поднять модель, нитка снова не выдержала, что вызвало новый взрыв веселья и заставило полковника покраснеть. Кто-то напомнил об игре в покер.

Это было единственное упоминание о покере в тот вечер, потому что очень скоро они обнаружили, что нитка выдерживает вес модели только в том случае, когда ток включен и два с половиной вольта проходят

через шутовскую обмотку. При выключенном питании модель была слишком тяжелой. Нитка неизменно обрывалась.

— Я все-таки думаю, что это сумасшедшая идея, — сказал молодой человек. — За эту неделю мы сбились с ног, демонстрируя игрушечные космические корабли каждому мальчишке в радиусе тысячи миль. Кроме того, продавать их по три доллара штука, когда изготовление каждой модели обошлось по крайней мере в сотню...

— Но ведь ты все-таки сумел продать десяток моделей людям, представляющим для нас интерес? — спросил пожилой мужчина.

— Пожалуй. Мне удалось продать их нескольким офицерам ВВС и одному полковнику ракетных войск. Затем я спихнул одну служащему Бюро Стандартов. К счастью, он не узнал меня. Потом двум профессорам из университета, которых вы мне показали.

— Так что теперь эта проблема находится в их руках, а не в наших. Нам теперь остается только сидеть и ждать результатов.

— Каких результатов? Когда мы стучались в двери научных институтов, настаивая на демонстрации эффекта, ученые не проявили никакого интереса. Мы запатентовали эти витки и можем доказать кому угодно, что когда обмотка находится под током, вес предмета в непосредственной близости от этих витков становится меньше...

— Но лишь на очень незначительную долю меньше. И мы не знаем, чем это вызвано. Никто не проявляет ни малейшего интереса к этому вопросу — ведь речь идет о небольшом уменьшении в весе неуклюжей модели, явно недостаточном, чтобы поднять в воздух генератор тока. Все эти ученые, погруженные в грандиозные проблемы, плевать хотели на открытие какого-то сумасшедшего изобретателя, сумевшего найти маленькую ошибку в законе Ньютона.

— Вы думаете, теперь они займутся этим? — спросил молодой человек, нервно ломая пальцы.

— Конечно, займутся. Прочность нити на разрыв

подобрана так, что она будет рваться всякий раз при попытках поднять на ней полный вес модели. Но она выдерживает модель при том небольшом уменьшении веса, которое вызывается действием витков. Это озадачит их. Никто не заставляет их заниматься этой проблемой или решать ее. Однако само существование такого несоответствия будет постоянно мучить ученых, ибо они знают, что этот эффект противоречит всем законам и просто не может существовать. Они сразу поймут, что наша магнитная теория — сплошная чепуха. А может, не чепуха? Мы не знаем. Но они будут постоянно думать об этом и ломать себе головы. Кое-кто начнет экспериментировать у себя в подвале — просто увлечение, ничего больше, — чтобы найти объяснение. И когда-нибудь кто-то из них найдет, чем вызвано действие этих витков, а может, сумеет и усовершенствовать их!

— А все патенты в наших руках...

— Точно. Они займутся исследованиями, которые вытеснят из их голов проблемы реактивного движения с его чудовищными затратами энергии и откроют перед ними горизонты настоящих космических полетов.

— И тогда мы станем богачами — как только дело дойдет до промышленного производства, — сказал юноша с циничной улыбкой.

— Мы все разбогатеем, сынок, — похлопал его по плечу пожилой мужчина. — Поверь мне, через десять лет ты не узнаешь этого старого мира.

ФРЕДЕРИК ПОЛ

Я — ЭТО ДРУГОЕ ДЕЛО

Я сижу на краю металлической кровати. Матрацем служит второе одеяло, постеленное на ее стальные пружины. Не слишком удобно, но меня ждут еще большие неприятности.

Близится час, когда меня переведут в окружную тюрьму, а через некоторое время после этого я окажусь в камере смертников. Разумеется, сначала состоится судебная процедура, но это простая формальность. Меня не только схватили на месте преступления, я к тому же еще во всем признался.

Я умышленно убил Лоренса Коннота, моего друга, который спас мне жизнь. Конечно, в свое оправдание я мог бы привести некоторые смягчающие обстоятельства, но вряд ли суд примет их во внимание.

Коннот и я были друзьями много лет. Война разъединила нас. Через несколько лет после ее окончания мы снова встретились в Вашингтоне, но в наших отношениях появилась некоторая отчужденность. За это время он, как это говорится, нашел свое призвание. Он много и упорно над чем-то работал, но скрывал от меня, что это было такое. У меня, естественно, были свои заботы, но после того, как я с треском провалился по анатомии, они уже не имели никакого отношения к науке. Должен сказать, что к медицине я охладел уже давненько, с того самого дня, когда впервые попал в анатомический театр; трупов я не боялся, просто не было в этом ничего привлекательного.

Так я и не получил никакого академического звания, да и к чему оно сенатскому охраннику?

Карьера не очень внушительная? Конечно, нет. Но я не стыжусь ее. В жизни вообще ничего не следует стыдиться. А моя должность мне даже нравится. Сенаторы в присутствии нас, охранников, обычно довольно откровенны, к нам относятся неплохо, и мы частенько узнаем интересные вещи о том, что происходит за правительственными кулисами. Со своей стороны, мы можем быть полезны немалому числу людей — газетным репортерам, охотящимся за какой-нибудь историей; правительственным чиновникам, могущим порой использовать одно-единственное неосторожное замечание для целой политической кампании; а также всем тем, кто захотел бы побывать во время важных прений на галерее для посетителей.

Как это и получилось, к примеру, с Ларри Коннотом. Мы с ним столкнулись как-то на улице, немного поболтали, потом он спросил, не могу ли я достать для него пропуск на предстоящие прения по внешней политике. На следующий день я сообщил ему по телефону, что с пропуском все в порядке.

Он явился к началу выступления государственного секретаря, и его маленькие влажные глазки прямотаки блестели от удовольствия. И тут неожиданно раздался громкий крик... История эта, конечно, у всех еще свежа в памяти. Их было трое, этих фанатиков из Центральной Америки, пытавшихся с помощью огнестрельного оружия оказать воздействие на нашу политику. У двоих были пистолеты, у третьего — ручная граната. Пистолетными выстрелами ранило двоих сенаторов и одного охранника. Мы с Коннотом стояли совсем рядом. Я бросился на маленького паренька, уже замахнувшегося гранатой, сбил его с ног; граната откатилась в сторону, я хотел схватить ее и, увидев, что она взведена и вот-вот взорвется, на какое-то мгновение оцепенел, и в это же самое мгновение на ней оказался Ларри...

Газеты сделали нас обоих героями. Они писали, как

о чуде, что Ларри, упав плашмя на гранату, еще успел ее из-под себя вытащить и отбросить в такое место, где она, взорвавшись, никому не причинила вреда.

Верно, вреда она действительно не причинила никому. В газетах упоминалось, что взрыв гранаты заставил Ларри потерять сознание. И верно, он действительно потерял сознание. Прошло около шести часов, пока он снова не пришел в себя, и еще целый день после того он находился в каком-то полузабытьи.

На следующий день вечером я его навестил. Он был очень рад моему приходу.

— Ну вот мы с тобой и в героях, — сказал он приветливо.

— Ларри, ты спас мне жизнь, — сказал я.

— Чепуха, Дик, не стоит говорить об этом. Я бросился вперед чисто инстинктивно, нам обоим повезло, и все тут.

— Газеты пишут: ты был просто великолепен, проделал все так молниеносно, что никто и не понял толком, как все это произошло.

— В такую ничтожную долю секунды, — произнес он еще более небрежным тоном, — никто и не смог бы, естественно, успеть заметить что-либо.

— Я успел, Ларри.

Его маленькие глазки еще более сузились.

— Я был как раз между тобой и гранатой. Ты не мог броситься вперед ни мимо меня, ни надо мной, ни сквозь меня. И все же оказался лежащим на гранате.

Он продолжал молчать.

— И еще одно, Ларри. Она взорвалась прямо п о д тобой, тебя буквально приподняло взрывом. На тебе был непроницаемый для осколков жилет?..

— Видишь ли, — слегка откашлявшись, сказал он, — тот факт, что...

— Оставим «тот факт» в покое, дружище. Что произошло на самом деле?

Он снял очки и растерянно стал тереть себе глаза.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Газеты пишут, что она разорвалась в нескольких...

— Плюнь на газеты, Ларри, — мягко прервал я

его. — Пойми, я стоял рядом, и глаза у меня были открыты.

Ростом Ларри Коннот был вообще невелик, но никогда он не казался мне таким крошечным, как сейчас, когда он, сжавшись в маленький комочек в своем кресле, смотрел на меня такими глазами, как будто я был воплощением Немезиды.

Затем он рассмеялся, рассмеялся таким смехом — почти счастливым смехом, что я вздрогнул от неожиданности.

— Ну ладно, Дик. К черту эту игру в прятки: я ведь потерял сознание, а у тебя глаза были открыты... Рано или поздно я все равно должен был бы кому-нибудь признаться. Почему не тебе в конце концов?

Из того, что я узнал, в этой моей прощальной записке я опущу всего лишь одну подробность, подробность, правда, весьма существенную. О ней не узнает никто и никогда. Не узнает от меня, во всяком случае.

— Естественно, я не мог не понимать, — сказал Ларри, — что рано или поздно ты вспомнил бы наши ночные разговоры в кафе, наши бесконечные споры о боге и мировых проблемах. Конечно, ты их не забыл.

Да, я не забыл, У меня еще сохранилось в памяти, как я беспощадно издевался над его бредовыми утверждениями и гипотезами и как он упрямо защищал их. Одна из них была особенно вздорной. Он начал как-то доказывать, что...

В голове у меня все вдруг перемешалось.

— Ты, кажется, тогда утверждал, — заговорил я, с трудом подыскивая слова, — что когда-нибудь придет время и человеческий дух овладеет... гм... психокинетическими силами... Что когда-нибудь мы, не прибегая ни к каким машинам и не пошевелив даже пальцем, сможем одною лишь силой нашей мысли переносить наше тело в мгновение ока в любое место, какое нам вздумается. В общем, что для человеческого духа нет ничего невозможного.

— Боже, каким я тогда был желторотым юнцом! — воскликнул Ларри и задумался.

Я не мешал ему думать. Мне самому нужно было собраться с мыслями.

— Разумеется, — снова заговорил он, — человеческий дух сам по себе не способен на такие вещи. Все, что я тебе тогда об этом говорил, все это были слова восторженного мечтателя, а не выводы ученого, проверившего их истинность сотней опытов. Но кое в чем я все же был прав, и это кое-что помогло мне найти верное решение. Существуют некоторые... скажем, технические приемы, с их помощью человек может направить работу своей мысли таким образом, что она подчинит себе обычные физические силы, с которыми мы на каждом шагу сталкиваемся в нашей повседневной жизни. Владея такими приемами, человек окончательно восторжествует над природой!

Какой-то необыкновенный оттенок в его голосе и в выражении его глаз заставил меня почувствовать, что он действительно вырвал у природы какую-то великую тайну. На этот раз я поверил бы ему, даже если не было бы вчерашнего инцидента в сенате.

— Владея этими приемами, — продолжал он, — человек в состоянии делать все. Ты понимаешь, Дик? Решительно в с е! Перелететь через океан? В одну секунду. Обезвредить взрывающуюся бомбу? Ты видел это собственными глазами. Конечно, действия эти представляют собой работу, и она, как всякая работа, требует расхода энергии: никому не дано обойти законы природы. Поэтому-то я и вышел на целый день из строя. Полная нейтрализация большого количества мгновенно высвобожденной энергии — пока еще дело довольно трудное. Гораздо легче, например, отклонить в сторону летящую пулю, а еще проще — удалить из ствольной коробки патрон и перенести его себе в карман, чтобы выстрел вообще не состоялся. Расстояния не играют почти никакой роли. Стоит тебе захотеть, Дик, — в его глазах вспыхнул горделивый огонек, — и ты увидишь перед собой английскую корону во всем блеске ее драгоценностей...

— А в будущее заглядывать ты уже можешь? — спросил я.

Он нахмурился.

— Зачем такой тон, Дик, ведь я говорю о серьезных вещах. Шарлатанством я никогда...

— А читать мысли?

Лицо его прояснилось.

— Ах, ты и этот разговор помнишь? Нет, этого я не могу. Позже когда-нибудь, если займусь этой проблемой по-настоящему. Во всяком случае, не сейчас.

— Покажи мне что-нибудь, что ты можешь уже сейчас, — попросил я.

Он улыбнулся. Видимо, он наслаждался нашим разговором, и я его хорошо понимал. Долгие годы он скрывал свою тайну от всех. Десять лет поисков и экспериментов в полном одиночестве! Десять лет тайных надежд и разочарований, начиная с появления еще бесформенной идеи и кончая днем, когда она стала реальной действительностью. Ему просто необходимо было дать выход распиравшим его чувствам. Думаю, он в самом деле был рад, что наконец-то его кто-то разоблачил.

— Показать что-нибудь? Сейчас сообразим. — Он окинул комнату взглядом и кивнул головой: — Смотри на окно.

Окно открылось и снова закрылось.

— Радиоприемник, — сказал Ларри.

Маленький аппарат вдруг ожил: щелкнув, опустилась одна из клавиш, засветилась шкала, раздалась музыка.

— Смотри внимательно!

Музыка резко умолкла, приемник исчез. И тут же вновь появился на прежнем месте; выскочивший из розетки конец соединительного шнура с легким стуком упал на ковер.

— Он был примерно на высоте Эвереста, — сказал Ларри, явно стараясь сохранить непринужденный вид. — А что скажешь о такой штуке...

Лежавший на полу шнур поднялся, и его вилка устремилась к розетке, замерла в воздухе на секунду и снова шлепнулась на пол.

— Нет, — передумал Ларри, — сейчас я тебе покажу действительно кое-что серьезное. Следи за приемником, Дик. Я его заставлю работать без тока. Для усиления электромагнитных колебаний достаточно...

Его напряженный взгляд снова был прикован к ап-

парату. Мгновение, другое. Вспыхнула лампочка, освещающая шкалу; из динамика донеслись первые шипящие звуки. Я поднялся со стула, оказавшись как раз позади Ларри.

Я воспользовался телефоном, стоявшим на столике рядом с моим стулом. Удар пришелся ему в затылок, возле уха; он обмяк и повалился на пол. Я ударил его еще дважды, чтобы он наверняка не смог прийти в себя в течение ближайшего часа, и бросил телефонную трубку на место.

Затем приступил к обыску. То, что меня интересовало, я нашел в его письменном столе: записки и расчеты. Все, что я должен был знать, чтобы быть в состоянии делать то, что мог делать он. Это вместилось в две-три строки, все прочее я сжег.

Я снова поднял трубку и вызвал полицию. Услыхав их сирену, я вытащил мой служебный пистолет и выстрелил ему в горло. Он был уже мертв, когда они ворвались в комнату.

Совесть моя чиста. На суде я постараюсь объяснить мотивы моего поступка, хотя и не уверен, что присяжные признают их основательными.

В тех двух-трех строчках было сказано, как делать то, что мог делать он, Лоренс Коннот. Всякий, кто умеет читать, тоже мог бы это делать. Формула Коннота доступна всем грамотным людям — честным, нечестным, подлецам, преступникам, душевнобольным.

Лоренс Коннот был честным идеалистом, это верно. Мы были друзьями с детства, я его душу знал насквозь и, как говорится, в случае необходимости мог бы доверить ему мою жизнь. Все это так. Но ведь речь идет о гораздо большем!

Не только о его жизни! Не только о моей!

Кто может поручиться за человека, который вдруг почувствует себя богом? Предположите, что какой-нибудь человек стал единственным обладателем секрета, дающего ему возможность проникать сквозь любые стены, в любое закрытое помещение, в любой банковский сейф. Предположите, что этому человеку нестрашно никакое оружие.

Говорят, что власть разлагает. Что абсолютная власть разлагает абсолютно. Можно ли себе представить более абсолютную власть, чем та, которой обладал Коннот? Человек, который, не боясь наказания, мог делать все, что ему взбредет на ум? Ларри был моим другом, но я убил его совершенно хладнокровно, понимая, что человека, владеющего тайной, которая может сделать его властелином мира, нельзя оставлять в живых.

Я — это другое дело.

ТЕОДОР ТОМАС

СЛОМАННАЯ ЛИНЕЙКА

Под пальцами Картера логарифмическая линейка треснула и развалилась надвое. Он уронил обломки на стол и, подняв голову, встретился глазами с Сесилом Харди. Картер сказал одними губами:

— Я так хочу этого, Сесил, так хочу!

Харди медленно наклонил голову.

— Я знаю, Уолтер. Я понимаю тебя.

— Понимаешь? Я растил его чуть ли не с пеленок. Я сделал из него человека. Я сделал из него лучшего человека, который когда-либо учился в Академии. Я видел, на что он способен, и потому отдал ему все, что у меня было, и он впитал это как губка. Глубокий Космос у него в крови. Он... — Картер помолчал, потом добавил: — Если бы мой Уолт не погиб, он стал бы таким, как Лайтнер. Теперь ты знаешь, каково мне...

Харди поднялся со стула и положил руку на плечо Картеру.

— Я знал все эти годы, Уолтер.

— Ты хочешь сказать, что это было заметно?

Харди улыбнулся и покачал головой.

— Нет, не заметно в том смысле, в каком ты это понимаешь. Я знал, потому что в мои обязанности входит знать и потому что мы с тобою старые друзья. Я видел выражение твоих глаз, когда ты смотрел на Лайтнера. Но никто больше не замечал.

Картер выдохнул воздух и провел рукой по ежику стальных волос.

— Я старался не показывать...

— Ты и не показывал. Ты хорошо держал себя

в руках. Может быть, даже слишком хорошо. Лайтнер думает о тебе совсем не так, как ты о нем.

— Я знаю, я не мог позволить ему догадаться о моих чувствах. Это было бы невыносимо. И он должен попасть в Глубокий Космос, хотя бы в награду за все эти годы. В один прекрасный день парень станет Начальником Космонавтов. И когда этот день наступит, Лайтнер будет лучше меня. Он обязан выдержать испытание — для меня, для себя, для всей Земли. Такие люди встречаются редко. Они нам нужны.

Харди взглянул на хронометр и сказал:

— Что ж, скоро все выяснится. Он сейчас спускается на автолете к городу. Мне пора к приборам.

Он повернулся к пульту.

Картер подошел к нему, остановился рядом и прошептал:

— Сесил...

Харди вопросительно взглянул на него.

— Зачем испытывать Лайтнера? Он все эти годы настолько превосходил остальных. Мы можем спокойно обойтись и без испытания.

Глаза Харди расширились.

— Уолтер, не может быть, чтобы ты говорил это всерьез. Последнее испытание — единственный способ заглянуть в душу человека. Чувства, испытанные им при возвращении домой, скажут нам, настоящий ли он разведчик Глубокого Космоса, или просто еще один искусный космонавт. У нас нет другого пути, чтобы узнать это. И ты знаешь, что мы обязаны провести испытание. — Он помолчал и добавил: — Почему ты боишься, Уолтер? Может, ты знаешь что-нибудь неизвестное мне? Ты опасаешься, что Лайтнер может не выдержать?

— *Разумеется, нет. Давай начинать испытание.* Мальчик его выдержит.

За тысячу миль от них Лайтнер опустился на автолете на небольшую поляну. Он не выключил двигателя, пока не осмотрелся. Вечерело. Ветерок угас, и воздух был спокоен. Лайтнер откинул голову назад и

вдыхал запах нагретой солнцем травы. Он посмотрел на юго-восток, на садящееся солнце и увидел дуб. Дуб совсем не изменился. Какой это был сук? Третий сверху? Прикрыв глаза ладонью от солнца, он внимательно присмотрелся к суку, но на нем не осталось никаких следов воздушного змея, висевшего там несколько лет назад. Сейчас Лайтнер снова пережил размытые временем страдания мальчика, который увидел, как погибает воздушный змей. Он улыбнулся, вспомнив мягкий голос отца, его руку на своем плече, вспомнив, как они сделали новый змей, лучше старого, и он летал много дней подряд.

Лайтнер пошел к городку. Сначала быстро, но постепенно воспоминания заставили его замедлить шаги. Изгороди, по которой он когда-то пробегал целую четверть мили, не коснувшись земли, уже не было. Где это было? Здесь? Нет, вон там, там еще рос колючий кустарник, в котором он и Джо Нобб гонялись друг за другом. В конце концов они отправились домой вместе, сплошь покрытые царапинами и ссадинами. Лайтнер хмыкнул. Старик Картер не пришел бы в восторг от его доблести в том бою.

Впереди последний поворот, и над ним, как и раньше, нависая над дорогой, стояла старая ива. Лайтнер прошел под ней, по туннелю, прорубленному в ее ветвях для автомобилей. Ствол ивы окружали кусты, и сквозь них виднелось кладбище. Лайтнер различал могильные плиты, белые на фоне зелени. Он поглядел в ту сторону, где были похоронены отец с матерью, и свернул было с дороги, но передумал. За поворотом дорога превратилась в широкую полосу бетона, которая и была Главной улицей. Лайтнер остановился и посмотрел вдоль нее.

Солнце садилось за спиной, и косые лучи окрашивали улицу в красноватый цвет. Редкие прохожие виднелись на тротуаре, да изредка проезжала машина и исчезала за углом. Негромкие звуки голосов и урчание моторов доносились сквозь пелену теплого воздуха. Лайтнер покачал головой. Ничего не изменилось. Вот он, его город. В то время, когда люди стремятся к звездам, он остался таким же, каким был сто лет назад.

Изменят ли его следующие сто лет? Лайтнер снова покачал головой и ступил на тротуар.

Он миновал гараж Мэрфи, примостившийся под деревьями на краю городка. Потом прошел мимо группы людей, одного из которых он узнал, но не стал останавливаться. Они вопросительно смотрели на высокого стройного человека в форме старшего кадета-космонавта. Но никто не сказал ни слова, пока он не поравнялся с аптекой Мартина.

Мистер Мартин отделился от группы людей, стоявших у двери, подошел к нему и спросил:

— Уж не сын ли ты Лайтнера?

Лайтнер улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Здравствуйте, мистер Мартин.

Мартин пожал руку и, не выпуская ее, обернулся к остальным:

— Посмотрите, кто к нам приехал. Это же сынишка Джона Лайтнера.

Многих из них Лайтнер узнал. Он пожимал им руки и говорил, что у него все в порядке.

Потом наступил момент, когда приглашения зайти в гости были сделаны, а новости исчерпаны. Наступило молчание. Они стояли, улыбаясь ему и поглядывая вдоль улицы. Они понимали, что Лайтнер хочет увидеть свой дом, и не стали его задерживать. Он помахал на прощание рукой и пошел дальше.

Он прошел мимо фуражной лавки, подле которой фермер грузил на машину мешки с концентратом. До Лайтнера донесся сухой сенной запах концентрата. Он повернул за угол, прошел два квартала и понял, что перед ним дом Энгесс Мур. Он поглядел на темный портик и вспомнил тот давнишний вечер, когда портик тоже был темным.

На прежнем месте стояла и лавочка, на которой они сидели тогда, не говоря ни слова, ощущая только громовые удары крови в сердце. Круглое плечо прилегало к его руке, и наступил момент, когда дыхание их оборвалось, чтобы вернуться через мгновение уже прерывистым и быстрым. И в этот момент на дорожке неожиданно появился ее отец и обнаружил их сидящими на разных концах лавочки. Если он что-нибудь и за-

подозрил, то не подал виду, только кивнул им и прошел в дом.

Лайтнер улыбнулся, вспомнив об этом. Он не чувствовал волнения. Только слегка удивился тому, что когда-то такие вещи представлялись ему значительными. В доме Муров горел свет, но он не стал сворачивать к их двери.

Он пошел дальше и через квартал остановился перед своим домом. Дом не был освещен: очевидно, его нынешние хозяева сейчас отсутствовали. В нем мало что изменилось. Живая изгородь была подстрижена ниже, чем раньше, и вдоль дорожки перед входом выросли новые кусты. Дом недавно перекрасили. Это был его дом. Космонавт стоял перед ним в сгущающейся темноте. Воспоминания заполнили его сердце и завладели умом.

В тысяче миль отсюда два человека напряженно всматривались в кривые, выписываемые приборами на бумажных лентах.

Лайтнер поглядел на деревья, окружавшие дом. Сквозь их ветви проглядывали звезды. Лайтнер отошел на середину улицы, откуда он мог видеть вечернее небо. Он стоял, широко расставив ноги, запрокинув голову, и смотрел на звезды. И звезды, казалось, смотрели на него.

Далекие солнца улыбались ему и маняще подмигивали. Как женщина, подумал он, далекая, холодная, но зовущая, зовущая прийти и познать неведомое. У Лайтнера перехватило дыхание.

Это была его жизнь. Для нее он был создан. Долгие годы учебы, напряженные занятия, труд, отказ от всего ради того, чтобы стать существом этих далеких солнц. Многое старалось помешать ему, но он победил. Картер, старик Картер наказывал его так, как не наказывал никого в Академии, — длинными часами работы, когда все отдыхали, постоянной практикой, направленной к совершенству, которого не смог достичь никто, кроме Лайтнера. Но он-то им показал. Он не отказывался ни от чего, он все впитывал как губка. Теперь его не остановить. Он готов к Глубокому Космосу.

Руки Лайтнера медленно поднимались, пока не вытянулись кверху. Так он и стоял — широко расставленные ноги, откинутая назад голова и руки, протянутые к звездам.

Воздух бился у него в горле. И этот звук вернул его к действительности. Он уронил руки, обернулся и побрел к дому, улыбаясь ему сдержанной сухой улыбкой. Приятно снова увидеть дом. Но что ему здесь делать? Он не принадлежит этому дому. Он снова взглянул вверх. Там его судьба. В Глубоком Космосе. Он громко рассмеялся и почувствовал, как к нему приходит спокойствие. С поющим сердцем космонавт возвратился к автолету. Он шел быстро, не глядя по сторонам.

Покончив с графиками, Харди откинулся на стуле. Но Картер уже знал о его решении, прежде чем Харди заговорил, и Харди понял, что Картер знает. Он перегнулся через стол и накрыл своей ладонью руки Картера.

— Уолтер, мне очень жаль. Мне в самом деле очень и очень жаль.

Картер не ответил.

Харди сказал:

— Ты же понимаешь. Человек должен верить в нечто большее, чем собственные стремления. У него должны быть корни.

Картер ничего не ответил.

— Этому мальчику ни к чему возвращаться, у него нет настоящей связи с Землей. В глубине сердца он не думает ни о нас, ни о своей планете. Ему ничего не нужно, кроме Глубокого Космоса, он ставит космос превыше всего.

Картер ничего не ответил.

Харди сжал руки Картера и потряс их.

— Уолтер, послушай, этот мальчик — фанатик. И мы не можем допустить таких людей в Глубокий Космос. Лайтнер не годится ни для тебя, ни для космонавтики, ни для Земли. Неужели ты этого не видишь?

Картер поднял голову, и Харди увидел его глаза. В них горела ярость, которой Харди никогда прежде не видел.

Картер хотел заговорить, но Харди перебил его:

— Не говори этого, Уолтер. Пойми, что когда Лайтнеру придется попасть в необычные обстоятельства, он может принять неразумное решение. Он может действовать и нормально, но есть шанс, что это окажется не так. Он настолько любит Космос, что неуравновешен; человек должен любить что-то больше, чем то, чему он посвящает жизнь. Иначе он становится фанатиком, и ему нельзя доверять. То же самое, что творится сейчас с тобой. Ты же любишь этого парня, но... как это говорится?

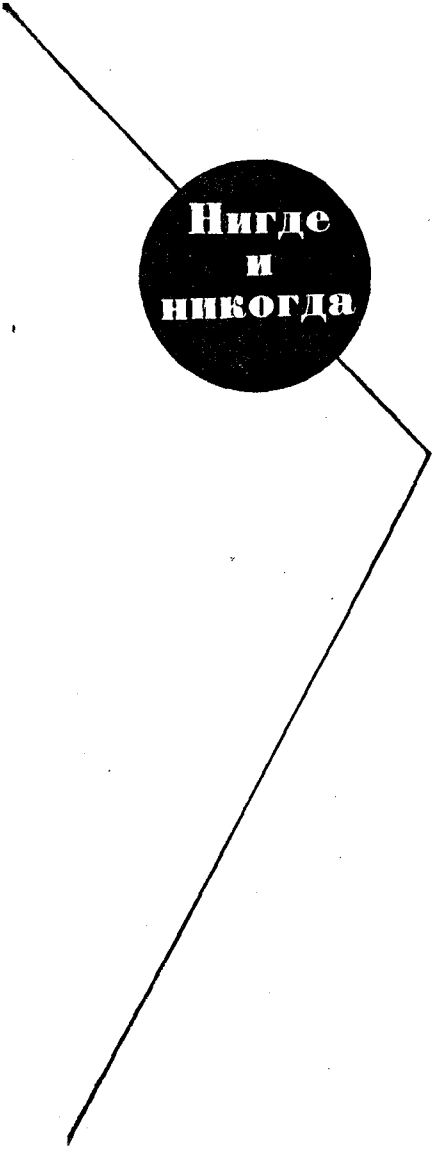
Ты не была бы мне так дорога,
Не будь мне честь дороже.

Это и есть ответ на все.

Картер опустил голову. Он сидел неподвижно, но потом руки его дрогнули, пальцы побелели от напряжения. Он нагнулся и подобрал половинки сломанной линейки. Подержал их на ладони, разглядывая, а затем поднял на Харди глаза. Ярость ушла из них. Он сказал:

— Все в порядке, Сесил. Спасибо тебе. Большое спасибо.

И он выкинул обломки линейки в мусорную корзину.

Нигде
и
никогда

ДЖЕЙМС ГАНН

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ

Мэт не верил своим глазам. Несколько секунд он стоял как вкопанный, глядя вслед подпрыгивающему на ходу колесу. Затем, опомнившись, помчался вслед.

— Стой, — орал он, — стой, черт тебя подери!

Словно забавляясь, колесо высоко подпрыгнуло и, опустившись на землю, покатилось еще быстрее, чем прежде. Мэт пробежал по пыльной, нагретой солнцем дороге почти сто ярдов, прежде чем ему удалось поравняться с колесом и толкнуть его ногой в бок. Вращаясь, оно упало на дорогу и замерло, словно опрокинутая на спину черепаха.

Тихо зазвенели маленькие серебряные колокольчики. Смех? Мэт быстро и зло огляделся. Единственным живым существом поблизости была девчонка, которая брела по дороге в нескольких сотнях ярдов от его осевшего набок автомобиля.

Мэт пожал плечами и вытер пот со лба рукавом рубашки. Поздний июньский полдень в южном Миссури был слишком жарким для физических упражнений.

Он поднял колесо и покатил его сквозь волны горячего зноя и медленно оседавшее облако красной пыли назад, к зеленому «форду». Мэт мог бы поклясться, что остановился для смены колеса на редком среди этих холмов ровном участке. Но тем не менее колесо, как только он отвинтил гайки, пустилось вниз, словно машина стояла на крутом склоне горы.

Как будто несчастье с колесом не могло произойти десятью милями раньше, на автостраде, где к его услугам были многочисленные станции обслуживания!

Впрочем, выходка колеса была лишь последней в длинном ряду неудач и неприятностей, печальными свидетельствами которых остались многочисленные ссадины и царапины. Мэт вздохнул. В конце концов он хотел одиночества. Предложение Гэя закончить диссертацию в его охотничьей хижине показалось Мэту в свое время божьим даром, но сейчас он уже не был в этом уверен. Судя по недавнему происшествию, большая часть его времени будет посвящена борьбе за существование.

Мэт подкатил колесо к машине, осторожно положил его набок и вытащил из багажника запасное. Не спуская глаз с колеса, Мэт подтянул его к левой задней оси, стал на колени, поднял колесо, приладил, наживил гайки, сделал шаг назад и вздохнул с облегчением... Тихо звякнул металл.

Мэт торопливо посмотрел вниз и успел заметить, как последняя гайка закатилась под машину.

В вещах и машинах есть нечто делающее их принципиально чуждыми человеческой натуре. На время они могут маскироваться под верных слуг человека, но в конце концов неизбежно обращаются против своих хозяев. В подходящий психологический момент вещи восстают.

А может быть, секрет заключается в разнице между людьми. Есть люди, у которых все получается не так: их бутерброды падают намазанной стороной вниз; доска, в которую забивают гвоздь, расщепляется; мячи для гольфа попадают в лужу. Другие же пользуются какой-то необъяснимой симпатией со стороны вещей.

Удача? Умение? Координация движений? Опыт? Мэт вспомнил свою чуть не кончившуюся трагически попытку изучить химию; он едва одолел качественный анализ. Потом ему вспомнилась злополучная, стоившая совершенно невероятного труда шестеренка, и рейсфедер, который никак не хотел проводить тонкую линию, сколько ни зачищай его конец...

Все это убедило Мэта, что его руки слишком неуклюжи для инженера. Он перенес свои устремления в область, где орудия труда были более податливы. Когда-нибудь он напишет об этом неплохую статью для журнала...

Смех... На этот раз сомнений быть не могло. Смех звучал прямо за спиной. Мэт круто обернулся. Перед ним стояла все та же девчонка. Чуть выше пяти футов, в выцветшем бесформенном платье. С маленькими, босыми и грязными ногами. Волосы, заплетенные в длинные косички, были мышиного цвета. Только большие голубые глаза чуть оживляли ее бледное личико.

— Почему бы вам не впрячь лошадь? — спросила она, хихикая.

— Давно ли в ваши края завезли эту остроту? — Мэт подавил раздражение, повернулся и стал на четвереньки, чтобы заглянуть под машину.

Одну за другой он подобрал гайки, но последняя, разумеется, находилась вне пределов досягаемости. Обливаясь потом, он пополз за ней под «форд». Когда он вылез, девушка все еще была здесь.

— Чего это ты дожидаешься? — с горечью спросил он.

— Ничего, — спокойно ответила она.

— Почему же ты не идешь домой? — поинтересовался Мэт раздраженно.

— Не могу.

Мэт обошел машину и высвободил домкрат.

— Почему бы это?

— Я убежала, — ее голос был трагически спокоен.

Мэт повернулся, чтобы посмотреть на девушку. Одинокая слеза скатилась у нее по щеке, оставляя за собой грязную дорожку. Мэт ожесточил свое сердце. Солнце уже склонилось довольно низко, и для того чтобы проехать по этой всеми забытой дороге оставшиеся двадцать пять миль, ему понадобится добрый час.

Мэт сел в машину и включил зажигание. Кинув последний взгляд на патетическую маленькую фигурку на дороге, он яростно покачал головой и дал газ.

— Мистер! Эй, мистер!

Мэт нажал на тормоз и высунул голову из окна машины.

— Чего тебе еще надо?

— Мне? Ничего, — мрачно ответила она, — но вы забыли свой домкрат.

Мэт рывком включил задний ход и вернулся на прежнее место. Молча он вылез из машины, подобрал домкрат, открыл багажник, швырнул в него домкрат и захлопнул крышку. Но, проходя мимо девушки, он заколебался.

— Куда это ты направляешься?

— Никуда.

— Что значит «никуда»? Разве у тебя нет родных?

Она отрицательно покачала головой.

— Друзей? — с надеждой в голосе спросил Мэт.

Она снова покачала головой.

— Ладно, тогда отправляйся домой. — Он сел в машину и захлопнул дверцу. В конце концов это не его забота.

Машина тронулась. Можно не сомневаться, что девчонка вернется домой, как только достаточно проголодается. Мэт со скрежетом включил вторую скорость. Даже если она и не вернется, кто-нибудь позаботится о ней. В конце концов он не благотворительное общество.

Мэт недовольно затормозил и, дав задний ход, вернулся к тому месту, где стояла девчонка.

— Залезай, — сказал он.

Ехать по ухабистой дороге было мало приятно, но девчонка подпрыгивала рядом с ним на сиденье, радостно повизгивая.

— Осторожней с моими заметками, — сказал он ей, указывая на пухлые папки, лежавшие между ними, — в них больше года работы.

— Год работы? — удивленно отозвалась она.

— Здесь заметки для диссертации, которую я пишу.

— Вы сочиняете рассказы?

— Исследовательская работа, которую я должен написать, чтобы получить ученую степень. — Он быстро взглянул на нее и снова перевел глаза на дорогу. — Она называется: «Психодинамика колдовства по материалам процессов салемских ведьм в 1692 году».

— А, ведьмы, — произнесла она таким тоном, словно ей все было известно о ведьмах.

Мэт почувствовал беспричинное раздражение.

— Ладно, где ты живешь?

Она перестала подпрыгивать на сиденье и притихла.

— Па снова будет бить меня. Он чуть не спустил с меня шкуру.

— Ты хочешь сказать, что он стукнул тебя?

— Нет, он не пускает в ход руки. Обычно он бьет меня ремнем. Смотрите.

Она задрала подол платья. То, что она носила под платьем, имело такой вид, словно было сшито из старого мешка. Мэт взглянул и быстро отвел глаза. Вдоль бедра тянулась темная полоса. А нога была слишком округлой для такой девчушки. Мэт прочистил горло.

— Почему он это сделал?

— Он просто грубый.

— Ну, должна же быть хоть какая-то причина!

— Понимаете, — сказала она задумчиво, — когда напивается, он бьет меня, потому что пьян, а когда трезвый, то бьет меня, потому что не смог выпить. Обычно он не ищет других причин.

— Но что он при этом говорит?

Она застенчиво посмотрела на него.

— О, этого я не могу повторить!

— Я хочу сказать, чем он недоволен?

— Ах, это... — Она задумалась. — Он считает, что я должна выйти замуж. Он хочет, чтобы я подцепила какого-нибудь здорового молодого парня, который бы переехал к нам и делал бы всю работу. Девчонки не приносят в дом денег, — говорит он, — во всяком случае, порядочные. Они только едят и просят тряпки.

— Выйти замуж, — сказал Мэт, — но, по-моему, ты слишком молода для этого.

Она взглянула на него уголком глаза.

— Мне шестнадцать, у нас такие девушки по нескольку поклонников имеют. Одного-то уж во всяком случае.

Мэт внимательно посмотрел на нее. Шестнадцать лет? Это казалось невероятным. Правда, ее платье было достаточно бесформенным, чтобы скрыть все что угодно.

— Выйти замуж, выйти замуж... Вы думаете, я не

хочу выйти замуж? Разве я виновата, что никто из парней меня не хочет.

— Этого я не могу понять, — саркастически сказал Мэт.

Она улыбнулась ему:

— Какой вы милый!

Когда она улыбалась, она выглядела почти хорошенькой. Во всяком случае, для деревенской девчонки.

— Но почему? — спросил Мэт.

— Может, из-за па, — ответила она, — никто не хочет жить вместе с ним. Но, главное, по-моему, просто не везет. — Она вздохнула. — С одним парнем я встречалась почти год. Он сломал ногу. Другой упал в озеро и чуть не утонул. Разве хорошо было с их стороны сваливать вину на меня, даже если мы и поссорились перед этим?

— Сваливать вину на тебя?

Она энергично закивала головой.

— Те, кто не очень ненавидит меня, говорят, что я не девушка, а ходячее стихийное бедствие. Другие выражаются еще хуже. Парни перестали ухаживать за мной. Один даже сказал, что он скорее женится на гремучей змее. А вы женаты, мистер... мистер?..

— Мэтью Райт. Нет, я не женат.

Она задумчиво кивнула головой.

— Райт. Эбигайль Райт. Как хорошо звучит!

— Эбигайль Райт?

— Разве я это сказала? Ну, не смешно ли? Моя фамилия Дженкинс.

Мэт проглотил слюну.

— Ты пойдешь домой, — сказал он с непоколебимым убеждением. — Или ты мне скажешь, как проехать туда, или можешь вылезать из машины.

— Но па...

— Как, по-твоему, куда я тебя везу?

— Туда, куда вы едете. — сказала она, широко раскрыв глаза.

— Послушай, ради бога, ты не можешь ехать туда со мной. Это неприлично.

— Почему? — наивно спросила она.

Мэт молча начал тормозить.

— Ладно, — вздохнула девушка. — Поверните направо на следующем перекрестке.

Зеленый «форд» остановился перед двухкомнатным бунгало. Если его стены и покосившееся крыльцо и были когда-либо знакомы с краской, то знакомство было чисто шапочным, да и то давним.

Большой загорелый человек с длинной черной бородой и высокой шапкой волос задумчиво раскачивался на крыльце в шатком кресле.

— Это па, — испуганно шепнула Эбигайль.

Мэт подождал в неловком молчании, но ее отец продолжал невозмутимо раскачиваться в кресле, как будто незнакомцы каждый день привозили домой его дочь. Может быть, так оно и есть, с раздражением подумал Мэт.

— Ну, вот, — сказал он, — ты и приехала.

— Я не могу вылезти, пока не узнаю, собирается ли он меня выдрать, — ответила Эбигайль, — поговорите с ним. Узнайте, сердится ли он.

— Нет уж, с меня хватит, — убежденно заявил Мэт, снова взглянув на большую черную фигуру, продолжавшую молча раскачиваться на крыльце, — я выполнил свой долг, доставив тебя домой. Прощай. Не могу сказать, чтобы наше знакомство доставило мне большое удовольствие.

— О, вы такой милый и очень симпатичный! Мне бы не хотелось рассказать па, как вы воспользовались тем, что я была совсем одна...

В ужасе Мэт поглядел на Эбигайль, затем вылез из машины. Медленно подошел он к крыльцу и поставил одну ногу на покосившуюся ступеньку.

— Хм, — сказал он, — я встретил вашу дочь на дороге.

Дженкинс раскачивался.

— Она убежала, — продолжал Мэт. — Я привез ее обратно, — закончил он в полном отчаянии.

Дженкинс продолжал раскачиваться и молчать. Мэт вернулся к машине и вытащил из отделения для перчаток пинту виски. Затем вернулся к крыльцу.

— Не хотите ли немного выпить?

Большая рука протянулась вперед и заграбастала

бутылку. Другая рука свернула пробку. Как только горлышко бутылки исчезло в спутанной бороде, ее дно немедленно задралось к небу. Бутылка забулькала. Когда она опустилась, в ней оставалось меньше половины.

— Слабовато, — произнесла борода.

— Я привез вашу дочь обратно, — сказал Мэт, начиная с самого начала.

— Зачем?

— Ей некуда было идти. Я думаю... в конце концов это ее дом.

— Она убежала, — сказала борода.

— Послушайте, мистер Дженкинс, я понимаю, дочери-подростки могут доставить кучу неприятностей... но в конце концов она ваша дочь.

— Не уверен.

Мэт сглотнул слюну и попробовал еще раз.

— Счастливая семейная жизнь должна быть основана на разумных компромиссах с обеих сторон. Бить ребенка не значит воспитывать его. И если вы...

— Бить ее?

Дженкинс медленно поднялся с кресла. Это было внушительное зрелище, словно сам Нептун вставал из моря во всем своем величии, гигантский, бородатый и могучий. Даже если отбросить высоту крыльца, Дженкинс возвышался несколькими дюймами над почти шестью футами Мэта.

— Да я пальцем ее ни разу не тронул!

О боже, подумал Мэт, его трясет со страху.

— Зайдите, — сказал Дженкинс, махнув бутылкой по направлению к двери. В комнате царил хаос. Пол был усеян осколками битой посуды. В центре комнаты лежал перевернутый стол, словно размахивая в воздухе тремя неструганными ножками; четвертая, вывернутая из гнезда, сиротливо торчала в сторону. А рядом валялись разбитые в щепу стулья.

— Это она наделала? — слабым голосом спросил Мэт.

— Это еще ничего, — жалобный голос Дженкинса никак не взялся с его массивной фигурой. — Вы бы видели другую комнату!

— Но каким образом?

— Я не говорю, что Эб сделала это, — сказал Дженкинс, качая головой. Его борода тряслась у самого носа Мэта. — Но когда она чувствует себя несчастной, случается всякое. А она была здорово несчастна, когда Дункан сказал ей, что больше не придет. Стулья подпрыгивали и падали на пол. Стол танцевал по всей комнате, пока не разлетелся на куски. Тарелки летали по воздуху. Смотрите! — Он нагнул голову и развел руками волосы. На затылке виднелась огромная шишка. — Мне даже не хочется думать, что случилось с Дунканом. — Он печально покачал головой. — Так вот, мистер, мне кажется, у меня есть все основания наказать девчонку. Не так ли? — спросил он. — Но чтобы я ее ударил? Да я скорее суну руку в змеиное гнездо.

— Вы хотите сказать, что эти вещи случаются сами собой?

— Именно. Я думаю, что у вас в мозгах все запуталось. Никогда не поверил бы во все это, если бы сам не видел и не чувствовал, — тут он потер шишку на затылке, — и если бы этого не случалось раньше. Странные вещи начали твориться вокруг Эб с тех пор, как она стала входить в возраст, лет пять-шесть тому назад.

— Но ведь ей только шестнадцать лет!

— Шестнадцать? — Дженкинс осторожно глянул через открытую дверь в сторону машины Мэта и понизил голос до шепота: — Не выдавайте меня, но Эб всегда любила приврать. Девчонке больше восемнадцати.

Единственная целая тарелка упала с полки и разбилась у ног Дженкинса. Он подпрыгнул и задрожал всем телом.

— Видели? — жалостливо прошептал он.

— Упала тарелка, — сказал Мэт.

— Она ведьма, — Дженкинс лихорадочно отхлебнул из бутылки, — может быть, я не был ей хорошим отцом. С тех пор как умерла ма, она стала совсем дикой и с ней начали твориться странные вещи. Не только плохие. Мне, например, много лет не приходи-

лось ходить за водой. Бочка возле крыльца всегда была полной. Но с тех пор как она выросла и у нее появились всякие сердечные разочарования, жить с ней стало чертовски трудно. Никто сюда и близко не подходит. И все вещи вокруг прыгают и двигаются, пока, наконец, собственному стулу не перестанешь доверять. Нервы не выдерживают, сынок. Человек не в состоянии этого вынести!

К смущению Мэта, глаза Дженкинса стали наполняться крупными слезами.

— У меня больше нет друзей, чтобы предложить мне выпить или, скажем, помочь по хозяйству, когда у меня ломит поясницу. Я больной человек, сынок. Послушай, сынок, ты городской человек. Выглядишь красиво, и манеры, и всякое там образование. Я так полагаю, что Эб ты нравишься. Почему бы тебе не взять ее с собой?

Мэт начал пятиться по направлению к двери.

— Она девчонка что надо, как приведет себя в порядок, а готовит она просто здорово. Можно подумать, что поварешка приросла у нее к руке, так ловко она с ней обращается, и тебе вовсе не надо будет жениться на ней.

Мэт побледнел.

— Вы с ума сошли!

Он повернулся, чтобы сделать рывок к двери. Тяжелая рука упала ему на плечо.

— Сынок, — сказал Дженкинс голосом, в котором звучала угроза, — если девчонка пробыла с мужчиной наедине больше двадцати минут, считается, что они должны пожениться как можно скорее. Поскольку ты чужой в наших краях, я не хочу тебя принуждать. Но с той минуты, как Эб ушла из этого дома, она перестала быть моей дочерью. Никто не просил тебя привозить ее обратно. Эта девчонка, — добавил он удрученно, — съедает больше меня.

Мэт полез в карман брюк. Он вытащил бумажник и извлек из него пятидолларовую ассигнацию.

— Может быть, это немного скрасит вашу жизнь.

Дженкинс тоскливо посмотрел на деньги, протянул было руку, но быстро ее отдернул.

— Не могу, — простонал он, — не стоят того эти деньги. Вы привезли ее, вы ее и увезите.

Мэт глянул сквозь открытую дверь на машину, содрогнулся и прибавил вторую пятерку. Дженкинс покрылся потом. Он с отчаянием смял бумажки в своей широкой ладони.

— Ладно, — сказал он хриплым голосом, — это десять чертовски убедительных доводов.

Мэт бросился к машине и сел за руль.

— Вылезай, — сказал он резко, — ты дома.

— Но па...

— Отныне он будет тебе любящим отцом. Прощай!

Волоча ноги и сутулясь, девушка обошла машину. Но, подойдя к крыльцу, она выпрямилась. Дженкинс, стоявший в дверях, отпрянул назад перед своей низкорослой дочкой.

— Скверный грязный старикашка, — прошипела Эбигайль.

Дженкинс торопливо поднял бутылку к бороде. Тут она, должно быть, выскользнула у него из рук. Но, вместо того чтобы упасть, осталась висеть в воздухе горлышком вниз. Виски полилось Дженкинсу на голову. Дженкинс, который теперь стал еще более похож на Нептуна, повернулся к машине и печально покачал головой.

Мэт лихорадочно развернул машину и стремительно вылетел со двора. Несомненно, это был обман зрения. Бутылки виски не висят в воздухе без поддержки.

Найти хижину Гэя оказалось нелегко. Мэт два с лишним часа кружил по грязным дорогам.

Он решил задержаться, когда в четвертый раз проезжал мимо хижины, которая во всем отвечала описанию Гэя, кроме того что была обитаемой. Свет из окон потоками лился в темноту. По крайней мере он сможет расспросить о дороге. Запах жареной ветчины, доносившийся из дому, довел его до исступления. Мэт постучал в дверь. Может быть, его даже пригласят к ужину!

Дверь отворилась.

— Входите. Что вас держит?

Мэт замигал.

— Нет, нет! — вскричал он. На мгновение он почувствовал себя героем старого анекдота о пьяном в гостинице, который, шатаясь, вновь и вновь возвращается все к той же двери. Каждый раз его выставляют с возрастающим возмущением, пока он, наконец, не произносит жалобным тоном: «О боже, неужели вы один живете во всех комнатах сразу?»

— Что ты здесь делаешь? — спросил Мэт слабым голосом. — Как ты... каким образом ты сюда попала?

Эбигайль втянула его в хижину. Внутри было чисто, светло и уютно. Пол подметен, две нижние откидные койки на противоположных стенах аккуратно застелены. На столе стояли два прибора. В плите горел огонь и готовился ужин.

— Па передумал, — сказала она.

— Но он не мог. Я ему дал...

— Ах, это,—она полезла в карман платья.—Вот!— Она протянула ему две смятые пятидолларовые бумажки и пригоршню серебряных и медных монет.

Мэт машинально пересчитал мелочь. Ее набралось на доллар тридцать семь центов.

— Па сказал, что послал бы вам больше, но это все, что он смог наскрести.

Мэт тяжело опустился на стул.

— Но каким образом ты... я ведь сам точно не знал, где находится это место. Я ж тебе не сказал, куда я еду.

— О, я всегда хорошо умела находить дорогу и потерянные вещи. Как кошка.

— Но... но... — запинаясь, заговорил Мэт, — но как ты сюда попала?

— Приехала, — ответила она.

Невольно Мэт посмотрел на стоявшую в углу метлу.

— Па одолжил мне мула. Я уже отпустила его. Он сам найдет дорогу домой.

— Но ты не можешь оставаться здесь. Это невозможно!

— Ну, пожалуйста, мистер Райт, — в голосе Эбигайль появились успокаивающие нотки, — моя мама всегда говорила, что мужчина не должен принимать

решений на пустой желудок. Посидите и отдохните. Ужин готов. Вы, наверное, умираете с голоду?

— Нечего здесь решать... — начал было Мэт, но замолчал, глядя, как она ставит на стол ужин — толстые ломти жареной ветчины с густой подливкой, маисовые лепешки, воздушные бисквиты, масло, домашнее варенье, крепкий черный кофе, дымящийся и ароматный. Щеки Эбигайль раскраснелись у плиты, она выглядела почти хорошенькой.

— Я не в состоянии есть, — сказал Мэт.

— Чепуха, — ответила Эбигайль, наполняя его тарелку.

Мрачно Мэт отрезал ломоть ветчины и положил его в рот. Мясо было таким нежным, что почти таяло во рту. Чуть спустя Мэт уже поглощал пищу с той скоростью, с какой успевал подносить ее ко рту. Все было приготовлено так, как ему всегда нравилось. Никогда он не мог никому объяснить, до какой степени надо поджаривать ветчину. Но эта была приготовлена как раз по его вкусу.

Мэт откинулся от стола, зажег сигарету и стал наблюдать, как Эбигайль наливает ему третью чашку кофе. Он почувствовал, что жизнь прекрасна.

— Если бы у меня было время, я бы испекла пирог с персиками, — говорила Эбигайль, — я умею готовить очень вкусный пирог с персиками.

Мэт лениво кивнул головой. Конечно, было бы совсем неплохо иметь кого-нибудь рядом, чтобы...

— Нет, — произнес он вдруг — ничего не выйдет. Ты не можешь здесь оставаться. Что скажут люди?

— Но кому какое дело? А потом, я всегда могу сказать, что мы женаты.

— Нет, — хрипло сказал Мэт, — пожалуйста, не говори этого!

— Мистер Райт, — умоляюще проговорила Эбигайль, — пожалуйста, разрешите мне остаться. Я буду вам готовить и убирать хижину. Я вам совсем не буду мешать, честное-пречестное слово, не буду.

— Послушай, Эби, — Мэт взял ее за руку. Эбигайль *стояла рядом с ним, покорно опустив глаза.* — Ты очень милая девочка, и ты мне нравишься. Ты го-

товишь лучше, чем все, кого я знал, и в один прекрасный день ты составишь счастье какого-нибудь мужчины, став его женой. Но я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы позволить тебе погубить свое доброе имя. Ты должна вернуться домой к отцу.

— Ладно, — произнесла Эбигайль так тихо, что ее едва было слышно.

Обескураженный неожиданным успехом, Мэт встал и пошел к двери. Эбигайль покорно последовала за ним. Мэт открыл дверцу машины и помог девушке сесть, затем, обойдя машину, сел сам на место водителя. Эбигайль сидела маленькая и тихая, прижавшись к дверце. Внезапно Мэту стало жалко ее и стыдно, словно он ударил ребенка. Но он взял себя в руки и включил зажигание. Мотор зафыркал, но машина стояла неподвижно. Мэт сбросил газ и снова нажал на стартер. Мотор пыхтел, тщетно пытаясь сдвинуть машину с места. Мэт проверил зажигание. Все было в порядке. Снова и снова нажимал он на газ, но машина стояла как вкопанная.

Мэт подозрительно посмотрел на Эбигайль.

Но это же абсурд! — подумал он. С тех пор как он встретил эту девчонку, ему стала мерещиться всякая чертовщина. Однако машина не двигалась с места. В конце концов Мэт сдался.

— Ладно, — вздохнул он, — не могу же я тебя выставить за дверь на таком расстоянии от твоего дома. Можешь переночевать сегодня здесь.

Молча она последовала за ним в хижину. Она помогла ему устроить из одеял импровизированные ширмы, прикрепив их к верхним койкам на двух противоположных стенах хижины.

Когда Мэт открыл глаза, сквозь одеяло просвечивали рассеянные лучи солнца. Комната была наполнена запахом жареной ветчины и кипящего кофе. Мэт жадно принюхался и, отодвинув одеяло, выглянул наружу. Все его припасы были выгружены из машины и аккуратно сложены в углу. На маленьком столике около окна стояла пишущая машинка, рядом с ней лежали драгоценные папки и стопка чистой бумаги.

Эби, весело напевая, ставила на стол завтрак. Вме-

сто вчерашнего ужасного платья на ней было надето новое — коричневое, — которое совершенно не шло ей, зато не так скрывало вполне правильную, хотя и хрупкую фигуру. Мэт мельком подумал о том, как бы она выглядела, если бы ее как следует причесать и одеть в порядочное платье. Но эта мысль быстро отступила под новым натиском на его чувства — он ведь уже сел за стол. Яйца были приготовлены как раз так, как надо, — белок плотный, но не твердый. Было странно, как Эби смогла угадать все его вкусы. Сначала он было подумал, что переоценил свой аппетит, но довольно быстро уплел три яйца. Со вздохом Мэт отодвинул от себя тарелку.

— Ну что ж, — начал он.

Эби сидела очень тихая и смотрела в пол. Сердце Мэта дрогнуло. В конце концов несколько часов не составят никакой разницы.

— Ну что ж, — повторил он, — пора приниматься за работу.

Эби вскочила и начала убирать со стола. Мэт подошел к столику, на котором его ждала пишущая машинка. Он сел в кресло и вложил в машинку чистый лист бумаги. Стол был очень удобно расположен по отношению к свету, высота его как раз соответствовала росту Мэта. Идеальные условия для работы.

Все было в полном порядке, кроме одного — ему совершенно не хотелось работать. В конце концов он напечатал в центре листа:

ПСИХОДИНАМИКА КОЛДОВСТВА

По материалам процессов салемских ведьм 1692 года.

Он подчеркнул заголовок и остановился. Не то чтобы Эби была очень шумной; ее почти не было слышно. Мэт одним ухом прислушивался к тому, как она мыла посуду и ставила тарелки на полку. Затем последовало молчание. Мэт терпел сколько было сил и затем обернулся. Эби сидела за столом и зашивала дыру в его старых брюках. Словно почувствовав его взгляд, Эби подняла голову и улыбнулась. Мэт снова повернулся к пишущей машинке.

«Колдовство, — начал он нерешительно, — это попытка первобытного человека создать порядок из хаоса. Естественно, что вера в сверхъестественное пропадает по мере познания физических законов, управляющих миром».

Мэт повернулся.

— Кто устроил такой кавардак в вашем доме?

— Либби, — ответила она.

— Либби? — удивленно спросил Мэт. — Это еще кто?

— Вторая я, — спокойно ответила Эби. — Обычно я держу ее глубоко внутри, но когда бываю несчастна, то уже не могу с ней справиться. Тогда она вырывается на свободу и делает все, что ей заблагорассудится. Она больше не слушается меня.

Великий боже, — подумал Мэт, она сумасшедшая. Типичный случай шизофрении.

— Откуда ты все это взяла? — осторожно спросил он.

— Когда я родилась, — ответила Эби, — у меня была сестра-двойняшка, только она очень скоро умерла. Когда я маленькой плохо себя вела, ма качала головой и говорила, что Либби никогда бы этого не сделала. И уж когда я что-нибудь вытворяла, то всегда говорила, что это сделала Либби. От порки не спасало, зато на душе становилось спокойнее. Скоро я сама поверила, что Либби делала все, за что меня наказывали, что Либби — часть меня самой, и я старалась запрятать ее поглубже, чтобы она не выбралась наружу и не впутала меня в какую-нибудь историю. А потом я стала старше, — Эби слегка покраснела, — и стали происходить всякие странные вещи, вот тут-то Либби по-настоящему мне пригодилась.

— Ты ее когда-нибудь видела? — спросил Мэт.

— Конечно, нет, — укоризненно ответила Эби, — ведь на самом-то деле она не существует.

— Не существует?

— Конечно, не существует, — сказала Эби, — все эти вещи происходят, когда я сильно расстроена. Тут уж я ничего не могу поделать. Но ведь надо же все это как-то объяснить... вот я и придумала Либби.

Мэт вздохнул. Эби не была сумасшедшей или дурочкой.

— Разве ты не можешь делать такие вещи, когда сама хочешь?

— Ну, может быть, самую капельку. Вот когда я разозлилась из-за виски, которое вы дали па, я подумала, что па стоило бы ради разнообразия промочить себя разок снаружи.

— А как насчет колеса и гаек?

Она расхохоталась.

— Ой, вы были такой смешной тогда!

Мэт сначала нахмурился, но потом не удержался и рассмеялся сам, потом снова повернулся к пишущей машинке, и тут ему пришло в голову, что он принимает события последних восемнадцати часов и то объяснение, которое им дает Эби, как нечто физически возможное. Неужели он вправду может поверить, будто Эби способна передвигать предметы — как бы это выразиться? — при помощи какой-то таинственной силы? Совершать все это как бы усилием воли? Конечно же, он в это не верит. Ну, а вдруг?.. Мэт вспомнил бутылку виски, выливающую свое содержимое на голову Дженкинсу. Вспомнил тарелку, упавшую с полки на пол. Вспомнил гайки, отвинтившиеся сами собой, когда он стоял в двух футах от машины. И колесо, которое вдруг покатилось по совершенно ровной дороге. Но в конце концов должно ведь существовать объяснение странных фактов, даже если они и не укладываются в современные научные представления. Даже Эби понимает необходимость этого. Мэт вспомнил все объяснения, которые дает подобным явлениям современная наука: иллюзия, галлюцинация, гипноз — все что угодно, лишь бы это не требовало коренной перестройки установившейся системы взглядов. Он вспомнил Райна — парапсихолога — который называл это явление каким-то ученым термином. Да, телекинез — перемещение неодушевленных предметов усилием воли. Однако название ровно ничего не объясняло. Затем он подумал об электричестве. Не нужно ничего знать об электричестве, для того чтобы им пользовать-

ся. Необходимость понять суть события является иногда чисто психологической, а не физической.

Мэт посмотрел на первые строчки своей диссертации. Семнадцатый век. Почему он должен растрачивать свое время на такую чепуху? Здесь у него под рукой было нечто более современное. Случайно он натолкнулся на такую штуку, которая может перевернуть мир вверх дном или поставить его с головы на ноги.

Мэт снова обернулся. Эби, кончив штопать его брюки, сидела у стола и смотрела прямо перед собой в открытую дверь хижины. Мэт встал и подошел к ней. Она повернула к нему голову и тихо улыбнулась.

— Я вам могу чем-нибудь помочь? — озабоченно спросила она.

Мэт вытащил иглу из мотка штопальных ниток и слегка воткнул ее в неструганую поверхность стола, так что игла стояла вертикально.

— Заставь ее двигаться, — с вызовом произнес Мэт.

Эби уставилась на него.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть, как ты это делаешь, — сказал Мэт, — разве этого недостаточно?

— Но я не хочу этого делать, — возразила Эби,— я никогда не хочу делать такие вещи. Они случаются сами собой.

— Попробуй.

— Нет, мистер Райт, — твердо ответила Эби, — мне никогда это не приносило ничего, кроме неприятностей. Это распугало всех моих друзей и всех знакомых па.

— Если ты хочешь остаться здесь, ты будешь делать то, что я тебе велю.

— Ну, пожалуйста, мистер Райт, — умоляющим голосом сказала Эби, — не заставляйте меня. Добром это не кончится.

В ответ Мэт только рявкнул. Эби опустила глаза и прикусила губу. Затем она посмотрела на иглу. На ее гладком лбу появились морщины от напряжения. Ни-

чего не произошло. Игла продолжала стоять. Эби глубоко вздохнула.

— Не могу, мистер Райт, — простонала она, — я просто не могу этого сделать.

— Но почему? — свирепо спросил Мэт.

— Не знаю, — ответила Эби. Машинально она начала разглаживать рукой складки юбки у себя на колепях. — Мне кажется, это потому, что я счастлива.

Мэт потратил целое утро на эксперименты. Он предлагал Эби катушку ниток, авторучку, монетку, листок бумаги, бутылку... последнее показалось самому Мэту гениальной идеей. Но бутылка, как и все прочее, пребывала в полной неподвижности. Он даже вытащил запасное колесо из багажника и прислонил его к машине. Пятнадцать минут спустя колесо было все в том же положении.

Наконец Мэт снял с полки чашку и поставил ее на стол.

— Ты так хорошо умеешь бить посуду, — сказал он, — разбей ее.

Эби безнадежно уставилась на чашку. Лицо ее выглядело старым и осунувшимся. На секунду все ее тело напряглось, затем она бессильно опустилась на стул.

— Не получается, — простонала она, — ни в какую не получается.

— Никак! — заорал на нее Мэт. — Неужели ты такая дура, что даже не умеешь говорить правильно? Нельзя говорить «ни в какую», надо говорить «никак».

С немой мольбой Эби подняла на Мэта свои голубые глаза.

— Никак, — сказала она голосом, в котором слышались рыдания, и опустила голову на руки. Плечи ее стали судорожно вздрагивать.

Мэт в мрачном раздумье уставился на ее спину. Неужели ей и в самом деле нужно быть несчастной, чтобы происходили чудеса? Мэт поджал губы. Если это так, то ей придется плохо.

— Собирай свои вещи, — резко сказал он, — ты поедешь домой к отцу.

Эби сжалась и подняла голову.

— Я не буду ехать, — сказала она.

— «Я не поеду», — резко поправил ее Мэт.

— Не поеду, — свирепо повторила Эби, — не поеду, не поеду.

Внезапно чашка полетела по направлению к голове Мэта. Инстинктивно он выставил вперед руку. Чашка, ударившись в нее, упала на пол. Мэт растерянно посмотрел на осколки, потом на Эби. Ее руки по-прежнему были сложены на коленях.

— Ты сделала это?! — заорал Мэт. — Значит, это все-таки правда.

— Так ехать мне к па?

— Нет, если ты будешь мне помогать.

Эби поджала губы.

— Разве одного раза мало, мистер Райт? Вы же теперь знаете, что я могу это сделать. Увидите, добра не будет... — Она посмотрела на его каменное лицо. — Но я буду делать это, раз вы хотите...

— Это очень важно, — мягко сказал Мэт. — Но послушай, что ты почувствовала перед тем, как чашка полетела в меня?

— Бешенство.

— Нет, меня не интересуют твои эмоции. Что ты ощущала?

Эби нахмурила брови.

— Ей-богу, мистер Райт, я ни в какую... — она быстро взглянула на него, — я никак не могу подобрать слова. Вроде как если бы я захотела схватить что поближе и швырнуть в вас, а затем получилось, как будто я и швырнула. Вроде как я толкнула чашку всем телом, а не только рукой.

Мэт, задумавшись, снял с полки вторую чашку и поставил ее на стол.

— Попробуй повторить.

Лицо Эбигайль напряглось. Затем она бессильно откинулась на спинку стула.

— Я ни в... я никак не могу. У меня просто нет подходящего настроения.

— Ты едешь домой к отцу — выпалил Мэт.

Чашка шевельнулась.

— Вот, вот, — быстро произнес Мэт, — попробуй еще раз, пока ты не забыла!

Чашка снова покачнулась.

— Еще раз...

Чашка поднялась на дюйм над столом и опустилась. Эби вздохнула.

— Вы ведь так нарочно сказали, мистер Райт. Вы ведь не хотите, чтобы я поехала домой?

— Не хочу. Но, может быть, ты сама захочешь, прежде чем мы кончим опыты. Теперь ты будешь практиковаться, пока не сможешь проделывать это сознательно, что бы это там ни было.

— Ладно, — покорно сказала Эби, — только это ужасть как утомительно, когда нет подходящего настроения.

— «Очень утомительно», — поправил Мэт.

— Очень утомительно, — повторила Эби.

— А теперь, — сказал Мэт, — попробуй еще раз.

Эби практиковалась до полудня. Самое большее, на что она оказалась способна, — поднять чашку на фут от стола, но это она делала к концу очень хорошо.

У Мэта не было никакой возможности определить без точных приборов, как далеко простирались способности Эби. Впрочем, необходимое оборудование можно достать в Спрингфильде. Пока же он выяснил, что феномен Эби достигал наибольшей силы, когда девушка чувствовала себя несчастной. Мэт задумчиво смотрел в окно хижины. Постепенно в его голове сформировался план, как сделать Эби несчастнее, чем она была когда-либо за всю свою короткую жизнь.

Весь день Мэт был очень ласков с Эби. Несмотря на отчаянные протесты, он помог ей вытереть посуду. Он рассказывал ей о своей жизни и учебе в Канзасском университете. Он рассказал ей о своей диссертации по психологии и о том, что будет делать, когда защитит ее.

— Расскажите мне еще о студентках, — вздохнула Эби.

Он начал рассказывать, что надевают студентки, когда они ходят на лекции, и что они надевают, когда идут на свидания или отправляются на танцы. Глаза Эби стали большими и круглыми.

— Наверно, это здорово, — со вздохом сказала Эби. — А зачем они поступают в университет?

— Чтобы выйти замуж, — ответил Мэт, — во всяком случае, большинство из них.

Эби покачала головой.

— Красивые платья. И все такое. Эти девушки, должно быть, ужасть... ужасно нерасторопные, если сразу не выскакивают замуж. А почему они не могут выйти замуж дома?

Мэт задумчиво нахмурился. Эби умела задавать вопросы, касающиеся самой глубины человеческих отношений.

— Мужчины, с которыми они познакомятся в университете, будут зарабатывать им больше денег.

— Ах так! — сказала Эби. — Ну что ж, если это то, чего они хотят, то они должны быть довольны.

Дальше все шло в том же духе. Мэт сказал, что не может понять, почему Эби не осаждают толпы претендентов на ее руку и почему она давно уже не вышла замуж. За ужином он поглощал ее стряпню в огромных количествах и клялся, что никогда не пробовал лучшей.

Эби не могла быть счастливее. Любая работа кипела в ее руках. Тарелки были вымыты почти в ту же самую минуту, когда она за них принялась.

Мэт вышел на крыльцо и сел на ступеньку. Эби устроилась рядом с ним, положив руки себе на колени.

Хижина стояла на вершине холма. Хотя уже наступила ночь, луна, большая и желтая, освещала лежавшую у их ног долину. Далеко внизу озеро в темно-зеленой оправе из деревьев отсвечивало серебром.

— Здорово красиво, правда? — вздохнула Эби.

— Очень, — рассеянно ответил Мэт.

Они помолчали. Мэт почти физически ощущал ее близость. Несмотря на нелепые платья, простое лицо, босые ноги и отсутствие образования, в Эби было что-то очень женственное и трогательное. Пожалуй, она была женственней, чем те девушки, которых он знал по университету. Эби по крайней мере знала, чего она хотела от жизни. Она будет кому-нибудь очень хорошей женой. Единственная ее цель будет заключаться в том,

чтобы ее муж был счастлив. Она будет ему готовить, и убирать, и рожать ему сильных и здоровых детей, и будет довольна своей судьбой. Она будет молчать, когда он будет молчалив; не будет надоедать, когда он будет работать; будет веселой, когда будет весел он; будет удовлетворять все его желания.

Мэт зажег сигарету, пытаясь согнать это настроение. При свете спички он взглянул на ее лицо.

— Как ухаживают у вас в горах? — спросил он.

— Иногда мы гуляем, — мечтательно ответила Эби, — и вместе смотрим на все, и немножко разговариваем. Иногда в школе устраивают танцы. Если у парня есть лодка, можно поехать кататься по озеру. Иногда бывают вечера в церкви или пикники. Но чаще всего, когда ночь бывает теплой и светит луна, мы сидим на крыльце, взявшись за руки, и делаем то, что девушка согласна позволить.

Мэт взял ее руку в свою. Рука была сухой, прохладной и сильной. Эби повернула голову, пытаясь рассмотреть в темноте его лицо.

— Я вам хоть капельку нравлюсь, мистер Райт? — спросила она. — Не так чтобы жениться на мне, а по-дружески?

— Мне кажется, ты самая женственная из всех женщин, каких я знал, — ответил он и понял, что это действительно так.

Словно сговорившись, они одновременно прижались друг к другу. Мэт нашел губами ее губы, и они были мягкими, теплыми и страстными. Тяжело дыша, он оттолкнул ее. Эби, слегка повернувшись, прикорнула к его плечу; рука Мэта обнимала ее за талию. Она удовлетворенно вздохнула.

— Мне кажется, что я бы вам все позволила, — сказала она.

— Не понимаю, почему ты давно не вышла замуж? — спросил он.

— Наверное, я виновата, — задумчиво сказала Эби. — Мне не нравился никто из тех, кто за мной ухаживал. Я злилась на них без всякой причины, а потом с ними случалось что-нибудь нехорошее. Может быть, мне хотелось, чтобы они были другими. Думаю,

что я не была влюблена ни в одного из них. Во всяком случае, я рада, что не вышла замуж, — она вздохнула.

Мэт почувствовал что-то вроде угрызений совести. Ну и свинья же ты, Мэттью Райт! — подумал он.

— А что случилось с этими парнями, которые за тобой ухаживали? — спросил он. — Ты была в этом виновата?

— Люди всякое болтали, — с горечью в голосе ответила Эби, — они говорили, что у меня дурной глаз. Конечно, когда Хэнк как-то опоздал, я сказала ему, что он мог с таким же успехом сломать себе ногу. На следующий день он полез забивать планки на крыше и упал и сломал ногу. Но он всегда был очень неуклюжим. А Джим был таким холодным, и я посоветовала ему прыгнуть в озеро, чтобы согреть свою кровь. Но, по-моему, человек, который только и делает, что удит рыбу, должен часто падать в воду.

— Думаю, что так, — ответил Мэт. Его стала пробирать дрожь.

— Вам холодно, мистер Райт? — спросила с беспокойством Эби. — Позвольте мне принести ваш пиджак.

— Не надо, — ответил Мэт, — все равно уже пора идти спать. Иди ложись. Завтра утром мы поедем в Спрингфильд за покупками.

— Взаправду, мистер Райт? Я никогда не была в Спрингфильде, — недоверчиво сказала Эби. — Честное-пречестное слово, что поедем?

— Честное слово, — ответил Мэт, — иди ложись спать.

Мэт посидел на крыльце еще несколько минут. Забавные вещи происходили с теми, в ком Эби разочаровывалась. Когда он зажигал сигарету, его руки слегка дрожали. В Эби было скрыто множество различных людей. Мэт знал уже четырех из них: задумчивую маленькую девочку с тоненькими косичками за спиной, бродившую босиком по пыльным дорогам; счастливую домохозяйку; несчастное вместилище непонятных сил; девушку с горячими губами. Кто из них была настоящая Эби?

Наутро Мэт познакомился еще с одной Эби. Ее волосы, заплетенные в косички, были уложены короной

вокруг головы. На ней было новое, опять-таки совершенно не шедшее ей платье из блестящей голубой ткани с красной отделкой. На бедре была приколота большая искусственная роза. Голые ноги облегали дешевые черные сандалии.

Боже, подумал Мэт, это ведь ее лучшее воскресное платье. И мне придется появиться с нею в таком виде на улицах Спрингфильда. Он содрогнулся и подавил желание сорвать эту ужасную розу.

— Ну что ж, — спросил он, — ты готова?

Глаза Эби возбужденно заблестели.

— Значит, мы взаправду едем в Спрингфильд, мистер Райт?

— Едем, если заведется машина.

— Она заведется, — уверенно сказала Эби.

Мэт искоса поглядел на нее. Над этим тоже следовало поразмыслить.

...Глаза Эби горели. Она смотрела на городские дома так, словно они каким-то чудом возникали из небытия специально для нее. Затем она принялась изучать прохожих. Мэт заметил, что наибольшее внимание она обращала на женщин.

Внезапно Мэт обнаружил, что Эби как-то странно затихла. Он поглядел на нее. Эби сидела, сложив руки на коленях и опустив глаза.

— В чем дело? — спросил Мэт.

— Мне кажется, что я выгляжу очень смешной, — ответила она. Голос ее слегка дрожал. — Мне кажется, вам должно быть стыдно за меня, мистер Райт. Если вы не против, я просто посижу в машине.

— Ерунда, — ответил Мэт, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно. — Ты выглядишь чудесно.

Вот чертенок, подумал он, у нее удивительная способность все понимать. Она или необычно тонко чувствует, или...

— Кроме того, — сказал он вслух, — я собираюсь купить тебе новое платье.

— Платье? Вы хотите купить мне новое платье, мистер Райт? — Ей было трудно говорить.

Мэт кивнул. Он остановил машину у самого крупного универмага в Спрингфильде. Обойдя машину, он

открыл Эби дверцу и помог ей вылезти. Они вошли в магазин. Эби прижалась к его руке. Мэт чувствовал, как быстро бьется ее сердце.

— Нам на второй этаж, — сказал Мэт.

Эби смотрела широко раскрытыми глазами на длинные ряды платьев.

— Я никогда не думала, — прошептала она, — что на свете так много платьев.

Мэт рассеянно кивнул. Ему нужно было отлучиться, и надолго, чтобы найти лабораторию, где бы он смог взять в аренду измерительную аппаратуру. Он отвел в сторону продавщицу.

— Со мной девушка, — сказал он, — я хочу, чтобы вы отвели ее в салон красоты и поработали над ней. Стрижка, шампунь, укладка волос, брови и все прочее. Затем оденьте ее с головы до ног. Согласны? — Мэт вытащил бумажник и заглянул в него. Медленно он вытащил один аккредитив на сто долларов, затем еще один. У него оставалось всего триста долларов, а ему предстояло достать оборудование и жить до конца лета на эти деньги. Мэт вздохнул и подписал аккредитивы. — Постарайтесь, если возможно, держаться в этих пределах.

— Да, сэр, — сказала продавщица и нерешительно улыбнулась. — Это ваша невеста?

— Боже великий, конечно, нет! — вырвалось у Мэта. — То есть я хотел сказать, она моя племянница. Сегодня у нее день рождения.

Тяжело дыша, он подошел к Эби.

— Ты пойдешь с этой женщиной, Эби, и будешь делать все, что она тебе скажет.

— Хорошо, мистер Райт, — ответила Эби как во сне. Она пошла за продавщицей с таким видом, словно вступала в сказочную страну.

Мэт отвернулся, закусив губу. На душе у него скребли кошки.

Сев в машину, он посмотрел на часы. У него в запасе было по меньшей мере два с половиной часа. За это время он сможет найти все необходимое.

Впрочем, ему пришлось по возвращении прождать еще часа два. Затем...

— Мистер Райт! — Голос был грудным и мелодичным.

Мэт поднял глаза и вскочил с кресла. Перед ним стояла блондинка, такая красивая, что у него захватило дыхание. Коротко остриженные волосы, слегка завивающиеся на концах, обрамляли прекрасное лицо. Простое черное платье с низким вырезом облегало маленькую женственную фигурку. Изящные длинные ноги были обуты в маленькие черные туфельки с высокими каблуками.

— Боже мой, Эби! Что они с тобой сделали?

— Вам не нравится? — спросила Эби с омрачившимся лицом.

— Это восхитительно, — пробормотал Мэт, — но они покрасили твои волосы!

Эби расцвела.

— Женщина, которая это сделала, сказала, что она их вымыла. Она сказала, что это их естественный цвет, но мне придется мыть их каждые несколько дней. И даже не хозяйственным мылом. — Она вздохнула. — Я никогда не знала, сколько девушка должна возиться со своим лицом. Мне придется многому учиться...

Пока Эби счастливо лепетала, Мэт недоверчиво смотрел на нее. Неужели он спал в одной хижине с этой девушкой? Неужели она готовила ему еду и штопала дыры в его карманах? Неужели он действительно поцеловал ее, и она ему сказала: «Я бы вам все позволила...»? Сможет ли он вести себя с ней, как прежде? Мэт ожидал перемены, но не такой разительной. Эби носила свое новое платье с восхитительной уверенностью. Она шла на высоких каблуках так, словно ходила на них всю свою жизнь. Вещи всегда послушно служили Эби.

— Ты голодна? — спросил Мэт.

— Я бы слопала ежа, — ответила она.

Этот ответ так не вязался с ее внешним обликом, что Мэт разразился хохотом. Эби сделала большие глаза.

— Я что-нибудь сказала не так? — жалобно спросила она.

...Еда в ресторане была превосходна, и Эби ела незнакомые диковинки с таким удивлением, словно все это с минуты на минуту могло исчезнуть столь же таинственно, как и появилось.

— Попробуй сдвинуть чашку, — попросил Мэт, когда они покончили с едой.

Эби с минуту смотрела на чашку.

— Не могу, — тихо сказала она, — я ужасно стараюсь, просто изо всех сил, но я не могу. Я для вас все сделаю, мистер Райт, но этого не могу.

Потом они танцевали.

Во время длинного обратного пути она заговорила только один раз.

— Неужели есть люди, которые все время живут вот так?

— Нет, — ответил Мэт.

Эби кивнула:

— Так оно и должно быть. Такие вещи случаются очень редко.

Когда они вошли в хижину, она обняла Мэта за шею и крепко поцеловала в губы.

— Есть только один способ, которым девушка может отблагодарить мужчину за такой восхитительный день, — прошептала она ему на ухо. — За платья, и поездку, и обед, и танцы. И за то, что вы были таким милым. Я никогда не думала, что со мной может случиться что-нибудь похожее. Мне кажется, если действительно любишь кого-нибудь, то можно все. Я вас ужасно люблю. Я рада, что меня сделали такой хорошенькой. Если я могу сделать вас счастливым — хоть ненадолго...

Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, Мэт осторожно снял ее руки со своей шеи.

— Ты не поняла, — холодно произнес он. — Произошла ужасная ошибка. Я не знаю, сможешь ли ты простить меня. Эти платья — для другой девушки, моей невесты. Ты примерно того же роста, и вот я подумал... даже не знаю, как это получилось, что ты меня так неверно поняла...

Он остановился. Говорить больше было не к чему. Его план удался блестяще. Медленно, по мере того

как он говорил, живость покинула Эби, лицо ее погасло, она словно сморщилась и ушла в себя. Она была маленькой девочкой, которую стукнул по лицу в самую счастливую минуту ее жизни человек, которому она больше всего доверяла.

— Ну что ж, — очень тихо сказала она, — спасибо, что вы позволили мне думать, будто все это для меня, хотя бы и недолго. Я никогда не забуду этот день. — Она повернулась и залезла на койку, опустив за собой одеяло. Ее всхлипывания не дали Мэту уснуть в эту ночь. А может быть, он не мог уснуть оттого, что всхлипывания были очень тихими и ему приходилось напрягать слух...

Завтрак протекал печально. Что-то случилось с едой, хотя Мэт не мог уловить, что именно. Все было приготовлено так же, как всегда, но пища не имела никакого вкуса.

Мэт механически жевал и пытался не смотреть на Эби. Это не представляло труда; Эби казалась очень маленькой и не сводила глаз с пола. На ней снова было нелепое голубое платье. Она смыла с лица краску, и оно стало тусклым и безжизненным. Даже ее свежевымытые волосы словно потускнели.

Мэт сидел и курил одну сигарету за другой, пока Эби убирала со стола и мыла посуду. Покончив с работой, она повернулась к нему.

— Вы хотите, чтобы я двигала вещи для вас. Сегодня у меня это получится.

— Откуда ты знаешь, чего я хочу?

— Так уж, знаю.

— А ты не возражаешь?

— Нет. Я ни против чего не возражаю.

Она подошла поближе и села на стул.

— Смотрите!

Стол, стоявший между ними, приподнялся, покрутился на одной ножке и упал набок.

— Что ты чувствуешь? — возбужденно спросил Мэт. — Можешь ли ты управлять своей силой? Ты хотела, чтобы он двигался именно так?

— Стол был вроде частью меня самой, как рука. Но я не знала заранее, что он будет делать.

— Подожди минутку, — сказал Мэт, — я кое-что принесу из машины. — И он кинулся за приборами.

Эби безропотно позволила взвесить себя, измерить пульс, температуру и кровяное давление.

— Мне бы еще надо было бы измерить твой базальный метаболизм, — пробормотал он, — но с этим придется подождать. Ах, если бы в этой лачуге была динамо-машина!

— Я могу сделать для вас электричество, — сказала Эби без всякого интереса.

— Может быть, и можешь, но если ты будешь тратить свою энергию на измерительную аппаратуру, все измерения станут бессмысленными. Теперь, Эби, подними, пожалуйста, этот стул на несколько минут.

Он заставил ее продержать стул в воздухе пять минут и снова проделал все измерения, отмечая изменения в пульсе, давлении крови, частоте дыхания, и затем снова взвесил ее.

— Ладно. Теперь отдохни. Нам придется подождать, пока все вернется в норму, прежде чем мы сможем приступить к новым опытам.

Эби послушно уселась на другой стул и уставилась в пол.

— Эби, ты ведь будешь мне помогать? — спросил Мэт. — Я это делаю и для твоего собственного блага. Если ты сумеешь контролировать свои силы, то, может быть, твои друзья перестанут ломать ноги и падать в воду.

Выражение лица Эби не изменилось.

— Мне все равно, — сказала она.

Мэт вздохнул. На мгновение ему захотелось бросить начатый эксперимент и уйти из ее жизни — упаковать свои заметки и пишущую машинку в автомобиль и вернуться в университет. Но он уже не мог остановиться. Он был слишком близок к решению загадки.

Он снова провел все измерения и увидел, что короткий отдых вернул все данные к норме.

— Попробуем еще раз, — сказал Мэт. — Подними, пожалуйста, этот стул снова на ту же высоту.

Стул нерешительно подпрыгнул вверх.

— Легче. Еще капельку.

Стул выпрямился и начал двигаться более плавно.

— Теперь подержи его в этом положении.

Стул повис в воздухе без движения. Мэт выждал пять минут.

— Хорошо. Теперь опусти его осторожно на пол.

Стул плавно, словно перышко, опустился на землю. Снова Мэт проделал все измерения. Ее пульс стал реже, кровяное давление упало, дыхание было редким, грудь едва подымалась при каждом вздохе. Температура тоже упала...

Потом в течение часа они работали со столом. К концу этого часа Эби могла поднять стол на долю дюйма или устремить его к потолку, где он оставался, пока она не опускала его на землю. Она балансировала им на одной ножке и заставляла его крутиться как волчок. Расстояние не играло никакой роли. Она управляла столом одинаково хорошо с любой точки комнаты, с крыльца или даже пройдя несколько сот ярдов вниз по дороге.

— Откуда ты знаешь, где он находится и что с ним? — задумчиво спросил Мэт.

Эби безразлично пожала плечами.

— Не знаю. Просто чувствую.

— Чем? — допытывался Мэт. — Видишь его, осязаешь, ощущаешь его?

— Все вместе, — отвечала Эби.

Мэт растерянно покачал головой.

— Ты выглядишь утомленной. Тебе лучше прилечь.

Она легла на свою койку, но Мэт знал, что она не спит. Когда она не встала, чтобы приготовить завтрак, Мэт сам открыл консервы и попытался накормить ее.

— Спасибо, мистер Райт, — сказала Эби, — я чего-то не голодная.

— «Я не голодна», — поправил Мэт, но Эби не реагировала на замечание.

Вечером она слезла с койки, чтобы приготовить ужин, но сама съела не больше двух-трех ложек. Помыв посуду, она снова забралась на койку и задернула за собой одеяло.

Мэт сидел допоздна, пытаясь найти смысл в своих записях и графиках. Несмотря на показания приборов,

Эби почти не чувствовала серьезных физиологических изменений, происходивших в ней. Поэтому можно было предположить, что такие изменения всегда сопутствовали проявлению ее парапсихологических способностей и что она переносила эти изменения достаточно легко.

Но почему эти способности в такой степени зависели от ее настроения? В чем заключалась разница? Почему, когда накануне она пыталась двигать предметы усилием воли, ей было гораздо труднее передвинуть чашку телекинетически, чем физически? Почему теперь, когда она несчастна, дело обстоит как раз наоборот?

Может быть, она черпает энергию из какого-то постороннего источника? Какие физические законы нарушает Эби? Какие использует? Когда Эби была несчастна, она каким-то образом могла свести к нулю тяготение, нет, скорее не тяготение, а массу тела. Как только это сделано, процесс телекинеза уже не должен был требовать больших затрат энергии. Каким-то образом она умела затем восстановить прежнюю величину массы, и — смутная идея начала созревать в его мозгу — ну конечно же! Энергия, выделяющаяся при падении этого тела, поступала — но как? — в ее организм, возмещая расход энергии на телекинез предмета.

Он торопливо записал свои выводы. Совершенно ясно, что энергия, полученная при восстановлении массы тела, не могла полностью возместить расход энергии на телекинез. Поэтому Эби уставала после каждого опыта, но вовсе не так сильно, как если бы расходовала энергию на физическое перемещение предмета.

Какая же ты свинья, Мэттью Райт, в который раз за этот день подумал он. Но отступать было уже поздно.

Утром аппетит Эби не стал лучше. Мэт велел Эби попробовать двигать несколько предметов одновременно. Он увидел, как чашка кофе взлетела вверх, проделала двойное сальто, не расплескав ни капли, и опустилась на кофейник, который поднялся в воздух, чтобы встретить ее. Мэт встал, снял чашку с кофейника, выпил кофе и поставил чашку обратно. Кофейник даже не шелохнулся.

Но способности Эби имели предел. Количество разных предметов, которыми она могла манипулировать одновременно, не превышало трех; если же предметы были одинаковыми, то она легко справлялась с пятью и более. Она даже заставила шесть сандвичей проплясать в воздухе какой-то сложный танец.

— О боже, — воскликнул Мэт, — ты могла бы нажить себе в цирке целое состояние!

— Разве? — спросила Эби без всякого интереса. Она пожаловалась на головную боль и легла в постель.

Мэт ничего не сказал. Они проработали в этот день полтора часа. Остаток дня Мэт потратил на приведение в порядок своих записей. Несколько раз он кидал взгляды на маленькую неподвижную фигурку Эби. Он смутно начинал понимать колоссальные возможности, которые в ней скрыты. Им овладел смутный страх. Какую роль он выбрал для себя? Он начал как добрая фея, но больше уже не был ею.

Эби не вставала весь день и отказывалась от еды, приготовленной Мэтом. На следующее утро, когда она медленно сползла с койки, предчувствие беды, овладевшее Мэтом, еще более обострилось. Она выглядела осунувшейся и постаревшей. Мэт уже приготовил завтрак, но она только устало тыкала вилкой в тарелку, несмотря на все его уговоры.

— Это не имеет никакого значения, — отвечала она.

— Может быть, ты нездорова? — раздраженно допытывался Мэт. — Я отвезу тебя к доктору.

Эби холодно взглянула на него.

— То, что у меня не в порядке, никакой доктор не вылечит.

В это утро Мэт увидел, как жестянка с мукой прошла сквозь его тело. Эби кидала ее к нему с разной скоростью, измеряя силу необходимого мысленного толчка. Мэт либо ловил жестянку, либо Эби останавливала ее на лету и возвращала обратно. Но на этот раз жестянка полетела слишком быстро, как пуля. Невольно Мэт взглянул себе на грудь, ожидая сильного удара. Но вместо этого он увидел, как жестянка пролетела насквозь...

Мэт ошеломленно оглянулся, потирая грудь дрожащими пальцами. Жестянка ударилась о стенку хижины и лежала на полу, помятая, в облаке мучной пыли.

— Она прошла насквозь, — прошептал Мэт, — я видел ее, но ничего не ощутил. Эби, что произошло?

— Я не смогла ее остановить, — прошептала она, — и тогда я мысленно пожелала, чтобы она оказалась в другом месте. Всего на мгновение. И это случилось.

Так они открыли способности Эби к телепортации — мысленному мгновенному переносу предметов из одного места в другое. Это оказалось столь же просто, как и телекинез. Эби заставляла проходить предметы сквозь стены, не вредя ни тем, ни другим. Размеры предметов не играли никакой роли. Насколько Мэт мог судить, расстояние также.

— Как насчет живых существ? — спросил Мэт.

Эби сосредоточилась. Неожиданно на столе появилась мышь, коричневая полевая мышь с подергивающимися усиками и удивленными черными глазами. Секунду мышь лежала на столе как парализованная, а затем быстро побежала по столу в сторону Эби. Эби завизжала. Перевернувшись в воздухе, мышь исчезла. Мэт смотрел, широко раскрыв рот. Эби висела в воздухе на высоте трех футов. Медленно она опустилась на свой стул.

— Это действует и на людей — прошептал Мэт, — попробуй еще раз. Попробуй это на мне.

Мэт почувствовал тошноту, как если бы земля неожиданно ушла у него из-под ног. Он взглянул вниз и увидел, что парит в воздухе на высоте двух футов над своим стулом. Он медленно поворачивался, но ему казалось, что комната кружится вокруг него.

— Здорово, — сказал он.

Мэт начал вращаться быстрее. Через секунду он кружился как волчок, комната мелькала у него перед глазами.

— Стоп! — закричал он. — С меня хватит! — В тот же момент он перестал крутиться и упал вниз. У Мэта было ощущение, что его желудок собирался выпрыгнуть наружу. Он тяжело и больно шлепнулся на стул, на котором сидел прежде, но тут же с воплем вскочил.

— Ты это нарочно сделала! — закричал он обвиняющим тоном.

Эби приняла невинный вид.

— Я сделала только то, что вы просили.

— Ладно, пусть так, — сказал Мэт, — но с этой минуты я отказываюсь быть подопытным кроликом.

Эби сложила руки на коленях.

— Что мне теперь делать, мистер Райт?

— Попрактикуйся на себе, — сказал Мэт.

— Хорошо, мистер Райт. — Она плавно поднялась в воздух. — Это чудесно. — Она вытянулась горизонтально, словно лежала в постели, и начала летать вокруг комнаты. Потом вернулась в кресло. Глаза ее горели. — У меня такое чувство, что я могу сделать все на свете, — сказала она. — Что мне попробовать сейчас?

Мэт секунду подумал.

— Попробуй телепортировать себя.

— Куда?

— Куда угодно, — нетерпеливо ответил Мэт, — это не имеет никакого значения.

— Куда угодно! — повторила она. И в следующее мгновение ее не стало.

Мэт уставился на ее стул. Эби исчезла, в этом не было ни малейшего сомнения. Мэт выскочил на крыльцо. Полуденное солнце заливало все вокруг потоками ослепительного света.

— Эби! — закричал Мэт. — Эби! — Он подождал, но ему ответило только эхо. Минут пять он бегал вокруг хижины, крича и призывая, пока, наконец, сдавшись, не вернулся в хижину. Он сидел, глядя на койку Эби, и размышлял. Где она могла теперь быть?

Должно существовать какое-нибудь научное объяснение телепортации — это что-нибудь вроде замыкания трехмерного пространства через четвертое измерение...

Его начали одолевать угрызения совести. Может быть, Эби погибла? Или находится в четвертом измерении, как в ловушке, не в силах оттуда выбраться? Он не понимал теперь, как он мог быть настолько безумным, чтобы экспериментировать над человечески-

ми жизнями и основными законами природы. Мэт угрюмо осознал, что цель никогда не оправдывает средства.

И вдруг Эби появилась, подобно духу из сказок «Тысячи и одной ночи», с подносом, уставленным блюдами. Щеки ее горели, глаза сверкали.

— Эби! — закричал Мэт. Он почувствовал, как камень свалился у него с сердца. — Где это ты была?

— В Спрингфильде.

— В Спрингфильде? — У Мэта сперло дыхание. — Но ведь это за пятьдесят миль отсюда!

Эби поставила поднос на стол и щелкнула пальцами.

— Вот смотрите, я была там.

Мэт поглядел на поднос. На нем были вареные омары, жареная картошка... Эби улыбнулась.

— Я проголодалась, — сказала она.

— Но откуда ты... — начал было он. — Ты была в ресторане, ты взяла все эти вещи там?

Эби счастливо кивнула.

— Я была голодна.

— Но ведь это воровство, — простонал Мэт и в первый раз осознал чудовищность того, что он совершил, научив Эби пользоваться своими возможностями. Ничто не было в безопасности: ни деньги, ни драгоценности, ни смертоносные секреты.

— Они даже и не заметят, что у них что-нибудь пропало, — ответила Эби, — и потом, никто меня даже не видел. — Она произнесла это как решающий довод.

Эби ела с аппетитом, и Мэт радовался, что она не собирается уморить себя голодом.

— Но почему тебя не заметили там? — спросил Мэт.

— Сначала я никак не могла решить, как попасть в кухню. Но я видела, что там был только один повар...

— Видела?

— Я была снаружи, но как-то могла видеть, что делается внутри. И тогда я позвала: «Альберт», и повар вышел, а я вошла и забрала еду вместе с подносом и вернулась сюда. Это было очень просто, ведь я знала, что повар ждет, когда его позовут.

— Как ты могла это знать?

— Я подумала это, — сказала Эби, нахмурившись, — вот так.

Он удивленно посмотрел на нее и вдруг понял, что она хочет сказать. Телепатия! И, глядя на ее лицо, он понял, что не ошибся. Широко открытыми недоверчивыми глазами Эби посмотрела на Мэта. Постепенно ее лицо приняло холодное и жесткое выражение, словно она надела маску.

— О, Эби, милая, нежная Эби!

— Вы... — она задохнулась, — вы сам черт. Что бы я ни сделала, вам все будет мало.

Я погибший человек, подумал Мэт.

— Вы с вашей добротой, и вашим красивым лицом, и вашими городскими манерами, как вы могли так поступить? Вы заставили меня полюбить вас. Вам это не было трудно. Нужно было только подержать деревенскую девчонку за руку при лунном свете и поцеловать ее разок, и она уже готова была прыгнуть к вам в постель. Но этого-то вы не хотели. Все время вы смеялись надо мной и строили свои планы. Бедная деревенская девчонка! С самого начала все было сплошным обманом. И в самый счастливый момент забрали все обратно. Бедная деревенская девчонка! Она вообразила, что вы хотите ее. Мечтала, что вы, может быть, на ней женитесь. Вы думаете сейчас, что как-нибудь обманете меня и я вам все прощу. Вы хотите заставить меня думать, что я вас неправильно поняла. Не выйдет. Ничего у вас не выйдет, потому что я знаю все, что вы думаете.

Что он думал на самом деле? Приходило ли ему в голову хотя бы на мгновение, что он может жениться на ней? Мэт содрогнулся. Такая жизнь была бы кромешным адом. Представьте себе только, если можете, жену, которая все знает, все может, которую нельзя обмануть, при которой нельзя остаться наедине с собой. Представьте себе жену, которая в секунду может превратить квартиру в хаос, которая в силах швырять тарелки, стулья и столы с одинаковой легкостью и смертельной меткостью. Представьте жену, которая в любое время по малейшему подозрению может ока-

заться в любом месте. Представьте жену, которая видит сквозь стены и читает мысли, и тогда, может быть, вы предпочтете сломанную ногу или камни в печени.

Эби задрала подбородок.

— Вам нечего беспокоиться. Я скорее выйду замуж за гремучую змею. Та по крайней мере хоть шипит прежде, чем ужалить.

— Убей меня! — в отчаянии крикнул Мэт. — Лучше убей меня!

Эби мило улыбнулась.

— Убить вас было бы слишком милосердно. Я даже не знаю такого наказания, которое не было бы слишком милосердно для вас. Но вы не беспокойтесь. Я постараюсь придумать. А теперь убирайтесь и оставьте меня одну.

Мэт повернулся, чтобы выйти. Но не успел он сделать и шага, как оказался снаружи хижины. Он зажмурился от яркого солнечного света. Мэта начало трясти. Он попытался собрать разбежавшиеся мысли. Итак, он совершил чудовищно жестокое преступление — неважно по каким мотивам. И вот он пойман и находится во власти потерпевшего, и никогда еще ни один потерпевший не располагал более совершенными средствами возмездия.

Единственный вопрос заключался в том, какую форму примет возмездие. Когда он узнает это, он сможет придумать, как его избежать. Покорно ждать наказания Мэт не собирался.

Однако как только он составит план действий, этот план в ту же секунду станет известен Эби и поэтому окажется совершенно бесполезным. Она уже и так знала слишком много. Он должен перестать думать.

— Ну, мистер Райт, вы готовы?

Мэт вздрогнул. Рядом с ним на ступеньке крыльца стояла пара очаровательных ножек в нейлоновых чулках и маленьких черных туфельках. Мэт поднял глаза и посмотрел на ее фигурку, затянутую в черное платье, на ее лицо с большими голубыми глазами и ярко-красными губками, лицо, обрамленное прелестными белокурыми волосами. Даже в том состоянии, в каком он

находился, Мэт ощутил всю прелесть ее красоты. Какая жалость, что остальные дары природы оказались такими ужасными!

— Я полагаю, что ваша невеста не будет возражать, — сказала Эби с приятной улыбкой, — поскольку у вас нет невесты. Так вы готовы?

— Готов? К чему? — У Мэта внезапно закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Он закрыл глаза, а когда открыл их, то понял, что они уже на танцплощадке в Спрингфильде, где когда-то были вместе.

Эби упала ему в объятия.

— Танцуйте! — сказала она.

Мэт понял, что все присутствующие глазеют на них, как если бы они свалились с потолка. Может, так оно и было?

Официант в белой куртке, сердито нахмурившись, решительно зашагал по направлению к ним. Но Эби была так же безучастна ко всеобщему смятению, вызванному их неожиданным появлением, как и большая автоматическая радиола, стоявшая в углу. Эби, прижавшись к Мэту, танцевала легко и свободно. Официант похлопал Мэта по плечу. Мэт с облегчением вздохнул и остановился. Но в следующее мгновение почувствовал, что продолжает двигаться в ритме танца, дергаясь, словно марионетка. Эби не собиралась останавливаться. Официант упрямо шел за ними.

— Прекратите это, — потребовал он.

— Я н-н-не м-м-о-г-г-у ос-с-ста-н-но-виться! — дергаясь, проговорил Мэт.

— Можете, можете, — успокоительно проговорил официант, продолжая идти за ними, — есть много вещей, которые человек не может сделать, но перестать делать то, что он делает, он всегда может. Мне кажется, вы были бы рады остановиться.

— Кон-н-неч-чно, б-был б-б-бы, — проговорил Мэт. — П-пе-р-ре-с-ст-тан-нь! — шепнул он Эби.

— Скажите этому человеку, чтобы он убирался прочь, — прошептала Эби в ответ.

Мэт решил снова начать танцевать сам. По крайней мере это приятнее, чем чувствовать, как тебя дергает в разные стороны.

— Мне кажется, вам лучше уйти, — сказал он официанту.

— Мы не любим выставлять людей силой, — сказал официант, нахмурившись, — но должны соблюдать порядок ради наших клиентов. Лучше уйдите подобру, — он схватил Мэта за руку, — а не то...

Внезапно Мэт почувствовал, что его рука свободна. Официант исчез. Мэт дико оглянулся вокруг. На автоматической радиоле появилось новое украшение. С вытаращенными тупо глазами и лицом белее собственной куртки официант, освещенный переливающимися огнями радиолы, напоминал китайского болванчика. Эби еще теснее прижалась к Мэту. Они продолжали медленно кружиться под музыку. Официант слез и через минуту снова направился к ним, сопровождаемый вторым официантом, барменом с квадратной челюстью и уродливым бульдогом в образе человека.

Управляющий, подумал о нем Мэт.

Четверка угрожающе сомкнулась вокруг Эби и Мэта.

— Не знаю, что это за игру вы затеяли, — проворчал бульдог, — но мы не хотим, чтобы вы играли в нее здесь. Если вы быстренько не уберетесь, то пожалеете.

Глядя на него, Мэт охотно ему поверил. Он сделал новую попытку остановиться.

— Н-н-не м-мо-г-гу, — проговорил он, — н-не-у-жжел-л-ли в-вы д-д-дума-е-те, я б-б-бы н-не п-пре-кратил, ес-с-с-л-ли б-б-б-бы м-мог.

Менеджер посмотрел на него налитыми кровью глазами.

— Полагаю, что прекратили бы. — Он сжал челюсти. — Ну что ж, ребята. Вышвырните их вон.

— Осторожнее, — нерешительно проговорил первый официант, — кто-то из них владеет хитрым приемом.

И тут нападающие исчезли. Мэт с несчастным видом посмотрел на радиолу. Там они сидели один на другом, напоминая акробатическую пирамиду. Пирамида зашаталась и рассыпалась. Даже сквозь громкую музыку были слышны глухие удары о пол. Затем Мэт увидел, как они обескураженно встают. Бармен

усиленно потирал нос. Внезапно он сжал кулаки и бросился в атаку. Управляющий успел поймать его за руку.

Четверка устроила военный совет. Каждые несколько секунд кто-нибудь из них поднимал голову и смотрел на Мэта и Эби. Наконец первый официант отделился от общей группы и с решительным видом направился к радиоле. Музыка прекратилась, цветные огни погасли. Наступила тишина. Все четверо с победоносным видом повернулись к танцплощадке. Так же внезапно огни зажглись вновь и снова загремела музыка. Они подскочили на месте. Осторожными шагами управляющий подкрался к стене и выдернул шнур из розетки. Он повернулся, все еще держа его в руке. Шнур начал извиваться. Управляющий смотрел на него, не веря своим глазам. Шнур начал складываться в кольца. Управляющий торопливо бросил его на пол. Шнур поднялся над полом, как кобра, и начал раскачиваться в медленном смертоносном танце. Потом прыгнул вперед. Управляющий едва успел отскочить. Металлические клыки стукнули по полу. Все четверо отступили, глядя на шнур широко раскрытыми глазами. Шнур презрительно повернулся и, скользнув к розетке, воткнулся в нее. Музыка заиграла снова.

Когда радиола опять попала в его поле зрения, Мэт заметил вокруг нее оживленную деятельность. Бармен приближался к управляющему, держа в руке сверкающий пожарный топор. На мгновение Мэту показалось, что весь мир сошел с ума. Затем он увидел, как управляющий, держа топор наготове, осторожно двинулся к радиоле. Удар был сокрушительным, но шнур, свернувшись в кольца, успел отскочить в сторону. Управляющий подошел чуть поближе. Потом он взглянул вниз и закричал. Шнур обернулся петлей вокруг его ноги, словно питон, душащий свою жертву. Отчаянно размахивая топором, человек-бульдог наносил удар за ударом. Один из них, попав в цель, разрубил шнур пополам. Музыка прекратилась, радиола погасла. Обезглавленный шнур извивался в предсмертной агонии.

Эби остановилась. Мэт с облегчением вздохнул, ноги его дрожали.

— Эби, — умоляюще проговорил он, — пойдем отсюда побыстрее.

Она покачала головой.

— Давайте посидим, — и повела его к столику, который сразу же опустел, так же как и вся прилегающая к нему часть комнаты.

— Думаю, что вы не прочь выпить, — сказала Эби.

— Я бы лучше ушел, — пробормотал Мэт.

Они сели. Эби повелительно подозвала официанта. Тот осторожно приблизился к столу. Эби вопросительно посмотрела на Мэта.

— Виски, — беспомощно пробормотал Мэт, — только без соды.

Почти мгновенно официант вернулся обратно, держа на подносе бутылку и два стакана.

— Босс приказал получить деньги вперед, — робко пробормотал он.

Мэт тщетно обыскал карманы.

— У меня нет с собой денег!

— Неважно, — сказала Эби, — поставьте поднос.

— Нет, мадам... — начал официант, глядя округлившимися глазами на поднос, который, выскользнув у него из рук, опустился на стол. Он запнулся, закрыл рот рукой и отошел от стола.

Эби сидела, опершись локтем о стол и мечтательно положив подбородок на маленькую ладонь.

— Я не хочу быть плохой дочерью, — сказала она, — но здесь, наверное, понравилось бы.

— Нет, нет, — торопливо проговорил Мэт, — пожалуйста, не надо. У нас и без того целая куча неприятностей...

...Дженкинс сидел у стола на третьем стуле, медленно моргая; от него разило спиртом. Мэт потянулся за бутылкой, налил немного виски в свой стакан, поднес его к губам и залпом выпил. На мгновение виски обожгло ему горло, но в следующий момент это ощущение исчезло. Мэт поставил стакан на стол и немного подождал. Но он ничего не чувствовал, совершенно ничего. Он подозрительно посмотрел на стакан. Тот был полон.

Дженкинс прищурил глаза.

— Эб, — сказал он, ерзая на стуле, — что ты тут делаешь? Какая ты шикарная! Подцепила парня с монетой?

Эби не обратила на его вопросы ни малейшего внимания.

— Па, если бы я попросила тебя кое-что для меня сделать, ты бы сделал?

— Конечно, Эб, — торопливо ответил Дженкинс. Его глаза загорелись при виде бутылки с виски. — Все что угодно.

Он поднес бутылку к губам. Та приятно забулькала. Когда Дженкинс поставил бутылку на стол и вытер рот большой волосатой рукой, бутылка оказалась наполовину пустой. Дженкинс тяжело вздохнул. Мэт снова поднял свой стакан и поднес его к губам. Когда он опустил его, стакан был по-прежнему полон, а Мэт по-прежнему пуст.

— Если бы я попросила тебя стукнуть мистера Райта по носу?

Мэт внутренне сжался.

— Конечно, Эб, конечно, — сказал Дженкинс. Он медленно согнул свою массивную руку и сжал кулак. Борода не давала разглядеть выражение его лица, но Мэт подумал, что это даже к лучшему.

— Ты что, обидел мою маленькую девочку? — потребовал ответа Дженкинс. — Послушай, сынок, — вдруг переменил он тон, — что с тобой? На тебе лица нет! — Он снова посмотрел на Эби. — Стукнуть его сейчас?

— Я скажу когда, — ответила Эби.

— Полиция! — неожиданно завопил Дженкинс, охватывая своей огромной рукой горлышко бутылки.

Мэт поднял голову. Бармен вел к ним троих полицейских. Они приближались решительно, уверенные в своей власти и силе. Мэт быстро повернулся к Эби.

— Только, пожалуйста, не устраивай никаких столкновений с законом.

Эби зевнула.

— Я устала, — сказала она, — уже поздно.

Дженкинс, нагнув голову, бросился навстречу по-

лиции. И тут зал исчез. Мэт поморгал, борясь с тошнотой. Он и Эби снова были в хижине.

— А как насчет твоего отца? — спросил Мэт.

— После выпивки, — ответила Эби, — па больше всего на свете любит хорошую потасовку. А теперь я иду спать. Я здорово устала.

Оставив туфельки на полу, она забралась на койку. Медленно прошли два мучительных часа. Мэт осторожно сел и взял ботинки в руки. Потом встал и медленно, на цыпочках, пошел к двери. Дюйм за дюймом продвигался он к своей цели, напряженно прислушиваясь к сонному дыханию Эби. Приоткрыв дверь, он выскользнул наружу и тихо закрыл ее за собой. Ступенька скрипнула. Мэт в ужасе застыл на месте. Однако из хижины не донеслось ни малейшего звука. Машина сама покатилась под уклон, едва он отпустил тормоз, и, только отъехав на милю от хижины, Мэт включил мотор. Свобода! Уже рассветало, когда он подъехал к бензоколонке. Солнце, заглянув сквозь ветровое стекло его машины, увидело молодого человека в грязном костюме, небритого, с красными от усталости глазами. Но Мэт дышал глубоко, он упивался вином свободы. Он не помнил, куда ведет дорога, по которой он ехал, но куда бы она ни вела, жизнь была прекрасна.

Мэт считал, что Эби не сможет его найти и что она не сможет телепортировать себя в то место, в котором ни разу не была. В обоих своих путешествиях в Спрингфильд Эби посетила только те места, в которых она раньше побывала с Мэтом.

Когда из-за бензоколонки вышел сонный служащий, Мэт спохватился, что у него нет денег. Безнадежно он начал шарить по карманам. Без денег он надолго застрянет здесь, а все его деньги остались в хижине вместе с одеждой, пишущей машинкой и папками с начатой диссертацией. Но... его рука что-то нащупала в кармане брюк. Бумажник. Он вытащил его и заглянул внутрь. Там было четыре доллара бумажками и на триста долларов аккредитивов.

— Заправьте машину, — сказал Мэт. Когда он успел захватить деньги? В Спрингфильде бумажника с ним не было... Однако... А может быть, ему мешает

подумать как следует голод? Он ничего не ел со вчерашнего утра.

— Где здесь можно поесть?

— Видите вон те грузовики у дороги? Обычно в таких местах хорошо кормят. Но здесь не то. Зато есть местная достопримечательность. Шоферы останавливаются, чтобы только посмотреть на нее. Звать Лола...

Внутри столовая напоминала железнодорожный вагон. Вдоль одной стены тянулся длинный прилавок. Шоферы, все, как один, крупные мужчины в рубашках с короткими рукавами, курили, пили кофе и дразнили официантку. Мэт устало присел за один из пустых столиков. Официантка, освободившись от группы поклонников, подошла к нему со стаканом воды, раскачивая на ходу бедрами. Она была пышной брюнеткой с коротко остриженными волосами и улыбающимся загорелым лицом. Ее юбка и кофточка с низким вырезом оттопыривались как раз в нужных местах. Когда она наклонилась, чтобы поставить стакан с водой на стол, Мэт против своей воли скользнул глазами по низкому вырезу ее блузки.

— Что вы будете кушать? — спросила она.

Мэт *проглотил слюну.*

— Пару блинчиков и сосиски.

— Кофе?

Мэт кивнул головой. Он слегка улыбнулся, чтобы показать, что ценит ее внимание. Не было ни малейшего сомнения в ее привлекательности. В любое другое время...

— Ох! — вскрикнула вдруг она, потирая грудь рукой и кидая на Мэта укоризненные взгляды. Затем на ее лице появилась кокетливая улыбка. Толстым пальчиком она погрозила Мэту. — Скверный мальчик!

Мэт смотрел на нее, как на сумасшедшую. Когда она исчезла за прилавком, Мэт озабоченно покачал головой и, заметив мрачные взгляды, которые кидали на него шоферы, углубился в изучение стакана с водой. Он вспомнил, что его мучит жажда. Мэт выпил полный стакан, но жажда не проходила. Лола, не теряя времени, принесла Мэту кофе. Но когда она приблизилась к Мэту, произошло непонятное — на совершенно ров-

ном месте Лола поскользнулась, вылив кофе на рубашку Мэта. Он вскочил, ругаясь. Опомнившись, Лола схватила пачку бумажных салфеток и начала оттирать рубашку. Мэт заметил, что шоферы глядят на него — одни мрачно, другие с завистью. Он снова сел за стол. В конце концов это могло быть простой случайностью.

Тем временем заказанные блинчики уже приготовили. Лола несла их к столу Мэта, однако это оказалось далеко не простым делом. Никогда в жизни Мэт не видел столь скользких блинчиков. Лола была так занята, пытаясь удержать их на тарелке, что даже перестала покачивать бедрами. Блинчики катались по тарелке из стороны в сторону. От напряжения Лола сморщила лоб. Она шла каким-то сложным танцевальным шагом, пытаясь удержать блинчики в равновесии. Мэт смотрел на нее как завороженный. Тем временем все четыре сосиски на другой тарелке подскочили вверх и исчезли одна за другой за низким вырезом ее блузки. Лола вскрикнула. Блинчики полетели в разные стороны. Один из них попал ближайшему шоферу в лицо.

— А, шутник! — закричал он и запустил стулом в Мэта.

Мэт вскочил, пытаясь вылезти из-за стола. Блинчик, отскочивший от первого шофера, угодил в открытый от удивления рот его соседа. Тот подскочил, задыхаясь и издавая невнятные звуки. Через стол полетели чашки. Мэт нырнул под стол, закрыв глаза и покорившись своей судьбе. Сквозь шум драки до него донесся смех, похожий на звон маленьких серебряных колокольчиков. Затем, не имея ни малейшего представления, как это произошло, он оказался на улице. Мотор заработал, едва только он нажал на стартер. Мэт повернулся, чтобы взглянуть назад, на столовую — и едва не потерял контроль над машиной. На заднем сиденье аккуратной стопкой были сложены его одежда, пишущая машинка и папки с диссертацией.

Когда Мэт остановился на одной из улиц Клинтона, он почувствовал себя немного лучше, по крайней мере морально. По пути он умылся в маленьком ручейке у дороги, побрился и переоделся. Но он был совершенно

измотан голодом и недосыпанием. Лучше это, мрачно подумал Мэт, чем Эби. Какое-то время он сумеет продержаться. Что касается появления в машине его вещей, то у Мэта на этот счет было несколько объяснений. Наиболее приятное из них заключалось в том, что Эби изменила свои намерения; она ждала, что он попытается удрать, и облегчила ему эту попытку. Мэт подумал, что в душе Эби была добросердечным ребенком. Слабость этого объяснения заключалась в том, что Мэт не верил в него.

Он пожал плечами. Перед ним сейчас стояли более неотложные задачи. Бензин на исходе, и ему необходимо что-нибудь поесть. Надо разменять один из аккредитивов.

Войдя в банк, Мэт направился прямо к окошечку кассира. Он подписал аккредитив и передал его кассиру, маленькому худому человечку с лысой головой и соломенными усиками. Кассир сравнил подписи и повернулся к боковой полочке, где у него аккуратными стопками были сложены денежные купюры. Он отсчитал четыре двадцатки, десятку, пятерку и пять бумажек по одному доллару.

— Пожалуйста, сэр, — вежливо сказал он.

А Мэт в это время в ужасе глядел на пачки двадцатидолларовых ассигнаций, медленно поднимающиеся в воздух за спиной у кассира.

— Что с вами, сэр, — беспокойно спросил кассир, — вам нехорошо?

Мэт машинально кивнул и затем, оторвав глаза от зрелища летающих денег, отрицательно помотал головой.

— Нет, — запнулся он, — со мной все в порядке. — Он быстро сделал шаг назад от окошечка.

— Вы уверены в этом? Вы ужасно выглядите!

С ужасом Мэт почувствовал, как что-то копошится в правом кармане его пиджака. Он сунул руку в карман, там лежала пачка двадцатидолларовых ассигнаций. Мэт быстро подошел к окошечку кассира. Тот высунулся ему навстречу.

— Мне кажется, вы уронили вот это, — сказал Мэт, вынимая пачку денег из кармана.

Кассир быстро взглянул на полку с деньгами и снова на пачку.

— Не могу понять, каким образом... Но все равно, благодарю вас. Это самая забавная...

Мэт протянул деньги через окошечко.

— Совершенно верно, — поспешил согласиться Мэт и поднял руку, но выпущенная пачка денег поднялась вместе с ней, словно приклеилась к ладони. — Извините меня, — тихо сказал Мэт, — я не могу избавиться от этих денег. — Он отчаянно потряс рукой, но пачка даже не пошелохнулась.

— Весьма забавно, — сказал кассир, однако он уже не улыбался. Кассир просунул руку сквозь прутья и схватил пачку за уголок.

— Вы можете теперь отпустить ее, — сказал он, — ну, отпускайте же!

Мэт потянул руку к себе.

— Не могу, — сказал он, тяжело дыша.

Кассир и Мэт изо всех сил тянули в разные стороны.

— Мне некогда играть здесь с вами, — пыхтел кассир, — отпустите деньги.

— Мне не нужны они, — лихорадочно заговорил Мэт, — но я не могу от них избавиться. Вот смотрите.

Он широко растопырил пальцы. Кассир ухватился за пачку обеими руками и уперся ногой в перегородку.

— Отпустите деньги! — заорал он.

Внезапно Мэт почувствовал, что его рука пуста, а кассир исчез на дне своей клетушки.

Мэт бросился к двери. Откуда-то издалека ему послышалось звяканье маленьких серебряных колокольчиков.

Когда он выезжал из Клинтона, у него не оставалось никаких сомнений: Эби преследовала его.

Полумертвый от усталости, умирающий от жажды и голода, Мэт подъезжал к северной окраине Канзас-Сити. Он проехал через город, не останавливаясь, и, наконец, увидел вдали красные черепичные крыши и белые башенки университета.

Здесь была крепость науки, цитадель знания, передовой бастион борьбы с темными силами невежества и

предрассудков. Здесь, в академической атмосфере логики и размышлений, сможет он стряхнуть мрачные чары, парализовавшие его волю. Здесь он сможет мыслить яснее, действовать решительнее и избавиться, наконец, от демона мщения, мчащегося по его пятам. Здесь он найдет помощь.

Он проехал по Массачусетс-стрит и остановился. Голода он почти не чувствовал, но жажда не давала ему покоя. Где-то по дороге — он никак не мог вспомнить где — он пытался поесть, но куски исчезали у него изо рта.

Неужели этому не будет конца? — подумал он. Неужели нет никакого выхода? Конечно, есть. Из всякого положения есть выход.

Мэт подошел к ресторану. Он должен сначала утолить голод и жажду, а там будь что будет. Мэт сел за ближайший столик.

— Суп, — пробормотал он подошедшей официантке, — суп и молоко. — Он даже не поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

— Хорошо, сэр, — сказала она. Ее голос показался ему знакомым, но в конце концов все молодые голоса похожи друг на друга. Когда-то он обедал здесь.

Медленно поднес он к губам стакан с водой. Прохладные волны захлестнули его. Мэт благодарно закрыл глаза.

— Вам лучше, мистер Райт? — спросила официантка.

Мэт поднял глаза и поперхнулся. Перед ним стояла Эби. Мэт вскрикнул. Студенты начали оборачиваться. Он дико огляделся вокруг. Все девушки были как две капли воды похожи на Эби. Мэт вскочил, чуть не опрокинув стол, и бросился к выходу. Перед самой дверью он остановился как вкопанный. Через стекло на него смотрела высокая бородатая фигура. Мэт повернулся и побежал через зал к черному ходу. Промчавшись мимо удивленного повара, Мэт выскочил на улицу и побежал, прихрамывая, вдоль темной аллеи. В конце аллеи уличный фонарь стоял как оазис света. Мэт, задыхаясь, мчался к нему что было сил. Внезапно он остановился. В конце аллеи на земле лежала длинная тень. У тени

были могучие плечи, и под подбородком что-то болталось. Мэт повернулся и побежал назад, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Его мозг работал, как машина, у которой сломался регулятор. Из-за кустов выступила тень. Мэт снова остановился. Тень подошла ближе, возвышаясь над его головой. Мэт сжался, не в силах сдвинуться с места. Две длинные руки протянулись к нему. Мэт вздрогнул и приготовился встретить свой конец. Руки обняли его и притянули ближе.

— Сынок, сынок, — услышал он тихий голос Дженкинса, — ты первый знакомый, которого я увидел за весь день.

Сердце Мэта снова начало биться. Он высвободил свое лицо из спутанной бороды Дженкинса.

— Никак не могу понять, что творится со мной эти дни, — говорил Джепкинс, печально качая головой, — но у меня такое мнение, что все это дело рук Эб. Как раз когда драка была в самом разгаре, все вдруг исчезло, и я очутился здесь. Где я нахожусь, сынок?

— Канзас, — ответил Мэт.

— Сынок, — жалобно сказал Дженкинс, — что-то надо делать. Это ведь все дело рук Эб?

Мэт кивнул головой.

— Послушай, сынок. Я слишком стар для такого. Мне бы сидеть у себя на крыльце, держа на коленях бутылочку. Что-то нужно сделать с этой девчонкой.

— Боюсь, что уже слишком поздно, — сказал Мэт, вытащил бумажник и сунул Дженкинсу пять долларов. — Вот возьмите. Выпейте чего-нибудь и попробуйте забыться. Может быть, когда у вас кончатся эти деньги, все уже переменится к лучшему.

— Ты славный парень, сынок. — Дженкинс повернулся, подняв руку в прощальном приветствии.

Мэт медленно побрел вдоль Массачусетс-стрит. Он должен был сделать еще одну попытку. Подходя к автомобилю, Мэт почувствовал близость Эби. Чувство было настолько сильным, словно он стоял рядом с ней. Мэт вздохнул. Не она была виновата во всем, что произошло. Скорее он. И теперь он должен поплатиться.

В мире существует неумолимый закон действия и противодействия.

Было уже совсем темно, когда Мэт, проехав по Седьмой улице, остановил машину у старого двухэтажного дома, окруженного покосившимся забором. Большинство домов в университетском городке были старыми. Новые дома стояли в западном предместье, но университетским профессорам они были не по карману. Мэт позвонил. Дверь отворил профессор Франклин, его научный руководитель.

— Мэт! — воскликнул Франклин. — Да тебя не узнать! Почему ты вернулся так быстро? Только не говори, что ты уже закончил диссертацию.

— Нет, доктор Франклин, — устало сказал Мэт, — но я хотел бы побеседовать с вами, если у вас найдется время.

— Входи, входи. Я как раз проверяю работы, — Франклин поморщился, — работы первокурсников.

Франклин провел его через жилую комнату в заваленный книгами кабинет. Его очки лежали на стопке тетрадей. Он надел их и повернулся к Мэту.

— Что с тобой? Ты ужасно выглядишь. Ты не болен?

— В каком-то роде, — сказал Мэт, — это можно рассматривать как болезнь. Как бы вы лечили человека, верящего в реальность духов?

Франклин пожал плечами. Множество людей верят в них, и тем не менее являются полноправными здоровыми членами общества. Например, Конан Дойль...

— А если человек берется доказать их реальность?

— Галлюцинации? Тогда это серьезнее. Я думаю, что тут следует вмешаться психиатру. Но я не практикующий врач, а педагог. Послушай, не хочешь ли ты сказать, что...

— Предположим, я берусь доказать, что существуют левитация, телекинез, телепатия. О каком лечении тут может быть речь... профессор?

— Мэт, ты нездоров?

— Предположим, — безжалостно продолжал Мэт, — что очки взлетят сейчас с вашего носа, пролетят по воздуху и опустятся на мой. Что вы скажете тогда?

— Я скажу, что тебе надо повидать психиатра, — озабоченно сказал Франклин.

Его очки тихо отделились от лица и, лениво полетав по комнате, опустились на нос Мэту. Профессор Франклин, подслеповато моргая, посмотрел им вслед.

— Мэт, — воскликнул он, — прекрати эти шутки!

Мэт вздохнул и вернул очки. Франклин, нахмурившись, снова надел их.

— Предположим, — сказал Мэт, — что я сейчас поднимусь в воздух. — Сказав это, он почувствовал, что поднимается вверх.

Франклин смотрел на него, задрав голову.

— Мэт, — сказал он, — вернись немедленно на место!

Мэт вернулся в свое кресло.

— Все эти трюки, — сурово сказал Франклин, — ничего особенного из себя не представляют. Пойди к врачу, Мэт. Не трать понапрасну свое и мое время. Кстати, — добавил он, снимая очки и яростно протирая их, — я думаю, мне не мешает повидать моего глазного врача.

Мэт снова вздохнул.

— Я с самого начала боялся, что все этим кончится. Эби, ты слышишь меня?

Франклин уставился на него.

— Да, мистер Райт.

Слова, тихие и отчетливые, доносились из середины пустой комнаты. Франклин лихорадочно обшаривал комнату глазами.

— Благодарю тебя, — сказал Мэт.

— Уходите из моего дома, — сказал Франклин дрожащим голосом, — с меня довольно ваших штучек.

Мэт встал и пошел к выходу.

— Боюсь, что доктор Франклин не верит в тебя, Эби. Но я верю. Прощайте, доктор Франклин. Не думаю, чтобы какой-нибудь врач сумел меня вылечить.

Со странным чувством приближающегося конца Мэт проехал через университетский городок и подъехал к своему дому. Он зажег свет в гостиной. В комнате царил привычный беспорядок. Свитер валялся на письменном столе, книги — на кресле. Не зажигая

света, Мэт прошел на кухню. Только не думать... не думать...

Он наткнулся в темноте на плиту и, ворча, потер ушибленное бедро. Где-то здесь... Какие-то скрытые силы удерживали Мэта от того, чтобы свалиться в забытьи от истощения. Ничего, скоро у него будет сколько угодно времени для отдыха... Он нагнулся. Вот наконец то, что он ищет. Сахар. Обычный сахар. Последняя попытка. Ну да, сахар был не совсем обычным...

Он нашел пакетик с овсянкой и достал из холодильника молоко, вытащил из ящика нож и разрезал пакетик пополам. Затем высыпал содержимое одной из половинок в чашку, полил молоком и посыпал сверху сахаром. Ему очень хотелось спать. Он зачерпнул ложку и поднес ее ко рту. Какое-то время подержал ее на языке, затем проглотил... Нет, не успел проглотить — все исчезло у него изо рта. Мэт схватил нож и ударил им себя в грудь. Ударил? Рука оказалась пустой. Голова его упала на грудь. Внезапно он выпрямился. Шипенье прекратилось. Мэт зажег свет и увидел, что газовый кран, который он сумел открыть, когда споткнулся о плиту, уже закрыт. Не помогли ни яд от насекомых, ни нож, ни газ. Он почувствоовал, как его охватило отчаяние. Выхода не было. Мэт сбросил с кресла книги и сел в него. Последняя надежда — после которой уже не на что надеяться — исчезла. И все-таки он был даже рад, что все его попытки потерпели неудачу. Потому что это был трусливый выход из положения.

Оставалось только одно решение. Он все время отказывался признать его неизбежность, но выбора больше не было. Он поднял голову.

— Ладно, Эби, — вздохнул он, — я женюсь на тебе. — Слова повисли в воздухе. Мэт ждал со страхом, смешанным с надеждой. Неужели в ней не осталось ничего, кроме жажды мщения?

Но Эби внезапно оказалась у него на руках, одетая в свое ужасное голубое платье, но очень красивая. Ее руки обвились вокруг его шеи.

— Правда, мистер Райт? — прошептала она. — Вы не шутите?

Боже мой! Вездесущая, всемогущая жена, страшная в гневе или разочаровании. Не было человека, подумал он, от которого требовали бы большей жертвы. Он вздохнул.

— Я женюсь на тебе. Да поможет мне бог! — И он поцеловал ее.

Самое странное, что новоявленный жених, Мэттью Райт, был счастлив.

Куда счастливее, чем заслуживал. Но гораздо важнее было другое.

Невеста была счастлива.

РОБЕРТ ЯНГ

ДЕВУШКА-ОДУВАНЧИК

Увидев на холме девушку, Марк вспомнил стихотворение Эдны Сент-Винсент Милле *. Оно пришло ему в голову, наверное, потому, что девушка стояла на солнце и ветер трепал ее волосы—золотистые, как цветок одуванчика; а может быть, и потому, что старомодное белое платье обвилось вокруг ее стройных ног. Во всяком случае, Марк был уверен, что она непонятным образом перенеслась из прошлого в настоящее. Первое впечатление оказалось ошибочным: как потом выяснилось, она явилась не из прошлого, а из будущего.

Он вскарабкался на холм и, тяжело дыша, остановился позади нее. Она еще не видела его, и он думал, как заговорить с ней, не испугав. Пытаясь придумать что-нибудь, он достал трубку, набил ее и разжег, прикрывая от ветра ладонями. Подняв голову, он увидел, что девушка уже стоит к нему лицом и с любопытством разглядывает его.

Марк медленно подошел к ней, остро чувствуя близость неба и наслаждаясь дующим в лицо ветром. Он подумал, что ему следует почаще совершать прогулки. До холма он шел лесом, а теперь лес, уже тронутый кое-где огненными красками осени, раскинулся далеко внизу, а за лесом виднелось маленькое озеро со стандартным домиком на берегу и мостками для ловли рыбы. Когда жену Марка неожиданно вызвали в суд — она была присяжным заседателем, — ему пришлось проводить оставшиеся две недели летнего отпус-

* Американская поэтесса.

ка в одиночестве. Днем он ловил рыбу с мостков, а прохладными вечерами читал, сидя у большого камина в гостиной. Через два дня размеренное существование ему приелось; он отправился побродить по лесу, вышел к холму, поднялся на него и увидел девушку.

Подойдя поближе, он увидел, что глаза у нее голубые — голубые, как небо, на фоне которого вырисовывался ее силуэт. Лицо у нее было юное, нежное, прелестное. Он с трудом подавил желание протянуть руку и погладить девушку по щеке, обласканной ветром; он почувствовал, как дрожат кончики пальцев.

Да ведь мне сорок четыре, а ей едва ли больше двадцати, подумал он. О господи, что на меня нашло!

— Любуетесь видом? — спросил он громко.

— О да, — сказала она, повернулась и восторженно всплеснула руками. — Это же просто чудесно!

Марк посмотрел в ту же сторону.

— Да, — сказал он. — Да.

Внизу, у подножия холма, снова начинался лес. Теплые сентябрьские краски его захлестнули всю долину, стиснули деревушку, видневшуюся невдалеке, и сошли на нет у самой границы городских предместий. А вдали таял в дымке зубчатый силуэт Коув-сити, похожий на расползшийся средневековый замок — в дымке он казался каким-то совсем невещественным, сказочным.

— Вы тоже из города? — спросил он.

— Пожалуй, — ответила она и улыбнулась. — Я из того Коув-сити, который старше этого на двести сорок лет.

По улыбке девушки он понял, что она и не надеется убедить его, но что в глубине души ей было бы приятно, если бы он притворился, будто верит ее словам. Он тоже улыбнулся.

— То есть из города две тысячи двухсот первого года нашей эры? — сказал он. — Должно быть, город к тому времени неимоверно вырос.

— Да, вырос, — сказала она. — Теперь это часть гигантского города, который доходит до этого самого места. — Она показала на опушку леса у подножия холма. — Две тысячи сороковая улица проходит прямо

через ту кленовую рощицу, — продолжала девушка. — Видите вон те белые акации?

— Да, — сказал он, — вижу.

— Там теперь новая площадь. И на ней такой большой магазин самообслуживания, что его за полдня еле обойдешь. Там можно купить все — от аспирина до аэрокаров. А рядом с магазином, там, где у вас буковая роща, большой магазин готового платья, в котором продаются новейшие творения ведущих модельеров. Платье, которое на мне, я купила сегодня утром. Оно простенькое и красивое, правда?

Красивое... На нее что ни надень, все будет красиво. Но Марк все-таки взглянул на платье. Оно было сшито из незнакомого материала, явно синтезированного из морской пены и снега. На какие только чудеса не способны фабриканты синтетических тканей... и каких только небылиц не придумывают молоденькие девушки!

— Наверно, вы прибыли сюда на машине времени, — сказал Марк.

— Да, папа изобрел такую машину.

Марк пристально посмотрел на нее. Он никогда не видел такого самообладания — хоть бы чуточку покраснела.

— И часто вы бываете здесь?

— Да. Это мои любимые координаты во времени и пространстве. Порой я стою здесь часами, смотрю и насмотреться не могу. Позавчера я увидела кролика, вчера — оленя, а сегодня — вас.

— Но как же это так — вчера, — спросил Марк, — если вы всякий раз возвращаетесь в то же самое время?

— А, я понимаю, что вы хотите сказать. Дело в том, что течение времени действует на машину, как и на все другое, и чтобы вернуться в те же самые координаты, нужно переводить машину назад каждые двадцать четыре часа. Но я этого никогда не делаю, потому что мне больше нравится возвращаться в разные дни.

— Ваш папа когда-нибудь бывал здесь с вами?

Высоко над головой лениво проплывал гусиный клин, и девушка некоторое время следила за ним.

— Папа болен, — сказала она наконец. — А ему

бы так хотелось побывать здесь... Но я рассказываю ему обо всем, что вижу, — поспешно добавила она, — а это почти то же самое. Будто он сам бывает тут. Правда?

Во взгляде ее сквозило такое желание услышать подтверждение, что это тронуло его до глубины души.

— Разумеется, — сказал он, а потом добавил: — Как замечательно, должно быть, иметь машину времени.

Она кивнула с серьезным видом.

— Щедрый дар людям, которые любят природу. В двадцать третьем веке таких красивых лугов осталось совсем немного.

Он улыбнулся.

— Не так уж много их и в двадцатом веке. Я бы сказал, что этот уголок своего рода уникум. Надо почаще приходить сюда.

— Вы живете неподалеку? — спросила девушка.

— Я живу в домике милях в трех отсюда. Считается, что я в отпуске, но получается что-то не то. Жена исполняет свои обязанности присяжного заседателя в суде и потому не могла поехать со мной. Откладывать отпуск было уже поздно, вот и приходится мне быть чем-то вроде Торо* поневоле. Меня зовут Марк Рандольф.

— А я Джулия, — сказала она. — Джулия Данверс.

Имя идет ей. Идет так же, как и белое платье, голубое небо, холм и сентябрьский ветер. Наверное, она живет в маленькой деревушке в лесу... Если ей хочется выдавать себя за человека из будущего, то это ее дело. Гораздо важнее чувства, испытанные им при первом взгляде на нее, и нежность, которая охватывает его всякий раз, когда он смотрит на ее хорошенькое личико.

— Чем вы занимаетесь, Джулия? — спросил он. — Или вы еще учитесь в школе?

— Я учусь на секретаря, — сказала Джулия. Выставив вперед ногу, она сделала изящный пируэт и

---

* Американский писатель и философ, призывал к жизни среди природы.

сложила руки на груди. — Стать секретарем — моя мечта, — продолжала она. — Ведь это просто чудесно — работать в большом важном учреждении и записывать, что говорят важные люди. Вы бы хотели, чтобы я была вашим секретарем, мистер Рандольф?

— Очень бы хотел, — ответил он. — Моя жена была моим секретарем еще до войны. Вот тогда-то мы и встретились.

И зачем я рассказываю ей об этом? — подумал Марк.

— Она была хорошим секретарем?

— Превосходным. Мне было жаль терять такого работника. Но, потеряв ее как секретаря, я приобрел жену, так что вряд ли это можно назвать потерей.

— Да, нельзя. Ну, а теперь мне пора возвращаться, мистер Рандольф. Папа ждет моих рассказов о том, что я видела сегодня, да и ужин надо готовить.

— Вы придете завтра?

— Наверное, приду. Я бываю здесь каждый день. До свидания, мистер Рандольф.

— До свидания, Джулия, — сказал он.

Он смотрел, как девушка легко сбежала вниз по склону холма и исчезла в кленовой роще, где через двести сорок лет должна будет проходить две тысячи сороковая улица. Он улыбнулся и подумал, что это за очаровательный ребенок. Как, наверное, прекрасно быть таким неиссякаемо любознательным и жизнерадостным. Марк особенно высоко ценил эти качества, потому что сам был лишен их. В двадцать лет он был серьезным юношей и учился в юридической школе; в двадцать четыре у него была своя практика, хотя и небольшая, но отнимавшая у него все время... нет, не все. Когда он женился на Анне, в его жизни наступил недолгий период, когда работа отступила на второй план. А затем началась война и с нею еще один период (на этот раз более длительный), когда стремление заработать побольше денег казалось занятием неуместным и даже презренным. Однако после возвращения к гражданской жизни все изменилось, тем более что теперь ему нужно было содержать жену и сына. И с тех пор он работал не покладая рук,

за исключением четырех недель ежегодного отпуска, которым он позволял себе пользоваться лишь с недавних пор. Обычно две недели он проводил с Анной и Джефом на каком-нибудь курорте, а когда у Джефа начинались занятия в колледже, две недели они с Анной жили в домике на берегу озера. Но в нынешнем году Марку пришлось эти две недели жить в одиночестве. Впрочем... не совсем в одиночестве.

Марк шел медленно, и, когда он добрался до озера, солнце уже село. Озеро было маленькое, но глубокое; деревья подходили к самой воде. Дом стоял в некотором отдалении от берега среди высоких сосен, и от него к мосткам вела извилистая тропинка. Позади дома посыпанная гравием дорожка выходила на проселок, который вел к шоссе. Большой автомобиль с багажником и откидным верхом стоял у черного хода, готовый в любую минуту домчать Марка до цивилизованного мира.

Марк приготовил нехитрый ужин и съел его на кухне. Потом перешел в гостиную. На улице под навесом гудел движок, но это не нарушало вечерней тишины, непривычной для городского жителя. Достав из книжного шкафа антологию американской поэзии, Марк сел и отыскал стихотворение «Полдень на холме». Он перечел его трижды, и всякий раз перед глазами вставала девушка, освещенная солнцем — ветер треплет ее волосы, а подол платья, словно пушистый снег, вьется у длинных стройных ног. В горле стоял комок...

Поставив книгу на полку, Марк вышел на деревянное крыльцо, набил трубку и закурил. Он заставил себя думать об Анне, вспомнил ее лицо — нежный, но решительный подбородок, теплый, сочувственный взгляд ее глаз, в которых таился какой-то странный непостижимый страх; он вспомнил ее гладкие щеки и ласковую улыбку. И каждая черта этого лица показалась ему еще милее и привлекательнее, когда он представил себе ее пушистые светло-каштановые волосы и высокую грациозную фигуру. Думая о ней, он всякий раз восхищался неувядаемой молодостью, она ведь оставалась такой же хорошенькой, как в то да-

лекое утро, когда он поднял голову и вдруг увидел у своего стола оробевшую девушку. Непостижимо, как это он двадцать лет спустя с нетерпением предвкушает встречу с другой девушкой, у которой в голове одни фантазии и которая годится ему в дочери. Впрочем... это не совсем так. Было какое-то мгновение, когда он покачнулся и... все. Лишь на короткий миг он потерял равновесие и пошатнулся. Теперь поступь его снова тверда, и в мире снова воцарился здравый смысл.

Марк выбил трубку и вошел в дом. В спальне он разделся, скользнул в постель и погасил свет.

«Позавчера я увидела кролика, — сказала она, — вчера — оленя, а сегодня — вас».

На следующий день на ней было голубое платье и под цвет ему — голубая ленточка в золотистых волосах. У подножия холма Марк немного постоял, ожидая, когда перестанет теснить горло; потом он поднялся на вершину, где гулял ветер, и стал рядом с девушкой. Он увидел мягкую линию ее шеи, и у него снова перехватило дыхание. И когда она повернулась и сказала: «Здравствуйте, а я думала, вы не придете», — он долго не мог выговорить ни слова.

— Но я пришел, — сказал он наконец. — И вы тоже пришли.

— Да, — сказала Джулия. — Я рада вам.

Неподалеку из гранитных обломков образовалось что-то вроде скамьи, они сели на нее и стали смотреть вниз. Он набил трубку, и ветер подхватил струйку дыма.

— Мой папа тоже курит трубку,— сказала она, — и когда разжигает ее, тоже прикрывает ладонями, даже если ветра нет. У вас много одинаковых привычек.

— Расскажите мне о своем отце, — сказал Марк, — и о себе тоже.

И она рассказала ему, что ей двадцать один год, что ее отец, физик, был на правительственной службе, а теперь пенсионер, что они живут в маленькой квар-

тире на Две тысячи сороковой улице и она ведет хозяйство уже четыре года, с тех самых пор, как умерла мама. Потом он рассказал ей о себе, Анне и Джефе... о намерении сделать когда-нибудь Джефа своим компаньоном, о непонятном страхе Анны перед фотоаппаратами, о том, как она отказалась сниматься даже в день их свадьбы, о великолепном туристском походе, который они совершили втроем прошлым летом.

Когда он замолчал, она сказала:

— Какая у вас чудесная семья! Как, должно быть, прекрасно жить в тысяча девятьсот шестьдесят первом году!

— Имея в своем распоряжении машину времени, вы всегда можете перебраться к нам.

— Это не так-то легко. Не говоря уже о том, что мне и в голову не придет покинуть пану. Приходится принимать в расчет и полицию времени. Видите ли, путешествовать по времени разрешается только членам правительственных исторических экспедиций, а для простых людей это недоступно.

— Вам, кажется, это сходит с рук.

— Только потому, что мой папа изобрел собственную машину и полиция времени ничего не знает о ней.

— Значит, вы сейчас нарушаете закон?

Она кивнула.

— Но только с точки зрения полиции, только в свете ее представлений о времени. У моего папы своя концепция.

Было так приятно слушать, как она говорит, что он не обращал внимания на смысл ее слов — пусть ее фантазирует, пусть говорит что угодно, лишь бы говорила.

— Расскажите мне о ней, — попросил он.

— Сначала я расскажу вам об официальной концепции. Те, кто придерживается ее, говорят, что никто из будущего не должен принимать участие в событиях прошлого, потому что уже одно его присутствие явилось бы парадоксом, и событиям будущего пришлось бы протекать по-другому, чтобы прийти в соответствие с парадоксом. Поэтому Управление путе-

шествий по времени разрешает допуск к машинам только специалистам и держит полицейских, чтобы не дать убежать в прошлое тем, кто тоскует по более простому образу жизни и маскируется под историков, которые могут то и дело переходить из эры в эру. Но согласно концепции моего папы книга времени уже написана. С макрокосмической точки зрения, говорит мой папа, все, что должно случиться, уже случилось. Следовательно, раз уж человек из будущего участвует в каком-нибудь событии прошлого, то это событие не обойдется без него с самого начала, и никакого парадокса возникнуть не должно.

Марк поднес трубку ко рту и сделал большую затяжку. Она была необходима ему.

— Видно, ваш отец — человек незаурядный, — сказал он.

— Конечно! — От восторга щеки ее порозовели еще больше, а голубые глаза заблестели. — Вы не представляете; мистер Рандольф, сколько книг он прочел. Наша квартира битком набита ими. Гегель, Кант и Хьюм; Эйнштейн, Ньютон и Вейцзекер. Я... даже я сама читала некоторые из них.

— У меня тоже много книг. Я тоже много читаю.

Она с восхищением посмотрела на него.

— Как это замечательно, мистер Рандольф! — сказала она. — Я уверена, что у нас много общих интересов.

В разговоре выяснилось, что у них и в самом деле много общих интересов... Впрочем, он вскоре сообразил, что трансцендентальная эстетика и теория относительности — не слишком уместные темы для беседы мужчины с девушкой на холме в сентябрьский вечер, даже если мужчине уже сорок четыре, а девушке всего двадцать один. К счастью, разговор имел и свои приятные стороны. Анализ философии Беркли позволил подметить не только слабости теории епископа, но и нежный румянец девичьих щечек, в результате же обсуждения теории относительности выяснилось, что E неизменно равняется mc^2, а знания не только не наносят ущерба женскому обаянию, но являются ценным дополнением к нему.

Это приподнятое настроение не покидало его дольше, чем следовало бы. С ним он и лег спать. На этот раз он даже и не старался заставить себя думать об Анне — знал, что не поможет.

Позавчера я увидела кролика, вчера — оленя, а сегодня — вас.

Утром он поехал в деревню и зашел на почту за письмами. Но писем не было. Марк не удивлялся этому. Джеф так же, как и он, не любит писать письма, а Анна сейчас, наверное, отрезана от внешнего мира. Ну, а что касается клиентов, то он разрешил своей секретарше беспокоить его только в самых неотложных случаях.

Марк подумал, не расспросить ли ему сморщенного почтмейстера о семье Данверс, которая, видимо, живет где-то в этом округе. Но он решил не спрашивать. Ведь иначе вся тщательно продуманная Джулией версия разлетелась бы в пух и прах, а он был не настолько прозаической натурой, чтобы разрушать красивую выдумку.

Сегодня на ней было желтое платье, того же оттенка, что и волосы, и снова при виде ее у него перехватило дыхание, и снова он не мог вымолвить ни слова. Но вот он обрел дар речи, и все стало на свои места — их мысли были как два быстрых ручейка, которые, весело журча, сливаются в единый поток.

— А завтра вы придете?

На этот раз спросила она. Впрочем, он сам хотел задать этот вопрос, но она опередила его.

На следующий день, поднявшись на холм, Марк увидел, что девушки нет. Сначала разочарование ошеломило его, но потом он подумал, что она запаздывает и покажется с минуты на минуту. Он сел на гранитную скамью и стал ждать. Но она не показывалась. Шли минуты... часы. Из леса выползли тени и начали взбираться вверх по склону. Стало прохладно. Наконец он сдался и, расстроенный, направился к дому.

Не пришла она и на другой день. И на следующий тоже. Он не мог ни есть, ни спать. Рыбная ловля надоела. Не читалось. И все это время Марк ненавидел себя — ненавидел за то, что ведет себя, как томящий-

ся от любви подросток, за то, что ничем не отличается от любого другого дурака, которому уже за сорок, а он все пленяется хорошенькой мордашкой и парой стройных ножек. Еще совсем недавно он бы даже не посмотрел на другую женщину, а тут недели не прошло, как он не только загляделся — влюбился.

На четвертый день Марк уже не надеялся увидеть Джулию... и вдруг весь встрепенулся: девушка стояла на холме. На этот раз она была в черном платье. Он должен был догадаться о причине ее отсутствия; но он ни о чем не догадывался... пока не подошел к девушке и не увидел слезы у нее на глазах, не разглядел, как предательски дрожат губы.

— Джулия, что случилось?

Она прильнула к нему, прижалась лицом к пиджаку, плечи ее вздрагивали.

— Папа умер, — прошептала она, и что-то подсказало ему, что это ее первые слезы, что на похоронах она не плакала и разрыдалась лишь сейчас.

Марк нежно обнял девушку. Он никогда не целовал ее, да и сейчас только провел губами по лбу, коснулся волос...

— Я понимаю вас, Джулия, — сказал он. — Я знаю, как вы его любили.

— Он с самого начала знал, что умирает, — сказала она. — Знал, наверное, с того времени, как проводил в лаборатории опыты со стронцием-90. Но он никому не говорил об этом... даже мне не сказал... Я не хочу жить. Без него мне не для чего жить... не для чего, не для чего, не для чего!

Он крепко обнял ее.

— Вы еще найдете что-нибудь, Джулия. Кого-нибудь. Вы еще молоды. Вы совсем ребенок.

Голова ее резко откинулась, она взглянула на него мгновенно высохшими глазами.

— Я не ребенок! Не смейте называть меня ребенком!

От удивления он разжал руки и отступил назад. Прежде он никогда не видел ее такой рассерженной.

— Я не хотел... — начал он.

Но гнев ее прошел так же быстро, как и возник.

— Я знаю, что вы не хотели меня обидеть, мистер Рандольф. Но я не ребенок, честное слово, не ребенок. Обещайте мне, что никогда не будете называть меня ребенком.

— Хорошо, — сказал он. — Обещаю.

— Теперь мне пора, — сказала она. — У меня тысяча дел.

— А завтра... завтра вы придете?

Она долго смотрела на него. Голубые глаза ее блестели от слез.

— Машины времени изнашиваются, — сказала она. — Нужно заменить некоторые детали, а я не знаю, как это делается. Наша... теперь уже моя... годится только на одну поездку, да и то...

— Но вы попытаетесь?

Она кивнула.

— Да, попытаюсь. И я еще хочу сказать, мистер Рандольф...

— Что, Джулия?

— Если я не смогу появиться здесь еще раз, знайте... что... я люблю вас.

Быстро сбежав вниз по склону, она исчезла в кленовой роще. Когда он раскуривал трубку, руки его дрожали, а спичка обожгла пальцы. Он не помнил, как дошел до дому, как приготовил ужин и лег спать, но все это он делал, потому что проснулся он наутро в своей комнате, а в кухне на сушилке стояла грязная посуда.

Он вымыл посуду, сварил кофе. Все утро он ловил с мостков рыбу, заставляя себя не думать ни о чем. Смотреть в лицо действительности он будет потом. А сейчас ему было достаточно знать, что она любит его, что через несколько коротких часов он снова увидит ее. Из деревушки на холм даже испорченная машина времени доставит ее без особого труда.

Он пришел пораньше, сел на гранитную скамью и ждал, когда она выйдет из леса и начнет подниматься по склону холма. Он слышал, как колотится сердце, и видел, что руки дрожат.

Позавчера я увидела кролика, вчера — оленя, а сегодня — вас.

Он ждал, ждал, но она не пришла. Не пришла она и на следующий день. Когда тени начали удлиняться и стало прохладно, он спустился с холма и вошел в кленовую рощу. Отыскав тропу, углубился в лес и вышел к деревушке. Марк вошел в маленькое здание почты и спросил, нет ли для него писем. И когда сморщенный почтмейстер ответил, что писем нет, он некоторое время не решался задать другой вопрос.

— Ска... скажите, живет здесь где-нибудь поблизости семья по фамилии Данверс? — выпалил он.

Почтмейстер покачал головой.

— Никогда не слыхал о таких.

— А похороны недавно в деревне были?

— Целый год не было.

Марк приходил на холм каждый день, пока не кончился его отпуск, но в глубине души он знал, что девушка не вернется, что он потерял ее насовсем, будто она и в самом деле не существовала. Вечерами он бродил по деревне в надежде, что почтмейстер ошибся, но Джулии не встретил, и прохожие, которым он описывал внешность девушки, тоже ничего не знали о ней.

В начале октября он вернулся в город. Дома он старался вести себя так, будто в их отношениях с Анной ничего не изменилось, но стоило ей увидеть его, как она, видимо, о чем-то догадалась. И хотя Анна ни о чем не спрашивала, с каждой неделей она становилась все молчаливее и задумчивей, все реже ей удавалось прятать глаза и скрывать страх, который ставил его в тупик и прежде.

По воскресеньям он уезжал за город и навещал холм. Листва теперь пожелтела, а небо было даже голубее, чем месяц назад. Часами он сидел на гранитной скамье, глядя на то место, где видел девушку в последний раз.

Позавчера я увидела кролика, вчера — оленя, а сегодня — вас.

Как-то в середине ноября Анна уехала в город играть в бинго, и он остался в доме один. Просидев без дела два часа, Марк вспомнил о составных картинках-загадках, которые собирал прошлой зимой.

Стараясь придумать себе какое-нибудь занятие —

любое, лишь бы отвлечься от мыслей о Джулии, он полез за картинками на чердак. Роясь в коробках, Марк нечаянно столкнул с полки чемодан. Тот упал и, стукнувшись об пол, раскрылся. Марк наклонился, чтобы поднять его и поставить на место. С этим самым чемоданом Анна пришла в небольшую квартирку, которую они сняли после женитьбы, и он вспомнил, что она всегда запирала его и, смеясь, говорила Марку, что кое-что женщина должна держать в секрете даже от мужа. Замок заржавел и от удара открылся.

Марк было защелкнул замок, как вдруг заметил торчащий из-под крышки край белого платья. В ткани было что-то знакомое. Марк видел точно такой же материал совсем недавно — он вызывал воспоминание о морской пене и снеге.

Марк поднял крышку и дрожащими руками достал платье. Да, оно было похоже на падающий снег. Потом, осторожно свернув, он положил его в чемодан и закрыл крышку, а сам чемодан поставил обратно на полку.

Позавчера я увидела кролика, вчера — оленя, а сегодня — вас.

По крыше барабанил дождь. Горло так сдавило, что на мгновение Марку показалось — вот-вот он разрыдается. Медленно спустился он по лестнице с чердака, а затем по витой лестнице со второго этажа в гостиную. Часы на камине показывали четырнадцать минут одиннадцатого. Через несколько минут она выйдет на углу из автобуса и пойдет по улице к дому. Пойдет Анна... Джулия. А может быть, Джулианна?

Наверно, так ее и зовут. Люди неизменно сохраняют хотя бы часть прежнего имени, когда меняют фамилии. Скрываясь от полиции времени, она, наверно, не только переменила фамилию, но и приняла еще кое-какие меры. Не удивительно, что она никогда не хотела фотографироваться! А сколько страху она, должно быть, натерпелась в тот далекий день, когда вошла в его контору и робко спросила, нет ли места! Совсем одна в чужом мире, не зная, верна ли отцовская кон-

цепция времени, не зная, будет ли человек, полюбивший ее в сорок лет, испытывать к ней те же чувства, когда ему будет только двадцать. Она все-таки вернулась, вернулась, как и обещала.

Двадцать лет, с удивлением думал он, и все эти годы она знала, что в один прекрасный день я подымусь на холм и увижу ее, молодую и красивую, стоящую на солнце, и снова влюблюсь в нее. Она должна была знать, потому что это было ее прошлое и мое будущее. Но почему она ничего не сказала мне? Почему не говорит теперь?

И вдруг он понял.

Ему стало трудно дышать. Надев в передней плащ, он вышел на дождь. Он шел по дорожке сада, а дождь хлестал по лицу, и по щекам текли капли, дождевые капли и... слезы. Как могла такая красавица, как Анна... как Джулия, бояться старости? Разве не поняла она, что в его глазах она не может состариться, что для него она не постарела ни на один день с той минуты, как он оторвал взгляд от бумаг и увидел ее, робко стоявшую в маленькой комнатенке, и тут же влюбился в нее. Разве не поняла она, почему девушка на холме показалась ему чужой?

Он вышел на улицу. Он был почти у остановки, когда подъехал автобус и из него вышла женщина в белом плаще. Горло сдавило так, что он совсем не мог дышать. Золотистые волосы теперь пожелтели, девичья прелесть исчезла, но ее нежное лицо оставалось милым и привлекательным, а длинные стройные ноги при тусклом свете уличных фонарей казались изящнее, чем при ярком сиянии сентябрьского солнца.

Она пошла ему навстречу, и он увидел в ее глазах хорошо знакомый страх, страх, невыносимый теперь, когда он знал его причину. Лицо ее стало расплываться, и он, ничего не видя, устремился к ней. Когда они встретились, глаза Марка снова стали видеть ясно, и, протянув руку, он дотронулся до ее мокрой от дождя щеки. Она все поняла, и страх из ее глаз исчез навсегда. Взявшись за руки, они пошли под дождем домой.

ГЕНРИ КАТТНЕР

СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

У нашего Лемуэля три ноги, и мы прозвали его Неотразимчиком. Когда началась война Севера и Юга, Лемуэль уже подрос, и ему пришлось прятать лишнюю ногу между лопаток, чтобы не возбуждать подозрений и сплетен. Нога под одеждой на спине делала его похожим на верблюда, иногда она дергалась от усталости и била его по позвоночнику, однако все это не очень беспокоило Лемуэля. Ведь его принимали за обыкновенного двуногого! И он был счастлив.

Мы, Хогбены, на своем веку не раз попадали в передряги. Теперь каша заварилась из-за беспечности Неотразимчика. Он ко всему относился спустя рукава.

Не виделись мы с Лемуэлем лет шестьдесят. Он жил в горах на Юге, а вся наша семья — в Северном Кентукки. Вначале мы решили добраться к нему по воздуху, но когда подлетели к Пайпервилю, собаки на земле невероятно разбрехались, жители высыпали из домов и уставились на небо. Мы вынуждены были вернуться. Папин па сказал, что придется отправиться в гости к родственнику обычным способом, как все люди. Я не люблю путешествовать ни по суше, ни по морю. Когда мы в 1620 году плыли к Плимут-Року, мне вывернуло всю душу. Куда приятнее летать! Но с дедом мы никогда не спорили, папин па у нас глава семьи.

Папин па взял где-то напрокат грузовик и туда уложили все пожитки. Правда, не сразу нашлось место малышу — он весил около трехсот фунтов, и корыто, в которое его поместили, занимало чудовищно много места. Зато с дедом обошлось без хлопот: мы положи-

ли его в старый джутовый мешок и засунули под сиденье. Сборы, конечно, легли на мои плечи. Па выпил пшеничной водки и все только прыгал на голове и напевал: «Летит планета кувырком, кувырком, кувырком...». А дядюшка вообще не захотел ехать. Он улегся под ясли в хлеву и сказал, что погружается лет на десять в спячку.

— И чего вам дома не сидится? — бурчал он. — Полтыщи лет вы ежегодно весной отправляетесь куда-то мотаться! Нет уж, я вам больше не компания...

Так и уехали без него.

Когда наши переселились в Кентукки, рассказывали мне, там было голое место, и пришлось изрядно попотеть, чтобы устроиться. Однако Неотразимчик не захотел корпеть над постройкой дома и улетел на юг. Там он зажил тихой дремотной жизнью, просыпаясь по-настоящему раз в год-два, чтобы как следует выпить. Лишь тогда с ним налаживалась мозговая связь.

Оказалось, Лемуэль устроился на развалившейся мельнице в горах над Пайпервилем. Когда мы подъехали, то первым долгом увидали на балконе Лемуэлевы бакенбарды. Сам Неотразимчик похрапывал в опрокинувшемся кресле — очевидно, сон был приятный, и он не проснулся, когда упал. Будить мы Лемуэля не стали. Корыто затащили в дом общими усилиями, а потом па и папин па выгрузили спиртное.

Поначалу у всех было хлопот полон рот — в доме не нашлось ни крошки. Наш Неотразимчик побил все рекорды сибаритства: даже не варил горячего. Он приноровился гипнотизировать обитавших в окрестных лесах енотов, и те сами являлись к нему на обед. И до чего только может дойти лень! Еноты очень ловко действуют лапками, и Лемуэль заставлял их раскладывать костер и самих себя поджаривать. Интересно, свежевал он зверей или нет? А когда Неотразимчику хотелось пить, он — стыдно сказать! — собирал над головой небольшую тучку и устраивал дождь прямо себе в рот.

Впрочем, сейчас нам было не до Лемуэля. Ма раскладывала вещи, па присосался к кувшину пшеничной, и мне снова пришлось на своей спине таскать тяжести. Все это было бы еще полбеды, но на мельнице не ока-

залось никакого электрического генератора! А наш малыш жить не мог без электричества, да и папин па пил его как верблюд. Неотразимчик, конечно, пальцем о палец не ударил, чтобы поддерживать воду в запруде на должном уровне, и вместо реки по высохшему руслу тек тощий ручеек. Нам с ма пришлось здорово пораскинуть мозгами, пока мы не соорудили в курятнике печку.

Однако настоящие неприятности начались после того, как о нашем приезде пронюхали местные власти.

В один прекрасный день, когда ма стирала во дворе, заявился какой-то плюгавый тип и страшно удивился, завидев нас (я как раз тоже вышел из дому).

— Хороший выдался денек, — сказала ма, — не хотите ли выпить, сударь?

Незнакомец ответил, что не прочь, и я зачерпнул ему ковш нашей пшеничной. От первого глотка он чуть не задохся, затем поблагодарил и допил, однако повторить не захотел, а сказал, что, если мы так гостеприимны, пусть лучше дадим ему раскаленный гвоздь и он его с удовольствием проглотит.

— Недавно приехали? — спросил он.

— Да, — ответила ма, — в гости к родственнику.

Плюгавый взглянул на балкон, где восседал спавший каменным сном Неотразимчик:

— А он, по-вашему, жив?

— Будьте уверены, — ответила ма, — как огурчик.

— Мы думали, он давно умер, — сказал плюгавый, — даже избирательный налог с него не взимали. Теперь, надеюсь, и вы будете платить, раз поселились здесь. Сколько вас народу?

— Человек шесть.

— Все совершеннолетние?

— У нас, значит, па, да этот — Сонк, да малыш...

— Сколько ребенку?

— Он совсем крошка, ему и четырехсот не будет, правда, ма? — вмешался я.

Но ма влепила мне затрещину и приказала не перебивать старших. Плюгавый ткнул пальцем в мою сторону и сказал, что не в силах определить мой возраст, и я готов был провалиться сквозь землю, так как сбил-

ся со счета еще при Кромвеле и теперь сам не знал, сколько мне лет. В конце концов плюгавый решил взимать избирательный налог со всех, за исключением малыша.

— Но это еще не главное, — сказал он, что-то помечая в своей книжечке. — Вы должны правильно голосовать. У нас в Пайпервиле один босс — Эли Гэнди, и организация у него работает как часы... С вас со всех двадцать долларов.

Ма отправила меня поискать денег. Но у папиного па оказался только один денарий, и он сказал, что стащил его еще у какого-то Юлия Цезаря и денарий дорог ему как сувенир, па опустошил кувшин пшеничной и от него я ничего не добился, а у малыша нашлось всего три доллара. В карманах Неотразимчика я обнаружил лишь старое скворчиное гнездо и в нем два яйца.

— Ничего, утро вечера мудреней, — сказал я и спросил у плюгавого: — А золото вы берете, мистер?

Ма опять влепила мне затрещину, плюгавый же страшно развеселился и сказал, что золотом будет еще лучше. Наконец он вышел и направился в лес и вдруг припустил так, что пятки засверкали: навстречу ему попался енот с пучком веточек в лапках для костра. Значит, наш Лемуэль проголодался.

Я стал искать металлолом, чтобы к завтрашнему дню превратить его в золото, но назавтра мы уже очутились за решеткой.

Мы все могли читать мысли обыкновенных людей и заранее узнали об аресте, но не стали ничего предпринимать. Папин па собрал всех, кроме малыша и Неотразимчика, на чердаке и объяснил, что нам надо хранить втайне свои способности и не возбуждать подозрений местных жителей.

Во время его спича я загляделся на паутину в углу, и папин па заставил мои глазные яблоки повернуться в его сторону, а затем продолжал:

— Стыдно мне за здешних мошенников, но нам лучше им не перечить. Инквизиции теперь нет, и нашему здоровью ничто не угрожает.

— Может, лучше спрятать печку? — спросил было

я, но получил от ма очередную затрещину за то, что перебиваю старших.

— Только хуже будет, — пояснила она на словах. — Утром здесь шныряли сыщики из Пайпервиля и все высмотрели.

— Вы пещеру нод домом сделали? — спросил папин па. — Вот и отлично. Спрячьте нас с малышом в пещере, а сами идите. — И добавил со старинной вычурностью, которую любил: — Сколь жалка судьба человека, засидевшегося на этом грешном свете и дожившего до мрака времен, освещаемых лишь солнцем доллара. Пусть встанут деньги мошенникам поперек горла... Не надо, Сонк, я сказал просто так, не заставляй их глотать доллары. Постараемся, дети, не обращать на себя излишнего внимания. Как-нибудь выкрутимся.

Папин па с малышом залез в пещеру, а нас всех арестовали и отправили в Пайпервиль, где поместили в здание со множеством клеток, похожее на птичник. Похрапывавшего Неотразимчика тоже выволокли, он так и не проснулся.

В птичнике-тюрьме па применил свой любимый трюк и ухитрился напиться. Надо вам сказать, это даже был не трюк и не фокус, а настоящая магия. Сам па не мог его толком объяснить и сбивался на какую-то чертовщину. Он говорил, например, что алкоголь в теле человека превращается в сахар. Но как же он превратится в теле в сахар, если попадает не в тело, а в живот? Тут без колдовства не обойдешься. Мало того, па говорил еще, что с помощью ферментов навострился сахар у себя в крови превращать обратно в алкоголь и оставаться навеселе, сколько хочешь. Видно, эти его приятели ферменты были форменные чернокнижники! Правда, он чаще отдавал предпочтение натуральному спиртному, но проделки колдунов ферментов не раз сбивали меня с панталыку...

Из тюрьмы меня привели в какое-то помещение, заполненное людьми, предложили стул и начали допрашивать. Я прикинулся дурачком и твердил, что ничего не знаю. Но вдруг один субъект объявил:

— Эти горцы абсолютно первобытные люди, одна-

ко у них в курятнике урановый реактор! И они, конечно, не могли построить его сами!

Публику настоящий столбняк хватил.

Затем они снова начали приставать ко мне с вопросами, но ничего не добились и отвели обратно в камеру.

Постель моя кишела клопами. Чтобы их уничтожить, я выпустил из глаз особые лучики и только тогда заметил тщедушного человека с воспаленными небритыми щеками, проснувшегося на верхних нарах. Он изумленно уставился на меня и быстро-быстро моргал.

— Во всяких тюрьмах я гнил и с кем только не скучал у одного рундука, но с дьяволом в одной дыре первый раз. Меня зовут Амбрустер, Стинки Амбрустер, сижу за бродяжничество. А ты за что, приятель? Прикармапивал души по бешеной цене?

— Рад познакомиться, — сказал я. — Вы, наверное, страшно образованный человек, я таких изысканных выражений ни от кого не слыхал... Нас притащили сюда без всяких объяснений, всех взяли, даже спавшего Лемуэля и подвыпившего па.

— Я бы тоже с удовольствием шарахнул стаканчик-другой, — заметил мистер Амбрустер. — Может, тогда у меня не лезли бы глаза на лоб оттого, что ты ходишь, не касаясь ногами пола.

Я действительно был несколько выбит допросом из колеи и забылся. Получилось, что я на глазах у чужих валяю дурака. Я рассыпался в извинениях.

— Ничего, ничего, я давно всего этого ждал, — заворочался мистер Амбрустер и поскреб щетину на щеках. — Пожил я, покуролесил в свое удовольствие, вот и начал ум за разум заходить... Почему же, однако, вас всех арестовали?

— Они говорят, из-за реактора, где мы расщепляем уран, но это ерунда. Зачем я буду щепать уран? Вот лучину щепать — другое дело...

— Отдай ты им этот реактор, а то не отвяжутся. Здесь идет крупная политическая игра — через неделю выборы. Начали было поговаривать о реформах, да старина Гэнди всем глотки заткнул.

— Все это очень интересно, но нам надо поскорей домой.

— А где вы живете?

Я сказал, и мистер Амбрустер задумался:

— Наверное, ваш дом на той реке, то есть ручье... на Большой Медведице?

— Там даже не ручей, а ручеек.

— Гэнди называет его рекой Большой Медведицы! — рассмеялся мистер Амбрустер. — И заработал на этом названии кучу денег! Ручей пятьдесят лет как высох, но десять лет назад Гэнди построил на нем дамбу ниже вашей мельницы и отхватил жирный куш. Дамба так и называется: Гэнди-дамба.

— Неужели он сумел обратить дамбу в деньги?

— Ага, значит, сам дьявол этого не может? А Гэнди может. У него в руках газеты, а это все равно что открытый банковский счет, хо-хо! Гэнди взял и провел себе ассигнования на строительство... Кажется, за нами.

Вошел человек со связкой ключей и увел мистера Амбрустера. Скоро пришли и за мной. Я очутился в большой ярко освещенной комнате, где были и па, и ма, и Неотразимчик, и мистер Амбрустер, и еще какие-то рослые парни с пистолетами. Кроме них, там сидел тощий сморщенный коротышка с голым черепом и подлыми глазенками. Этого лысого все слушались и называли мистером Гэнди.

— Мальчишка, по-моему, довольно глуповат, — заговорил мистер Амбрустер, когда я вошел. — Если он и сделал что плохое, то не нарочно.

Однако на него прикрикнули и стукнули по голове, а этот мистер Гэнди взглянул из угла на меня по-змеиному и спросил:

— Кто вам помогает, мальчик? Кто построил атомную электростанцию в сарае? Отвечай правду, или тебе сделают больно.

Я так поглядел на него, что меня немедленно тоже стукнули по макушке. Вот чудаки, не знают, какая крепкая у Хогбенов голова. Меня дикари пробовали каменными топорами по голове бить, да все племя до того уморилось, что пикнуть сил не хватило, когда

я их стал потом топить. Но мой сосед по камере заволновался.

— Послушайте, мистер Гэнди... Я, конечно, понимаю, какая грандиозная сенсация будет, если вы докопаетесь, кто смастерил реактор, только вы и без того победите на выборах. А вдруг там и нет никакого реактора?

— Я знаю, кто его построил, — сказал мистер Гэнди. — Беглые нацистские преступники или предатели-физики. Я не успокоюсь, пока не найду виновных!

— Ого, значит, вам нужен шум на всю Америку, — сказал мистер Амбрустер. — Наверное, метите в губернаторы или в сенаторы, а то и на самую верхотуру?

— Мальчишка что-нибудь тебе рассказывал? — спросил мистер Гэнди.

Мистер Амбрустер сказал, что я ничего не говорил. Тогда они принялись за Лемуэля, но только зря потеряли время. Наш Неотразимчик любил и умел спать. Вдобавок при его лени он не давал себе труда дышать во сне, и люди мистера Гэнди даже засомневались, жив ли он.

На тем временем успел связаться со своими приятелями ферментами, и от него тоже ничего нельзя было добиться. Они попробовали вразумить его куском шланга, но он в ответ на удары только глупо хихикал, и мне было ужасно стыдно.

Зато ма не посмели пальцем тронуть. А если кто подходил к ней, она вся бледнела, покрывалась испариной, вздрагивала, и наглец отлетал прочь, словно от здоровенного толчка. Помню, как-то один дока сказал, будто у нее в организме есть орган вроде ультразвукового лазера. Но это вранье и ученая тарабарщина! Ма просто испускала свист, которого никто не слышал, и направляла его в цель, как охотник пулю в глаз белки. Я и сам так мог.

Наконец мистер Гэнди приказал отправить всех обратно в тюрьму, пригрозив еще взяться за нас всерьез. Неотразимчика выволокли, остальных развели по камерам.

Мистер Амбрустер стонал на нарах, крохотная лампочка с утиное яйцо освещала его голову и шишку

на ней. Пришлось облучить ему голову невидимыми лучами, действовавшими как припарка (не знаю, что это были за лучи, но я мог пускать и такие из глаз). Шишка исчезла, мистер Амбрустер перестал стонать.

— Ну и в переплет ты попал, Сонк, — проговорил он (еще раньше я назвал ему свое имя). — У Гэнди планы: о-го-го! Он уже околпачил Пайпервиль, теперь хочет прибрать к рукам штат или даже целиком страну... А для этого ему нужно сперва прогреметь на всю Америку. Заодно и переизбрание в мэры подмажет, хотя город у него уже в кармане... А может, там у вас все-таки был реактор?

Я вытаращил глаза.

— Гэнди уверен на все сто, — продолжал мистер Амбрустер. — Он посылал физиков, и я своими ушами слышал, как они докладывали про обнаруженный у вас уран-235 и графитовые стержни. Мой совет: скажи им, кто вам помогал. А то они напичкают тебя лекарствами, от которых начинаешь говорить правду.

Однако в ответ я лишь посоветовал мистеру Амбрустеру отоспаться — меня уже звал папин па. Я вслушивался в его голос, звучавший в моем мозгу, но перебивал па, успевший опохмелиться.

— А ну-ка, сынок, выпей, промочи горлышко, — веселился па.

— Заткнись, несчастная букашка! — строго перебил его папин па. — Прекрати болтовню и отсоединись. Сонк!

— Да, папин па.

— Надо бы обмозговать план действий...

— А все-таки, почему бы тебе не опохмелиться? — не отставал па.

— Перестань, па! — не выдержал я. — Имей уважение к старшим, к своему отцу. И потом, как ты дашь мне опохмелиться, если мы в разных камерах?!

— Очень просто: свяжу наши жилы, по которым течет кровь, в одно замкнутое кольцо и перекачаю образовавшийся во мне алкоголь к тебе. В науке это называется телепатической трансфузией. Гляди!

Перед моим мысленным взором возникла посланная па схема. Действительно, все было очень просто.

Просто для Хогбенов, разумеется. Но я еще больше разозлился.

— Не заставляй, па, своего любящего сына терять последнее уважение к родителю и называть его старым пнем. Не щеголяй этими теперешними словечками, я же знаю, что ты ни разу книги в руках не держал, а просто читаешь чужие мысли и хватаешь верхушки.

— Да ты выпей, выпей! — твердил па.

— Кражи мудрости прямо из чужих голов, — хихикнул папин па. — Я тоже иногда так делал. А еще я могу быстренько состряпать у себя в крови возбудителя мигрени и подбросить его тебе, бездонная ты бочка!.. Теперь, Сонк, твой проказник па не будет нас прерывать.

— Слушаю тебя, — ответил я. — Как у вас там?

— Мы отлично устроились.

— А малыш?

— И он тоже. Но, Сонк, тебе придется поработать. Оказывается, все наши нынешние беды от печки, или... как ее теперь называют?.. От ядерного реактора.

— Я тоже догадался.

— Кто бы мог подумать, что они раскусят нашу печку? Такими печками пользовались во времена моего деда, у него я научился их делать. От этих ядерных печек и мы сами, Хогбены, получились, потому что в них... как же теперь это называется?.. Здесь, в Пайпервиле, есть ученые люди, пошарю-ка я у них в головах...

При моих дедах, — через некоторое время продолжил папин па, — люди научились расщеплять атом. Возникла радиация, подействовала на гены, и в результате домининантных мутаций появилось наше семейство. Все Хогбены — мутанты.

— Про это нам вроде еще Роджер Бэкон-* говорил?

---

* Великий английский ученый XIII века н. э. Предполагают, что он изобрел, в частности, очки, микроскоп, телескоп. Ему приписывают иногда создание пороха. Он сделал немало открытий в химии, физиологии и ряде других областей науки. Призывал к внедрению математики во все науки.

— Ага! Но он был наш приятель и с другими про нас не распространялся. Если бы в его время люди узнали о наших необыкновенных способностях, они бы постарались нас всех сжечь. Даже теперь нам небезопасно являться людям... Со временем, конечно, мы насчет этого что-нибудь предпримем...

— Я знаю, — прервал я. (Мы, Хогбены, не имеем тайн друг от друга.)

— А пока у нас получилась закавыка. Люди снова научились расщеплять атом и догадались, какую такую печку соорудили мы в курятнике. Нужно ее уничтожить, чтобы от нас отстали. Однако малыш и я без электричества не обойдемся, и придется получать его не от ядерной печи, а более сложным путем. Вот что ты устроишь...

Скоро я принялся за работу.

У меня есть способность поворачивать глаза так, что становится видна сущность вещей. Глянул я, к примеру, на оконную решетку, и вижу — вся она состоит из крошечных смешных штучек, которые трясутся, бестолково топчутся на одном месте и вообще суетятся, будто верующие, собирающиеся к воскресной обедне. Теперь их, слышно, называют атомами. Усыпив предварительно мистера Амбрустера, я начал строить из атомов, как из кирпичиков, нужные мне комбинации. Вначале, правда, я ошибся и превратил железную решетку в золотую, но тут же поправился и растворил ее в воздухе. Очутившись снаружи, я загнал атомы на старые места, и в окне опять возникла решетка.

Камера моя находилась на седьмом этаже здания, половину которого занимала мэрия, а другую — тюрьма. Уже стемнело, и я вылетел незамеченным. Увязавшуюся за мной сову я сбил плевком.

Атомную печку охраняла стража с фонарями, пришлось застыть сверху и все делать на расстоянии. Вначале я испарил черные штуковины — графит, как их окрестил мистер Амбрустер. Потом взялся за дрова, или, по его словам, за уран-235, обратил его в свинец, а свинец — в пыль, и ее быстро сдуло ветром.

Покончив с реактором, я полетел к истокам ручья. Вода бежала по его дну тоненькой струйкой, в горах тоже оказалось сухо, а папин па говорил, воды нам нужно полное русло. Тут как раз он сообщил мне, что малыш хнычет. Надо бы, конечно, сперва отыскать надежный источник энергии и уже потом ломать печку. Оставалось одно — дождь.

Однако раньше я слетал на мельницу, сотворил и поставил электрогенератор.

Поднявшись в облака, я начал охлаждать одно из них, разразилась гроза, и хлынул ливень. Но у подножия гор ручей был по-прежнему сух. После непродолжительных поисков я заметил провал в дне ручья. Вот отчего пятьдесят лет тут и воробей не мог напиться!

Я быстренько заделал дыру, на всякий случай отыскал несколько подземных ключей и вывел их на поверхность, а затем полетел на мельницу.

Дождь лил как из ведра, и стража, очевидно, ушла сушиться, подумал я. Но папин па сказал, что, когда захныкал наш младенец, они позатыкали уши пальцами и с воплями разбежались кто куда. Он приказал мне осмотреть мельничное колесо. Починка требовалась небольшая, да и дерево за несколько веков сделалось мореным. Ну и хитроумная штука было это колесо! Воды в ручье все прибывало, а колесо вертелось, и хоть бы хны! В старину умели строить! Но папин па сказал, что я еще не видел Аппиеву дорогу, сделанную древними римлянами, — мостовая до сих пор как новенькая.

Устроив его с малышом, как птенчиков в гнездышке, я полетел к Пайпервилю. Занималась заря, и теперь за мной увязался голубь. Пришлось и на него плюнуть, а то нас бы обоих заметили.

В тюрьме-мэрии по всем этажам бегали служители с растерянными физиономиями. А ма сообщила мне, что, обратившись невидимками, они с па и Лемуэлем собрались посовещаться в большой камере на краю тюремного блока. Да, забыл сказать, что я тоже сделался невидимым, когда проник в свою камеру взглянуть, не проснулся ли мистер Амбрустер.

— Папин па известил нас, что все в порядке, — сказала ма. — Нам, кажется, можно отправляться домой. А дождь сильный?

— Ливень что надо. Чего это они тут так суетятся?

— Никак не поймут, куда мы подевались и где ты. Полетим на мельницу, когда разойдутся тюремщики.

— Все устроено, как велел папин па, — начал рассказывать я, но вдруг на другом конце коридора раздались изумленные возгласы.

Затем к дверной решетке нашей камеры вперевалку подошел заматерелый жирный енот с пучком веточек, уселся на задние лапки и стал раскладывать костер. Глазки у зверька были удивленные-удивленные. Должно быть, наш Неотразимчик загипнотизировал его, не просыпаясь.

Перед решеткой собралась куча любопытных, но глядели они, разумеется, не на нас — мы оставались невидимы, а на енота. Мне лично уже случалось наблюдать, как еноты разжигают костер, но хотелось поглядеть, не заставляет ли Неотразимчик зверей самих сдирать с себя шкуру. Однако только енот приготовился свежевать себя, один из полицейских сграбастал его в сумку и унес.

К этому времени совсем рассвело. Откуда-то донеслись крики, а потом завопил голос, показавшийся мне знакомым.

— Ма, — сказал я, — мне бы нужно посмотреть, что делают с бедным мистером Амбрустером.

— Нет, нет, пора вытаскивать малыша и деда из пещеры! — приказала она. — Говоришь, мельничное колесо вертится?

— Еще как вертится! Электричества теперь хватит.

Ма нашарила рядом с собой па и дала ему тычка:

— Вставай, живо!

— Может, сперва выпьем? — заикнулся было па, однако ма поставила его на ноги и сказала, что хватит, надо спешить домой.

Я тем временем уничтожил оконную решетку. Хотя дождь еще не перестал, ма сказала, мы не сахарные, не растаем. Они с па подхватили храпевшего Неотразимчика под мышки и полетели. Все трое оставались

невидимыми, так как перед тюрьмой-мэрией зачем-то собралась громадная толпа.

— Марш за нами! — крикнула мне ма. — А то нашлепаю!

— Сейчас! — ответил я, но остался.

Оказалось, что мистера Амбрустера снова отвели на допрос в зал. У окна опять стоял мистер Гэнди и сверлил беднягу своими змеиными глазками, а двое типов закатали мистеру Амбрустеру рукав и готовились проткнуть ему руку какой-то стеклянной штукой с тонким наконечником. Ах, подонки! Я вышел из состояния невидимости и крикнул им:

— Не смейте трогать этого человека!

В ответ кто-то завизжал:

— Хогбенский щенок, держите его!

Я позволил им схватить себя и очутился втиснутым в кресло. Рукав мне тоже закатали.

— Нечего с ним церемониться, впрыснуть ему сыворотку правдивости, — хищно усмехнулся мне в лицо мистер Гэнди, — теперь этот бродяга ничего не утаит.

Мистера Амбрустера они порядком отделали, но он стоял на своем и лепетал:

— Не знаю я, куда девался Сонк. Знал бы, так сказал. Не знаю я, куда...

Ударом по голове его заставили замолчать, и мистер Гэнди, чуть не стукнувшись носом о мой нос, прошипел:

— Сейчас мы узнаем, откуда у вас ядерный реактор! Один укол — и у тебя мигом развяжется язык. Понял?

Тут же мне в руку загнали острый конец стеклянной штуки и впрыснули сыворотку. Но на меня она подействовала вроде щекотки, и я опять отвечал, что ничего не знаю. Тогда Гэнди приказал сделать мне еще укол, но я твердил свое, хотя щекотало больше.

Внезапно кто-то вбежал в комнату и заорал:

— Дамба рухнула! Смыло Гэнди-дамбу! Половина ферм южной долины в воде!

Мистер Гэнди отпрянул как ужаленный и взвизгнул:

— Вы бредите! Это невозможно! В реке Большой Медведицы сто лет не было воды!

Однако через несколько мгновений все сбились в кучу и зашептались о каких-то образцах грунта и о сборище перед парадной лестницей.

— Вы бы успокоили их, мистер Гэнди, — посоветовал кто-то. — Они так и кипят. Ведь как-никак поля затопило...

— Я с ними поговорю и все улажу, тем более что толком еще ничего не известно, а выборы через неделю.

И мистер Гэнди исчез в дверях. Остальные кинулись за ним. Тогда я встал и начал чесаться — вся кожа сильно зудела. Ну, погоди, мистер Гэнди, я начинаю злиться!

— Давай удерем, — предложил мистер Амбрустер. — Другого такого случая у нас не будет.

Выскочив черным ходом, мы обежали здание и перед фасадом увидели огромную толпу. Наверху парадной лестницы стоял мистер Гэнди, а к нему подступал рослый широкоплечий парень. В руке у парня был здоровенный каменный обломок.

— Я не знаю таких плотин, которые не имели бы предела прочности,— возгласил мистер Гэнди.

Но парень потряс обломком над головой и проревел:

— А что такое плохой бетон, ты знаешь? Тут же один песок! Дамбу из этого бетона можно размыть галлоном воды!

— Отвратительно, мерзко! — затряс головой мистер Гэнди. — Я возмущаюсь вместе с вами и заверяю всех, что со стороны властей контракт выполнялся добросовестно. И если компания «Аякс» пустила в дело некондиционные материалы, мы выведем ее на чистую воду!

А у меня уже страшно чесалось все тело и стало совсем невтерпеж. Надо было что-то предпринять.

Здоровяк с обломком бетона сделал шаг назад, ткнул пальцем в сторону мистера Гэнди и спросил:

— А знаешь, поговаривают, будто в компании «Аякс» хозяйничаешь тоже ты?

Мистер Гэнди открыл рот, потом закрыл, затрясся и вдруг сказал:

— Да, «Аякс» принадлежит мне.

Вы бы слышали, что за рев пронесся по толпе! А парень чуть не задохся от возмущения.

— И ты это открыто признаешь?! Значит, ты знал, из какого дерьма построена дамба? Говори, сколько прикарманил.

— Одиннадцать тысяч долларов, — смиренно признался мистер Гэнди. — Остальное пошло шерифу, членам городского управления и...

Но взбешенная толпа кинулась вверх по лестнице, и больше мы не услышали от мистера Гэнди ни слова.

— Ну и ну! Впервые в жизни вижу такие чудеса, — сказал мистер Амбрустер. — Что это стряслось с Гэнди, Сонк? Уж не рехнулся ли он?.. А черт с ним, зато теперешнюю администрацию разгонят, вышвырнут всех мошенников, и мы заживем в Пайпервиле райской жизнью... Если только я не двину на юг. Зимой я всегда перекочевываю поближе к солнцу... Нет, сегодня настоящий день чудес: у меня в кармане откуда-то народилось несколько монет! Пошли выпьем по этому случаю.

— Благодарю вас, но как бы ма не стала беспокоиться, — ответил я. — Так вы думаете, мистер Амбрустер, в Пайпервиле отныне все пойдет тихомирно?

— Еще бы нет... Хотя, пожалуй, не сразу. Гляди, старину Гэнди волокут в тюрьму. Попался, который кусался... Нет, мы обязательно должны это отпраздновать, Сонк! Куда ты провалился?

А я уже опять сделался невидимым. Зуд прошел, я полетел домой тянуть электропроводку. Вода скоро пошла на убыль, но благодаря заткнутому провалу и открытым в верховьях ключам энергией мы были обеспечены.

С тех пор мы зажили мирной жизнью. Мирная жизнь и безопасность нам, Хогбенам, дороже всего.

Папин па говорил потом, что наводнение мы устроили неплохое, хотя и номеньше того, про которое ему рассказывал его папин па. В Атлантиде во

времена прапапина па тоже умели строить атомные печки. Но эти атланты были настоящие головотяпы — добыли целые горы урана, и все полетело вверх тормашками, дело кончилось всемирным потопом. Прапапин па еле ноги унес, Атлантида потонула, никто про нее теперь и не помнит.

Хотя мистера Гэнди упекли в тюрьму, никто от него не добился, почему он так разоткровенничался перед народом. Говорили, будто бы на него помрачение ума нашло. Но я-то знал, в чем была загвоздка.

Помните колдовской трюк моего на: телепатическую трансфузию алкоголя из его крови в мою? Так вот, когда меня одолела чесотка после введения сыворотки правдивости, я взял и проделал этот папин трюк с мистером Гэнди. Он стал резать правду-матку, а у меня зуд как рукой сняло.

Этаких прохвостов только колдовством и можно заставить говорить правду.

АЛЬФРЕД БЕСТЕР

ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА РАННЯЯ

Мужчине, сидевшему за рулем, было тридцать восемь лет. В его коротко остриженных волосах блестела преждевременная седина. Высокий, худощавый, слабосильный, он обладал двумя сомнительными преимуществами: образованностью и чувством юмора. Он был одержим какой-то идеей. Вооружен телефонной книгой. И обречен.

Свернув на Пост-авеню, он остановил машину у дома № 17. Заглянул в телефонную книгу, потом вылез из машины и вошел в подъезд. Окинув взглядом почтовые ящики, он взбежал по лестнице к квартире 2-ф. Нажал на кнопку звонка и в ожидании, пока ему откроют, вынул черный блокнотик и великолепный серебряный карандаш с четырьмя цветными грифелями.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Миссис Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился он к даме средних лет с ничем не примечательной наружностью.

Дама кивнула.

— Моя фамилия Фостер. Я из научно-исследовательского института. Мы занимаемся проверкой слухов относительно летающих блюдец. Я вас не задержу.

Мистер Фостер протиснулся в прихожую. Он побывал уже в стольких квартирах, что почти машиналь-

но двигался в нужном направлении. Быстро пройдя по прихожей, он вошел в гостиную, с улыбкой повернулся к миссис Бьюкенен, раскрыл блокнотик на чистой странице и нацелился карандашом.

— Вы видели когда-нибудь летающее блюдце, миссис Бьюкенен?

— Нет. И вообще это чушь. Мне...

— А ваши дети видели их? У вас ведь есть дети?

— Есть. Но...

— Сколько?

— Двое. Только никаких летающих блюдец...

— Они посещают школу?

— Что?!

— Школу, — нетерпеливо повторил мистер Фостер. — Ходят они в школу?

— Моему сыну двадцать восемь лет, — ответила миссис Бьюкенен. — А дочери — двадцать четыре. Они окончили школу задолго до....

— Понятно. Сын, очевидно, уже женат, а дочь замужем?

— Нет. Еще нет. А вот насчет летающих блюдец вам, ученым, следовало бы...

— Мы так и делаем, — перебил ее мистер Фостер. Он что-то поспешно нацарапал в блокноте, затем захлопнул его и сунул вместе с карандашом в карман.

— Очень вам благодарен, миссис Бьюкенен, — проговорил он и повернулся к выходу.

На улице мистер Фостер снова вошел в машину, открыл телефонную книгу и, отыскав там нужную фамилию, вычеркнул ее. Затем он занялся следующей по списку фамилией и, хорошенько запомнив адрес, двинулся в путь. На сей раз он отправился на Форт Джордж-авеню и остановил машину против дома № 800. Он вошел в дом и поднялся на лифте на четвертый этаж. Нажал на кнопку звонка у квартиры 4-г и в ожидании, пока ему откроют, вытащил из кармана черный блокнотик и великолепный карандаш.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер! Мистер Бьюкенен, если не ошибаюсь? — обратился Фостер к мужчине свирепого вида.

— А вам-то что? — ответствовал тот.

— Моя фамилия Дэвис, — представился мистер Фостер. — Я из союза радиовещательных корпораций. Мы составляем сейчас список людей, удостоившихся премии. Вы разрешите мне войти? Я вас не задержу...

Мистер Фостер-Дэвис протиснулся в прихожую и через несколько мгновений уже беседовал в гостиной с мистером Бьюкененом и его рыжеволосой женой.

— Вы когда-нибудь получали премии на радио или телевидении?

— Никогда, — запальчиво ответил мистер Бьюкенен. — Такой возможности нам ни разу не представилось. Кому угодно, только не нам.

— Все эти холодильники и деньги, — заговорила миссис Бьюкенен. — И поездки в Париж на самолете и...

— Именно поэтому мы и составляем данный список, — перебил ее мистер Фостер-Дэвис. — А из ваших родственников тоже никто не получал премий?

— Да разве их возможно получить? Там ведь все заранее...

— А ваши дети?

— У нас нет детей.

— Понятно. Большое спасибо. — Мистер Фостер-Дэвис совершил уже известную нам манипуляцию с карандашом и блокнотом и спрятал их в карман. Ловко отделавшись от разгневанных Бьюкененов, он вернулся к своей машине, вычеркнул еще одну фамилию, внимательно прочел адрес, стоящий возле следующей, и отправился в путь.

Он подъехал к дому № 1215 по улице Ист-68. Это был красивый особняк, сложенный из темного песчаника. Дверь отворила горничная в накрахмаленном переднике и наколке.

— Добрый вечер, — поздоровался он. — Мистер Бьюкенен дома?

— А кто его спрашивает?

— Моя фамилия Хук, — ответил мистер Фостер-

Дэвис. — Я веду опрос по поручению Бюро Усовершенствования Деловых Взаимоотношений.

Горничная скрылась, затем вновь возникла и проводила мистера Фостера-Дэвиса-Хука в маленькую библиотеку, где стоял, держа в руках чашку и блюдечко из лиможского фарфора, решительного вида джентльмен в смокинге. На полках поблескивали корешками дорогие книги. В камине пылал настоящий огонь.

— Мистер Хук?

— Да, сэр, — ответил обреченный. На сей раз он обошелся без блокнотика. — Я вас не задержу, мистер Бьюкенен... Всего несколько вопросов.

— Я возлагаю огромные надежды на Бюро Усовершенствования, — провозгласил мистер Бьюкенен. — Наш главный оплот против вторжения...

— Благодарю вас, сэр, — прервал его мистер Фостер-Дэвис-Хук. — Случалось ли вам когда-нибудь терпеть материальный ущерб в результате мошеннических проделок какого-либо бизнесмена?

— Такие попытки предпринимались, но безуспешно.

— А ваши дети?.. У вас ведь есть дети?

— Мой сын еще, пожалуй, слишком юн, чтобы стать жертвой подобных покушений.

— Сколько же ему лет, мистер Бьюкенен?

— Десять.

— Может быть, в школе, сэр? Ведь существуют жулики, специализирующиеся по школам.

— В школе, где учится мой сын, это исключено.

— А какую школу он посещает, сэр?

— Заведение Германсона.

— Одна из лучших наших школ. Посещал он когда-нибудь обычную городскую?

— Никогда.

Обреченный вытащил карандаш и блокнотик. Сейчас ему и в самом деле надо было кое-что записать.

— А других детей у вас нет, мистер Бьюкенен?

— Дочь семнадцати лет.

Мистер Фостер-Дэвис-Хук задумался, начал было писать, но передумал и закрыл блокнот. Вежливо поблагодарив хозяина, он удалился, прежде чем тот

успел спросить у него удостоверение личности. Горничная выпустила его из дому, он торопливо сбежал с крыльца, открыл дверцу автомобиля, вошел, и в ту же секунду сокрушительный удар по голове сбил его с ног.

Когда обреченный пришел в себя, ему показалось, что он с похмелья. Он уже собирался было потащиться в ванную, когда осознал, что валяется на стуле, словно костюм, приготовленный для чистки. Он раскрыл глаза, и у него возникло ощущение, что он попал в подводный грот. Тогда он отчаянно заморгал, и вода схлынула.

Он находился в маленькой адвокатской конторе. Прямо перед ним стоял плечистый человек, похожий на расстригу Санта-Клауса. В стороне, на краешке стола, сидел, беспечно болтая ногами, тощий юноша со впалыми щеками и близко посаженными глазами.

— Вы меня слышите? — осведомился плечистый.

Обреченный промычал нечто утвердительное.

— А говорить вы можете?

Он снова замычал.

— А ну-ка полотенце, Джо! — весело произнес плечистый.

Тощий юноша слез со стола и, подойдя к стоявшему в углу умывальнику, намочил в воде полотенце. Потом встряхнул его, неторопливо подошел к стулу и вдруг, словно охваченный звериной яростью, наотмашь хлестнул по лицу избитого человека.

— Бога ради! — вскрикнул мистер Фостер-Дэвис-Хук.

— Вот так-то лучше, — сказал здоровяк. — Моя фамилия Герод. Уолтер Герод, адвокат. — Он подошел к столу, на котором лежали вещи, вынутые из карманов обреченного, взял в руки бумажник и показал его владельцу. — Ваша фамилия Варбек. Марион Перкин Варбек. Верно?

Тот уставился на бумажник, потом на Уолтера Герода, адвоката, и только после этого ответил на вопрос:

— Вы правы, моя фамилия Варбек. Впрочем, посторонним людям я никогда не представляюсь как Марион.

Новый удар мокрым полотенцем по лицу, и мистер Варбек навзничь рухнул на стул.

— Довольно, Джо, — проговорил Герод. — Прошу не повторять впредь до особого распоряжения. — Затем он обратился к Варбеку: — Что это вас так заинтересовали Бьюкенены? — Он подождал ответа и приветливо продолжал: — Джо вас выслеживал. Вы обрабатывали в среднем по пять Бьюкененов за вечер. Всего тридцать. Куда вы целите?

— Да что это за дьявольщина наконец? — возмутился Варбек. — Какое право вы имели похищать меня и допрашивать таким образом? Если вы полагаете, что можно...

— Джо, — светским тоном прервал его Герод, — еще разок, пожалуйста.

Новый удар обрушился на Варбека. И тут от боли и бессильной ярости он разрыдался.

Герод небрежно вертел в руках бумажник.

— Судя по документам, вы учитель, директор школы. До сих пор я считал, что учителя чтят законы. Каким образом вы ввязались в этот рэкет с наследством?

— В какой рэкет? — слабым голосом спросил Варбек.

— С наследством, — терпеливо повторил Герод. — Дело наследников Бьюкенена. Как вы действовали? Вели переговоры лично?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — воскликнул Варбек. Он выпрямился на стуле и указал на тощего юнца: — И прекратите, пожалуйста, ваши штучки с полотенцем.

— Я попрошу меня не учить, — злобно отрезал Герод. — Я буду делать все, что мне заблагорассудится. Я не потерплю, чтобы кто-то наступал мне на пятки. Это дело дает мне семьдесят пять тысяч в год, и в нахлебниках я не нуждаюсь.

Наступило долгое, напряженное молчание, но обре-

ченный не понимал, чего от него ждут. Наконец он заговорил.

— Я человек образованный, — произнес он, медленно подбирая слова, — но в моем образовании есть пробелы. Спроси вы меня о Галилее или хоть о поэтах-роялистах, и я бы не ударил в грязь лицом. Однако то, что вас интересует, явно относится к пробелам. Здесь я бессилен. Слишком много неизвестных.

— Мою фамилию вы уже знаете, — ответил Герод. — А это Джо Давенпорт, — добавил он, указывая на тощего юношу.

Варбек покачал головой.

— Неизвестный в математическом смысле. Величина «икс». Система уравнений. Не забывайте, я человек образованный.

— О господи! — испуганно выдохнул Джо. — Он, кажется, и вправду чтит законы?

Герод пытливо вглядывался в обреченного.

— Сейчас я вам выложу все по порядку, — сказал он. — История эта очень давнишняя. В общем дело обстоит так: ходят слухи, что Джеймс Бьюкенен...

— Пятнадцатый президент Соединенных Штатов?

— Он самый. Ходят слухи, что он умер, не оставив завещания, а наследники так и не объявились. Было это в 1868 году. Сейчас благодаря начислениям сложных процентов его состояние стоит уже миллионы. Улавливаете?

Варбек кивнул.

— Я человек образованный, — пробормотал он.

— Каждый, кто носит фамилию Бьюкенен, мог бы претендовать на этот куш. Я разослал великое множество писем. Сообщил, что есть надежда оказаться в числе наследников. Желательно ли им, чтобы я навел справки и отстаивал их права на долю в наследстве? Все, что от них нотребуется в настоящее время, это выплачивать мне ежегодно небольшую сумму. Большинство клюнуло. Шлют мне деньги со всех концов страны. И вдруг вы...

— Одну минутку! — перебил его Варбек. — Я уже догадался. Вы обнаружили, что я посещаю людей, но-

сящих это имя, и решили, что я тоже хочу ввязаться в ваш рэкет? Примазаться... как это говорится?.. примазаться к тому же куску?

— Ну да, — сердито сказал Герод, — а что, разве не так?

— Великий боже! — вскричал Варбек. — Мог ли я ожидать чего-либо подобного? Я! Благодарю тебя, о господи! Благодарю. И никогда не устану благодарить. — Сияя от удовольствия, он повернулся к Джо. — Дайте-ка полотенце, Джо, — сказал он, — Нет, просто перебросьте. Мне надо вытереть лицо. — Он поймал на лету полотенце и с блаженной улыбкой принялся обтирать свое вспотевшее лицо.

— Ну, так как же, — снова заговорил Герод, — угадал я?..

— Нет, не угадали. У меня нет намерения примазываться к вашему куску. Но я вам очень благодарен за ошибку. Можете не сомневаться. Вы и не представляете себе, как лестно для учителя быть принятым за вора.

Он поднялся с кресла и направился к столу, где лежал его бумажник и остальное имущество.

— Минутку! — рявкнул Герод.

Тощий юноша ринулся к Варбеку и схватил его за руку, словно клещами.

— Да бросьте вы, — вспылил обреченный, — вы ведь сами видите, что все это дурацкая ошибка.

— Вот я вам покажу сейчас ошибку, вот я вам покажу сейчас дурацкую, — угрожающе заговорил Герод. — Делайте то, что вам велят.

— Ах, так! — Варбек высвободил руку и хлестнул Джо полотенцем по глазам. Затем он прошмыгнул к столу, схватил пресс-папье и запустил его в оконное стекло. Зазвенели осколки.

— Джо! — взвизгнул Герод.

Не теряя времени, Варбек сгреб телефон и набрал номер полицейского отделения. Одновременно он извлек зажигалку, высек огонь и бросил ее в мусорную корзину. В телефонной трубке послышался голос дежурного.

— Пришлите сюда полисмена! — крикнул Варбек

и ударом ноги отшвырнул пылающую корзину в середину комнаты.

— Джо! — надрывался Герод, затаптывая горящую бумагу.

Варбек усмехался. Он поставил телефон на место. Из трубки неслись пронзительные крики. Варбек прикрыл ее рукой.

— Договоримся? — осведомился он.

— Сукин ты сын! — рявкнул Джо и, отняв, наконец, кулаки от глаз, ринулся к Варбеку.

— Отставить! — крикнул Герод. — Этот псих вызвал фараонов. Оказывается, он все же чтит закон.

И, обращаясь к Варбеку, он жалобно добавил:

— Ну, будет вам. Пожалуйста. Мы на все согласны. Только, бога ради, отмените этот вызов.

Обреченный поднес к губам трубку.

— Говорит М. П. Варбек, — сказал он. — Я только что консультировался со своим адвокатом, как вдруг какой-то идиот с гипертрофированным чувством юмора влетел в контору и позвонил вам по этому телефону. Вы можете позвонить сюда и убедиться, что это так.

Он положил трубку, рассовал по карманам свое имущество и подмигнул Героду. Зазвонил телефон. Варбек взял трубку, уверил дежурного, что все в порядке, и снова положил ее. Затем, выйдя из-за стола, он протянул Джо ключи от своего автомобиля.

— Ступайте к машине, — распорядился он. — Я уж не знаю, куда вы там ее загнали. Откройте отделение для перчаток, достаньте оттуда конверт и принесите сюда.

— Пошел ты к черту! — огрызнулся Джо. Глаза его все еще слезились.

— Делайте то, что вам велено, — властно сказал Варбек.

— Погодите-ка, Варбек, — вмешался Герод. — Что это вы еще затеяли? Я обещал вам, что мы сделаем по-вашему, но все же...

— Я собираюсь объяснить вам, почему я заинтересовался Бьюкенанами, — ответил Варбек. — И я намерен заключить с вами союз. Вы и Джо очень подходящие партнеры для того, чтобы помочь мне разыскать

того единственного Бьюкенена, которого ищу я. Моему Бьюкенену всего десять лет, но он стоит сотни ваших вымышленных капиталов.

Герод вытаращил на него глаза.

Варбек вложил ключи в руку Джо.

— Ступайте, Джо, и принесите нам конверт, — сказал он, — а заодно распорядитесь, чтобы послали за стекольщиком.

Обреченный положил конверт на колено и бережно его разгладил.

— Директор школы, — начал он свой рассказ, — должен следить за всеми классами. Он наблюдает за процессом учебы, отмечает успехи, выявляет наболевшие вопросы и так далее. При этом он действует совершенно наугад. Точнее, объектом наблюдения служат школьники, взятые на выборку. У меня в школе девятьсот учеников. Не могу же я наблюдать каждого в отдельности.

Герод кивнул. Физиономия Джо выражала полнейшее недоумение.

— В прошлом месяце, просматривая работы учеников пятого класса, — продолжал Варбек, — я наткнулся на поразительный документ. — Он открыл конверт и извлек из него несколько листиков линованной бумаги, исписанных каракулями и усеянных кляксами. — Это сочинение написал ученик пятого класса Стюарт Бьюкенен. Ему сейчас лет десять или около того. Сочинение называется «Мои каникулы». Прочтите его, и вы сразу поймете, почему я разыскиваю Стюарта Бьюкенена.

Он перебросил сочинение Героду. Тот вытащил очки в роговой оправе и укрепил их на своем пухлом носу. Джо Давенпорт встал сзади патрона, заглядывая ему через плечо.

«МОИ КОНИКУЛЫ

Стюарта Бьюкенена

Этим летам я нависти своих друззей. У меня четверо друззей и все они очень харошие. Вапервых Том-

ми, который жевет в диревне и занимается астрономией. Томми сам построил сибе теллескоп из стикла шереной в 6 дюймов и сам поставил его. Он смотрит на звезды каждую ноч и давал мне смотреть даже когда шол проливной дощ...»

— Что это за дьявольщина? — возмутился Герод.

— Читайте дальше, — ответил Варбек.

— «...дощ. Мы видели звезды патомушто Томми пре делал к концу теллескопа одну штуку, которая вы совуется как пражжектар, такшто видно чириз дощ и все».

— Кончили уже об астрономе? — спросил Варбек.

— До меня что-то не доходит...

— Сейчас объясню. Томми не нравилось, что приходится дожидаться безоблачных ночей. Тогда он изобрел нечто способное проникать через облака и атмосферу... что-то вроде вакуумной трубки и может теперь пользоваться своим телескопом в любую погоду. Рассеивающий луч — вот что он изобрел.

— Чушь несусветная!

— В том-то и дело, что не чушь. Но читайте дальше.

— «Патом я поехал к Анне Марии и жил у нее целую ниделю. Там было очень весело, такак Анна Мария зделала бабоминялку, марков и шпенат она тоже берет...». Ничего не пойму, что это еще за «бабоминялка»?

— Бобоменялка — от слова «бобы». Стюарт не силен в правописании. «Марков» — это «морковь», а «шпенат» — «шпинат».

— «...шпенат и марков она тоже берет. Когда ее мама заставляет нас есть их, Анна Мария нажемает накнопку и с наруже они вточности какбыли, а в нутри привращаются в перог. Вишьневый и зимлиничный. Я спросил Анну Марию как, и она сказала, что припомошчи Енхве».

— Ничего не понимаю...

— А ведь все очень просто. Анна Мария не любит овощей. Но так как она не менее изобретательна, чем астроном Томми, то изготовила «бабоминялку». И пре-

вращает себе бобы в «перог». «Вишьневый и зимлиничный». Пироги она любит. Так же, как Стюарт.

— Вы с ума сошли.

— Вовсе нет. Все дело в детях. Они гениальны. Впрочем, что я говорю: гении — кретины по сравнению с ними. Для таких детей и слова-то не подберешь.

— Выдумки это, и больше ничего. Ваш Стюарт Бьюкенен фантазер, каких свет не видывал.

— Вы находите? Тогда объясните мне, что такое Енхве, при помощи которого Анна Мария производит трансформацию вещества. Мне пришлось поломать голову, но я все же докопался. Квантовое уравнение Планка $E = nhv$. Однако продолжайте, продолжайте. Самое главное еще впереди. Вы не добрались до ленивой Этель.

— «Мой друг Джорш делает маделли аиропланов очень харошие и маленькие. Руки у Джорша неуклюжие, поэтому он делает из пластелина человечков и велит им, чтоб строили аиропланы». А это еще как понять?

— Насчет самолетостроителя Джорджа?

— Да.

— Очень просто. Джордж создает крошечных роботов, и они строят за него самолеты. Толковый мальчик Джордж, но почитайте о его сестре, ленивой Этель.

— «Ево сестра Этель самая линивая девочка, которую я видел. Она высокая и толстая и нелюбит ходить пишком. Когда мама посылает ее в магазин, Этель мыслено идет в магазин, потом мыслено несет домой пакупки и прячется в комнате у Джорша, что бы мама незаметила, что слишком быстро. Мы с Джоршем дразним ее, зато что она толстая и линивая, но она ходит в кино бес платно и видела «Хопалонг Кэсиди» шестнадцать раз. Конец».

Герод в недоумении уставился на Варбека.

— Молодчина Этель, — сказал Варбек. — Ленится ходить пешком и прибегает к телетранспортировке.

Правда, потом ей приходится прятаться, чтобы мама не заметила, что она вернулась слишком быстро, а Джордж и Стюарт дразнят ее.

— Телетранспортировка?

— Разумеется. Этель проделывает весь свой путь мысленно.

— Да разве этакое возможно? — возмутился Джо.

— Было невозможно, пока не появилась ленивая Этель.

— Не верю я, — проговорил Герод. — Ни одному слову не верю.

— Вы считаете, что Стюарт попросту все выдумал?

— Разумеется.

— А как же тогда уравнение Планка $E=nhv$?

— Совпадение. Он и это придумал.

— Полно, возможны ли такие совпадения?

— Ну, значит, где-то вычитал.

— Десятилетний мальчик? Чушь!

— Говорю вам, не верю, и все! — заорал Герод. — Дайте мне сюда вашего мальчишку, и я за пять минут докажу вам, кто прав.

— Легко сказать — дайте... Мальчик ведь исчез.

— Как так?

— Словно в воду канул. Вот почему мне приходится навещать всех Бьюкененов в городе. В тот самый день, когда я прочел сочинения и велел вызвать ко мне для беседы ученика пятого класса Стюарта Бьюкенена, мальчик исчез. И с тех пор его никто не видел.

— А его семья?

— Семья тоже исчезла.

Варбек нагнулся к собеседнику и горячо заговорил:

— Нет, вы представьте себе только. Исчезли все следы и мальчугана и его родных. Все до единого. Об их семье помнит всего несколько человек, да и то смутно. Она исчезла.

— О господи! — воскликнул Джо. — Смылись, да?

— Вот именно. Вы очень точно выразились. Благодарю вас, Джо. — Варбек подмигнул Героду. — Ничего себе ситуация? Существует мальчик, все друзья которого — гениальные дети. Причем именно и прежде все-

го дети. Ведь все свои невероятные открытия они совершили из самых ребяческих побуждений. Этель телетранспортирует себя, так как ей лень ходить по маминым поручениям. Джордж создает роботов для того, чтобы они строили ему игрушечные самолетики. Анна Мария прибегает к трансформации вещества, потому что терпеть не может бобов. А мы еще не знаем, что вытворяют другие приятели Стюарта! Быть может, существует какой-нибудь Мэттью, который изобрел машину времени, когда не успевал приготовить к сроку домашнее задание.

Герод в изнеможении замахал руками.

— Да откуда столько гениев? Что такое вдруг стряслось?

— Не знаю. Выпадение атомных осадков? Фтористые соединения, которые мы глотаем с водой? Антибиотики? Витамины? Мы так напичкали свои организмы химией, что и сами не понимаем, что с нами творится. Я хотел было разобраться толком, но, как видите, не сумел. Стюарт Бьюкенен сперва проболтался, как ребенок, а когда я стал выяснять, что и как, струсил и сбежал.

— А вы считаете, что он тоже гений?

— Очень возможно. Ребята обычно выбирают себе подходящих друзей и по способностям и по интересам.

— И что же он за гений? В чем его талант?

— Не имею ни малейшего представления. Он скрылся, вот все, что я знаю. Замел за собой следы, уничтожил все документы, которые могли бы помочь мне определить его местопребывание, и развеялся, словно дым.

— Как он попал в вашу школу?

— Не знаю.

— Может, он какой-нибудь жулик? — предположил Джо.

— Гений бандитизма? — недоверчиво усмехнулся Герод. — Супермен? Десятилетний Мориарти?

— Что ж, возможно, что он гениальный вор, — проговорил обреченный, — хотя не следует придавать слишком большое значение его побегу. Обычная реакция застигнутого врасплох ребенка. В таких случаях

они или хотят, «чтобы ничего этого не случилось», или мечтают перенестись куда-нибудь за миллион миль. Однако если Стюарт Бьюкенен даже и в самом деле находится сейчас за миллион миль, мы все равно должны его найти.

— Чтобы узнать, способный он или нет? — спросил Джо.

— Нет, чтобы разыскать его друзей. Да неужели вам до сих пор не ясно? Ведь за обладание рассеивающим лучом наше командование никаких денег не пожалеет. А скажите на милость, возможно ли переоценить значение преобразователя материи? А как мы стали бы богаты, умей мы создавать живых роботов! И как могущественны стали бы мы, если бы овладели секретом телетранспортировки!

Наступила томительная пауза, затем Герод встал.

— Мистер Варбек, — сказал он. — Мы с Джо сопляки против вас. Спасибо вам, что вы берете нас в долю. Мы в долгу не останемся. Мы найдем парнишку.

Никто не может исчезнуть бесследно... даже предполагаемый гениальный преступник. Однако напасть на след порою очень не легко... даже специалисту по расследованию внезапных исчезновений. Существуют, впрочем, профессиональные приемы, о которых не подозревают дилетанты.

— Ну, кто так делает? — деликатно выговаривал Герод обреченному. — Зачем вам было обходить всех Бьюкененов? Бежать вдогонку за беглецом — это не метод. В таких случаях лучше поглядеть, не оставил ли он каких следов.

— Гений не может делать промахов.

— Допустим даже, что ваш парнишка гений. Неустановленного профиля. Все что угодно. Но ведь ребенок всегда останется ребенком. Уж что-нибудь да позабудет. А мы это обнаружим.

В течение трех дней Варбек познакомился с удивительнейшими методами слежки. Сперва они навели справку в почтовом отделении района по поводу семьи

Бьюкенен, проживавшей прежде в этой местности. Оставлена ли карточка с их новым адресом? Нет, карточка оставлена не была.

Затем они посетили избирательную комиссию. Каждый избиратель в городе прикреплен к какому-нибудь участку, и переезд его в другой район, как правило, должен быть зарегистрирован. Однако перемена места жительства семьею Бьюкенен в избирательной комиссии зарегистрирована не была.

Побывали они и в конторах газовой и электрической компаний. Клиенты этих компаний обязаны сообщать о перемене адреса. А в тех случаях, когда они покидают город, они обычно требуют вернуть им залог. Зарегистрирована ли подобная просьба клиентов по фамилии Бьюкенен? Нет, не зарегистрирована.

Существует закон, который обязывает всех водителей в случае переезда на новое место жительства уведомлять об этом Бюро Автотранспорта. Нарушение этого закона карается штрафом, тюремным заключением и еще более строгими мерами наказания. Получено ли такое уведомление от семейства Бьюкенен? Нет, не получено.

Они делали запрос и в корпорации Недвижимостей (владельцы многоквартирного здания на Вашингтон-Хейтс), в котором жильцы по фамилии Бьюкенен арендовали четырехкомнатную квартиру. Как и большинство подобных объединений, корпорация требовала от своих съемщиков, чтобы в договор об аренде были занесены фамилии и адреса двух поручителей. Можно ли узнать, кто поручался за квартиросъемщиков Бьюкенен? Нет, их арендный договор не сохранился в архиве.

— Возможно, Джо был прав, — жалобно говорил Варбек, сидя в конторе Герода, — мальчик, очевидно, и в самом деле гениальный преступник. Как смог он все предусмотреть? Каким образом добрался до каждой бумажонки и уничтожил их? Как он действовал? Подкупом? Шантажом? Воровством?

— Узнаем, когда он попадет к нам в руки, — угрюмо ответил Герод. — Ну, а пока... Пока что он обставил нас по всем статьям. Чисто сработал. Но одну

штучку я все же приберег про запас. Давайте сходим к управляющему домом.

— Я уже был у него, — возразил Варбек. — И спрашивал его. Он смутно помнит, что такая семья жила в доме, и ничего больше. Куда они переехали, он не знает.

— Он знает кое-что другое, до чего мальчишка, может быть, и не додумался. Давайте-ка выясним это.

Они подъехали к дому на Вашингтон-Хейтс и нагрянули к мистеру Джекобу Рюсдейлу, который обедал в своей полуподвальной квартире. Мистеру Рюсдейлу очень не понравилось, что его отвлекают от печенки под луковым соусом, но пять долларов оказались веским аргументом.

— Мы насчет семьи Бьюкенен, — начал Герод.

— Я ведь уже все рассказал ему, — перебил его Рюсдейл, указывая на Варбека.

— Так-то оно так. Но он забыл спросить у вас одну вещь. Можно мне спросить ее сейчас?

Рюсдейл воззрился на пятидолларовую бумажку и кивнул головой.

— Дело в том, что когда жильцы въезжают в дом или покидают его, управляющий домом обычно записывает название грузовой компании, которая осуществляет перевозку. Делается это для того, чтобы можно было подать жалобу, в случае если помещение будет попорчено во время перевозки имущества. Я адвокат и сталкивался с подобными вещами. Верно я говорю?

Рюсдейл подошел к заваленной бумагами полке, вытащил растрепанный журнал и, с шумом раскрыв его, принялся перелистывать страницы своими влажными пальцами.

— Ну, вот, — сказал он. — Грузовая компания Эвон. Грузовик № Г-4.

Никаких записей о переезде семьи Бьюкенен с квартиры на Вашингтон-Хейтс грузовая компания Эвон не сохранила.

— Мальчишка позаботился и об этом, — буркнул Герод.

Зато известны были имена рабочих, обслуживавших в день переезда грузовик № Г-4. И когда после окон-

чания работы они зашли в контору, Герод подробно расспросил их о поездке. Они припоминали ее смутно. Помнили только, что на перевоз вещей с Вашингтон-Хейтс ушел весь день, так как ехать пришлось к черту на рога, куда-то в Бруклин.

— Бог ты мой! В Бруклин! — пробормотал Герод. — А куда именно в Бруклин?

Где-то на Мэпл-парк-роу. Номер? Номер они не помнят.

— Купите карту, Джо.

Они обследовали карту Бруклина и разыскали на ней Мэпл-парк-роу. Она и в самом деле была у черта на рогах, где-то на самых задворках цивилизации, и занимала двенадцать кварталов.

— Бруклинские кварталы, — хмыкнул Джо. — В два раза длиннее любых других. Уж я-то знаю.

Герод пожал плечами.

— Мы почти у цели. Все, что нам остается, это поработать ногами. По четыре квартала на брата. Надо обойти каждый дом, каждую квартиру. Составить список всех мальчишек этого возраста. И если окажется, что он живет под вымышленным именем, Варбеку придется проверить весь список.

— Да ведь в Бруклине на каждый квадратный дюйм приходится по миллиону мальчишек,— возразил Джо.

— А нам с тобой придется по миллиону долларов на каждый потраченный день, если мы его разыщем. А ну пошли!

Мэпл-парк-роу — длинная извилистая улица, на которой громоздятся пятиэтажные доходные дома. А на тротуарах громоздятся детские коляски и старушки, восседающие на складных стульях. А на обочинах тротуаров громоздятся автомашины. А в сточной канаве громоздятся кучи извести, имеющие форму продолговатых бриллиантов, и детвора играет там по целым дням. И в каждой щелке кто-нибудь да живет.

— Совсем как в Бронксе, — заметил Джо, внезапно ощутив приступ тоски по дому. — Я уже десять лет, как не был у себя в Бронксе.

Он уныло побрел к своему сектору, с бессознатель-

ной ловкостью прирожденного горожанина прокладывая себе путь среди играющих мальчишек. Эта картина так и осталась в памяти у Варбека, ибо Джо не суждено было вернуться.

В первый день они с Геродом решили, что Джо напал на след. Они воспрянули духом. Однако на второй день они поняли, что каким бы горячим ни был этот след, он все же не мог подогревать энтузиазм Джо в течение сорока восьми часов. Тогда они приуныли. На третий день уже невозможно было скрывать от себя истину.

— Он мертв, — уныло сказал Герод. — Мальчишка отделался от него.

— Но каким образом?

— Просто убил.

— Десятилетний мальчуган? Ребенок?

— Вам хотелось узнать, в чем гениальность Стюарта Бьюкенена? Вот я и говорю вам, в чем его гениальность.

— Не верю.

— А куда девался Джо?

— Сбежал.

— Он и за миллион долларов не сбежит.

— В таком случае где труп?

— Спросите мальчишку. Он ведь гений. Небось изобрел такие штучки, которые и Дика Треси поставили бы в тупик.

— Но как он его убил?

— Спросите мальчишку. Он же гений.

— Герод, я боюсь.

— Я тоже. Хотите выйти из игры?

— Это уже невозможно. Если мальчик опасен, мы обязаны его найти.

— Гражданский долг, так, что ли?

— Называйте как хотите.

— Ну что ж, а я по-прежнему подумываю о деньгах.

И они вернулись на Мэпл-парк-роу, в четырехквартальный сектор Джо Давенпорта.

Передвигаясь осторожно, чуть ли не крадучись, они разошлись в разные концы сектора и принялись обхо-

дить дом за домом, постепенно приближаясь к середине. Этаж за этажом, квартира за квартирой, до самой крыши, затем вниз и в следующий дом. Это была медленная, кропотливая работа. Изредка они попадались на глаза друг другу, когда переходили из одного угрюмого здания в другое. Вот еще раз в дальнем конце улицы смутно промелькнула фигура Уолтера Герода, и больше Варбек его уже не видел.

Сидя в машине, он ждал. Его била дрожь.

— Я пойду в полицию, — шептал он, отлично зная, что никуда не пойдет. — У мальчика есть оружие. Он изобрел нечто столь же дурацкое, как то, что выдумали его друзья. Какой-то особенный луч, который позволяет ему по ночам играть в мраморные шарики, но заодно может уничтожать людей. Шашечная машина, обладающая гипнотической силой. Целая шайка роботов, которых он создал, чтобы играть в полицейских и разбойников, а теперь напустил на Герода и Джо. Десятилетний гений. Безжалостный. Опасный. Что же мне делать? Что мне делать?

Обреченный вышел из машины и побрел по направлению к тому кварталу, где в последний раз видел Герода.

— А что же будет, когда Стюарт Бьюкенен станет взрослым? — спрашивал он себя. — Что будет, когда они все повырастают? Томми, и Джордж, и Анна Мария, и ленивая Этель? Зачем я здесь? Почему не бегу отсюда?

На Мэпл-парк-роу спустились сумерки. Старушки сложили шезлонги и удалились с ними, как кочевники. Остались лишь машины, стоящие у тротуаров. Игры в сточной канаве прекратились, но под слепящими уличными фонарями затевались другие. Там появились пробки от бутылок, карты, стершиеся от частого употребления монеты. Багровый туман над городом начал темнеть, и сквозь него сверкала над самым горизонтом яркая искорка Венеры.

— Он, конечно, знает свою силу, — яростно шептал Варбек. — Он знает, как он опасен. Поэтому он и сбежал, что совесть нечиста. И поэтому он уничто-

жает нас сейчас друг за другом, усмехаясь про себя, коварное и злобное дитя, гений убийства...

Варбек стал посредине мостовой.

— Бьюкенен! — крикнул он.— Стюарт Бьюкенен!

Игравшие неподалеку мальчики прекратили игру и уставились на него.

— Стюарт Бьюкенен! — истерически взвизгнул Варбек. — Ты слышишь меня?

Его неистовые крики разносились далеко по улице. Вот приостановилось еще несколько игр.

— Бьюкенен! — неистовствовал Варбек. — Стюарт Бьюкенен! Выходи! Я все равно тебя найду.

Мир замер.

В тупичке между домом 217 и 219 по Мэпл-парк-роу Стюарт Бьюкенен, который спрятался за мусорными баками, вдруг услышал свое имя и пригнулся еще ниже. Ему было десять лет, он носил свитер, джинсы и тапки. Он решил, он твердо решил «не даваться им» на этот раз. Он решил прятаться до тех пор, пока не сможет благополучно прошмыгнуть домой. И, уютно расположившись среди мусорных бачков, он вдруг заметил Венеру, мерцавшую у западного горизонта.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя,— зашептал он, не ведая, что творит. — Сделай, чтобы сбылись мои желания. Звездочка яркая, первая зоренька, пусть все исполнится скоренько, скоренько. — Он помолчал и подумал. Потом попросил: — Благослови, господи, маму и папу, и меня, и всех моих друзей, и пусть я стану хорошим мальчиком, и пусть я всегда буду счастлив, и пускай все, кто ко мне пристает, уберутся куда-нибудь... далеко-далеко... и навсегда оставят меня в покое.

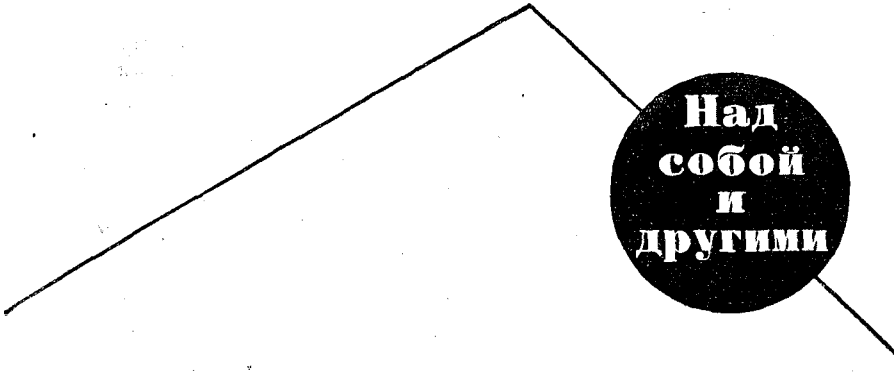
Марион Перкин Варбек, стоявший посредине мостовой на Мэпл-парк-роу, набрал полную грудь воздуха, чтобы издать еще один истерический вопль. И вдруг он очутился совсем в другом месте, где-то очень далеко, и шагал по дороге, по белой прямой дороге, которая рассекала тьму и вела все вперед и вперед. Унылая, пустынная, бесконечная дорога, уходившая все дальше, все дальше, все дальше в вечность.

Ошеломленный окружавшей его бесконечностью,

Варбек, как заведенный, тащился по дороге, не в силах заговорить, не в силах остановиться, не в силах думать. Он все шагал и шагал, совершая свой дальний путь, и не мог повернуть назад. Впереди виднелись какие-то крохотные силуэты, пленники дороги, ведущей в вечность. Вон то маленькое пятнышко, наверное, Герод. А крапинка еще дальше впереди — Джо Давенпорт. А перед ним протянулась все уменьшающаяся цепочка чуть видных точек. Один раз судорожным усилием ему удалось обернуться. Сзади смутно виднелась бредущая по дороге фигура, а за ней внезапно возникла еще одна... и еще одна... и еще...

А в это время Стюарт Бьюкенен настороженно ждал, притаившись за мусорными бачками. Он не знал, что уже избавился от Варбека. Он не знал, что избавился от Герода, Джо Давенпорта и от десятков других. Не знал он и того, что заставил своих родителей бежать с квартиры на Вашингтон-Хейтс, не знал, что уничтожил договоры, документы, воспоминания и множество людей в своем невинном стремлении быть оставленным в покое. Он не знал, что он — гений.

Гений желания.

Над
собой
и
другими

ФРЕДЕРИК БРАУН

ПРОСТО СМЕШНО!

Мистер Везеруокс допил вторую чашку кофе. В его голосе, когда он заговорил, чувствовалась твердая решимость.

— Моя дорогая, — сказал он, — обрати, наконец, самое серьезное внимание на то, чтобы в нашем доме больше не появлялось подобных небылиц.

— Хорошо, Джесон. Я просто не заметила...

— Разумеется, не заметила. Но ведь за то, что читает твой сын, отвечаешь в конце концов ты.

— Постараюсь быть более внимательной, Джесон. Я не видела, как он принес этот журнал, действительно не имела никакого представления, что...

— И я, конечно, пребывал бы в таком же блаженном неведении, если бы вчера вечером случайно не заглянул к нему под подушку. «Утопические истории»!

Кончики усов мистера Везеруокса задрожали от негодования.

— Такая абсурдная, безответственная писанина! — сказал он. — Путешествия в другие галактики через — гиперпространство! Одному богу известно, что это должно означать. Машины времени, телепортация, телекинез! Дичь какая-то. Просто смешно. Вместо того чтобы разумно употребить время на...

— Успокойся, мой дорогой, — сказала жена с легким оттенком нетерпения, — отныне я еще строже буду следить за тем, что читает Джеральд. Я с тобой совершенно согласна.

— Спасибо, моя дорогая, — удовлетворенно сказал

мистер Везеруокс. — Мы не должны допускать, чтобы наши дети засоряли себе голову подобным вздором.

Он взглянул на часы, поспешно поднялся и, поцеловав жену, отправился на службу.

Выйдя из квартиры, он шагнул в антигравитационную шахту и медленно спустился с высоты двухсот этажей на улицу, где к нему тут же подкатило одно из дежурящих здесь атомных такси.

— К Лунному Порту! — приказал он роботу-водителю.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, мистер Везеруокс закрыл глаза и сосредоточился на телепатическом выпуске последних известий. Он надеялся услышать что-нибудь новое о Четвертой Экспедиции на Марс, но это была всего лишь обычная передача из Центрального Института Бессмертия.

БОБ КУРОСАКА

КТО ВО ЧТО ГОРАЗД

По давней традиции семестр начинался в полной неразберихе. Курсовые журналы где-то затерялись; студенты бесцельно бродили по лекционному залу. Время от времени мою лекцию прерывало аханье, и к выходу, краснея, неуверенно пробирался очередной студент, наконец-то сообразив, что здесь читают курс дифференциальных уравнений, а не введение в философию.

Я рассказал, какие нужны учебники и какие будут самостоятельные работы, а потом произнес обычную фразу: «У кого есть вопросы?» Если бы вопросов не оказалось, я успел бы на автобус 11.20, идущий в Уивертаун; тогда можно было бы поиграть в гольф.

Поднялся какой-то студент; обе руки он держал в карманах.

— Профессор, а зачем нам этот курс вообще?

Аудитория тревожно загудела, нервно зашаркала ногами.

— Кто вы такой, молодой человек? — осведомился я.

— Бэроун, сэр. Фрэнк Бэроун.

— Так вот, мистер Бэроун, по требованию университетской программы все студенты, специализирующиеся в математике, обязаны пройти минимум...

— Это-то я знаю! — прервал он меня, но тут же поспешно добавил: — Сэр.

Я с улыбкой кивнул.

— Вот что меня интересует, — продолжал он. — Есть ли хоть какая-то практическая польза от изучения абстрактных понятий? Мне нужно совсем другое:

руководство в том, как стать полезным членом общества.

Я сделал вывод, что студент сбежал с философского факультета, но тем временем его низкий грудной голос и уверенные манеры уже покорили всю аудиторию. Прочие студенты ждали, что я отвечу. Я прокашлялся.

— Мистер Бэроун, — начал я, — что вы хотите вынести из университета?

— Еще не знаю, сэр. Я думал, два года учебы в колледже помогут мне выбрать профессию, но они не помогли. Понимаете, мне не приходится зарабатывать себе на жизнь.

Он заявил это так же просто, как мы с вами могли бы сказать: «У меня разболелись зубы».

— Откуда же вы берете средства к существованию, мистер Бэроун?

— Да вот, сэр, такой у меня... дар.

— Ах, так,— съехидничал я. — Очевидно, прикосновение Мидаса?

Тотчас же я раскаялся в своем ехидстве. Лицо Бэроуна побагровело. Он поделился со мной величайшей тайной, а я сделал из него посмешище.

— Гораздо лучше, профессор! — воскликнул он. — Смотрите!

Бэроун повел рукой в мою сторону. Лекторская кафедра бесшумно взмыла вверх и воспарила над моей макушкой. Кто-то вскрикнул. Я обернулся к аудитории и увидел, как Бэроун делает знак хорошенькой сокурснице. В тот же миг она попыталась прикрыть наготу общей тетрадью.

— Мистер Бэроун! — повысил я голос. — Достаточно!

— Нет еще, профессор!

Он замахал руками и стиснул пальцы, словно ловил бабочку. Когда он разжал кулаки, оттуда вылетел рой летучих мышей, которые беспорядочно закружились по залу. Студентки с визгом нырнули под стулья.

Надо было остановить Бэроуна. Я набрал побольше воздуху в легкие и загремел:

— Прекратить!

Неожиданно зал стих; все замерли. В напряжен-

ной тишине слышался лишь шорох мышиных крыльев да всхлипывание обнаженной девушки. Все глаза были устремлены на меня, даже глаза Бэроуна. Что ж, не ударю лицом в грязь.

Я повел бровью в сторону кафедры, и она мягко опустилась. Быстрый взмах руки вернул девушке одежду.

Я сцепил пальцы и сосредоточился. Потом, разжав кулаки, выпустил соколов. Они очистили воздух от летучих мышей и, вернувшись ко мне в ладони, послушно исчезли.

Аудитория превратилась в сплошной разинутый рот. Надо было разрядить обстановку.

— Есть еще вопросы?

Студенты молча покачали головами. Только Бэроун не шевельнулся.

— Прекрасно. К следующему разу прочтите страницы учебника с третьей по семнадцатую включительно. Решите все задачи на семнадцатой странице. Вы свободны.

Аудитория расходилась медленно. Бэроун, который покидал зал последним, замешкался у двери. Он оглянулся через плечо. На несколько секунд наши взгляды скрестились. Затем, словно приняв какое-то решение, он мрачно кивнул. Зубы его сверкнули в мимолетной улыбке, и он вышел, напевая песенку.

Я перевел дыхание и собрал свои конспекты. Выходя, я посмотрел на часы. 11.30.

Может, успею на следующий автобус — в 1.15.

АЛЬФРЕД БЕСТЕР

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

К концу 22-го столетия ценою денежных потерь и человеческих жертв, с которыми не может сравниться даже ущерб, нанесенный Последней Мировой Войной, было окончательно налажено сообщение между планетами солнечной системы.

Джон У. Лэкленд,
Метрополии солнечной системы

Венера, 10 июня. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но приготавливать «мартини» здесь абсолютно не умеют. Маразм! Ездила к той потрясающей портнихе, о которой рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять божественных туалетов. Том говорит: «Обмен валюты для нас чистая прибыль». Я: «Как это?» Он: «Доллар стоит у них больше, чем у нас». — «Так почему же не купить шесть платьев?» — спрашиваю я. «Меру знать надо», — отвечает он. А сам купил новую фотокамеру. Свинья!

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили нас в потрясающее бистро, где выступает Клайд Пиппин из нашего старого «Музыкального клуба». Я без ума от его песен. И от него самого. Том вогнал меня в краску, когда начал проверять счет с карандашом в руках. Нас, конечно, обжуливают, только, по мне, уж лучше делать вид, что нам на...ть. На очереди Марс и Сатурн. Потом альфа Центавра.

Единственное, что мешало практическому осуществлению связи с планетными системами отдаленных звезд, была недостаточная скорость транспортировки. Столетия упорных изысканий ушли на то, чтобы разрешить проблему «сверхсветовых скоростей», после чего путешествие к отдаленным мирам занимало уже не годы, а недели.

Зара Куберт,
История межгалактических путешествий

Альфа Центавра, 19 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, так что полный порядок. Но воду пить невозможно. Маразм! Ездила к тому потрясающему галантерейщику, о котором рассказывала Линда. Буквально за гроши отхватила пять ярдов дивных кружев. Туземцы жуткие неряхи и совершенно аморальны. Просто кошмар. А хамство! Том стал фотографировать какую-то их дурацкую церемонию. Поднялся дикий гвалт. Чуть не стащили его фотокамеру. Потом подходит чиновник и гнусит на ломаном английском: «Они говорят, больше нет, пожалуйста. Разбить». Том: «Что разбить?» Чиновник: «Религия. Таинство. Карточки не надо. Разбить». Том: «И у вас хватает наглости называть этот балаган религией?» Чиновник: «Да, пожалуйста». Потом показывает на фотокамеру: «Отдать, пожалуйста. Надо, пожалуйста, разбить». Том (мне): «Какова наглость? Требовать, чтобы из-за нескольких несчастных снимков я отдал им на растерзание четырехсотдолларовую камеру». — «Собор Парижской богоматери она не осквернила, — говорю, — сойдет и для этих». Том дал им денег, и мы ушли.

Трамбулы и Роджеры, оказывается, тоже тут. Водили их в потрясающее бистро, где сейчас выступает Клайд Пиппин. Я просто без ума от него. Когда услышала знакомые мелодии нашего старого «Музыкального клуба», со страшной силой потянуло домой. Том уморил нас всех, изображая из себя заезжее начальство. Он, дескать, сенатор с Сатурна и изучает обстановку. До смерти их перепугал. Я чуть не лопнула со смеху. Теперь Бетельгейзе.

Несходство культур породило столкновения, которые привели в конце концов к Великой Галактической Войне. Бетельгейзе, разоренный и отчаявшийся, пошел на крайне рискованный шаг. Правительство было свергнуто, и была установлена деспотия деловых кругов, возглавляемая экономическим диктатором Мадинной.

Артур Раскобер,
Политическая экономия вселенной

Бетельгейзе, 23 июля. Остановились в «Эксельсиоре». Все говорят по-английски, и это очень удобно. Не могу понять, откуда взялись слухи насчет бедности и каких-то там нехваток. Вздор. В отеле божественно кормят. Масла, сметаны, яиц хоть завались. Насчет угнетения тоже выдумки. Официанты, горничные и т. д. все время улыбаются, очень жизнерадостны. И даже самолеты при этом Мадинне стали летать регулярно.

Ходила к той нотрясающей косметичке, о которой рассказывала Линда. Наконец-то рискнула обрезать волосы. Очень шикарно, но боялась показаться Тому. Потом он все-таки увидел и взъярился. Сказал, что я похожа на заграничную шлюху. Со временем привыкнет.

Роджеры и Трамбулы, оказывается, тоже тут. Мы все ходили в это дивное бистро, где выступает Клайд Пиппин. Просто без ума от него. После двух месяцев путешествий я сделалась такой космополиткой, что сама ему представилась. Раньше и подумать бы об этом не посмела. Зато теперь откуда что взялось. «Мистер Пиппин, — говорю я ему, — я уже двадцать лет ваша поклонница. С самого детства». — «Спасибо, золотко», — отвечает он. «А от вашей «Развесистой кроны» я просто в восторге». — «Нет, это номер Чарли Хойта, золотко, — говорит он, — я эту песню никогда не пел». — «Но ведь автограф-то я все-таки прошу у вас, а не у Чарли Хойта», — не растерялась я и сама подивилась своей находчивости.

Завтра едем на Андромеду. Страшно волнуюсь. Апогей всего нашего путешествия.

Самым поразительным из сюрпризов, которые вселенная заготовила человеку, было, пожалуй, известие о том, что жителями Андромеды решена проблема передвижения во времени. В 2754 году был издан указ, позволяющий пользоваться машиной времени только историкам, ученым и студентам.

Старк Робинсон,

Темпоральный анализ

Андромеда, 1 августа. Остановились в «Эксельсиоре». Все божественно говорят но-английски. Мы с Томом тут же ринулись к начальству, вооруженные письмами из Торговой палаты, от сенатора Уилкинса и того самого Джо Кейта, чей племянник фактически руководит госдепартаментом. Просили разрешить нам экскурсию во времени. Те ни в какую: только в научных целях, слишком дорого, чтобы использовать для развлечения туристов. Тому пришлось в конце концов их постращать: слегка приврать, чуть-чуть пригрозить. Тогда они согласились. С этими кретинами всегда необходима твердость.

Том выбрал Лондон, 5 сентября 1665 года. «Это почему еще?» — спрашиваю я. «Дата Большого Пожара, уничтожившего Лондон, — отвечает он мне, — всю жизнь мечтал на него посмотреть». — «Не будь ребенком, — говорю я ему, — пожар он и есть пожар. Лучше поглядим наряды Марии Антуанетты». Том: «Ну уж нет! Это ведь я выцарапал разрешение на экскурсию. Так и смотреть мы будем то, что Я хочу». Эгоист! Пришлось обменивать деньги на валюту XVII века. Переодеваться в старинную одежду. Сомневаюсь, что ее как следует почистили. Я чуть было не отказалась от экскурсии.

И кто же был прав? Пожар как пожар. Мы, правда, купили божественное серебро и фарфор и десять потрясающих столовых приборов. Потом чайный сервиз. А Тому и вовсе грех жаловаться. Отхватил шесть мечей и шлем. Представляю, как все это будет выглядеть у нас в зале. Самое уморительное то, что мы почти ни слова не понимали. Эти лондонцы в 1665 году

даже на своем родном языке еще не выучились разговаривать!

На той неделе домой!

Передвижение в космическом пространстве со скоростью, превосходящей скорость света, породило физический парадокс. Он заключается в том, что хотя пассажиры космического корабля ощущают течение времени (субъективное время), их перемещение в пространстве происходит с такой быстротой, что для остальной части вселенной время путешествия практически равняется нулю (объективное время). Например, 1 августа с Андромеды на Землю отправляется космический корабль. К месту назначения он прибывает также 1 августа. Иными словами, время отправления и прибытия совпадает. Однако для тех, кто находился на корабле, путешествие длится неделю.

Оливер Нильсон,
Парадоксы космических путешествий

20 августа, дома. Хотя по дневнику уже 20 августа, здесь, на Земле, всего 14 июня. Вся эта муть насчет субъект. и объект. времени до меня совершенно не доходит. Мы проездили целых три месяца, а на Земле прошло всего лишь две недели. Кошмар какой-то. Такое ощущение, что я вообще никуда не уезжала.

Раздаем подарки. С Линдой никакого сладу. Уверяет, что просила привезти ей с Каллисто дико-розовый пеньюар, а не мертвенно-голубой. Ну не бред ли? Это к ее-то волосам дико-розовый! Том вне себя. Забыл снять колпачок, когда фотографировал Большой Пожар, и все снимки пропали. Теперь никто не хочет верить, что он оказался достаточно важной птицей, чтобы пролезть в машину времени.

Заходили Роджеры и Трамбулы. Звали нас на выпивон в новом «Колониальном клубе». Клайд Пиппин выступает там сейчас с божественной программой. Смертельно хотелось пойти, но пришлось отказаться. Я совершенно выдохлась. Вселенная — это, конечно, вещь, но жить в ней — благодарю покорно!

КИНГСЛИ ЭМИС

ХЕМИНГУЭЙ В КОСМОСЕ

Женщина смотрела на него, и он проделал еще один поиск. Снова ничего не вышло, но он знал, что один из них был где-то неподалеку. Так уж получается, что вы всегда это знаете. Через двадцать лет вы всегда знаете, когда один из них где-то неподалеку.

— Есть что-нибудь?

— Пока нет.

— Я думала, вы сразу сможете сказать, где найти этих тварей, — сказала она. — Я думала, мы наняли вас потому, что вы сразу наведете нас на одну из этих тварей. Я думала, для этого мы вас и наняли.

— Ну, ну, Марта, — сказал молодой человек. — Никому не дано найти ксиба там, где его нет. Даже мистеру Хардакру. Мы можем наткнуться на них в любую минуту.

Она отошла от них троих у пульта управления, и ее бедра, обтянутые облегающими брюками, вызывающе покачивались. Сука ты, подумал вдруг Филипп Хардакр. Проклятая, капризная, нудная, безмозглая сука. Ему стало жаль молодого человека. Он был симпатичный парень, и он был женат на этой проклятой, безмозглой суке, и он слишком боялся ее, чтобы послать ее отсюда к чертовой матери, хотя видно было, как ему этого хочется.

— Он где-то поблизости, — сказал старый марсианин, поворачивая к Филиппу Хардакру более крупную и более седую из своих двух голов. — Мы скоро увидим его.

Женщина прислонилась к борту корабля и посмотрела в иллюминатор.

— Не понимаю, для чего тебе понадобилось охотиться на этих чудовищ. Эти два дня мы могли бы прекрасно провести в Венуспорте, а мы томимся в этой стальной лоханке в двух световых годах от цивилизации. Ну что хорошего в ксибе, если ты даже его добудешь? Что ты этим докажешь?

— Ксиб является крупнейшей формой жизни в этой области галактики. — Молодой человек был школьным профессором или чем-то в этом роде, и вы могли догадаться об этом по его манере разговаривать. — Более того, здесь, в свободном пространстве, это единственное существо, наделенное способностью ощущать, и оно необычайно свирепо. Известны случаи, когда ксибы нападали на разведывательные корабли. Это самая жестокая из всех проклятых тварей, какие есть на свете, не правда ли?

— Да, пожалуй, — сказал Филипп Хардакр. — Так оно и было, хотя было еще и многое другое: свобода, и звезды во мраке, и люди, крошечные в своих скафандрах и испуганные, и все же смелые, и ксибы, тоже крошечные перед лицом бесконечности, и холодная радость, если ксиб попадался подходящий.

— Вог он, — сказал старый марсианин своим свистящим голосом, склоняясь к экрану меньшей головой. — Смотрите, леди.

— Не желаю, — сказала она, поворачиваясь спиной. По древним марсианским понятиям о чести это было смертельным оскорблением, и она знала это, и Филипп Хардакр знал, что она знала это, и в его горле была ненависть, но для ненависти не было времени.

Он поднялся от пульта. Сомнений не было. Новичок мог бы принять этот всплеск на экране за астероид или другой корабль, но через двадцать лет вы распознаете сразу.

— Надеть скафандры! — сказал он. — Выход за борт через три минуты.

Он помог молодому человеку надеть шлем, и случилось то, чего он опасался, — марсианин тоже достал свой скафандр и решительно втискивал в него заднюю пару своих ног. Он подошел к нему и традиционным жестом просьбы положил руку между двумя его шеями.

— Сейчас не твоя охота, Гхмлу, — сказал он на архаическом и церемонном марсианском языке.

— Я еще силен, а он большой и двигается быстро.

— Я знаю, но сейчас не твоя охота. Старики чаще бывают дичью, чем охотниками.

— Все мои глаза по-прежнему зорки, и все мои руки по-прежнему сильны.

— Но они медлительны, а должны быть быстры. Когда-то были быстры, но теперь медлительны.

— Хар-даша, твой друг просит тебя.

— Кровь моя — твоя кровь, как всегда. Только мысль моя кажется злою, старик. Я буду охотиться без тебя.

— Тогда доброй охоты, Хар-даша. Я жду тебя всегда, — сказало старое существо, применив ритуальную формулу покорности.

— Будем мы стрелять в этого проклятого кита или нет? — Голос женщины был резок. — Или вы с ним собираетесь свистеть друг другу всю ночь?

Он свирепо повернулся к ней.

— А вы вообще не суйтесь в это дело. Вы остаетесь на борту. Поставьте этот бластер обратно на подставку, снимите этот скафандр, — в горле у него пересохло. — Если вы попытаетесь пролезть за нами в тамбур, я немедленно поворачиваю на Венеру.

— Мне очень жаль, Марта, но ты должна слушаться, — сказал молодой человек.

Два тяжелых бластера системы Уиндэма-Кларка были уже заряжены, и пока они стояли в тамбуре и ждали, он перевел оба на максимум. Затем наружный люк скользнул в стену, и они оказались снаружи, охваченные ощущением свободы, и бесконечности, и страха, который не был страхом. Звезды были очень холодными, и между звездами зиял мрак. Звезд было не очень много, и там, где звезд не было, мрак был бесконечен. Звезды и мрак вместе — вот что давало ощущение свободы. Без звезд или без мрака не было бы ощущения свободы, только бесконечность, но со звездами и с мраком у вас была и свобода и бесконечность. Звезд было мало, и свет их был мал и холоден, и вокруг них был мрак.

Он сказал молодому человеку по радио:

— Вы видите его? Вон там, в направлении той большой звезды с маленьким спутником?

— Где?

— Смотрите, куда я показываю. Он нас еще не заметил.

— А как он нас заметит?

— Это неважно. Теперь слушайте. Когда он бросится, вы успеете сделать один выстрел. Всего один выстрел. Затем включайте ракеты на скафандре и летите вперед со всей быстротой, на которую вы способны. Это сбивает его с толку сильнее, чем движение вбок.

— Вы мне уже говорили.

— Я говорю вам еще раз. Один выстрел. У вас будет всего один выстрел. Приготовьтесь, он увидел нас, он поворачивает.

Гигантская прекрасная светящаяся масса сделалась узкой, когда устремилась на них, затем стала разбухать. Ксиб надвигался быстро, как все другие, которых он знал. Это был огромный быстрый ксиб и, видимо, достаточно подходящий. Наверняка можно будет сказать после первого броска. Ему хотелось, чтобы ксиб оказался подходящим ради молодого человека. Ему хотелось, чтобы молодой человек поохотился на славу на подходящего огромного быстрого ксиба.

— Стреляйте через пятнадцать секунд, затем включайте ракеты, — сказал Филипп Хардакр. — И сразу готовьтесь снова, у вас не будет много времени перед следующим броском.

Ксиб надвинулся, и молодой человек выстрелил. Он выстрелил слишком рано и слегка задел кончик хвоста. Филипп Хардакр подождал столько, сколько у него хватило смелости, и выстрелил в горб, где находились главные ганглии, и включил ракеты, не успев даже взглянуть, куда он попал.

Да, это был подходящий ксиб. По тому, как стало пульсировать его свечение, можно было сказать, что он ранен в нервный узел, или что там у него есть, но через несколько секунд он развернулся и начал

новый огромный прекрасный грациозный прыжок на охотников. На этот раз молодой человек выждал немного дольше и попал куда-то возле горба, и включил ракеты, как ему было сказано. Но тут ксиб вдруг снизился, что бывает только раз в ста случаях, и ксиб и человек оказались почти друг на друге. Единственное, что мог сделать Филипп Хардакр, это выпустить из своего Уиндэма-Кларка все заряды в надежде, что потеря такого количества энергии заставит ксиба изменить направление и броситься на него. Затем он ринулся вперед на предельной скорости и приказал по радио немедленно отступать к кораблю.

— Он чем-то обдал меня, и я потерял мой бластер, — послышался голос молодого человека.

— Возвращайтесь к кораблю.

— А мы успеем?

— Мы попробуем. Видно, ваш последний выстрел повредил его достаточно, чтобы он потерял скорость или чувство ориентировки, — сказал Филипп Хардакр. Он уже знал, что они пропали.

Ксиб был всего в нескольких милях над ними и начинал разворот для нового броска, двигаясь медленнее, *чем раньше, но все же недостаточно медленно. Вот что* грозит вам каждый раз, когда вы охотитесь на ксиба, и когда это в конце концов случается, это и есть конец охоты и конец свободы и бесконечности, но ведь должны они когда-нибудь кончиться.

Длинная струя света брызнула из корабля, и неожиданно ксиб засветился ярче, чем когда бы то ни было, и затем свечение его исчезло, и на его месте ничего не осталось.

Марсианин, скорчившись, лежал в тамбуре, и его клешни все еще сжимали третий Уиндэм-Кларк. Оба охотника ждали, пока захлопнется внешний люк и тамбур наполнится воздухом.

— Почему он не надел скафандр? — сказал молодой человек.

— Не было времени. Чтобы спасти нас, у него оставалось около минуты. Этого слишком мало, чтобы надеть марсианский скафандр.

— Что его убило? Холод?

— Пустота. Они быстро задыхаются без воздуха. Самое большее пять секунд. Как раз достаточно, чтобы прицелиться и выстрелить.

Да, он не был медлителен, подумал Филипп Хардакр.

В корабле их ждала женщина.

— Что случилось?

— Он погиб, разумеется. Он убил ксиба.

— Неужели для этого ему понадобилось умереть?

— На борту оставался только один бластер и только одно место, откуда можно было стрелять, — сказал Филипп Хардакр. Затем голос его стал тихим. — А вы все еще в скафандре?

— Мне хотелось узнать, как в нем себя чувствуют. Но вы сказали, чтобы я сняла его.

— Почему же вы не вышли с бластером в тамбур?

Ее глаза потускнели.

— Я не знала, как отпирается замок.

— Это знал Гхмлу. Он мог отпереть его отсюда. И вы умеете стрелять, так, во всяком случае, вы говорили.

— Мне очень жаль.

— Эти слова мне нравятся, — сказал молодой человек. Теперь он не был больше похож на школьного профессора, и он больше не боялся ее. — Это самые лучшие слова, которые мне приходилось слышать. И в этих словах есть еще кое-что. Мне очень жаль, вот что я тебе скажу, черт тебя подери, когда брошу тебя в Венуспорте и улечу на Землю один. Тебе ведь нравится Венуспорт, правда? Ну вот, я дам тебе шанс затеряться в нем.

Филипп Хардакр кончил складывать щупальца и руки на груди старого марсианина и пробормотал все, что помнил из прощального приветствия.

— Прости меня, — сказал он.

— Давай ужин, — сказал молодой человек женщине. — Да поживее.

— Это была твоя охота, — сказал Филипп Хардакр трупу своего друга.

Краткие сведения об авторах

АНДЕРСОН, Пол. Известный американский фантаст, лауреат премии Хьюго 1961 года за рассказ «Самое длинное путешествие» и 1964 года за рассказ «Нет перемирия с королями». Автор романов: «Волна интеллекта», «Планета, с которой не возвращаются», «Война крылатых людей», «Снега Ганимеда», «Орбита беспредельна». На русский язык переводился еще рассказ «Человек, который пришел слишком рано» (1965).

БЕСТЕР, Альфред. Американский драматург, радиосценарист, пишет романы, нередко обращается к жанру научной фантастики, в том числе и как критик. В 1953 году на конгрессе любителей научной фантастики получил премию его роман «Уничтоженный». Автор романов: «Разрушенный человек», «Моя цель — звезды». На русском языке публиковались рассказы «Феномен исчезновения» (1966), «Звездочка светлая, звездочка ранняя» (1966).

БИГГЛ-МЛАДШИЙ, Ллойд. Принадлежит к младшему поколению американских фантастов. В 1966 году вышел его роман «Ярость из времен». На русском языке публиковался рассказ «Музыкодел».

БРАУН, Фредерик. Американский писатель. Родился в 1906 году. Лауреат премии Эдгара По 1947 года за книгу «Золотая серьга». Автор 28 книг (данные 1965 года). На русском языке были опубликованы рассказы «Плассет — странная планета» (1962) и «Черный пробел» (1962, в соавторстве с Мак Рейнольдсом).

ГАНН, Джеймс. Американский писатель-фантаст, живет в Канзасе. Автор романов: «Мир — крепость», «Станция в пространстве», повестей «Где бы ты ни был», «Звездный мост» (в соавторстве с Джеком Вильямсоном). На русском языке публикуется впервые.

ГАРРИСОН, Гарри. Американский писатель, живет в Швеции. Автор романов: «Билл — герой Галактики», «Конец ми-

ра», «Мир смерти», «Этический инженер» — продолжение романа «Мир смерти». На русском языке публиковались рассказы «Смертные муки пришельца» (1965), «Под маской» (1966).

ДЖОУНС, Реймеонд Ф. Американский писатель. Наиболее ранние рассказы датированы 1946 годом. На русском языке была опубликована только повесть «Уровень шума».

КАТТНЕР, Генри. Известный американский писатель-фантаст (1914—1958). Печатался под псевдонимами Льюис Пэджет, Лауренс О'Доннел и др. Большинство произведений написал в соавторстве со своей женой Кэтрин Л. Мур. Автор романов «Долина огня», «Ярость», сборников рассказов: «Обгоняя время», «Возврат к чуждому», «Обходным путем к чуждому», «Жил-был гном», «У роботов нет хвостов», «Волшебная пешка». На русском языке опубликованы рассказы: «Шок», «Порочный круг» (1965), «А как же еще?» (1966).

КИЗ, Дэниел. Американский писатель и педагог. В прошлом редактировал научно-фантастический журнал «Марвэл». Автор романа «Суд равных». На русском языке публиковался только рассказ «Цветы для Элджернона».

КРЭЙН, Роберт (псевдоним). Английский писатель. Во время второй мировой войны работал в разведотделе Королевских воздушных сил, после войны — в министерстве иностранных дел Великобритании. На русском языке публикуется впервые.

КУРОСАКА, Боб. Американский писатель. Родился в 1936 году. Преподает математику в одном из колледжей США. О своем увлечении научной фантастикой Куросака говорит: «Если бы я был профессором, считали бы, что это мое призвание, если бы я был доцентом, говорили бы, что это мое хобби, но я только преподаватель, и все уверены, что это моя блажь». На русском языке публикуется впервые.

МОРРИСОН, Уильям — псевдоним американского ученого-химика Самэчсона Джозефа. Произведения в жанре научной фантастики пишет с 1945 года. Начал печататься в журнале «Гэлэкси». Известна его повесть «Хитрый Бангерхоп». На русском языке публиковался только рассказ «Мешок».

ПОЛ, Фредерик. Известный американский писатель-фантаст. Долгое время работал в соавторстве с С. М. Корнблатом. Редактировал несколько научно-фантастических журналов, в том числе «Гэлэкси». Автор книг: «Переменные течения», «Прогулка пьяного», «Дело против завтрашнего дня», «Корабль не-

вольников», «7 раз завтра». В соавторстве с Корнблатом написаны книги: «Торговцы космосом» — в русском переводе называется «Операция «Венера», «Тонущий город», «Президентский год», «Ищи в небе», «Гладиатор по закону».

РАССЕЛ, Эрик Фрэнк. Американский писатель. Автор романов: «Слепень» (1957), «Ближайший родственник» (1962) и повести «Работа ногами» (1958). На русском языке публиковались еще рассказы «Ночной мятеж» (1964), «Аламагуса» (1966).

САЙМАК, Клиффорд Д. Известный американский писатель-фантаст. Родился в 1904 году в штате Висконсин, окончил Висконсинский университет. Живет на Среднем Западе, редактор газеты «Миннеаполис Стар». Лауреат Интернациональной премии фантастов за роман «Город» (1953), лауреат премии Хьюго 1958 года за рассказ «Необъятный двор» (есть русский перевод) и 1964 года за роман «Пересадочная станция». Написал примерно десять романов, более ста рассказов. Неоднократно переводился на русский язык.

СЕНТ-КЛЭР, Маргарет. Американская писательница. Иногда пишет под псевдонимом Себрайт Идрис. Значительную долю ее творчества составляют фантастические рассказы. На русском языке публикуется впервые.

СИЛЬВЕРБЕРГ, Роберт. Один из ведущих фантастов США. Заведует отделом критики в научно-фантастическом журнале «Эмейзинг». Первая публикация в жанре научной фантастики — рассказ «Ум для бизнеса» в 1956 году. Известны его повесть «Песни лета», роман «13-й бессмертный» и сборник рассказов «К иным мирам». На русском языке публикуется впервые.

ТОМАС, Теодор Д. — американский писатель. На русском языке публиковался его рассказ «Двое с Луны» (1960).

ТЭНН, Уильям — псевдоним английского писателя Класса Филиппа. Первые произведения в жанре научной фантастики публиковал в журнале «Гэлэкси». Известны его сборники рассказов «Из всех возможных миров» и «Срок авансом». На русском языке публиковался рассказ «Игра для детей» (1965).

ЧАНДЛЕР, Бертран. Американский писатель-фантаст. К 1965 году его рассказы входили в 8 антологий. Автор книг «Верните вчерашний день», «Встреча в затерянном мире», «Корабль оттуда», «Край космоса», «За краем Галактики», «Витки времени», «В параллельном мире», «Императрица кос-

моса», «Переменчивые марсиане», «Космические наемники». На русском языке публикуется впервые.

ЭМИС, Кингсли. Известный английский писатель, представитель «рассерженных молодых людей». Родился в 1922 году в Лондоне. Учился в Оксфорде и Кембридже. Первый роман — «Счастливчик Джим» (есть русский перевод). Затем романы: «Это неопределенное чувство», «Мне здесь нравится», «Девушка вроде тебя», «Один толстый англичанин». В 1960 году Эмис опубликовал большую литературоведческую работу, посвященную научной фантастике, — «Новые карты ада». Последний роман Эмиса «Лига объединившихся против смерти» (1966) включает в себя элементы научной фантастики.

ЭЛБИ, Сампер Джордж. Американский писатель, на русском языке публикуется впервые.

ЯНГ, Роберт Ф. Американский писатель, на русском языке публиковался только рассказ «Девушка-одуванчик». Автор сборника «Миры Роберта Ф. Янга».

Содержание

ЭТО НЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ (вместо предисловия) *Р. Подольный* 5

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Пол Андерсон.
ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ. *Перевод с английского А. Бородаевского* 21
ЗОВИТЕ МЕНЯ ДЖО. *Перевод с английского А. Бородаевского* 40

Клиффорд Саймак.
КИМОН. *Перевод с английского Д. Жукова* 85

КОГДА ВЫХОДА НЕ ВИДЯТ

Роберт Крэйн.
ПУРПУРНЫЕ ПОЛЯ. *Перевод с английского Н. Евдокимовой* 143

Уильям Тэнн.
НУЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ. *Перевод с английского А. Иорданского* 157

Маргарет Сент-Клэр.
ПОТРЕБИТЕЛИ. *Перевод с английского Кир. Булычева* 171

Джордж Самнер Элби.
ВЕРШИНА. *Перевод с английского С. Васильевой* . . . 181

Альфред Бестер.
ФЕНОМЕН ИСЧЕЗНОВЕНИЯ. *Перевод с английского Ю. Абызова* 196

МОЖЕТ БЫТЬ...

Эрик Фрэнк Рассел.
ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ. *Перевод с английского Н. Евдокимовой* 219

Уильям Моррисон.
МЕШОК. *Перевод с английского С. Бережкова* 239

Дэниел Киз.
ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА. *Перевод с английского С. Васильевой* 262

Ллойд Биггл-младший.
«КАКАЯ ПРЕЛЕСТНАЯ ШКОЛА!..» *Перевод с английского Н. Евдокимовой* 295

Рэймонд Ф. Джоунс.
УРОВЕНЬ ШУМА. *Перевод с английского Б. Колтового и Ю. Логинова* 334

Роберт Силверберг.
ТИХИЙ ВКРАДЧИВЫЙ ГОЛОС. *Перевод с английского Н. Евдокимовой* 370

Бертран Чандлер.
ПОЛОВИНА ПАРЫ. *Перевод с английского И. Почиталина* 394

Гарри Гаррисон.
МАГАЗИН ИГРУШЕК. *Перевод с английского И. Почиталина* 401

Фредерик Пол.
Я — ЭТО ДРУГОЕ ДЕЛО. *Перевод с английского Л. Мишина* 408

Теодор Томас.
СЛОМАННАЯ ЛИНЕЙКА. *Перевод с английского Кир. Булычева* 416

НИГДЕ И НИКОГДА

Джеймс Ганн.
ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ. *Перевод с английского Ю. Эстрина* 425

Роберт Янг.
ДЕВУШКА-ОДУВАНЧИК. *Перевод с английского Э. Гершевич и Д. Жукова* 479

Генри Каттнер.
СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ. *Перевод с английского В. Панова* 494

Альфред Бестер.
ЗВЕЗДОЧКА СВЕТЛАЯ, ЗВЕЗДОЧКА РАННЯЯ. *Перевод с английского Е. Коротковой* 511

НАД СОБОЙ И ДРУГИМИ

Фредерик Браун.
ПРОСТО СМЕШНО! *Перевод с английского Л. Мишина* 535

Боб Куросака.
КТО ВО ЧТО ГОРАЗД. *Перевод с английского Н. Евдокимовой* 537

Альфред Бестер.
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК. *Перевод с английского Е. Коротковой* 540

Кингсли Эмис.
ХЕМИНГУЭЙ В КОСМОСЕ. *Перевод с английского С. Бережкова* 545

Краткие сведения об авторах (Составитель А. Евдокимов) 551

АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ английских и американских писателей. М., «Молодая гвардия». 1967. 560 с. (Б-ка современной фантастики в 15-ти т. Т. 10). И. Редактор *Б. Клюева.* Художественный редактор *А. Степанова.* Технический редактор *И. Егорова.* Подписано к печати 12/I 1967 г. Бум. 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 17,5 (29,4). Уч.-изд. л. 27,2. Тираж 215 000 экз. Заказ 2155. Цена 1 р. 62 к. Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

СОДЕРЖАНИЕ:
11—15 томов

БИБЛИОТЕКИ
СОВРЕМЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

Том 11. США.

Курт ВОННЕГУТ (мл.),
УТОПИЯ 14.

Роберт ШЕКЛИ,
РАССКАЗЫ.

Том 12. Чехословакия.

Карел ЧАПЕК,
ФАБРИКА АБСОЛЮТА,
ПЬЕСЫ.

Том 13. Франция.

Пьер БУЛЛЬ,
ПЛАНЕТА ОБЕЗЬЯН,
РАССКАЗЫ.

Том 14—15. СССР.

АНТОЛОГИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПОВЕСТЕЙ
И РАССКАЗОВ.